

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVI

ИВИМ К

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

М. И. Артамонов

Редакционная коллегия:

**Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятнин,
Т. Н. Книпович, А. П. Окладников, А. Ю. Якубовский**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С т а т ь и

	Стр.
И. И. Л я п у ш к и н. Раннеславянские поселения Днепроовского лесостепного Левобережья	7
М. И. А р т а м о н о в. Белая Вежа	42
М. К. К а р г е р. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде	77
А. Н. Р о г а ч е в. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону	100
С. А. С е м е н о в. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I	120
М. П. Г р я з н о в. Памятники карасукского этапа в центральном Казахстане	129
В. О. В и т т. Лошади Пазырыкских курганов	163
А. А. И е с с е н. Ранние связи Приуралья с Ираном	206
М. М. Х у д я к. Раскопки святилища Нимфея	232
К. В. Т р е в е р. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках	282

М а т е р и а л ы

Л. Н. И в а н ь е в. Археологические находки в окрестностях Владивостока	289
Н. А. К о з ы р е в. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области	299
Г. И. Г о р е ц к и й. Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье	302
А. П. О к л а д н и к о в. Новые неолитические находки на Ангаре, в районе дер. Кежмы	320
М. Ф. Р о з е н. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике на Алтае	327
В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане	331

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией
АИЗ	— Археологические известия и заметки. Изд. Моск. археолог. общества
АЮЗР	— Акты юго-западной России
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВСОРГО	— Восточно-сибирское отделение Русского географического общества
ВУАН	— Всеукраинская Академия Наук
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМЭ	— Государственный Музей этнографии (Ленинград)
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов АН СССР
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАН КССР	— Известия Академии Наук Казахской ССР
ИАН ООН	— Известия Академии Наук, Отделение общественных наук
ИАН СССР	— Известия Академии Наук СССР
ИГАИМК	— Известия ГАИМК
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ	— Материалы по этнографии. Изд. Гос. Русского музея
НВ	— Новый Восток
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ОИПМК	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ИИМК	— Проблемы истории материальной культуры
СА	— Советская археология
Тр .АС	— Труды I—XV Всероссийских археологических съездов
АJA	— American Journal of Archaeology
AM	— Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
JHS	— The Journal of Hellenic Studies

СТАТЪИ

И. И. ЛЯПУШКИН

РАНЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Среди древних поселений, известных в области Днепровского лесостепного Левобережья, поселения славяно-русской культуры составляют самую многочисленную группу. Их насчитывается около сотни. Они распространены по всей территории от Днепра до Северского Донца и от Ворсклы до Сейма. Как и поселения других культур этой территории, концентрируются они по отдельным районам неравномерно. Однако из этого пока что едва ли следует делать окончательный вывод о плотности заселения тех или других мест. Здесь, повидимому, мы имеем дело с той же самой картиной, что и для других эпох, например для первой половины I тысячелетия н. э.: мы знаем больше памятников в тех частях Левобережья, которые лучше обследованы, и совершенно не знаем их на необследованных участках.¹ Таковым является бассейн верхнего течения р. Ворсклы от с. Хотмыжска до с. Петровского. Лишь о степной полосе Левобережья, лежащей к югу и востоку от водораздельной линии среднего и нижнего течения рек Ворсклы и Орели и верхнего течения р. С. Донца с одной стороны и Орели и Оскола — с другой, можно более или менее уверенно утверждать, что памятников славяно-русской культуры там нет или же они крайне малочисленны.

Поселения славянской культуры хронологически не составляют единого целого. Сейчас еще трудно судить, что представляет собой каждое из них в отдельности. Это дело дальнейших исследований, когда поселения будут тщательно изучены путем раскопок. Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении материалы, характеризующие культурно-хронологический облик поселений, позволяют нам расчленить эти памятники лишь на большие хронологические группы. Таких групп намечается три:

- 1) поселения (городища и селища) роменско-боршевского типа (VIII—X вв.);
- 2) поселения (городища и селища) с отложениями культуры роменско-боршевского типа и великокняжеской поры (VIII—XIII вв.);
- 3) поселения (городища и селища) великокняжеской поры (X—XIII вв.).

В настоящей работе мы остановимся лишь на раннеславянских поселениях VIII—X вв., т. е. на первой группе, и на слоях, относящихся к той же поре поселений второй группы.

¹ И. И. Л я п у ш к и н. Памятники культуры «полей погребений» первой половины первого тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 9—10

Раннеславянские поселения VIII—X вв. Днепровского Левобережья известны в литературе под названием городищ роменского или роменско-боршевского типа. Название это ими было получено от имени двух групп городищ — Роменской, исследованной Н. Е. Макаренко в начале XX в. (Монастырище, Медвежье, Вашкевича, Глинск и др.), и Боршевской, исследованной в конце 20-х — начале 30-х годов П. П. Ефименко.¹ Это не значит, однако, что славянские поселения VIII—X вв. этого типа в области Левобережья ранее известны не были. Поселения эти входят в научный обиход еще с начала XIX в. Больше того, некоторые из них уже тогда подвергаются научному изучению. Укажем на исследование А. Дмитриюкова в 1829 г. городищ у с. Горналя (б. Белогорского монастыря).² Им были произведены здесь раскопки курганов с трупосожжением и труположением. Очень осторожно А. Дмитриюков ставит вопрос: не были ли эти курганы славянскими?

Одновременно с курганами А. Дмитриюковым были подвергнуты небольшим раскопкам находящиеся вблизи курганов два городища, известные в настоящее время как поселения роменско-боршевского типа. Основываясь на сходстве материалов, добытых при раскопках курганов и городищ, но не давая им, однако, никакой характеристики, А. Дмитриюков так же осторожно ставит вопрос: не являются ли городища остатками древнерусского города.³ Дальше этих предположений автор не пошел. В частности, им не была определена хронология городищ.

В 1839 г. В. Пассеком было исследовано так называемое Каганово (Донецкое) городище,⁴ известное в настоящее время как поселение, содержащее отложения славянской культуры роменско-боршевского типа и великокняжеской поры.⁵

Во второй половине XIX в. профессор Харьковского университета Ю. И. Морозов исследовал Хорошевское городище.⁶ Это городище, наряду с отложениями скифского времени, содержало отложения славянской культуры VIII—X вв. роменско-боршевского типа и великокняжеской поры.

Большое количество поселений, содержащих отложения культуры роменско-боршевского типа, в области Левобережья в бассейне рек Ворсклы, Псла и Сулы было обследовано В. Г. Ляскоронским в конце XIX — начале XX в. Таковы городища Опошнянское, Глинское, Сары, Басивка, Лубны, Медвежье и ряд других.⁷

¹ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевского типа. СА, IX, 1947, стр. 121 сл.

² А. Дмитриюков. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах. Вестн. РГО, 1851, ч. 11, кн. 4, СПб., 1854. — Он же. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Тр. Курск. губ. статистич. ком., вып. 1, Курск, 1863, стр. 506—517.

³ А. Дмитриюков. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах, стр. 26—37.

⁴ В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. истор. сб., т. III, кн. 2, М., 1840, стр. 201—229.

⁵ В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII Археологического съезда. Донецкое городище. Тр. XII АС, т. I, М., 1905. — Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. в 1905 г., I. Донецкое городище. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 119—120.

⁶ Ю. И. Морозов. О городищах Харьковской губ. Тр. Харьк. ком. по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 82—97.

⁷ В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные змеевые валы в бассейне р. Сулы. Тр. XI АС, т. I, М., 1901. — Он же. Городища, курганы и длинные (змеевые) валы по течению рек Псла и Ворсклы. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907.

Однако в силу того, что исследователи не могли отличить материальную культуру поселений одного периода от культуры другого периода, в частности славянских древностей VIII—X вв. от древностей предшествующей поры,¹ все обследованные городища рассматривались лишь как «остатки древних поселений» вообще.

В начале XX в., после исследования Н. Е. Макаренко группы городищ в районе г. Ромны, вопрос о славянских поселениях до X в. приобрел большую определенность, но все же окончательно разрешен не был.

Исследователь этих поселений Н. Е. Макаренко был весьма осторожен в определении как этнического облика населения, оставившего эти городища, так и датировки их. Дальше «предположений и догадок» он не шел.² Более определенны были выводы других исследователей, занимавшихся памятниками славяно-русской культуры. Автор исследования «Славянские курганы и городища как исторический источник», характеризуя славянские городища, отмечает в числе других и городище Монастырище.³ К славянским поселениям до X в. относит Роменское городище и А. А. Спицын. В статье «Археология в темах начальной русской истории» он прямо писал, что «древним городищем, скорее всего северянским, следует считать Роменское, раскапываемое Макаренко (ИАК, вып. 22). Может быть, оно IX в.»⁴ Однако это была скорее интуиция, чем научно обоснованный вывод.

Только раскопки П. П. Ефименко в конце 20-х — начале 30-х годов на городищах воронежской группы (Б. Боршево, М. Боршево, Кузнецова дача, Михайловский кордон) внесли ясность в наше представление о характере славянской культуры до X в. в лесостепной полосе.⁵

В свете этих новых данных более отчетливо выступили славяно-русские поселения до X в. и на Левобережье. Правда, имевшиеся в распоряжении исследователей материалы первоначально позволили выделить лишь незначительную группу поселений, которые возможно было отнести к этому типу. Основная масса их концентрировалась в бассейне верхнего течения р. Сулы (Монастырище, Медвежье, Вашкевичи, Глинск).⁶ Но отдельные поселения оказались и в других районах Левобережья: в бассейне р. Десны — городище у оз. Буромки,⁷ в бассейне р. Псла — городище Крейдиче близ г. Сумы,⁸ Гочевское — близ г. Обояни,⁹ в бассейне Северского Донца — Донецкое.¹⁰

¹ ЗРАО, нов. сер., вып. XII, стр. 404—408.—ОАК, за 1905 г., СПб., 1908, стр. 98—99.

² Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907. — М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ Роменського типу. *Niederlänv Sbornik*. — Микола Макаренко. Городище Монастирище. Науков. збірн. істор. секції УАН, 1924, т. XIX. См. также: И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры, стр. 121 сл.

³ Сборник археологического музея Высших женских курсов в Киеве, вып. 1. Киев, 1914, стр. 17—18.

⁴ Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 10.

⁵ П. П. Ефименко. Раннеславянское поселение на Среднем Дону. Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 2. — П. П. Ляпушкин. О датировке городищ. — И. П. Ефименко и П. П. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, вып. 8, М.—Л., 1948.

⁶ См. отмеченные выше работы Н. Макаренко.

⁷ ИТУАК, вып. 47, стр. 135—151.

⁸ С. Магура. Археологічні досліді на Сумщині, року 1929-го. Хроніка археології та мистецтва, ч. 1, Киев, 1930.

⁹ Д. Я. Самоковцов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда Курской губ. М., 1915. — Атлас Гочевских древностей, М., 1915.—Б. А. Рыбаков. Анти и Киевская Русь. ВДП, 1939, № 1 (6).

¹⁰ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г., 1. Донецкое городище. ИАК, вып. 19, стр. 119—120.

Не было никакого сомнения в том, что славянские поселения до X в. будут выявлены и в других районах Левобережья. Разведочные работы в этом крае, начатые в 1938 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР (Ленинград) совместно с Институтом археологии АН УССР, полностью подтвердили это предположение.

За время с 1938 по 1948 г. (1938, 1940, 1945, 1946, 1947, 1948 гг.) Левобережная экспедиция провела обследование берегов основных левых притоков Днепра — Орели, Ворсклы, Псла, Сулы, нижнего течения Десны, Сейма, а также берегов рек бассейна верхнего течения Северского Донца (С. Донец до устья Оскола, Оскол и Уды) и выявила среди многочисленных древних поселений, как известных ранее, так и вновь открытых, не один десяток раннеславянских поселений роменско-боршевского типа. Экспедиции удалось проследить южные, восточные и западные (в пределах Левобережья) границы распространения этих поселений. На востоке граница их проходит по верховьям рек Сейма (поселение у с. Городище на р. Рати), Псла (поселение у с. Картамышево близ Обояни), Ворсклы (поселение в с. Хотмыжске Борисовского района). Близ устья р. Уды славянские поселения роменско-боршевского типа выходят на берег С. Донца (поселение у с. Мохнача). По берегам р. Оскола раннеславянских поселений не обнаружено совершенно.

Южная граница роменско-боршевских поселений проходит по нижнему течению рек Уды [поселения у сс. Водяное, Хорошево, Карачевка (Донецкое городище)] и Ворсклы [Полтава, Решетники (б. Ст. Сенжары)].

Самой южной, известной в настоящее время, точкой этих памятников является поселение у с. Решетники (правый берег нижнего течения р. Ворсклы), обнаруженное экспедицией в 1946 г. Южнее по Ворскле, а также в бассейне Орели поселений роменско-боршевского типа не выявлено.

Западная граница распространения поселений роменско-боршевского типа в области Левобережья проходит по линии Сосница на Десне (городище у оз. Буромка) — Лубны на Суле (городище в г. Лубнах) — Решетники на Ворскле (городище у с. Решетники). За этой линией вплоть до берега Днепра ясно выраженных поселений роменско-боршевского типа не известно. Отдельные элементы раннеславянской культуры в виде обломков лепной керамики были выявлены на селище близ с. Горицы в урочище Дворище (правый берег р. Десны между Черниговом и Сосницей). Остатки раннеславянской культуры до X в., близкие к роменско-боршевскому типу, были обнаружены на городище у с. Шестовицы (правый берег р. Десны близ Чернигова).¹

Мы не касаемся здесь северной границы распространения роменско-боршевских поселений, поскольку они в этом направлении выходят далеко за пределы исследуемой нами территории (бассейн р. Десны).² По сути дела левобережные лесостепные роменско-боршевские поселения — лишь незначительная и к тому же, повидимому, более поздняя группа большого массива раннеславянских поселений пограничной полосы лесостепи и леса.

Из изложенного выше с полной очевидностью следует, что раннеславянские поселения в области Левобережья имели хотя и широкое, но далеко не повсеместное распространение: они совершенно не обнаружены в степной части, но и в лесостепи встречены не везде, а лишь в районах с явно лесным ландшафтом (бассейны рр. Сейма, верхнего и среднего течения Псла, Сулы, Ворсклы). В безлесных районах их нет.

¹ Раскопки И. В. Стапкевич 1946 г. и Д. И. Блифельда 1948 г.

² М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77.

Показательными в этом отношении являются прибрежная полустепная полоса Приднепровья (нижнее течение рек Десны, Сулы, Псла, Ворсклы) и полустепной район верховьев рек Сейма, Псла, Ворсклы и Северского Донца (см. карту, рис. 20).

В очерченных выше границах территории поселения размещены, как правило, близ водных бассейнов — по берегам рек и озер. Чаще всего они расположены по правым высоким берегам рек в точках, господствующих над окружающей территорией. Но они встречаются и в долинах рек, в болотистых малодоступных местах (Осмолово, Банище). Обычно поселения размещены группами от двух до четырех на расстоянии 3—5 км. одно от другого.

Подавляющее большинство известных нам раннеславянских поселений роменско-боршевского типа были полностью или частично укреплены. В первом случае остатки таких поселений дошли до нас в виде городищ, во втором — в виде городищ и прилегающих к ним селищ. На Левобережье можно указать лишь две-три точки (Авдеево, Ворожба, Чернечина), где культурные отложения поселений этой поры были обнаружены вне связи с укреплениями (городищами), хотя не исключена возможность, что и эти поселения в прошлом были укрепленными. Косвенным подтверждением этого положения служит то, что два из этих поселений (Авдеево и Ворожба) у местного населения и по сей день называются «городищами». Насколько нам известно, термин «городище» никогда не применяется к местам неукрепленных поселений. Повидимому, время и человеческая деятельность уничтожили следы бывших здесь когда-то укреплений, а старые названия дожили до наших дней.¹

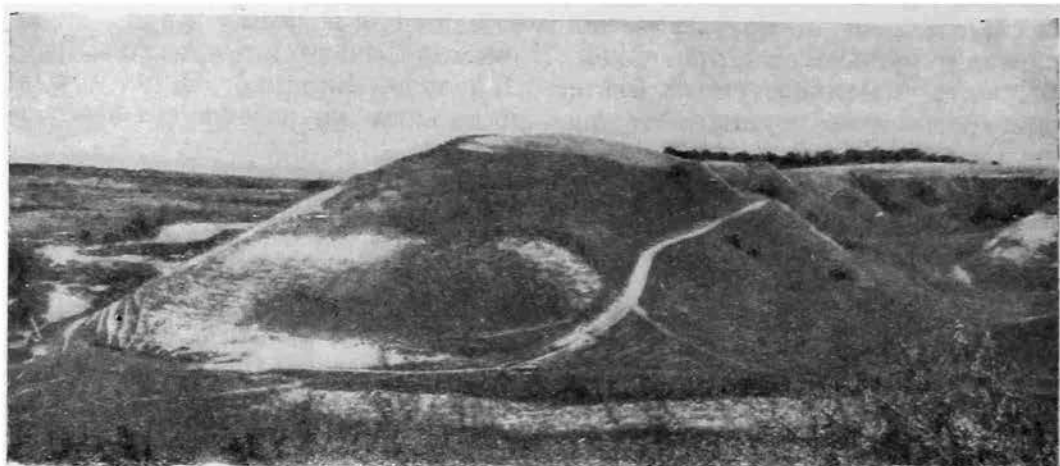
Переходя к описанию внешнего вида дошедших до нас остатков раннеславянских поселений, сделаем одно небольшое, но весьма существенное примечание. Суть его сводится к следующему: несмотря на то, что в области Левобережья число известных древних поселений, содержащих отложения раннеславянской культуры, довольно велико (более 60), число поселений, относящихся только к этой поре, совершенно ничтожно. Оказывается, что на многих (пожалуй, на большинстве) поселениях, возникших в этот период, жизнь протекала и в последующее время (X—XIII вв.). Довольно большая группа поселений, обитаемых в раннеславянский период, являются поселениями, возникшими в предшествующее (скифское) время. Таким образом, при исследовании внешнего вида раннеславянских поселений приходится иметь дело не столько с остатками поселений этой поры, сколько с памятниками скифского времени, приспособленными славянским населением, и раннеславянскими памятниками, использованными в последующую пору (X—XIII вв.), возможно, в какой-то мере подвергшимися перепланировке. Эти обстоятельства должны быть учтены.

Исходя из данных, относящихся к поселениям, возникшим лишь в раннеславянский период, можно утверждать, что места для поселений выбирались такие, которые можно было укрепить с наименьшей затратой сил. Это были останцы, или мысы высоких берегов рек, более или менее обособленные от плато, с хорошей естественной защитой в виде крутых, малодоступных склонов и возможностями наблюдения над широко расстилающейся у подножия местностью, или небольшие естественного происхождения всхолмленные участки, затерянные в долинах рек среди озер и непроходимых болот (рис. 1, а, б).

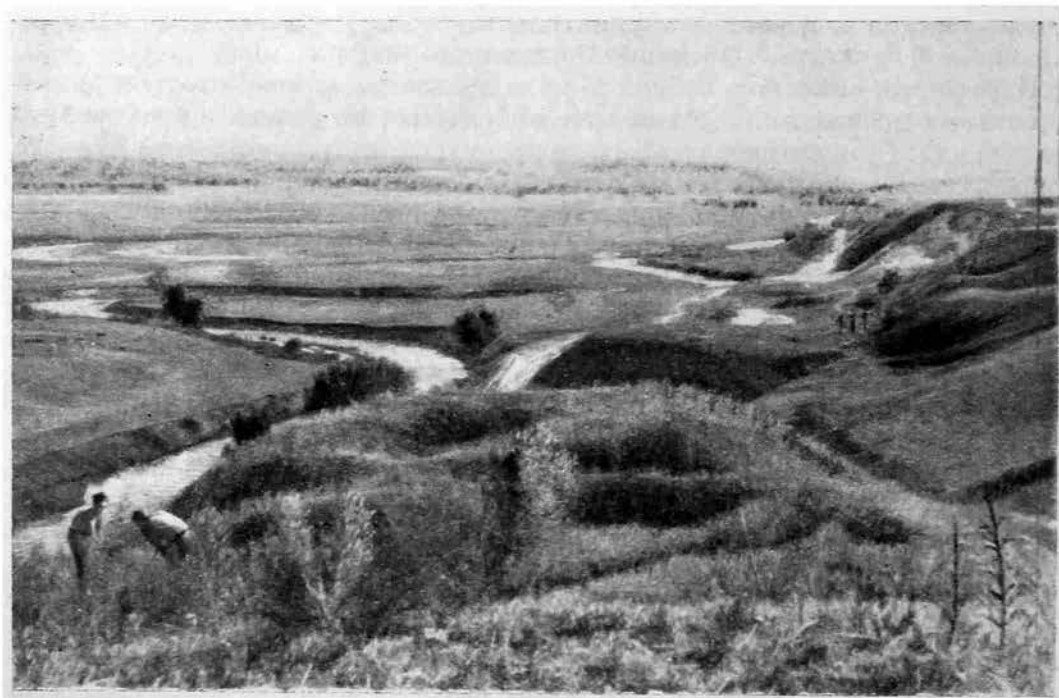
Естественная малодоступность таких мест усиливалась искусственными укреплениями в виде валов и рвов. Последние возводились лишь

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение III. М., 1857, стр. 513.

в местах, не имеющих хорошей естественной защиты, каковыми являлись преимущественно перешейки, соединяющие плато с мысами, и пологие склоны к долинам рек. Это в достаточной мере подтверждается всеми известными нам городищами, возникшими в эту пору. Таковы городища Стрелица и Городок между сс Долгий Колодезь и Стригослы и Ново-

а

б

Рис 1.

а — городище Большое у с. Горналь. (Общий вид с юго-западной стороны); б — городище у с. Могрица. (Вид с площадки городища на долину р. Псел).

Троицкое на Псле; Опошнянское и Хотмыжское на Ворскле; Скоробогатовское на Суле; Донецкое на Удах. Из этих искусственно возводимых оборонительных сооружений, судя по характеру дошедших до нас остатков, повидимому, большую роль играли рвы, достигающие пяти-шестиметровой глубины, чем валы. Последние в большинстве случаев дошли

до нас в весьма невыразительном виде и напоминают скорее просто выбросы земли из рвов, чем специально сооруженные валы. К сожалению, мы не располагаем раскопочными данными, которые могли бы подтвердить наши наблюдения над внешним видом этих сооружений. Все известные нам раскопки или зачистки валов поселений, содержащих отложения раннеславянской культуры, относятся к многослойным поселениям, в силу чего нельзя быть уверенными в том, что дошедшие до нас валы отражают строительные приемы раннеславянской поры (городище Монастырище,¹ Гочевское, Донецкое²). Когда поселения размещались на останцах, отделенных от плато оврагами или глубокими седловинами,

Рис. 2. Донецкое городище у с. Карачевки. (Вид с северо-запада).

валы и рвы совсем не сооружались. В таких случаях естественная малодоступность площадки останца усиливалась путем придачи склонам большей крутизны. С этой целью пологие склоны останца в верхней части зачищались отвесно на высоту 7—10 м. Общее впечатление от раннеславянских поселений таково, что это не столько укрепления в собственном смысле этого слова, сколько естественно укрепленные малодоступные площадки, превращенные с минимальной затратой сил в неприступные для врага места поселений (рис. 2). По форме укрепленные части поселений всецело определяются конфигурацией площадок занимаемых ими мысов и останцов. Размеры их большей частью не велики.

Как уже отмечалось выше, основная масса раннеславянских поселений роменско-боршевского типа состояла из двух частей — укреплений (городищ) и открытых поселков (селищ). Последние располагались с напольной стороны непосредственно у стен. Известны случаи, когда неукрепленные поселки располагались не на плато, а у подножия коренного

¹ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 55—68.

² В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII АС. Донецкое городище. Тр. XII АС, т. I, М., 1905. — Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 19.

берега, но они немногочисленны (например Скоробогатки на Суле). Размер неукрепленной части поселения, как правило, значительно превосходит размер укрепленной площадки.

Изложенные соображения о внешнем облике раннеславянских поселений на Левобережье основываются на материалах поселений, возникновение которых как укрепленных пунктов относится к этому же (раннеславянскому) периоду. Насколько подмеченные нами черты являются не случайными, а характерными особенностями раннеславянских поселений, подтверждают материалы и других групп поселений, заселенных в раннеславянский период, таких, которые были обитаемы в предшествующий скифский или в последующий славяно-русский (X—XIII вв.) периоды.

Рассмотрим сначала группу поселений с отложениями раннеславянской культуры, возникших в предшествующий (скифский) период. Посмотрим, какого рода поселения скифского времени были освоены славянами. В одной из наших работ¹ мы уже отмечали, что от скифского периода до нас дошло значительное число поселений, весьма разнообразных по внешнему виду. Среди них есть неукрепленные (селища), укрепленные (городища) и сложные, состоящие из двух частей — укрепленной и неукрепленной. Большое разнообразие наблюдается в характере укрепленных поселений как по форме и типу укрепления, так и по размерам укрепленной площади. При классификации укрепленных поселений по внешним признакам их можно разбить на две большие группы — 1) городища с замкнутыми валами и 2) городища мысовые, огражденные валом с напольной стороны. Городища этих групп по характеру внутренней планировки распадаются на две подгруппы: а) простые и б) сложные. Первые характеризуются целостностью огороженной площадки, вторые — ее расчлененностью. Изучение материалов этих поселений показывает, что из числа поселений скифской поры в раннеславянский период были обитаемы лишь укрепленные поселения второй группы, т. е. такие, которые были искусственно ограждены лишь с напольной стороны (мысовые). Из этой группы наиболее полно освоенными оказались небольшие по размерам городища, расположенные на мысах высоких берегов, защищенные с напольной стороны валом и рвом незначительной (от 20 до 50 м) протяженностью; как правило, они имеют нерасчлененную укрепленную площадку. По сути дела эти укрепленные поселения (городища) по своему местоположению и характеру оборонительных сооружений ничем не отличаются от раннеславянских укрепленных поселений. У них лишь ярче выражен вал (см. городища у сс. Ховзовка, Горки и др.) (рис. 3). Из известных нам поселений этого типа в раннеславянский период незанятыми оказались лишь поселения, расположенные вдали от рек (Ст. Гончары, Линово).² Поселения этой же группы, имеющие большую огороженную площадку и оборонительную линию большей протяженности, в раннеславянский период были обитаемы не все, а лишь относящиеся ко второй подгруппе, т. е. имеющие расчлененную площадку. Членение это достигалось при помощи дополнительных валов, возводимых внутри укрепленного поселения. Благодаря этому на территориях больших укрепленных поселений возникали внутренние укрепления, напоминающие собой небольшие укрепленные поселения скифского времени (типа описанных нами выше) или собственно раннеславянские укрепленные поселения, т. е. такие,

¹ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепропетровского лесостепного левобережья. СА, XII, 1950, стр. 41—65.

² Там же.

которые полностью соответствовали типу укрепленного поселения, возводимого самим раннеславянским населением до X в.

Когда и кто сооружал эти внутренние оборонительные линии городищ, а тем самым и небольшие укрепления внутри поселений, сказать сейчас, впредь до тщательного изучения их путем раскопок, не представляется возможным. Отдельные факты, имеющиеся в нашем распоряжении, лишь в какой-то мере освещают этот вопрос, не давая на него полного ответа. Так, на Гочевском городище большой внешний вал в центральной части на линии протяженностью около 150 м был полностью разрушен в славянское время, о чем довольно убедительно свидетельствует курганный могильник, расположенный на линии вала, в то время как внутренние валы, ограждающие площадки небольших мысов («Крутой Курган» и «Царский Дворец»), прекрасно сохранились до наших дней¹ (рис. 4). Изучение культурного слоя площадки показывает, что территория в гра-

Рис. 3. Городище у с. Ховзовки. (Общий вид городища с северо-востока).

ницах большого вала была обитаема и в славянский период, но, по-видимому, это был уже неукрепленный поселок близ двух небольших укреплений — «Крутого Кургана» и «Царского Дворца».

Таких сложных поселений, в основании которых лежит слой скифского времени, а выше слой славянской культуры, до нас дошло значительное число как на Левобережье, так и в других районах лесостепи. Многие из этих поселений длительное время считались, а некоторые и сейчас считаются чисто славянскими поселениями, поскольку отложения этой культуры, залегающие в верхних горизонтах, выступали настолько ярко, что совершенно затушевывали остатки скифского времени. Таковы — Гочевское городище близ Обояни на Псле,² городище в с. Хорошево на р. Уды и др.³ За пределами Левобережья укажем Голышевское городище на Дону.⁴ Наличие у этого типа укрепленных поселений сложной системы оборонительных сооружений (2—3 линии) некоторые исследователи объясняют как результат расширения территории

¹ Атлас Гочевских древностей, табл. I (план Гочевского городища Обоянского уезда Курской губ.).

² Б. А. Рыбаков. *Анты и Киевская Русь*, стр. 319—337.

³ В. Е. Данилевич. *Донецкое и Хорошевское городища*. Сборн. Харьковского историко-филолог. общ., т. 13, Харьков, 1902.

⁴ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. *Древнерусские поселения на Дону*, стр. 7—9.

поселения, вызываемого численным ростом славянского населения укрепленного поселка.¹ Приведенные нами факты не подтверждают этого положения.

Наряду с поселениями, имеющими члененную площадку, от скифского времени до нас дошло значительное число таких же больших, огражденных валом и рвом с напольной стороны, городищ, не имеющих внутреннего членения. Как правило, площадки этих городищ не включают мысообразных, естественно укрепленных участков, которые можно было бы с помощью дополнительных валов выделить в самостоятельные укрепленные пункты (Грашков, Б. Гомольша, Борисовка, Высокое, Ворожба, Кнышевка, М. Вязовик и некоторые другие) (рис. 5). На

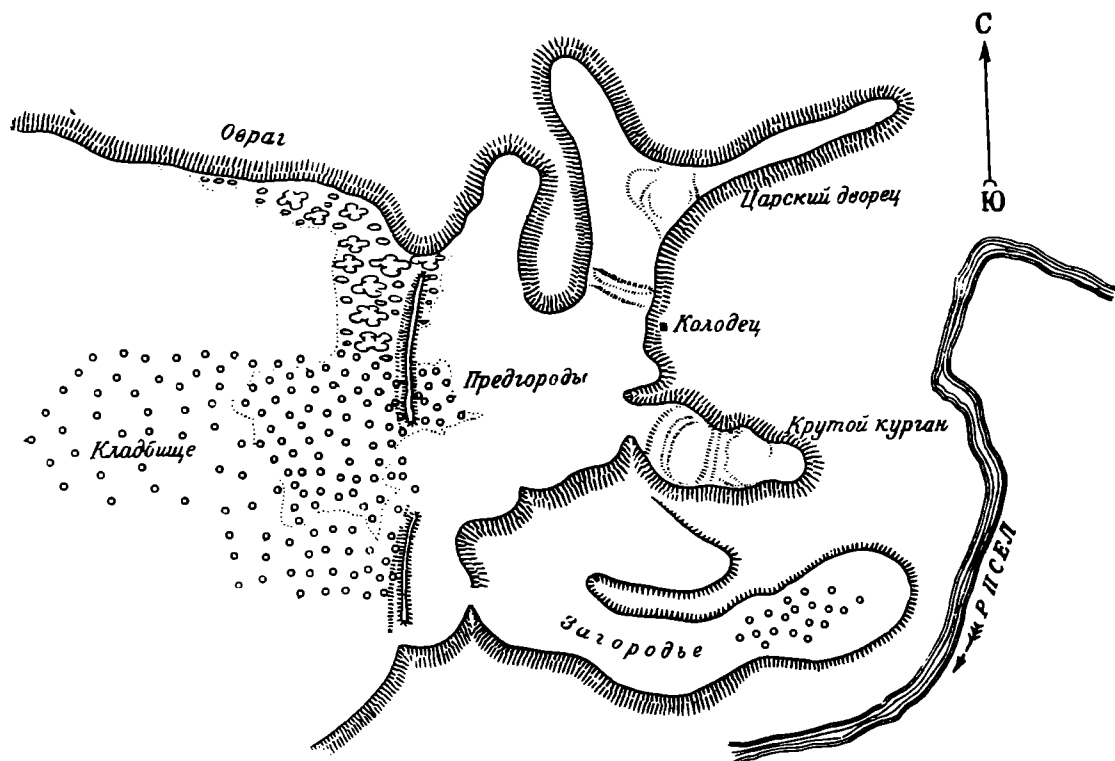

Рис. 4. План городища у с. Гочева. (По К. П. Сосновскому).

этих поселениях отложений славянской культуры до сего времени нигде не обнаружено. Естественно встают вопросы: в каком отношении находится раннеславянское население к небольшим укрепленным поселениям, находящимся в границах больших укрепленных поселений скифского времени? Были ли сооружены эти небольшие укрепления славянским населением или же они были сооружены населением скифского времени, а славяне воспользовались ими как местами, вполне отвечающими их запросам? Ответить на эти весьма важные вопросы можно будет лишь после проведения больших раскопочных работ.

Интересный материал, освещающий некоторые стороны этого вопроса, дают также полевые наблюдения. Выше мы отмечали, что раннеславянские поселения размещены группами по три-четыре. Расстояние между ними 4—5 км, а иногда и менее. В границах таких гнезд очень часто, наряду с укрепленными поселениями, сооруженными славянским населе-

¹ Там же, стр. 9. — П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948. стр. 172.

нием, встречаются и большие укрепленные поселения скифской поры. И что же мы здесь видим? Если поселение скифского времени в границах укрепления имеет небольшой, естественно хорошо укрепленный участок, то он, как правило, огражден дополнительно валом и рвом, а в культурных отложениях этого поселения обнаруживается славянский слой [Гочево, Долгий Колодезь (урочище Наволочки), Водяное, Хорошево и др.] (рис. 6). В случаях, когда в границах такой группы славянских городищ большие городища скифской поры не имеют таких естественно хорошо укрепленных участков, внутренних дополнительных укреплений не ока-

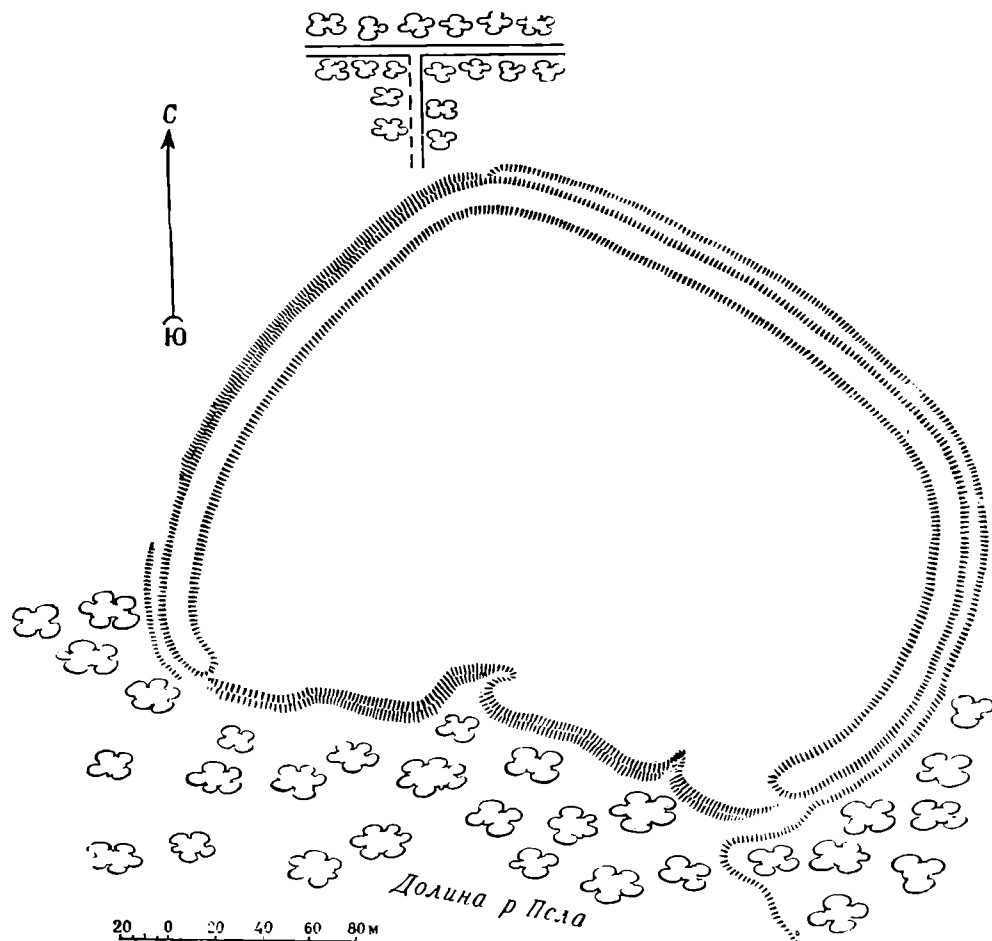

Рис. 5. План городища скифского времени у с. Кнышевки.

зывается, а в составе культурных отложений их нет славянского слоя. В таких случаях славянские поселения размещаются буквально в сотнях метров от поселений скифского времени на небольших естественно хорошо укрепленных мысах, где заново возводится укрепление, около которого размещается открытый поселок, а большое укрепленное поселение скифского времени славянами не заселяется. Такая картина наблюдается в районе сс. Кнышевка (на Псле), Ворожба (на Псле), Хотмыжск (на Ворскле) и в ряде других мест (рис. 5, 7, 8).

Приведенные данные показывают, что славянское население в области Левобережья использовало не все укрепленные поселения предшествующего (скифского) периода, а лишь те, которые по своему местонахождению, размерам укрепленной территории, а также характеру оборонительных сооружений соответствовали укреплениям, сооружаемым самим славянским населением.

Отмеченные выше характерные черты раннеславянских поселений находят подтверждение и в многочисленных поселениях, возникших в раннеславянский период и продолжавших существовать в XI—XIII вв., укрепленная часть которых не претерпела изменений (городища Хотмыжское, Хорошевское, Скоробогатское, Донецкое и многие другие).

Таким образом, все рассмотренные нами поселения, содержащие отложения славянской культуры (возникли ли они в этот или пред-

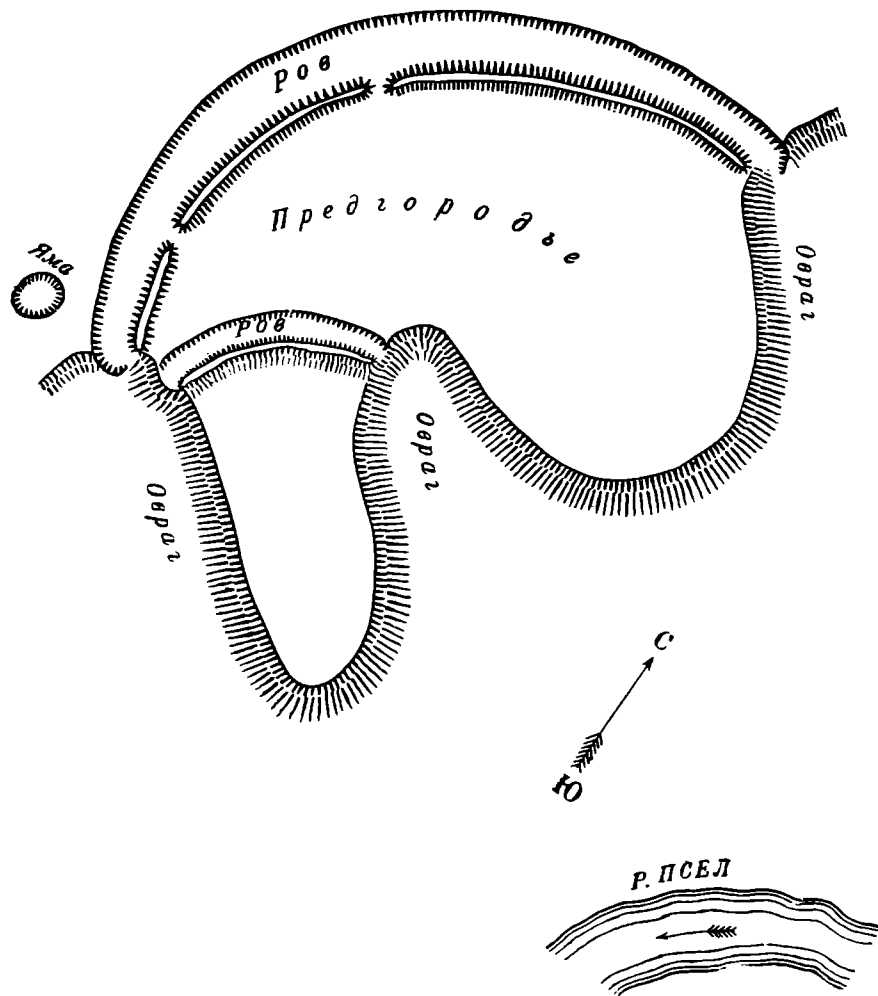

Рис. 6. План городища скифского времени, освоенного славянами; урочище Наволочки близ с. Долгий Колодезь.
(По К. П. Сосновскому).

шествующий периоды и закончили свое существование в пределах до X в. или в последующие века), в полной мере подтверждают наблюдения и выводы в отношении внешнего облика раннеславянских поселений (местоположение, система укрепления, соотношение между укрепленной и неукрепленной частями и т. д.), сделанные нами выше на основе данных, относящихся только к собственно раннеславянской поре. Это дает основание утверждать наличие у левобережного славянского населения этого времени хорошо выработанного устойчивого типа поселения, существенно отличающегося от поселений предшествующей поры (первой половины I тысячелетия), известных нам на той же территории.¹

¹ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 10 сл.

Если в отношении выявления раннеславянских поселений и изучения их внешнего облика в области Днепровского лесостепного Левобережья в последние годы была проделана значительная работа, то в деле исследования их внутреннего содержания — следует прямо сказать — сделано совсем мало. Достаточно указать хотя бы на то, что до сего времени не произведено ни одних мало-мальски серьезных раскопок поселений этой поры. Небольшие по объему, методически не совсем хорошо поставлен-

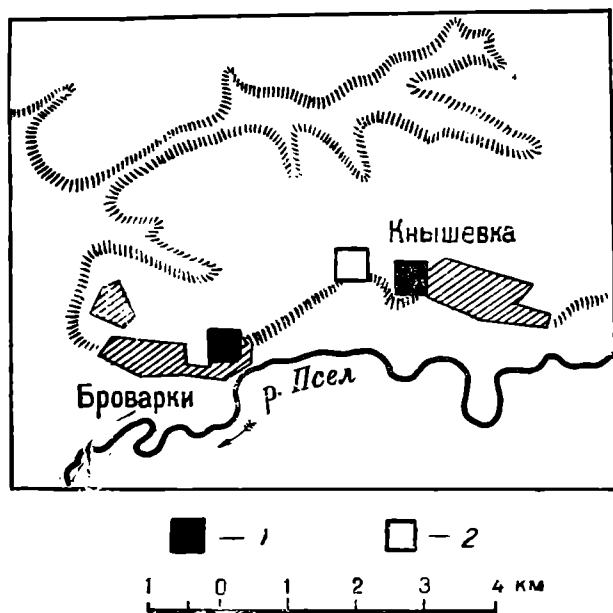
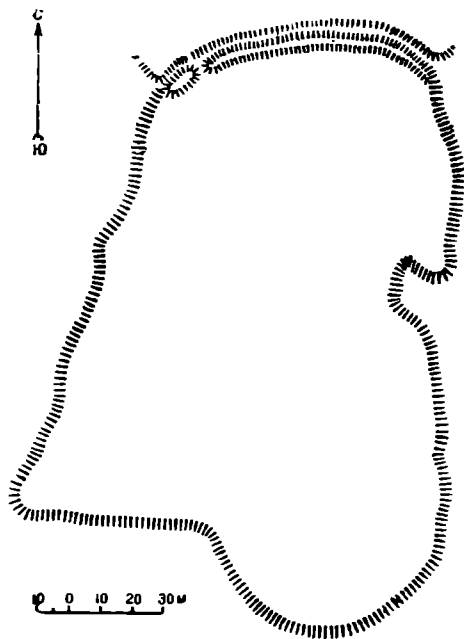

Рис. 7. Размещение древних поселений у сел Кнышевки — Броварки.

1 — славянские поселения; 2 — поселения скифского времени.

Долина р. Псел

Рис. 8. План славянского городища у с. Кнышевки.

ные, к тому же опубликованные лишь частично, раскопки Н. Е. Макаренко в начале XX в. на городище Монастырище, — пожалуй, наиболее существенное из всего того, что сделано в этом отношении.¹ Неслучайно все исследователи, касаясь славянских памятников VIII—X вв. в области Левобережья, до сего дня опираются в первую очередь на эти материалы,² ибо все последующие раскопочные работы, проведенные на поселениях этой группы как тем же Н. Е. Макаренко, так и другими исследователями, дали еще меньше, чем раскопки на Монастырище, да их и не много.³

¹ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22.

² Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. — В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ, 1940, стр. 70 сл. — П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. 6, М.—Л., 1941, стр. 32—33. — Он же. Восточнославянские племена, стр. 133.

³ Мы исключаем работы, не имеющие отношения к исследуемой нами территории, например крупные раскопки на поселениях близ г. Воронежа — Боршево, Кузнецова Дача и др. См.: П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону.

В 1906 г. одновременно с раскопками на городище Монастырище и в последующие годы Н. Е. Макаренко были произведены разведочные раскопки на поселениях у сс. Медвежье, Шумск (б. имение Вашкевича), в г. Глинске (Замчище) и в ряде других пунктов. Материалы, опубликованные автором раскопок, а также и отчеты весьма кратки и не дают ясного представления об исследованных памятниках.¹ Раскопочные работы других исследователей носили также разведочный характер. Таковы исследования Б. А. Рыбакова на Гочевском городище (р. Псел),² раскопки П. Н. Третьякова на Петровском городище (р. Ворскла),³ раскопки И. И. Ляпушкина на Опошнянском городище⁴ и на поселении в г. Полтаве⁵ (р. Ворскла). К этому следует добавить еще и то, что не все результаты этих немногочисленных работ вошли в научный оборот: до сего времени не опубликованы материалы раскопок Б. А. Рыбакова на Гочевском городище.⁶

Однако наиболее слабым местом в исследовании раннеславянских поселений является то, что все раскопки, за исключением одного случая, были произведены на многослойных поселениях, а следовательно, и добытые на них материалы относятся к различным эпохам, не только к раннеславянской, как об этом иногда думают. Так, городище Монастырище считается типичным примером поселений роменско-боршевского типа.⁷ В действительности оно не только не является таковым, а относится к числу поселений, культурно-хронологический облик которых более чем сложный: наряду с раннеславянскими отложениями, городище содержит отложения эпохи бронзы, скифского времени и славяно-русской культуры (X—XIII вв.). Такое неверное представление о характере памятника сложилось в результате того, что материалы, добытые на поселении, не были опубликованы полностью. Н. Е. Макаренко совершенно изъясил из публикации многочисленные остатки керамической посуды скифской поры (зольничного типа), что видно как по материалам, хранящимся в фондах Роменского краеведческого музея,⁸ так и по некоторым данным фотоархива ИИМК.⁹

Как известно, помимо общих работ, посвященных роменским памятникам, Н. Е. Макаренко керамическому производству посвятил специальную работу.¹⁰ В этой работе, наряду с керамикой собственно раннеславянской, он публикует и керамические остатки эпохи бронзы, но материалы скифского времени отсутствуют и здесь, хотя они количественно превосходят остатки эпохи бронзы.

Правда, некоторые данные о наличии на Монастырище слоя скифского времени опубликованы и Н. Е. Макаренко, но он в них не разо-

¹ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях... ИАК, вып. 19. — М. Макаренко. Городище Монастырище. — ОАК за 1906 г., СПб., 1909, стр. 112—113. — ОАК за 1912 г., Пгр., 1916, стр. 68—70.

² Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 143.

³ П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, I, Киев, 1947.

⁴ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, вып. XII.

⁵ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Киев, 1949.

⁶ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. . . , стр. 322. — Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 73 (прим.).

⁷ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 70 сл.

⁸ См. коллекции Роменского музея: городище Монастырище, раскопки 1924 г., планш. 22 (№№ 262—276) и 23 (№№ 358—368).

⁹ Фотоархив ИИМК, фонд Археологической комиссии, № 6122.

¹⁰ М. Макаренко. Орнаментация керамических виробів. . .

брался. Мы имеем в виду изданную Н. Е. Макаренко ножку античной амфоры, обработанную по линии излома и использованную для каких-то хозяйственных надобностей, принятую им за «глиняную поделку тщательной обработки в форме грибка с небольшим углублением сверху»¹ (рис. 9).

Отложения эпохи бронзы, повидимому, занимают существенное место в культурном слое городища, о чем можно судить как по остаткам кострища с стоявшим на нем сосудом, аналогии которому автор раскопок ищет в находках Ловического уезда Варшавской губ., так и по отдельным фрагментам, встречаемым на всей площади.² Исследования последних лет показали, что керамика этого типа в лесостепной полосе имеет широкое распространение в эпоху поздней бронзы. Она встречается на всем пространстве Левобережья от Днепра до Донца.³ Известна она и по верхнему течению Дона (окрестности Воронежа).⁴

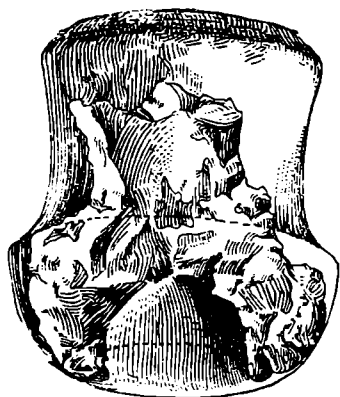

Рис. 9. Фрагмент (ножка) античной амфоры — городище Монастирище. (По Н. Е. Макаренко).

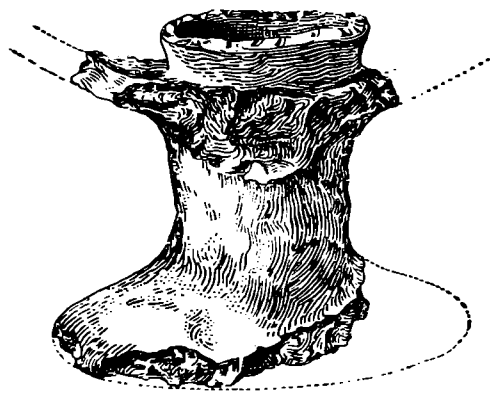

Рис. 10. Светильник киевского типа — городище Монастирище. (По Н. Е. Макаренко).

О наличии славянского слоя X—XI вв. свидетельствуют материалы, опубликованные Н. Е. Макаренко, хотя и не все им поняты. К числу последних принадлежит «обломок ножки от вазы, грубо обработанной из красной глины», представляющий собой не что иное, как обломок (ножку) светильника так называемого киевского типа⁵ (рис. 10). Типичными вещами великокняжеской поры являются найденные на Монастирище пряслица из розового (овручского) шифера, обломки глиняной посуды с линейным и волнистым орнаментом.⁶ Повидимому, далеко не все землянки, открытые Н. Е. Макаренко, относятся к раннеславянскому периоду, как мы покажем ниже.

¹ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 68, рис. 40.

² Там же, стр. 59—60. — М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 16—19.

³ Во время разведочных работ Левобережной экспедиции керамика этого типа была обнаружена на ряде стоянок по р. Пслу (Гусаны, Суки), Супою (Новая Гребля) и др.

⁴ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 44.

⁵ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . , ИАК, вып. 22, стр. 58—59, рис. 29. — См.: М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 26, рис. 13 и 14.

⁶ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . , ИАК, вып. 22, стр. 58, 67 и др.

Несомненно, такая же картина имеет место на городище у с. Медвежье.¹ Раннеславянский слой городища г. Глинска сильно разрушен сооружениями последующего периода и перемешан с культурными отложениями более поздней поры.² В состав раннеславянских отложений Донецкого городища врезались отложения X—XIII вв.³ и т. д. Из всех раскопанных поселений лишь Опошнянское городище представляет однослойный памятник, собственно раннеславянское поселение, возникшее, повидимому, в VIII в. на малодоступном останце правого коренного берега р. Ворсклы на расстоянии не более 1 км от укрепленного поселения скифского времени (Кардашев Вал). К сожалению, объем раскопочных работ, произведенных на нем, невелик (вскрытая площадь не превышает 100 кв. м). Тем не менее, раскопки дали возможность выявить и общий облик культурного слоя, и характер жилищно-хозяйственных сооружений, и некоторый бытовой инвентарь, а также состав домашнего стада и диких животных, используемых населением.

Основываясь на этих данных, а также на данных из раскопок других поселений, содержащих отложения раннеславянской культуры (таких, как Монастырище, Медвежье, Вашкевича, Петровское, Полтавское и др.), попытаемся в меру наших сил охарактеризовать внутреннее содержание этих памятников.

3

Одной из особенностей раннеславянских поселений роменско-боршевского типа лесостепной полосы и в том числе Днепровского Левобережья является полуземляночный тип жилища, резко отличающийся от деревянных срубных жилищ северной лесной полосы как по своим конструктивным особенностям, так и по размерам. От этих жилищ до нас дошли их нижние части, углубленные в землю в виде прямоугольных в плане ям, размером от 3×4 до 4×5 м и глубиной от 0.5 до 1 м⁴ (рис. 11). Жилища чаще всего ориентированы по линии СВ—ЮЗ с большим или меньшим отклонением в сторону севера или юга.

Полуземлянки городища Монастырища, опубликованные Н. Е. Макаренко в ИАК, в отношении ориентации как будто расходятся с данными других поселений.⁵ Однако изучение материалов показывает, что это не так. Сравнивая описательную часть с рисунками, мы находим, что автор противоречит сам себе. В описании он указывает, что городище «расположено по длине с СЗ на ЮВ; с северо-западной стороны обнесено ровом. . .», на плане же городище вытянуто по оси восток—запад, а ров — не с СЗ, а с западной стороны.⁶ Если мы ориентируем план в соответствии с описанием, тогда жилища займут по отношению к сторонам

¹ Там же, стр. 73—74. См. также коллекции Роменского музея, планшет 11, №№ 135—146, 1920 г.

² ОАК за 1912 г., стр. 68—71.

³ В. А. Городцов. Результаты исследований, производимых научными экспедициями XII АС. — Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . ИАК, вып. 19.

⁴ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . ИАК, вып. 22, стр. 55—68. — М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 9—14 (отд. оттиск). — И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст., стр. 118—20. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, стр. 129 и сл. — И. Ляпушкин. Старословянське поселення VIII—XIII ст., стр. 65 сл.

⁵ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . ИАК, вып. 22, стр. 61, рис. 33 и 34.

⁶ Там же, стр. 55 и рис. 25.

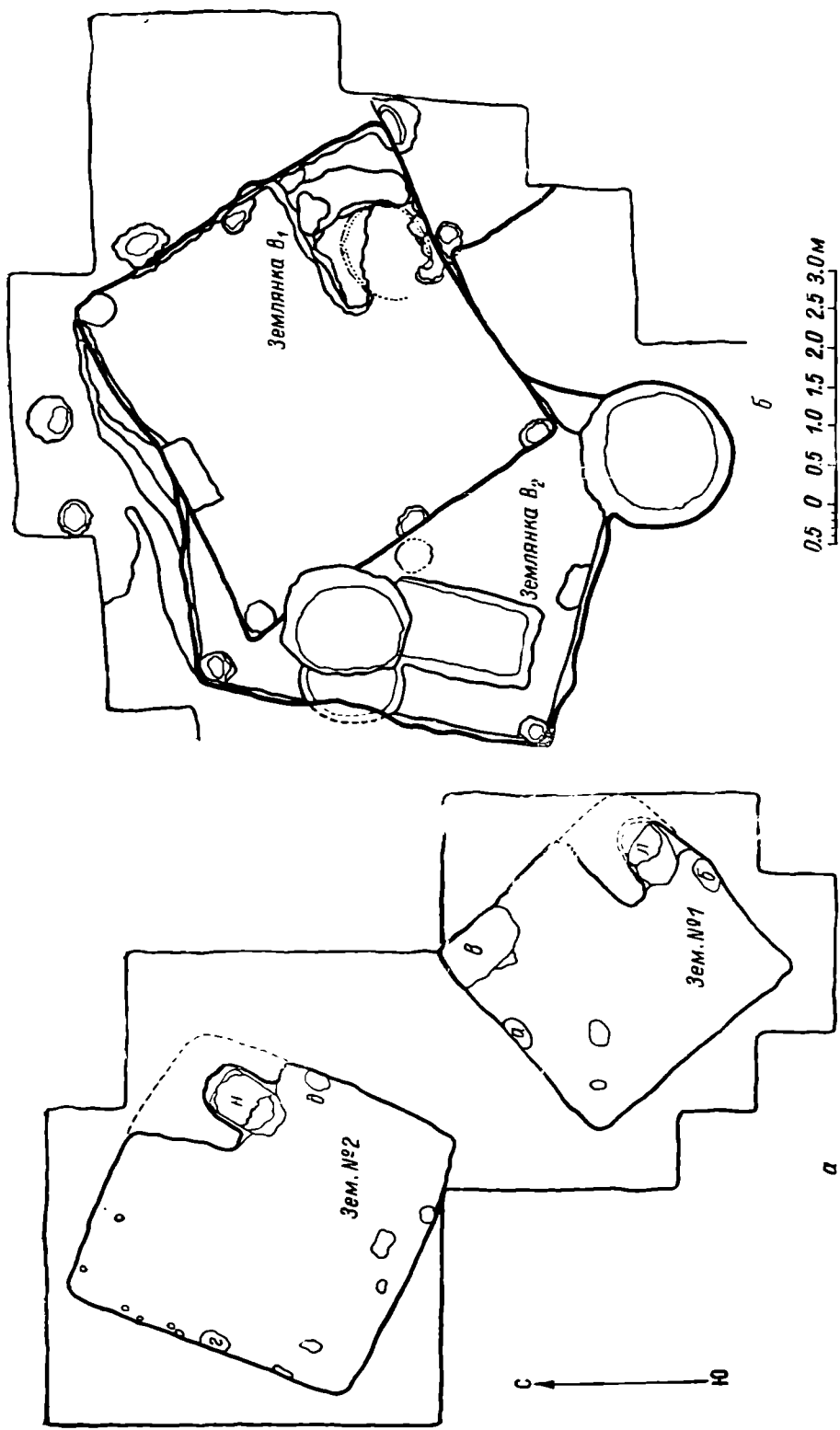

Рис. 11. Планы ранпеславянских жилищ.

а — городище в с. Опшни; б — поселение в г. Полтаве.

света то положение, какое они занимают на других поселениях.¹ Именно в этом положении дал их и сам Н. Е. Макаренко в другой, более поздней работе.²

Как правило, эти ямы выкапывались в материковом (по преимуществу глинистом) слое. В случаях, когда раннеславянские поселения размещались на развалинах поселений предшествующей поры, углубленные части жилищ в какой-то мере захватывали и культурный слой. Такая картина наблюдается на Полтавском поселении.³ Повидимому, то же имеет место и на поселении Монастырище, где, судя по отчету автора раскопок, «границы землянок возможно было проследить, хотя и с трудом, уже не сколько выше» глинисто-песчанистого материка, т. е. в отложениях культурного слоя.⁴ Стенки ям отвесны. Трудно сказать, имели ли они какую-

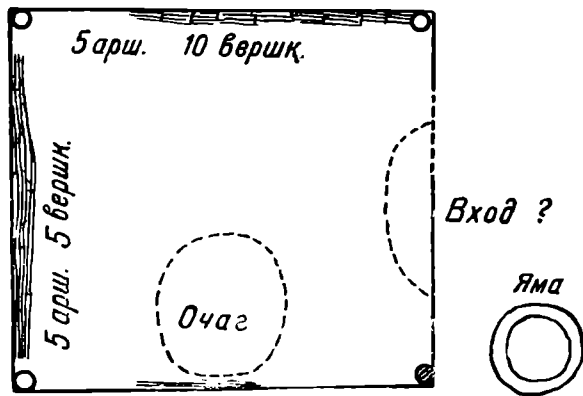

Рис. 12. План жилища Донецкого городища.
(По В. А. Городцову).

либо облицовку. В жилищах городища Монастырище Н. Е. Макаренко облицовки не нашёл.⁵ Нет ее, как будто, и на Петровском городище.⁶ На Полтавском поселении на полу жилища *В*₁ вдоль северо-восточной стены были обнаружены куски сильно истлевшего дерева, а по нижней кромке этой стенки был прослежен отпечаток плахи. Очень хорошо сохранились остатки бревенчатой облицовки в жилищах, исследованных участниками научной экспедиции XII археологического съезда на городищах Донецком и Ницахском,⁷ древнейшие слои которых относятся к исследуемой нами поре. По внешнему виду это были также полуземляночные жилища. Каркас их составляли четыре угловых столба, которые служили опорой как для крыши, так и для облицовочных бревен или плах, забранных, повидимому, в пазы (рис. 12). Судя по материалам, обнаруженным в заполнении жилищ (особенно тем, которые найдены на полу), а также по конструкции печей, жилища должны быть отнесены ко времени после X в.⁸ Тем не менее, пройти мимо них нельзя, ибо они, в какой-то мере отражая традиции домостроительства предшествующей поры — VIII—X вв., дают возможность восстановить его.

В полу жилищ хорошо прослеживаются небольшие ямки от столбов. Они расположены вдоль стен (преимущественно на середине) и в углах. Диаметр ямок от 0.20 до 0.40 м при такой же глубине. Число их

¹ Там же, стр. 61, рис. 33.

² М. Макаренко. Городище Монастырище. стр. 3, рис. 1.

³ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. , стр. 65.

⁴ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22, стр. 60. — М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 9.

⁵ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 65.

⁶ Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. , стр. 129—139.

⁷ В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда, I. Донецкое городище. II. Ницахское городище и курганы. Тр. XII АС, т. I, стр. 110—130.

⁸ Там же, стр. 111—116; 121—124. — Ср.: П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 20—26.

колеблется от 2 до 8;¹ это дает основание говорить о том, что наземная часть и перекрытие жилищ были не везде одинаковы: в одних случаях крыша могла быть только двускатной (о чем красноречиво говорят, например, материалы Опшмянского городища),² в других — и двускатная и горизонтальная,³ в третьих, повидимому, односкатная.⁴

Иногда в полу жилища встречаются так называемые хозяйственные ямы. Как правило, ямы эти небольшие. Расположены они в углах или близ печей.⁵ На Монастырище в одной полуземлянке «хозяйственные» ямы обнаружены в центральной части пола, причем в таком количестве и таких размеров, что из-за них «полезной жилой площади» по сути дела и не осталось.⁶ Здравый смысл подсказывает, что принять эту полуземлянку за жилое помещение едва ли возможно. Н. Е. Макаренко отмечает, что «ямы этой землянки были вызваны к жизни явно техническими потребностями того производства, для которого была сделана вся землянка». Этим производством он считает гончарное ремесло.⁷ Повидимому, автор раскопок прав, иначе принадлежность всех этих ям данной полуземлянке маловероятна. В последнем случае часть их, скорее всего, относится или к предшествующей, или последующей поре жизни на поселении. Подобные примеры в археологической практике хорошо известны. Например, на Полтавском поселении в полу жилища В₁, относящегося к раннеславянскому периоду жизни поселения, были обнаружены остатки двух ям предшествующей скифской поры, занимающие почти половину жилой площади.⁸ Судя по всем данным, хозяйственные ямы — погребка в раннеславянский период чаще выкапывались не в жилом помещении, а за его пределами. Это подтверждается материалами Петровского, Полтавского и других городищ. Форма их более или менее единообразна. Это округлые в плане, колоколовидные ямы: верхний диаметр их несколько меньше, чем нижний. Дно ям ровное, хорошо зачищенное, как и их стенки. Размер ям различный: верхний диаметр от 0.40 до 1.30—1.40 м, нижний от 0.70 до 2.00 м при глубине от 0.50 до 2 м. Заполнение ям состоит из культурного слоя, содержащего большое количество всевозможных остатков. О назначении ям можно говорить лишь в общей форме: это были хозяйственные ямы — погребка. В одних из них хранились, повидимому, продукты — мясо, рыба и т. д., в других — зерно, третьи являлись кладовками.⁹

В ряде жилищ городища Монастырище Н. Е. Макаренко обнаружил вдоль стен своеобразные «прилавки» и «площадки», вырезанные из материка при сооружении жилищ. Они возвышались над полом на 0.35—0.40 м при ширине от 0.35 м до 2 м.¹⁰ О назначении их судить трудно.

¹ М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 10 и сл. — И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян. . . , стр. 119—120. — П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , 131.

² И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 129—131.

³ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 129—130. — И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. . . , стр. 65—66.

⁴ М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 10.

⁵ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 119—120.

⁶ М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 13—14.

⁷ Там же, стр. 14.

⁸ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. . . , стр. 67 сл.

⁹ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 130—132.

¹⁰ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . , ИАК, вып. 22, стр. 61—62. — М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 10—11.

Существует мнение, что «прилавки» и «площадки» использовались «для сиденья и лежания».¹ П. Н. Третьяков называет их вторым ярусом пола.²

Непременной частью жилищ является печь. Она помещалась в одном из его углов. Преимущественно это был восточный или северный угол. Бóльшая часть известных нам печей были глинобитные, причем основание, под и нижняя часть свода вырезались из материка одновременно с сооружением нижней части жилищ. Основание печей в плане прямоуголь-

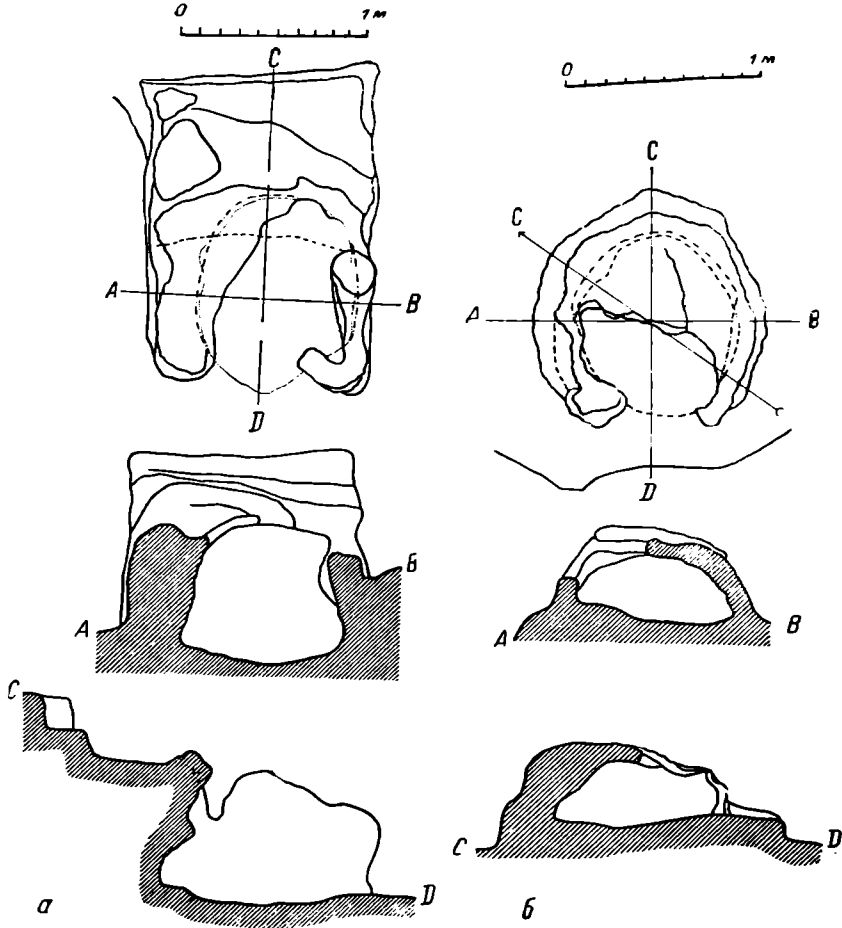

Рис. 13. Планы и разрезы печей.

а — из жилища В₁; б — из жилища В₂. (Полтавское поселение).

ное, а под овальный. Судя по дошедшим до нас целым и мало разрушенным печам, они имели кубовидную форму (рис. 13, а). Внутренняя часть свода была куполообразная, несколько вытянута по продольной оси.³ На городище Монастырище, наряду с печами, близкими по планировке к вышеописанным, Н. Е. Макаренко обнаружил печи полусферической формы.⁴ В каком отношении друг к другу стоят эти два типа печей, ска-

¹ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 71.

² П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. . . , стр. 284—285.

³ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 119. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 129—131. — Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22, стр. 62—64. — М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 12—14. — И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. . . , стр. 65—67 и 74.

⁴ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22.

зять трудно. Не исключена возможность, что это различия хронологического порядка, ибо не следует забывать, что городище Монастырище — памятник многослойный. Это предположение подтверждается материалами ряда поселений, в том числе и Полтавского, на примере жилищ B_1 и B_2 . В жилище B_2 , сооруженном на развалинах жилища B_1 , явно относящегося к раннеславянской поре, была обнаружена полусферическая печь, в то время как в жилище B_1 печь имела кубовидную форму¹ (рис. 13, б; 14).

Печь располагалась внутри помещения челом. Дымоход устраивался в центральной части свода. Под чаше всего залегает на уровне пола или несколько ниже его. Как и свод, под глинобитный. Иногда в него вмазывались куски различных горных пород (Монастырище). Внутренняя часть печи (под и свод) всегда сильно обожжена и имеет яркочерный цвет.

Рис. 14. Печи жилищ B_1 и B_2 . Общий вид. (Полтавское поселение).

Остатки полуземляночных жилищ на всех исследованных или обследованных поселениях сверху перекрыты культурными отложениями. На поселениях однослойных, поверхность которых не подвергалась обработке или не была застроена, места жилищ выступают в виде ямок-западинок с диаметром около 3—4 м.

Такие ямки встречены почти на всех известных однослойных поселениях — Куземин² и Опошня³ на Ворскле, Долгий Колодезь (урочище Стрелица)⁴ и Ново-Троицкое на Псле и других. Глубина ямок-западинок различная, в пределах до 0.5—0.6 м. В некоторых случаях ямки запылились настолько, что могут быть опознаны лишь по более яркой окраске растительного покрова.

Мощность культурного слоя раннеславянской поры большинства известных поселений незначительна. Она колеблется в пределах до 1 м. Только в местах жилищно-хозяйственных сооружений, углубленных в материк, она достигает 2 м и более.

Культурный слой имеет преимущественно темную окраску. Он сильно гумусирован. В составе слоя — зола, угли, куски обожженной глины,

¹ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. , стр. 65 сл., рис. 9.

² П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. , стр. 128—129.

³ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. стр. 118.

⁴ К. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губ. Тр. Курск. губ. учен. архивн. комисс., выш. 1, Курск, 1911, стр. 308—309.

кости животных и рыб, обломки глиняной посуды, отдельные предметы из кости, металла, глины. Зола и глина часто залегают в виде линз.

Культурные остатки раннеславянских поселений немногочисленны и не ярки, все же многие из них в достаточной мере характерны, что придает вещевому комплексу в целом своеобразный облик. Крупное место среди этих остатков занимают изделия из глины, в первую очередь глиняная посуда. Грубая по качеству материала и выделки и простая по своим формам, она, тем не менее, настолько своеобразна, что легко выделяется из состава других керамических групп даже по незначительным обломкам.

Основным, наиболее широко распространенным типом являются горшкообразные сосуды. Эта форма свойственна кухонным сосудам и сосудам для хранения продуктов. Кухонные горшки составляют группу сосудов, наиболее часто встречаемых на поселениях. Профиль их более или менее однообразен. Большинство их имеет слегка отогнутый венчик, сидящий на невысокой, но ясно выраженной шейке, резко выступающие плечики и слегка выпуклый корпус, постепенно сходящий на конус. Дно уже, чем горло, высота несколько больше ширины корпуса; часть кухонных горшков имеет высокий стоячий венчик. По размерам кухонные горшки довольно разнообразны, высота их колеблется от 10 до 20 см и более¹ (рис. 15). Горшки изготовлялись из неотмученной глины с примесью крупнозернистой дресвы или шамота. Стенки их толстые, неровные и шероховатые. Качество обжига невысокое, о чем свидетельствует светлый цвет наружной части стенок, темных в изломе. Многие сосуды этой группы орнаментированы. Орнаментация их также проста, но довольно своеобразна. При помощи одного технического приема — отпечатков зубцов гребенки или палочки, обернутой веревочкой, — обитатели раннеславянских поселений наносили на сосуды самые разнообразные узоры: ломаную линию в один или два ряда, елочку, прямые и косые крестики, птичьи лапки, ромбики и другие фигуры.² Орнамент размещался на плечиках и по краю венчика сосудов, но последний все же чаще орнаментировался «щипками», или округлыми вдавлениями, произведенными концами пальцев. Последний вид орнаментации изредка встречается и на тулове горшков³ (рис. 16).

Наряду с охарактеризованным выше типом кухонных горшков встречаются лещные горшки и более высокой техники выработки, может быть, с частичной обработкой на круге, а также сделанные и на примитивном гончарном круге, из глины с незначительной примесью мелкозернистой дресвы или шамота. Стенки их более гладкие и значительно тоньше, они лучше обожжены. Цвет этих горшков преимущественно оранжево-красный. От горшков вышеописанного типа они отличаются менее резкой профилировкой, а иногда и орнаментацией. Сосуды этого типа орнаментируются не только отрисками гребенки или палочки, обмотанной веревочкой, но и многорядной круговой линией или волной.⁴ Эта орнаментация близка к орнаментации славянских горшков X—XI вв.

¹ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. стр. 121—124. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. стр. 136—138. — М. Макаренко. Городище Монастирище. стр. 15 сл.

² М. Макаренко. Орнаментация керамических виробів. стр. 32. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 135—137 — И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. стр. 62.

³ М. Макаренко. Городище Монастирище. стр. 329, табл. II, 12. — И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК. вып. XIX, 1948, стр. 36, рис. 8. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 135, табл. I.

⁴ М. Макаренко. Городище Монастирище. . . , стр. 14, рис. 4; стр. 20.

Несомненно, это сосуды переходного типа от ручной лепки к гончарному кругу. Не случайно на них орнаментация в виде отпечатков гребенки, применяемая на лепных сосудах, сочетается иногда с круговой линией и волной, характерной для гончарной посуды.¹

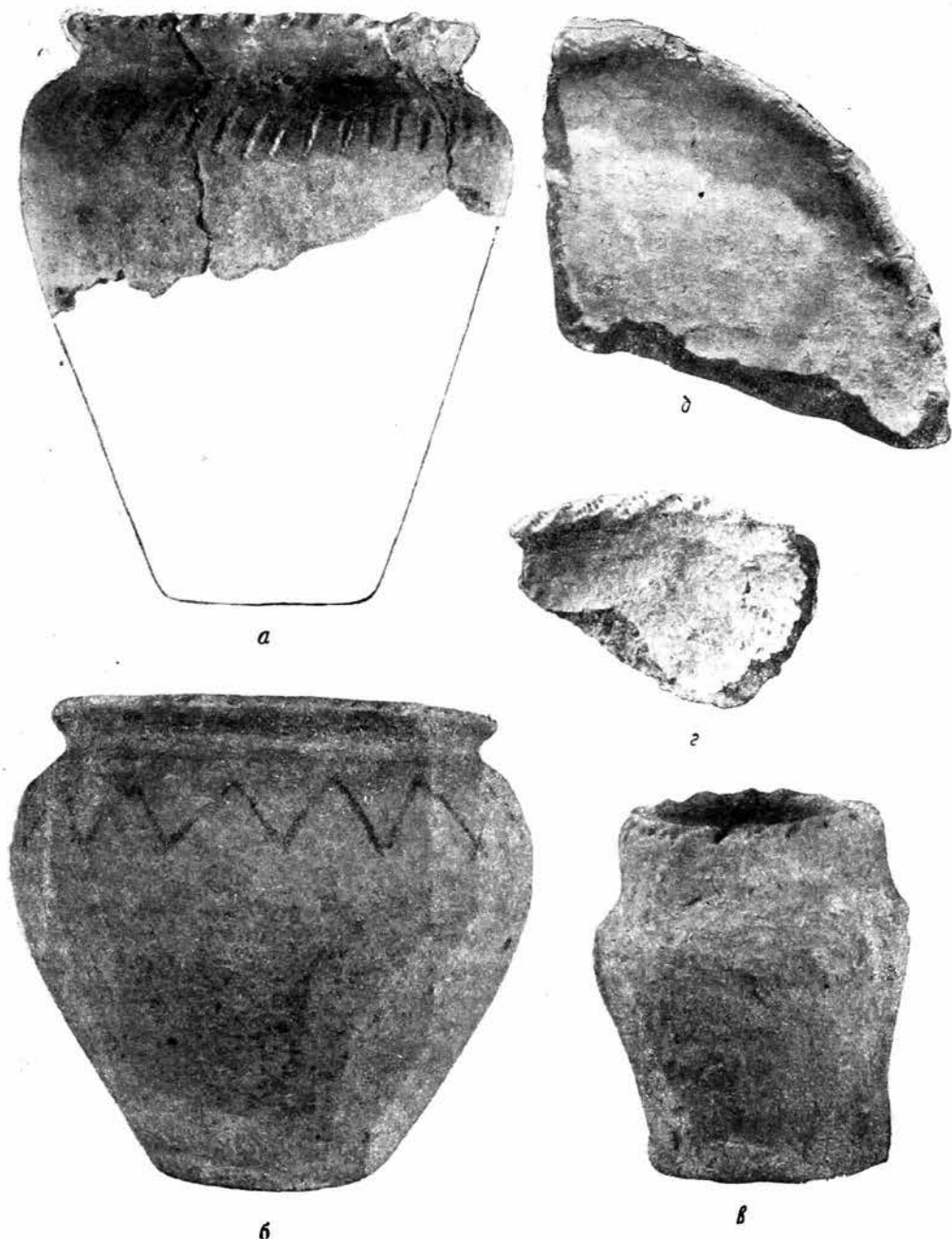

Рис. 15. Керамика раннеславянских поселений.

a — Полтавское поселение; *b* — Петровское поселение. (По П. Н. Третьякову);
c — Опошнянское поселение; *d* — городище Вашкевича. (По Н. Макаренко);
e — Гочевское городище. (Курский музей. Раскопки Б. А. Рыбакова).

Повидимому, материалы землянки-мастерской, обнаруженной Н. Е. Макаренко на городище Монастирище в раскопках 1924 г.,² отражают этот переходный момент в гончарном производстве. Выше уже

¹ М. Макаренко. Орнаментация керамических виробів. . . , табл. I, 4.

² М. Макаренко. Городище Монастирище. . . , стр. 13—14.

отмечалось, что землянка *В* не могла быть жилищем по характеру своего устройства (весь пол был изрыт ямами). Н. Е. Макаренко рассматривает ее как гончарную мастерскую. Это предположение находит подтверждение в ряде фактов. Автор раскопок отмечает сильную опаленность печи, а также наличие в золе значительного количества разных черепков. Н. Е. Макаренко не дает характеристики всего состава собранных им керамических остатков. Он публикует лишь несколько обломков, принадлежащих одному большому сосуду с волнистым и линейным орнаментом. Судя по публикации, сосуд этот был сделан на гончарном круге, правда, еще примитивном. Это подтверждает и автор в своей более поздней работе.¹ К сожалению, автор не говорит — были ли сосуды, к которым относятся найденные им в печи обломки, в употреблении или нет. Эти сведения в значительной мере помогли бы разобраться в вопросе: не была ли печь своеобразным гончарным горном для обжига посуды, на что в какой-то мере указывает подчеркнутая Макаренко сильная обожженность печи. На наличие в этом помещении примитивной гончарной мастерской указывает и то, что среди культурных остатков найдено большое количество глиняной массы, а также и глины в виде заготовок. Само расположение этой землянки почти вплоты к жилому помещению (землянке *Б*) также в какой-то мере подсказывает мысль о служебном, а не самостоятельном назначении землянки *В*. Как бы, однако, ни решался вопрос о характере землянки *В*, сосуществование примитивной гончарной керамики с лепной на поселениях роменской группы не вызывает никаких сомнений.²

Сосуды для хранения продуктов отличаются от кухонных горшков прежде всего размерами. Имеются различия и в профилировке. Наряду с формами, повторяющими кухонные горшки, встречаются широкогорлые сосуды с небольшим диаметром дна, слабо выраженными плечиками и шейкой и конусообразным корпусом.³ Диаметр наиболее широкой части корпуса этих сосудов равняется их высоте или близок к ней. Сосуды этого типа, как правило, асимметричны и малоустойчивы (рис. 17). Возможно, для хранения продуктов использовался и другой тип крупных сосудов, отличающихся высоким стоячим венчиком, переходящим в хорошо выраженные плечики, и более широким (припухлым) туловом. Диаметр его в самой широкой части превышает высоту сосуда. Диаметр дна небольшой ⁴ (рис. 17). Высота сосудов этой группы колеблется от 0.25 до 0.50 м. Большая часть их изготовлялась из плохо промешанной глины с примесью дресвы или шамота, вследствие чего стенки сосудов неровные и шероховатые.

Обжиг сосудов неравномерный. По технике изготовления и качеству глины из числа сосудов этой группы наиболее совершенны сосуды с вертикальным венчиком.

Вторым характерным типом сосудов славянских поселений роменско-боршевского типа являются глиняные тарелки-сковородки ⁵ (рис. 15, *д* и *е*). Форма их довольно близка к современным сковородкам. Они имеют плоское дно, толщиной около 1.5—2 см. Диаметр их 10—25 см. Бортики

¹ М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів. . . , стр. 338.

² Там же.

³ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . стр. 121—123, рис. 56.

⁴ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22, стр. 56, рис. 27; стр. 70, рис. 41; стр. 72, рис. 43.

⁵ Там же, стр. 68, рис. 39. — И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 122. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 136.

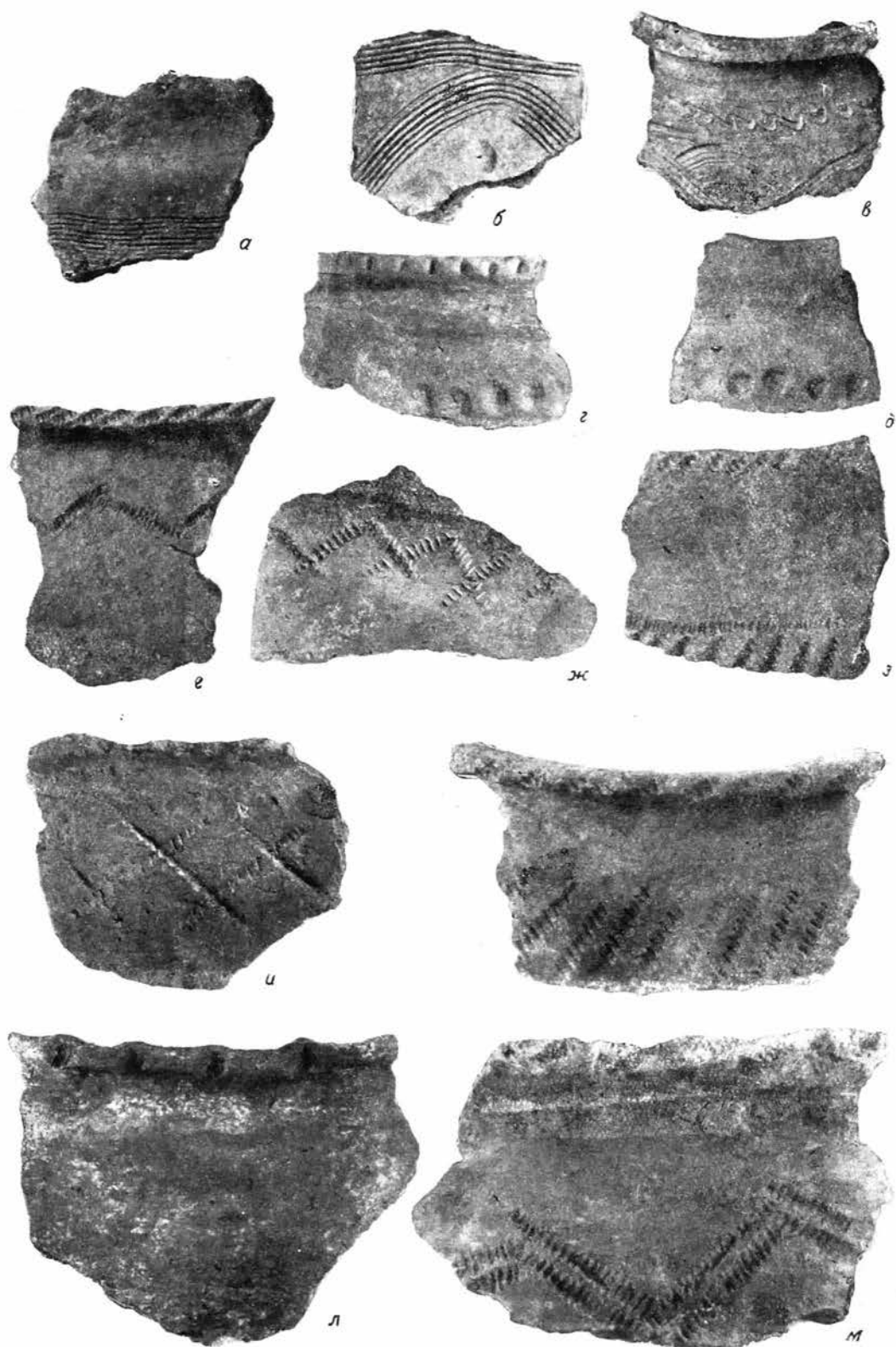

Рис. 16. Орнаментация раннеславянской глиняной посуды.

а—в, д, е, з — поселения роменской группы. (По Н. Е. Макаренко); е, ж, и—м — Полтавское поселение.

более или менее вертикальные. Высота их 3—4 см. Верхняя часть бортиков более тонкая, чем нижняя. Край бортика иногда орнаментирован отрисками зубчатого чекана или отпечатками кончиков пальцев. Качество глины и техника изготовления сковородок стоят значительно выше, чем у горшков: сковородки делались из более чистой глины, примесей в ней значительно меньше, и она плотнее, обжиг сковородок более ровный. Цвет их преимущественно темнобурый.

Из других сосудов, встречаемых на славянских поселениях VIII—X вв., следует отметить яйцевидные амфоры.¹ Сосуды этого типа нельзя считать характерными для славянских поселений: они не являются составной частью их керамического комплекса. Яйцевидные амфоры имеют широкое распространение на юге и юго-востоке в VIII—X вв. Их очень много на поселениях салтово-маяцкой культуры, где они и производились.² При изучении славянских поселений они ценны как датирующий материал.

По сравнению с керамическими остатками другие предметы быта среди материалов славянских поселений представлены довольно бедно. Из железных вещей следует отметить черенковые, с прямой спинкой ножи, а также острия.³ Значительно богаче как по количеству, так и по ассортименту изделия из кости — кочедыки, рукояти, иглы для вязанья сетей, шилья и другие острия и прочие поделки⁴ (рис. 18). Из глиняных изделий следует отметить в первую очередь пряслица (рис. 49, а). Форма их преимущественно биконическая, усеченная. Встречаются и овальные.⁵

Большое место среди глиняных поделок занимают так называемые конусы (рис. 19, б). Они встречены почти во всех исследованных жилищах. О их назначении имеются самые разнообразные предположения. Какое из этих предположений соответствует действительности, сказать пока трудно.⁶

Из украшений следует отметить стеклянные и пастовые бусы. Это, кажется, все, что известно в настоящее время.⁷

Значительное место среди культурных остатков занимают кости животных. К сожалению, не все исследователи уделяют должное внимание этой интереснейшей группе культурных остатков, проливающей свет на многие стороны хозяйственной жизни славянского населения, вследствие чего костные остатки или совершенно не собираются, или же остаются необработанными. В отношении использования как источника, костных остатков славянских поселений роменско-боршевского типа, встречается и еще одна трудность. Поскольку поселения, содержащие отложения раннеславянской культуры, в подавляющем большинстве своем многослойные, а культурный слой, как правило, перемешан, при их исследовании трудно выделить костные остатки, относящиеся к раннеславянской поро.

¹ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. стр. 122.

² В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город. Тр. XV АС, т. I, М., 1914, стр. 468 и сл.

³ И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 124—125 и рис. 56. — М. Макаренко. Городище Монастирище. , стр. 22 и табл. IV, 7

⁴ И. Ляпушкин, ук. соч. — М. Макаренко, ук. соч. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. , стр. 134 (рис. 6) и 138.

⁵ И. Ляпушкин, ук. соч. — П. Третьяков, ук. соч.

⁶ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 79. — И. Ляпушкин, ук. соч. — Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 75—76.

⁷ И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 125.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется костный материал с двух поселений, который более или менее отражает место домашних

Рис. 17. Керамика раннеславянских поселений (сосуды для хранения продуктов).

а, б — поселения роменской группы. (По Н. Е. Макаренко); в—с — Опошьянское поселение.

и диких животных в хозяйстве славянского населения исследуемой поры. Это материалы Петровского городища, исследованного П. Н. Третьяко-

Рис. 18. Поделки из кости.

вым,¹ и материалы Опошнянского городища, исследованного нами.² Материалы эти хотя и немногочисленны, но характерны. Прежде всего следует отметить, что по своему составу костные остатки обоих поселений очень близки. Судя по этим данным, мы имеем основание утверждать,

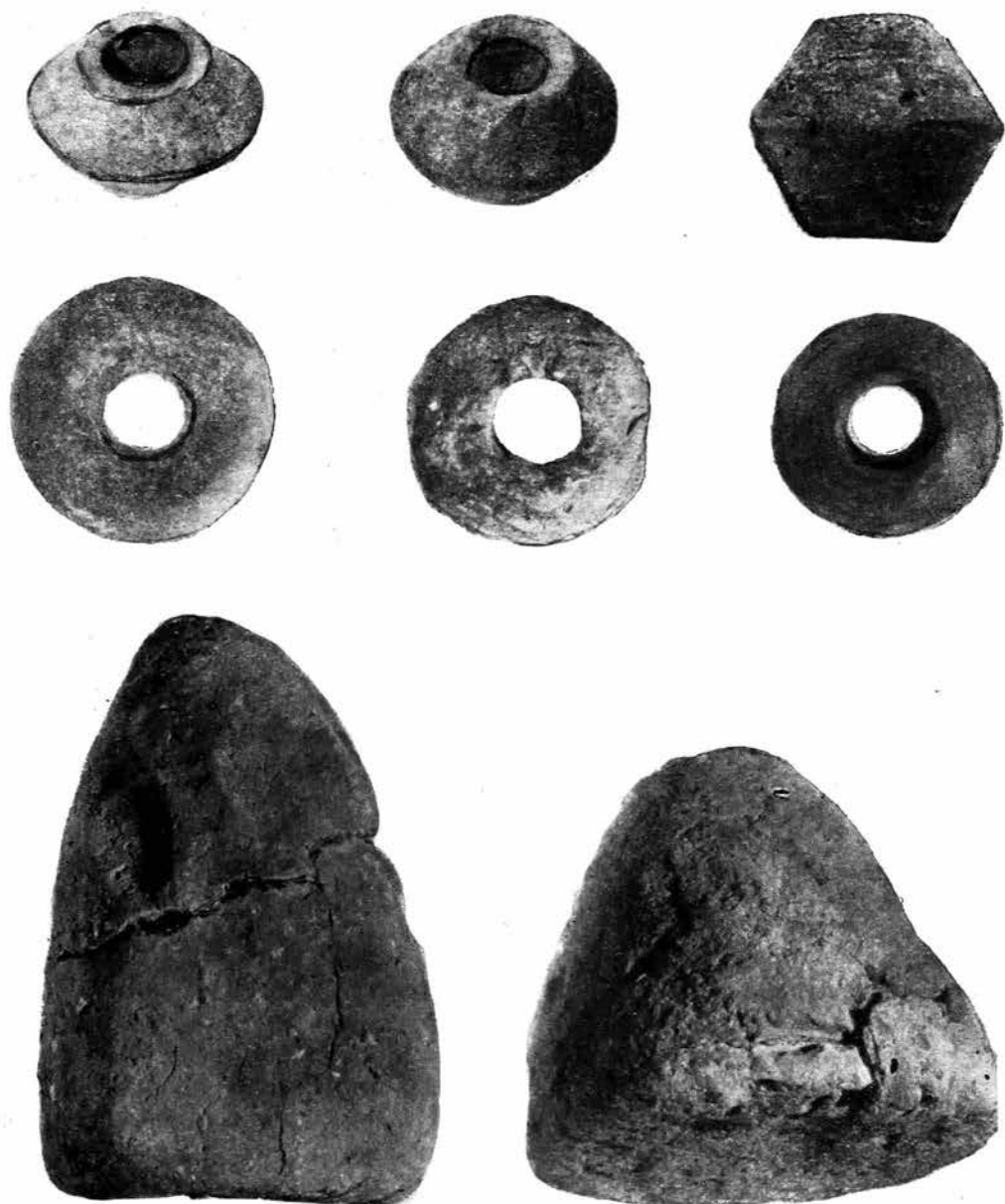

Рис 19. Поделки из глины.
Вверху — пряслица; внизу — конусы.

что в хозяйственной деятельности славянского населения домашние животные (корова, лошадь, овца и свинья) играли большую роль, чем дикие. Им принадлежит 3/4 костных остатков. Конечно, эти выводы нельзя считать окончательными. Они основаны на весьма небольшом материале и требуют дополнительной проверки. Приходится очень сожа-

¹ П. Третьяков. Стародавні слов'янські поселення. стр. 138—139.

² И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 125.

леть, что нет возможности использовать более богатый материал, добытый при раскопках Полтавского поселения. Многослойность этого поселения и сильная перекопанность его обесценивают костные остатки, поскольку нет уверенности в том, что остатки одного слоя не попали в другой.

Приведенные нами материалы, характеризующие жизненный уклад обитателей роменско-боршевских поселений, полностью подтверждают отмечаемые многими исследователями примитивность и архаизм изучаемой культуры.¹ Однако суждения некоторых из них в этом вопросе доходят явно до крайности и согласиться с ними никак нельзя.² В то же время эти материалы показывают, насколько наши знания многочисленных раннеславянских памятников, а следовательно, и жизни населения, оставившего эти памятники, отрывочны.

Переходя к выяснению датировки славянских поселений роменско-боршевского типа, следует отметить, что со времени выхода в свет нашей статьи, посвященной этому вопросу,³ данных для пересмотра установленной нами даты (VIII—X вв.) не появилось. Наоборот, судя по вышедшим за последнее время работам,⁴ в той или иной мере затрагивающим этот вопрос, эта датировка находит все большее подтверждение, поэтому останавливаться здесь на этом вопросе мы не считаем нужным.

4

В заключение необходимо остановиться еще на двух вопросах: какое место в истории Левобережья занимало население, оставившее памятники роменско-боршевского типа, и как широко территориально были распространены памятники этого типа.

Соображения по первому вопросу частично нами были изложены в одной из недавно опубликованных работ.⁵ В ней мы касаемся отношений населения, оставившего памятники роменско-боршевского типа, к населению предшествующей поры, оставившему памятники культуры «полей погребений». Повторять все сказанное нами нет никакой необходимости. Напомним лишь, что в результате анализа археологических памятников, оставленных той и другой группой населения, мы пришли к выводу, что в культуре поселений роменско-боршевского типа и «полей погребений» нет элементов материальной культуры, которые могли бы указывать на связь между этими группами населения, и что взаимоотношение их требует дальнейшего всестороннего изучения.

Вопросом отношений «роменцев» и населения последующей, так называемой великокняжеской поры (X—XIII вв.) специально, кажется, никто не занимался, ибо вопрос этот настолько ясен сам по себе, что не вызывает никаких разногласий. Все считают очевидным, что население X—XIII вв., обитавшее в области Левобережья, в основной своей массе корнями восходит к населению, оставившему памятники роменского типа. При анализе археологических памятников это подтверждается на

¹ М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 22. — П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, V, 1940, стр. 15—16.

² М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 22.

³ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 134.

⁴ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища..., стр. 134 сл. — М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 74 сл.

⁵ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950.

материалах и поселений и могильников. На них ясно прослеживается переход от одного периода жизни к другому по всему комплексу материальной культуры — характер поселения, жилищно-хозяйственные сооружения, бытовой инвентарь (керамика, изделия из кости, железа и т. д.), несмотря на то, что в целом культура одного и другого периода внешне как будто резко отлична.

Довольно сложным является второй вопрос: как широко территориально были распространены памятники этого типа. Существует мнение, что роменско-боршевские поселения представляют собой своеобразную группу славянских памятников, присущую лишь Днепровскому Левобережью (в широком смысле этого слова). Мысль эта не новая. В предположительной форме она была высказана еще Н. Е. Макаренко.¹ В настоящее время это положение приобрело значительное распространение как в специальной археологической, так и в исторической литературе.²

Однако, как показывают полевые исследования последних лет, а в свете их и ранее известные отрывочные данные, этот вывод не может считаться окончательным. Оказывается, что архаические черты материальной культуры славянских памятников роменско-боршевского типа (грубая лепная керамика с своеобразным орнаментом, большое количество орудий из кости, полуземляночные жилища) прослеживаются в материальной культуре раннеславянских племен и других областей.³ Правда, мы располагаем пока для этих районов немногочисленными и к тому же довольно отрывочными данными по этому вопросу, что вполне понятно: памятники славянской культуры конца I тысячелетия, в особенности же поселения, совершенно не изучены. Естественно, что каждый новый шаг, сделанный в этом направлении, должен привлечь наше внимание, равно как не должно быть забыто все то, что сделано в прошлом.

На находки комплексов вещей роменского типа на Среднеднепровском Правобережье в свое время уже указывалось при анализе материалов из раскопок 1932 г. на горе Киселевке в Киеве.⁴ Данные, приведенные автором, были, однако, недостаточно ярки для того, чтобы на них обратили должное внимание. В последнее время полевые изыскания в области Правобережья дали новый материал, заставляющий нас присмотреться к нему. Особого внимания заслуживают раскопки древних поселений, проводимые Институтом археологии АН УССР в окрестности с. Райки Житомирской обл. Бердичевского района. Материалы раскопок полностью еще не опубликованы. О них можно судить лишь по кратким предварительным отчетам, появившимся в периодической печати,⁵ и по докладу, прочитанному автором раскопок на пленуме ИИМК, посвященном

¹ М. Макаренко. Городище Монастирще. стр. 4—6. — О н ж е. Орнаментація керамічних впробів. , стр. 334 сл.

² П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. ИИМК, X, стр. 123—124. — О н ж е. Анты и Русь. СЭ, № 4, 1947, стр. 71—83. — О н ж е. Восточнославянские племена. , стр. 133—135, 172—174.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 101—104. — В. К. Гончаров. Посад и сільські поселення коло Райковецького городища. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Киев, 1949, стр. 32—35. — В. И. Сизов. Дьяково — городище близ Москвы. Тр. IX АС, т. II, М., 1897, стр. 256—267. — В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. АИЗ, год VI, №№ 7 и 8, М., 1898, стр. 221 сл.

⁴ С. Магура. До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу. НЗІМК, кн. I, Киев, 1934.

⁵ В. К. Гончаров. Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст. ст. Вісник Академії Наук УРСР, № 7, Липень, 1948 рік. Киев, стр. 48—49. — О н ж е. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища, стр. 31—46.

полевым исследованиям 1948 г. Но и этих кратких сведений вполне достаточно, чтобы разобраться в том, что представляют собой исследуемые памятники. В районе Райки обнаружено три славянских поселения, относящихся к концу I тысячелетия. Одно из них — на территории известного Райковецкого городища под слоем X—XIII вв., два других недалеко от первого, в урочище «Запасика» и «Лука». Таким образом, перед нами та же самая группировка поселений, что имеет место в тот же самый период на Левобережье. Самое же главное то, что обнаруженные при раскопках всех трех поселений остатки материальной культуры во многом напоминают остатки славянской культуры роменско-боршевского типа. Здесь имеются те же полуземляночные жилища, прямоугольные в плане, с печами-каменками четырехугольной формы,¹ расположенными в углах. Из бытового материала наиболее интересными являются обломки глиняной лепной посуды, сделанной из теста, содержащего значительное количество примеси в виде зерен кварца. Сосуды (кухонные горшки и сковородки) украшены линией и волной, а также зубчатым чеканом, т. е. такие, как и керамика роменских городищ Левобережья. Демонстрируемый автором раскопок на Пленуме ИИМК керамический материал было трудно отличить от левобережных материалов.

Автор раскопок датирует эти памятники антским временем, VI—VII вв.² В докладе на пленуме ИИМК он склонен был изменить эту дату на VIII—IX вв., т. е. датировать их тем же самым временем, что и роменские городища.

Фрагмент лепного сосуда роменского типа с орнаментацией зубчатым чеканом найден П. А. Раппопортом на городище у с. Плисецкое, к юго-западу от Киева.

В свете этих новых материалов (особенно из поселений у с. Райки) сейчас едва ли возможно утверждать, что славянских поселений роменско-боршевского типа, или — точнее — аналогичных им, на Правобережье нет. Их нет, по видимому, лишь потому, что многочисленные городища, известные в этом районе, остаются до сих пор не только неисследованными, но и необследованными. В тех случаях, когда раннеславянские памятники попадают в поле зрения археологов, они дают материалы, близкие материалам левобережных поселений.³ Несомненно, у каждого района есть свои особенности, как это имеет место и в более позднее время (X—XIII вв.), но общий облик их довольно единообразен. Это подтверждается не только тем, что приведено выше, но и рядом других хорошо известных фактов. Так, элементы раннеславянской культуры роменско-боршевского типа в виде характерной архаической лепной керамики, украшенной зубчатым чеканом, известны среди архео-

¹ Ср.: П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 29—31.

² В. К. Гончаров. Райковецкие феодальные городища, стр. 48—49.

³ Во время подготовки настоящей работы к печати мы имели возможность ознакомиться на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном полевым исследованиям 1950 г., с материалами, собранными в последние годы сотрудниками Черновицкого музея на средневековых поселениях бассейна верхнего течения Днестра. Материалы эти являются новым подтверждением высказанного нами выше положения. Среди обследованных памятников и здесь оказался ряд поселений (близ населенных пунктов Біла, Баламутівка, Бабино и др.) с раннеславянским комплексом архаического облика, близким к комплексу роменско-боршевских поселений (лепные шамотированные кухонные горшки, сковородки, большие сковороды для сушки зерна и т. п.). Исследователи датируют эти памятники VIII—X вв. Не исключена возможность, что нижняя граница этих памятников относится к более раннему времени (VI—VII вв.) (доклад научного сотрудника краеведческого музея Б. А. Тимошука).

логических материалов верхнего течения Днепра — в Гнездовском могильнике.¹ Керамика роменско-боршевского типа обнаружена на многих укрепленных поселениях и верхнего течения Оки (Дьяковское,² Федяшевское³ и др.). Костяные и некоторые другие изделия, собранные на этих поселениях, также ничем не отличаются от изделий поселений роменско-боршевского типа. Судя по некоторым данным, поселения верхнего течения Оки имеют и полуземляночные жилища, т. е. того же роменско-боршевского типа. Наконец, следует отметить еще один район, где элементы славянской культуры роменско-боршевского типа в виде керамики были встречены не один раз, — Белоруссия, ее южная часть. Нет сомнения, что дальнейшие полевые исследования в отмеченных районах вскроют не один памятник этого типа, свидетельствуя тем самым, что единство восточнославянского мира, хорошо знакомое нам по памятникам X—XIII вв., возникло до образования Киевского государства.

Приложение

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, БЛИЗ КОТОРЫХ РАСПОЛОЖЕНЫ РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ VIII—X вв.

- 1 — А в д е с о, Курской обл. Ленинского района, урочище Городище (правый берег р. Сейма) — селище;
- 2 — А з а к, Сумской обл. Лебединского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 3 — А х т ы р к а, Сумской обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 4 — Б а н и щ е, Курской обл. Львовского района, урочище Соловень-бугор (правый берег р. Сейма) — городище и селище;
- 5 — Б р о в а р к и, Полтавской обл. Гадячского района (правый берег Псла) — городище и селище;
- 6 — В о р о ж б а, Сумской обл. Лебединского района, урочище Городище (правый берег р. Псла) — городище (?);
- 7 — В о л о к и т н о, Сумской обл. Шарыгинского района (правый берег р. Клевень, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 8 — Г л и н с к, Полтавской обл. Опшмянского района (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 9 — Г л и н с к, Сумской обл. (правый берег р. Сулы) — городище;
- 10 — Г о р к а, Сумской обл. Лебединского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 11 — Г о р н а л ь, Курской обл. Суджанского района, урочище Большое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 12 — Г о р н а л ь, Курской обл. Суджанского района, урочище Малое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 13 — Д о л г и й К о л о д е з ь, Курской обл. Беловского района, урочище Стрелица (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 14 — Д о л г и й К о л о д е з ь, Курской обл. Беловского района, урочище Вышний (правый берег р. Псла) — городище;
- 15 — Ж у р а в н о е, Сумской обл. Ахтырского района (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 16 — З е л е н ы й Г а й, Сумской обл. и района, урочище Старое Крейдище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 17 — К а м е н н о е, Сумской обл. Лебединского района, урочище Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 18 — К а п у с т и ч и, Курской обл. Рыльского района (правый берег р. Сейма) — городище;
- 19 — К а р а ч е в к а, Харьковской обл. и района, урочище Донецкое городище (правый берег р. Уды) — городище и селище;
- 20 — К н ы ш е в к а, Полтавской обл. Гадячского района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 21 — К р а с н о е У т р о (б. Божки), Сумской обл. Крелевецкого района, урочище Перуново городище (правый берег р. Сейма) — городище и селище;

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1, стр. 101—114.

² В. И. Сизов. Дьяково — городище близ Москвы, стр. 256—267.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г., стр. 221 сл.

- 22 — Куземин, Сумской обл. Груньского района (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 23 — Липино, Курской обл. Ленинского района (правый берег р. Сейма) — городище и селище;
- 24 — Литвиновичи, Сумской обл. Путивльского района (правый берег р. Воргол, правого притока р. Сейма) — городище;
- 25 — Лубны, Полтавской обл. (правый берег р. Сулы) — городище;
- 26 — Могрица, Сумской обл. Миропольского района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 27 — Новотроицкое, Сумской обл. Лебединского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 28 — Опошня, Полтавской обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 29 — Осолово, Курской обл. Рыльского района (правый берег р. Сейма при устье р. Амонки) — городище;
- 30 — Петровское, Сумской обл. Тростянецкого района (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 31 — Петровское, Сумской обл. Тростянецкого района (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 32 — Решетники (б. Ст. Сенжары), Полтавской обл. Н. Сенжарского района (правый берег р. Ворсклы) — городище (?);
- 33 — Решетники (б. Ст. Сенжары), Полтавской обл. Н. Сенжарского района, урочище «Городок» (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 34 — Сары, Полтавской обл. Гадячского района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 35 — Скоробогатки, Полтавской обл. Лохвицкого района (правый берег р. Сулы) — городище и селище;
- 36 — Сосница, Черниговской обл. (на берегу оз. Буромка) — городище (?);
- 37 — Тополн, Сумской обл. и района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 38 — Хотмыжск, Курской обл. Борисовского района (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 39 — Чернечина, Сумской обл. Ахтырского района (правый берег р. Ворсклы) — селище;
- 40 — Шпилевка, Сумской обл. и района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 41 — Шумск, Сумской обл. Глинского района, б. х. Вашкевича (правый берег р. Сулы) — городище;
- 42 — Басивка, Сумской обл. Смеловского района (бассейн р. Сулы) — городище;
- 43 — Водяное, Харьковской обл. Змиевского района (правый берег р. Уды) — городище;
- 44 — Волынцего, Сумской обл. Путивльского района, урочище Дроголевское городище (правый берег р. Сейма) — городище;
- 45 — Воргол, Сумской обл. Путивльского района (правый берег р. Клевень, правого притока р. Сейма) — городище;
- 46 — Горки, Сумской обл. Путивльского района (правый берег р. Сейма) — городище;
- 47 — Городище, Курской обл. Бесединского района (правый берег р. Рать, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 48 — Гочеве, Курской обл. Беловского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 49 — Долгий Колодезь, Курской обл. Беловского района, урочище Наволочка (правый берег р. Псла) — городище;
- 50 — Картамышево, Курской обл. Обоянского района, урочище Погребки (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 51 — Лещиновка, Курской обл. Глушковского района (правый берег р. Сейма) — городище и селище;
- 52 — Медвежье, Сумской обл. Талалаевского района (правый берег р. Ромен, правого притока р. Сулы) — городище;
- 53 — Мохнач, Харьковской обл. Змиевского района (правый берег р. Северского Донца) — городище;
- 54 — Полтава, Красная площадь (правый берег р. Ворсклы) — городище (?);
- 55 — Путивль, Сумской обл., урочище Никольская горка (правый берег р. Сейма) — городище (?);
- 56 — Ромны, Сумской обл., урочище Монастырище (правый берег р. Ромен близ впадения в р. Сулу) — городище;
- 57 — Великая Рыбица, Сумской обл. Миропольского района (левый берег р. Рыбицы при впадении в р. Псел) — городище и селище;
- 58 — Рыльск, Курской обл. (правый берег р. Сейма) — городище (?);

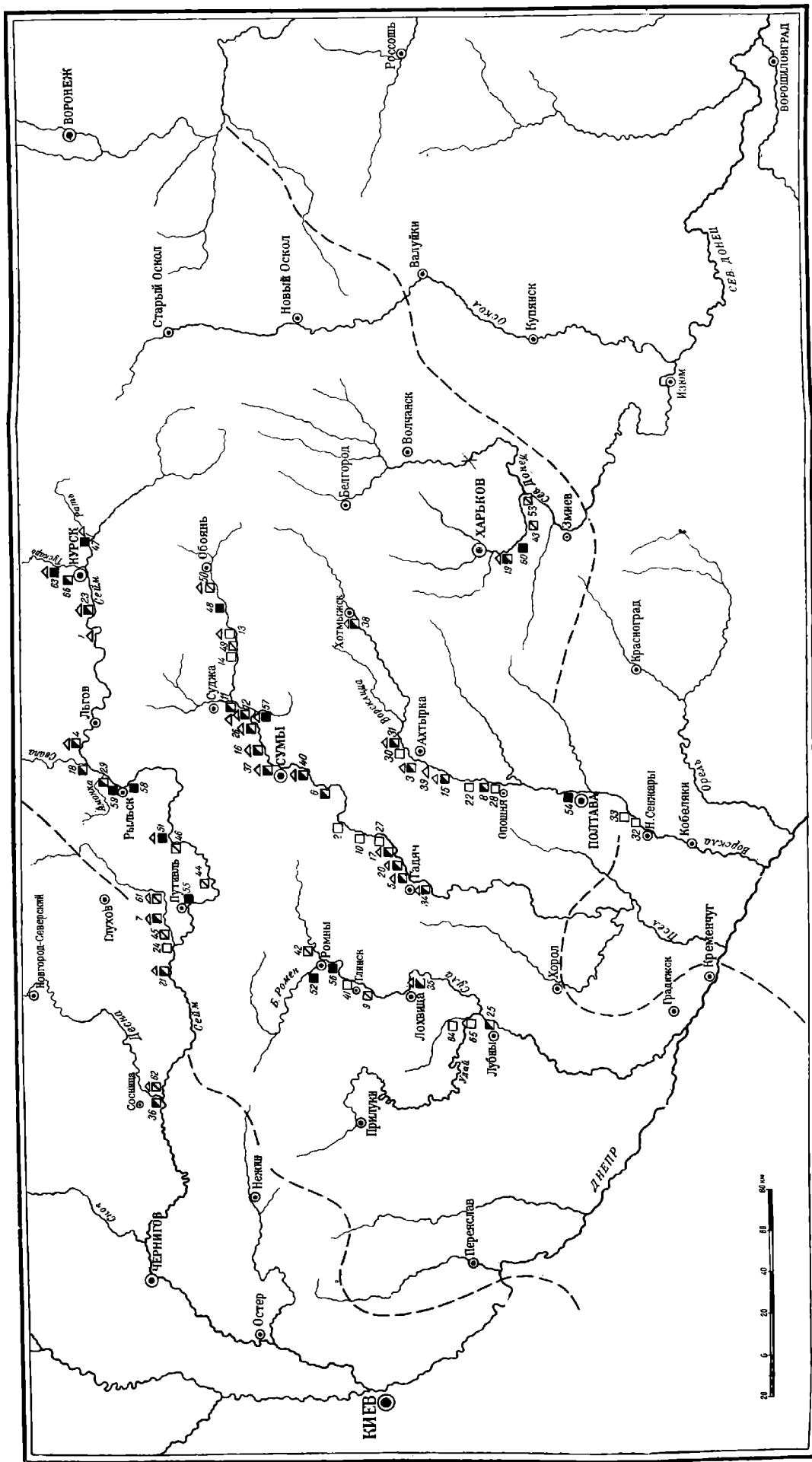

Рис. 20. Карта раннеславянских поселений Днепровского Левобережья.

1 — раннеславянские городища VIII—X вв.; 2 — раннеславянские поселения скифского времени; 3 — раннеславянские городища VIII—X вв., возвышие на местах укрепленных поселений скифского времени и содержащие отголоски X—VIII вв.; 4 — раннеславянские городища VIII—X вв., возвышие на местах укрепленных поселений скифского времени и содержащие отголоски X—XIII вв.; 5 — едича; 6 — граница лесостепи.

- 59—Рыльск, Курской обл., урочище Подмонастырская Слобода (правый берег р. Сейма) — городище;
- 60—Хорошево, Харьковской обл. и района (правый берег р. Уды) — городище;
- 61—Ховзовка, Сумской обл. Путивльского района, урочище Шпиль (правый берег р. Клевень, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 62—Шебалиново, Черниговской обл. Коропского района (правый берег р. Сейма близ впадения в р. Десну) — городище и селище;
- 63—Шуклинка, Курской обл. Стрелецкого района (правый берег р. Тускарь, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 64—Городище, Полтавской обл. Чернухинского района, урочище Замок (правый берег реки Удай при впадении р. Многа) — городище;
- 65—Хитцы, Полтавской обл. Лубенского района (правый берег р. Удай, правого притока р. Сулы) — городище;
- 66—Курск (правый берег р. Тускарь, правого притока р. Сейма) — городище (?).
-

М. И. АРТАМОНОВ

БЕЛАЯ ВЕЖА ¹

Под 964 г. после краткой, но выразительной характеристики князя-воина Святослава Игоревича, который «легко ходя, аки пардус, войны много творяще», «Повесть временных лет» сообщает о его походе на Оку и Волгу, а под следующим, 965 г. — о победе его над хазарами: «В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавше же козары, изидоша противу с князем своим Каганом, и ступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победи и касогы».²

Сведения об этом походе руси на хазар, значительно расширяющие краткие, суммарные данные русской летописи, содержатся в сочинении арабского писателя Ибн-Хаукаля. Современник этого события Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и государств», описывая р. Итиль-Волгу и жившие по ней народы, замечает: «В настоящее время не осталось и следа ни от Булгара, ни от Буртаса, ни от Хазара, ибо русы напали на них, отняли у них все эти области и присвоили их себе».³ Из повествования этого автора следует, что русы разгромили столицу Хазарии Итиль и древний центр хазар в северном Дагестане — Семендер. События эти Ибн-Хаукаль относит, однако, не к 965 г., которым русская летопись датирует поход Святослава против хазар, а к 968/9 г. (358 г. хиджры).

Ввиду расхождения в датах некоторые историки полагают, что в русской летописи и у арабского автора речь идет не об одном, а о различных событиях, не имеющих ничего общего между собой и даже связанных с различной русью. Один поход связывается с русью киевской, возглавляемой князем Святославом, а другой — с какой-то другой русью, явившейся в Хазарию с верхней Волги или с Оки.

Известное сообщение арабских писателей о трех центрах древней Руси несомненно отражает реальную картину формирования русской государственности. Однако, кроме Киева и Славии (Новгорода), в этом известии указывается еще загадочная Артанья, относительно местопо-

¹ В предисловии к моей книге «Очерки древнейшей истории хазар» (ГИЗ, 1937) я допустил преувеличенную оценку значения хазар во всеобщей и русской истории и умаление самостоятельности древнерусского государства. Такого рода ошибки вызывают неправильные представления о роли хазарской культуры в сложении культуры русского народа. На эти ошибки мне было правильно указано в статье П. Иванова «Об одной ошибочной концепции» напечатанной в «Правде» от 25 декабря 1951 г. № 359. Помещаемая здесь статья лишним раз подчеркивает ошибочность моих взглядов и показывает, что древнерусская культура, представленная в Белой Веже, городе, возникшем на развалинах хазарской крепости и территориально отдаленном от основного массива русского народа, полностью независима от культуры хазарской и явно превосходит последнюю.

² Повесть временных лет. Изд. АН СССР, М.—Л., т. I, 1950, стр. 47.

³ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1871, стр. 218.

жения которой ведутся бесконечные споры. Как бы ни решался вопрос об этом третьем центре древней Руси, нет никаких оснований полагать, что по своему значению он может сопоставляться с двумя первыми центрами, хорошо известными по другим историческим источникам, а именно с Киевом и Новгородом. Если даже Артания и существовала, она не могла располагать силами для столь сокрушительного удара по городам среднего и нижнего Поволжья, какой рисуют сообщения Ибн-Хаукаля. Реальными силами для такого удара во второй половине X в. обладала только Киевская Русь во главе со Святославом. Таким образом, надо полагать, что и в русской летописи и в сочинении Ибн-Хаукаля говорится об одном и том же, а именно о походе на Хазарию киевского князя Святослава, об одном из самых замечательных предприятий этого храброго воина и талантливового полководца.

Расхождение в датах может зависеть от недостаточной точности обоих наших источников. 968/9 г. у Ибн-Хаукаля, по мнению В. В. Бартольда,¹ может означать не дату похода руси на хазар, а время, когда сведения об этом событии были получены Ибн-Хаукалем. Известно, что данные для своего труда Ибн-Хаукаль собирал во время своих путешествий. Сведения об интересующем нас походе руси он получил в Джурджане. Писал же он свое сочинение только около 976/7 г., т. е. 8 лет спустя после года, которым он датирует нападение руси на хазар, и нет ничего невероятного в том, что 968/9 г., к которому он относит этот поход, в действительности является временем, когда сведения о нем были получены Ибн-Хаукалем.

Не вызывает особого удивления и то обстоятельство, что в сообщении о походе Святослава на хазар русская летопись умалчивает о победах его над болгарами и буртасами и о разгроме им хазарских городов Итиля и Семендера, тогда как Ибн-Хаукаль ни слова не говорит о поражении, нанесенном русскими ясам и касогам, и о взятии ими Белой Вежи. Ограниченность сведений Ибн-Хаукаля вполне понятна, принимая во внимание, что он был не историк, а географ, заносивший в свое сочинение данные, представлявшие интерес в первую очередь для арабской торговли, и притом главным образом лишь такие, которые он мог получить путем расспросов или в результате непосредственного наблюдения. В Джурджане, где он собрал интересующие нас сведения, очевидно, ничего не знали о сражениях руси с ясами и касогами и о взятии русью пограничной хазарской крепости Белой Вежи или же, если и знали, не придавали этому существенного значения, так как эти события непосредственно не затрагивали интересов мусульманских купцов, находившихся в оживленных сношениях с поволжской Хазарией, а не с ее западной периферией.

Русский летописец, наоборот, заострил внимание на Белой Веже, выделил и привел в своем повествовании этот факт из несомненно богатого различными эпизодами похода Святослава на хазар потому, что Белая Вежа, как мы увидим ниже, не только была взята Святославом, но и заселена русскими, сделавшись на некоторое время весьма важным русским городом в степях юго-востока. Во время написания летописи она была хорошо известна в Киеве, и обстоятельства, при которых Белая Вежа стала русским городом, представляли для русского общества того времени существенный интерес. Другое дело — Итиль или Семендер. Они давно утратили свое былое значение, и самая память о них могла исчезнуть настолько, что летописец ограничился общим сообщением

¹ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Советское востоковедение, т. I, 1940, стр. 35.

о походе Святослава на Волгу и о победе над хазарами, не входя в подробности этого отдаленного по времени события в той части, в которой оно не связывалось с современными летописцу интересами Русского государства.

Итак, в русской летописи и в сочинении арабского географа речь идет об одном и том же, а именно о походе Святослава на Хазарию, в тот период, когда Русь становилась важнейшим политическим образованием Восточной Европы.

Последовательность событий этого похода была, в общих чертах, видимо такова: ¹ в 964 г. Святослав проник по Оке на Волгу. Здесь, спускаясь вниз по реке, он погромил камских болгар и живших ниже их буртасов и, добравшись до Хазарии, одержал решительную победу над выступившим против него хазарским каганом, взял и разграбил столицу Хазарии Итиль. Не удовольствовавшись этим, Святослав проник затем на Северный Кавказ, где в нынешнем северном Дагестане находился крупный хазарский город Семендер, бывший столицей Хазарии до перенесения ее на нижнюю Волгу. Разорив этот город, Святослав двинулся вдоль Кавказского хребта на запад, столкнувшись по пути с занимавшими центральную часть Северного Кавказа аланами, ясами русской летописи, и с черкесскими племенами Прикубанья — касогами. Движение Святослава на запад, по всей вероятности, с самого начала было направлено к Керченскому проливу, захват которого представлял весьма важные преимущества русской торговле. Есть все основания полагать, что образование русского Тмутороканского княжества является прямым следствием похода Святослава.

Ввиду важности этого вопроса для нашей темы на нем необходимо остановиться. Русь еще до Святослава предпринимала попытки овладения Керченским проливом, этими весьма важными для нее воротами на восток. Однако первая известная нам попытка не увенчалась успехом. Я имею в виду события, связанные с походом руси в Закавказье в 943 г.

Из письма неизвестного хазарского еврея (Кембриджский документ) мы знаем, что в годы царствования византийского императора Романа Лекапина (919—944) русы напали на хазарский город Самкерц, находившийся на берегу Керченского пролива. ² Этот город, запиравший проход из Черного моря в Азовское, был хорошо известен русским купцам, приплывавшим сюда из Днепра вдоль берегов Крыма. Здесь находилась большая хазарская стража, оберегавшая вход в пролив на судах и переход через него зимой, когда пролив покрывался льдом. ³ На вопросе о точном местоположении Самкерца я сейчас останавливаться не буду, так как в данной связи нам безразлично, находился ли он на месте Тамани, или соответствует нынешней Керчи. Замечу только, что в письме кагана Иосифа он назван наряду с другим городом, носившим имя Керц.

Русы, — рассказывает в письме хазарского еврея, — хитростью овладели Самкерцем и забрали там богатую добычу, но удержать города не смогли. ⁴ Против них выступил хазарский правитель области, включавшей в свой состав Керченский пролив. В данном документе он именуется «булшицы Песах», что, очевидно, соответствует наименованию архонта Боспора «балгитчин» в хронике Феофана ⁵ и означает «болгарский князь», т. е.

¹ Ср.: Н. З н о й к о. О походах Святослава на восток. ЖМНП, т. XVIII, 1908, № 11, стр. 258 сл.

² П. К. К о к о в ц о в. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 118.

³ А. Я. Г а р к а в и, ук. соч., стр. 131 (Масуди).

⁴ П. К. К о к о в ц о в, ук. соч., стр. 102.

⁵ Т е о р н. Chronogr. recens. de Boor., I, стр. 373. Ср.: П. К. К о к о в ц о в, ук. соч., прим. 6 на стр. 118—119.

князь известных в Прикубанье черных болгар. Не застав русских в Самкерце, Песах двинулся на византийские владения в Крыму, поскольку, как гласит Кембриджский документ, русы выступили против хазар по проискам Византии. Песах завоевал три византийских города и множество селений и под конец осадил и взял Херсонес. Расправившись таким образом с Византией, он двинулся против русского князя Хельгу, разбил его и заставил выступить против Византии. Поводом войны между Византией и хазарами, в которую оказалась втянутой Русь, по данным кембриджского документа, было преследование иудеев в Византии, на которое хазарский каган ответил гонениями против христиан.

Нет сомнения, что здесь имеется в виду поход Игоря на Византию в 941 г. Как известно, поход был неудачным, русские ладьи были истреблены греческим огнем, русские были разбиты и на суше. Князь Игорь с жалкими остатками флота бежал к Боспору Киммерийскому, т. е. к Керченскому проливу, к своим союзникам хазарам, а остальное русское войско вернулось по берегу Фракии.¹

В письме хазарского еврея говорится, что русский князь устыдился вернуться в свою страну и отправился в Персию морем. Действительно, около этого времени, в 943 г., русы с согласия хазар прошли через Хазарию хорошо известным им путем, которым они пользовались еще в 913 г., т. е. вверх по Дону до переволоки из этой реки в Волгу, а затем по последней в Каспийское море и появились в арабских владениях в Закавказье.² О похождениях их в Закавказье мы здесь говорить не будем; достаточно отметить, что, согласно сведениям хазарского еврея, погибший там предводитель руси был Хельгу, тот князь, под начальством которого русь перед тем напала на Самкерц и против которого воевал булшицы Песах.

В письме хазарского еврея этот князь Хельгу-Олег полностью заслонил русского великого князя Игоря, в годы правления которого происходили описанные события. Вместе с тем нет решительно никаких данных считать Хельгу за князя, независимого от Игоря, представлявшего какую-то особую русь, отличную от руси киевской и находившуюся где-то, не то в Крыму, не то на Тамани, т. е. так называемую черноморскую русь.³ Поводами для предположения о такой особой руси служат и известия арабских писателей о трех центрах руси, в особенности указания их на пресловутую Артанию и те места в договоре Игоря с греками, в которых говорится о князе русском, которому, во-первых, запрещается воевать в Корсунской стране, а во-вторых, предписывается защищать эту страну, т. е. византийские владения в Крыму, от уже известных нам черных болгар. Действительно, в изложенных статьях договора говорится просто о русском князе, тогда как во всех других случаях, относящихся к Игорю, он называется великим князем русским.⁴

Создается определенное впечатление, что в этих статьях речь идет о князе, подручном русского великого князя, которому можно, как это сказано в договоре, «приказывать» делать то или иное. Таким подручным князем Игоря мог быть Хельгу-Олег, но совершенно исключается возможность нахождения его княжества на Таманском полуострове или

¹ М. Д. При sel ко в. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. ВДИ, 1939, № 3, стр. 101.

² А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 (943/944) г. Византийский временник, т. XXIV

³ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА СССР, № 6, 1941, стр. 191 сл.

⁴ Повесть временных лет, ук. изд., стр. 34 сл.

в Крыму. Как следует из вышеизложенного, Песах, не застав Хельгу в Самкерце, напал на византийские владения в Крыму и только после взятия Херсонеса направился против русских. Если бы русский князь, покинувший Самкерц, оставался на Таманском полуострове или в Крыму, последовательность действий князя черных болгар была бы, несомненно, иной. Он не мог бы открыть военные действия против Византии, оставив в тылу у себя русское войско. Ясно, что Хельгу предводительствовал не какой-то особой черноморской русью, а все той же русью днепровской, которая в это время выступает в качестве крупной силы в Восточной Европе. По всей вероятности, Хельгу был предводителем тех наемных варяго-русских дружин киевского князя, которых нельзя было держать в бездействии, которые были связаны с Киевом как со своей базой, но находились в весьма условном подчинении у киевского князя и в погоне за добычей могли на свой риск и страх пускаться в такие рискованные предприятия, какими были походы в Закавказье 913 и 943 гг. Правда, в 945 г., когда утверждался договор Игоря с Византией, Хельгу и его войска уже не было в распоряжении русского великого князя, но это обстоятельство могло быть не учтено при составлении договора. Я здесь вовсе не касаюсь вопроса об отношении Хельгу хазарского источника (Кембриджского документа) к летописному Олегу, который в договоре с греками 912 г. значится русским великим князем. Замечу только, что при сложении легендарного образа Вещего Олега исторический Хельгу мог сыграть далеко не последнюю роль.

Возвращаясь к походу Святослава на хазар, следует еще раз подчеркнуть, что к этому времени, как и раньше, никакой особой черноморской руси не было и русского Тмутроканского княжества не существовало, но зато важность Керченского пролива для восточной торговли руси была давно уже осознана и хорошо известна киевскому князю. Овладение этим проливом было совершенно необходимым звеном в цепи тех задач, которые решались Святославом. К рассмотрению этих задач мы перейдем несколько ниже, здесь же отметим, что аналогичное, хотя, конечно, и меньшее значение для Святослава имело взятие хазарской крепости на Дону, известной русским источникам под именем Белой Вежи. Надо полагать, что под стенами этой крепости Святослав появился только после закрепления своей власти над берегами Керченского пролива.

В 966 г. Святослав опять оказывается в области вятичей, живших на верхнем Дону и в бассейне верхней и средней Оки. В Ипатьевском, Никоновском, Новгородском 1-м и Архангелогородском списках летописи под 965 г. после сообщения о взятии Святославом Белой Вежи и победах над ясами и касогами говорится: «и приде к Киеву». В Лаврентьевской летописи этого известия нет. Принимая во внимание, что Лаврентьевская летопись является древнейшей и наиболее исправным списком начальной летописи, я полагаю, что Святослав оказался у вятичей, не заходя в Киев, а поднявшись от Белой Вежи вверх по Дону, т. е. что подчинение им вятичей явилось завершением его трехлетнего восточного похода.

Из контекста летописного рассказа об этом походе вытекает, что, идя на Волгу, Святослав, только будучи на Оке, обнаружил, что славянское племя вятичей платит дань хазарам. Конечно, это не соответствует действительности. Святослав не мог не знать того, что значительно позже хорошо было известно летописцу, а именно, что задолго до его похода часть восточнославянских племен находилась под властью Хазарского каганата и платила дань хазарам. В легендарной части летописного повествования рассказывается о подчинении хазарам полян. Этот рассказ летописец заканчивает знаменательным пророчеством старцев хазарских,

смущенных полученной с полян данью в виде мечей. «Не добра дань, княже. Мы ся доискахом оружием одиною стороною, рекше саблями, а сих оружие обоюдоустро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах. Се же сбьсться вся»,¹ — добавляет летописец, осведомленный не только о важнейших этапах освобождения славянских племен из-под хазарского ига, но и о разгроме хазар Святославом.

Поляне перестали платить дань хазарам после утверждения в Киеве Аскольда и Дира, что летописью относится к 862 г. Летопись датирует 884 годом подчинение Олегом северян, которым он запретил платить дань хазарам, говоря: «Аз им противен, а вам не чему». В следующем 885 г. Олег подчинил радимичей, заставив их платить себе дань в том же размере, в каком они выплачивали ее хазарам. В войске Олега, собранном для войны с Византией, значатся не только эти освобожденные из-под власти хазар племена, но и вятичи, о подчинении которых Олегом летопись ничего не знает, что, однако, не может служить поводом для опровержения этого известия летописи, так как вятичи могли участвовать в ополчении, собранном под знаменами Олега, в качестве союзников, а не подданных.

Таким образом, ко времени Святослава вятичи оставались единственным восточнославянским племенем, платившим дань хазарам. Подчинение их киевскому князю явилось бы завершением объединения восточнославянских племен в едином Русском государстве.

Нет сомнения, что еще в 964 г. Святослав, идя на Оку, имел в виду выполнение именно этой задачи. Однако эта задача была у него не единственной и даже не самой важной. Как видно из дальнейшего, Святослав начал не с вятичей. Ознакомившись с положением дел на месте, Святослав убедился, что подчинение вятичей дело не простое, что сделать это без борьбы невозможно, и поэтому, чтобы не ослаблять своих сил, предназначенных для другой, более значительной цели, он на первых порах постарался только нейтрализовать это большое и сильное славянское племя и, не ставя вопроса о подчинении его Киеву, видимо, только прошел через вятическую землю, может быть, даже усилил свое войско присоединением вятических отрядов на правах союзников.

Достигнув основной своей цели — разгромив хазар, Святослав мог уже не считаться с вятичами и завершил свое грандиозное предприятие покорением этого племени. С вятичами Святославу пришлось выдержать серьезную борьбу, из которой он, однако, вышел победителем. Наложив дань на вятичей, Святослав вернулся в Киев и вскоре со всей свойственной ему смелостью и энергией бросился в новое грандиозное предприятие — в завоевание Болгарии на Дунае. Это новое предприятие отвлекло его от дел на востоке и помешало полностью закрепить за Русью сделанные там завоевания.

Так мне представляется последовательность и взаимная связь событий, о которых летопись рассказывает под 964—966 гг.

Историческое значение этих событий было огромным. Святослав закончил объединение восточнославянских племен в рамках Русского государства.

Находясь на перекрестке торговых путей, Хазария играла весьма видную роль в международной торговле между севером и югом, Азией и Европой. Через Хазарию как промежуточную инстанцию проходили из Руси и Волжской Болгарии особенно ценимые на восточных рынках меха, воск, янтарь, железные изделия (мечи) и другие товары. Через Хазарию же шли невольники. Эти товары поступали на рынки Азербайджана,

¹ Там же, стр. 16.

Армении, Византии, Ирана и Хорезма, доходили до Мерва, Багдада и Константинополя. В обмен на них шли изделия восточного ремесла и в большом количестве серебряная монета. В главный политический и вместе с тем торговый центр Хазарии, г. Итиль, съезжались купцы из разных стран. Торговля через Хазарию была главным источником доходов для хазарского кагана. Со всех товаров, проходивших через Итиль, взималась пошлина, которая давала возможность главе Хазарского государства содержать сильное, хорошо вооруженное наемное войско и благодаря этому держать в своей власти обширную территорию с разнородным населением. С другой стороны, разнородность этого государства и рост сепаратизма различных его составных частей были источником слабости Хазарского каганата. Не имея опоры в народе, хазарский каган оказался в зависимости от своей наемной гвардии.

Молодое, крепнущее Русское государство было весьма заинтересовано в восточной торговле. О значении для Руси этой торговли ярко свидетельствуют многочисленные клады восточных монет, находимые на территории северных славянских племен. Контроль над этой торговлей со стороны хазар и зависимых от них волжских болгар не мог не заботить русского князя. К тому же хазары господствовали в это время над частью восточнославянских племен и препятствовали объединению их в едином Русском государстве.

Поход Святослава на Волгу против хазар не был простым грабительским набегом, он преследовал определенные, далеко идущие политические задачи и прежде всего захват важнейших ключевых позиций на волжском торговом пути. Об этом мы можем заключить не только из учета обстоятельств, при которых совершался этот поход, но и из определенных указаний на этот счет, содержащихся в сочинении Ибн-Хаукаля. Сообщая о разгроме Поволжья русью, он добавляет: «русы отняли эти области и присвоили их себе».¹ Беглецы из Хазарии, жившие в Закавказье, по словам Ибн-Хаукаля, оставались здесь вблизи от своей страны, надеясь заключить мир с русскими и подчиниться им.² Из этого ясно, что русы не ограничились разгромом хазарских городов, они подчинили их своей власти, и беженцы из этих городов только ожидали благоприятного момента, чтобы вернуться домой и жить под властью русских.

Намерения Святослава, таким образом, были очень широкие. Однако осуществить их полностью ему не удалось. Подчинение Хазарии оказалось невозможным, повидимому, потому, что главные силы Руси в скором времени были отвлечены в другом направлении, на решение другой задачи—завоевание Дунайской Болгарии, которое в глазах Святослава представлялось более важным, чем завоевание Хазарии, — а также еще и потому, что Хазария получила помощь от тесно связанного с нею торговыми узами Хорезма.

По свидетельству Ибн-ал-Атира, хорезмийцы оказали помощь хазарам против напавших на них тюрок. В этих тюрках, повидимому, следует видеть гузов, которые соседнили с хазарами на востоке и были известны русской летописи под названием торков. Еще Вестберг высказал предположение, что они действовали в союзе со Святославом, что весьма вероятно, так как указанная Ибн-ал-Атиром дата нападения их на Хазарию — 965 г. — совпадает с годом победы Святослава над хазарами. Хазары получили помощь от Хорезма, обязавшись принять мусульманскую религию.³

¹ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 218.

² Там же, стр. 218.

³ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 34. — С. П. Толстов. Новогодний праздник «Календас» у хорезмийских христиан. СЭ, 1946, № 2, стр. 92—93.

Впрочем, и это Хазарии существенным образом не помогло. Небольшие русские гарнизоны, оставленные Святославом, не смогли удержаться на Волге, но и Хазария как большое государство не возродилась. Она рассыпалась на свои составные части, каждая из которых не была настолько значительна, чтобы играть заметную роль в дальнейшем историческом процессе. Исключение составила Волжская Болгария, которая после гибели Хазарского каганата заняла ведущее положение в Поволжье и просуществовала в качестве цветущего, сильного царства вплоть до монгольского завоевания.

Таким образом, Святославу не удалось полностью осуществить свои планы на Востоке. Волжский путь и после его похода оставался не русским. Из завоеваний Святослава Руси на некоторое время удалось удержать только подступы к Востоку — Керченский пролив, да город на Дону — Белую Вежу, где сразу же после завоевания их Святославом возникли русские поселения.

Белая Вежа как русский город до сих пор не привлекала к себе внимания исследователей, хотя наличие ясно выраженных следов русской культуры в остатках этого города давно было известно и служило одним из доводов против отождествления этих остатков с хазарским Саркелом. Мне нет надобности еще раз доказывать, что Белая Вежа русской летописи означает хазарскую крепость Саркел на Дону, что это русское название представляет собой простой перевод хазарского имени этой крепости, которое Константин Багрянородный по-гречески передавал как «белый дом».¹ Нет надобности также доказывать, что остатки Саркела — Белой Вежи находятся на левом берегу Дона близ станицы Цимлянской. Произведенными здесь раскопками открыты остатки кирпичной хазарской крепости, полностью соответствующей признакам Саркела, известным по рассказу о его построении Константином Багрянородным; раскрыты также мощные отложения русского города, существовавшего на ее развалинах.²

Хазарская крепость Саркел, воздвигнутая на левом, низком берегу Дона, была не только оборонительным сооружением на северо-западной границе Хазарии, но и важным опорным пунктом хазар на сухопутной дороге, связывавшей нижнее Поволжье с владениями хазар на западе. Она представляла собой правильный четырехугольник 186 м длиной и 125 м шириной, обведенный массивными кирпичными стенами, усиленными многочисленными башнями (рис. 1). Крепость была перегорожена на две части особой внутренней стеной, которая по толщине лишь немногим уступает наружной стене. Обе части крепости были застроены большими, длинными кирпичными зданиями с полами, вымощенными кирпичом или залитыми известью. Главные ворота в крепость находились в северо-западной стене и представляли собой башню большей, чем другие, величины с широким пролетом, закрывавшимся деревянными створами. По сторонам ворот изнутри были кирпичные здания для караула. У входа в ворота с этой же стороны находился глубокий колодец, облицованный тесаными камнем. Это был осадный колодец, который открывался только в военное время, когда выход к реке был невозможен. В остальное время он был закрыт деревянным настилом и не мешал проезду.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 42. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 20.

² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935. — О н ж е. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, стр. 130 сл. — О н ж е. Новые раскопки Саркела — Белой Вежи. ВИ, 1949, № 10, стр. 138. — О н ж е. Раскопки Саркела — Белой Вежи в 1950 г. ВИ, 1951, № 4, стр. 147.

Не касаясь других подробностей в устройстве крепости, обнаруженных раскопками, отметим, что, кроме гарнизона, в ней с самого начала жило и постоянное гражданское население, устраивавшее свои жилища в местах, не занятых крепостными кирпичными зданиями. Жилища эти были как типа полуземлянок, так и надземные со стенками из плетня, обмазанного глиной, а также и в виде юрт, поверх основы из прутьев перекрытых войлочной кошмой. С этим населением, в первую очередь, и связывается та культура, которая представлена в нижнем хазарском слое городища. Начальной датой ее здесь является время построения крепости около 834 г., конечной — взятие этой крепости Святославом.

Хорошее подтверждение последней даты представляет одна из самых замечательных находок, сделанных при раскопках городища, а именно клад, обнаруженный частично в обломке большого горшка, наполненного просом, а частично возле него. Клад состоял из двух поясов, обложенных серебряными позолоченными бляшками, ожерелья из сердоликовых бус и серебряных диргемов и из комка рубленых серебряных монет. Все определенные монеты этого клада оказались относящимися к промежутку времени между 914—947 гг. Все они чеканены в Средней Азии (главным образом в Самарканде).¹ Таким образом, клад этот не мог попасть в землю ранее середины X в. и, по всей вероятности, связан со взятием Саркела Святославом.

Особенностями этого клада лучше всего характеризуются обстоятельства взятия крепости Святославом. Владелец дорогих вещей, входящих в состав клада, в последний момент, может быть во время штурма крепости, спрятал их в горшок с просом и оставил в доме. Дом при взятии крепости сгорел, следы пожара прослеживались в слое с кладом и заметны на вещах клада: просо, находившееся в горшке, обуглилось, а вещи частично пострадали от огня, самый горшок разбился. Поэтому клад не достался победителям и не мог быть взят своим владельцем, даже если последний и уцелел после штурма крепости.

Хотя оборонительные стены крепости в основном сохранились, большинство кирпичных зданий внутри ее после взятия русскими представляло собой развалины. Однако население крепости не было полностью истреблено. Оставшиеся в живых жители Саркела после окончания военных действий ютились в развалинах крепости, приспособившая сохранившиеся части кирпичных зданий под свои жилища. Так, в пролете крепостных ворот оказалось жилое сооружение с закрывавшей пролет стенкой, сложенной на глине из кирпичей, взятых из разрушенных построек. Стенка эта в дальнейшем завалилась. Под завалом сохранилась обстановка этого жилища, состоящая, между прочим, из многочисленной характерной керамики салтовского типа. Такая же картина была обнаружена в угловом помещении большого кирпичного здания типа караван-сарая. Здесь были открыты остатки устроенного в развалинах жилища с глинобитной печью и кладовой ямой, закрытой деревянным настилом. И здесь керамика только салтовских типов. Указанные находки свидетельствуют, что часть населения Саркела уцелела и после взятия крепости Святославом пыталась в какой-то мере возродить свое поселение. Весьма вероятно, что в крепости оставался и русский гарнизон, выделенный Святославом из его войска.

Короткое время спустя крепость оказалась опять густо заселенной, причем плотность ее застройки теперь во много раз превосходила застройку предшествующего хазарского периода. Новое население в основном было русским, о чем свидетельствуют все признаки его культуры.

¹ Определения произведены М. М. Дьяконовым.

Откуда явилось это русское население Белой Вежи, в настоящее время сказать с полной уверенностью еще невозможно, но есть все основания предполагать, что оно пришло сюда из левобережного Поднепровья.

Русское население Белой Вежи вместе с остатками старого населения заняло не только пространство внутри крепостных стен, которые хотя и были частично разрушены, но продолжали играть прежнюю роль — основного оборонительного рубежа. Было занято и небольшое пространство с северо-западной стороны крепости, которое в хазарское время было

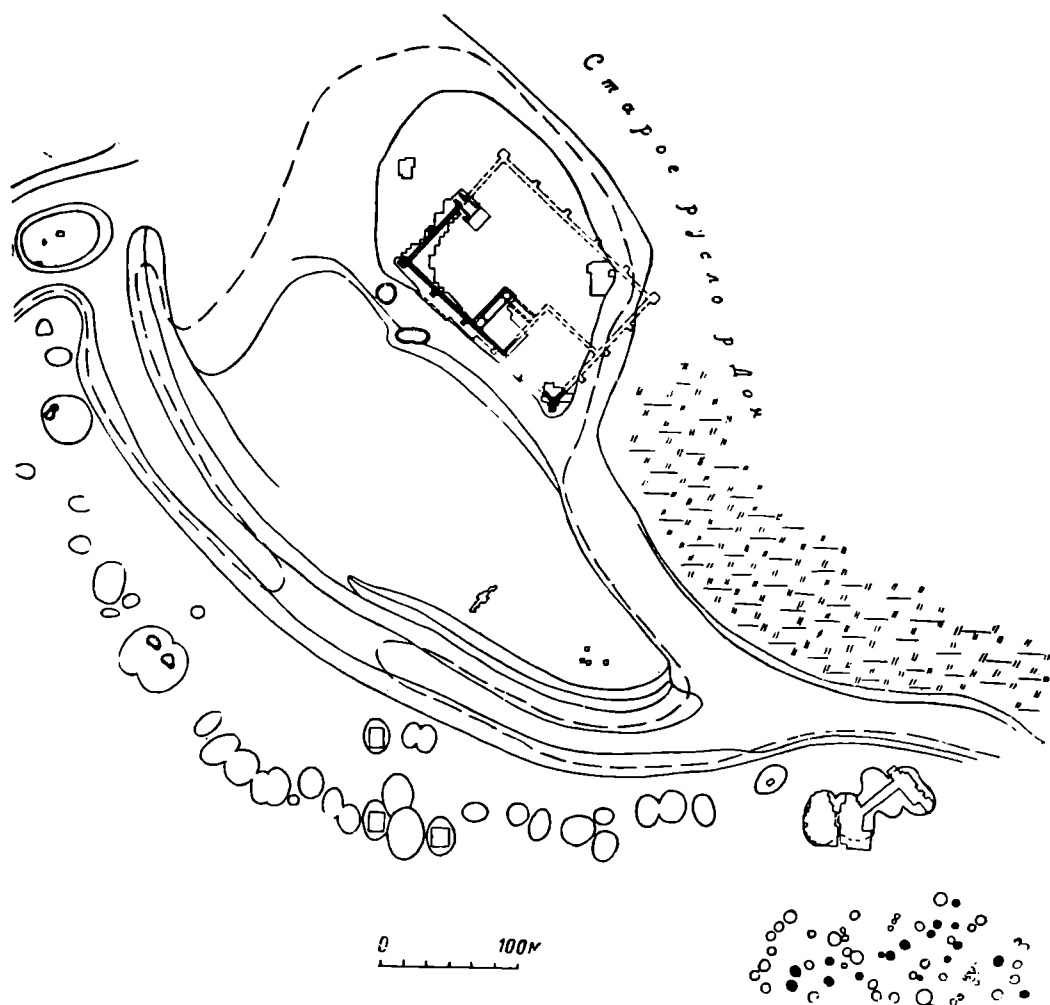

Рис. 1. Общий план городища и могильника.

незаселенным, но которое, как и вся крепость, находясь на береговом мысу, было с напольной стороны защищено широким и первоначально глубоким рвом. Кстати отметим, что этот ров весьма интенсивно замыкался рекой, и жители города прилагали немало стараний для его расчистки. В заполнении рва видны следы этой работы, и видно, как постепенно уменьшались и глубина и ширина этого оборонительного сооружения. Тем не менее, он до самого конца существования города оставался границей, за которую поселение не выходило.

Свои жилища русское население Белой Вежи устраивало в виде полужемлянок, впущенных несколько в толщу хазарского культурного слоя, а иногда и в материк. В дальнейшем, с образованием наслоений русского времени нижняя часть жилищ углублялась в слои предшествующего русского горизонта. Это обстоятельство, кстати сказать,

весьма неблагоприятно отразилось на сохранности жилищ, дошедших до нас в большинстве случаев в сильно фрагментированном виде. Это же обстоятельство весьма затруднило раскопочные исследования, так как создало очень сложную, запутанную стратиграфию, требующую неослабного внимания и большой тщательности при разборке культурного слоя. При непрочности и недолговременности построек в густо населенном городе культурный слой рос с поразительной быстротой. За каких-нибудь полтора-два десятилетия существования русской Белой Вежи он достиг почти трехметровой толщины.

Русские жилища, углубленные в землю на 0.5—0.75 м, имели стены из плах или из плетня, обмазанного глиной, с опорами в виде столбов по углам. В некоторых случаях вдоль стен прослеживаются ямки от вертикально воткнутых кольев такого плетня, а в других находят даже обугленные остатки самого плетня (рис. 2). Крыша делалась на деревянной основе из соломы или камыша. Пол в жилищах был земляной. Средние размеры жилищ 4 × 5 м. В одном углу в них обычно находятся остатки печи, в наиболее ранних русских жилищах сложенной из камней (песчаник), а позже из целых и обломанных кирпичей, взятых из разрушенных хазарских построек.

Печи были и овальные и прямоугольные (рис. 3 и 4). Первые характерны для древнейшего русского населения Белой Вежи. Верх у печей или горизонтальный, или сводчатый. Последний строился по принципу так называемого ложного, или ступенчатого, свода, причем кирпичи верхнего ряда выступали над нижним. При горизонтальном перекрытии из кирпичей внутри печи выкладывался опорный столб или даже делалась стенка, делившая топку на две части (рис. 3). Печи изнутри и снаружи обмазывались глиной. Над печью довольно часто встречается оригинальное сооружение в виде круглой или овальной сковороды, края которой образованы довольно толстым, но не высоким глинобитным валиком. Это сооружение могло служить для сушки, а может быть, даже и для печения.

В верхних слоях Белой Вежи встречаются остатки наземных сооружений из дерева или сырцовых кирпичей. Стенки, возведенные из последних, иногда сооружались на фундаменте из камней или хазарских обожженных кирпичей (рис. 5). Служивший для этой цели камень — хрупкий мергель, выходы которого имеются на правом берегу Дона напротив Белой Вежи. По другим своим признакам, в частности — по размерам, этого рода жилища не отличаются от полуземлянок.

В самих жилищах и возле них устраивались многочисленные кладовые ямы, которые в дальнейшем становились мусорными ямами. Ямы эти достигают значительной глубины (до 2 м) при ширине в 1—1.5 м. Форма у них часто грушевидная или цилиндрическая. У ям, вырытых в культурном слое, стенки часто обложены кирпичами или же облицованы деревом; дно ям также часто вымощено кирпичами (рис. 6). Кладовые ямы закрывались деревянными крышками. В одном случае в яме, в остатках корзины находилось не менее 7 кг оокосовавшихся зерен проса. Первоначальный вес этого проса был не меньше 30 кг. Вообще говоря, описанные ямы могли вмещать весьма значительное количество зерна. На выложенном кирпичами дне одной из ям обнаружен перевернутый вверх дном бронзовый тазик.

Следы земледельческого хозяйства населения Белой Вежи в находках на городище представлены не только зерновыми ямами, но и многочисленными земледельческими орудиями, такими, как железные лемехи, серпы, косы (рис. 7), ротационные жернова. В ямах и культурном слое собрано множество зерна. Замечательно, что виды злаков, культивировавшихся

Рис. 2. Остатки русских жилищ полуподземного типа.

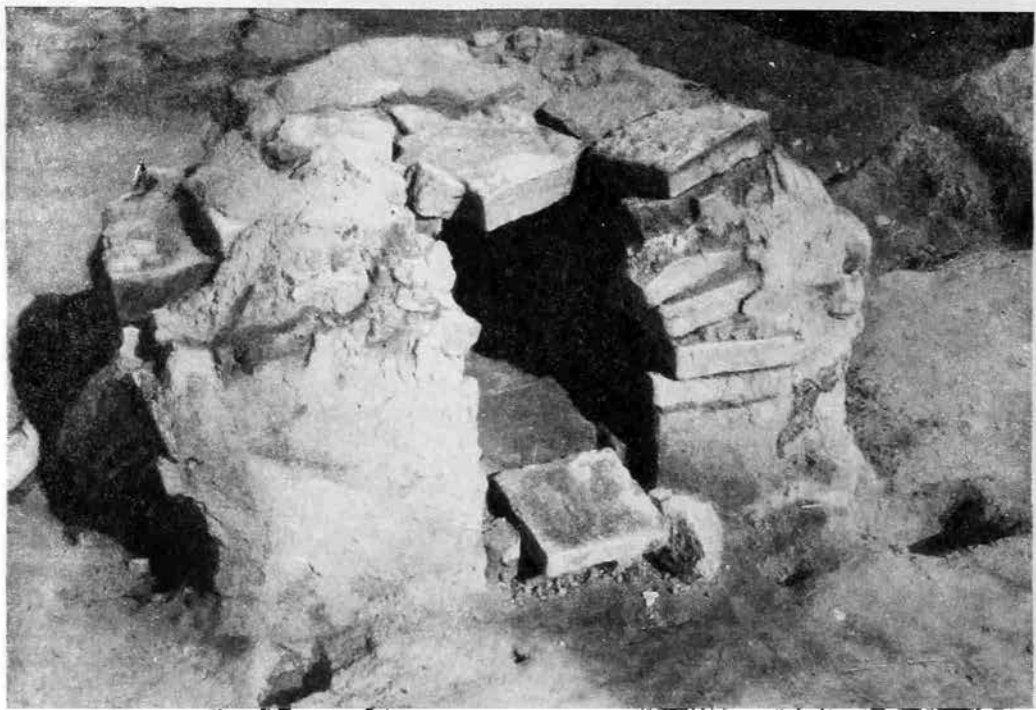

Рис. 3. Печи в русских жилищах.

Рис. 4. Печи в русских жилищах.

русским населением Белой Вежи, отличаются от характерных для хазарского времени. Вместо карликовой пшеницы и двурядного ячменя, которые находятся в хазарском слое и свидетельствуют о связи хазарского земледелия с Восточным Закавказьем и Ираном, где эти виды злаков существуют до нашего времени, в русской Белой Веже находятся зерна мягкой пшеницы и шестирядного ячменя, издавна, еще со времен трипольской культуры, известных в Поднепровье. Русские, таким образом, принесли на Дон свои собственные, привычные для них, виды хлебных растений. Вместе с русскими в Белой Веже появляются рожь и масличное растение кобьза. Они же начинают культивировать здесь лен. Как и в хазарское время, возделываются просо и конопля. Обращает на себя внимание

Рис. 5. Фундамент из мергеля наземного жилища.

исключительно высокое качество зерна, совершенно свободного от заорения, что не может не свидетельствовать о высокой технике земледелия.¹

Кости домашних и диких животных в изобилии находятся на городище. Здесь представлены все виды домашнего скота, характерного для русского скотоводства: лошадь, корова, овца, коза, свинья. Есть и собака. В русском слое нет только костей верблюда, встречающихся в отложениях хазарского времени. Из диких животных есть и благородный олень, и лось, и кабан, и бобр, и сайга, и ряд других как степных, так и лесных животных.² Сочетание степных и лесных животных не представляет ничего удивительного, если учесть, что в древности широкая долина реки, прорезавшая ковыльные степи, была покрыта зарослями густого леса, состоявшего не только из тополевых пород и ивы, но и из дубов. В качестве строительного материала в остатках русских жилищ Белой Вежи встречаются, однако, не только эти породы, но и сосна, которая могла произрастать на обширных пимлянских песчаных дюнах на

¹ Характеристика растительных остатков дается по заключениям В. А. Петрова.

² Остеологические определения сделаны К. Б. Юрьевым.

противоположной стороне Дона. Охота, несомненно, носила промысловый характер. Об этом свидетельствует, в частности, значительное количество костей бобра.

Протекавшая возле города большая, широкая река, русло которой только позже отошло к правому краю долины, где оно находится и в настоящее время, по меньшей мере в 4 км от городища, была богата рыбой. В культурном слое городища находится много костей рыб, в том числе и позвонки огромных сомов и осетров. Другим указанием на развитие рыболовства служат находимые на городище рыболовные крючки

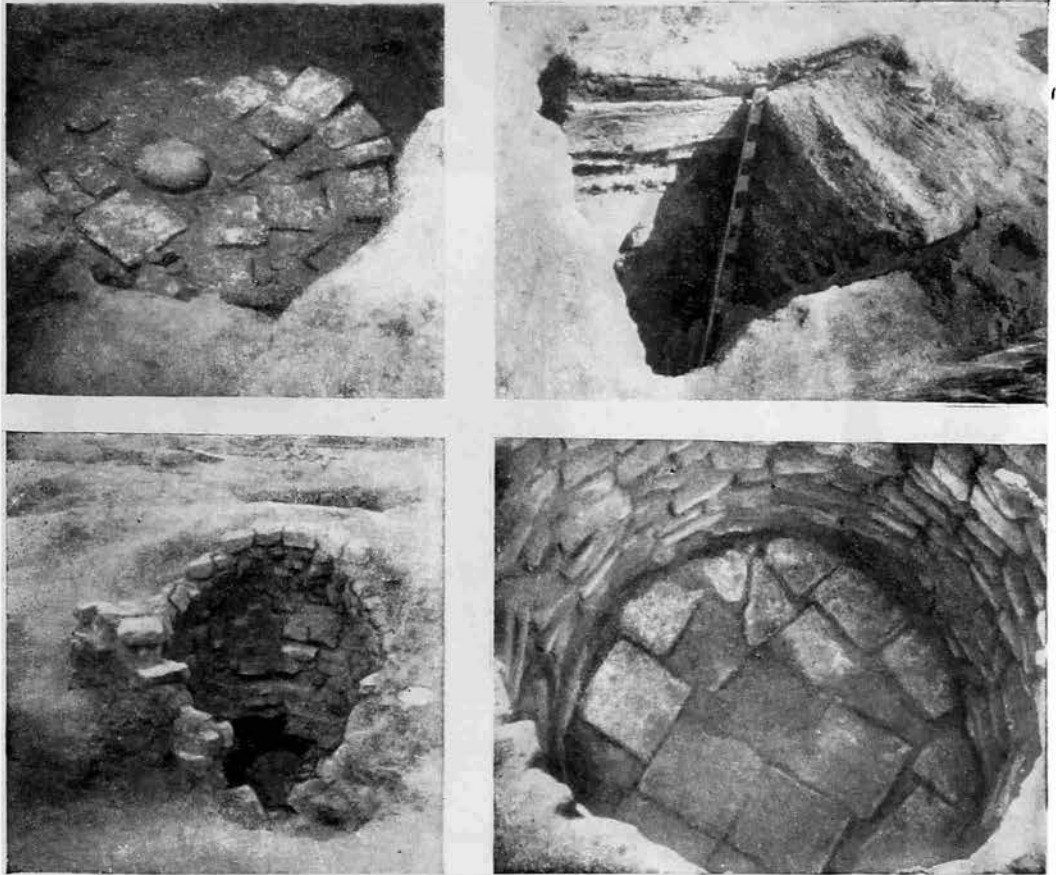

Рис. 6. Кладовые-ямы, выложенные кирпичом и деревом.

и грузила от неводов. Особо следует отметить замечательный большой бронзовый крючок с блесной (рис. 8).

При всем значении земледелия, скотоводства, охоты и рыболовства в экономике русского населения Белой Вежи следует признать, что не эти производства определяли специфику его хозяйства. Белая Вежа не сельскохозяйственное поселение, не колония землепашцев, в поисках удобных для земледелия просторов углубившихся в самое сердце донских степей, подальше от жадности князя и боярина. Об этом со всей несомненностью свидетельствует общий характер русской культуры городища, а также и то обстоятельство, что в окрестностях Белой Вежи русского времени не было других поселений. В хазарский период вокруг Саркела существовал ряд обширных сельскохозяйственных поселков, которые образовывали особый населенный округ. В русское время такие поселения отсутствуют совершенно. В окрестностях Белой Вежи известны остатки только одного небольшого русского поселения, да и

то оно имеет специфический характер: это поселок перевозчиков на берегу реки.

Основой процветания Белой Вежи было не сельское хозяйство. Оно являлось здесь всего только необходимой предпосылкой для развития

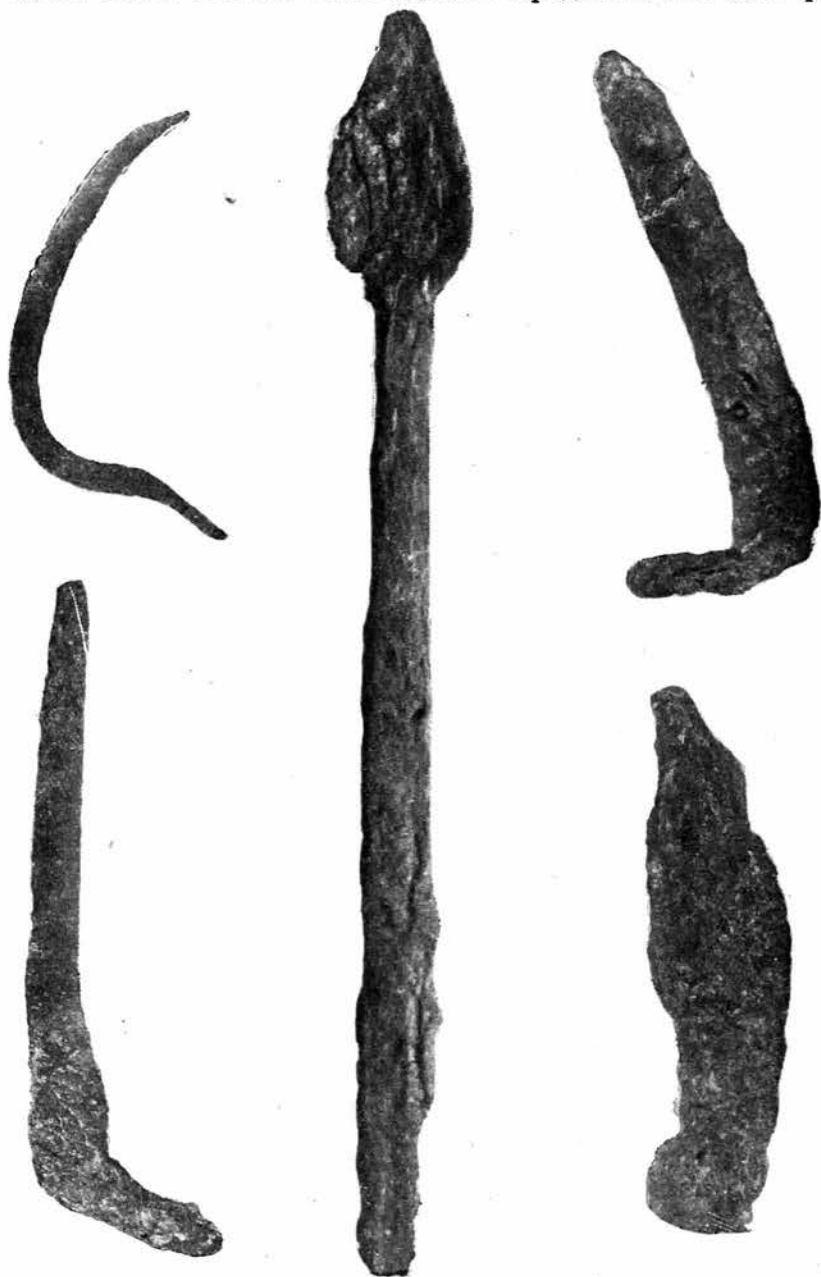

Рис. 7. Железные орудия.

таких видов деятельности, которые свойственны городу, а не деревне, а именно ремесла и торговли. Белая Вежа была городом в собственном, хотя и средневековом, смысле этого слова. Это был крупный центр ремесленного производства и торговли, о чем свидетельствуют многочисленные находки, сделанные в культурном слое городища. Здесь были обнаружены остатки кузнечных, литейных и гончарных мастерских, инструменты, заготовки и изделия костерезов, деревообделочников, колесников и других ремесленников. В остатках одной кузнечной мастерской най-

дено несколько десятков железных криц, множество шлаков, обрезков металла и кузнечные клещи (рис. 9); в другой мастерской найдены остатки горна, глиняное сопло и несколько литейных формочек (рис. 10) и тигельков, в третьей собрано множество обрезков янтаря. Из орудий ремесленного производства заслуживают упоминания большой коловорот для просверливания втулки колеса, длинное сверло, настоящие портновские ножницы, песчаниковые круглые точила с квадратным отверстием для насаживания на ось. Из заготовок особенно много встречается опиленных или обрезанных рогов, имеются незаконченные гребни и другие

Рис. 8. Рыболовные крючки.

костяные предметы (рис. 11 и 12). О деревообделочном производстве можно судить по находкам остатков точеной мебели и деревянных сосудов. В одном жилище оказалось обугленное корыто и ковш с характерной ручкой. Очень часто находятся донца сгоревших бадеек.

Особенно наглядно представлены находками на городище торговые связи Белой Вежи со средним Поднепровьем, с Киевом. Здесь встречаются не только вещи, изготовленные в мастерских Киева, вроде нательных крестиков (рис. 13) и энколпионов — в том числе один с изображением Бориса и Глеба, — характерных стеклянных браслетов, бус и тому подобных мелочей, но и сырые материалы поднепровского происхождения. В их числе в первую очередь надо назвать куски красного шифера, из которого на месте изготовлялись не только пряслицы, но и формочки для отливки украшений. Известен случай нахождения на городище «владиминова серебра». Сношения с Византией и Крымом представлены, кроме монет и металлических вещей, находками уникального гребня

из слоновой кости с рельефными изображениями в середине и крымской керамики, о которой речь будет ниже.

Потребностями развитой торгово-ремесленной деятельности, повидимому, надо объяснять широкое распространение в Белой Веже грамотности. Об этом свидетельствуют многочисленные буквы, процарапанные на различных сосудах, а также монограмма, вырезанная на костяной рукоятке, вероятно от нагайки, представляющая собой три переплетенные друг с другом буквы, а именно: две буквы В и посредине О (рис. 15). Еще более ярким свидетельством того же являются находки фрагментов двух сосудов с надписями. От одного из этих сосудов, разбитого в древности, найдено два небольших обломка стенки, на которой была выпарапана надпись из шести строк (рис. 14). К сожалению, ввиду

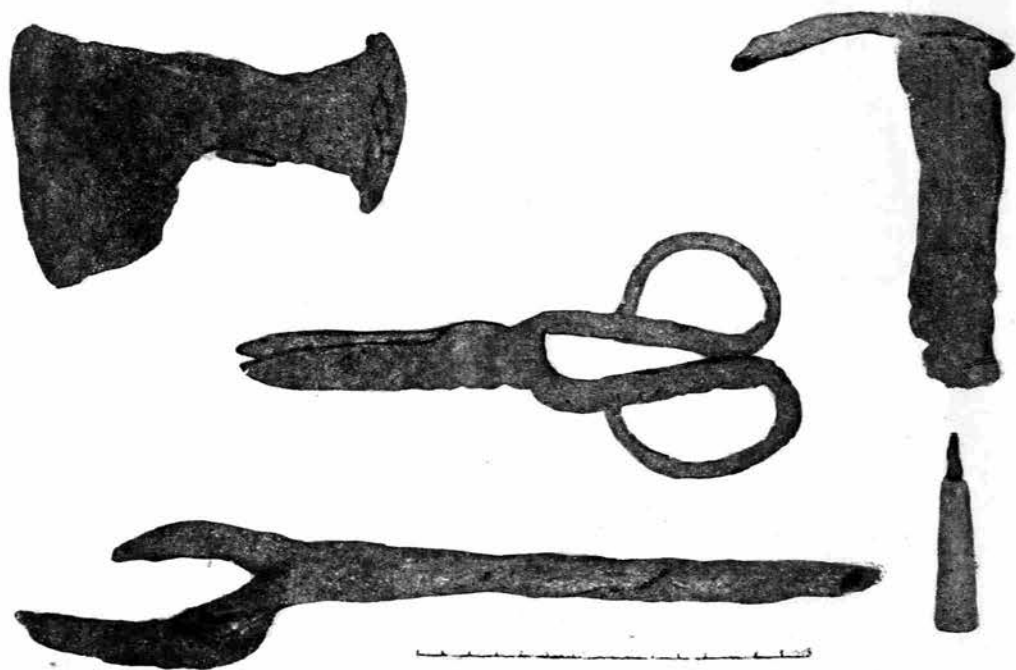

Рис. 9. Железные орудия.

сильной фрагментарности прочесть эту надпись не удастся, несмотря на то, что часть букв сохранилась очень хорошо. По палеографическим признакам надпись эта датируется не позже первой половины XI в., что подтверждается и типом сосуда, на котором она выпарапана. Это сосуд, вероятно кувшин, сделанный на гончарном круге из буро-красной глины хорошего обжига. Такого рода керамика известна в слоях как хазарского, так и русского времени и, повидимому, происходит из Крыма, точнее, с Таманского полуострова. По своим частным признакам сосуд с надписью мог бы относиться даже к концу X в.

Вторая надпись находится также на двух обломках, но другого, хотя и сходного с первым, сосуда. К сожалению, она также очень сильно фрагментирована и к тому же представляет собой лигатуру, вкомпанованную в какую-то геометрическую фигуру, отдаленно напоминающую известный «знак рюриковичей» в том случае, если сохранившуюся часть этой фигуры дополнить по принципу зеркальной симметрии. Ввиду этого прочтение ее представляет еще более трудную задачу.

Особого внимания заслуживают так называемые «знаки рюриковичей», встреченные на разных предметах, в частности на одном из много-

Рис. 10. Литейные формочки.

численных кистней. Это кистень яйцевидной формы, выточенный из кости. В просверленное продольное отверстие его вставлен железный стержень, заканчивающийся на одном конце заклепкой, а на другом — кольцом, за которое кистень прикреплялся к ремню. Очень интересен костяной диск, с одной стороны заполненный орнаментом (розеткой), с другой — таким же знаком.

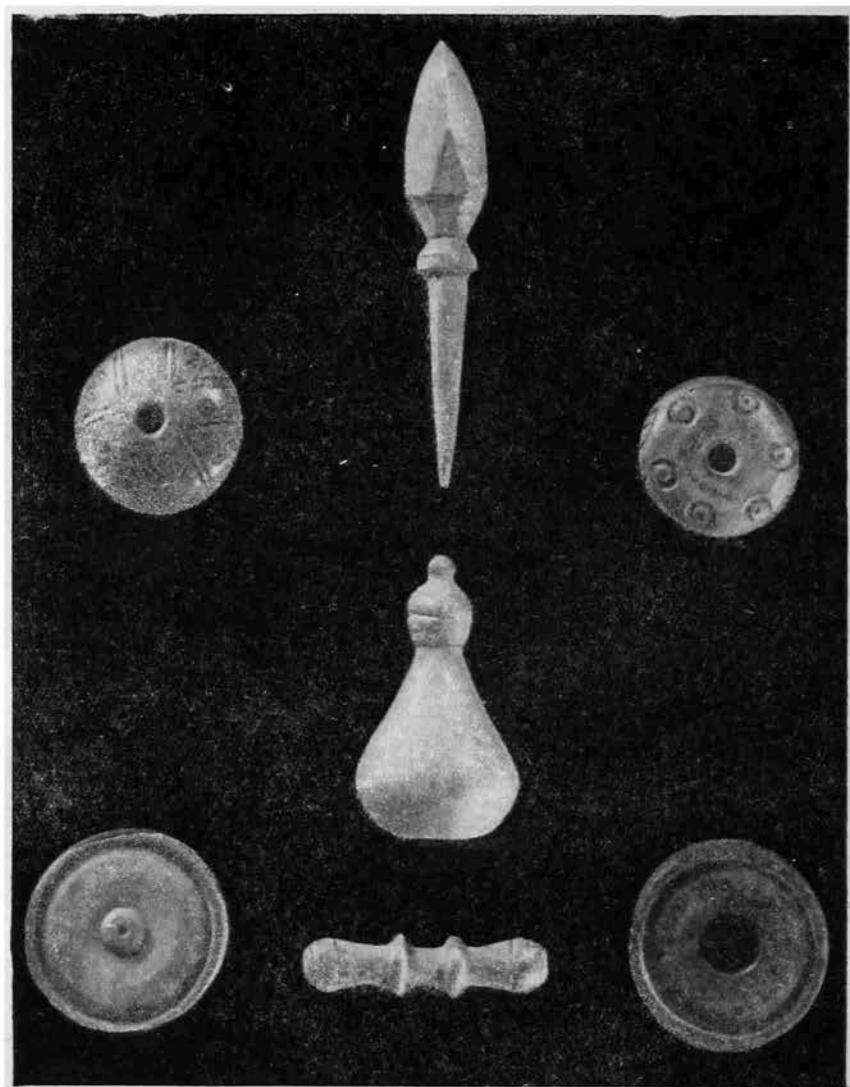

Рис. 11. Резная кость.

По всей вероятности, Белая Вежа обслуживала своим ремесленным производством потребности окружающих ее кочевников. Возможно, что в Белой Веже не сложилось развитого керамического производства потому, что глиняная посуда не пользовалась спросом со стороны кочевников.

Русское население явилось в Белую Вежу с навыками изготовления керамики от руки. В нижних русских слоях городища встречается преимущественно лепная керамика тех же типов, которые были распространены в днепровском левобережье и на верхнем Дону — в городищах роменско-боршевского типа (рис 16). Здесь находятся характерные горшки с широким отверстием и маленькими, почти горизонтальными

плечиками, иногда украшенные орнаментом, нанесенным крупнозубчатым чеканом. Ребра животных с треугольными нарезками, находимые на городище, служили для нанесения на стенки сосудов такого рода украшений. В позднейшее время, наряду с лепной керамикой, появляется местная посуда, сделанная на гончарном круге (рис. 17). Она имеет те же формы, что и гончарная керамика других русских областей. Однако,

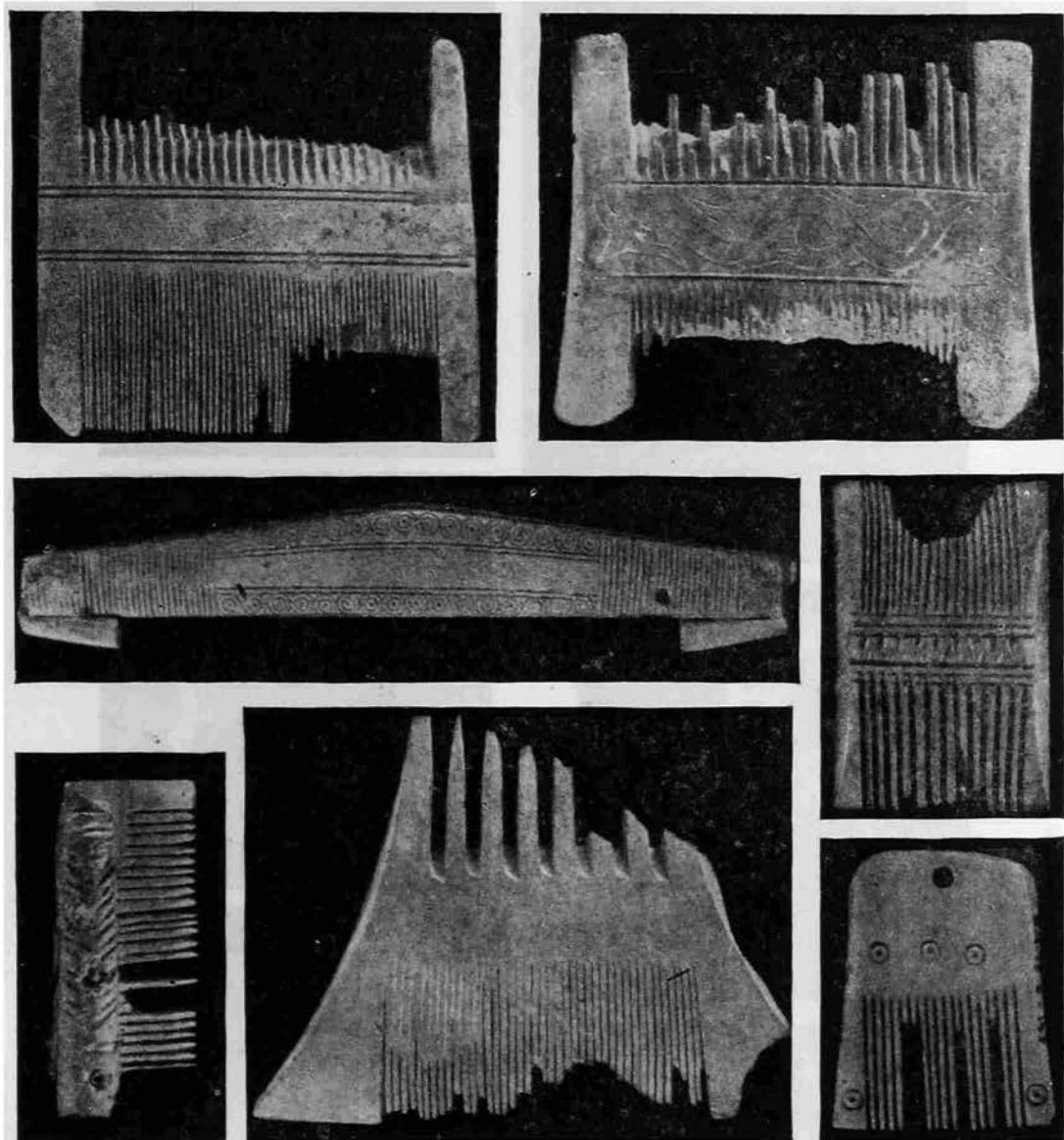

Рис. 12. Костяные гребни.

наряду со сделанной на круге посудой, до самого конца жизни Белой Вежи продолжала употребляться и посуда, изготовленная от руки (рис. 18). Она явно воспроизводит формы, характерные для керамики, сделанной на гончарном круге. У лепных сосудов при этом часто встречаются ручки. Сосуды иногда нарядно орнаментированы погтевидными, семечкообразными и нарезными узорами в виде гирлянд или арочек. Эта посуда представляет своеобразное явление, возникшее, очевидно, в особых условиях города, затерявшегося в степях среди чуждого насе-

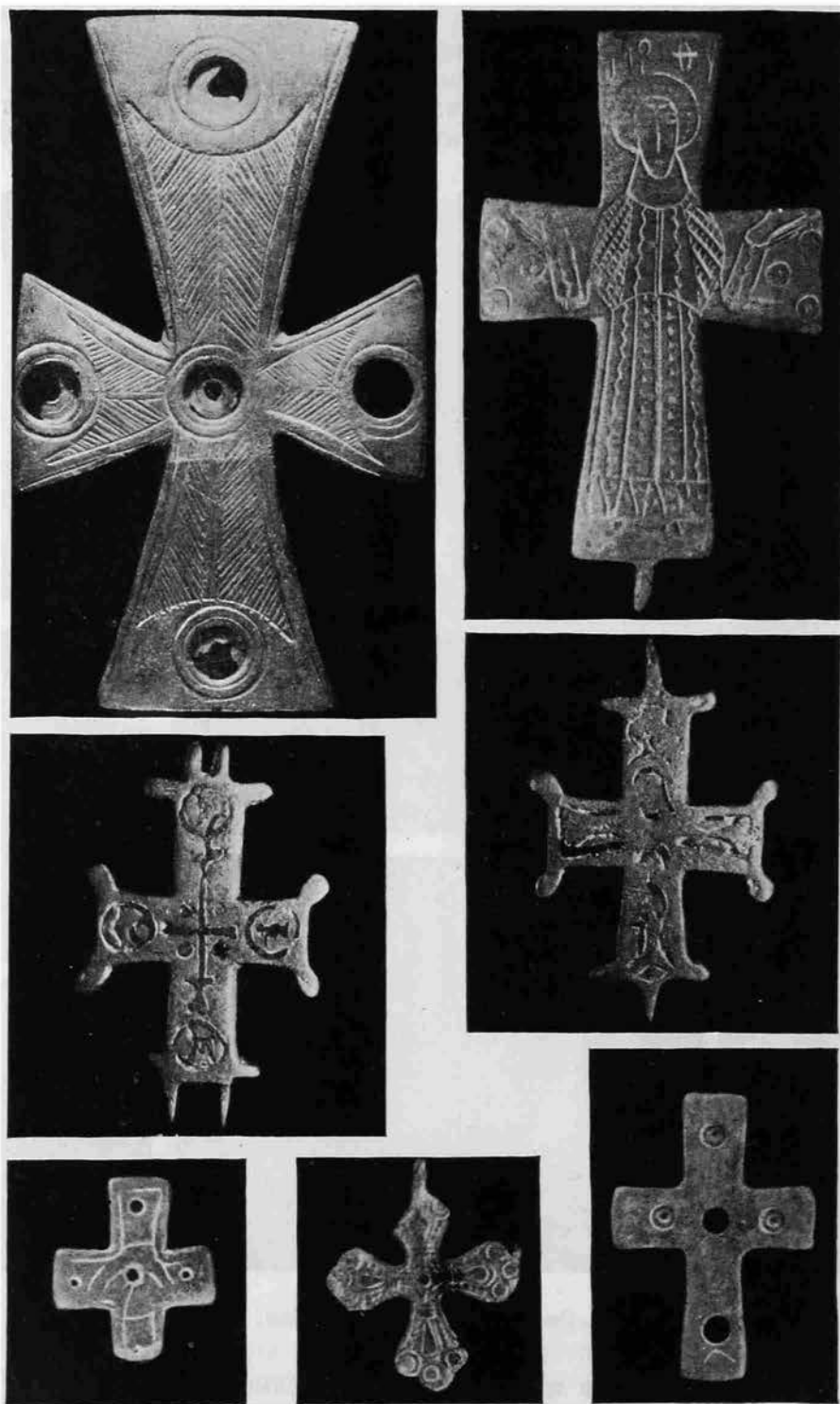

Рис. 13 Кресты

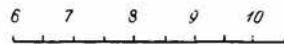

Рис. 14. Надписи на обломках сосудов.

ления и не развившего своего ремесленного гончарного производства, вынужденного поэтому удовлетворять потребность в посуде в пределах домашних хозяйств.

Рис. 15. Роговая рукоятка с русской монограммой.

Однако в течение всего периода существования Белой Вежи здесь бытовала керамика не только местного, домашнего или ремесленного производства, но и привозная. Главным образом она доставлялась сюда

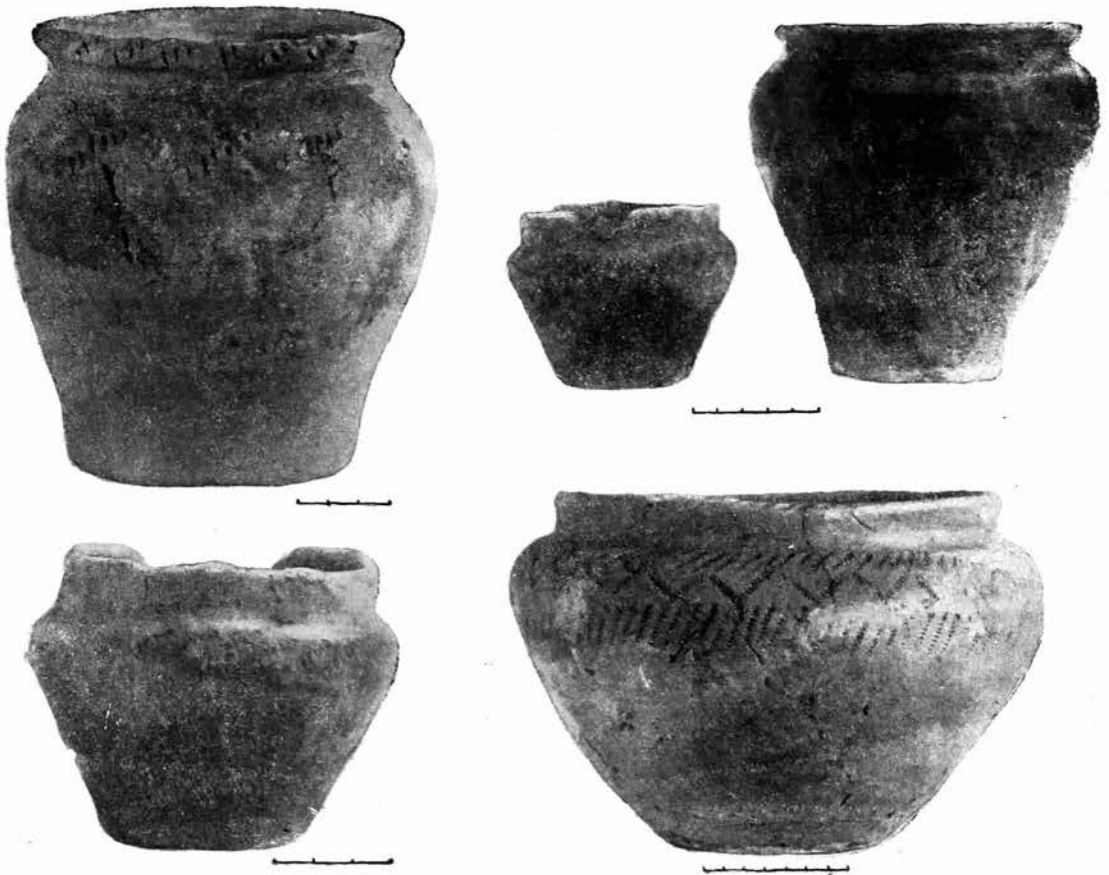

Рис. 16. Лепная керамика роменско-боршевского типа.

с юга — из Крыма или с Таманского полуострова — и представлена особенно многочисленными высокими узкогорлыми кувшинами с плоскими ручками и амфорами с грушевидным туловом и поднимающимися над горлом ручками (рис. 19). Изредка встречаются и большие пифособразные сосуды, кувшинчики из красной глины и другие формы. Находится и поливная керамика.

Возле городища Белой Вежи имеется большой могильник, состоящий из насыпей разной величины, тянущихся вдоль вала и рва, защищавших подступы к крепости. Как показали раскопки, большие насыпи этого могильника являются русскими кладбищами и заключают в себе подчас сотни погребений. Четыре насыпи такого рода, расположенные с восточного края могильника, имеют форму удлиненного овала и достигают 3 м высоты при длине в среднем в 60 м и ширине в 30 м. В одной из них, раскопанной целиком, было обнаружено 231 погребение, в другой, соседней — 170 погребений и, наконец, в крайней с востока, четвертой — всего 54 погребения. Все погребения находились в верхней части насыпей и были расположены рядами вдоль них (рис. 20). Раскопками выяснено, что эти четыре насыпи были сооружены одновременно. В основании все они состояли из чернозема, выше шел слой илистого суглинка.

Никаких погребений под насыпями или в нижней части насыпей не обнаружено. По всей вероятности, этого рода насыпи образовались при

Рис. 17 Русская керамика, сделанная на гончарном круге.

сооружении глубокого и широкого рва, преграждающего подступы к крепости с напольной стороны. Вынутая из рва земля почему-то лишь частично была использована для устройства вала, имеющего значительную высоту только в своей юго-восточной части, в основном же она была ссыпана перед рвом в виде различных по величине удлиненных холмов, сливающихся краями друг с другом. Часть этих насыпей в русское время была использована для устройства кладбища.

Следов трупосожжения в могильнике Белой Вежи не обнаружено. Все погребения представляют собой труположения, и все совершены по одному обряду в гробах, сбитых из толстых досок, от которых нередко сохраняются не только железные гвозди, но и древесина, иногда настолько хорошо уцелевшая, что можно даже уловить форму гроба. Покойники полагались на спине, в вытянутом положении, головой на запад, с руками, в большинстве случаев скрещенными в области живота.

Чрезвычайно редкие случаи повреждения одного погребения другим, несмотря на крайнюю тесноту захоронений, с одной стороны, и редкие случаи погребения в одном гробу двух покойников (причем кости первого осторожно сдвигались в сторону), с другой, — свидетельствуют о том, что на поверхности погребения были отмечены какими-то надгробиями.

Инвентарь при погребенных встречается не во всех случаях, особенно при погребениях взрослых мужчин. Только при одном погребенном найден нож с деревянной ручкой. При других инвентарь ограничивается одним золотым или серебряным кольцом с левой стороны черепа (в ухе) да пряжкой от пояса. В одном случае пояс был украшен накладными бляшками. При погребениях женщин и особенно детей инвентарь находится значи-

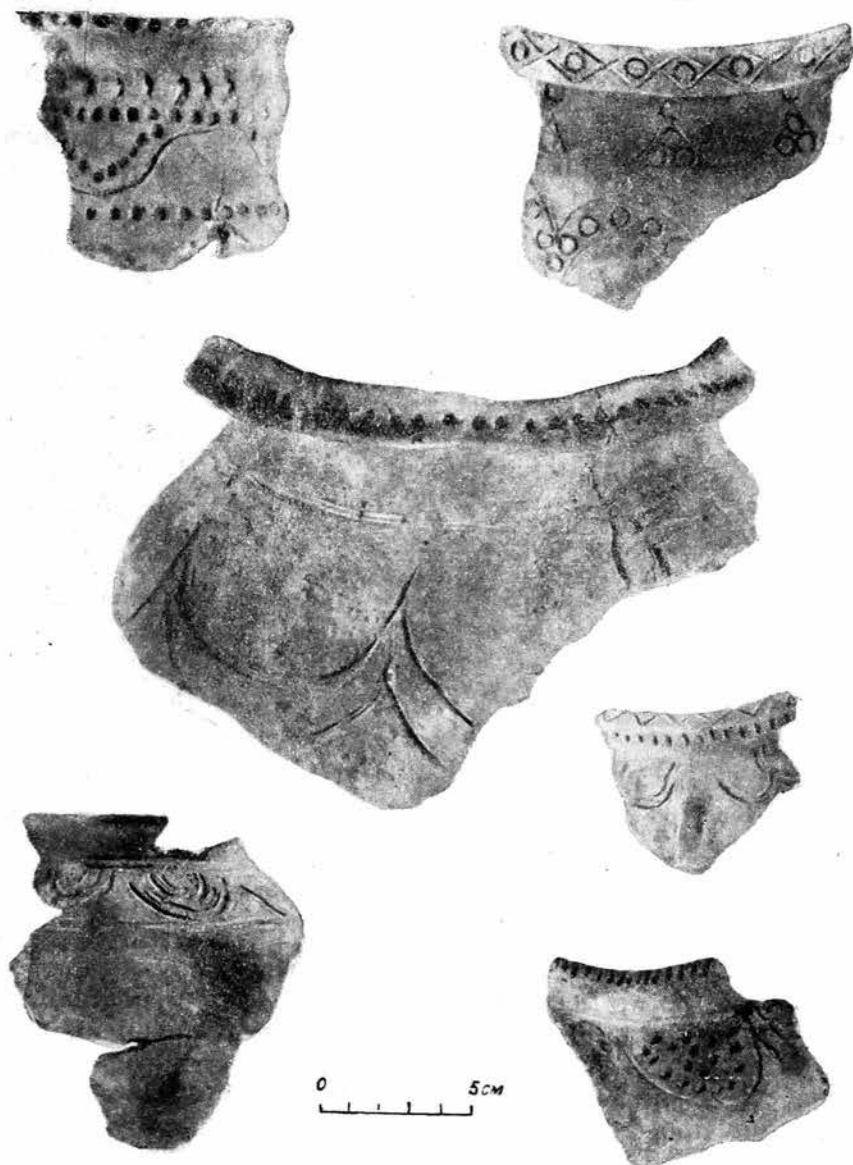

Рис. 18. Лепная керамика.

тельно чаще и состоит из разнообразных украшений: золотых и серебряных, реже медных, височных колец, ожерелий из серебряных, стеклянных, пастовых, сердоликовых, хрустальных, кварцевых, янтарных и гешировых бус и подвесок; в числе последних имеются и крестики (рис. 21 и 22). Распространены янтарные, ляпис-лазуревые и перламутровые подвески. Встречаются серебряные и бронзовые пуговицы, а у детей — и бубенчики. На руках находят серебряные, бронзовые и стеклянные браслеты, а на пальцах встречаются серебряные и бронзовые кольца и перстни. Только в одном погребении найден глиняный сосуд; изредка в гробах встречаются угольки.

Совершенно такие же погребения были обнаружены на раскопанном участке вдоль кирпичной стены крепости, между нею и вторым, предстенным рвом. На сравнительно небольшой раскопанной площади здесь открыто 214 погребений, устроенных в слое мусора, накопившегося при постройке крепости и в течение жизни города. Они также расположены рядами. Вместо гробов здесь могилы иногда обложены хазарскими кирпичами. Грубо высеченный из известняка крест с расширяющимися концами, найденный возле крепостной стены, очевидно, представляет собой пример тех памятников, которые ставили над могилами (рис. 23).

Однако площадь могильника этим не ограничивалась. Траншеи, заложённые на внутреннем дворе городища между наружным валом и кир-

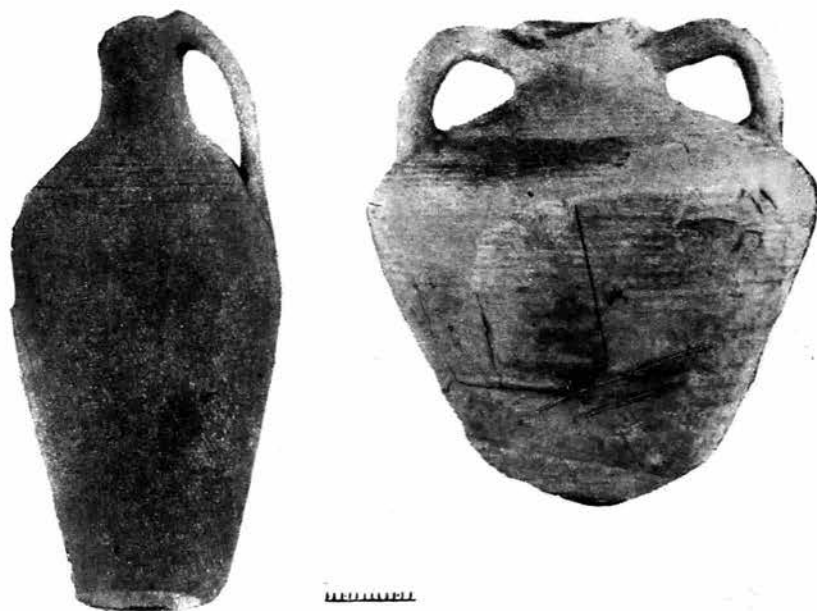

Рис. 19. Кувшин с плоской ручкой и амфора.

пичной крепостью, дали ряд погребений; погребения оказались и в валу городища, в некоторых местах сильно ими деформированном.

Огромный могильник Белой Вежи носит все признаки городского кладбища. Особенно надлежит отметить погребения, обнаруженные внутри крепости возле малых ворот в северо-восточной оборонительной стене, которыми продолжало пользоваться население города русского времени для выхода к реке. У этих ворот внутри города в русское время была сооружена опорная стенка из блоков песчаника, которая предохраняла спуск к воротам от засыпания мусором, накопившимся к этому времени внутри города и возвышавшимся над уровнем ворот. Рядом с этой стенкой оказались склепы, сложенные из кирпичей на глине. В них помещались погребения.

Вблизи городища возле русского могильника имеется значительный курганный могильник, состоящий из круглых невысоких насыпей (не выше 0.5 м). При раскопках под этими насыпями были обнаружены типичные кочевнические погребения, обычно в ямных могилах, причем нередко со скелетом человека, над ним или возле него находились кости коня (череп и кости конечностей). Повидимому, вместе с покойником погребалась шкура коня с головой и ногами, может быть, даже набитая

травой. Во рту коня находятся железные удила, а посредине, между костями конечностей — остатки седла в виде пары стремян и пряжки от подпруги. При человеческих скелетах нередко встречаются костяные и железные пряжки, накладки на ремни, кресала с кремнем, костяные обкладки лука, железные наконечники стрел, в одном случае даже в хорошо сохранившемся берестяном колчане (рис. 24, а); найден также однолезвийный меч.

Погребения эти по находимым в них вещам датируются начиная со второй половины X в. Спрашивается: кто были представленные ими кочевники?

Как известно, над степями Причерноморья в X в. господствовали печенеги. Однако, по свидетельству Константина Багрянородного, их кочевья

Рис. 20. Погребения в кургане № 24/6.

располагались в основном в Поднепровье. Во второй половине XI в. печенегов сменили половцы. Первое упоминание о половцах на страницах русской летописи относится к 1054 г. В Подонье они проникли, вероятно, несколько раньше этой даты. Однако во время войны Мстислава с Ярославом в 1023 г. войско первого, набранное в Тмуторокани, состояло только из хазар и касогов; половцев в нем не было, вероятно, потому, что их еще не было в Подонье и Прикубанье. О первом появлении половцев в русской летописи сказано: «В сем же лете [1054] приходи Болушь с половци и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася половцы вспять, отнюду же пришли». Первое военное столкновение Руси с половцами летопись датирует 1061 г.: «Придоша половци первое на русскую землю воевать; Всеволод же изыде противу им, месяца февраля в 2 день. И бившимся им, победиша Всеволода, и воеваше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг. Бысть же князь их Искал». Вторично половцы разбили русское войско в 1068 г.

Таким образом, письменные источники не содержат указаний на проникновение половцев в степи Подонья до середины XI в. Следовательно,

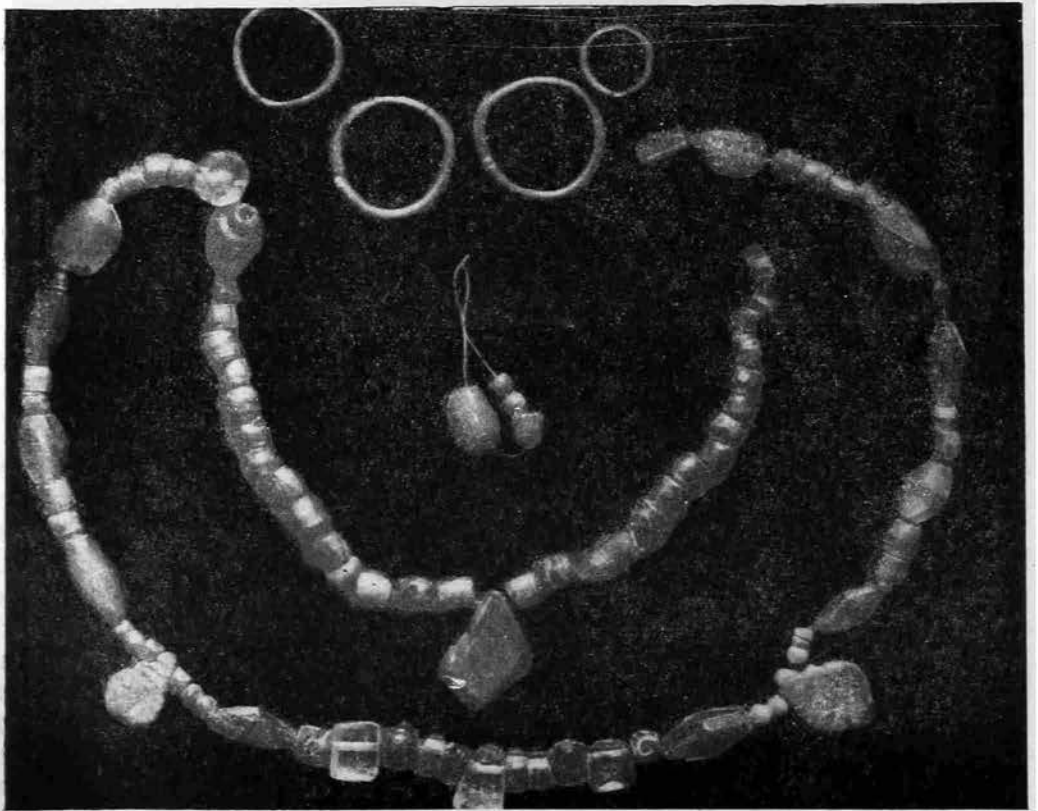
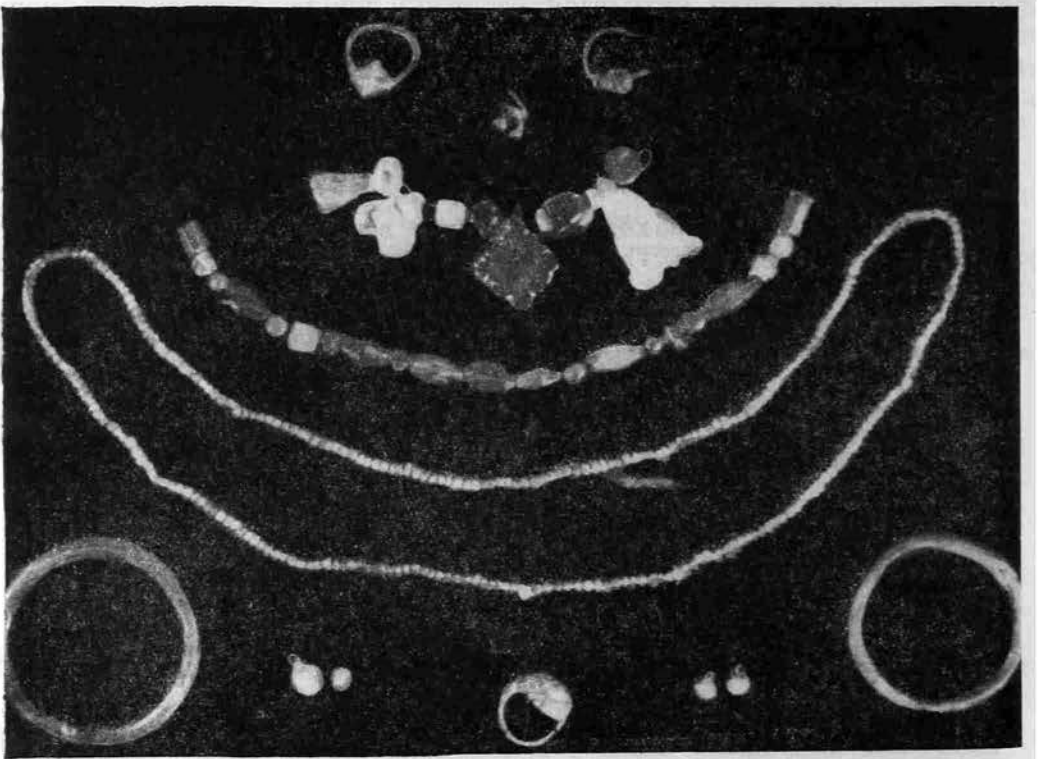

Рис. 21. Инвентарь погребений в «Больших курганах».

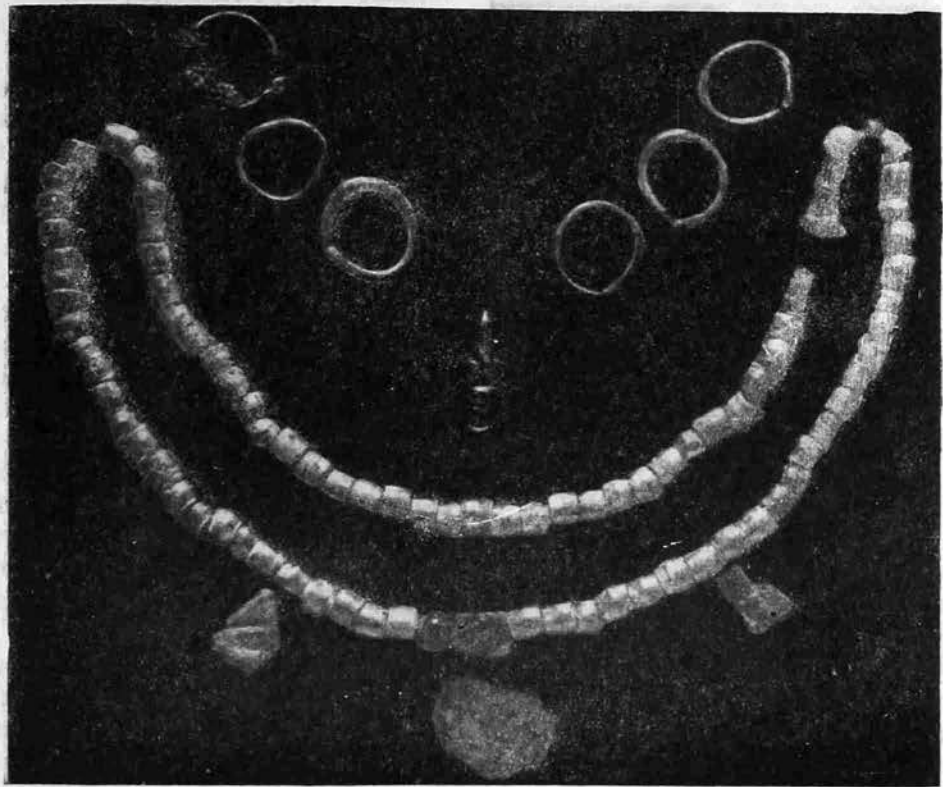
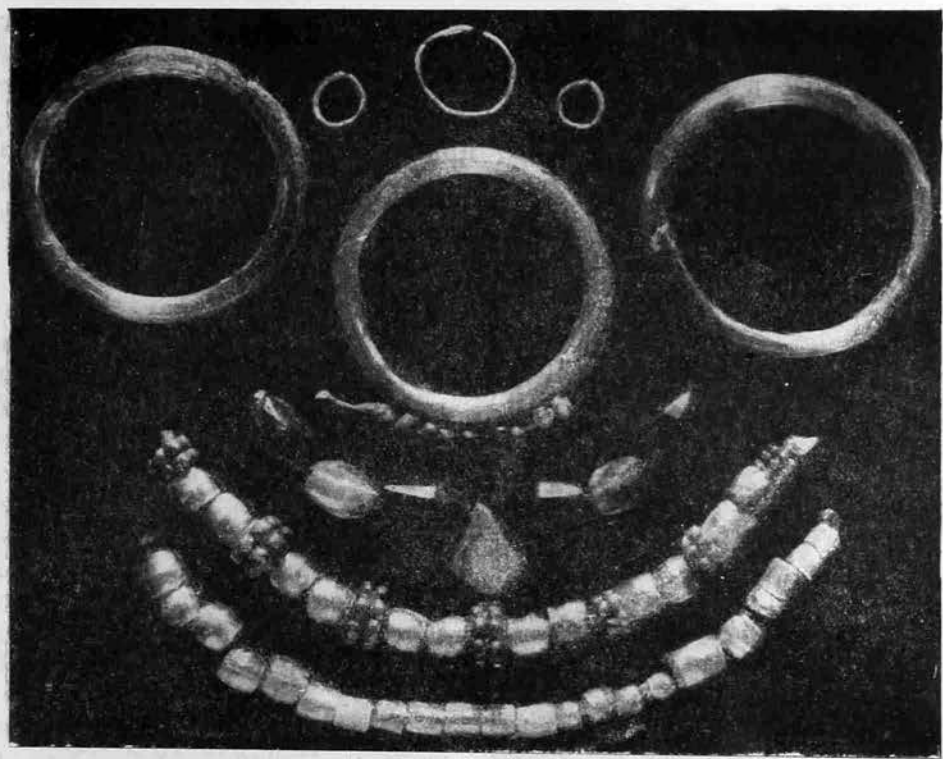

Рис 22. Инвентарь погребений в «Больших курганах».

курганы возле Белой Вежи не половецкие. Не могут быть они и печенежскими, хотя Печенегия в X в. и простиралась на восток до Саркела, так как печенеги в это время концентрировались в степном Поднепровье. К тому же за все время своего пребывания в причерноморских степях печенеги находились в остро враждебных отношениях с Русью. Вероятнее третье предположение, а именно, что курганы возле Белой Вежи оставлены гузами-торками, о возможности союзнических отношений с которыми Святослава упоминалось выше.

Установленные Святославом дружественные связи с торками поддерживал и сын его Владимир. В 985 г. торки участвовали в походе

Рис. 23. Надмогильный крест.

Владимира на волжских болгар. Столкновения руси с торками начинаются не ранее вторжения половцев в восточноевропейские степи. Под тем же 1054 г., под которым русская летопись отмечает первое появление половцев, в ней говорится и о первом походе на торков переяславльского князя: «В се же лето иде Всеволод на торки зиме к Воиню, и победи торки». Город Воинь, который здесь упоминается, находился южнее Переяславля, из чего следует, что ко времени данного похода торки были уже в Поднепровье. Едва ли появление их здесь не находится в зависимости от движения половцев, которые в то же время заключают мир с Всеволодом. Через 6 лет, в 1060 г. против торков выступили соединенные силы сыновей Ярослава во главе с Изяславом киевским (Святослав черниговский, Всеволод переяславльский, Всеслав смоленский). Русские князья, «совокупиша вои бесчислены и поидоша на коних и в лодях, бесчислено множество на торкы».

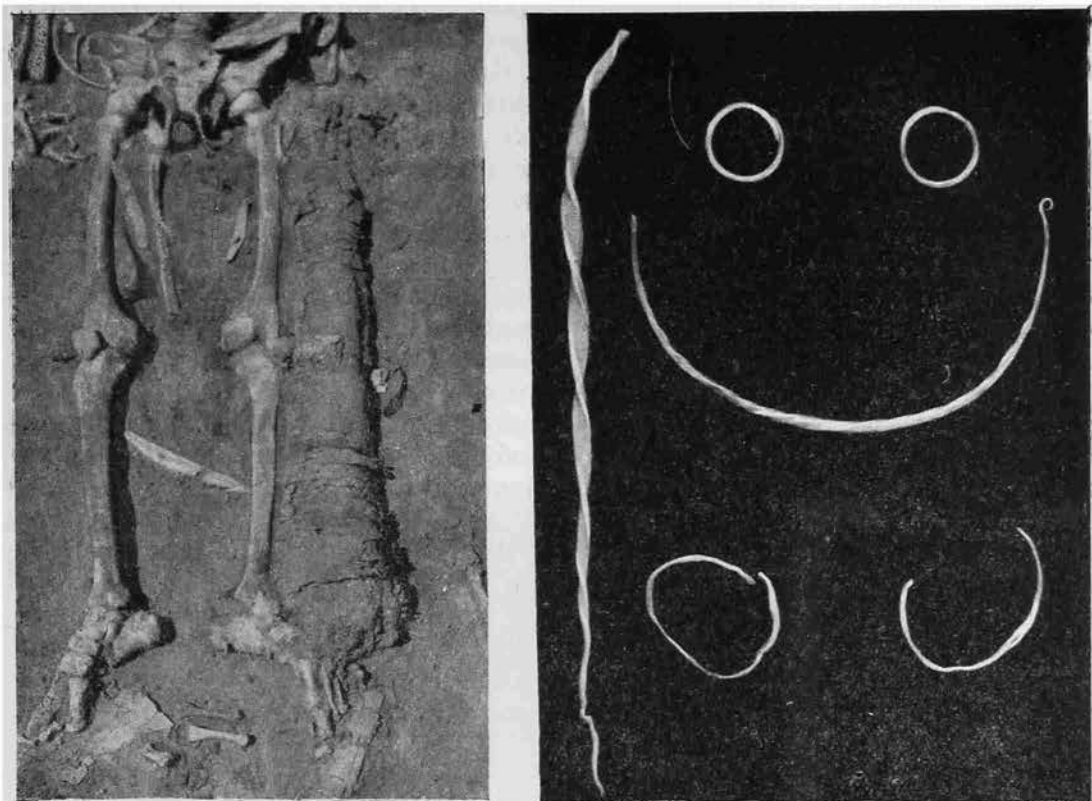
В результате торки бежали в

Византию, и только после многих злоключений часть их вернулась и отдалась под покровительство русских князей, которые и поселили их по Руси.

Еще В. А. Городцов высказал предположение, что погребения с конем, ориентированные на запад, следует относить к торкам. Более точным признаком погребений торков Н. Д. Мец считает захоронение покойника не с целым остовом, а с частями коня, что мы имеем в кочевнических курганах возле Белой Вежи. Имеются здесь и типичные, по определению Н. Д. Меца, для торков однолезвийные мечи, «кончары» и удила без перегиба.¹

Между беловежцами и поселившимися вместе с ними кочевниками существовали мирные и дружественные отношения, о чем свидетельствует

¹ Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КС, 1948, № XXIII, стр. 45.

a

б

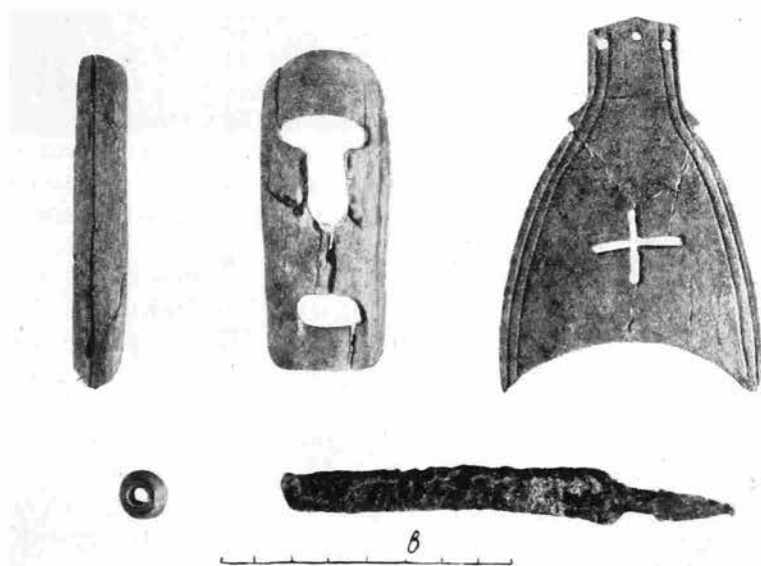

Рис 24

a — берестяной колчан в погребении кочевника (курган № 18, 18 I); *б* — вещи из погребения «половчанки»; *в* — вещи из погребения № 15 (курган № 19/I).

в первую очередь вышеуказанный кочевнический могильник, находящийся возле могильника самих беловежцев. Беловежцы и кочевники даже вступали в брачные отношения между собой. На русском кладбище Белой Вежи имеется ряд погребений с чертами кочевнического погребального обряда, т. е. с захоронением вместе с покойником лошади или только принадлежностей конского снаряжения. Особенно замечательно одно из таких погребений с лошадей; у человеческого скелета здесь оказались: височные кольца и гривна из электра, серебряные браслеты и серебряная же лента, очевидно, вплетенная в ремennую нагайку (рис. 24, б). Погребение это несомненно женское. Замечательно, что и другие погребения того же рода оказались женскими. По признакам физического типа монголоидной была только одна из погребенных с конем (с нагайкой), все остальные носили выраженные европеоидные черты.

В этой связи уместно отметить, что, по наблюдениям В. В. Гинзбурга, в русском кладбище Белой Вежи преобладал характерный для славян европеоидный длинноголовый тип с относительно незначительной примесью европеоидного же, но короткоголового расового типа, обычного для местного населения хазарского времени. Кочевнические погребения, наоборот, отличаются монголоидностью черепов, хотя в числе женских кочевнических захоронений находятся и европеоидные типы, преимущественно короткоголовые. Можно думать, что женские погребения в русских курганах с чертами кочевнического погребального обряда были погребениями русских женщин, находившихся замужем за кочевниками.

Верхний слой городища Белой Вежи изобилует остатками пожарниц и следами вражеского разгрома. Под развалинами сгоревших зданий находятся скелеты погибших в огне людей. В одной из кладовых ям с обложенными кирпичами стенками оказался скелет сброшенного в нее человека. Положение скелета свидетельствует, что человек умер, пытаясь выбраться из ямы: раскинутыми руками он цеплялся за ее края (рис. 25).

На кладбище у городской стены, а равным образом и в других частях могильника, среди позднейших погребений нередко встречаются скелеты со следами ранений, нанесенных холодным оружием, иногда даже с копьями или стрелами, застрявшими в костях. Все это ярко свидетельствует о том, что население Белой Вежи в последний период существования города сильно страдало от нападений врагов. Врагами его могли быть только половцы.

Набеги половцев на Русь особенно усилились в конце XI в. В 1103 г. состоялся Долобский съезд русских князей, положивший начало совместным действиям князей против половцев.¹ После разгрома днепровских половцев в этом году русские князья предприняли в 1111 г. известный поход против половцев донецких, закончившийся крупной победой русских на Салнице.² Удар в этом направлении был повторен, хотя, повидимому, и без большого успеха, в 1116 г.³ В результате этих походов половцы надолго потеряли охоту нападать на русскую землю и появлялись в ней только в качестве союзников, которыми русские князья пользовались в своих удельных расправах.

Возможно, что обострение отношений между русью и половцами в конце XI в. отразилось и на положении Белой Вежи. Затерянные в половецком море беловежцы не порывали связей с родной страной,

¹ Повесть временных лет, ук. изд., стр. 183.

² Там же, стр. 190 сл.

³ Там же, стр. 201.

не отделяли себя от русского народа и, ввиду этого, пережили общую с ним судьбу. Белая Вежа держалась в степи как форпост русского культурного и политического движения на юго-восток, но в конце концов условия ее существования сделались настолько тяжелыми, что, по сведениям летописи, в 1117 г. беловежцы переселились на Русь.¹ Это событие особенно подчеркивает неразрывную связь Белой Вежи с Русью. Она пала приблизительно тогда же, когда прекратило свое существование и русское Тмутороканское княжество на берегах Керченского пролива. Падение Тмуторокани и Белой Вежи — явления одного и того же порядка. И своим возникновением и гибелью они тесно связаны между собой. Прекращение их существования означает крушение дела Святослава Игоревича, утрату Русью торгового пути на Восток.

В конце XII в. русские еще помнили о своих былых владениях на Дону, оказавшихся во власти половцев. Герои «Слова о полку Иго-

Рис. 25. Скелет в погребке.

реве» Игорь Святославович, князь Новгород-Северский, предпринимает смелую попытку «поискати града Тмутороканя, испити шеломомь Дону»,² т. е. вернуть старое достояние черниговских князей, Тмуторокань и Подонье. Попытка эта окончилась неудачей.

Переселение беловежцев на Русь в 1117 г., конечно, не означает полного исчезновения русского населения на нижнем Дону. Часть его несомненно осталась там, но уже не играла той роли, которая принадлежала городскому торгово-ремесленному населению Белой Вежи и Тмуторокани. Оставшееся на Дону русское население образовало самостоятельную организацию, известную под наименованием бродников, и в первом столкновении Руси с татарами сыграло изменническую роль по отношению к русскому войску, выступив на стороне татар.

Возможно, что Белая Вежа как незначительное русско-половецкое поселение, подобное Шаруканю, Сугрову, Балину и другим донецким

¹ ПСРЛ, II, вып. 1, изд. 3-е, 1923, стр. 281.

² Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, 1950, стр. 19.

«городам», о которых упоминает русская летопись в связи с походами русских князей на половцев, продолжала некоторое время существовать и после выселения основного ядра беловежцев на Русь. Повидимому, остатками такого поселения являются постройки из сырцовых кирпичей, встречающиеся местами в самом верхнем слое городища, который в остеологическом отношении характеризуется преобладанием мелкого рогатого скота, но не выделяется каким-либо особым комплексом находок иного рода.

М. К. КАРГЕР

К ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ЗОДЧЕСТВА XI ВЕКА

ХРАМ-МАВЗОЛЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА В ВЫШГОРОДЕ

1

Благодаря тому, что в течение XI — начала XII в. Вышгород и его реликвии были в центре событий церковно-политической жизни Киева, запечатлевшихся в ряде древнейших произведений киевской письменности, почти столетнюю историю постройки Вышгородского храма-мавзолея можно восстановить так подробно и обстоятельно, как это невозможно сделать ни для одного из наиболее прославленных храмов Киева и Киевской Руси.

Исключительный интерес, который представляет история создания Вышгородского храма-мавзолея, вызывается не только тем, что строительная история этого храма отражает, как в зеркале, политическую историю Киевского государства со второго десятилетия XI по второе десятилетие XII в. и глубоко переплетена с нею. Выполняя большую по идейно-политической значимости задачу создания храма-монумента над телами князей, ставших знаменем борьбы за национальную независимость еще очень молодой, но уже окрепшей в сложной политической обстановке русской церкви, русские зодчие, сначала «древодели» — носители исконной народной архитектурной традиции, а с 70-х годов XI в. «здатели», сформировавшиеся в условиях грандиозного строительства Ярослава и его наследников, создали ряд сменявших друг друга деревянных, а потом каменных построек, имевших благодаря своеобразию их идейно-художественного замысла огромное значение для развития древнерусского зодчества.

Первое письменное известие о храме в Вышгороде появляется в летописной статье «О убении Борисове», изложенной в Повести временных лет под 1015 г., но несомненно включенной еще в Древнейший Киевский летописный свод.¹

Эта летописно-агнографическая статья, являющаяся, как известно, одним из первых русских житий, повествует об убийстве кн. Святополком двух своих младших братьев, Бориса и Глеба. Повесть об убийстве кн. Бориса заканчивается рассказом о последнем злодеянии «оканьного» Святополка, узнавшего о том, что Борис, которого убийцы везли с места убийства на р. Лъте «увертевше в шатер», как мертвого, еще жив («еще дышюще ему»), и пославшего двух варягов «прикончити» его. Один из

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 66 сл.

посланных, убедившись, «яко и еще жив есть», извлек меч и «пронъзе и к сердцю».¹ Убитого князя привезли в Вышгород. «И положиша тело его, принесше отай Вышегороду, у церкви святого Василия».²

Деревянный (как явствует из дальнейшего) храм св. Василия был выстроен, повидимому, еще Владимиром или при Владимире в честь христианского патрона «обращенного» князя, получившего при крещении это имя.

Прошло четыре года. Борьба Ярослава со Святополком за киевский стол кончилась поражением Святополка. В 1019 г. «Ярослав преля всю волость Русьскую». О дальнейшей судьбе Вышгородского храма, подле которого был погребен кн. Борис, узнаем из «Сказания о Борисе и Глебе», литературного памятника, созданного, повидимому, в последние годы жизни Ярослава.³

Автор анонимного «Сказания о Борисе и Глебе», развивая и углубляя историческую основу, созданную его предшественником, автором летописной статьи «О убиении Борисове», сделал из жития, или, как он сам его называл, «Сказания», большую историческую повесть, отнюдь не стремясь подгонять факты под схемы литературной схоластики византийских житий. Его произведение пронизано нескрываемой политической тенденцией.

Эта тенденция раскрывается уже с первых слов «Сказания» в цитате из Псалтири: «Род правых благословится, рече пророк, и семя их в благословении будет». Автор «Сказания» восхваляет Ярослава как лучшего представителя «рода правых», сына князя-просветителя Владимира, брата «святых братьев». Автор настойчиво подчеркивает политическую мораль князьям, не покоряющимся старшим. В заключительной похвале автор «Сказания» говорит, что «пособием» святых братьев «князи наши противу встающая державно побеждают и всею помощью хвалиться». В той же похвале автор «Сказания» поднимается до сознания единой «Русской великой страны».⁴

Принимая живейшее участие в церковно-политической борьбе за национальную независимость русской церковной организации, Ярослав придавал не последнюю роль в этой борьбе вопросу о канонизации русских святых, авторитет которых должен был поднять престиж молодой церковной организации. В числе первых кандидатов, естественно, были выдвинуты князья-мученики, братья самого Ярослава.

По инициативе Ярослава были предприняты поиски тела Глеба, убитого под Смоленском и, повидимому, похороненного там же. Вопросая «о телесех святою, како или где положена есть», Ярослав мог получить сведения только о Борисе («поведаша ему, яко Вышгороде положен есть»), о Глебе же «не вси сведяху». Однако от приходящих из Смоленска удалось узнать о месте погребения Глеба, благодаря «чудесным явлениям» («видеша свет и свеще на песте месте») на его забытой могиле на Смядыни. С большими торжествами («шдьше с крсты и с свещами мнозем и с кандилы и с чьстью многою») тело Глеба на корабле было доставлено в Вышгород и погребено подле Бориса у церкви Василия.⁵ Вскрытие могилы Бориса для погребения рядом с ним Глеба было использовано для подкрепления идеи канонизации — тело князя, по свидетельству участников вскрытия его могилы, «не врежено пребысть ни от коего же

¹ Лавр. лет. 6523 (1015) г.

² Там же.

³ Жития мучеников Бориса и Глеба. Памятники древнерусской литературы, изд. ОРЯС АН, вып. 2. Пгр., 1916, стр. 27—66.

⁴ История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, 1941, стр. 320.

⁵ Памятники древнерусской литературы, стр. 48.

плътюядьца, ни беаше почернело, яко же обычаи имуть телеса мъртвых, — но светльо и красьно, и цело и благу воню имущю».¹

Критика текста более чем ста пятидесяти списков «Сказания о Борисе и Глебе» привела филологов к выводу о том, что состав «Сказания», дошедший до нас в древнейшем списке XII в. (Сборник Успенского собора), является результатом работы нескольких последовательно работавших авторов.² Оригинал «Сказания» ограничивался изложением истории убийства братьев-князей и был увенчан пышной «похвалой» князьям-мученикам». Однако уже вскоре «Сказание» начало обрастать дополнительными рассказами о чудесах. Эти рассказы создавались постепенно тремя авторами в течение 70 лет с середины XI в. до 1115 г.

Высказывалось вполне справедливое предположение о том, что материалом для дополнительно появлявшихся статей о чудесах служили, повидимому, записи, которые велись при церкви Бориса и Глеба в Вышгороде, выстроенной Ярославом на месте древней церкви Василия.³ Местное, вышгородское происхождение статей о чудесах, дополнявших постепенно древнейший текст «Сказания», позволяет рассматривать их как весьма ценный исторический источник, разумеется, отбрасывая при этом сугубо агиографические элементы этих записей.

Убеждение в святости похороненных в Вышгороде братьев-князей прививалось постепенно. Первое время «не ведяху мьнози Вышгороде лежащю святою мученику», но чем дальше, тем больше пропагандируется мысль о чудодейственной святости погребенных. «Овогда бо на месте, идеже лежаста, видяху стълп огньн стоящъ и овогда ангелы поюща слышааху и то слышаше и видяще людии верьнии дивляхуся и славяху Бога и приходяше, поклоняхуся на месте томь».⁴ Не все подда-

¹ Там же.

² История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, 1941, стр. 319. — По вопросу о времени составления «Сказания о Борисе и Глебе» и о взаимоотношении этого памятника с «Чтением о Борисе и Глебе» высказывались различные, часто взаимоисключающие догадки. П. Г. Бутков (Разбор трех древних памятников русской духовной литературы. Современник, 1852, т. XXXII, отд. 2, стр. 91—92) относил «Сказание» к половине XII в., считая, что оно возникло тогда, когда уже существовали Борисоглебские церкви в Вышгороде (1115 г.), на Лыте (1117 г.) и на Смядыни (1138 г.); А. А. Шахматов (Разыскания, стр. 96) и Д. И. Абрамович (Жития Бориса и Глеба. Памятники древнерусской литературы, вып. 2, Пгр., 1916, стр. IX) — к началу XII в.; Макарий (Христ. чт., 1849, ч. II, стр. 313), Голубинский (История русской церкви, т. I, перв. пол., стр. 743), И. И. Срезневский (Известия ОРЯС. т. II, стр. 129) — до 1071 (1072) г., С. А. Бугославский (История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, 1941, стр. 320) — к последним годам жизни Ярослава. «Сказание» — произведение неизвестного автора. Широко распространенное мнение о принадлежности «Сказания» Иакову мшиху, автору «Послания некоего отца к духовному сыну» и «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру», ныне окончательно отвергнуто (см.: Д. И. Абрамович, ук. соч., стр. VII).

О времени написания «Чтения о Борисе и Глебе», принадлежащего перу Нестора, также существуют различные мнения. А. А. Шахматов (Разыскания, стр. 55—56), Х. М. Лопарев (Слово похвальное на перенесение мощей Бориса и Глеба. Пам. древи. письменности, ХСVIII, 1894, стр. 8—9) и Д. И. Абрамович (ук. соч., стр. 1) относили его к концу 70—началу 80-х годов XI в., А. И. Соболевский (Сборник в память 900-летия крещения Руси. Киев, 1888, стр. 5) и С. А. Бугославский (История русской литературы, т. I, стр. 328) — к началу XII в. (не ранее 1108 г.).

Вопрос об отношении Несторова «Чтения» к «Сказанию» решался также различно. Одни исследователи видели в «Чтении» источник «Сказания», другие, наоборот, возводили «Чтение» к «Сказанию», третьи допускали, что авторы «Чтения» и «Сказания» имели в своем распоряжении один и тот же источник, каковым могли быть записи при Вышгородском храме Бориса и Глеба (подробнее см.: Д. И. Абрамович, ук. соч., стр. VI—VII).

³ История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, стр. 319.

⁴ Памятники древнерусской литературы, стр. 52—53.

вались на эти рассказы уверовавших в «святость» братьев князей: «друзии не веровааху нъ акы лъжю мняху».¹

Еще ко времени Ярослава относится первое «чудо», которым погребенные в землю подле церкви Василия, но еще не признанные «чудотворцами» князья дали знать о своей могущественной «святости». «Придоша единою Варязи близ места, идеже лежаста святая под землю погребена, и яко един вступи, томъ часе огнь ишьд от гроба и зажъже нозе его, и искочив, начат поведати и нозе показывая своей дружине опалене и ожъжене. И оттоле начаша не смети близ приступати, нъ с страхом поклянахуса».²

Рассказ свидетельствует о том, что чтение летописной статьи, предложенное выше по Лаврентьевскому списку «Повести временных лет» («И положиша тело его, принесше отай Вышгороду, у церкви святого Василия»), нужно предпочесть чтению той же статьи по Ипатьевскому списку, где сказано о погребении Бориса, а позже и Глеба, «въ церкви святого Василия». Для последующей истории погребальных сооружений это уточнение имеет существенное значение. Из рассказа можно понять, что погребения князей, расположенные у стен церкви Василия, еще не были, повидимому, отмечены какими-нибудь мемориальными сооружениями.

Вскоре деревянный храм Василия сгорел («По сих по мале дньий възгореса церкы та святааго Василия, у нее же лежаста святая»)³. С большими подробностями повествует об этом событии Несторово «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба». Автор сообщает даже о причине пожара: «Пономар бо тоя церкви, яко же по утрнемъ петъи омрачен быв сном от вселукаваго сотоны и не смотрив истие в церкви, и тако же изиде с тпанием в дом свой, забыв свеще горящей на висоце месте. И яко же по малу от того възгореса церкве та».⁴ По тому же рассказу, пожар был скоро замечен, и «вернии людие изнесоша вся суцая в ней»; сгорел только сам храм.

Пожар старого храма послужил толчком к разворачиванию дальнейших событий, связанных с канонизацией князей-братьев. Об этом недвусмысленно высказался и автор «Чтения»: «Мню я, божьим поупущениемъ сему быти. Убо той [т. е. сгоревший храм] худе суши, обетшане древом, дабы же ина церкы паку възгражена была на том месте во имя святою и блаженною страсотерпцю Бориса и Глеба и тело же тою изнесено бысть лобвьию от ядр земленых. Яко же и бысть. .».⁵

Ярославу донесли и о пожаре и о предшествующих событиях. Князь, призвав митрополита Иоанна, передал ему все рассказы о своих братьях-«мучениках». Митрополит Иоанн, представитель интересов Константинопольского патриархата, не склонен был принять рассказы князя на веру. По словам «Сказания», он был одновременно и «преужасьн и в усъмнении, таче и в дързновении и в радости к Богу». Однако, повидимому по настоянию князя, пришлось все же, «събрав клирос и все поповство», вместе с Ярославом отправиться «с крсты» в Вышгород.

На месте сгоревшей церкви поставили «кълетку малу». После того как эта малых размеров клетская «храмина» была готова, Иоанн повелел выкопать тела князей-братьев. Когда гробы были вынуты из земли, митрополит «с прозвутеры» произвел вскрытие их. Надо полагать, что митрополит вынужден был отступить перед категорическим требованием

¹ Там же, стр. 53.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 16.

⁵ Там же.

Ярослава о канонизации и рекомендовать новых русских святых для утверждения в патриархии. Тела князей, по уверению митрополита, оказались целыми, лица их «бъаста светле акы ангела», а все присутствовавшие ощущали «благоухания многа».¹ По рассказу Нестора, благоуханием наполнилось «не токмо место то, нъ яко и весь град, яко же не мощи им насытиса благыя вонч».²

Тела князей-братьев не были зарыты в землю. «И възнесше в ту храмину, яже бяше поставлена на месте погоревшия църкве и поставиша я над землею, на десней стране».³ Открытое положение (над землей) гробниц с телами князей способствовало дальнейшему укреплению культа. Начались «чудеса» исцеления от недугов. Два чуда исцеления, о которых донес Ярославу Миронег, бывший «градьником» в Вышгороде, позволили Ярославу закрепить достигнутый уже успех. Призвав митрополита, князь «съказаше ему с веселиемъ» о новых проявлениях чудесной силы своих «святых» братьев. Митрополит, отступивший окончательно от своих «усъмнений», даже подал князю «съвет богоугодън» — выстроить новый храм-усыпальницу, соответствующий возросшему почитанию новых святых. Князь, удовлетворенный этим предложением, «възгради църковь велику, имеющую върхов 5, и исписа всю и украси ю всею красотою».⁴

Значительно подробнее рассказано об этом в Несторовом «Чтении». Получив «совет благ» митрополита, Ярослав «повеле древоделям приготавливать древо на согражение църкви, бе бо уже время зимно. Они же повеленое им от христолюбца пригодиша древо. И наставшю лету, възградившю църковь во имя святою блаженую стратотерпцю Бориса и Глеба, о клетце [т. е. подле клетки. — М. К.], в ней же стояста раце святою. Христолюбивый же князь украси църковь 5 верх и всякими красотоми, иконами и иными писменны».⁵

В новый храм-усыпальницу торжественнейшим образом были перенесены тела князей-братьев. Освящение храма и перенесение туда гробниц князей, проведенное 24 июля, закончилось торжественным обедом, который дал князь для митрополита и «прозвутеров». Празднества ознаменовались новым «исцелением» хромого, происшедшим на глазах присутствовавших в храме князя, митрополита и всех собравшихся. Канонизация первых святых русской церкви стала фактом, признание которого вскоре вышло далеко за границы Русской земли.

А. А. Шахматов, исходя из предположения, что освящение храма и перенесение мощей было приурочено к воскресению, как последующие перенесения мощей 1072 и 1115 гг., указывал, что 24 июля было воскресным днем или в 1020 или в 1026 г.⁶ М. Д. Приселков полагал, что по ходу событий канонизации более вероятно вторая дата.⁷

Пятиглавый храм Ярослава простоял около полувека. По словам «Сказания», «църкви уже обетьшавши». Сидевший на киевском столе кн. Изяслав Ярославич «умысли възградити църковь нову святыима стратотърпцема, в върх в один».⁸ Как и о постройке Ярослава, с большими подробностями о постройке Изяслава повествует Несторово «Чте-

¹ Там же, стр. 53—54.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 54.

⁴ Там же, стр. 54—55.

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 58, прим. 1.

⁷ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913, стр. 71—72.

⁸ Памятники древнерусской литературы, стр. 55.

ние»: «Пришед же в един день, виде церковь святою ветху сущю. Призвав старейшину древоделям, повеле ему церковь възградити в имя святою, назнаменовав же и место близ ветхыя церькви перваго места. .».¹ На «възграждение» новой церкви Изяслав дал старейшине «имения довольно». «Старейшина же ту абие събра вся сущая под ним древоделя, сконцав же повеленное ему от благоверного князя, и в мале дъний възгради церковь на назнамене месте и възда ричие князю, яко скончана бысть церькы».²

Торжественное освящение нового храма и перенесение гробниц князей-братьев произошло 20 мая 1072 г. Об этом торжестве повествуют и летописная запись под 1072 г., и «Сказание», и Несторово «Чтение».

В освящении храма и торжественном перенесении гробниц приняли участие сыновья Ярослава Изяслав, Святослав и Всеволод, митрополит Георгий, черниговский епископ Неофит, епископ переяславский Петр, юрьевский — Михаил, белгородский — Никита и игумены многих киевских монастырей во главе с Феодосием Печерским.

Сначала в новый храм перенесли деревянную раку с телом Бориса. Раку несли, «вземше на плещи своя», сами князья Изяслав, Святослав и Всеволод, предшествуемые черноризцами, державшими в руках свечи, епископами и митрополитом. Когда рака Бориса была открыта и новый храм «исполнися благоухания воне благы», митрополита объял ужас, «бъше бо нетвердо веруя к ним и пад ницъ, прося прощения».³ Нестор говорит о предшествующем поведении митрополита еще более определенно: «митрополит же неверьствуя, яко свята блаженная». Однако, когда раки князей были открыты (по Нестору, еще в старой церкви) и все увидели тела князей «цела лежаще», а церковь «исполнися благы воня», митрополит «ужасеся в уме» и обернувшись на восток, подняв руки к небу, стал молить прощение за свое неверие.⁴ По словам «Сказания», упорствовавший в своем неверии греческий митрополит, убедившись в своей неправоте, даже пал ниц перед гробницей русского князя и просил прощения.⁵

Как бы то ни было в действительности, историческое содержание описываемого события заключалось в окончательном и публичном признании со стороны византийского перарха факта канонизации русских князей-братьев. После того как тело Бориса было переложено в новую каменную гробницу, на санях «вземше за вужа» была перевезена в новый храм и гробница Глеба, которая, судя по летописной записи, была, в отличие от гробницы Бориса, каменная.

Есть основания думать, что вышгородское торжество 20 мая 1072 г., закончившееся после перенесения гробниц торжественным обедом «с любовью великою», в котором участвовали все три Ярославича со своими боярами, было связано не только с церковными делами. Освящение нового храма-усыпальницы князей-братьев, происходившее при участии всего «триумвирата» Ярославичей и многочисленных представителей церковной иерархии, повидимому, было лишь завершением съезда князей по чисто политическим вопросам. Некоторые исследователи «Русской Правды» уже давно отмечали, что время съезда, на котором была установлена «Правда Ярославичей», обычно определяемое 1054—1073 гг., т. е. временем правления Ярославичей, может быть значительно уточнено.

¹ Там же, стр. 21.

² Там же.

³ Ипат. лет. 6580 (1072) г.; Лавр. лет. под тем же годом.

⁴ Памятники древнерусской литературы, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 56.

Среди имен знатных киевлян, упомянутых в заголовке «Правды Ярославичей», есть имя Чудина Микулы. В «Сказании о Борисе и Глебе» встречается имя Николы, который был «старейшина огородьником, зовом же бяше Жьдан по мирьскому, а в хрещении Никола».

Еще П. В. Голубовский,¹ а вслед за ним М. А. Дьяконов,² отождествляли этого вышгородского Николу с Микулой «Правды Ярославичей». Летописная запись о вышгородских торжествах заканчивается указанием: «бе бо тогда держа Вышгород Чюдин, а церковь Лазарь». Это же имя встречается в летописной записи под 945 г., однако относящейся ко второй половине XI в. Желая определить топографическое размещение «княжого двора» в древнейшем Киеве, летописец указывает, что он был там, «идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин». Все это приводило П. В. Голубовского к выводу, что «Микула-Жьдан-Чюдин был начальник городничих. инженер и комендант Вышгорода. На совещание он был приглашен как человек, занимавший важную должность в городе». На этом основании Голубовский считал, что время съезда нужно отнести к 1072 г., «когда братья съехались в Вышгород для перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь и довершили торжество перенесения мощей своих дядей-мучеников отменой того языческого института, который, может быть, был причиной их мученической кончины».³

М. Н. Тихомиров, разделяя Микулу-Жьдана и Чюдина как разных лиц, полагал, что кроме князей в качестве участников совещания было двое киевлян (Коснячко и Никифор), один вышгородец (Микула) и один киевлянин, державший в своих руках Вышгород (Чюдин). Следовательно, из пяти участников совещания с князьями по крайней мере двое имели какое-то отношение к Вышгороду, где, по мнению исследователя, в 1072 г. состоялось совещание, запись о котором находится в «Правде Ярославичей».⁴

Три вышгородских храма-усыпальницы, сменивших друг друга на протяжении XI столетия, представляли бы безусловно исключительный интерес для истории зодчества Киевской Руси, если была бы какая-либо возможность хотя бы отчасти реконструировать их своеобразный облик. Выстроенные русскими «древоделями», все они, несомненно, были выражением древнейших народных традиций русского деревянного зодчества, причем, повидимому, отнюдь не повторяли друг друга. Возле «клетки малой», выстроенной Ярославом, вместо сгоревшей древней церкви Василия вырос Ярославов же храм о пяти верхах, рядом с которым Изяслав выстроил новый одноверхий храм.

Как справедливо подчеркивал С. А. Бугославский, в киевской житийной литературе XI в. нередко звучал протест против византийской церковной гегемонии; протекторату Византии русские писатели противопоставляли сознание своего национального культурного роста, в житиях часто подчеркивалось, что Русская земля имеет уже и своих святых — защитников Русской земли.⁵ Эта патриотическая, хотя и завуалированная ограниченностью церковного мировоззрения идея проявлялась несомненно и в поисках нового архитектурного образа для вышгородского храма-усыпальницы князей-братьев.

¹ П. В. Г о л у б о в с к и й. Критико-библиографический обзор трудов по древнему периоду русской истории. Унив. изв., Киев, 1907, август, стр. 60 сл.

² М. А. Д љ я к о н о в. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 3-е, СПб., 1910, стр. 43 сл.

³ П. В. Г о л у б о в с к и й, ук. соч., стр. 60 сл.

⁴ М. Н. Т и х о м и р о в. Исследование о «Русской Правде». Происхождение текстов. М.—Л., 1941, стр. 65.

⁵ История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, 1941, стр. 316.

Задачу реконструкции облика названных построек на основе анализа цикла миниатюр, иллюстрирующих «Чтение о житии Бориса и Глеба» в известном Сильвестровском сборнике XIV в., и отдельных миниатюр Радзивилловского списка летописи, при всей заманчивости ее, нельзя признать выполнимой. Несмотря на то, что в основе обоих названных циклов иллюстраций лежат, как это с несомненностью доказано, более древние оригиналы, восходящие к эпохе, когда возникли самые иллюстрируемые тексты, предельно условный характер изображения построек, даже в тех случаях, когда о них непосредственно идет речь, не позволяет использовать рисунки как доброкачественный источник для реконструкции архитектурных образов интересующих нас памятников.

Так, например, вопреки мнению Н. Н. Воронина,¹ мы отнюдь не можем признать никаких реальных черт деревянного Изяславова храма 1072 г. («в верх в один») в изображении вышгородской церкви на миниатюре Радзивилловской летописи, где, несмотря на всю условность рисунка, все же совершенно ясно, что миниатюрист хотел передать каменный (а не деревянный), однокупольный храм с позакомарным покрытием.

2

Занявший киевский стол князь Святослав Ярославич решил выстроить в Вышгороде, рядом с деревянным храмом Изяслава, новый храм, на этот раз каменный. Начав постройку, Святослав не успел довести ее до конца. Смерть застигла его, когда здание было возведено на высоту 80 локтей.²

Постройку закончил Всеволод Ярославич, но как только церковь была выстроена, «абие на ту ночь вѣрются ей верьх и съкрушися вься».³ Занятый собственными крупными постройками, Всеволод так и не закончил вышгородский храм. Автор «Сказания» отмечает, что после смерти Всеволода развалины рухнувшего каменного храма некоторое время оставались в забвении: «Бысть забвение о църкви сей святою мученику, и ни един же можаше что съдеяти, и о здании и о вьсемь и о сказании чудес, а и многом бывающем».⁴

По словам того же «Сказания», князь Святополк имел намерение начать новую постройку на месте ветхой деревянной «окръст гробу святого», дабы не переносить на новое место гробниц. По словам «Сказания», князь говорил: «не дръзну преносити от места на место».⁵ Однако Святополк не осуществил своего намерения.

В роли продолжателя постройки отца выступил князь Олег Святославич: «Олег, сын Святославль, умысли въздвигнути църковь, съкрушивъшююся Вышгороде камяную. И привед зьдательце повеле зьдати, вьдав им вьсе по обилу, яже на потребу».⁶ Когда храм был закончен и расписан, строитель обратился к Святополку за разрешением перенести в новый храм гробницы Бориса и Глеба, однако Святополк не давал своего согласия на перенесение по причине, на которую недвусмысленно указал автор «Сказания»: «зане не сам бяше ее създал църкве тоя».⁷

¹ Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Архитектура СССР, 1944, № 5, стр. 35 и рис. 3.

² Памятники древнерусской литературы, стр. 60; в двух списках «Сказания» указана другая высота здания: 50 локтей.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 62.

⁶ Там же, стр. 64.

⁷ Там же.

Только после смерти Святополка, когда на киевском столе сел Владимир Мономах, решено было совершить освящение нового каменного храма и торжественное перенесение гробниц князей.

Торжество, состоявшееся 1 и 2 мая 1115 г., по своему размаху и великолепию не уступало торжествам, устроенным Ярославичами в 1072 г. В торжестве участвовали князья Владимир Всеволодович Мономах с сыновьями, строитель храма Олег Святославич и его брат Давид, тоже с сыновьями, киевский митрополит Никифор, епископы — черниговский, переяславский, белгородский и юрьевский, и целый сонм игуменов крупнейших киевских монастырей, во главе с Прохором печерским.

Первый день торжеств после освящения нового храма закончился «великим обедом», который был дан Олегом, чем был подчеркнут факт его ктитинства в отношении вновь освященного храма, хотя и летопись и «Сказание» на первом месте упоминают Владимира Мономаха.

Второй и главный день торжеств — перенесение гробниц в новую церковь — прошел не совсем гладко: между князьями в самый разгар торжеств возникли серьезные трения: «распри же бывши межн Володимером и Давыдом и Ольгом». Когда с огромными усилиями («едва возмогоша») каменные гробницы Бориса и Глеба ввезли на санях в новую церковь, едва пробившись сквозь бесчисленные толпы собравшегося народа, для чего Владимир повелел «метати людем кунами же и скорою и паволокы», возник спор по вопросу, где поставить гробницы. Владимир Мономах, оковавший еще за несколько лет перед этим гробницы князей серебряными позолоченными ризами, имел намерение установить гробницы по середине храма, рассчитывая поставить над ними «терем серебрян», богатством которого он хотел, повидимому, затмить вклад Святославичей — строителей храма. Олег же и Давид настаивали на постановке гробниц в комару (т. е. в нишу), «идеже, — по словам Олега, — отец мой [т. е. Святослав] назнаменал на правой стороне, идеже бяста устроена комаре имы».¹

Ссылка Олега на отца, подготовившего для гробниц специальные ниши в южной стене храма, свидетельствует о том, что Олег, действительно, лишь достраивал верхнюю рухнувшую часть храма, выстроенную Всеволодом, не изменив первоначального плана здания, заложенного Святославом.

Обе стороны проявляли раздраженное упорство. Легко понять не записанные в летопись мотивировки, выдвигаемые сторонами в защиту своих прав. Если Олег подчеркивал принадлежность своему отцу первого замысла и начала постройки, а себе ее окончание, то Владимир выступал не только как обладатель киевского стола, богато одаривший гробницы князей серебряными ризами и подготовивший теперь еще «терем серебрян» для установки над гробницами, но и как сын Всеволода, продолжившего постройку Святослава, возведенную последним на 80 локтей.

Спор пришлось решить жребием, положенным на святой трапезе. Жребий решил дело в пользу Олега и Давида. Гробницы были поставлены «в комару ту на десней стране, кде и ныне лежита».² Из известия Лаврентьевской летописи о том, что раки князей были установлены «на месту» только в четвертый день, М. Д. Приселков делал предположение о том, что распря князей была разрешена жребием далеко несразу.³

¹ Ипат. лет. 6623 (1115) г.; Лавр. лет. под тем же годом.

² Ипат. лет. 6623 (1115) г.

³ М. Д. Приселков, укр. соч., стр. 328.

Торжествами 1115 г. почти столетнее строительство Вышгородского храма-мавзолея закончилось. Неоднократные упоминания храма, встречающиеся в киевских летописях в связи с различными событиями в жизни Вышгорода и Киева, ничего нового для истории самого памятника не дают.

В 1240 г. Вышгород с его богатейшим княжеским храмом, повидимому, разделил судьбу Киева. Письменные источники молчат о судьбе храма после монгольского нашествия, однако история его постепенного разрушения отчетливо восстанавливается по данным археологических раскопок (об этом ниже).

К XVI в. Вышгород превратился в заброшенное городище, как свидетельствует об этом жалованная грамота Сигизмунда Августа от 1 сентября 1571 г. на имя королевского писаря Евтихия Высоцкого о предоставлении ему в награду за службу в пожизненное («до своего живота») «держание. землю пустую, людьми неоселую, под тым (Межигорским, — М. К.) монастырем лежащую, названую Вышегородскую, у Вышегорода, со всем, яко ся тот монастырь Межигорье и тая земля Вышегородская з давних часов, сама в себе, в пожитках и обыкодах своих маєт. .»¹

С еще большей определенностью о состоянии Вышгорода говорит вторая грамота Сигизмунда тому же Евтихию Высоцкому от 10 мая 1572 г., которой король передает названному писарю «монастырок, назвиском Межигорье, церковь Русскую закона греческого, лежащий над рекою Днепром, от Киева у двух миль, а особливе *городище*, названное Вышегород, и землю Вышегородскую, неподалеку того ж монастырка, пустую людьми не оселую».²

Руины храма Бориса и Глеба просуществовали, повидимому, до начала XVII в., когда были окончательно разобраны поляками с целью использования строительного материала для постройки доминиканского костела св. Николая в Киеве.³ Остатки строительных материалов были использованы для кладки фундамента при постройке в 1744 г. Андреевской церкви в Киеве.⁴

Из надписи на рукописной псалтири, хранившейся в Богуславском Николаевском монастыре, известно о существовании в Вышгороде в 1614 г. какой-то деревянной церкви, повидимому, выстроенной на развалинах древнего храма, после 1662 г. замененной новой, тоже деревянной постройкой, которая просуществовала до 1744 г., когда была выстроена трехкупольная деревянная церковь, снесенная в 1860 г. перед постройкой новой небольшой каменной церкви, существующей доныне.⁵

4

Первые раскопки фундаментов древнего Борисоглебского храма предпринимались еще в начале XIX в. «В 1816 г., — по сообщению М. Берлинского, — нарочно открыто все основание бывшей церкви; но ника-

¹ АЗР, III, СПб., 1848, № 53, стр. 159.

² АЮЗР, I, СПб., 1863, № 164, стр. 188.

³ Киевский митрополит Варлаам Ясинский в грамоте от 28 марта 1691 г. к царям Иоанну и Петру Алексеевичам писал, что костел св. Николая построен из камня древней Вышгородской Борисоглебской церкви (Е. Болховитинов. Описание Киево-Софийского собора. Приб., Киев, стр. 30).

⁴ И. Фундуклей. Обзорение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847, стр. 55.

⁵ Ф. Маниковский. Вышгород и его святыня. Киев, 1890, 2-е изд., стр. 66—67.

ких не отыскано древних достопамятностей». ¹ Раскопки эти, производившиеся помещицей Турчаниновой, ² археологические увлечения которой причинили немало разрушений развалинам древних архитектурных памятников Киева, разумеется, не имели ни малейшего научного значения.

В 1860 г., перед закладкой новой каменной церкви, деревянная постройка, существовавшая до этого, была снесена, причем фундамент древнего каменного храма был полностью открыт и освидетельствован. Тогда было установлено, что кладка фундамента состоит из дикого камня, длина его 60 арш., ширина 33 арш. ³ Фундамент алтарной части представлял три полукружия, из коих боковые значительно меньше центрального. План древней церкви был признан «во всем сходным» с сохранившимися киевскими церквями Кирилловской, Ирининской, Михайловской в Златоверхом монастыре. ⁴ Тогда же было установлено, что древний фундамент в некоторых боковых частях, особенно с западной стороны, оказался уже разобранным. ⁵

В августе 1874 г., во время работ III Археологического съезда в Киеве, была сделана новая попытка раскопок развалин Вышгородского храма под руководством гр. А. С. Уварова. Раскопки были предприняты, по словам самого руководителя, с целью «разрыть основание и отыскать абрис древнего храма во имя Бориса и Глеба». ⁶ Судя по отчету, «часть этого фундамента была обнаружена». ⁷ Однако из описания открытой раскопками кладки, состоявшей «из больших четырехугольных кирпичей, соединенных толстым слоем цемента, подобно кладке Золотых ворот и церкви Ирины в Киеве», можно заключить, что исследователи приняли за фундамент кладку кирпичных стен храма.

Более серьезному археологическому исследованию руины Борисоглебского храма подверглись лишь в 1936—1937 гг., когда Вышгородская экспедиция Института археологии АН УССР производила значительного масштаба раскопки на различных участках Вышгородского городища. Однако, к сожалению, и эти работы охватили памятник далеко не полностью и к тому же в методическом отношении были далеки от современных требований, предъявляемых к раскопкам архитектурных памятников. Особенно неудовлетворительной была графическая фиксация раскрытых частей памятника.

Разведочные работы на территории городища были начаты еще в 1934 г., в том числе небольшие шурфы были заложены на участке развалин древнего храма. Разведкой было установлено, что принимавшаяся старыми исследователями за вал городища кольцевая насыпь вокруг церкви представляет в действительности перекрытый небольшим слоем земли завал древних строительных материалов, состоящий из обломков кирпича, камня, кусков раствора, фрагментов фресок, древней керамики и проч. ⁸

¹ М. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820, стр. 120.

² П. Свиньин. Извлечение из археологического путешествия по России в 1825 г. ТЗОИДР, ч. III, кн. 1, М., 1826, стр. 203.

³ Различные авторы сообщают разные данные о длине и ширине храма: Л. Похилевич (Сказания о населенных местностях Киевской губ. Киев, 1864, стр. 2) — $16\frac{1}{2} \times 11\frac{1}{2}$ саж. (т. е. 49×34 арш.), Ф. Маниковский (ук. соч., стр. 65) 60×33 арш.

⁴ Ф. Маниковский, ук. соч., стр. 65, прим. 1.

⁵ Там же.

⁶ Гр. III АС в Киеве, Киев, 1878, т. I, Проток., стр. LXXIII.

⁷ Там же, стр. LXXX.

⁸ Розкопи на території давнього Вишгорода. НЗІМК УАН, кн. 3—4, Киев, 1935, Хроника, стр. 103.

Небольшие разведочного характера шурфы на территории развалин древнего храма были продолжены в 1935 г.¹ Шурфом, заложенным в северной части кольцевой насыпи, окружающей территорию церкви, был обнаружен крупный блок кладки стены древнего храма. Судя по описанию, обнаруженный раскопкой блок представлял «чередующиеся слои кирпича с одним утопленным рядом между двумя выступающими, углубления между которыми заштукатурены специальной штукатуркой».²

Основные работы по раскрытию фундаментов древнего Вышгородского храма были произведены в 1936 г.; небольшие дополнительные раскопки были осуществлены в следующем, 1937 г. Результаты этих раскопок,

к сожалению, не были опубликованы. Дневники раскопок 1936—1937 гг., хранящиеся в архиве Института археологии АН УССР, дают чрезвычайно важные данные для реконструкции первоначального облика памятника, несмотря на то, что развалины храма были вскрыты далеко не полностью. К сожалению, вскрытая часть руин храма была зафиксирована очень схематично и небрежно, что крайне затрудняет задачу реконструкции памятника. Авторы дневников (руководители участков Г. М. Зацепина, Д. П. Натансон, Л. А. Голубева) ошибочно представляли раскапываемый памятник как шестистолпный трехнефный храм, относя его, также ошибочно, к началу XII в.

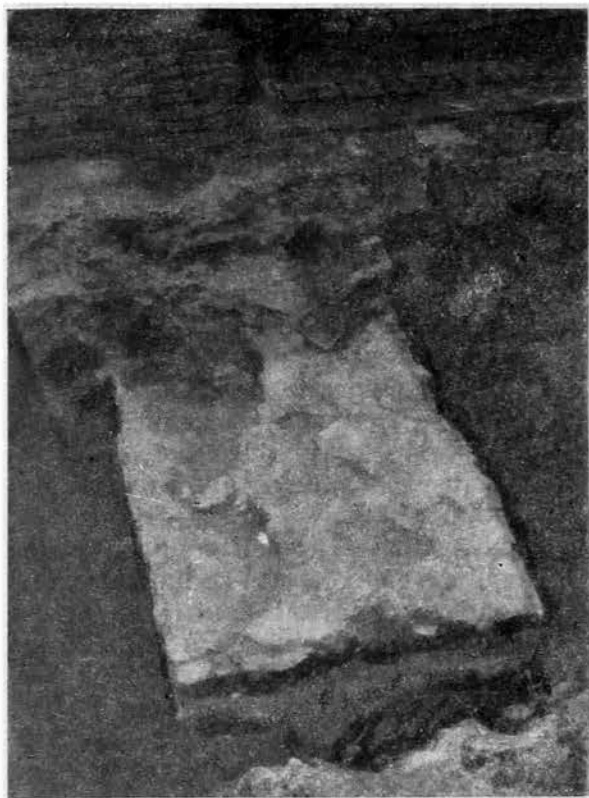

Рис. 1. Поперечный ленточный фундамент в северном нефе.

рисоглебского храма представляет собой кладку из крупных кусков серого с зеленоватым оттенком кварцита на растворе извести с примесью толченого кирпича (рис. 1).³ Кладка фундамента сохранилась в различных местах на различную высоту: местами на поверхности фундамента сохранились даже один-два ряда кирпичной кладки стен (рис. 3), местами кладка фундамента выбрана почти до подошвы — сохранились лишь деревянные субструкции (лежни), залитые раствором. Ширина фундамента 1.5—1.8 м, глубина заложения от уровня современной поверхности 2.40—2.75 м. У подошвы кладки фундамента на отдельных

5

Раскопками 1936—1937 гг. был вскрыт фундамент отдельных частей здания и небольшой кусок упавшей западной стены храма. Фундамент Бо-

¹ Дневник Вышгородской экспедиции 1935 г. (№ 2). Архив ИА АН УССР, № 200.

² Там же.

³ Исследователи отмечали, что, наряду с описанным типом раствора, в кладке фундамента встречается другого типа раствор, отличавшийся чрезвычайной прочностью, желтовато-кремового цвета без примеси цемента.

участках хорошо сохранились расположенные параллельными рядами пустые каналы от сгнивших деревянных лежней, имевших форму прямоугольных, почти квадратных в сечении (0.22—0.28×0.22—0.28 м) балок (рис. 2). Обычно лежни уложены вдоль фундамента по четыре в ряд, на расстоянии 0.23—0.30 м один от другого. Местами (поперечный ленточный фундамент в восточной части южного нефа) были обнаружены лежни, уложенные перпендикулярно к продольным, лежавшим вдоль линии фундамента. В нескольких местах внутри каналов сохранились остатки перегнившего дерева. Дважды были обнаружены большие железные костыли, скреплявшие балки субструкций на перекрестиях.

Раскопками 1936—1937 гг. были вскрыты: а) внешняя линия фундамента средней апсиды (так как внутри современной церкви раскопки не производились, внутренняя линия апсиды не была вскрыта); б) незна-

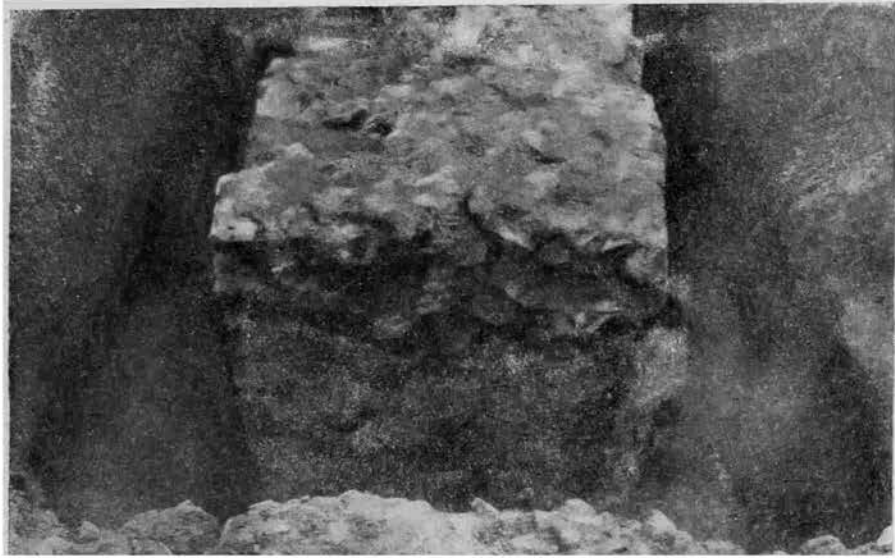

Рис. 2. Следы деревянных лежней под фундаментом.

чительная часть фундамента южной апсиды, на поверхности которого сохранились два ряда древней кирпичной кладки (размер кирпича 0.35×0.27×0.04 м) на растворе извести с примесью цемьянки; в) часть продольных ленточных фундаментов на линии северных и южных столбов древнего храма, сохранившихся под северной и южной стенами современной церкви; г) два отрезка поперечных ленточных фундаментов в северном нефе древнего храма; д) один отрезок поперечного фундамента в южном нефе; е) остатки субструкций фундамента северной стены храма на значительном протяжении; ж) небольшие части фундамента западной стены; з) незначительные остатки субструкций фундамента южной стены (восточная ее часть) (рис. 4).¹

На запад от фундамента западной стены раскопками были открыты части обвалившейся западной стены храма (рис. 5—6). Все блоки кладки

¹ На публикуемом сводном плане раскопок Борисоглебского храма, хранящемся в архиве Института археологии АН УССР, нанесены не все части фундаментов, которые были раскопаны в 1936—1937 гг. Так, небольшие части фундамента западной стены, раскопанные в 1937 г., а также части упавшей западной стены, на плане не показаны.

лежали в среднем на глубине около 1 м. Они были перекрыты мощным слоем, состоявшим в основном из древних строительных материалов: обломков плиточного кирпича, кусков раствора с цемянкой, фрагментов фресковой штукатурки, обломков поливных плиток, голосников, листов свинцовой кровли и проч.

Открытые раскопками куски западной стены представляют кладку из рядов кирпича (размер $0.36 \times 0.27 \times 0.04$ м) на растворе извести с цемянкой, чередующихся с рядами каменной кладки из крупных кусков серого кварцита и валунов. Размер и характер кирпича вполне тождествен кирпичу, обнаруженному в кладке стены южной апсиды.

Стена храма упала на запад и лежит фасадной поверхностью вниз. Ряды кирпичной кладки чередуются с широкими полосами розоватого,

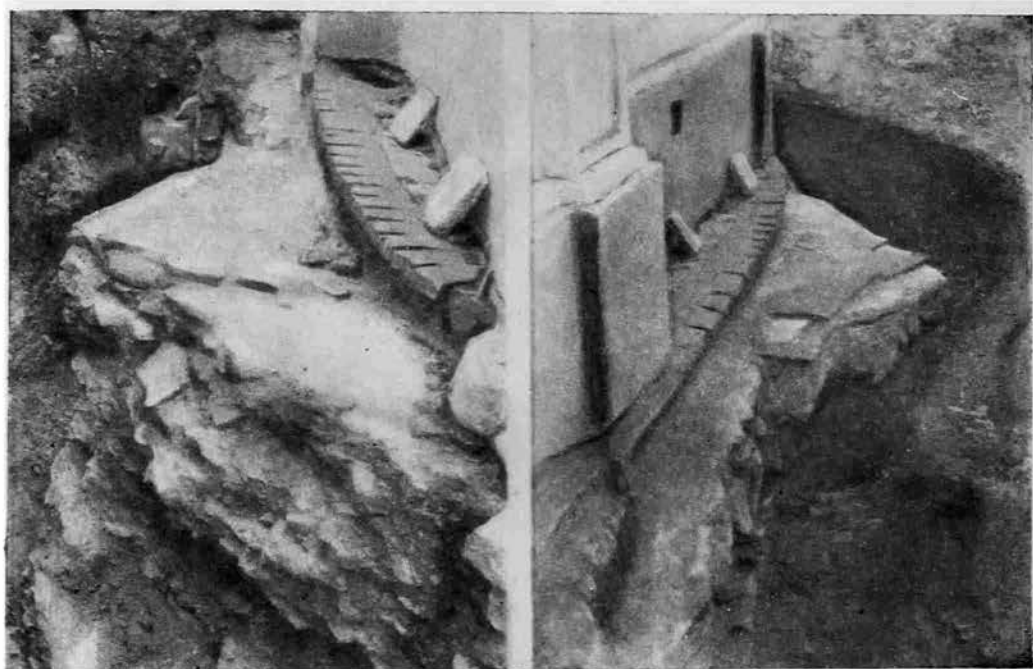

Рис. 3. Фундамент и нижний ряд кирпичной кладки северной апсиды.

гладко затертого раствора, за которым утоплен в кладке еще ряд кирпича (рис. 7). На двух блоках кладки западной стены были обнаружены проемы двух окон с хорошо сохранившимися арочными завершениями.

Под обвалом стены лежал мощный культурный слой с остатками разнообразных находок, близких по типам к вещам домонгольской поры. Заслуживают особого внимания обнаруженные в этом слое следы жилищ с глинобитными печами.

Ниже, на глубине 1.70 м, лежит еще один слой со строительными остатками, несомненно происходящими также из Борисоглебской церкви. Высказывалась справедливая догадка, что после монгольского завоевания разрушение заброшенного храма происходило постепенно, следом чего является незначительный по толщине нижний слой завала строительных материалов. В XIII в. подле церкви, повидимому, существовали еще жилища, остатки которых были обнаружены под завалом западной стены. Дальнейшее разрушение храма, когда обвалились его своды

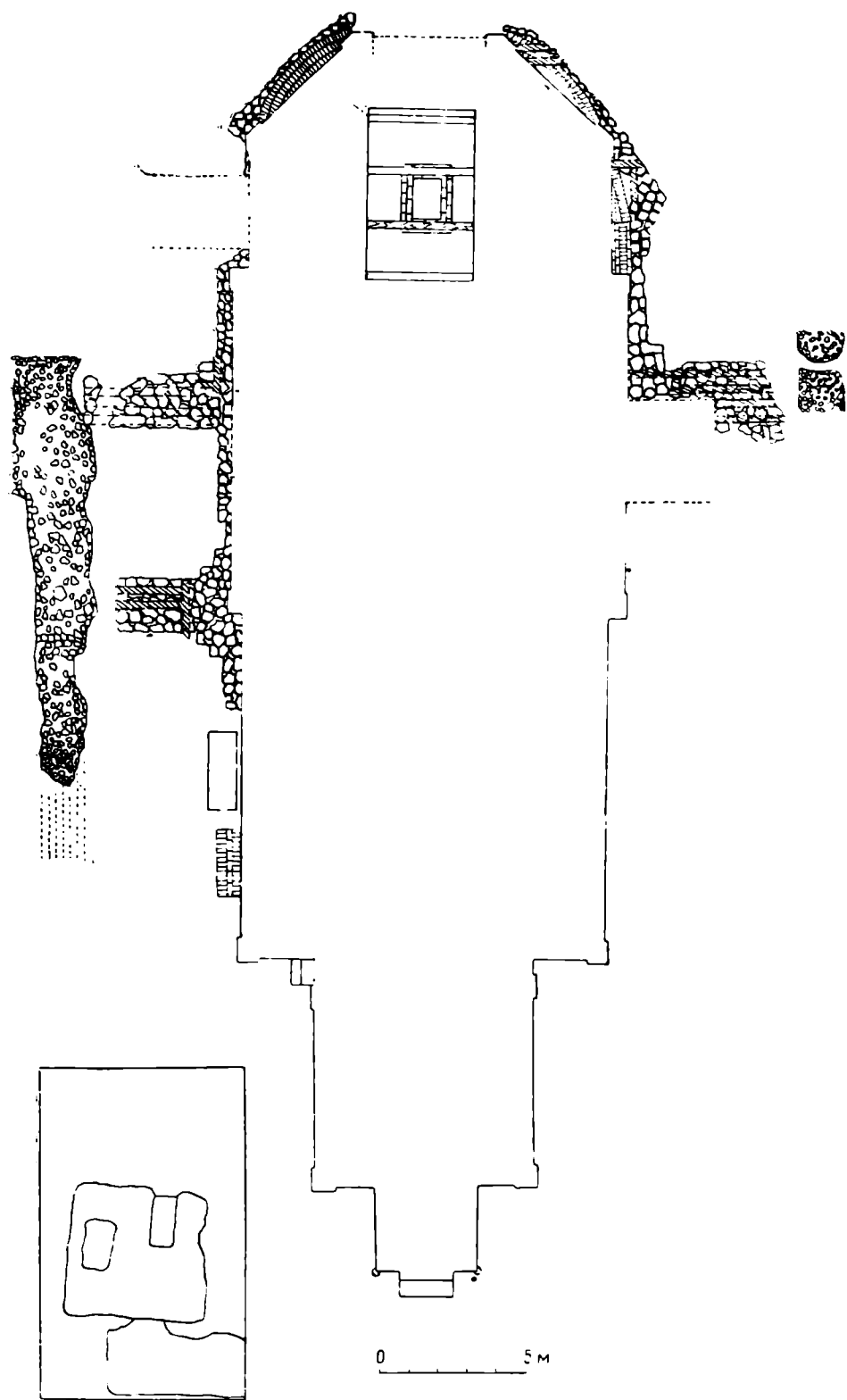

Рис. 4. Сводный план частей фундаментов, вскрытых раскопками 1936 г.

и упала западная стена, очевидно, произошло уже в более поздний период — повидимому, не ранее начала XIV в.

Рис. 5. Кладка упавшей западной стены.

Детальное рассмотрение достаточно многочисленных письменных свидетельств, освещающих постройку Вышгородского храма Бориса и

Рис. 6. Блок кладки западной стены (деталь).

Глеба, и собранные в результате раскопок развалин храма материалы для характеристики строительной техники сохранившихся под землей

остатков здания приводят к согласному выводу о том, что руины основной части и, во всяком случае, план Борисоглебского храма, заложенного кн. Святославом Ярославичем, законченного после его смерти кн. Всеволодом Ярославичем и восстановленного после обвала верхней части здания кн. Олегом Святославичем, нет никаких оснований относить к началу XII в., как это делали исследователи храма, производившие

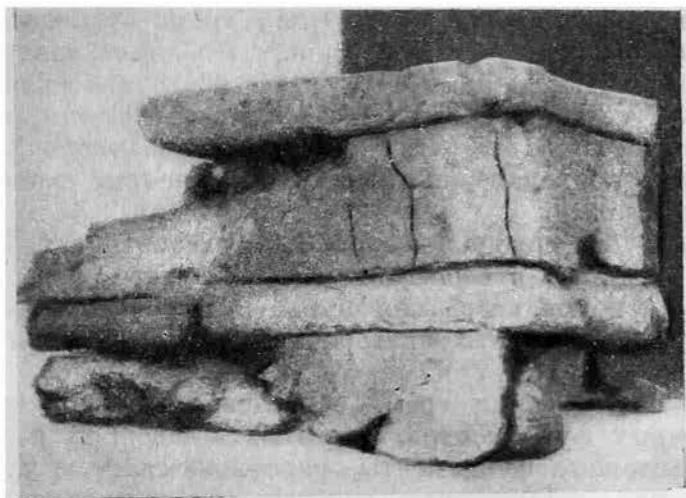

Рис. 7 Блоки кладки стен.

раскопки в 1936—1937 гг., связывавшие вышегородские развалины со строительной деятельностью Мономаха.

Как показано выше, Владимир Мономах, возглавлявший торжество последнего освящения храма в 1115 г., принял известное участие в завершении внутреннего убранства храма, для которого он соорудил «терем серебрян», установленный над гробницами Бориса и Глеба, но основной архитектурный образ здания сложился, несомненно, в результате более ранних строительных работ. Если на долю строителей, поставленных кн. Олегом, можно отнести окончательное завершение постройки, то основной замысел ее, в частности план здания, безусловно, принадлежал строителям времени Святослава.

Обнаруженные на различных участках части древнего фундамента Вышгородского храма, несмотря на их неполноту, позволяют все же, с известной степенью гипотетичности, реконструировать план здания в целом.

Вышгородский храм Бориса и Глеба представлял трехнефную постройку, по своим масштабам превосходящую все известные нам трехнефные храмы домонгольской Руси. План храма отличается чрезвычайной удлинённостью по оси восток—запад. По длине центрального нефа (42 м) он превосходит такие грандиозные постройки, как собор Спаса в Чернигове (32 м) и древнейшая часть Киевской Софии, не говоря уже о храмах конца XI—XII в. При ширине храма около 24 м его чрезвычайная длина придавала памятнику несомненные элементы базиликальной композиции.

Однако было бы грубейшей ошибкой рассматривать храм Бориса и Глеба как базилику в собственном смысле этого слова. Несмотря на то, что западная половина здания осталась в основном нераскопанной, восточная часть церкви позволяет реконструировать план всего здания в целом.

Исследователи развалин храма безусловно ошибочно трактовали две линии поперечных фундаментов, открытых в северном и южном нефах храма, как ленточные фундаменты, расположенные на оси подкупольных столбов храма. Достаточно сопоставить расстояние между этими фундаментами с шириной среднего нефа, которую можно установить по данным раскопок, чтобы убедиться в том, что пространство в форме вытянутого по оси север—юг прямоугольника, заключенное в среднем нефе между двумя поперечными фундаментами, отнюдь нельзя трактовать как подкупольное. В действительности только второй (с востока) поперечный фундамент является ленточным фундаментом на оси восточной пары подкупольных столбов, тогда как фундамент на оси западной пары подкупольных столбов, повидимому, нужно искать на линии западной стены современной церкви. Остающаяся при этом западная часть здания по своим пропорциям повторяет до некоторой степени пропорции восточной части храма (рис. 8).

План Вышгородского храма в предлагаемой реконструкции не является одиноким. В качестве ближайшей аналогии можно назвать план собора Михаила в Выдубицком монастыре, реконструированный на основании наших раскопок 1945 г.¹ (рис. 9). При значительно меньших размерах Выдубицкого собора основные пропорции его плана ближайшим образом напоминают пропорции Вышгородского храма Бориса и Глеба.

К этому же типу здания несомненно относится по своему плану и собор Спаса в Чернигове, древнейший памятник этой группы. Характерной особенностью всех трех названных построек является наличие дополнительного членения в восточной части здания, между восточной парой подкупольных столбов и апсидами, придающее всем трем названным храмам характер подчеркнутой базиликальной удлинённости по продольной оси.

В отношении храмов этого типа наименование «шестистолпный» несомненно неверно, так как здания эти имеют не три, а четыре пары столбов с соответствующим перемещением подкупольного квадрата к центру здания.

¹ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев, 1950, стр. 160, рис. 117.

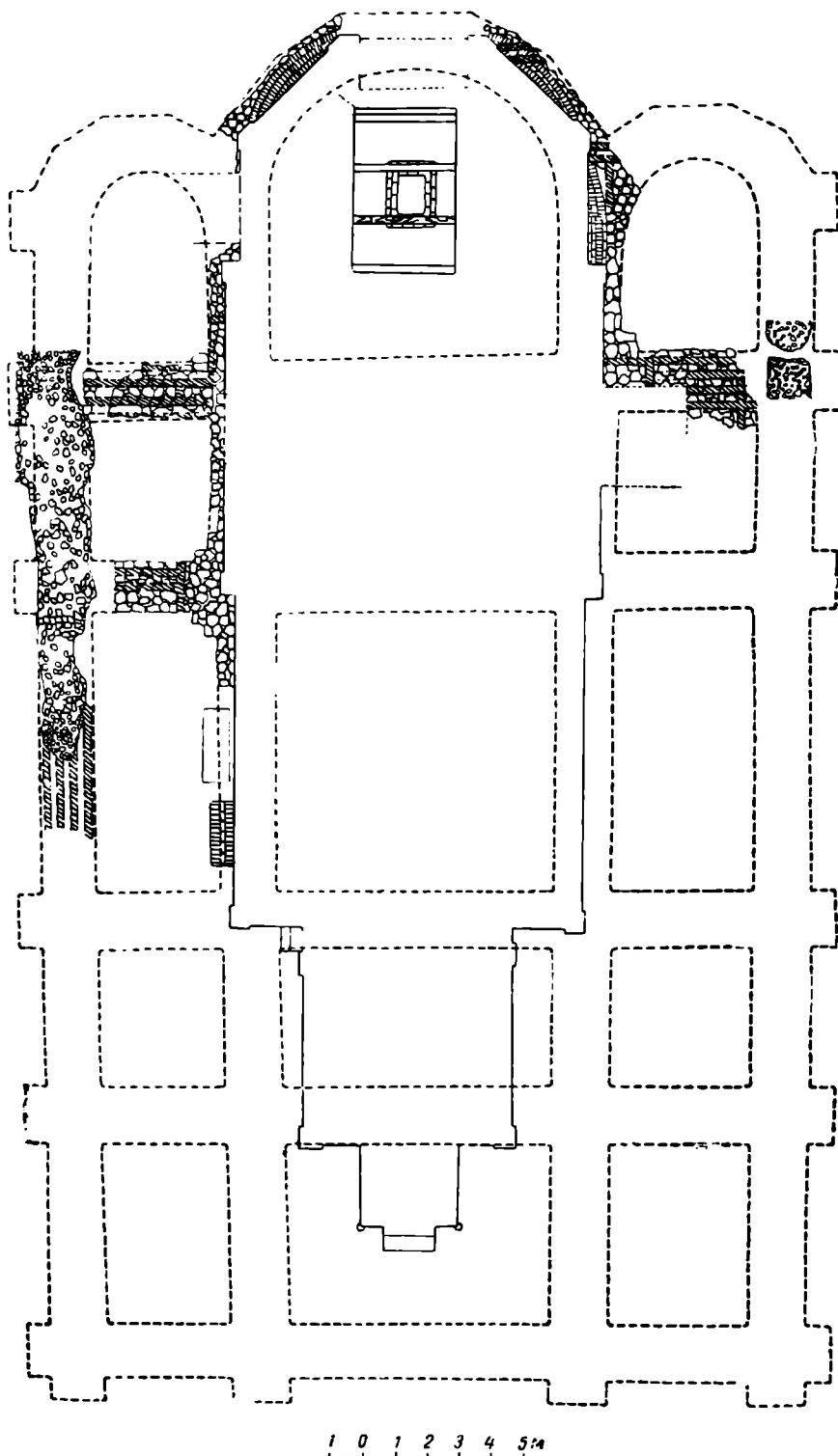

Рис. 8. План-реконструкция храма Бориса и Глеба в Вышгороде.

Предлагаемая нами реконструкция плана Вышгородского храма, опирающаяся на раскрытые далеко не полностью части его фундаментов, разумеется, не решает ряда существенных проблем архитектурного облика здания, в частности вопроса о лестничной башне с ходом на палату, вопросов о возможных пристройках к основному массиву

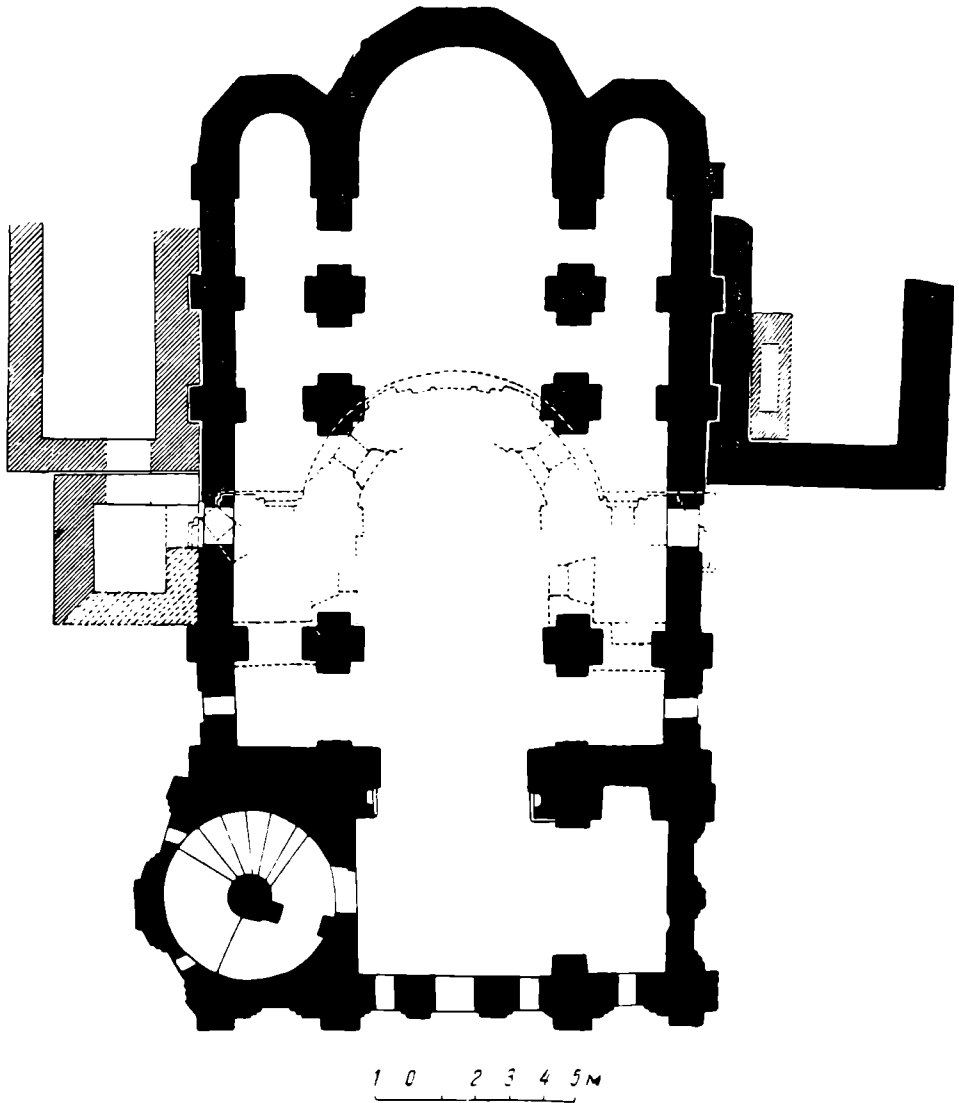

Рис. 9. План-реконструкция собора Михаила в Выдубицком монастыре.

храма и др. Надясь в ближайшие годы подвергнуть развалины Борисоглебского храма новым раскопкам с задачей детального исследования не только всех сохранившихся фундаментов и их следов, но и лежащих на значительной площади вокруг храма обвалов его древних стен, мы, придавая огромное значение Борисоглебскому храму в истории киевского зодчества, сочли все же возможным высказать здесь предварительные соображения о памятнике, несмотря на безусловную гипотетичность предлагаемой реконструкции. Это казалось тем более необходимым, что, наряду с полным невниманием к этому памятнику, характерным для старой науки, в последние годы появились совершенно необоснованные

попытки реконструкций Вышгородского храма, предпринимавшиеся без учета хотя и неполных, но все же весьма существенных данных, полученных в результате археологических исследований последних лет, не говоря уже о раскопках XIX в.

Некоторые исследователи, опираясь на рисунки Сильвестровского списка «Чтений о Борисе и Глебе», считали древний Вышгородский храм Бориса и Глеба ротондой.

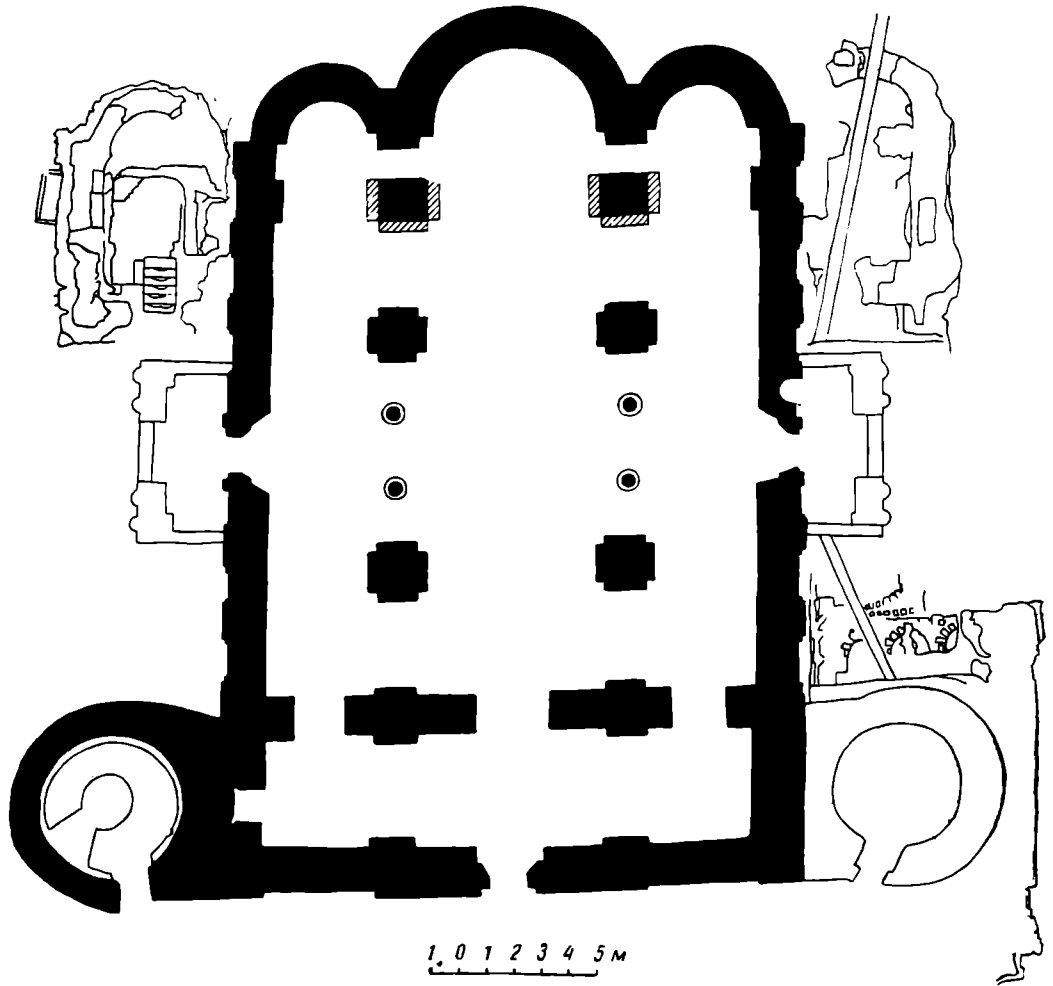

Рис. 10. План Спасского собора в Чернигове

Вопрос этот возник впервые вскоре после опубликования И. И. Срезневским лицевого списка «Чтений о Борисе и Глебе» Сильвестровского сборника.¹ На основе миниатюр этого списка Шараневич² и чешский исследователь Мадль³ указывали на Киевскую Русь как на источник, откуда ротонды распространялись на Запад. К этой мысли склонялся также и В. Сичинский.⁴

И. И. Срезневский. Сказания о св. Борисе и Глебе. СПб., 1854.

I. Szaraniewicz. Trzy opisy hist. Halicza. Львов, 1883.

² К. В. Мадль. Okrouhlé kostelíky v Čechách. Památky archeol., XIV Прага 1889, стр. 426.

⁴ В. Сичинський. Ротонди на Україні. Науков. збірн. за рік 1929, Київ, 1929, стр. 68—76; ср. более раннюю работу того же автора: Архитектура старокнязьської доби. Прага, 1926, стр. 27—28.

В миниатюрах этого сборника рисунок церкви типа ротонды встречается девять раз. На всех рисунках изображена круглая в плане постройка, увенчанная одним куполом полусферической формы на довольно высоком барабане, прорезанном окнами. На некоторых миниатюрах достаточно передан материал постройки и особенно перекрытие из черепицы.

На трех миниатюрах фасады церкви разделены двумя рядами параллельных полосок на три яруса. Окна обычно изображаются в виде узких прямоугольных проемов, иногда в верхнем ярусе размещены небольшие окна округлой формы.

Изображения храма-ротонды на миниатюрах Сильвестровского сборника передают во всех случаях отнюдь не каменный храм, заложенный Святославом Ярославичем, законченный Всеволодом Ярославичем и реставрированный после катастрофы Олегом Святославичем. Интересующие нас рисунки иллюстрируют текст, относящийся в пяти случаях к деревянной церкви, построенной Владимиром, в одном — к деревянному храму Ярослава и в трех — к деревянной же церкви Изяслава. Однако названные исследователи полагали, что миниатюрист XIV в. изображал во всех случаях ту каменную церковь, которая существовала в это время, т. е. каменную ротонду, выстроенную Святославом, Всеволодом и Олегом.¹

В противовес названным исследователям В. Залозецкий полностью отрицал какое-либо значение миниатюр Сильвестровского сборника для реконструкции облика каменного Вышгородского храма-мавзолея, считая последний «трехнефной базиликой».²

В недавнее время новую попытку реконструкции первоначального облика Вышгородского храма предпринял Н. Н. Воронин. Игнорируя данные старых и новых археологических раскопок памятника, Н. Н. Воронин положил в основу своей реконструкции очень соблазнительное, но, к сожалению, ничем не подкрепленное предположение, что «каменные храмы Бориса и Глеба в Вышгороде стремились воспринять своеобразные черты своих деревянных предшественников».³ В качестве основного доказательства этой мысли Н. Н. Воронин привлекает факт катастрофы верха вышгородской церкви, заложенной Святославом и достроенной после его смерти Всеволодом. «Катастрофа верха Вышгородского храма свидетельствует, — по словам Н. Н. Воронина, — о его вероятном своеобразии и необычной нагрузке».⁴

Указывая на то, что миниатюры Радзивилловской летописи, восходящие, по мнению автора, к оригиналам XIII в., наделяют киевские храмы второй половины XI в. характерным кубическим постаментом под главой, близким композиция Евфросиниева собора в Полоцке и изображенному в той же серии миниатюр одноглавому деревянному Вышгородскому храму Бориса и Глеба 1072 г., Н. Н. Воронин приходит к выводу, что «деревянное зодчество передало свои черты каменному, но первый опыт переработки композиции крестовокупольного храма привел к катастрофе».⁵

¹ В. Січинський. Ротонди на Україні, стр. 70. — Производивший раскопки вышгородских руин А. С. Уваров также считал, что рисунок в Сильвестровском житии Бориса и Глеба изображает каменный храм Бориса и Глеба, развалины которого сохранились донныне под землей (Протоколы заседаний III Археологического съезда в Киеве. Тр. III АС, Киев, т. I, стр. LXXIII).

² В. Залозецкий. Церква-мавзолей св. Бориса и Глеба у Вишгороді під Києвом. Стара Україна. Львів, 1942, стр. 100—101.

³ Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Архитектура СССР, 1944, вып. 5, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Там же.

Как явствует из вышеизложенных результатов археологического изучения реальных остатков вышгородского храма-мавзолея, отличительной чертой памятника является, наряду с грандиозностью масштабов, превосходящей все известные нам древнерусские храмы этой эпохи, подчеркнутая базиликальная удлиненность его плана, чем храм Святослава—Всеволода—Олега отнюдь не напоминал деревянные постройки Изяслава и Ярослава, характерной чертой которых, поскольку о них можно судить по письменным известиям, была подчеркнута вертикальная, устремленная вверх башнеобразная композиция масс. Вот почему падение купола Вышгородского храма Святослава—Всеволода, кстати уже не столь необычное в киевском зодчестве этой поры,¹ нужно связывать, повидимому, не с «необычной нагрузкой верха здания», вызванной его «вероятным своеобразием», а с действительно не совсем обычным для киевских зодчих конца XI в. замыслом грандиозного храма-монумента, который должен был превзойти по своим масштабам почти все ранее выстроенные здания Киева и его пригородов.

¹ В 1105 г., по известию Ипатьевской летописи, «увалися верх святого Андрея», т. е. соборного храма в Андреевском-Янчине монастыре, заложенном всего лишь за 19 лет перед этим — в 1086 г.

А. Н. РОГАЧЕВ

ОСТАТКИ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО ЖИЛИЩА ВЕРХНЕ-ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ У с. КОСТЕНОК НА ДОНУ

В данной статье освещается опыт исследования части одного из наиболее полно раскопанных поселений верхнепалеолитического времени, находящегося у с. Александровки, на Дону, под Воронежем в широко известном Костенковско-Боршевском районе палеолитических местонахождений. Исключительный интерес этого поселения состоит в том, что на его территории исследованы остатки жилищ хорошей сохранности, позволяющие восстановить в главных чертах устройство и тип большого общинного дома.¹

Поселение это, известное в специальной литературе под наименованием Костенки IV, расположено у самого края первой надпойменной террасы, возвышающейся на 1—2 м над долиной Дона, и размещено на обращенном к солонцу пологом склоне древнего большого Александровского оврага (рис. 1). Топография этого поселения является типичной: от степных ветров оно защищено высокими берегами оврага, к нему близки источники воды. Удобство этого места для поселения подтверждается тем, что оно было дважды заселено в верхнепалеолитическое время,² и, кроме того, на этой же площадке имеются остатки поселения поздней поры бронзового века.

В соседних пунктах устьевой части Александровского лога рядом с поселением Костенки IV имеются остатки и других поселений верхнепалеолитического времени: Костенки VI, или Стрелецкая палео-

¹ Полевое исследование Костенок IV было произведено автором в 1937 и 1938 гг. под руководством и при непосредственной помощи действительного члена Академии Наук УССР П. П. Ефименко, а также С. Н. Замятина, которому принадлежит честь открытия этого поселения. В полевой работе по исследованию поселения принимали участие А. П. Окладников, С. Н. Бибииков и С. А. Семенов. Выражаю этим ученым сердечную благодарность за помощь и содействие в работе над памятником.

² В 1938 г. у северной окраины поселения Костенки IV, в 20 м от остатков описываемого ниже длинного жилища, были обнаружены остатки второго удлиненного жилища. Северное длинное жилище с девятью очагами в один ряд было частично перекрыто более поздним верхнепалеолитическим культурным слоем. Последний был изучен на площади около 100 кв. м и содержал остатки двух расположенных рядом округлых жилищ (диаметр 6 м) с одним очагом в центре каждого. В округлых жилых западинах, вместе с верхнепалеолитическими солютрейского типа орудиями, костями мамонта, шерстистого носорога и северного оленя, были встречены в большом количестве загадочные шлифованные орудия в виде стержней или клиньев и чечевицеобразных двояковыпуклых линз. См.: А. Н. Р о г а ч е в. Палеолитическое поселение Костенки IV. КСИИМК, IV, 1940, стр. 36—41.

литическая стоянка, Тельманская многослойная стоянка и палеолитическая стоянка Бирючий лог.¹

Нашими раскопками 1937 г. сначала был снят слой чернозема и лесовидного суглинка на площади около 400 кв. м. Затем была произведена детальная разборка обнаруженного культурного слоя и установлена нижняя граница его залегания, т. е. пол жилища, и древняя поверхность поселения на соседних с жилищем участках. Следующий этап исследования памятника состоял в детальном изучении пола углубленного в землю жилища. При этом производилась разборка и зачистка очажных углублений и других небольших ям, наметившихся в процессе разборки

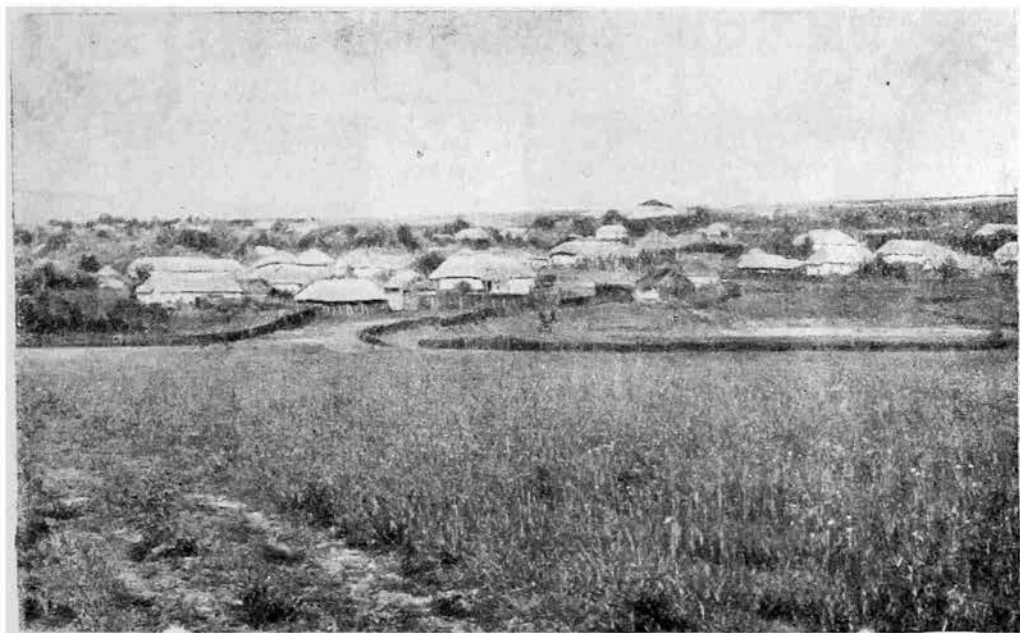

Рис. 1. Вид левого берега устьевой части Александровского лога.

культурного слоя, заполнявшего обширное жилое углубление, длина которого достигала 34 м, а ширина 5,5 м (рис. 2).²

Как оказалось, центральное место на южном участке поселения занимали остатки жилища в виде длинной и узкой западины в древней поверхности земли. Глубина западины — 20—30 см и лишь в некоторых местах достигала 40 см. Края и дно ее прослежены были достаточно точно по рас-

¹ П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА СССР, № 2, 1941. — А. Н. Рогачев. О нижнем слое Тельманской стоянки. КСИИМК, XXXVII.

² Задержка публикации материалов из раскопок в Костенках IV вызвана, помимо сложности вставших вопросов, и тем, что с 1939 по 1947 г. я находился в рядах Советской Армии. В настоящее время работа по описанию Костенок IV заканчивается, и предлагаемая статья является ее частью. Необычный факт перекрытия солиютрейским поселением из двух округлых жилищ остатков удлиненного жилища с инвентарем восточноевропейского мадлена, установленный здесь в 1938 г., вызвал дискуссию в Секторе палеолита ИИМК. В связи с этим были предприняты исследования других памятников (см.: А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте Костенок I. КСИИМК, XXXI; его же. О нижнем слое Тельманской стоянки. КСИИМК, XXXVII). Новые данные подкрепили этот необычный факт и заставили отвергнуть предположение о синхронности длинного и округлых жилищ. Описываемое здесь жилище датируется началом поздней поры верхнепалеолитического времени (ранний мадлен), хотя аналогичное ему соседнее жилище перекрыто остатками поселения с двусторонней техникой обработки кремня.

пространению окрашенного охрой культурного слоя. В трех местах небольшие участки краев западины и часть ее площади были разрушены позднейшими ямами, но это не отразилось на сохранности остатков жилища в целом.

Дно жилой западины, или пол жилища, на всем ее протяжении был относительно ровным, но постепенно поднимался к краям. Лишь в запад-

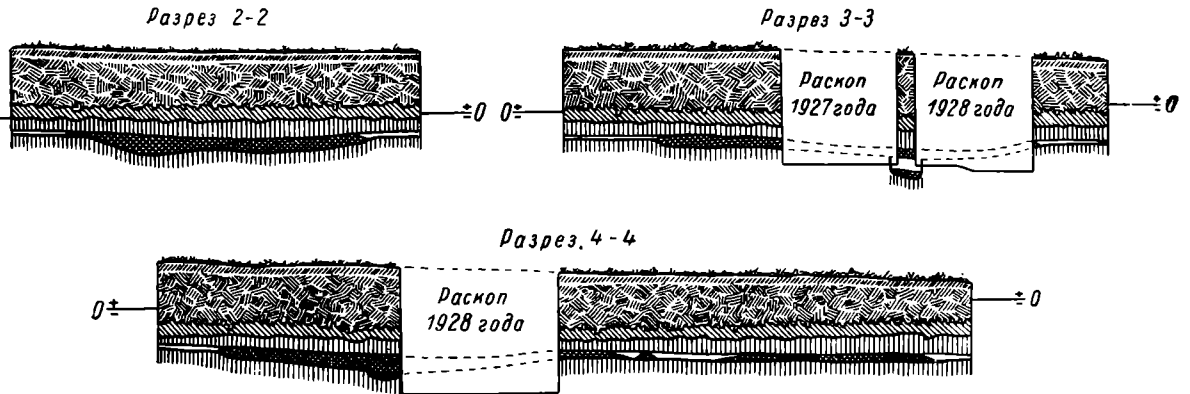

Рис Поперечные разрезы (2, 3 и 4) западной секции жилища.

ном конце ее край был обрывистым. Более крутым был также северный край западины у средней и восточной секций (рис. 3, 4, 5).

Форма этой длинной жилой западины и порядок расположения десяти очажных лунок внутри дома по длинной его оси позволяют разделить это жилище на три почти равные секции. На местах соединения секций по южному краю четко выделялись перегибы контуров в виде выступов

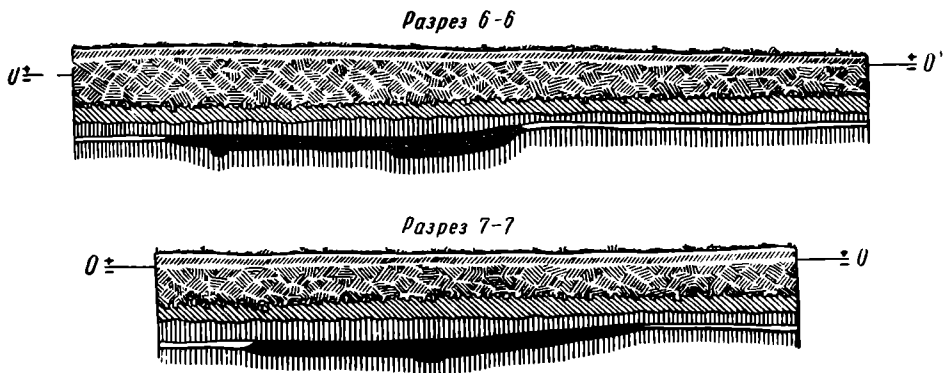

Рис Поперечные разрезы (6 и 7) средней секции жилища.

восточного угла западной и восточного угла средней секций (см. план, рис. 2); по северному краю, обращенному к Дону, эти выступы были менее заметны; здесь край западины на границах стыков секций изгибался более плавно и дугообразно, соответственно южному краю.

На границах секций наблюдалось также еле заметное поднятие уровня пола западины. Уступ этот был хорошо выражен на границе западной и средней секций; высота его достигала 10 см. На границе средней и восточной секций наблюдался более плавный переход уровня пола одной секции в другую. Характерна бледная окрашенность здесь заполнения западины и заметно меньшая насыщенность культурными остатками. На границе же западной и средней секций мощный ярко окрашенный

слой, заполняющий почти всю площадь жилой западины, не прерывался; при этом средняя секция была более насыщена расщепленным кремнем, чем западная.

Секции жилой западины отличались друг от друга как по своим размерам, так и по количеству культурных остатков. Самой обширной была западная секция (длина 14 м и наибольшая ширина 5.6 м). Края ее, кроме западного, были более пологи, чем у других секций; она достигала глубины 20 см и только в западном конце, у самого края, доходила до 30 см. Длинные края ее незаметно уравнивались с древней поверхностью поселения, но четко прослеживались по наличию бледно окрашенного заполнения, содержавшего значительное количество культурных остатков. У северного края за пределами раскопа 1928 г. наблюдались незначительные участки с бледно окрашенным слоем, что помогло точно установить северную границу данной западной секции. У северо-восточного угла бледно окрашенный охрой слой распространялся на 1.5 м за пределы западины, но четких границ его не про-

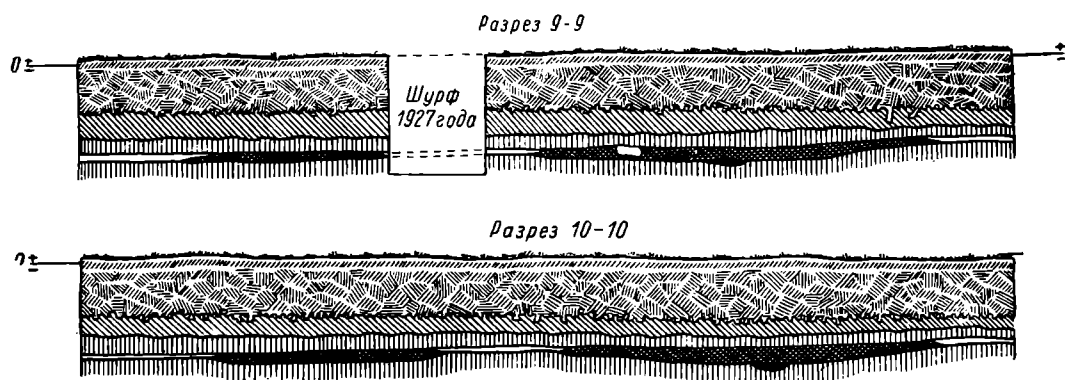

Рис. Поперечные разрезы (9 и 10) восточной секции жилища.

слеживалось, так как дальше окраска слоя имела характер отдельных пятен. Центральные участки секции были окрашены яркой охрой и больше насыщены культурными остатками, чем края ее.

Средняя секция отличалась от соседних большей глубиной и относительной крутизной краев, а также меньшими размерами (рис. 2, 4, 6, 7). Длина ее 9 м, наибольшая ширина 5.4 м; глубина в среднем 25—30 см, но в северной половине на значительной площади достигала 40 см. Заполнена она была интенсивно окрашенным слоем, содержащим большое количество осколков костей и расщепленного кремня. Однако этот культурный слой не поднимался до уровня краев секции, простираясь по ее дну толщиной до 25 см и постепенно уменьшая свою мощность и насыщенность к длинным краям западины. У более крутого северного края заполнение, состоявшее из суглинка, ярко окрашенного охрой, примыкало почти к краю западины, а у восточного конца и южного края секции наблюдалась полоса бледно окрашенного заполнения шириной 0.5 м и более. Яркое окрашенный слой, заполнявший западную и среднюю секции, не распространялся на восточную секцию.

Длина восточной секции жилой западины не превышала 10.5 м. Об этом свидетельствовало незначительное количество культурных остатков, встреченных за пределами обозначенного на плане (рис. 2) пунктиром ее восточного конца. Мощный и сильно насыщенный находками культурный слой залегал в слабо выраженной западине глубиной в 20—25 см (рис. 5). Углубленный край ее хорошо прослеживался с северной

Рис. 6. Вид средней секции жилища с юга

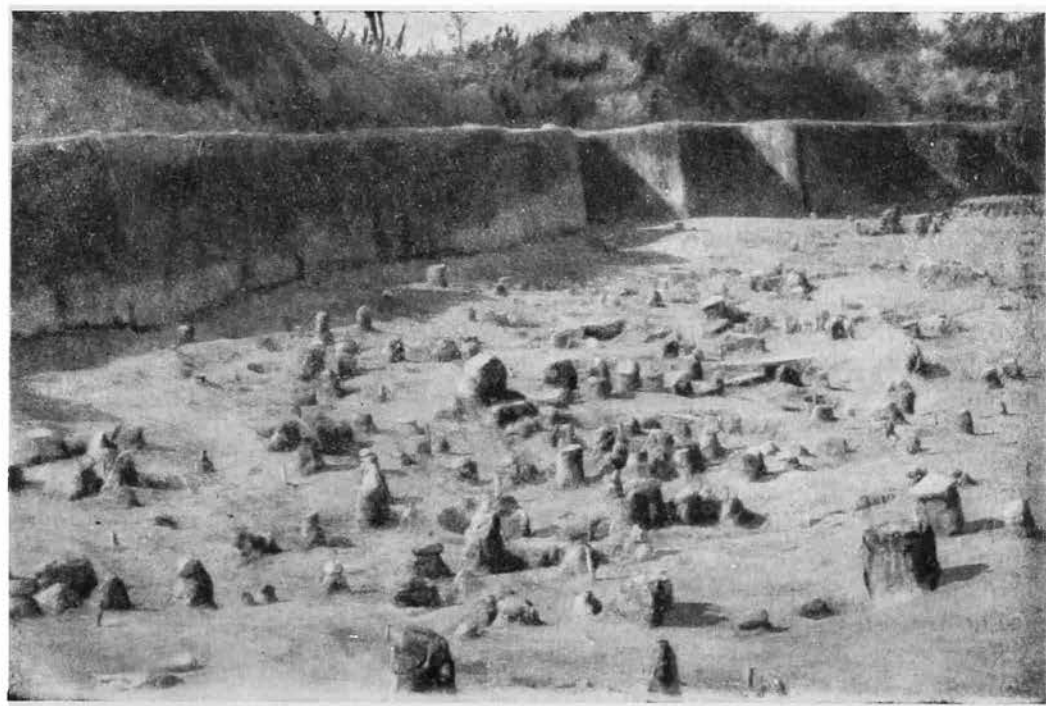

Рис. 7. Вид средней секции жилища с северо-востока.

стороны, а с южной углубление было выражено менее ясно и постепенно сливалось с древней поверхностью почвы; здесь граница секции определена была на основании распространения окрашенного слоя, причем за пределами границ жилой западины к югу наблюдалась узкая полоса слоя, окрашенного пятнами охры и содержавшего в этих местах незначительное количество кремневых отщепов и пластинок. Окрашенный в яркий цвет культурный слой локализовался в центре восточной секции и нигде не соприкасался с краями западины. У длинных ее краев, как и в западной секции, наблюдались узкие полосы бледно окрашенного заполнения, менее насыщенные культурными остатками по сравнению с центральными участками.

Общий характер залегания культурного слоя в западине и встречаемые в нем культурные остатки неопровержимо свидетельствуют о том, что западина с ее комплексом находок представляет остатки единого прочного и большого жилища. Об этом говорит прежде всего целесообразная планировка западины, состоящей из трех ячеек, по форме строго повторяющих друг друга и тесно связанных между собой. Затем об этом свидетельствуют строгая параллельность длинных краев в пределах всех трех ячеек, наблюдаемая в разрезе симметричность в форме краев западины и, наконец, строгая локализация только внутри западины окрашенного культурного слоя и массы находок в виде осколков костей и расщепленного кремня.

Широко известные остатки открытых лагерей с жилищами временного характера никогда не имеют столь определенного положения культурного слоя. Несмотря на незначительную углубленность в землю, жилая западина Костенок IV по характеру ее заполнения во многом напоминает остатки других палеолитических полуземляночных жилищ, поэтому естественно полагать, что жилая западина Костенок IV имела прочные долговременные стены.

Для восстановления в общих чертах конструкции наземной части жилища большой интерес представляют остатки очагов в виде десяти наибольших округлых лунок, расположенных повсей длине жилой западины.

При зачистке западной стены раскопа в 1927 г. у нижней границы культурного слоя была обнаружена небольшая очажная линза. При зачистке пола здесь было открыто пятно черной зольной массы, наполовину разобранное в 1927 г. С. Н. Замятниным. Эта очажная масса заполняла широкую чашеобразную лунку с пологими краями, глубина которой посередине не превышала 4—5 см; по форме очажное углубление было, вероятно, круглым и достигало 60 см в диаметре.

Аналогичные остатки второго очага обнаружены были в середине западины за пределами восточного конца раскопа С. Н. Замятнина. Здесь очажное углубление было хорошо выражено и имело округлую форму диаметром в 60 см при глубине в центре до 9 см. Заполнение очажной лунки было зольное, черного цвета, и в разрезе имело форму линзы. При разборке заполнения было найдено 5 кремней, из них 4 со следами пребывания в огне.

На расстоянии 1.50 м от этой очажной лунки, в восточном конце западной секции, были обнаружены остатки третьего очага. Как и у первых двух очагов, очажная лунка здесь была круглой, 55 см в диаметре и глубиной в 10 см; лунка имела форму чаши, заполненной черной зольной массой. Толщина очажной массы в центре лунки не превышала 7—8 см.¹

¹ Следует предполагать, что, кроме описанных выше трех очажных углублений, в раскопе С. Н. Замятнина имелись остатки других очагов. Однако, помимо указаний о наблюдаемых им «признаках костров», мы не имеем более определенных данных.

Остатки этих трех очагов расположены по длинной оси западной секции, причем линия, проведенная через середину всех трех очажных лунок, разделяет секцию на две равные половины.

Четыре очажных углубления средней секции жилища также расположены по прямой, являющейся длинной осью этой ячейки.

Аналогичную картину в расположении очажных ям мы наблюдаем и в третьей, восточной секции, строго по оси длины которой расположены остатки трех очажных углублений, вырытых в полу. Они расположены были на расстоянии 2 м друг от друга и по своим размерам являлись более крупными. Диаметр каждого из них достигал 65 см, а глубина 10—13 см; лишь крайнее восточное очажное углубление имело глубину в 7 см, толщина же заполняющей его зольной массы достигала 10 см. Все три очажные углубления восточной секции были заполнены зольной массой вровень с краями и содержали большое количество мелких обожженных кремней. В заполнении восьмой очажной ямы было найдено, например, 34 обожженных кремня, в девятом очажном углублении 170 экземпляров мелких отщепов кремня со следами пребывания в огне; в заполнении десятого очажного углубления найдено было 25 кремней тоже со следами пребывания в огне.

Таким образом, все эти очажные лунки являются по существу однотипными и представляют собой круглые, 55—65 см в диаметре, чашеобразные углубления с пологими краями и плоским дном. Все очажные углубления были заполнены сплошной черной зольной массой, изредка содержащей мелкие костные угли и кремневые осколки со следами пребывания в огне. Очажная масса в большинстве случаев полностью локализовалась в углублениях и очень редко встречалась рядом с ними на полу жилища. Нигде не было значительного шапкообразного скопления этой зольной массы над очажными углублениями. Создается впечатление, что после оставления жилища очажные лунки запылились культурным слоем, образовавшимся в результате обитания людей.

Особенно важна система размещения очажных лунок. Они расположены тремя группами точно в середине западины по длинной оси каждой из трех ее секций. Такое расположение очажных лунок не является случайным; оно легко объясняется существованием невысокой двускатной кровли над жилищем. При большой длине каждой из секций жилой западины двускатная кровля по необходимости должна была опираться на коньковую жердь. Каркас жилища, нужно полагать, состоял из дерева, поэтому очаги размещались под наиболее высокой частью кровли, лежащей на коньковой жерди. Вместе с тем, такое расположение очагов являлось наиболее удобным и для отопления и освещения жилища. Другое объяснение такой системы в расположении очажных лунок внутри жилой западины трудно найти.

Имеются также другие факты и наблюдения, позволяющие развить и детализировать эти предположения о конструкции наземной части жилища. Обратимся для этого сначала к анализу характера окрашенности охрой заполнения жилой западины и ее секций.

Следуя примеру П. П. Ефименко, мы на всем протяжении жилой западины отметили границу распространения яркой окраски культурного слоя и получили следующую картину (рис. 2). Ярко окрашенное заполнение жилой западины занимало большую ее площадь, чем заполнение, окрашенное в бледный цвет. Оно тянулось широкой непрерывной полосой по середине западной и средней секций на расстоянии 50—100 см, не достигая их длинных краев. Исключением являлся лишь западный конец западины, где ярко окрашенное заполнение залегало у самого ее отвесного края. Аналогичная картина распространения

ярко окрашенного заполнения наблюдалась и в восточной секции, где овальное пятно ярко окрашенного слоя также не доходило до границы западины.

Таким образом, вдоль обоих длинных краев западины, внутри ее тянулись полосы бледно окрашенного слоя; в западной секции они с обеих сторон достигали ширины около 1 м, в средней и восточной секциях эти полосы были более узкими, и ширина их большей частью не превышала 60 см. Следует отметить, что эти участки с бледно окрашенным заполнением оказались значительно менее насыщенными культурными остатками.

Слабая окрашенность и незначительная насыщенность культурными остатками заполнения западины у ее краев являются, конечно, не случайными и могут быть легко и вполне удовлетворительно объяснены в свете гипотезы о двускатной кровле жилища. Надо думать, что двускатное перекрытие опиралось непосредственно на землю у краев западины. При такой конструкции наземной части жилища и при отсутствии значительной углубленности в землю у самых его краев должны были создаваться не полностью используемые пространства, так как кровля там опускалась слишком низко. Эти низкие части внутреннего пространства жилища могли иметь большие или меньшие размеры в зависимости от высоты коньковой жерди, к которой прислонилась наклонная кровля. Они тоже могли быть использованы и, несомненно, использовались человеком в качестве, например, места для хранения принадлежностей домашнего быта и обихода, поэтому красная охра, широко применявшаяся в быту обитателей жилища, меньше попадала на края, повидимому, заваленные шкурами и другим имуществом. По этим же причинам туда попадало значительно меньшее количество расщепленного кремня и костей животных.

Наличие полосы бледно окрашенного культурного слоя между средней и восточной секциями позволяет предположить существование здесь достаточно прочной и постоянной перегородки. Отсутствие в западном конце жилой западины обычного у ее длинных краев полуобитаемого пространства может быть объяснено только наличием крутой кровли, прислоненной к концу длинного шалашеобразного жилища или даже вертикальной стены. Более широкая полоса полуобитаемого пространства в западной секции указывает, что кровля над этой секцией опускалась ниже.

Таким образом, планировка жилой западины, характер ее углубленности в землю, система расположения очажных лунок и характер окрашенности охрой приводят к выводу о наличии здесь двускатной кровли, опиравшейся на землю и на коньковую жердь.

Внутри жилого углубления во всех его трех секциях (рис. 2) были обнаружены, кроме того, 53 небольшие ямки, заполненные охрой и другими культурными остатками. Явление это обычное и широко распространенное в палеолитических жилищах. Здесь необходимо остановиться лишь на тех ямах, которые по своей форме и по характеру заполнения могут быть истолкованы как ямы от столбов, поддерживавших кровлю. Как выяснилось, из этих ям и углублений 4 отличаются совершенно особым характером заполнения.

Все они находились в западной секции. Так, яма № 1 у западного края имела округлую форму диаметром 28 см и глубиной в 24 см; ко дну она несколько суживалась и была заполнена суглинком, слегка окрашенным красной охрой с темноватым оттенком. В заполнении ямы найдены небольшой осколок трубчатой кости крупного животного, 2 кремневых отщепа и обломок кремневой пластинки, которые могли попасть

в яму случайно, так как над ямой залегал ярко окрашенный слой с большим количеством находок в виде расщепленного кремня и осколков костей.

Небольшая и неглубокая ямка № 2, расположенная рядом с ямой № 1, тоже являлась ямой от столба. Она была круглой в плане, диаметром в 15 см и глубиной в 15 см, с прямыми стенами и ровным дном. Заполнена она была суглинком, слабо окрашенным охрой с темноватым оттенком. Никаких находок в заполнении ее не встречено.

Третья яма, № 9, расположена была у самого южного края западины. Из ее суглинистого заполнения торчали осколки трубчатой кости лошади (длина 10 см) и обломок ребра мамонта (длина 35 см). Повидимому, она была округлой формы, диаметром около 30 см. На дне ямы наблюдались еле заметные признаки ее заполнения, окрашенного охрой. Обломок ребра мамонта толстым концом упирался в дно ямы, другим концом на 5 см возвышался над полом. У дна ямы найдены фаланга зайца и кремневый отщеп.

В западной секции имелась и четвертая яма, № 19, по своему заполнению аналогичная описанным выше. Она расположена была в южной половине жилища, и рядом с ней имелись еще 2 небольших углубления, заполненных охрой, в которых были обнаружены кости лап зайца, лежавшие в анатомическом порядке. Яма эта имела овальную форму (диаметры 24 и 15 см) и глубину в 25 см. Стенки ямы были прямыми, дно плоским. Заполнена яма была бледно окрашенным суглинком. В верхней части ее заполнения найдены 2 небольших кремневых отщепа и 1 кремневый отщеп у дна.

Случайность попадания в описанные ямы от столбов отдельных кремней и осколков костей вряд ли может вызвать сомнение, если учесть, что кремни и мелкие осколки костей часто встречаются в заполнениях ходов роющих животных.

По своему местоположению яма № 1 являлась, повидимому, ямой опорного столба для коньковой жерди, стоявшего в конце жилища. Яма № 9, может быть, служила для укрепления в земле связанных друг с другом и перекрещивающихся у конька стропил, на которые опиралась коньковая жердь. Ребро и осколок кости, залегавшие соответственно наклону стропила, могли укреплять последнее. Что касается ям № 2 и № 19, то их следует объяснить как ямы от дополнительных подпорок, вполне естественных, например, при наличии тяжелой кровли.

Строгая локализация окрашенного охрой заполнения западины объясняется прежде всего тем, что оно залегало в углублении, что и спасло его от позднейших разрушений, деформации и размывания. Однако само по себе углубление, каковым является жилая западина, расположенная на хорошо заметном склоне, вряд ли могло спасти культурный слой от выветривания и от делювиальных процессов. Хорошая сохранность культурного слоя, четкость границ его, строгая локализация слоя в западине и совершенно незначительное количество находок непосредственно у внешних краев жилого углубления должны быть объяснены, очевидно, существованием земляной насыпки на кровлю или заваленки у основания кровли. Можно полагать, что после оставления жилища кровля обрушилась и захоронила культурные остатки, предохранив их от делювиальных процессов и от выветривания.

О существовании прочной земляной засыпки крыши или заваленки свидетельствует и то, что в западном конце второго (северного) длинного жилища, исследованного в 1938 г., на расстоянии 60 см от края западины были обнаружены три крупных осколка костей животных, вкопанные в землю на некотором расстоянии друг от друга. Вне связи с конструкцией кровли жилища наличие их объяснить нельзя.

Основание кровли было, повидимому, бревенчатым. В нижней своей части она на значительную высоту покрывалась накатом и присыпалась землей. Верхняя часть кровли была более легкой, возможно, из шкур животных. Существовало, должно быть, отверстие для выхода дыма от костров.

Разумеется, что при всесторонней фиксации полевых наблюдений, обеспечиваемых применением новой, советской методики исследования памятников палеолита, от внимания исследователей не должны были ускользнуть остатки и других конструктивных деталей жилища.

Так, у северо-восточного угла западной секции на месте ям № 21 и № 22, вне западины, но непосредственно у ее границ, наблюдалась окрашенность слоя и необычно большое количество культурных остатков. Очевидно, здесь был вход в жилище. Это подтверждается существованием здесь небольшого, но достаточно выраженного уступа у внутреннего края западины (углубление № 22 на плане, рис. 2).

Кроме того, П. П. Ефименко отметил против предполагаемого входа в жилище более бледную окраску слоя охрой. Следовательно, вся сумма фактов позволяет не сомневаться в существовании входа в жилище именно в северо-восточном углу западной секции. Вход этот был узким, не шире 65—80 см, судя по ширине уступа, и единственным для обеих расположенных рядом секций. Во всяком случае, подобной картины залегания культурного слоя нигде более не наблюдалось.

Двускатная кровля над жилой западиной не была высокой, об этом свидетельствуют очевидная примитивность ее конструкции и строгое расположение очажных лунок внутри западины, отвечающее положению коньковых жердей. Низкая кровля, несомненно, делала жилище более теплым. Поэтому обширное жилище имело единственный узкий вход, по крайней мере, для западной и средней секций, расположенный на стыке их границ со стороны долины Дона.

Что касается предположения о существовании отдельного входа в восточную секцию, то оно вполне вероятно, но достоверных остатков его не прослежено. Анализ культурных остатков вне границ этой части жилища затрудняется, во-первых, недостаточной изученностью площадки поселения к северу и, во-вторых, разрушением восточного конца жилища бесчелюстными ходами роющих животных.

Самыми обычными находками при разборке заполнения жилой западины являлись кости крупных и мелких четвертичных животных. Первое место по количеству определимых остатков принадлежит зайцу (73 особи). Из 2957 определимых костей животных, собранных в раскопе 1937 г., 2387 заячьих и лишь 570 приходится на остальные виды животных. Второе место по количеству определимых костных остатков принадлежит мамонту (3 молодых особи), лошади (4 особи) и северному оленю (4 особи). Следует отметить наличие одной или двух особей песца и двух особей волка (среди последних один волчонок).

Приведенные данные не позволяют сомневаться в том, что охота являлась одним из главных и, видимо, на протяжении долгой зимы почти единственным источником средств к жизни. Существенным является при этом наличие большого количества костей животных именно внутри жилища и отсутствие их за пределами жилой площади, на остальной территории поселения.

За пределами жилой западины незначительное количество костей животных встречено лишь в небольших скоплениях культурных остатков на территории поселения. Это позволяет утверждать, что жилище являлось основным местом трапезы. Охотничья добыча приносилась сюда для приготовления пищи и распределения и здесь именно поедалась.

Существенно поэтому, что почти все без исключения кости животных были расколоты. Пропорционально количеству определимых костных остатков, встреченных в заполнении западины, находится и количество осколков костей. Первое место здесь занимают осколки костей зайца, затем осколки костей лошади и средней величины животных и, наконец, осколки костей мамонта.

Кости животных дробились и раскалывались камнями на крупных камнях-подставках, встреченных по одному в средней и восточной секциях, должно быть главным образом для получения мозга. Это объясняется, следовательно, не столько склонностью лакомиться костным мозгом животных, сколько постоянным недостатком пищи в условиях охотничье-собираательской жизни. Характерно, что, при обилии костей зайца, кости лап зайца в анатомическом порядке встречаются сравнительно редко. Разрозненные фаланги и метаподии зайца — обычная находка в заполнении западины. Это явление можно объяснить только тем, что добыча, полученная в результате охоты, использовалась полностью.

Не менее интересна определенная закономерность в степени насыщенности заполнения жилой западины осколками костей животных. У краев ее количество осколков незначительно (как правило, здесь оно не больше 30 на 1 кв. м), а на участках, прилегающих к очагам, их особенно много. Так, например, у крайнего восточного очажного углубления в западной секции наблюдалось особенно большое скопление осколков костей; оно имело вид небольшой брекчии из мелких осколков (длина 6—2 см) трубчатых и других костей лошади. Помимо массы костей и трухи, здесь найдено было около десятка мелких осколков, эпифизов трубчатых костей и костей стопы лошади, 2 небольших осколка трубчатых костей мамонта (длина 10 см), несколько обломков ребер крупного животного (длина 5 см) и около двух десятков мелких осколков костей зайца. Эта картина характерна и для других секций.

Такие скопления костей на ограниченном участке пола жилища могли образоваться лишь в результате преимущественного использования этих мест у очагов для изготовления и потребления пищи.

По общему характеру и по количеству расщепленного кремня, встречающегося в заполнении жилой западины, можно судить о том, что жилище являлось также главным местом, где изготовлялись орудия труда. Заполнение жилой западины значительно в большей мере насыщено расщепленным кремнем, чем осколками костей. Если костные остатки животных в средней части западины по своему количеству редко превышают 200 экземпляров на 1 кв. м, то количество расщепленного кремня, как правило, равно 200—300 экземпляров, а на отдельных участках достигает 500—600 и более. Обработанный кремень состоит главным образом из отщепов, значительно меньшего количества пластин и сравнительно небольшого количества кремневых орудий.

Как и осколки костей, этот массовый материал в значительно меньшем количестве встречается у краев западины. Общим правилом является то, что чем ближе к середине жилища, тем больше становится расщепленного кремня. Однако и здесь, у очагов, в разных местах количество осколков кремня неодинаково.

Участки, расположенные в середине жилища, вероятно, у очагов, представляли собой залегающие *in situ* остатки мастерской по изготовлению кремневых орудий. Так, например, бросалось в глаза наличие значительно большего количества расщепленных кремней в западном конце средней секции, вокруг несколько обособленно расположенной очажной ямы, особенно к западу от нее. На каждом квадратном метре здесь было найдено от 600 до 1500 расщепленных кремней.

Состав их весьма характерен. Преобладают мелкие осколки и отщепы, но встречаются и крупные отщепы и осколки с валунной коркой; имеется масса мелких чешуек, получившихся в результате ретуширования кремня (это очень трудно уловимая находка из-за незначительности размеров). Здесь происходило не только первичное расщепление кремня, но и выделка орудий с помощью ретуширования. В восточном конце средней секции при разборке ее заполнения найдено было, напротив, лишь по 200—300 осколков кремня на 1 кв. м.

Коллекция кремневых орудий была собрана при изучении южной части поселения, главным образом в заполнении длинной жилой западины. Среди многочисленных отщепов и осколков кремня (около 40 тысяч) имеются призматические ядрища (рис. 8, 6, 8), от которых отщеплялись требуемой формы пластины для изготовления орудий. Таких ядрищ найдено около ста. Почти все они уже использованы, что объясняется хорошим качеством кремня и, повидимому, недостатком кремневого материала. Наряду с кремнем, для изготовления орудий в незначительном количестве использовались кости животных.

Пластины с ретушью или со следами ретуши (рис. 8, 3, 5, 9), представленные в коллекции 800 экземпляров, служили в качестве ножей. К режущим инструментам широкого применения в быту и в производстве относятся также значительная часть отщепов с ретушью, с мелкой подретушью и выщербленностью краев. Мелкая ретушь на отщепах и пластинах часто получалась в результате работы ими по твердым материалам. Мелкие пластины и отщепы, меньше 3 см длиной, как правило, не имеют ретуши и следов употребления.

Острия и пластинки с притупленным ретушью краем и их обломки представляют наиболее многочисленную группу орудий из кремня. В коллекции имеется около 2000 экземпляров разнообразных обломков этого вида орудий и всего лишь 205 целых экземпляров. Все они, за небольшим исключением, найдены в заполнении жилой западины и равномерно распределены по ее площади.

Коллекция из Костенок IV является уникальной по большому количеству различных форм орудий, изготовленных из узких длинных пластинок специфическим приемом притупления края ретушью (рис. 9, 1—24): пластинки, у которых притупляющая ретушь имеется только по одному краю; пластинки с притупляющей ретушью одного края и одного из концов; такие же пластинки с поперечной ретушью на обоих противоположных концах; пластинки с притупленным краем, у которых, кроме того, сторона, противоположная притупленной, имеет зубчики, образованные ретушированием. Наконец, имеются такие же пластинки, концы которых оформлены ретушью в виде типичных шильев и острий (рис. 9, 1—7).

Все эти орудия, несомненно, представляют сложный набор специализированных инструментов, предназначавшихся для такой важнейшей отрасли домашне-хозяйственной деятельности в условиях сурового климата конца четвертичного периода, как изготовление одежды из шкур животных, и для обработки кож животных, которые широко применялись в хозяйственной и производственной деятельности общины.

Оба предшествующие исследователя Костенок IV, П. П. Ефименко и С. Н. Замятни, отмечают наличие среди кремневых орудий большого количества отщепов и пластинок с подтеской концов.¹ С. Н. Замятни

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1938, стр. 544. — С. Н. Замятни. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. Сообщения ГАИМК, т. II, 1929, стр. 212.

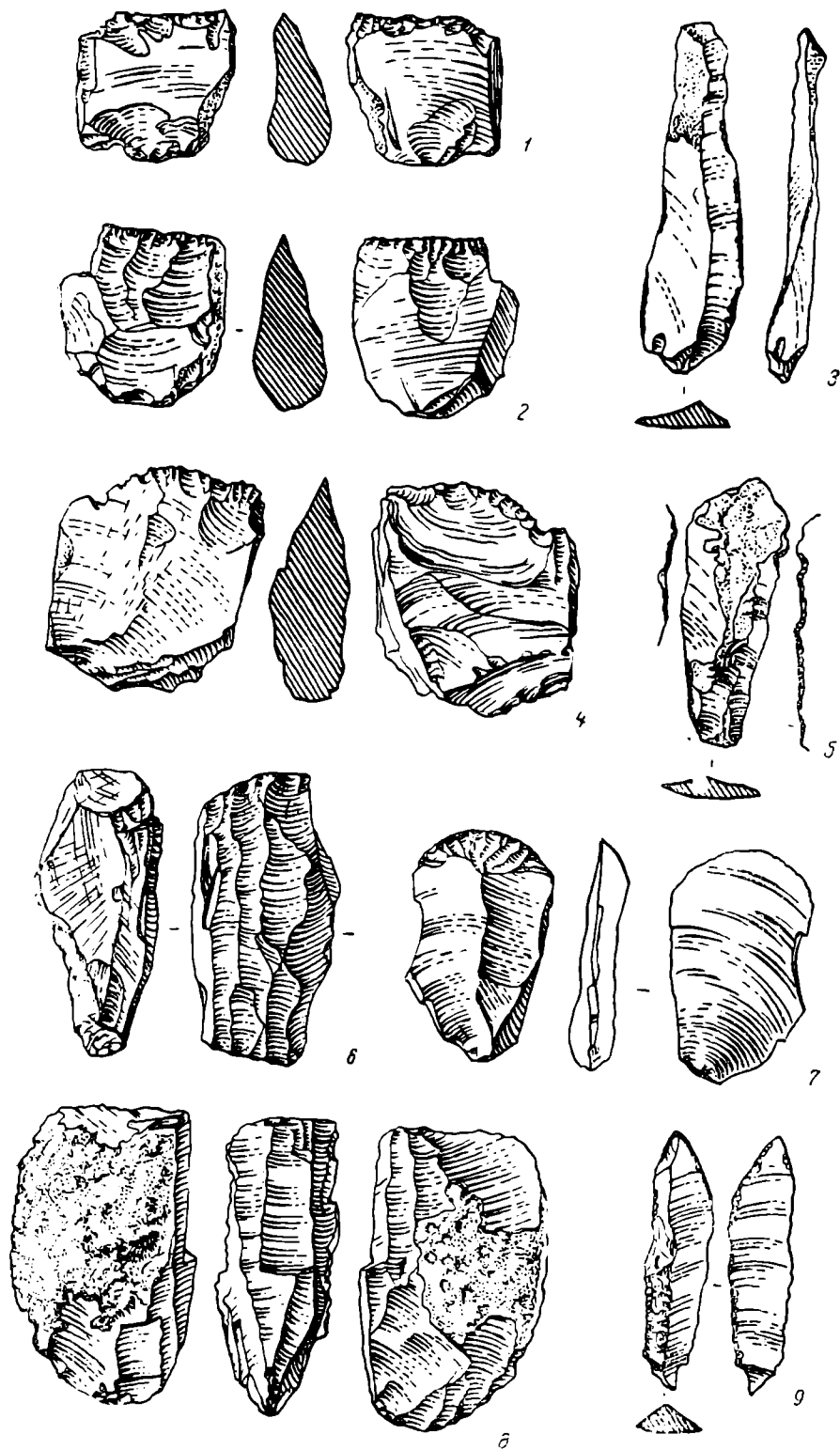

Рис. 8.

1, 2, 4 — долотовидные орудия с полтесной концов; 3, 5, 9 — пластинки с ретью; 7 — скребок; 6, 8 — кремневые ядрища, или нуклеусы. $\frac{2}{3}$ н.в.

в предварительном отчете об исследовании стоянки ставит этот факт в связь с редкими находками кремневых резцов и предполагает, что эти орудия заменяли резцы. Действительно, пластины, отщепы и нуклеовидные осколки с подтеской противоположных концов представлены в коллекции из длинного жилища 600 экземплярами (рис. 8, 1, 2, 4). Большинство их по внешнему виду и по характеру двусторонней подтески концов, особенно когда они изготовлены из пластинок, напоминает современные долота.

Характерной чертой всех трех видов орудий с подтеской концов является двусторонняя подтеска грубыми сколами противоположных концов. Во многих случаях один из концов является более или менее тупым и неровным. На нем можно видеть следы неоднократных ударов, оставивших характерные фасетки на боковых гранях, глубокое растрескивание и большую забитость этой поверхности. Второй особенностью их является наличие на одном, реже на обоих концах довольно ровных долотовидных лезвий, образованных множеством фасеток, и следов выкрашивания кремня. Эти фасетки резко отличаются от фасеток, получившихся в результате оббивки или других способов ретуширования кремня. Они широкие, короткие, в большинстве случаев глубокие, образующие занозистую поверхность лезвия этих долот. Поверхность фасеток имеет выраженную ребристость от раковистого излома кремня. Длина орудий от 20 до 60 мм, ширина лезвия 20—50 мм, преобладает ширина лезвий в 20—35 мм.

Исследования Костенок IV с особой остротой ставят вопрос о роли и значении дерева, прежде всего как строительного материала. Дерево как строительный материал несомненно обрабатывалось рубящими и режущими кремневыми орудиями. В долотовидных орудиях с подтеской концов, имеющих широкое распространение в верхнепалеолитическое время, приходится видеть своего рода предшественников топора. Топор в его законченном виде является достаточно сложным орудием, представляющим сочетание острого и тяжелого лезвия и рычага. Возможно, что это изобретение было уже достигнуто в верхнепалеолитическое время, но господствующим, по видимому, оставался более примитивный способ разрубания дерева, при котором долотовидные орудия использовались как клинья или долота, т. е. разрубание производилось при помощи удара по ним тяжелыми предметами типа колотушек.

Из других форм кремневых орудий следует отметить небольшое количество резцов. Эти орудия считаются всеми исследователями инструментами для обработки кости. Возможно, что в прямой связи с незначительным количеством резцов находится и небольшое количество найденных костяных орудий.

Скребок найдено около 150 (рис. 8, 7); среди них 14 обломков полукруглых лезвий скребков. Можно считать твердо установленным, что основная масса этого вида орудий служила для обработки кож и шкур животных, из которых изготовлялись одежда, мешки, ремни и т. п.¹

Из костяных орудий в заполнении длинной жилой западины найдено 15 шильев и их обломков, изготовленных главным образом из осколков трубчатых костей животных (рис. 10, 7—11). Костяных поделок в виде лошил — всего лишь 5 обломков. Среди материала раскопок С. Н. Замятнина имеется единственный экземпляр костяного веретенообразного наконечника копья 15 см длиной и 2 см толщиной.

¹ См.: С. А. Семенов. Изучение следов употребления на палеолитических орудиях. КСИИМК, IV, 1940.

Рис. 9.

1—24 — острия и пластинки с притупленным регушью краем. $\frac{2}{3}$ н.в.

Особо следует указать, что обычной находкой, кроме костяных и кремневых орудий, как внутри жилой западины, так и на территории поселения, являлись мелкие камни и куски камней. На некоторых из них имеются следы употребления их в качестве ударных орудий и наковаленок (рис. 11). Внутри жилища и на территории поселения встречались отдельные крупные камни, служившие, вероятно, подставками для разнообразных работ. Они располагались, как правило, в средней части жилища у очагов. Около шестой очажной дунки был найден крупный осколок трубчатой кости мамонта длиной 25 см, отколотый таким образом, что он мог стоять и стоял на полу сочленовой площадкой вверх, подобно примитивной наковальне.

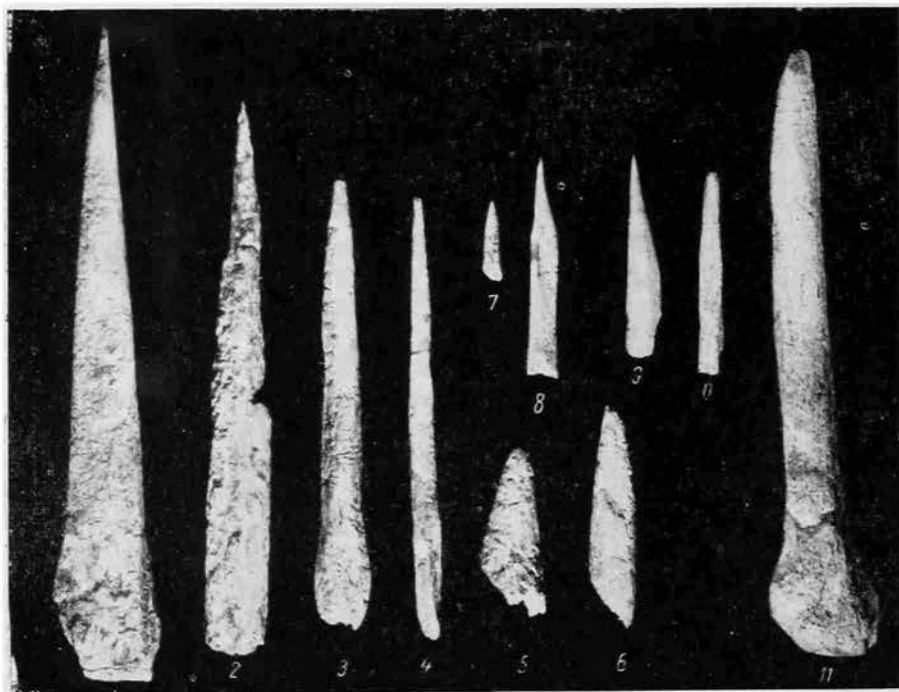

Рис. 10.

1—11 — костяные шилья и их обломки. $\frac{2}{3}$ н.в.

Для полноты картины южного участка поселения следует отметить, что рядом с длинной и обширной западиной, являющейся основанием обширного жилища, имеются два небольших особых скопления культурных остатков. Оба эти скопления примерно одинаковы по своей овальной форме и величине, а по характеру находок они совершенно аналогичны остаткам обширного жилища. Одно из них, северо-западное, тянулось параллельно западной секции жилой западины и было расположено против входа в жилище на расстоянии 2 м. Второе, юго-восточное, расположено параллельно восточной секции жилой западины на таком же расстоянии от нее (рис. 2 и 5). К северу от средней секции на расстоянии 2 м тоже намечилось скопление культурных остатков, которое находилось за пределами раскопа. Эти скопления культурных остатков, состоящие из значительно большего количества расщепленных кремней и осколков костей, чем на остальной площади древней поверхности вне жилой западины, характеризуются наличием окрашенности культурного слоя охрой, но не имеют столь четких границ, как остатки жилища.

В границах северо-западного скопления, намеченных на основании распространения бледно окрашенного охрой слоя, на ровной древней поверхности поселения было найдено около 1000 кремневых отщепов, около сотни осколков костей животных и небольшое количество кремневых орудий, совершенно таких же, как и внутри жилой западины. На соседних участках во все стороны от этого скопления, за исключением места входа в жилище, окрашенности охрой не наблюдалось и почти отсутствовали находки костей животных.

В юго-восточном скоплении, границы которого были намечены также на основании распространения окрашенного охрой культурного слоя,

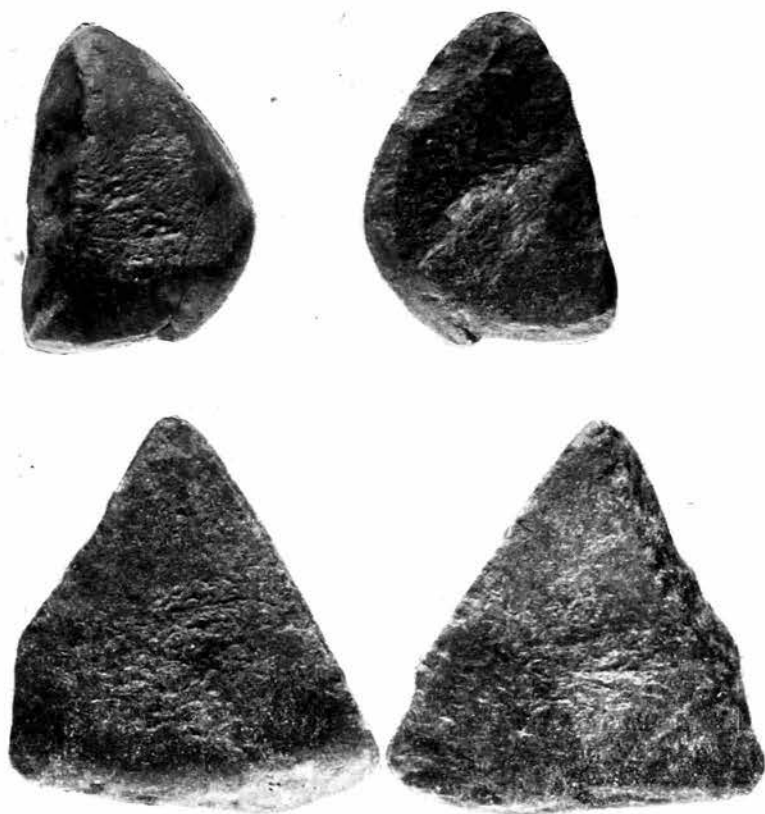

Рис. 11.

Каменные наковаленки, служившие при изготовлении долотовидных орудий с подтеской концов. Оба экземпляра имеют характерные следы с обеих сторон. н.в.

этот культурный слой залегал в небольшом углублении и был значительно более насыщен осколками костей и расщепленным кремнем. В восточном конце скопления имелась небольшая западина округлой формы, площадью в 4 кв. м, по краям которой лежали два крупных камня (50 × 40 × 26 см). В этой западине, в интенсивно окрашенном охрой заполнении, найдено было больше 200 расщепленных кремней на 1 кв. м и значительное количество осколков костей.

Находки здесь совершенно аналогичны находкам в северо-западном скоплении. Нет оснований, следовательно, рассматривать эти скопления отдельно от остатков обширного длинного жилища. Естественно полагать, что описанные скопления культурных остатков, расположенные рядом с углубленным в землю жилищем, являются остатками летнего обитания, где сосредоточивалась домашняя хозяйственная деятельность в теплое время года.

В заключение нужно остановиться еще на одной важной детали палеолитического поселения в Костенках IV.

Мы знаем уже, что, кроме описанных выше десяти очажных углублений и пяти ям, которые объяснены предположительно как ямы от столбов, при детальном исследовании пола жилой западины были обнаружены другие ямы и углубления. Наличие ям и углублений в полу жилищ верхнепалеолитического времени является фактом достаточно известным. Все ямы Костенок IV по сравнению, например, с ямами Костенок I, где они установлены П. П. Ефименко, меньше размерами и однообразнее по своему заполнению. Форма их в большинстве округлая, стенки прямые, дно ровное. Размеры ям 30—50 см в поперечнике и 15—35 см глубины от уровня пола жилища. Большинство их заполнено суглинком, окрашенным красной охрой, насыщенным культурными остатками, ничем не отличающимися от заполнения обширной жилой западины. Такое однообразие заполнения большинства ям обычными остатками обитания несколько затрудняет суждение о назначении их. Подавляющее большинство ям заполнено обычными отбросами обитания, попавшими туда либо при зарывании их еще в процессе обитания, либо в результате запыла этих ям после оставления жилищ.

К этой группе ям следует отнести и те ямы, в которых, наряду с обычными остатками обитания, встречены разрозненные обломки костей зайца и других животных. Случайное попадание в ямы этих костей не вызывает сомнения потому, что культурный слой жилища насыщен такого рода остатками не менее, чем заполнение этих ям.

Преднамеренное выкапывание этих ям обитателями жилища является бесспорным. Об этом свидетельствует их целесообразная и в большинстве случаев правильная форма, а также присутствие в их заполнении красной охры и других обычных культурных остатков. Именно благодаря окрашенности заполнения ям значительно облегчалось документальное установление их границ.

Имеется также небольшое количество таких же ям, в заполнении которых, главным образом на дне, встречались характерные находки, несомненно преднамеренно положенные в ямы. Такова, например, красная охра, кости зайца и другие находки.

Система расположения ям внутри жилища и их содержимое не позволяя считать эти ямы предназначенными для столбов. Это не были и ямы для приготовления пищи; такие ямы достаточно хорошо известны, в их заполнении встречается зола или сплошная масса костных углей. Остается предполагать, что ямы, вырытые в полу жилища, предназначались для хранения различного рода запасов, вероятно, и продовольственных.

Имеются ямы, связанные также с другими отраслями домашней хозяйственной деятельности, например ямы № 17 и № 18, заполненные сплошь охрой. В них, кроме того, находились в вертикальном положении кости стоп зайца, сохранившиеся в анатомическом порядке. Эти ямы могли служить для отмучивания охры, широко применявшейся в быту, например, для окраски тела или одежды.

Итак, подводя итоги исследования южного участка поселения верхнепалеолитического времени в Костенках IV, мы можем отметить прежде всего единство всех элементов поселения как секций жилой западины, так и тех небольших скоплений культурных остатков, которые расположены рядом с жилищем. Единство это чувствовалось не только по расположению находок на сравнительно широком участке древней поверхности, но и по наличию всюду однообразного культурного слоя и по характеру этих находок, в нем залегающих.

Бесспорно существование одного обширного длинного жилища. Это большое длинное жилище, представленное тремя секциями жилой западины с рядом очагов в каждой, повидимому строилось постепенно по мере роста общины. Наличие секций свидетельствует о трех этапах в процессе сооружения этого большого жилища, площадь которого составляет около 190 кв. м.

Постепенное расширение площади жилища по мере роста оседло живущей общины является вполне закономерным. Нам представляется, что только таким образом могут быть поняты конструктивные особенности длинной жилой западины, отраженные в ее плане. Построить и освоить такое обширное жилище могла лишь достаточно большая община. Учитывая технические трудности сооружения подобного жилища и обычную тесноту в хижинах культурно отсталых народов, приходится полагать, что общее число членов обитавшей в длинном жилище общины составляло несколько десятков человек, которые вели совместную жизнь, основанную на общем домашнем хозяйстве.

Исследователю общественной жизни и культуры североамериканских индейцев Л. Моргану принадлежит мысль о важном значении развалин жилищ для понимания общественного строя их обитателей. Говоря об архитектуре оседлых индейцев, он писал: «Факты их социальной жизни, остающиеся, к сожалению, далеко не достаточно объяснимыми, говорят нам значительно меньше, чем развалины их жилищ».¹

Там же Л. Морган писал, что жилищная архитектура северных индейских племен сама по себе мало интересна, но значение ее для объяснения социального строя индейцев чрезвычайно велико.

Остатки развалин жилищ верхнепалеолитического времени, как и позже жилища североамериканских индейских племен, ярко свидетельствуют об общинном строе и о «коммунизме домашней жизни»² древнейшего населения. Заслуживает особого внимания сходство планов и размеров остатков жилищ палеолитического времени в Костенках I, Костенках IV, в Пушкарях I с планом и размерами длинных домов ирокезов и других североамериканских племен. Такое сходство ясно показывает, что социальный строй ирокезов и других племен Северной Америки, определивший их архитектуру, является в принципе одинаковым с социальным строем древнейшего населения Европы.

В сочетании же с другими фактами, в первую очередь с замечательными женскими статуэтками, структура и форма палеолитических жилищ выразительно и наглядно свидетельствуют, что оставившее их древнее население жило в условиях матриархально-родового строя.

Изучение остатков жилищ верхнепалеолитического времени в Костенках на Дону, в бассейне Десны и в Сибири подтверждает мысль К. Маркса, высказанную им в черновых набросках письма к В. Засулич, о том, что «... уже задолго до введения земледелия общий дом был одной из материальных основ прежних форм общины».³

¹ Л. Г. М о р г а н. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 68.

² Там же, стр. 42.

³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XXVII, 1935, стр. 680.

С. А. СЕМЕНОВ

КОСТЯНЫЕ ЗЕМЛЕКОПНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
СТОЯНОК ЕЛИСЕЕВИЧИ И ПУШКАРИ I

В ряду важнейших хозяйственных сдвигов и технических завоеваний человеческого общества верхнепалеолитического времени стоит строительство жилищ. При этом речь идет не об устройстве шалашей из жердей и звериных шкур и не о тех приспособлениях, которые производились под скальными навесами и в гротах, когда последние подготавливались для обитания в зимних условиях. Как первое, так и второе, повидимому, имело место еще в предшествующую, мустьерскую эпоху. В верхнем палеолите мы стоим перед фактом сооружения жилых долговременных помещений очень часто в лёссовом грунте, в виде землянок более или менее значительных размеров и глубины.

О существовании такого рода жилищ мы располагаем достаточными археологическими свидетельствами. Заслуга в изучении жилищ и в историческом освещении их принадлежит советским археологам, которые первыми ввели в полевую практику вскрытия стоянок большими площадями и тем самым привлекли к вопросу о жилище надлежащее внимание. «Начиная с так называемой ориньякской эпохи, — писал П. П. Ефименко,¹ — в Европе получают широкое распространение охотничьи поселения долговременного типа, с прочными, хорошо утепленными зимними жилищами, больше всего напоминающими по своему устройству зимние поселки народностей арктического круга, т. е. прежде всего населения северо-востока Азии и полярной Америки, для жилища которых наиболее характерной чертой является устройство жилого помещения в камере, вырытой в земле, с перекрытием ее земляным же сводом, наряду с прочным типом очага, вымостками из камней и т. п.»

Хотя мы и не знаем ряда деталей земляных жилищ в палеолите, например характера существовавшего здесь перекрытия, однако наличие самих котлованов не подлежит сомнению. Стоянки Гагарино, Костенки I, Тельманская, Супонево, Тимоновка, Елисеевичи дают нам факты, указывающие на то, что строительство жилищ требовало прежде всего производства углублений в лёссовом грунте. Формы и размеры земляных выемок были разнообразны. В Гагарине общая площадь округло-овального жилища имела в среднем 5 м в диаметре, а пол лежал, как указывает С. Н. Замятнин, на 40—50 см ниже современной ему дневной поверхности.² Следовательно, здесь для устройства котлована потребовалось удалить около 9—10 куб. м земли. На обширной жилой площадке

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 392.

² С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина. Сб. «Палеолит СССР», 1935, стр. 38.

Костенки I, как известно, открыто три землянки (или жилые ямы), замыкающие эту площадку с трех сторон. Каждая из землянок занимала от 7 до 9 кв. м и уходила в глубину от 1 до 1.5 м. Общая кубатура всех трех котлованов, таким образом, достигала около 25 куб. м вынутой здесь усилиями древних насельников земли.

Помимо этих трех значительных углублений, общая площадь Костенок I была изрыта десятками меньших ям различного хозяйственного назначения, служивших в качестве очагов, а также складами для хранения продовольственных запасов, костных материалов, существовавшего тогда инвентаря и для других целей.

Внутри жилого комплекса стоянки Костенки IV, раскопанного А. Н. Рогачевым в 1937—1938 гг., также установлены углубления земляночного характера. Здесь местами пол жилища спущен на 0.40 м ниже поверхности.¹

На стоянке Тельманской котлован землянки, имеющий около 5 м в диаметре, показал значительную глубину.

Не преследуя цели повторять другие известные факты, устанавливающие как в центре Европы (Пшедмост), так и в северной Азии (Афонтова Гора) углубления в лёссовом грунте при сооружении жилищ, мы ставим вопрос: при помощи каких технических средств велась эта весьма ответственная часть работы по строительству жилищ? До сих пор этот вопрос не был в поле внимания археологов, хотя необходимость постановки его уже назрела и вопрос затрагивался.

«Если исходить из обычных представлений западноевропейских ученых, — писал П. П. Ефименко, — предполагающих весьма низкий культурный уровень для палеолитического населения приледниковых пространств северного полушария, оставалось бы совершенно непонятным, с помощью каких технических средств могли быть вырыты такие обширные помещения с прекрасно высеченными, совершенно ровными стенами, гладким полом и хорошо устроенными входами, не говоря уже о наземных постройках, которые также требовали наличия определенного инвентаря орудий».²

Были попытки рассматривать некоторые костяные изделия верхнего палеолита в качестве мотыг. П. И. Борисковский в работе «Палеолитическая стоянка Боршево II» относит к числу землекопных орудий обнаруженные им изделия из рога северного оленя, носящие на себе следы орнамента. Предметы эти сравнительно небольшого размера: 15—16 см длины при 3 см в поперечном сечении. Один из них напоминает формой и изгибом мотыгу; его узкая часть была получена путем косою среза с выпуклой стороны, а конец закруглен. Другой лишь слегка заострен небольшим срезом, но не с выпуклой, а с вогнутой стороны, что кажется нецелесообразным с точки зрения технических качеств мотыги. Однако узкий конец оформлен легким закруглением, что отвечает механическим требованиям землекопного орудия. Поверхность обоих предметов повреждена. Она источена сетью мелких канальцев, вследствие химического воздействия тонких древесных корешков.

Не лишено вероятия, что мы действительно имеем здесь простейшие мотыгообразные орудия «для выкапывания растительной пищи, подобно мотыгам чукчей, коряков и эскимосов», как полагает П. И. Борисковский,³ а также для разрывания нор полевых грызунов. Впрочем, утвер-

¹ Кроме того, в полу жилища было вырыто значительное число ям и небольших углублений.

² П. П. Ефименко, ук. соч., стр. 451.

³ П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. МИА СССР, № 2, стр. 52.

ждать это с достаточной уверенностью у нас мало оснований в силу того, что на поврежденной поверхности этих предметов не сохранились следы употребления их в качестве мотыг — важный критерий для наших выводов. Кроме того, при сопоставлении с эскимосскими мотыгами и кирками обнаружено, что они отличаются значительно меньшими размерами; поэтому высказанное предположение можно было бы принять в том случае, если бы мы допустили, что недостаточная величина этих роговых мотыг дополнялась соответствующими размерами рукояток коленчатого утяжеленного типа.

Справедливость требует отметить, что П. И. Борисковский не настаивает ни на строго определенной функции этих предметов, ни на том, что они насаживались на рукоятки. «Заслуживает внимания тот факт, — пишет он, — что боршевские орудия, в отличие от вышеописанных мотыг и кирок чукчей, коряков и эскимосов, орнаментированы. Может быть, это свидетельствует о том, что их не насаживали на конец древка, а просто держали в руке».¹

Кроме Боршево II, необходимо указать еще на две верхнепалеолитические стоянки, среди костяных изделий которых имеются предметы, возбуждающие интерес. Это Мезин и Костенки I. Два мезинских мотыгообразных предмета из бивня мамонта, к сожалению, не могли быть исследованы нами функционально-аналитическим методом, ввиду того что в нашем распоряжении были только муляжи с них. Что касается морфологических признаков этих предметов, их продольно-поперечного сечения, общих контуров, показывающих значительную массивность, непропорциональную длине, то этого рода признаки не склоняют к мысли, что перед нами землекопные орудия. Впрочем, выводы, исходящие из одной морфологии, очень часто обманчивы и не могут служить надежным источником при суждении о назначении орудий.

Четыре известных нам предмета из бивня мамонта, открытые П. П. Ефименко в Костенках I, по форме близкие к мотыгам (из них два с резными узорами), повидимому, тоже не принадлежат к землекопным орудиям. По крайней мере так можно сказать об орнаментированных экземплярах, представляющих для нас пока еще загадку, как и боршевские. Те части их, которые можно назвать рабочими концами, повреждены, следы от употребления здесь обнаружить затруднительно. Два других отличаются тесловидным профилем. Одно из них прямое с утолщением в обушной части, покрытым параллельными нарезками, второе — с изогнутым слегка телом. Оба изготовлены из бивня.

Прямое орудие с утолщением на обухе имеет довольно крупные размеры, около 25 см в длину и около 5 см в поперечнике обушной части. В торце обуха образовалась правильная конической формы полость вследствие выпадения сердцевины бивня. Обушная часть в поперечном сечении почти круглая, средняя — овальная. Рабочий конец, если смотреть в профиль, затесан асимметрично. Лезвие округлое, тупое. Рельефных следов употребления с линейными указателями, характерных для землекопного орудия, нет. Заглаженность проследить невозможно: орудие густо покрыто лаком.

У второго орудия наблюдается такой же асимметричный тесловидный профиль, как и у первого. Но второе, судя по неправильным, угловатым очертаниям торца, было в свое время длиннее, а затем оказалось сломанным в обушной части. Таким образом, до нас дошло орудие не в целом виде. Сохранность его вообще плохая. Рабочий конец больше затесан с выпуклой стороны бивня, чем с обратной. Видны грани затески.

¹ П. И. Борисковский, ук. соч., стр. 53.

Обращают на себя внимание и следы употребления в виде сильной заглаженности, почти заполировки от трения с большим давлением о материал одинаковой или несколько менее твердой структуры, чем само орудие. Об этом свидетельствует уцелевшая на рыхлом, разрушенном теле орудия компактная, уплотненная корочка, сохранившая прежний, беловатый цвет бивня. Весьма вероятно, что мы имеем костяной клин для расщепления дерева, менее вероятно — тесло или мотыгу.

Рассмотренные кратко орудия, таким образом, не дают нам пока искомым признаков, характерных для землекопных орудий, рекомендуя осторожность в применении термина «мотыга». Еще меньшим соблазном могут служить для нас западноевропейские публикации костяных изделий, которые не были подвергнуты специальному анализу.

Тем не менее, землекопные орудия, служившие для постройки землянок и для других хозяйственных нужд, существовали в верхнем палеолите.

При просмотре костных материалов из стоянки Елисеевичи,¹ хранящихся в Археологическом отделе Института этнографии АН СССР, наше внимание было остановлено на предмете, который уже на первый взгляд своими очертаниями, столь явно выраженными, заронил мысль, что перед нами землекопное орудие превосходного образца, заключающее в себе нечто среднее между киркой и мотыгой. Дальнейшие наблюдения подтвердили первоначальную догадку (рис. 1).

Размеры орудия, изготовленного из бивня молодого мамонта, были внушительные. Общая длина достигала 40 см, ширина на лопатника имела 5.5 см, шейки — 4.7 см, обуха — 5.4 см. Орудие хорошей сохранности, хотя и утратило свой прежний вес. Насаженная на рукоятку мотыга предназначалась для работы двумя руками. Орудие было в работе, о чем свидетельствуют рельефные следы изношенности с линейным указателем направления движения.

При изготовлении орудия был учтен и использован естественный плавный изгиб бивня; ряд других деталей показывает предусмотрительную техническую мысль. Об этом будет сказано ниже, а пока мы считаем необходимым указать на главные функциональные признаки — следы употребления. Как известно, работа землекопными орудиями, в том числе кирками и мотыгами, производится таким путем, что погружаемая в землю часть орудия с течением времени изнашивается от трения о твер-

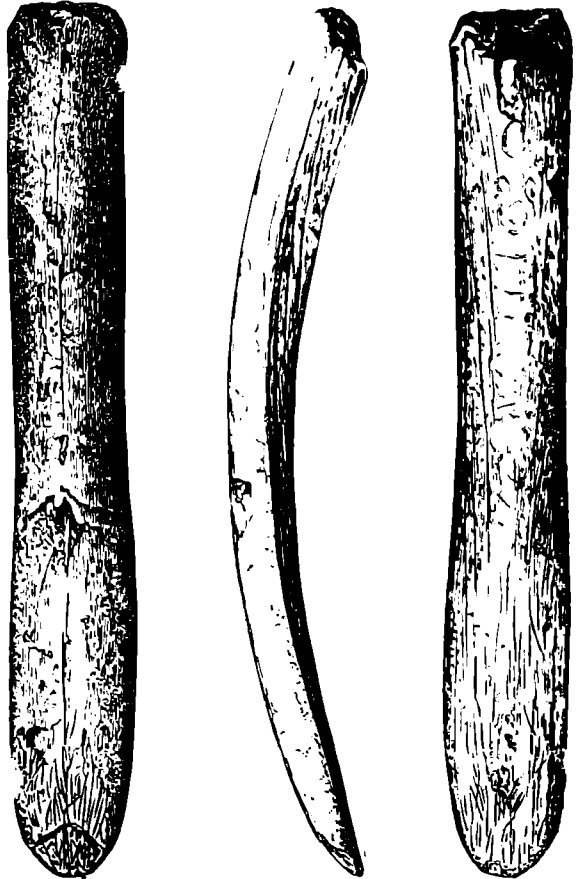

Рис. 1. Мотыга из бивня мамонта. Елисеевичи

¹ Стоянка открыта К. М. Поликарповичем в 1935 г.

дые зерна песка, который встречается в любом рыхлом грунте. Следы от трения имеют вид царапин, направляющихся от рабочей кромки налопатника мотыги вверх, к обуху. У самого края, т. е. кромки, они будут несколько глубже, рельефнее, даже шире, а на исходе уже и мельче. Кроме того, следы, как правило, интенсивнее образуются на внешней стороне налопатника, особенно, если она выпуклая. Эта сторона подвергается большему сопротивлению грунта, вызываемому малым углом падения.

Изученные нами следы работы на мотыге из стоянки Елисеевичи зафиксированы на специальном рисунке с максимальным приближением к натуре (рис. 2). Как можно по нему судить, линии, идущие от нижнего края вверх, расположены не строго параллельным рядом, а нередко перекрещиваются друг с другом. Это объясняется тем, что мотыга не всегда падала прямо. В процессе работы ее наклонял то вправо, то влево сам человек, вырубая неровности грунта. Помимо того, некоторые линии идут не по прямой, а имеют тенденцию к плавному изгибу. Причиной тому — выпуклость наружной стороны налопатника.

Есть основания полагать, что мотыга в работе служила относительно продолжительный срок. Наружный слой бивня на выпуклой стороне совершенно стерт в нижней части, и линии здесь проходят уже по второму слою. Принимая это во внимание, а также учитывая тот факт, что рабочая кромка мотыги не побита, за исключением одной небольшой вмятины, можно заключить, что работа велась именно по лёссу, в котором мало встречалось твердых включений и не было мерзлоты.

О специальном назначении этой мотыги, предназначенной для больших землякопных работ строительного характера, говорят прежде всего весьма крупные размеры, делающие ее крайне непортативной для таких ординарных целей, как собирательство. Налопатник мотыги вместе с тем очень тщательно выстроган, обладает плоской внутренней стороной и слегка расширен по сравнению не только с шейкой, но и с обухом. Сделано это намеренно, с пониманием, основанным на практическом опыте, показывающем, что при сильном ударе о землю под малым углом налопатник глубже врезается в грунт и выламывает, а не крошит пласт. Подобное действие мотыги особенно эффективно в сухом и компактном суглинке, углубление в котором всегда вырубается. Поэтому работа такой киркой-мотыгой имеет по механике и кинематике трудового акта нечто общее с работой теслом.

Привлекает внимание здесь и весьма длинный обух. Не подлежит сомнению, что такой обух, во-первых, увеличивает уже одним весом механическую силу удара мотыги, а следовательно, и коэффициент полезного действия, если, разумеется, увеличение веса мотыги идет за счет веса рукоятки.¹ В нашей мотыге, очевидно, такое соотношение и было предусмотрено. Во-вторых, удлиненная мотыга, описывая траекторию в воздухе при размахе, придает большую устойчивость рукоятке, зажатой в руках, и тем самым способствует точному нанесению намеченных ударов, что в свою очередь повышает коэффициент полезного действия. Но здесь тоже необходима оговорка: как в узких столярных молотках и двуконечных кирках, эта точность удара может быть достигнута только в том случае, если древко рукоятки занимает медиальное положение в дуге мотыги, т. е. место между обухом и налопатником. Отсюда мы вправе заключить, что шейка, вырезанная на данной мотыге, повидимому, использовалась для целей крепления к рукоятке. Другого объяснения этой детали мы найти не можем.

¹ См.: проф. В. Горячкин. Теория ручных орудий. Вестн. Металлопромышленности, 1925, № 3—4, стр. 193.

В соответствии с указанными механическими требованиями нами дан эскиз реконструкции всей мотыги в целом (рис. 3). Рукоятка могла быть приготовлена из ствола небольшого дерева, взятого вместе с корневищем. С помощью перекрестной обмотки сыромятным ремнем нетрудно достигнуть такого крепления, при котором рукоятка и мотыга составляли бы одно целое.

Среди остатков костяного инвентаря Елисеевичей оказалась и вторая мотыга. Она сохранилась не в целом виде. Это был только налопатник тоже крупного орудия. Но, очевидно, мотыга была изготовлена из рыхлого, старого бивня, весьма небрежно, наспех, и скоро сломалась в процессе употребления. На рабочем конце ее виден фас от удара о нечто

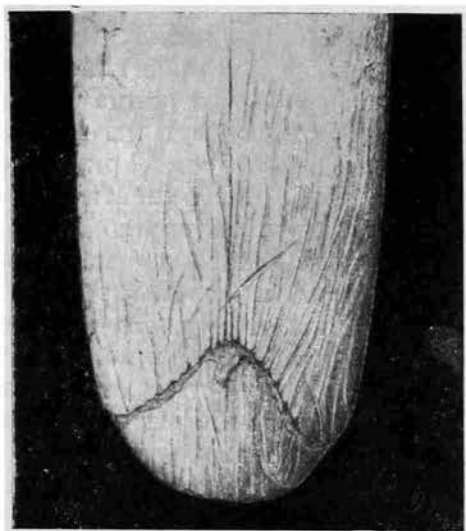

Рис. 2. Следы изнашивания налопатника мотыги Елисеевичей

Рис. 3. Реконструкция мотыги Елисеевичей.

твердое. Следы недолгого употребления остались и на выпуклой стороне налопатника в виде тонких перекрестных царапин, характерных для мотыг.

Орудия типа мотыг изготовлялись не только из бивней мамонта, но также из ребер крупных животных. Одно из таких орудий принадлежит стоянке Пушкарп I, раскопанной П. И. Борисковским. По форме оно напоминает первую мотыгу из Елисеевичей, но отличается малыми размерами и отсутствием шейки. Обух и налопатник в нем соединяются в одно целое без интервала. Рабочий конец имеет асимметричный и очень острый профиль. Следы использования в качестве мотыги, однако, прямолинейны в силу того, что наружная сторона налопатника была плоско срезана. Но они все же располагаются не параллельно, а имеют тенденцию к перекрещиванию, как и в случаях, рассмотренных выше.

Острая, как лезвие тесла, рабочая кромка мотыги почти не имеет выбоин и вмятин — факт для костяного землекопного орудия весьма интересный. Это, в свою очередь, свидетельствует о работе по мягкому грунту, включавшему лишь острые зерна песка. Малые размеры мотыги и такая любопытная деталь, как смещение линейных следов в правую сторону наружной плоскости налопатника, что могло явиться следствием

работы одной правой рукой, не исключает возможности использования этого орудия для целей собирательства (рис. 4 и 5).

В интересах получения бесспорного критерия при определении производственных признаков на землекопных орудиях нами было проведено сравнительное изучение следов от работы на серии эскимосских кирок и мотыг, сделанных из кости, в частности — из моржевого бивня. Для этой цели мы пользовались материалами, открытыми С. И. Руденко на Чукотке. В характере рисунка царапин, располагающихся на выпуклой стороне рабочего конца мотыги, наблюдается полная аналогия между палеолитическими и эскимосскими землекопными орудиями. Но в эскимосских орудиях бросается в глаза крайняя затупленность рабочего конца кирок и мотыг, грубость и массивность их профиля. вследствие применения в арктических условиях, где тонкий поверхностный слой земли подстилает мерзлый грунт. Они наскоро приготовлены с помощью металлических инструментов и по своим типам настолько разнообразны, что в случае отсутствия следов употребления их нельзя было бы объединить в одну группу землекопных орудий. Некоторые экземпляры имеют сходство с длинными топорами по способу работы ими и креплению к рукоятке. Крайне неподатливый грунт нередко требовал таких орудий с более стойким прямым телом и симметричным профилем рабочего конца.

О пластичности лёссового грунта, на котором селился палеолитический человек, строил свои жилища, рыл многочисленные ямы для разнообразных хозяйственных целей, очень хорошо осведомлены наши археологи. Лёсс можно легко резать ножом, высекать заступом гладкие стены, ступени. Китайское население провинции Гань-Су широко использует эти качества лёсса для домашней обстановки, вырубая внутри своих жилищ лежанки, сиденья, столы, ниши и каморки в стенах. Палеолитические обитатели лёссовых поселений, вероятно, также извлекали здесь практические выгоды, конечно, в меру своих потребностей и технических средств. О наличии входных ступеней и лавки для сиденья на дне жилой ямы в ориньякской стоянке Ланг-Маннерсдорф¹ (Австрия), например, сообщает Байер. Отсюда вполне логично думать, что палеолитический человек не обходился в деле строительства своих жилищ одними кирками и мотыгами, т. е. землекопными орудиями ударного типа. Даже

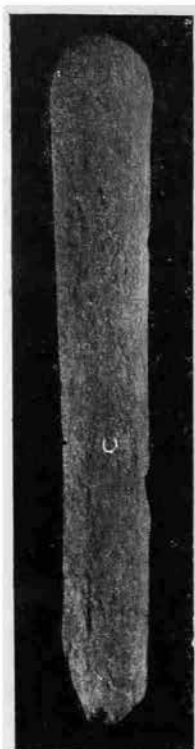

Рис. 4. Мотыга из ребра мамонта и ее профиль. Пушкарки I.

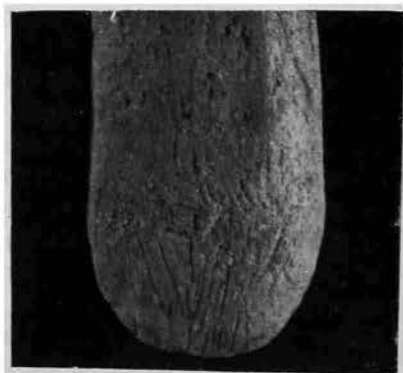

Рис. 5. Следы изнашивания мотыги. Пушкарки I.

¹ J. Bayer. Der Mammutjägerhalt der Aurignaczeit bei Lang-Mannersdorf. Mannus, 1921, т. 13, стр. 76.

в процессе рытья обыкновенного котлована необходимо было иметь простейшее приспособление с функциями лопаты для выгребания и выбрасывания взрыхленной земли, для выравнивания и подчистки стен, пола и т. п. Таким нуждам, вероятно, могли служить кости (плоской формы) таза, лопаток и черепов крупных животных после несложной подправки их каменными орудиями. Фрагменты таких костей в значительном количестве дает стоянка Елисеевичи. Следы использования их пока ведут нас, если можно так выразиться, в сферу кухонного быта, раскрывая процессы растирания, резания, скобления, что составляет особую тему.

Орудие в форме небольшой ручной лопатки или совка, обнаруженное нами среди материалов Елисеевичей, оказалось сделанным из пластины

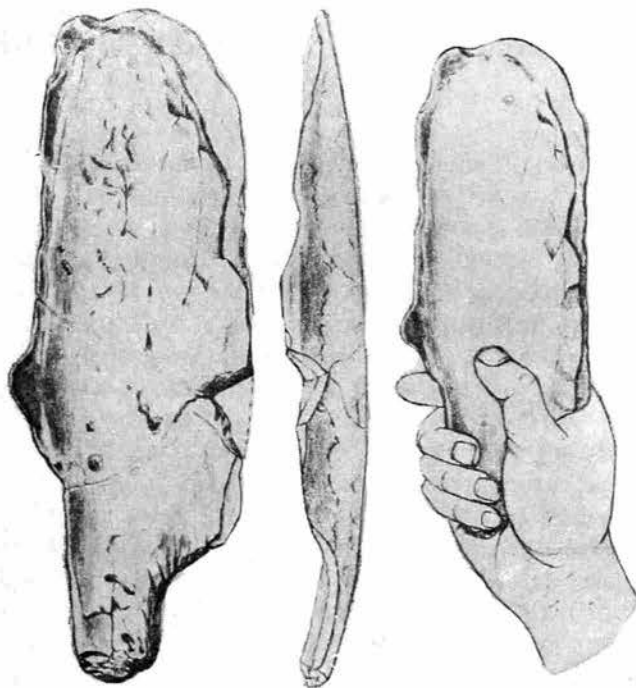

Рис. 6. Совок из отщепы бивня мамонта. Елисеевичи.

отщепленной от крупного бивня. Длина совка 25 см, ширина 8.5 см, максимальная толщина 1 см. Он слегка обработан. Подстроганы выступы второго слоя бивня, косыми срезами заострены края. Вырезана справа выемка для руки, в результате чего создалась вполне определенная форма рукоятки.

Совок, по всем данным, служил долго в работе. Края заглажены и закруглены. Сильно сработан левый край. Будучи очень тонким и загнутым кверху, он выкрошился весь. От него уцелела только небольшая часть в форме зубчика у самой рукоятки. На выпуклой стороне совка сработан почти весь наружный слой бивня. Линейные указатели проследить крайне затруднительно, ввиду повреждений этого слоя от времени. Однако сработанность левой и передней рабочих кромок совка достаточно ясно показывает направление движений руки: вперед и налево (рис. 6).

В заключение мы считаем уместным сказать следующее: орудий землекопных нами выявлено еще очень мало в силу того, что в нашем распоряжении пока был костный материал немногих стоянок, материал подчас не целиком доступный. В дальнейшем, с привлечением в орбиту

исследования более широких материалов, безусловно возрастут и наши знания об этом еще мало освещенном направлении хозяйства палеолитического времени. Наша задача на первых порах состояла в том, чтобы выяснить основные функциональные признаки некоторых костяных землекопных орудий в целях более успешного распознавания их среди груд молчаливого материала. Вместе с тем нам казалось необходимым поставленный здесь технологический вопрос рассмотреть в историческом аспекте.

М. П. ГРЯЗНОВ

ПАМЯТНИКИ КАРАСУКСКОГО ЭТАПА В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Степи Казахстана богаты памятниками глубокой древности разных времен. Каждый исследователь, путешественник, краевед, какую бы часть Казахстана он ни посетил, всюду отмечает наличие разнообразных памятников седой старины. Развалины древних городов, усыпальниц и укреплений, курганы и каменные могилы, древние рудники и оросительные каналы, каменные изваяния и наскальные рисунки, места древних поселений и городища встречаются буквально на каждом шагу. Даже на необитаемых ныне барханах находим мы множество разнообразных предметов, сохранявшихся под землей сотни, тысячи и десятки тысяч лет, а теперь лежащих на поверхности развеянного ветром песка на месте бывших здесь когда-то древних поселений, стоянок, могил.

Памятники разных эпох не в одинаковой мере подвергались археологическим раскопкам. Казахстан еще крайне слабо исследован в археологическом отношении, и сейчас для изучения истории населявших его древних племен и народов одинаковый интерес представляют памятники всех эпох. Между тем только памятники андроновской культуры бронзового века исследованы в довольно большом количестве. Памятники других культур или совсем не исследованы, или известны только в количестве одного-двух.

Слабая изученность Казахстана в археологическом отношении или, точнее, неравномерная изученность памятников разных эпох иной раз недостаточно учитывалась исследователями и приводила их к неправильным заключениям по некоторым вопросам истории культуры древних племен Казахстана. Так, например, С. И. Руденко пришел к мысли, что Казахстан в эпоху скифов был сравнительно мало заселен и обширные пространства степей и полупустынь «были огромным внутренним бассейном или, фигурально выражаясь, средиземным морем».¹ Это, конечно, неверно. В эпоху скифов жизнь в Казахстане, в том числе и в центральной его части, была ключом. Со временем расскажут нам об этом подробно многочисленные курганы с каменными дорожками, так называемые «курганы с усами». Раскопка одного из них в районе курорта Боровое, произведенная в 1930 г. Б. Н. Ждановым, показала, что они представляют собой богатые погребения скифской эпохи.² Об этом же говорят неоднократные находки различных бронзовых, золо-

¹ С. И. Руденко. Скифская проблема и алтайские находки. ИАН СССР, сер. истории и философии, 1944, № 6, стр. 270.

² Отчет о раскопках не издан, коллекция хранится в ГМЭ.

тых и других предметов скифского времени, обнаруженные в разных местах Центрального Казахстана.¹

Так же неправильно освещается и вопрос о периоде, предшествовавшем скифской эпохе. Крайне ограниченное количество исследованных памятников на обширной территории Казахстана лишило возможности получить ясное представление об особенностях культуры предскифской поры, а вполне естественное значительное сходство с культурой предшествующего периода — андроновской — привело к неправильному утверждению, что в то время как на востоке андроновская культура сменилась карасукской, на западе продолжала развиваться андроновская культура, ставшая, таким образом, непосредственным предшественником местной культуры скифского типа.² Границу между областью, население которой пережило карасукский этап культуры, и областью, где карасукский этап отсутствовал, следовало бы провести где-то по линии Обь-Иртышского водораздела, что совпадает с административной границей Казахстана, ибо по Енисею и Верхней Оби погребения карасукской культуры известны в большом количестве, а в Казахстане долгое время было известно только одно погребение — Дындыбай 11. Этот единственный памятник и заставил считать границей указанных областей не Обь-Иртышский водораздел, а район Караганды — местонахождение погребения Дындыбай 11. Раскопки в 1947—1948 гг. Бегазинского могильника привели неожиданно к заключению вообще об отсутствии памятников карасукского типа в Казахстане и о распространении в раннескифское время «культуры плиточных могил» забайкальско-монгольского типа вплоть до Центрального Казахстана.³ Увлечение мыслью о переживании андроновской культуры вплоть до начала скифской эпохи привело к тому, что авторы и редакция статьи «Бронзовый век» во втором издании «Большой советской энциклопедии» забыли о карасукской культуре вообще и даже на Енисее довели андроновскую культуру до VIII в. до н. э.

В настоящий момент, при слабой изученности археологии Казахстана, могильники Дындыбай и Бегазы представляют чрезвычайный интерес для истории племен Казахстана в эпоху поздней бронзы. Выяснение вопроса о том, являются ли эти памятники не типичными для Казахстана, относясь к культуре, область распространения которой находилась за пределами Казахстана, или их можно рассматривать в качестве примеров, выражающих характерные именно для Казахстана черты культуры, позволит наметить правильные пути для решения вопроса о развитии культуры племен Казахстана в предскифское время.

Погребение Дындыбай 11 раскопано мною в 1933 г. на р. Чурубайнура примерно в 60 км к ЮЗ от г. Караганды. Добытые при его раскоп-

¹ Укажем прежде всего находку золотого накопечника ремня с изображением головы сайги, каменного блюда и других предметов из хищнических раскопок в 1901 г. в Тургайской области (см. ОАК за 1901 г., стр. 143) и находку в 1906 г. двух золотых браслетов, украшенных в «зверином стиле», и других золотых украшений в низовьях р. Сыр-дарьи (см. ОАК за 1907 г., стр. 124; изображения браслетов см.: М. Rostovzeff. The animal style in South Russia and China. Лейпциг—Лондон, 1929, табл. XVIII, 1, 3).

Кроме того, из разных мест Центрального Казахстана известны скифского времени бронзовые котлы, княжалы, босвой чекан, многочисленные наконечники стрел, конские удила и псаши и другие предметы скифского времени.

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1947, стр. 153. — С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 57, 92, 93. — С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-ата, 1949, стр. 69.

³ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИМК, XXII, 1950, стр. 136.

ках вещи хранятся в Эрмитаже. Описание раскопок с необходимыми чертежами и рисунками опубликовано в общем отчете экспедиции.¹ Поэтому здесь нет надобности подробно останавливаться на всех особенностях исследованного памятника. Напомним лишь основные черты устройства могилы и приведем некоторые дополнительные сведения, почему-либо не попавшие в опубликованный отчет.

На низкой широкой речной террасе правого берега р. Чурубай-нура, еще и теперь при сильных паводках частично заливаемой водой, расположено обширное могильное поле. Основную часть его составляют многочисленные круглые каменные оградки — могилы андроновской культуры. В восточной части поля расположены небольшие каменные кур-

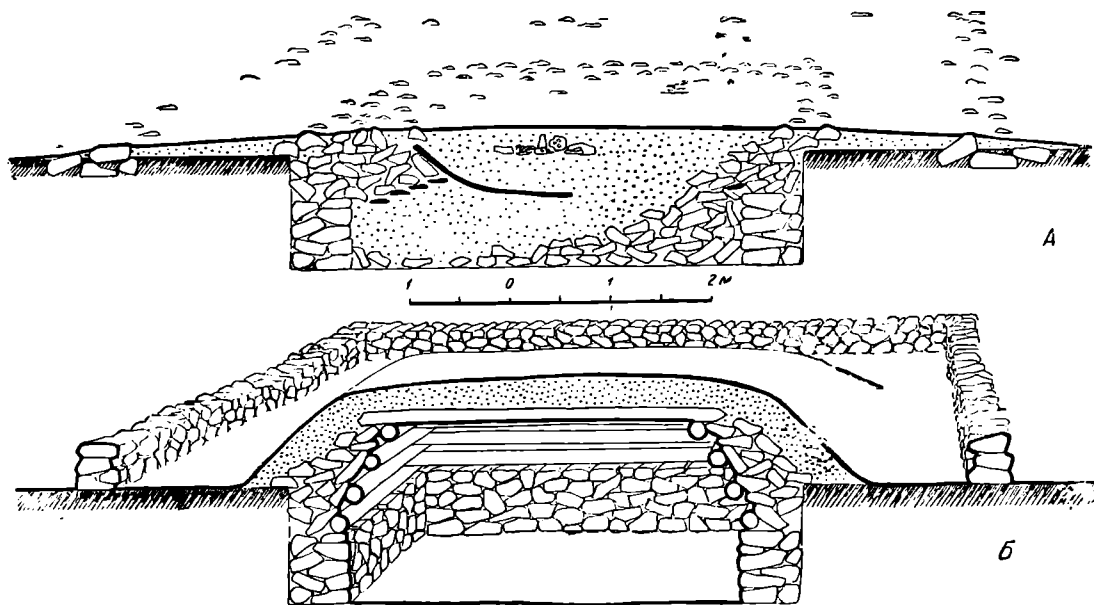

Рис. 1. Дындыбай. Разрез и перспективный рисунок погребения.

А — в современном виде; Б — первоначальный вид. реконструкция.

ганы, повидимому, времени ранних кочевников. Раскопки трех из них не дали вещевых находок.² Наконец, в южной части могильного поля, у самого края террасы находится серия каменных оградок квадратной формы, отделенная от круглых андроновских оградок неширокой полосой свободного от могил пространства. Это — самостоятельное кладбище, оказавшееся лишь по соседству с двумя другими и образовавшее с ними как бы одно обширное могильное поле. Территория этого кладбища занята глинобитными постройками аула Дындыбай, что затрудняло раскопки. Удалось раскопать лишь одну могилу (№ 11), крайнюю с запада.

Первоначальное устройство могилы представляется в следующем виде. В яме, глубиной 1.2 м, устроено квадратное в плане массивное каменное сооружение, площадью свыше 27 кв. м (5.2 × 5.2). Стены его, толщиной до 60 см и высотой около 70 см, сложены из бутового камня. Основа крыши представляла собой пирамидальный бревенчатый сруб

¹ См.: Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., II. / ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 49 сл.; см. также: Нурина экспедиция 1933 г. / ПИМК, 1933, № 9—10, стр. 57.

² См. там же, курганы №№ 5, 9 и 12.

в 4 звена, накрытый сверху бревенчатым же накатом из 12—14 бревен (рис. 1, Б). Пирамидальная форма сруба достигалась тем, что бревна каждого нового звена укладывались на 15—20 см ближе к центру сооружения. Так как в месте соединения бревен друг с другом пазов не вырубалось, наклонные стены сруба имели просветы шириной в толщину бревна. Бревна накатника были уложены, повидимому, вплотную. Крыша была затем обложена по бокам камнями и, вероятно, засыпана вынутой из могильной ямы землей. Так получился холм более 1 м высотой, под которым находилось просторное помещение площадью 16 м² (4×4 м), с потолком на высоте немного менее 2 м от пола. Вокруг холма была сооружена ограда, формы также близкой к квадратной, со сторонами длиной от 8 до 9 м. Стены ограды сложены из крупного бутового камня. Толщина их была, вероятно, 40—50 см, высота неопределима. Судя по количеству сохранившегося от ограды камня, частично разобранного жителями аула на хозяйственные нужды,¹ она не могла быть высокой: 40—50 см наиболее вероятная высота ограды.

Не успели еще деревянные части сооружения притти в ветхость, не успел еще окончательно разложиться труп погребенного, как в могилу проникли грабители и расхитили находившиеся в ней ценности. Они сделали, повидимому, пролом в южной части крыши, свалив при этом внутрь могилы камни и землю. Когда они снимали с полуразложившегося трупа ценные украшения, труп развалился на части, которые оказались в разных местах южной половины могилы, преимущественно на груде навалившихся в пролом камней и земли. При раскопках здесь найдены кости руки, лежавшие в правильном анатомическом порядке: все они, вплоть до последних фаланг пальцев и мелких сесамовидных косточек, находились на своих местах. В другом месте в таком же порядке лежали кости ноги без стопы; далее — кости нижней половины туловища (обе тазовых кости, крестцовая и 4 поясничных позвонка). Значительной части скелета недостает, в том числе и черепа. Возможно, что недостающие части трупа были выброшены наверх или вытащены после ухода грабителей зверями и потому не сохранились. Оставленные грабителями в могиле предметы, не представлявшие для них ценности, были смещены, брошены в беспорядке, некоторые глиняные сосуды и отдельные части их лежали в разных местах могилы.

После ухода грабителей могила постепенно заполнялась землей, осыпавшейся сквозь щели крыши и намываемой весенними водами. Когда могила заполнилась землей более чем наполовину (на 70 см от дна), подгнившие бревна не выдержали и крыша осела (рис. 1, А; бревна крыши изображены черными). На месте холма оказалась небольшая впадина. Со временем и эта впадина заполнилась землей, все неровности поверхности земли над могилой сгладились, и к моменту раскопок над могилой было едва заметное пологое возвышение не более 20 см высотой на пространстве около 12 м в поперечнике. Камни ограды развалились и погрузились до нижней границы почвенного слоя. На гладкой поверхности на месте бывшего могильного сооружения остались видными лишь едва выступающие из земли небольшие участки некоторых камней ограды (рис. 2; черным показаны части камней, видимые на поверхности земли).

Повидимому, вскоре после оседания крыши на дно образовавшейся впадины были сложены (или сброшены) беспорядочной кучкой вместе с несколькими камнями разрозненные кости неполного скелета юноши

¹ В нескольких метрах к ЮВ от исследованного погребения находились полуразвалившиеся глинобитные стены старого казахского зимника, в основании и углах которого включено большое количество камней, взятых, несомненно, с ближайших древних могил.

18—22 лет и неполного же скелета крупной не вполне взрослой особи барана.¹ Это, повидимому, остатки уже разложившихся трупов человека и барана, собранные где-то в виде костей, только частью державшихся в сочленениях на сохранившихся связках. Датировать эти остатки невоз-

Рис. 2. Дыңдыбай. План могильного сооружения после удаления почвенного слоя.

можно. Несомненно лишь, что кости человека принадлежат не тому, чьи останки лежали в могиле. В могиле лежал скелет мужчины преклонного возраста, в яме над могилой — скелет юноши. Кроме того, наличие двух нижних челюстей, двух крестцовых, трех тазовых, трех больших

¹ В скелете человека не хватало всех костей плечевого пояса, костей обеих стоп, одной тазовой кости и нескольких ребер и позвонков; 3 поясничных позвонка, а в другом месте 3 грудных лежали в сочленениях. В скелете барана не хватает всех крупных костей плечевого пояса, по одной тазовой, бедренной и берцовой, многих ребер и позвонков передней половины позвоночника. Кости ног ниже запястного и коленного суставов, а также некоторые группы позвонков лежали в сочленениях. Определение костей животных произведено В. И. Громовой.

берцовых и четырех бедренных костей показывает, что это кости действительно двух разных скелетов.

В расхищенной грабителями могиле сохранилось немного. Кроме неполного скелета человека, на дне могилы лежало несколько разрозненных костей домашних животных — нижняя и верхняя челюсти старой собаки мелкой породы,¹ 2 ребра лошади и большая берцовая кость барана. Последняя находилась в северной части могилы, около самой стены внутримогильного сооружения. Приблизительно в том же месте в заполняющей могилу земле найдены астрагал, пяточная кость и обломок плечевой кости барана, лежавшие на разных уровнях до 50 см над полом. Кости барана принадлежали крупной взрослой особи.² На дне могилы и частью на груде навалившихся камней лежали черепки глиняной посуды, принадлежавшие 12 сосудам, большую часть которых удалось собрать полностью. Из числа других предметов сохранились

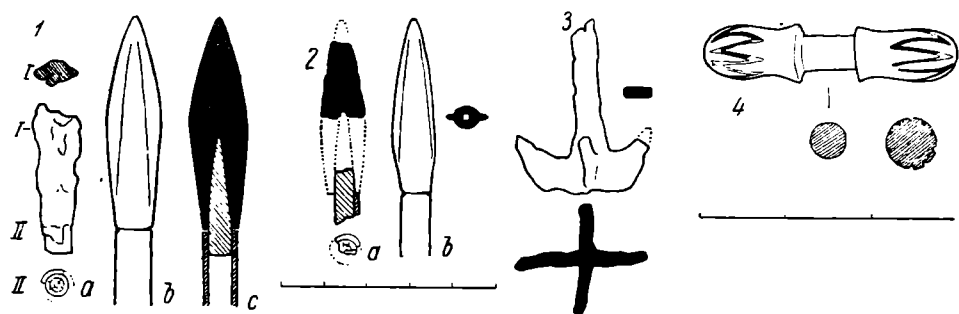

Рис. 3. Дындыбай. Бронзовые (1—3) и костяной (4) предметы.

только роговая застежка, 2 медных наконечника стрел, медный предмет неизвестного назначения, кусочек медной проволоки и каменное орудие. Все они найдены на дне могилы.

Наконечники стрел. От одной стрелы сохранилась нижняя половина наконечника с остатками древка (рис. 3, 1), от другой — верхняя половина наконечника без острия и отдельно часть древка (рис. 3, 2). Металл полностью окислен. Окислы сильно деформировали предмет, и первоначальная форма наконечников улавливается с трудом. Несомненно, что оба наконечника были втульчатые, с нешироким пером, без характерного для раннекипфских стрел жальца. Остальные детали не ясны. Предлагаемая мною реконструкция этих наконечников стрел (рис. 3, 1b и 2b) является лишь наиболее вероятным предположением о первоначальном их виде, не больше. Остатки древков стрел исследованы проф. С. И. Ваниным. Они были сделаны из тростника арундо (*Arundo donax* L.) и груши. Древко в обоих случаях сделано из стебля тростника, верхний конец которого, прямо обрезанный, имел диаметр, равный диаметру втулки наконечника, и упирался своим обрезанным краем в край втулки стрелы. Наконечник стрелы соединялся с древком с помощью обрезка ветки груши (в одном случае трех-, в другом четырехлетней), вставленного нижним концом в стебель тростника, а верхним, конически заостренным, во втулку наконечника (см. рис. 3, 1c). Как материал для древков стрел тростник арундо употреблялся

¹ Определение В. И. Громовой.

² Определение В. И. Громовой.

с давних пор и настолько широко, что Плиний в связи с этим заявил даже, что «полсвета было завоевано тростником».¹

Медный предмет неизвестного назначения, имеющий форму четырехлопастного якоря (рис. 3, 3), повидимому, литой.

Кусочек медной проволоки, круглой в сечении. Оба конца ее отломаны, длина сохранившейся части 26 мм. О назначении ее трудно судить. Вряд ли это была игла.

Роговая застёжка в виде круглой палочки с вырезом по середине для ремня и с закругленными концами (рис. 3, 4). На обоих концах рисунок из глубоко врезанной зигзагообразной линии, инкрустированной каким-то черным веществом.

Каменное орудие миндалевидной формы, изготовленное техникой отжимной ретуши (рис. 4), сделано из пестрой кварцевой породы

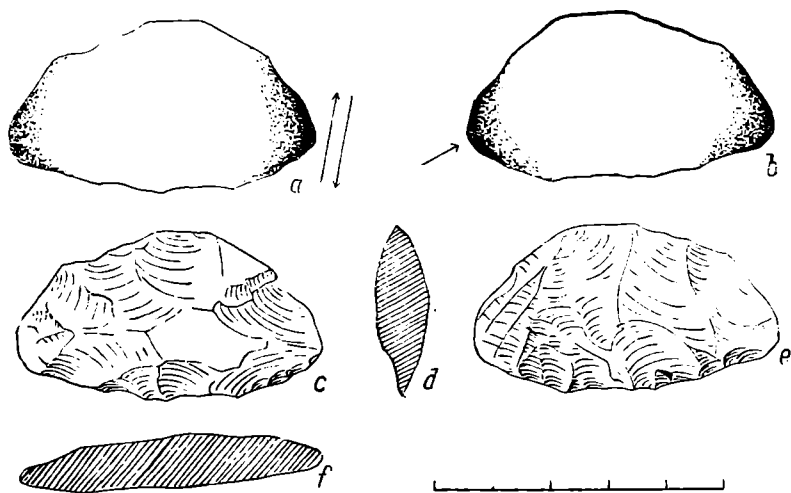

Рис. 4. Дындыбай. Каменное орудие.

различных оттенков от бледнорозового до темного буро-красного, местами приобретающего фиолетовый тон, с несколькими пятнами желтого цвета. Ретушь образует широкие плоские фасетки, далеко заходящие на боковые поверхности орудия. На одном конце его имеется 3 резцовидных или нуклевидных скола (см. рис. 4, e, слева). Назначение и использование орудия не вполне ясно. Оба острых конца его сношены в работе — они сильно затуплены, поверхность зашлифовалась и заполировалась, как это показано на рис. 4, a, b, на самых концах края фасеток совершенно сглажены. Все это отчетливо видно невооруженным глазом. В лупу при 10- и 20-кратном увеличении можно видеть, что гладкая, без бороздок, заполировка есть результат длительного трения о какое-то тело, менее твердое, чем материал орудия, и не имеющее включений твердых частиц. Только в одном пункте, самой выдающейся точке конца орудия (указанной стрелкой на рис. 4, b), испытывавшей, повидимому, максимальное давление при работе, видна серия очень мелких параллельных бороздок. Направление бороздок указывает, что трение

¹ О распространении использования тростника в древности см. в статье проф. С. П. Ванина «Материалы по изучению анатомического строения и физико-механических свойств древесины древесных пород и кустарников Кавказа» (Сб. Трудов кафедры строят. механики и кафедры древесиновед. Ленингр. лесотехн. акад. им. С. М. Кирова, Л., 1940, стр. 57—60). Тростник арундо произрастает повсеместно в странах Средиземноморья. У нас он известен на Кавказе и в Средней Азии, в ее южных частях, особенно по среднему течению р. Аму-дарья.

происходило в направлении, показанном парой стрелок на рис. 4, а. Работа, производившаяся орудием, не могла быть резанием, пилением, прокалыванием или сверлением, так как все острые края граней давно уже были затуплены и совершенно сглажены; работа не могла быть и скоблением, так как и в этом случае орудие должно иметь если не острые, то хотя бы четкие края граней; она не могла быть и дроблением или рыхлением какого-то материала, ибо в этом случае должны сохраниться следы избитости рабочей поверхности орудия или изборожденность ее расходящимися по сторонам от острия штрихами. Наблюдаемый характер сработанности орудия мог получиться при разминании им кожи в натянутом положении или разложенной на твердой плоскости или при подобной же работе над другим эластичным материалом. Отмеченная серия бороздок на одном конце орудия могла получиться при попадании на поверхность обрабатываемого материала мельчайших твердых частиц, всегда имеющих во взвешенном состоянии в воздухе.

Глиняный сосуд № 1 в форме кубка, емкостью в 0.4 л¹ (рис. 5, 1 и рис. 12). Внешняя его поверхность серая, местами темно-серая, на поддоне до красноватой; внутренняя темнее. В изломе — снаружи красноватый, внутри темносерый. Глина без видимых минеральных или органических включений. Формован выдавливанием из кома глины.² Поддон налепной, сформован из другого куска глины. Орнамент оттиснут ребенчатым штампом в такой последовательности: сначала проведена верхняя, опоясывающая венчик сосуда горизонтальная линия, затем спиральные ленты, составленные из косых оттисков короткого штампа, и, наконец, линии, образующие нижние контуры этих лент. После нанесения рисунка наружная поверхность сосуда вылощена. Блеск сохранился слабо.

Глиняный сосуд № 2 в форме кубка, емкостью в 0.6 л (рис. 5, 2 и рис. 6). Поверхность темносерая внутри и снаружи. В изломе — равномерно серый. Глина с примесью небольшого количества толченого гранита (?) и с редкими включениями мелких блесток пирита.³ Формован, как и предыдущий. Орнамент в виде ленты, спирально опоясывающей сосуд в 8.5 оборота и упирающейся нижним концом в круг из двух линий; оттиснут ребенчатым штампом. На поддоне тем же штампом оттиснута тамга. После нанесения рисунка поверхность сосуда вылощена. Сосуд вылощен и внутри, но менее тщательно.

Глиняный сосуд № 3 с шаровидным туловом, высокой шейкой и плоским дном, емкостью в 1.5 л (рис. 5, 3 и рис. 9). Внешняя поверхность серая, местами с желтоватым оттенком, с темными, до черного, пятнами на тулове и одним таким же пятном на шейке; внутренняя — темносерая в верхней половине и серая в нижней. В изломе — пепельносерый с желтоватым оттенком около внешней поверхности. Глина с примесью толченого гранита и блестками пирита. Формован выдавливанием из кома глины. Дно уплощено. Рисунок выполнен оттисками штампа-лопаточки с пологими вырезами на одной его стороне. После нанесения орнамента поверхность сосуда вылощена как снаружи, так и внутри. Сосуд использован для варки пищи, на что указывают остатки нагара в наиболее черных местах темных пятен на тулове.

¹ Определение емкости сосудов производилось способом, описанным в моей статье «Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам». СА, VIII, 1946.

² О технике формовки этого сосуда и других см. ниже.

³ Точного анализа состава глины этого и других сосудов не производилось. Все приводимые определения сделаны мною при рассмотрении излома черепка под лупой и претендовать на точность не могут.

Глиняный сосуд № 4 с шаровидным туловом, со слабо выраженной шейкой и уплощенным дном, емкостью в 1,5 л (рис. 5, 4). Внешняя поверхность его темносерая, до черного на блестящих участках; внутренняя — светлее. В изломе — светлосерый к внутренней стороне и светлый желтовато-красноватого тона к наружной. Глина с незначи-

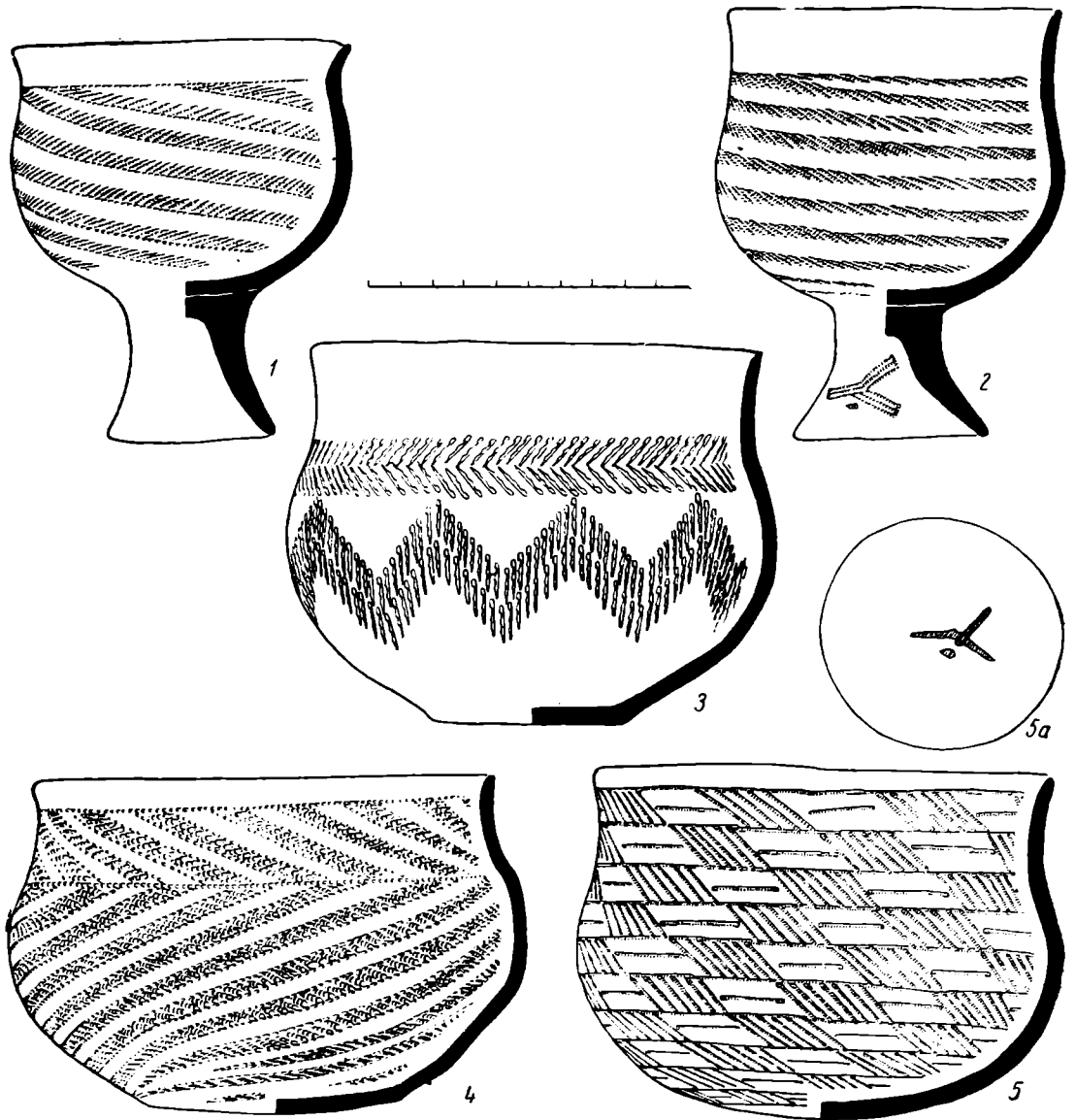

Рис. 5. Дыдыбай. Сосуды №№ 1—5.

тельной примесью мелкого песка или толченого гранита (зерна кварца и мягких пород, величиной около 0,5 мм). Формован выдавливанием из кома глины. Уплотненное дно, диаметром в 7,5 см, имеет форму очень пологого конуса. Поставленный на плоскость, сосуд качается, сильно наклоняясь на бок. Орнамент выполнен гребенчатыми штампами. Сначала нанесены ряды косых оттисков короткого штампа, образующие ленты узора, а затем другим штампом оттиснуты контуры этих лент.

После нанесения рисунка поверхность сосуда вылощена снаружи и внутри, внутри менее тщательно.

Глиняный сосуд № 5 с шаровидным туловом, ясно выраженной шейкой и выпуклым дном, емкостью в 1.3 л (рис. 5, 5 и рис. 7). Внешняя поверхность темносерая; внутренняя также, несколько темнее в верхней

Рис. 6. Дыдыбай. Сосуд № 2. Нат. вел.

части. В изломе — равномерно серый. Глина с незначительным включением мелких блесков пирита и, повидимому, с примесью песка или толченого камня (на склеенном сосуде последнее не удалось рассмотреть как следует). Формован выдавливанием из кома глины. Орнамент выполнен гребенчатым штампом. Сначала оттиснуты контуры рисунка, а затем заполнение фигур. На дне, на участке, свободном от рисунка, после того как сосуд был обожжен, процарапана тамга, такая же по форме, как и на сосуде № 2 (рис. 5, 5а). После нанесения орнамента поверх-

ность сосуда вылощена снаружи и внутри, внутри менее тщательно и только в верхней части.

Глиняный сосуд № 6 с высоким горлом и плоским дном, емкостью в 2.1 л (рис. 8, б). Внешняя поверхность светложелтого тона, местами принимающего оранжевый оттенок; внутренняя также светлая

Рис. 7. Дындыбай. Сосуд № 5. $\frac{1}{2}$ пат. вел

серовато-желтая. В изломе — светлый серовато-желтый. Глина со значительным содержанием толченого гранита и с блестками пирита (зерна кварца и полевого шпата величиной до 1.5 мм). Формован выдавливанием из кома глины. Уплощенное дно неровно: сосуд, поставленный на гладкую поверхность, качается. Рисунок нанесен гребенчатым штампом. Сначала оттиснуто заполнение фигур рисунка, возможно, по предварительно намеченным контурам, а затем оттиснуты и контуры рисунка. Рисунок состоит из сильно вытянутых косых треугольников по венчику.

ряда прямоугольных фигур по шейке и 4 крупных прямолинейных завитков на тулове, подвешенных к горизонтальной полосе. После нанесения рисунка поверхность сосуда как снаружи, так и внутри вылощена.

Глиняный сосуд № 7, имеющий форму очень низкого кувшина с прямым горлом, вздутыми боками и плоским дном, емкостью в 1,2 л (рис. 8, 7). Поверхность черная (или темносерая) снаружи и внутри. В изломе — серый. Глина с примесью мелко толченого гра-

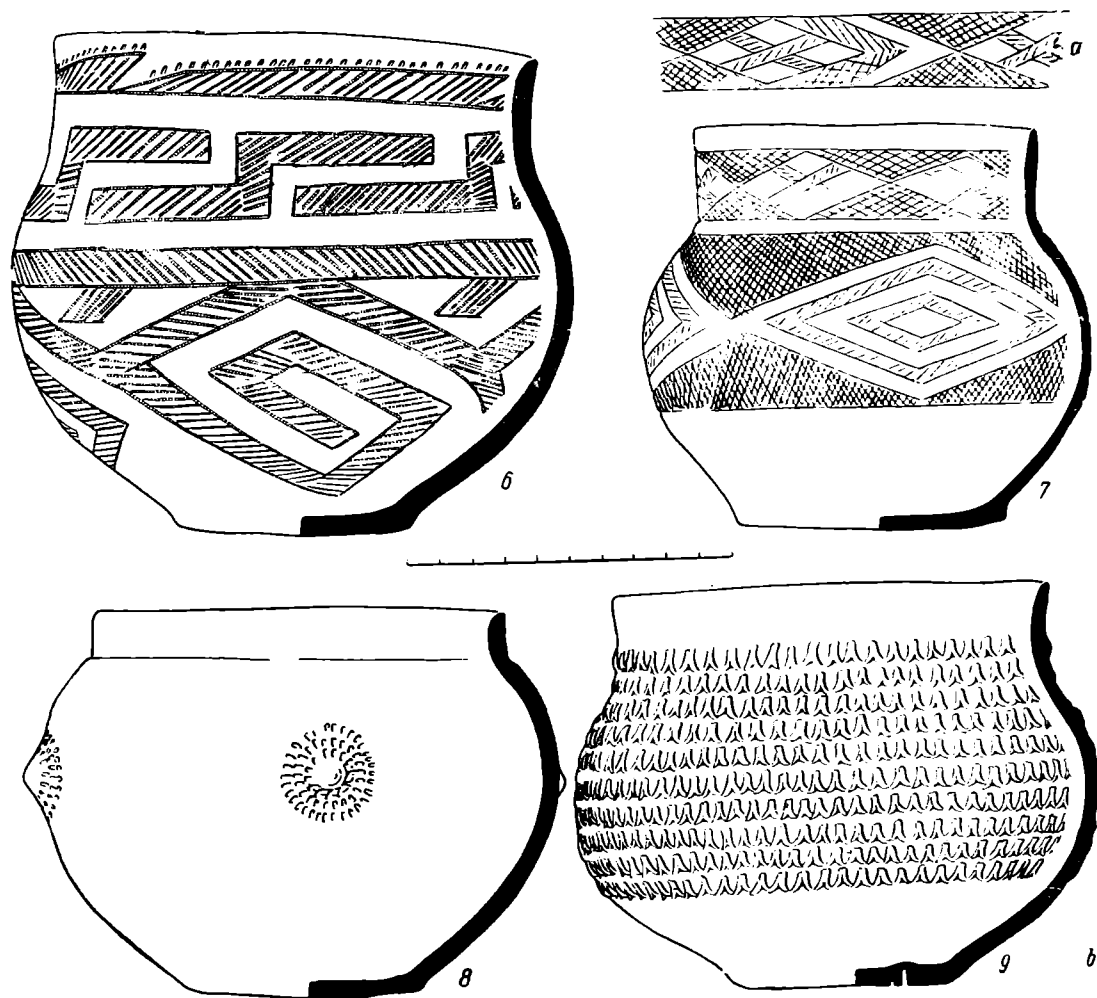

Рис. 8. Дныдыбай. Сосуды №№ 6—9.

нита и небольшого количества блесок пирита. Формован выдавливанием из кома глины. Дно почти плоское, образовано, по видимому, наделом тонкого кружка глины. Рисунок в виде полосы из 5 ромбов на шейке и полосы из 3 ромбов на тулове оттиснут краем острой пластинки или лезвием ножа. Сначала оттиснуто заполнение фигур рисунка, вероятно, по предварительно намеченным контурам, а затем оттиснуты и сами контуры.

Нанося рисунок на шейке, мастер неправильно рассчитал величину ромбов; оставшееся свободным место пришлось заполнить двумя зигзагами — заштрихованным и гладким (рис. 8, а). После нанесения орнамента поверхность сосуда, наружная и внутренняя, вылощена, внутренняя менее тщательно.

Глиняный сосуд № 8 с шаровидным туловом, низкой прямой шейкой и уплощенным дном, емкостью в 1.4 л (рис. 8, 8 и рис. 9). Внешняя поверхность только на небольших участках имеет красновато-желтый цвет. Большая часть поверхности покрыта пятнами серого до темно-серого цвета. Внутренняя поверхность серая. В изломе — серый с тон-

Рис. 9. Дындыбай. Сосуды №№ 3 и 8. $\frac{1}{2}$ nat. вел.

ким слоем желтовато-красного цвета у внешней поверхности даже в тех местах, где последняя темносерая. Глина с примесью небольшого количества очень мелкого песка или толченого камня. Формован выдавливанием из кома глины. Дно слегка выпуклое, имеет на внутренней поверхности концентрические круги — следы работы пальцами. Орнамент состоит из четырех маленьких налипных бугорков сосцевидной формы,

расположенных не строго симметрично, окруженных 3 концентрическими рядами овальных ямок. Наружная поверхность сосуда лощеная.

Глиняный сосуд № 9 с шаровидным туловом, ясно выраженной шейкой и плоским дном, емкостью в 1.6 л (рис. 8, 9). Внешняя поверхность желтовато-серая с темными пятнами на тулове; внутренняя — равномерно желтовато-серая. В изломе — равномерно желтовато-серый. Глина с примесью мелко истолченного гранита и мельчайших блесток пирита. Формован выдавливанием из кома глины. На дне с наружной стороны сделано два глубоких вдавления лучинкой или пластижкой (рис. 8, *л*). Вряд ли это случайность. Орнаментирован рядами ногтевых защипов двумя пальцами. Свободная от рисунка поверхность лощеная. Сосуд употреблялся для варки пищи — на тулове сохранились следы нагара там, где расположены темные пятна.

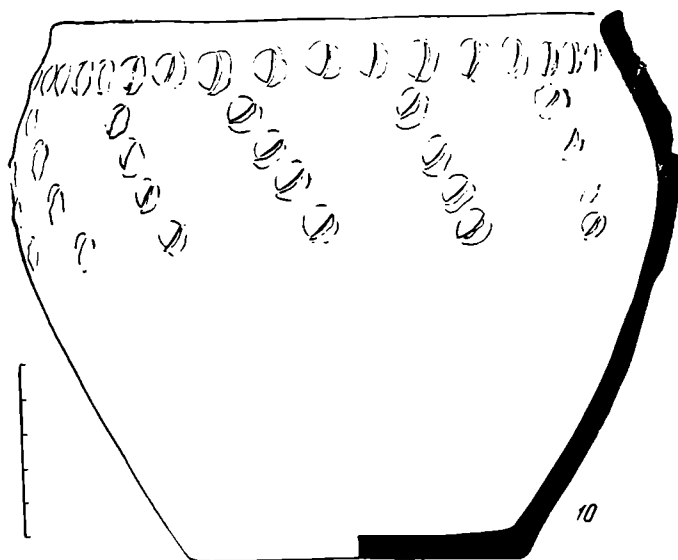

Рис. 10. Дындыбай. Сосуд № 10.

Глиняный сосуд № 10 в форме цветочной банки со скошенными плечиками, емкостью в 2.9 л (рис. 10, *л* и рис. 12). Сохранилась только часть сосуда, около $\frac{1}{3}$. Внешняя поверхность серая, местами темносерая; внутренняя — серая. В изломе — серый. Глина без заметных минеральных включений, содержит примесь какого-то органического вещества, расплавляющего черепок по мелким плоскостям, параллельным направлению стенок сосуда. Изготовлен, повидимому, налепом со дна (ленточным способом). Орнаментирован ногтевыми отпечатками большого пальца руки. После нанесения орнамента наружная поверхность сосуда, начиная от горизонтального ряда ногтевых отпечатков и до дна, заглажена ножом, фасетки которого отчетливо видны по всей поверхности.

Глиняный сосуд № 11 такой же формы, но с венчиком, слегка отогнутым наружу, емкостью около 2.5 л (рис. 11, *л*). Сохранилось лишь около $\frac{1}{4}$ черепков (верхняя часть сосуда). Внешняя поверхность пятнистая, от кирпично-красного до серого, местами с резко очерченными границами пятен; внутренняя — серая, местами со слабым красновато-коричневым оттенком. В изломе — черный. Глина без заметных минеральных включений, содержит примесь какого-то органиче-

ского вещества, имеет неправильную мелко-фасеточную слоистость, параллельную поверхности стенок сосуда. Способ формовки сосуда не ясен. Орнаментирован ногтевыми отпечатками пальца. Рисунок состоит из 3 фестонов. Лощение и заглаживание поверхности сосуда отсутствуют.

Глиняный сосуд № 12 в форме горшка с почти прямым венчиком, емкостью в 3.8 л (рис. 11, 12). Сохранился не полностью, недо-

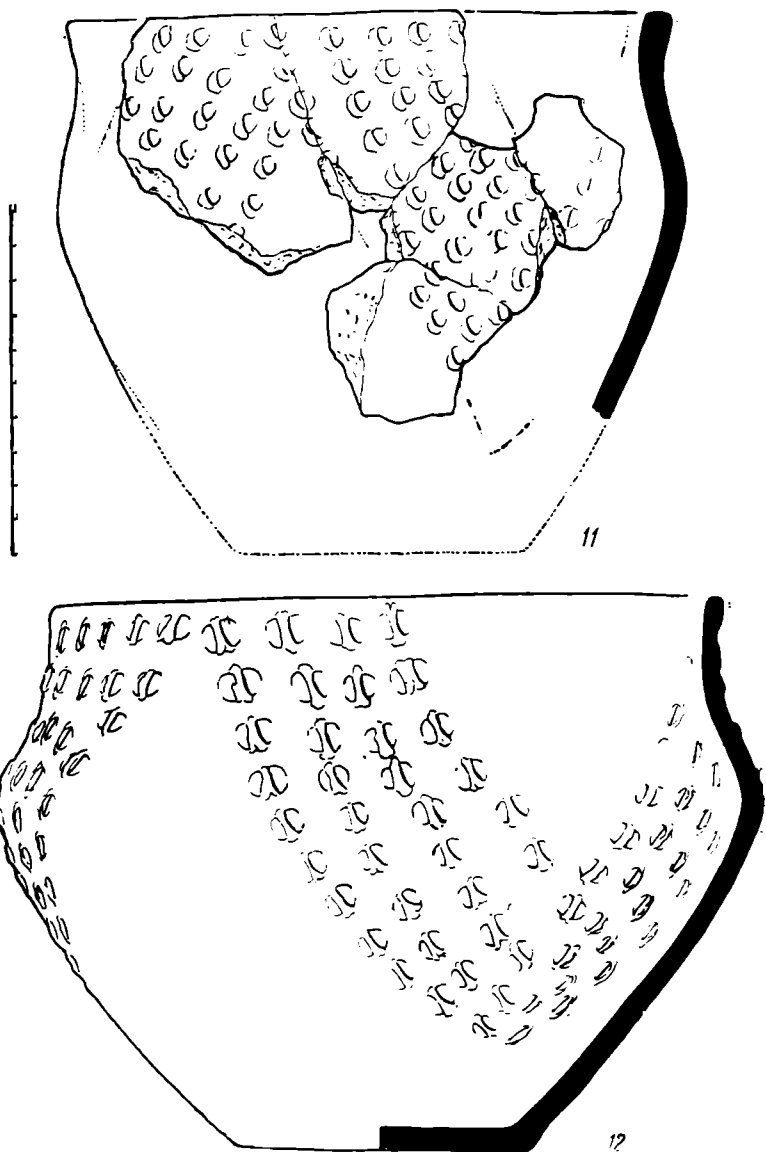

Рис. 11. Дыдыбай. Сосуды №№ 11 и 12.

стает около $\frac{1}{3}$. Внешняя поверхность кирпично-красная с серыми и темносерыми пятнами в разных частях сосуда, иногда с резкими границами; внутренняя — серая. В изломе — почти черный, местами с тонким слоем кирпично-красного цвета, толщиной до 1 мм, у внешней поверхности. Глина с примесью какого-то обуглившегося органического вещества и незначительным количеством мелкого песка или толченого камня. Черепок расслаивается по многочисленным мелким, беспорядочно расположенным плоскостям с общим направлением, параллельным поверх-

ности стенок сосуда. Возможно, что вылеплен ленточным способом, хотя определенных указаний на это нет. Орнаментирован ногтевыми защипами двух пальцев. Рисунок состоит из 3 крупных фестонов. Следов лощения или заглаживания поверхности не заметно.

Погребение Дындыбай 11 имеет много своеобразных черт, до последних лет не известных нам в других памятниках Казахстана и смежных с ним районов. По ряду особенностей это был единственный в своем роде памятник. Только раскопками 1947—1948 гг. в урочище Бегазы открыт могильник с аналогичными погребениями, описание которых будет дано ниже. Вместе с тем он обладает также признаками, связывающими его с определенной группой памятников степной полосы Азии, и настолько характерными, что вопрос о датировке и культурной принадлежности погребения не вызывает особых затруднений. Рассмотрим обе категории признаков.

Необычно устройство могильного сооружения. Нам не известны в могилах толстые каменные стены бутовой кладки, бревенчатые пирамидальные крыши, не известны намогильные ограды из уложенных в несколько слоев камней, но более простые устройства близких типов встречаются. Сложенные из камней в один ряд стены в могильной яме имеются в андроновских погребениях Центрального и Восточного Казахстана и Минусинских степей. Каменные оградки из одного ряда уложенных на поверхности земли камней или вертикально поставленных плит обычны для погребений андроновской культуры от Урала до Енисея и для карасукских погребений Минусинских степей. В первом случае оградки, как правило, круглой формы, во втором — прямоугольной. Пирамидальные бревенчатые крыши в погребениях не известны.¹

Общий характер устройства могильного сооружения если и не имеет точных аналогий в известных нам памятниках, то все же может быть сопоставлен с могилами андроновской и карасукской культур. Ограждение могил, появившееся повсеместно в андроновское время, было обязательным и в карасукское, по крайней мере в Минусинских степях,² где этот обычай сохранялся и позже, вплоть до конца I тысячелетия н. э. Но в Казахстане и на Алтае уже с начала эпохи ранних кочевников, примерно с VII—VI в. до н. э., все известные могильные памятники не имеют каменных оград, хотя камень для устройства их внутренних и внешних сооружений употреблен часто в большом количестве.

Такие крупные размеры могильного сооружения, как в Дындыбае, необычны для погребений андроновского этапа. Известен один только андроновский могильник, в котором среди обычных по размерам курганов есть и крупные, диаметром до 20 м.³ Самые богатые погребения устраивались в могилах размерами не более 2,5 × 2,0 м.⁴ Не велики могильные сооружения и карасукского этапа. Самое богатое погребение с земляной насыпью в 30 м диаметром находилось в могиле небольших разме-

¹ Пирамидальные бревенчатые крыши широко распространены у современных тюркских племен Алтая и Минусинских степей. В древности такая конструкция крыши нам известна по изображениям на Боярской писанице в Минусинской степи, относящейся к середине I тысячелетия до н. э. [см. мою статью «Боярская писаница» (ПИМК, 1933, № 7—8)], и по описанию Витрувия (I в. до н. э.) у колхидян (В и т р у в и й. Десять книг об архитектуре. М., 1937, стр. 41, 42).

² В районе верхней Оби, где нет камня, все погребения андроновского и карасукского времен устраивались без каменных сооружений.

³ Л. К. Н и ф о в т о в а. Андроновское погребение в Абаевском районе Семипалатинской области. ИАН КазССР, № 67, сер. археолог., вып. 2, 1950.

⁴ Алеп-аул № 5 (Археологические работы Академии на новостройках. , II, стр. 57).

ров со стенками, обложенными каменными плитами.¹ Следовательно, погребение в Дындыбас является пока самым крупным по своим размерам и, повидимому, самым богатым из известных нам погребений андроновского и карасукского этапов. Позже, начиная с майэмирского этапа,

Рис. 12. Дындыбай. Сосуды №№ 1 и 10. 1/2 нат. вел.

встречаются и более богатые и более грандиозные по своим сооружениям могилы.

Найденные в погребении предметы, кроме керамики, недостаточно характерны. Каменное орудие и медный предмет в виде якоря не имеют аналогий. Наконечники стрел из-за плохой их сохранности не могут

¹ С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1938 г. ВДИ, 1939, № 1, стр. 256.

быть надежным материалом для сопоставлений. Бронзовые наконечники стрел доскифского времени в Сибири и Казахстане почти не известны. Объясняется это, вероятнее всего, тем, что мы не имели пока случая их найти, так как поселения карасукского времени почти не исследовались, а в могилах оружие не погребалось.¹ Если наша реконструкция стрел в Дындыбае верна, то можно лишь сказать, что они более всего похожи на распространенные в азиатских степях наконечники стрел раннескифских типов. Типологически их следовало бы считать самой ранней формой скифских стрел. Кроме того, форма их весьма близка напоминает некоторые бронзовые наконечники копий предскифского времени.² Единственный, известный мне, бронзовый наконечник стрелы предскифского времени в Казахстане найден О. А. Кривцовой-Граковой в поселении близ пос. Алексеевки. Он также имеет коническую втулку, но перо более широкое, пламевидное. По форме своей напоминает бронзовый наконечник копья в миниатюре.³ Такие же наконечники известны в предскифское время и в степях Приднепровья.⁴

— Роговая застежка имеет некоторые аналогии в случайных находках Сибири, к сожалению, не датированных. Такова, например, бронзовая застежка из Минусинских степей, подобная по форме, но удлинённых пропорций и без орнамента.⁵ Такой же конструкции, только иных форм бронзовые застежки найдены Б. А. Куфтиным в Закавказье, в погребениях, относимых им к эпохе бронзы и первого появления железа, т. е. к XI в. и первым векам I тысячелетия до н. э.⁶ Варианты таких же застежек встречаются также и в значительно более позднее время — бронзовая найдена в могильнике Кудыргэ на Алтае (VI—VII вв. н. э.)⁷ и роговая — в курганном могильнике Сростки I, близ г. Бийска (VIII—X вв. н. э.).⁸ Наконец, весьма близки по форме к нашей застежке бронзовые и белопаستовые бляшки, отличающиеся лишь тем, что с одной стороны они плоские. Серия таких бляшек найдена мною в 1947—1949 гг. в погребениях большереченского этапа на Ближних Елбанах (р. Обь, между Барнаулом и Бийском);⁹ две белопастовых бляшки встречены также среди случайных находок — одна на Алтае, другая в Минусинских степях.¹⁰

Обряд погребения и рассмотренные предметы не дают достаточно прочных оснований для датировки памятника, но все они указывают на карасукское время как на вероятную его дату. Решающее значение в этом отношении имеет керамика. Поскольку она дает материал и для освещения некоторых других вопросов, необходимо остановиться несколько подробнее на ее особенностях.

По технике изготовления резко различаются две группы сосудов — плоскодонные горшки, вылепленные, повидимому, ленточным способом,

¹ Из сотен исследованных погребений карасукского этапа только в одном был найден бронзовый кельт (р. Уйбат).

² См., например, копья из собрания Ханенко из Киевской губ. (Древности Приднепровья, вып. 1. 1899, табл. XI, 38 и 39).

³ О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., рис. 33.

⁴ R. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolga Gebiet. 1929, табл. XIV, 2, C, D.

⁵ Эрмитаж, ОИПК, инв. № 1133-266.

⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, рис. 79 и табл. XXXVIII и XLVII.

⁷ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, III, 2, Л., 1927, рис. 10, фиг. 15.

⁸ Раскопки М. Н. Комаровой, 1925 г. Коллекция ГМЭ, инв. № 4381/76.

⁹ М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950, табл. III, 4.

¹⁰ Эрмитаж, ОИПК, инв. №№ 1122-14 и 1133-213.

и сосуды разных форм с шаровидным туловом, формованные выдавливанием из кома глины.

К первой группе принадлежат 3 сосуда (№№ 10—12), самые крупные по размерам, емкостью от 2.5 до 3.8 л. Вылеплены они из глины с примесью какого-то органического вещества, обуглившегося при обжиге, и, кроме того, в одном случае (№ 12) с небольшим количеством песка или толченого камня. Хотя на наших трех сосудах изломов по линии спайки и не видно — они вообще бывают видны далеко не на каждом сосуде, — ленточный способ их лепки все же очевиден. На это указывают их плоское дно, коническая форма нижней половины сосуда и резко выраженный угол перехода от дна к стенкам. Все это могло быть только в том случае, если лепка сосуда производилась начиная от дна, при давлении к твердой плоскости, при последовательном наращивании к нему стенок. Сосуды эти относительно толстостенные (от 5 до 7 мм). Поверхность их не лощеная. В двух случаях ясно видны следы заглаживания ножом. Орнамент несложный, во всех случаях ногтевой. От второй группы сосудов эти горшки отличаются более грубой выделкой. Несомненно, они употреблялись для варки в них пищи, на что указывает наличие темных пятен на внешней поверхности стенок, хотя остатков нагара не сохранилось (возможно, что слой нагара счищен при реставрации).

Вторую группу (№№ 1—9) составляют три типа сосудов, но все они одинаковы по технике изготовления и в связи с этим одинаковы по некоторым особенностям их формы. Формованы они из кома глины путем выдавливания стенок изнутри круглым камнем-голышом или другим подобным предметом. Этим достигалась тонкостенность сосудов и равномерность толщины стенок. Толщина стенок обычно не превышает 4—4.5 мм. В одном случае толщина 3 мм, а местами до 2.5 мм (№ 7). Только один сосуд имел стенки толщиной в 4—6 мм (№ 6). Наиболее же характерна форма тулова этих сосудов: все они имеют форму более или менее сплюснутого шара. При формовке выдавливанием стенок изнутри сосуд приобретает форму, близкую к шаровидной, затем дополнительными операциями мастер изменяет эту форму, выравнивает и формирует венчик, прилепляет поддон, выдавливает плоское дно. Выдавливание дна производилось на мягкой упругой основе (ладонь руки, колено). Это не давало возможности получить гладкое, действительно плоское дно. Дно таких сосудов неровное, с более или менее значительной выпуклостью. Сосуд плохо стоит на гладкой поверхности, качается. Так как сосуд в процессе работы находится все время навесу в руках, а не стоит на плоской поверхности, как при лепке ленточным способом, то не всегда удается сделать параллельными плоскости дна и венчика — один край сосуда оказывается выше другого. Наиболее отчетливо это выражено на сосудах №№ 6 и 9.

Все сосуды этой группы сделаны более тщательно, чем первой. Вылеплены из тонкой глины с примесью мелкого песка или толченого гранита. Во всех случаях, кроме двух (№№ 1 и 4), к глине примешан измельченный пирит, блески которого искрятся на глянцевиной поверхности стенок сосуда. Все сосуды лощеные, в некоторых случаях даже и с внутренней стороны. Поверхность их в основном темносерого и даже черного цвета. Только 1 сосуд желтого цвета, переходящего местами в оранжевый (№ 6), и 2 пятнистые с участками поверхности темносерого или черного и красновато-желтого или желтовато-серого цвета (№№ 8 и 9). В последних двух случаях это, по видимому, не первоначальный цвет сосуда. При нагревании в этих сосудах жидкой пищи поверхность их на участках, подвергавшихся действию сильного огня, делалась красной

или желтой, а там, где на стенки попадала жидкость, содержащая раствор или эмульсию органических веществ, обугливавшихся, но не сгоравших при слабом огне, она окрашивалась в черный цвет. Темносерый и черный цвета сосудов рассматриваемой группы получены преднамеренно пропитыванием их стенок органическими веществами, которые при обжиге на равномерном и умеренном огне обугливались, но не сгорали. В этом легко убедиться, прокаливая черепок на сильном огне; поверхность его быстро теряет свою темную окраску и становится красной или желтой.

По форме и назначению вторая группа сосудов состоит из трех типов посуды — кубков, чаш и небольших горшков.

Кубки — их 2 (№№ 1 и 2) — сходны по форме, орнаменту и другим основным признакам. Оба имеют наlepной конический поддон и слабо отогнутый наружу венчик. Это, несомненно, сосуды для питья. Вмещают около 0.5 л жидкости (емкость современных пивных кружек). Не имеют никаких признаков употребления их на огне.

Чаш также 2 (№№ 4 и 5), обе сходны по форме, но по-разному украшены. Венчики, слабо выраженные, слегка отогнуты наружу. Дно в обоих случаях выпуклое. У сосуда № 4 наблюдается перелом профиля в том месте, где кончается орнамент, что производит впечатление уплощенного дна, но стоять на плоской поверхности сосуд не может. Это, по-видимому, также сосуды для питья, но иной вместимости, чем кубки, — 1.5 и 1.3 л, предназначенные, возможно, для другого сорта напитков или жидкой пищи. И эти чаши никаких следов употребления их на огне не имеют.

Наконец, третий тип посуды — небольшие горшки (№№ 3, 6—9), довольно разнообразны по деталям формы и по украшениям. Общим для них является ясно выраженное уплощенное дно и венчик, иногда прямой. Все 5 сосудов украшены по-разному, как в смысле рисунка, так и техники его исполнения. Размеры их примерно таковы же, как и у чаш, — вмещают от 1.2 до 1.6 л жидкости, и только один сосуд (№ 6) несколько крупнее — емкость его 2.1 л. Судя по наличию на двух сосудах нагара (№№ 3 и 9) и на одном — темных пятен (№ 8), в этой посуде варилась пища.

Интересно детальное рассмотрение орнамента, особенно техники его нанесения. Прежде всего остановимся на инструментах, которыми он нанесен. На сосуде № 8, украшением которого служат 4 налепных бугорка, боком тонкой с закругленным острием палочки оттиснуты вокруг этих бугорков концентрические ряды продолговатых ямок. На сосуде № 3 более сложный рисунок оттиснут штампом, представляющим собой узкую пластинку, на конце которой сделано 3 косых среза (рис. 13, 3). Оттиски получались в виде длинных фигурок-черточек, контуры которых образованы, с одной стороны, прямой линией, с другой, — неправильно зигзагообразной. Еще более сложный рисунок сосуда № 7 выполнен оттисками тонкой и длинной гладкой пластинки или лезвием ножа и состоит, таким образом, из тонких гладких линий.

Нарядные рисунки следующих пяти сосудов оттиснуты гребенчатыми штампами. На сосуде № 6 это прямой штамп с 21 поперечной зарубкой (рис. 13, 6). Полный оттиск его представлял собой глубокий желобок, длиной в 21 мм и шириной в 1.1—1.2 мм, с 21 поперечной перегородкой.¹

¹ На сосуде не удалось рассмотреть полных оттисков штампа. Обычно один конец оттиска, а иногда и оба, деформированы другими оттисками (оттисками, образующими контуры рисунка, а в последних — соседними примыкающими). Очень часто штамп погружался в глину так, что один конец его давал глубокий оттиск, а другой совсем не касался поверхности сосуда. Полный оттиск штампа, следовательно и форма штампа, устанавливались по частям, учитывая разные индивидуальные особенности отдельных зарубок — глубина их, расстояние между ними, дефекты и т. д. Наблюдения эти производились преимущественно по оттискам поверхности сосуда на пластилине. Таким путем исследованы штампы и на других сосудах.

На сосуде № 5 применен такой же штамп, но более короткий и широкий, с зарубками, сделанными не перпендикулярно плоскости пластинки, а под углом с двух сторон ее (рис. 13, 5). Зарубки расположены большей частью почти точно одна против другой. Поэтому при первом взгляде на

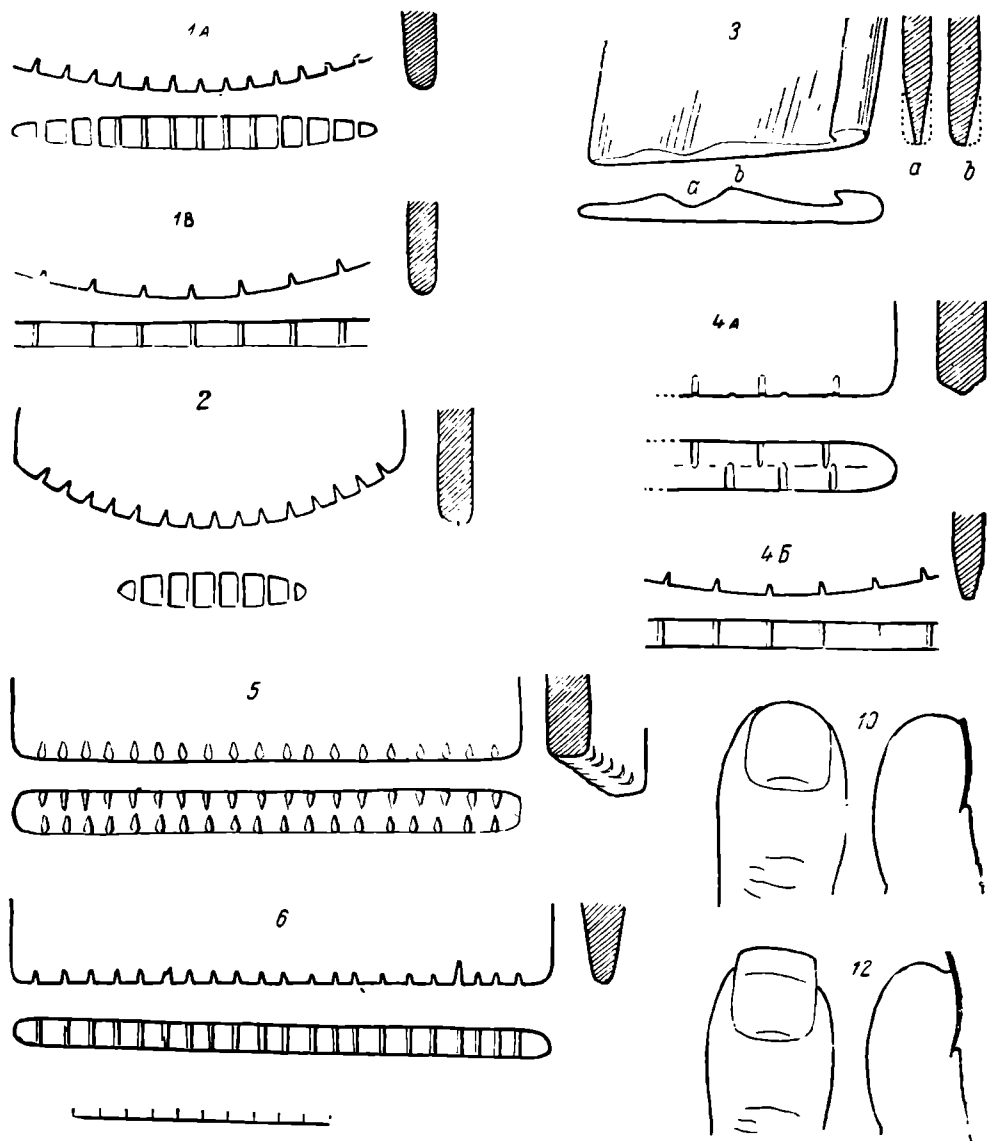

Рис. 13. Дындыбай. Керамические штампы — реконструкция (номера штампов соответствуют номерам сосудов).

оттиск кажется, что перед нами обычная гребенка с поперечными зарубками. Полные оттиски этого штампа представляют собой желобок, длиной в 19,5 мм и шириной около 1,7 мм, с 19 перегородками, высокими по бокам оттиска и почти незаметными или прерывающимися посередине. На сосуде № 2 штамп выпуклый с 15 поперечными зарубками (рис. 13, 2).¹ Полный оттиск штампа — желобок, длиной в 16 мм, шириной около 1,4 мм;

¹ Кривизну (степень выпуклости) штампа точно установить не удалось, так как пластилиновые отпечатки при снятии их с поверхности сосуда обычно деформируются и дают разные определения степени выпуклости для разных оттисков одного и того же штампа.

с 15 поперечными перегородками. Оттисками во всю длину штампа, полученными путем поворачивания штампа от одного конца его к другому, выполнены две линии, опоясывающие сосуд в нижней части рисунка около поддона. Двумя штампами исполнен орнамент на сосуде № 1. Оба штампа выпуклые. Длину их и кривизну установить не удалось. Оттиски одного штампа (ряды черточек, образующих опоясывающие сосуд ленты) — короткие желобки, глубокие посредине и сходящие на нет по концам, шириной в 1.3 мм, с перегородками на расстоянии немного более 1 мм друг от друга (рис. 13, 1, А). Оттиски второго штампа (контуры рисунка) — длинные желобки, шириной в 1 мм, с поперечными перегородками на расстоянии в среднем около 2 мм друг от друга (рис. 13, 1Б). Двумя же штампами исполнен и орнамент сосуда № 4. Контуры рисунка также представляют оттиски выпуклого штампа, отпечатавшего на сосуде длинные желобки, шириной около 1 мм, с поперечными перегородками на расстоянии в среднем около 2.1 мм друг от друга (рис. 13, 4Б). От соответствующего штампа на предыдущем сосуде этот штамп отличается несколько большим расстоянием между перегородками и очертаниями поперечного профиля зазубренного края пластинки — в первом случае профиль прямоугольный с закругленными углами (рис. 13, 1Б), во втором — трапецевидный, также с закругленными углами (рис. 13, 4Б). Вторым штампом оттиснуты ряды черточек, образующих ленты рисунка. Это прямой штамп с тупым заострением на две грани. По каждой грани сделаны зарубки на расстоянии около 2 мм друг от друга (рис. 13, 4А). Ширина штампа 1.8 мм. Длину установить не удалось, так как все оттиски сделаны одним концом штампа; длина их не превышала 9 мм.

Наконец, последние 4 сосуда украшены ногтевыми зацепами и оттисками ногтя. С помощью пластилина удалось отметить особенности формы ногтей на руке, лепившей и украшавшей посуду. Так, на сосуде № 9 устанавливается, что на большом пальце руки гончара ноготь отрос на 2.5 мм, а на указательном подрезан под корень (длина его менее 0.5 мм). Рука, украшавшая сосуд № 12, имела на большом пальце ноготь длиной в 4.5 мм, а на указательном — только около 1 мм. При этом оба ногтя подрезаны прямо — «лопаточкой» (рис. 13, 12). На сосуде № 10 орнамент состоит из ногтевых оттисков большого пальца с ногтем, подстриженным коротко (1 мм) и закругленно (рис. 13, 10). Наконец, на сосуде № 11 ногтевые оттиски сделаны, судя по размерам, указательным или другим, но не большим пальцем, также подстриженным коротко и закругленно.

На рассмотрении штампов и ногтевых оттисков я так подробно остановился в связи с тем, что это, как мне кажется, дает возможность сделать некоторые важные заключения. Прежде всего замечательно, что каждый сосуд орнаментирован особым или особыми штампами, не использованными для какого-либо другого из наших 12 сосудов. В тех случаях, когда роль штампа выполнял ноготь, то и ноготь на каждом сосуде был особый, не повторявшийся на других сосудах. Также и состав глины и ее цвет у каждого сосуда чем-либо отличаются от всех других сосудов. Все это говорит о том, что рассматриваемые 12 сосудов сделаны если не двенадцатью разными лицами, то во всяком случае несколькими лицами и в разное время. Нет двух таких сосудов, которые происходили бы из одной партии продукции какого-либо гончара. Это — продукция многих мастеров, и, следовательно, по керамическому материалу из нашего одного погребения можно судить о различных типах посуды, бытовавшей на р. Чурубай-нуре в районе урочища Дындыбай, с такой же полнотой, с какой мы судили бы о них по 12 сосудам из 12 разных погребений.

Чем же объясняется наличие в одном погребении посуды, изготовленной многими мастерами? Вряд ли можно допустить, чтобы в семье умершего все имевшиеся в хозяйстве глиняные сосуды были сделаны разными мастерами. Вероятнее всего, умершему в могилу положена не его (или — не только его) посуда, а посуда его сородичей, принимавших участие в похоронах, соорудивших могилу и снабдивших покойника загробной пищей. Таким образом, наши наблюдения над техникой нанесения орнамента на посуде позволяют осветить и некоторые особенности погребального обряда — снаряжали покойника в загробный мир не только члены его семьи, но, вероятно, и сородичи, дававшие ему от себя пищу в своей посуде. Отсюда становится понятным, почему посуда одного погребения так разнообразна по технике изготовления, по форме, по ее орнаментации.

Керамика из погребения в Дындыбае не имеет точных аналогий. Она довольно своеобразна. Тем не менее, место ее среди хронологических групп керамики южной Сибири легко определяется. Это — керамика карасукского этапа со всеми свойственными ей основными особенностями.

Одной из характернейших черт карасукской керамики является изготовление ее техникой выдавливания из кома глины и связанная с этим шаровидная или близкая к ней форма сосудов. И то и другое появилось и получило широкое распространение на карасукском этапе. Если посуда андроновской культуры довольно однообразна по своей форме почти по всей территории ее распространения, то на карасукском этапе в отдельных районах выработались особые, местные варианты форм посуды. Так, для Минусинских степей характерны сосуды с выпуклым (сферическим) дном и узким, часто прямым вертикальным горлышком; для района р. Томи — сосуды с плоским дном и прямой высокой шейкой, отогнутой наружу, наряду с небольшими сосудиками, близкими по форме к минусинским;¹ для района верхней Оби — сосуды с уплощенным дном и небольшим прямым вертикальным горлышком или узким утолщенным «воротничком» на шейке.² Керамика р. Чурубай-нуры дает еще один, четвертый вариант форм, пока еще недостаточно четко выявленный.

Орнаментация посуды этих районов также имеет свои местные отличия: в Минусинских степях преобладают гладкие сосуды без орнамента или с очень скромным украшением на плечиках и в основании шейки;³ в районе р. Томи обычно основание горлышка украшено рядом ямок и горошинок, горлышко — сеткой пересекающихся линий, а плечики — различными фестонами; в районе верхней Оби на прямом горлышке обычно помещен ряд гладких ромбов на заштрихованном фоне, а на утолщенном «воротничке» ряды насечек или сетка, и, наконец, на плечиках сложные фестоны. Для керамики Чурубай-нуры характерно преобладание ленточных или поясных рисунков, причем горлышко либо совсем не украшается, либо украшается примерно таким же рисунком, как и плечики.

Керамика Чурубай-нуры не может быть причислена ни к типу верхнеобской, ни томской, ни тем более минусинской. Это новый, четвертый вариант карасукской керамики. Так же как и в других районах, в орнаментации посуды с р. Чурубай-нуры сохранились связи с предшествующей

¹ Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Тр. Томск. ун-в., т. 98, 1947, табл. 16, 5; 20, 1, 3, 5; 25 и др.

² С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири, табл. XVI. — М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края, табл. I.

³ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, 1927, табл. XII.

щей андроновской керамикой, имеются и черты, переживающие позже в керамике оседлого населения эпохи ранних кочевников. Отметим некоторые из характерных черт орнамента.

Рисунок, составленный из лент с поперечной или косой штриховкой (сосуды №№ 1—4, 6 и 7), — характернейшая черта карасукской керамики. В андроновской керамике ленты заполнялись, как правило, продольной штриховкой. Только на некоторых позднеандроновских сосудах стала появляться косая и поперечная штриховка лент.¹ В карасукской же керамике минусинского, томского и верхне-обского вариантов во всех случаях штриховка всегда поперечная или косая, а не продольная.

Перекрестная штриховка, или сетка (сосуд № 7), неизвестная для андроновской керамики, распространена в орнаментации горлышка карасукских сосудов, особенно, в районе р. Томи. В оседлых поселениях эпохи ранних кочевников на р. Оби она сохраняется вплоть до бийского этапа.

Орнамент в виде пояска с вписанным в него рядом ромбов (сосуд № 7) распространен повсеместно в карасукской керамике, на Оби же он является самым излюбленным мотивом украшения сосудов. Впервые он появляется в позднеандроновское время (там, в отличие от карасукских — заштрихованные ромбы на гладком фоне),² позже он продолжает еще встречаться и в керамике большереченского этапа на р. Оби.

Чередование элементов орнамента в шахматном порядке (сосуд № 5) характерно для карасукской керамики (обычно в более простых формах) и не известно в андроновской.

Прекрасным примером, указывающим на генетическую связь карасукской керамики с андроновской, является сосуд № 6. Его форма, несмотря на иную технику изготовления, близко напоминает очертания андроновских сосудов. Ряд косоугольных заштрихованных треугольников по венчику, ряд z-образных фигур на шейке и ряд волют, выполненных в прямолинейной технике, — это характерные элементы орнамента андроновской посуды, так же как и общая композиция орнамента. Между тем, все это выполнено в необычных для андроновской керамики формах. Все похоже и вместе с тем все отлично от андроновских форм орнамента.

Замечательно, что и 3 сосуда (№№ 10—12), вылепленные ленточным способом, т. е. техникой, характерной для андроновской керамики, которые, казалось бы, должны были иметь с последней наибольшее сходство, на самом деле весьма отличны от нее и по форме и, особенно, по орнаменту. Орнаментация посуды техникой ногтевых отпечатков не применялась ни в андроновской керамике, ни в карасукской в районах Оби, Томи и Енисея. Однако для карасукской керамики характерно появление рельефных украшений в виде утолщенного, повидимому налепного, «воротничка» на венчике сосуда, налепного валика и выдавленных изнутри бугорков. Сюда же следует отнести налепные бугорки на нашем сосуде № 8. Разновидностью таких рельефных украшений, быть может, следует считать и ногтевые отпечатки четырех наших сосудов.

Как показали раскопки последних лет, погребение Дындыбай 11 не единственный в своем роде памятник. Погребения, весьма близкие по

¹ См., например: М. П. Грязнов. Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», Л., 1927, рис. 20, 3, 5 и 17. — Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА СССР, № 1, М.—Л., 1940, табл. I, 4.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, табл. IX, 9, 10.

конструкции могильных сооружений и по инвентарю, исследованы А. Х. Маргуланом и Л. Р. Кызласовым в горах Бегазы на правом берегу р. Бегазы (приблизительно в 250 км к юго-западу от Дындыбая и 80 км к северу от оз. Балхаш).

Могильник Бегазы состоит из семи могильных каменных оград — двух больших и пяти малых. В 1947 г. А. Х. Маргулан раскопал одну малую ограду,¹ а в 1948 г. Л. Р. Кызласов — одну большую и одну малую.²

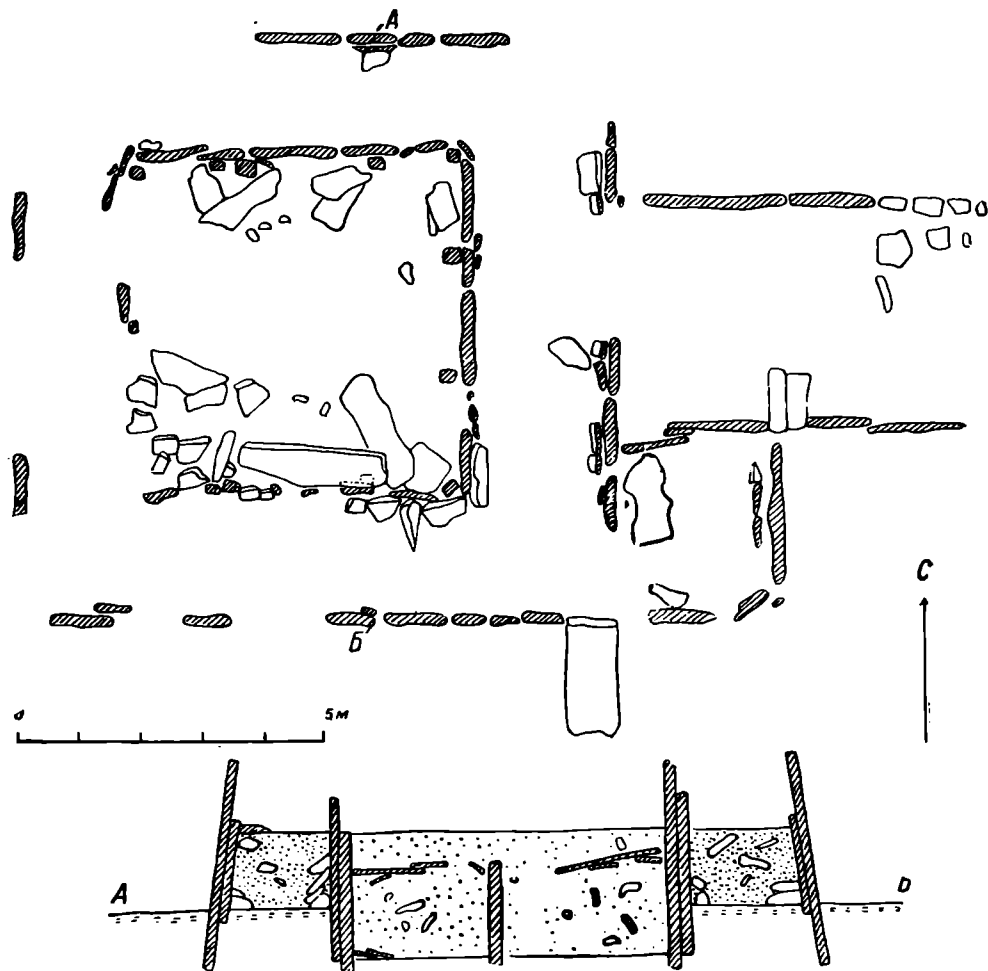

Рис. 14. Бегазы. План и разрез могилы № 2. (По чертежу Л. Р. Кызласова и А. Х. Маргулана).

Подробное описание раскопанных могил опубликовано. Поэтому нет надобности его повторять. Отметим лишь основные характерные черты.

Подобно погребению в Дындыбае, просторные квадратные могилы с каменными стенами основанием своим погружены в землю на глубину до 80 см и окружены квадратной же каменной оградой. Как и в Дындыбае, верхняя часть могилы возвышалась над землей (рис. 14). Сходные по форме и размерам надмогильных сооружений, бегазинские погребения отличаются от Дындыбаевского по материалу и конструкции стен, и по-

¹ А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, № 67, сер. археолог., вып. 2, Алма-ата, 1950, стр. 13—18.

² Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126—136.

этому внешний вид их совершенно иной. Вместо толстых стен, сложенных из бутового камня, к настоящему времени развалившихся и почти сравнявшихся с окружающей землей, на бегазинских могилах стоят видимые издали высокие стены, сооруженные из гладких правильно подобранных каменных плит (рис. 15). Конструкция крыши или потолка могилы осталась невыясненной. Наличие на поверхности могилы разбросанных тонких плит позволяет предполагать, что кровля могилы была сооружена из плит, уложенных, вероятно, на бревнах. Бегазинские могилы отличаются также наличием «тамбура» с восточной стороны ограды.

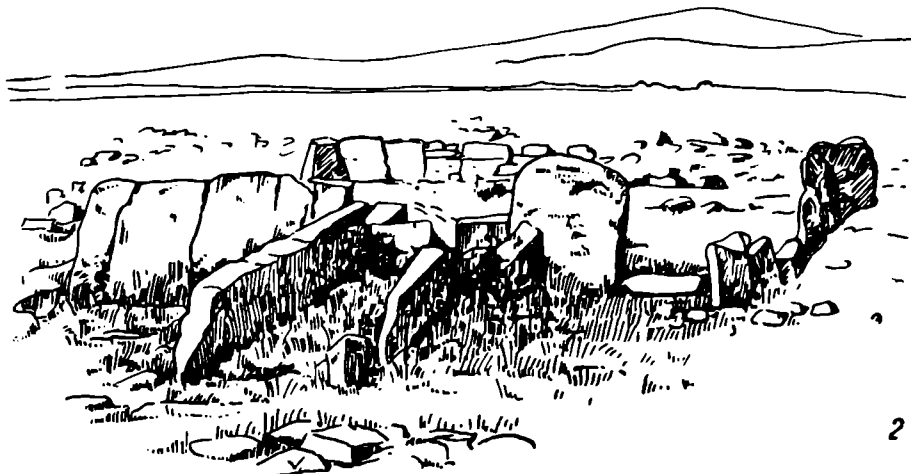
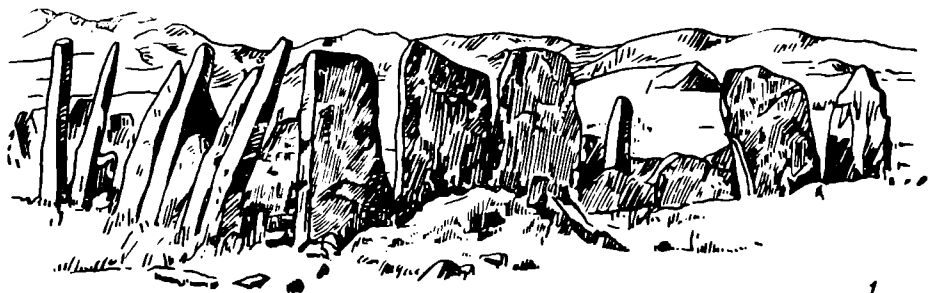

Рис. 15. Бегазы. Внешний вид могил.

1 — могила № 2; 2 — могила № 4. (По Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану).

Все три исследованные погребения оказались разграбленными. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что могилы, как предполагают исследователи, разграблены вскоре после захоронения. Никаких оснований в пользу своего предположения авторы не приводят, а наблюдавшееся ими при раскопках расположение останков погребенного в могиле указывает на то, что разграбление произведено спустя многие десятки или даже сотни лет после захоронения, когда кости не только освободились от мышечных тканей и связок, но и утратили свою прочность. Кости человека и животных находились в могилах и в виде стдельных разрозненных обломков.

Судя по размерам могильных сооружений, их монументальности, погребения могильника Бегазы также принадлежат представителям родоплеменной знати, но от несомненно богатого их инвентаря сохранилось очень немногое. В ограде № 2 (большой) обнаружены только остатки костей человека, «большое количество дробленных костей животных»,

черепки от нескольких сосудов, плоскодонных и с выпуклым дном (рис. 16, 1, 2), два бронзовых наконечника стрел (рис. 16, 3, 4), «костяная застежка» (рис. 16, 6) и «костяная трубочка (буса?)» (рис. 16, 5).

В ограде № 3 (малой), кроме обломков костей человека и животных, найдены черепки нескольких сосудов (рис. 17, 1—4), обломок каменного «оселка» (рис. 17, 7), «круглый заполированный камень, диаметром около 4.5 см», «костяная полированная трубочка (буса?)» (рис. 17, 5), черная буса (рис. 17, 6) и в юго-западном углу могилы «скопление астрагалов барана, лошади и архары».

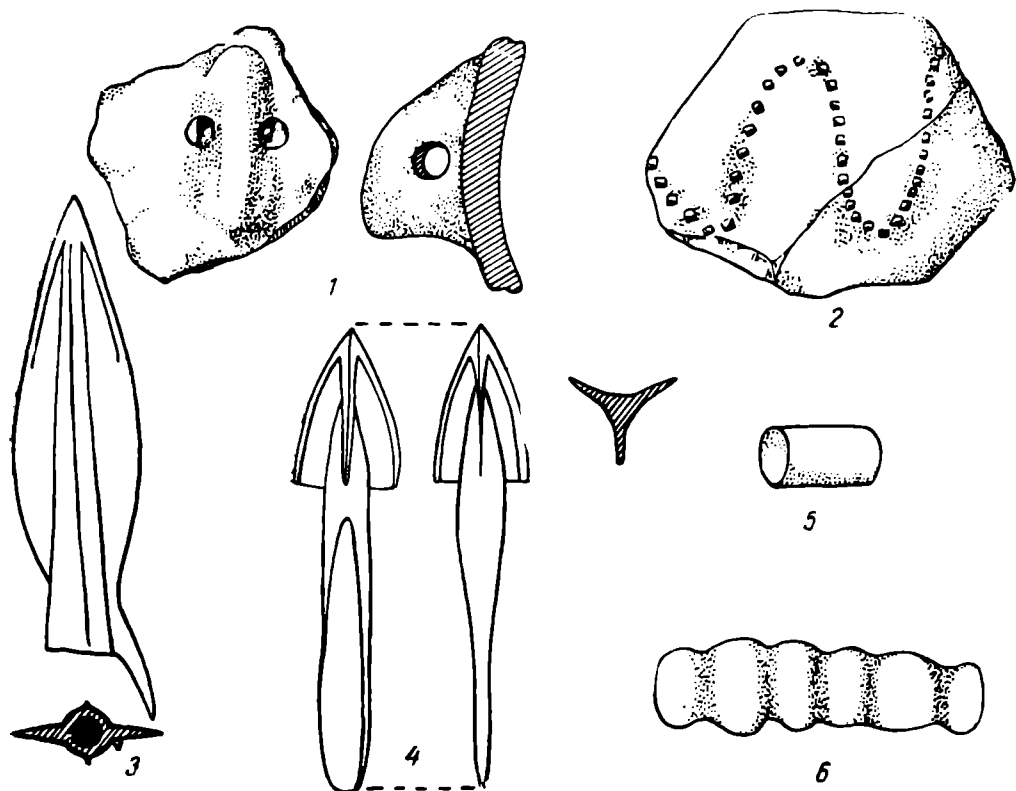

Рис. 16. Бегазы. Вещи из могилы № 2.

3—6 — нат. вел. (По Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану).

Еще меньше находок в ограде № 4, самой малой в могильнике. Здесь «среди перемешанных с землей костей человека и животных были обнаружены»¹ черепки трех сосудов (рис. 18).

Нетрудно видеть, что и по инвентарю погребения могильника Бегазы сходны с дындыбаевским. Здесь также в каждой могиле находится по несколько глиняных сосудов, которые, как и в Дындыбае, сильно варьируют по формам и орнаменту, но принадлежат в общем одному керамическому комплексу. В могилах сохранилась только часть сосудов, притом не полностью. Многие из них представлены лишь незначительными фрагментами. В числе сохранившихся преобладают фрагменты крупных, грубой лепки, плоскодонных сосудов с ногтевым или нарезным орнаментом (рис. 18, 1), подобных сосудам первой группы из погребения в Дындыбае. Среди них следует отметить сосуд с налпным валиком и отогнутым наружу венчиком (рис. 18, 2).

Различные варианты таких сосудов с налпным валиком известны среди керамики предскифского времени в поселениях у с. Малая Крас-

¹ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан, ук. соч., стр. 131.

ноярка на р. Иртыше¹ и с. Мечеть на р. Буконь,² на месте древних горных разработок близ прииска Степняк в Кокчетавских горах и в Алексеевском поселении на р. Тоболе.³ Вместе с тем в могильнике Бегазы представлена и вторая группа сосудов, отличающихся лучшей выделкой, шаровидной формой тулова, более нарядным геометрическим орнаментом, ложенных (рис. 17, 1—4). Как и в Дындыбае, часть из них с выпуклым дном, часть с уплощенным. У некоторых хорошо выражен прямой, характерного типа, венчик (рис. 17, 3, 4).

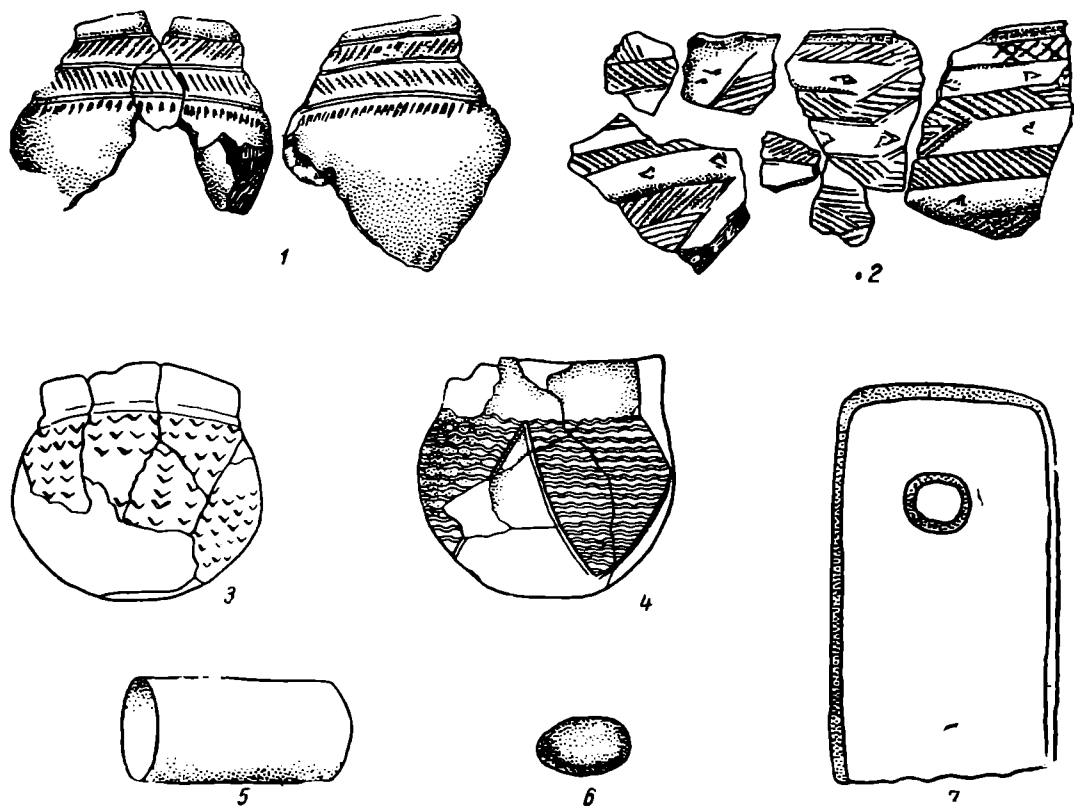

Рис. 17. Бегазы. Вещи из могилы № 3.

5—7 — нат. вел. (По Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану).

Из других вещей надо отметить каменный «оселок» типа, широко распространенного в южной Сибири в скифское время (рис. 17, 7). Однако следует учесть, что один такой «оселок» был найден в погребении карасукского могильника на Долгой Гриве близ д. Камышенки на р. Оби (С. М. Сергеев, 1930). Бронзовые наконечники стрел также принадлежат типам, характерным для раннескифского времени. Один из них, втульчатый, с опущенным вниз шипом (рис. 16, 3), представляет собой форму, которая встречается в памятниках не только раннескифского времени, но и доскифского. Такие наконечники найдены, например, в кургане Малая Цимбалка в Приднепровье⁴ и далеко на севере, в с. Загорье Московской обл. на р. Сестре вместе с бронзовым кельтом сибирского

¹ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, № 67, сер. археолог., вып. 2, Алма-ата, 1950, рис. 12, 1, 2.

² Там же, рис. 3.

³ О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., рис. 56, 10—14: 57, 12—14: 59, 13—18; 61.

⁴ Р. Рау, ук. соч., табл. XIV, 2, Е.

карасукского типа.¹ Другой наконечник стрелы, черешковый, трехперый (рис. 16, 4), принадлежит типу, не известному в Восточной Европе, представленному в крайне ограниченном количестве в памятниках южной Сибири скифского времени и пока не встреченному в памятниках достоверно карасукского времени. Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан указывают на погребение Алеп-аул, № 3, на р. Нуре, как на памятник, аналогичный погребениям в Дындыбае и Бегазы, с чем, повидимому, следует согласиться. В погребении найден бронзовый наконечник стрелы, совершенно подобный рассматриваемому. К сожалению, памятник этот мало выразителен. Сохранились лишь угол каменной ограды, могильная яма

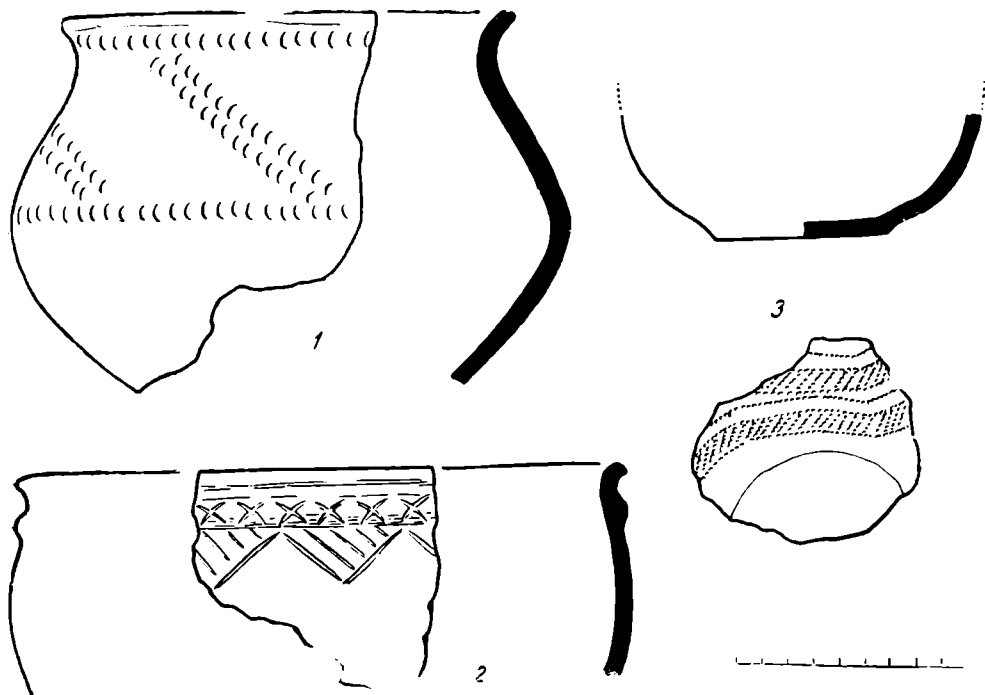

Рис. 18. Бегазы. Керамика из могилы № 4. (По рисункам А. Х. Маргулана).

с лежавшей на краю каменной плитой и наконечник стрелы в засыпке ямы.² Погребение датируется лишь аналогией его с могильниками Бегазы и Дындыбай. Следовательно, его можно рассматривать как третий пункт нахождения погребений типа Дындыбай—Бегазы. Надо отметить, что это погребение находилось на площади, занятой андроновским могильником, где никаких остатков видимых на поверхности прямоугольных оград не наблюдалось.

Как ни малочисленны еще памятники рассматриваемого типа, они настолько своеобразны и характерны, что не может возникнуть сомнения о принадлежности их к особому этапу в развитии культуры древних племен Центрального Казахстана. Наличие сходства их с памятниками андроновской культуры по некоторым элементам формы и орнамента глиняной посуды, с одной стороны, и с памятниками раннескифского времени по формам наконечников стрел и «оселку», типичным для раннескифского времени, но появившимся еще в предскифское время, с другой, — позво-

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, рис. XI, 5—7. — Тр. I АС, стр. XVIII.

² Археологические работы Академии на новостройках. . . , II, стр. 53 и рис. 43.

ляет правильно определить их дату карасукским временем. Основным же критерием для установления их времени служит керамика, типично карасукская в одной своей части и близкая к керамике предскифского времени на Тоболе и далее на запад — в другой, но в обоих случаях вполне своеобразная.

Иначе решают вопрос о датировке этого памятника Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Считая бронзовые наконечники стрел из могильника Бегазы и погребения в Алеп-ауле раннескифскими, а в Монголии относящимися ко времени сооружения плиточных могил (хотя ни одного подобного наконечника в плиточных могилах Монголии и Забайкалья не найдено) и сопоставляя и объединяя «плиточные ограды» могильников Бегазы и Дындыбай¹ с плиточными могилами Забайкалья и Монголии, они датируют их VII—VI вв. до н. э. и считают их «локальным вариантом культуры плиточных могил, занимающей гигантскую территорию». Бронзовые наконечники стрел, как уже показано, принадлежат формам, появившимся еще в предскифское время, т. е. раньше VII в. до н. э., следовательно, они не могут служить основанием для датировки памятников, в которых они найдены, именно VII—VI веками, а не раньше. Сопоставление же бегазинских плиточных оград с плиточными могилами Забайкалья и Монголии является совершенным недоразумением. Только по первому впечатлению при беглом взгляде на памятники можно говорить о некотором их внешнем сходстве. Плиточные могилы Забайкалья и Монголии и каменные ограды Центрального Казахстана представляют собой два принципиально различных типа могильных сооружений. В первом случае — это небольшая, относительно узкая, могила, стены которой сооружены из вертикально поставленных плит, возвышающихся над поверхностью окружающей земли. Во втором — могильная ограда, внутри которой находится просторная квадратная же могила. Стены ограды и могилы такие же, как и в первом случае (Бегазы), или сложены из бутового камня (Дындыбай). Следовательно, могильные сооружения Казахстана, совершенно особого устройства, сходны с монгольскими лишь тем, что стены их в некоторых случаях сооружались из вертикально поставленных плит. Никаких других черт сходства между памятниками Казахстана и монгольскими нет, если не считать случайные находки бронзовых наконечников стрел, широко распространенных по всей степной полосе. Древним племенам Центрального Казахстана не надо было заимствовать из Монголии способ сооружения стен из вертикально поставленных плит. Нет надобности предполагать и переселение их из Монголии в Казахстан и появление в связи с этим обычая сооружать такие стены. Они давно уже были знакомы с этим у себя на родине. В предшествующий исторический период они систематически на своих могилах сооружали стены из вертикально поставленных плит или бутового камня. Недалеко от могильника Бегазы, в урочище Сарыколь, находится обширный андроновский могильник с круглыми и квадратными в плане оградками, сооруженными из вертикально поставленных плит. На больших курганах эти плиты образуют, как и в могильнике Бегазы, высокие стены, возвышающиеся до 1.5 м над уровнем окружающей земли и также слегка наклоненные вовнутрь.²

¹ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан ошибочно предполагают, что ограда в Дындыбае первоначально представляла собой плиточную ограду, совершенно подобную бегазинским. Они введены в заблуждение неточным указанием отчета на «плиты крупных размеров», взятые из могильной ограды строителями Казахского зимника. В действительности, это относительно крупные камни, несколько уплощенной формы, такие же, каких много сохранилось на месте в основании ограды.

² Л. К. Н и ф о н т о в а, ук. соч., стр. 143—147.

Своеобразные формы памятников карасукского времени в Центральном Казахстане явились не результатом проникновения в Казахстан карасукской культуры, как это полагает С. В. Киселев.¹ В этом отношении Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан правы. Но они не правы, реконструируя обширную по распространению «культуру плиточных могил», к одному из вариантов которой принадлежат якобы и памятники Центрального Казахстана. Культура центрально-казахстанских племен карасукского времени сложилась на месте, на основе предшествующей андроновской культуры, несомненно, при тесном культурном взаимодействии с соседними группами племен.

Материалы погребений в могильниках Дындыбай и Бегазы еще недостаточны, чтобы дать полную характеристику представленной ими культуры, но все основные особенности уровня культурного развития, хотя бы и в самых общих чертах, могут быть освещены.

По находкам в Дындыбае и Бегазы можно заключить, что население Центрального Казахстана в карасукское время прекрасно владело техникой бронзовых изделий вплоть до изготовления литых втульчатых наконечников стрел, а мы знаем, что бронзовые стрелы входят в употребление в самом конце эпохи бронзы и наиболее характерны для эпохи раннего железа. Уже одно наличие бронзовых втульчатых стрел говорит о высоком уровне производства бронзовых орудий, о таком уровне, какой характерен для сибирских племен карасукской эпохи. Однако, наряду с этим, техника изготовления каменных орудий отжимной ретушью из сколотых пластинок все еще не забыта. Каково было назначение каменных орудий и насколько велика их роль в быту и хозяйстве, сейчас решить трудно.

Несомненна развитая система хозяйства пастушеского (вероятно, пастушеско-земледельческого) типа. Находка в могилах костей овцы, лошади и собаки мелкой породы говорит о весьма значительном удельном весе скотоводства в хозяйстве. Обилие посуды при умершем, хотя бы и не собственной, разнообразной по назначению свидетельствует о домовитости, что также надо связывать с развитым пастушеско-скотоводческим (и земледельческим) хозяйством. Надо предполагать и развитое домостроительство. Иначе не стали бы устраивать для умершего сооружение с каменными стенами, с бревенчатой пирамидальной крышей, не стали бы воздвигать каменную ограду вокруг могилы. Конечно, могильное сооружение не является точной копией формы жилых и хозяйственных построек, но какое-то представление о строительных приемах оно дает и в данном случае, вероятно, о приемах современных, а не тех, которые сохранились только для культовых сооружений, а в практической жизни применялись когда-то в прежнее время.

Картина погребения в Дындыбае, где могила сохранилась лучше других, дает не полное, но достаточно ясное представление об общественном строе. Прежде всего, погребение в Дындыбае указывает на наличие довольно значительной экономической дифференциации. С переходом к продуктивному скотоводству (в первую очередь молочному), совершившемуся еще в начале андроновской эпохи, скот стал переходить сначала в частное пользование патриархальных семей, а затем и в их частную собственность, что неизбежно вело к неравномерному обогащению отдельных семей. Уже среди памятников андроновской культуры наблюдается заметное различие погребений по богатству положенных с покойником предметов и соответственно по размерам и сложности могильных сооружений. По памятникам карасукского этапа можно отметить даль-

¹ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири, стр. 93.

нейшее развитие этого процесса, и погребение в Дындыбае является примером могилы представителя богатой семьи, занимавшего, должно быть, и какое-то видное общественное положение в роде или племени. Погребение его сопровождалось сложным и, вероятно, пышным ритуалом. В могилу положено много пищи, оружие и, несомненно, другие соответствующие положению и богатству умершего предметы, представлявшие собой значительную ценность, ради которых могила вскоре же подверглась разграблению. Последнее обстоятельство очень важно для характеристики социально-экономических отношений. Это первый по времени известный мне случай разграбления могилы современниками. В условиях первобытно-общинного родового строя расхищение могил современниками было невозможно (если не считать случаев разграбления их иноплеменниками при военных набегах), так как сородичи или соплеменники не могли бы воспользоваться похищенным, не будучи уличенными в своем преступлении. Позже, в эпоху ранних кочевников, при дальнейшем развитии права частной собственности патриархальных семей на средства производства, прежде всего на скот, когда основной экономической единицей общества стала семья, а не род, когда отдельные семьи и их главы стали непосредственно вступать в обмен с семьями других родов и, может быть, племен, расхищение богатых могил соплеменниками, производившееся воровским способом, стало постоянным явлением, так как теперь уже можно было реализовать похищенные из могилы ценности, сохранив это в тайне от своих сородичей. В карасукскую эпоху, в частности — в Казахстане, процесс экономического обособления семьи достиг, повидимому, уже такой стадии, когда стали возможны первые попытки расхищения могил соплеменников. Погребение в Дындыбае — это пока первый и единственный случай разграбления могилы современниками в доскифское время. Однако надо оговориться, что в этом случае нам еще не удалось установить, расхищена ли могила воровским путем соплеменниками, или ее ограбили иноплеменники при вооруженном набеге. Я остановился пока на допущении первого решения вопроса, так как в исторической перспективе оно вполне закономерно.

— Еще одним свидетельством о значительном экономическом обособлении патриархальной семьи служат тамги на двух сосудах (№№ 2 и 5). Появление таких знаков, имеющих форму тамги, характерно для карасукской эпохи. Они имеются на некоторых бронзовых предметах карасукских типов из случайных находок: на ноже из Кулундинской степи,¹ на медной литейной форме для серпа с р. Вавилонки близ г. Змеиногорска² и довольно часто на серпах из Минусинских степей.³ Были ли это родовые или фамильные знаки, они и в том и в другом случае указывают на появление потребности отмечать свою собственность особым знаком (родовым или личным), на упрочение представлений о правах отдельных собственников.

Изложенные соображения о хронологической принадлежности могильников Дындыбай и Бегазы и об уровне культуры оставившего их населения, мне кажется, с несомненностью показывают, что это не какое-то случайное явление среди памятников Казахстана, а вполне закономерный факт в истории его древних племен. В процессе своего исторического развития андроновские племена Центрального Казах-

¹ Коллекция Н. С. Гуляева. ГИМ, инв. № 38160.

² Омский музей.

³ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности, I, 3. МАР, № 15, СПб., 1894, табл. XV, 5, 7, 9. — А. М. Т а л л г е н. Collection Tovostine. Гельсингфорс, 1917, табл. V, 7, 15—17.

стана достигли примерно того же уровня развития своего хозяйства и социального строя, что и племена Енисея, Томи и Оби в карасукскую эпоху. И во внешних проявлениях культуры, в ее этнографическом облике — в частности, в форме и орнаментации посуды — они приобрели много сходных с карасукскими племенами черт. Культуру племен, памятниками которых являются могильники Дындыбай и Бегазы, надо рассматривать как локальный вариант карасукской культуры, другими вариантами которой является собственно карасукская культура Минусинских степей, затем слабо освещенные в археологической литературе памятники района р. Томи и, наконец, верхней Оби. Дальнейшие археологические раскопки в Казахстане, несомненно, откроют со временем значительное количество новых памятников карасукской культуры, которые позволят изучить ее во всех интересующих нас деталях.¹

В Минусинских степях в карасукскую эпоху выработались и получили широкое распространение бронзовые орудия новых форм — ножи и кинжалы с массивной рукоятью, отлитой вместе с клинком и украшенной рисунком из выпуклых линий и точек. Для ножей характерна массивность тыльной части клинка. То же самое имело место и в Казахстане, как это я пытался показать в своей статье «Казахстанский очаг бронзовой культуры».² И там ножи и кинжалы обладали теми же признаками, но формы их были несколько иными. Несколько иными были и несложные орнаменты, украшавшие рукоять. Новые находки бронзовых ножей и кинжалов в районе прииска Степняк и на поселении близ с. Алексеевки совершенно тех же типов, какие были известны ранее только в пределах Восточного Казахстана, позволяют теперь заключить, что орудия казахстанского типа были распространены на обширной территории от западных склонов Алтая и почти до Урала. Это значит, что по производству бронзовых орудий — одному из важнейших элементов культуры — древние племена Казахстана предкифского времени перешли на новый этап, отличный от андроновского и весьма сходный с минусинским карасукским.

Несомненно, на новый этап они перешли и в области производства глиняной посуды. Это отчетливо видно на примере могильников Дындыбай и Бегазы, как будто не вызывающих сомнений в принадлежности их керамики к карасукскому типу. Это можно уловить и при рассмотрении керамического материала с прииска Степняк и с поселений близ Алексеевки, Малая Красноярка и др.

Карасукскую керамику (так же как и андроновскую) Минусинских степей и верхней Оби мы знаем почти исключительно по могильным находкам, следовательно, в виде целых сосудов и в ограниченном наборе форм. В связи с этим определить культурную и хронологическую принадлежность двенадцати полных сосудов из погребения в Дындыбас и нескольких сосудов из могильника Бегазы, несмотря на все их своеобразие, не представило особых трудностей. Гораздо труднее оказалось определение керамики с мест горных разработок близ прииска Степняк и с поселения близ Алексеевки, найденной в обломках, смешанной с обломками посуды андроновского типа и представленной бóльшим количеством форм посуды, чем это имеет место в погребениях. Тем не менее О. А. Кривцова-Гракова сумела в Алексеевском поселении отделить от ранней, типично андроновской, более позднюю керамику — сосуды с налечами и отогнутой шейкой и узкогорлые горшки, но, рас-

¹ Летом минувшего года, когда настоящая статья находилась уже в издательстве, А. Х. Маргулан открыл и раскопал еще несколько могил, подобных рассмотренным, на р. Талды-нура, в 100 км к юго-востоку от Дындыбая.

² См. «Казак», III, Л., 1930, стр. 149—162.

сматривая ее как дальнейшее развитие андроновской керамики, как более близкую к андроновским формам и отличную от карасукских, называет ее андроновской — позднеандоновской.¹

Следует отметить, что керамика Дындыбая и могильника Бегазы, также генетически связанная с андроновской, сохраняющая многие характерные для нее черты, в то же время значительно отличается от карасукской восточных районов ее распространения. Если бы керамика из Дындыбая и Бегазы дошла до нас в виде отдельных обломков, она была бы определена как андроновская с примесью каких-то непонятных более поздних форм (сосуды №№ 8—12). Только обломки венчиков сосудов №№ 7 и 8 давали бы повод вспомнить о карасуке.

Поздняя керамика Алексеевского поселения еще меньше сходна с минусинской карасукской, чем керамика Дындыбая и Бегазы. Больше общих черт она имеет с карасукской керамикой Томи, Оби и Центрального Казахстана. Есть черепки, совершенно аналогичные нарядным сосудам Дындыбая. Отличия, указанные О. А. Кривцовой-Граковой, также находят аналогии в карасукской керамике. Выше уже отмечалось, что для карасукского этапа характерно появление рельефных украшений, в том числе и налешного валика.² Сосуды с отогнутым венчиком есть и на Енисее.³ Узкогорлые сосуды также входят в число форм карасукской посуды.⁴ С другой стороны, как это убедительно показала О. А. Кривцова-Гракова, поздняя алексеевская керамика по своим формам и орнаменту находит весьма близкие аналогии и на западе в памятниках хвалынской и поздней срубной культур.⁵ Не решая вопроса о том, что значительнее — отличия ли поздней алексеевской керамики от андроновской, или черты сходства ее с карасукской и срубно-хвалынской — отметим лишь наличие в ней и того и другого.

Сейчас можно считать установленным, что в предскифское время в разных районах Казахстана жили племена, культура которых, судя по керамике и бронзовым орудиям, была генетически связана с андроновской, но значительно или, во всяком случае, заметно от нее отличалась. Называть культуру этих племен андроновской мне представляется неправильным. В Центральном Казахстане это определенно культура карасукского типа. На западе, в районе Тобола, население предскифского времени было более тесно связано со срубно-хвалынскими племенами, и культура его заметно отличается от культуры карасукских племен. Граница распространения культуры карасукского типа находится где-то восточнее Тобола и Тургая.

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 163.

² С. А. Теплоухов, ук. соч., табл. XIV, 9; XV, 7; XVI, 3.

³ Там же, табл. XII, 30, 37; XVI, 2.

⁴ Например кувшин из раскопок С. М. Сергеева на Оби близ Камышенки в 1930 г. (Эрмитаж, ОИПК, инв. № 252-7). См. также: С. А. Теплоухов, ук. соч., табл. XII, 17. — Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. XIX, 2.

⁵ О. А. Кривцова - Гракова, ук. соч., стр. 153—164.

В. О. ВИТТ

ЛОШАДИ ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ¹

1. Конские могилы Пазырыкских курганов

Во всех Пазырыкских курганах лошади оказывались захороненными в северной части могильной ямы, вдоль северной стены погребальной камеры. Пространство, отводимое под конскую могилу, по своей форме и величине не стояло в прямой зависимости от числа захороненных лошадей.

Число лошадей, захороненных в одном кургане, колебалось от 7 (в кургане № 2) до 14 (в курганах №№ 3 и 4), в кургане № 5 их было 9, в кургане № 1 — 10, в Шибинском кургане — 14.

Максимальное число лошадей в одном кургане (16) на Алтае отметил пока В. В. Радлов в Берельском кургане. На Кубани и в Приднепровье: в Келермесском кургане № 1 было 24 лошади, в № 2 — 16 (или 15? — В. В.), в Елисаветинском — 16, в Александропольском — 16,² в Чертомлыцком было 11 лошадей, в кургане «Козел» — 11, в Чмыревой могиле — 10, в Семибратных курганах число лошадей колебалось от 6 до 13 в одном кургане. Во всех этих случаях, исключая курган № 2 группы «Семь братьев», раскопки фиксируют особые конские могилы.

Совершенно особняком пока стоит Ульский курган с его грандиозным захоронением: 360 лошадей, правильно расположенных по материке около стоек и вокруг столбов, «множество» конских костей по бокам бывшего шатра и более 50 скелетов на высоте 5.35 м от материка.

Каждая следующая конская могила подтверждала высказанное нами в 1940 г. предположение, что лошадей не сбрасывали, а складывали в отведенной для них северной части погребальной ямы. По первому впечатлению всех лиц, производивших раскопки, конские погребения за внешним срубом всегда представляют картину беспорядочной свалки лошадей, убитых или, может быть, даже не добытых. Однако, восстанавливая последовательно положение одного скелета (или трупа) за другим, можно было убедиться, что лошадей отнюдь не бросали как по-

¹ Занимаясь на протяжении 20 лет изучением захоронений лошадей в алтайских курганах, автор статьи обрабатывал по мере поступления материал каждой экспедиции, начиная с 1930 г.; в 1948 г. принимал участие в экспедиции, раскопавшей Пазырыкские курганы №№ 3 и 4, в 1950 г. закончил обработку остеологических и краниологических коллекций курганов №№ 5 и 6. Настоящая статья является краткой сводкой работ 1930—1950 гг. Не могу не выразить благодарности Институту истории материальной культуры Академии Наук СССР и лично С. И. Руденко, которому я обязан возможностью проведения и окончания работы в намеченном плане.

² Принимаем подсчет И. Е. Забелина (История русской жизни с древнейших времен, ч. I, М., 1876, стр. 621).

пало в могильную яму, а укладывали в определенных им местах, в определенном порядке и в определенном положении.

Лишь впоследствии, после того как уже был сооружен курган, конские трупы под воздействием огромного давления, испытываемого в направлении сверху вниз и от северного внешнего края ямы к стене сруба, могли сдавливаться, сдвигаться, опрокидываться на бок, что в отдельных случаях сильно затемняет картину их первоначального расположения.

Порядок размещения лошадей в конской могиле и обычное положение лошадей (поджатые под себя передние и задние ноги, завернутые шея и головы) диктовались, скорее всего, требованием экономии места. Лошадь в положении «раненого оленя»¹ занимает минимум места: около 1.8—1.9 м или еще меньше в длину и всего около 40—45 см в ширину.

В большинстве алтайских курганов конская могила была настолько просторна и, в частности, настолько широка, что позволяла укладывать лошадей в положении «раненого оленя» головами на восток, рядами по 4 лошади в каждом. Такие ряды мы имеем в курганах №№ 1 и 3 Пазырыка, в Шибинском кургане, в Берельском кургане В. В. Радлова. В курганах №№ 2 и 5 Пазырыка в каждом ряду были 3—2 лошади.

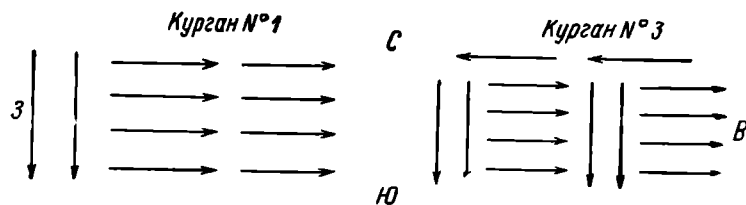

Рис. 1. Схема расположения лошадей в курганах №№ 1 и 3.

Каждый такой ряд из 4 лошадей должен был занять при тесном расположении трупов пространство до 1.9—2.0 м в длину и минимум 1.70—1.80 м в ширину. Поскольку трупы убитых наверху лошадей опускались в яму, вероятно, на веревках, «равнение» лошадей в каждом ряду погребения могло быть лишь весьма относительным, и черепа лошадей одного ряда не обязательно обнаруживаются на одной прямой линии в направлении от севера к югу, в том же ряду одна лошадь могла отчасти прикрыть собой другую.

Если могильная яма была достаточно длинна, то можно было, укладывая лошадей, оставить свободные пространства как между первым и вторым рядами, так даже и сзади второго ряда для того, чтобы уложить 2 или даже 4 лошади уже не в продольном — с запада на восток, — а в поперечном — с севера на юг — направлении.

При погребении 14 лошадей оставалось тогда отыскать еще место для последних двух лошадей. В кургане № 3 свободное пространство нашлось в западной — задней — части конской могилы вдоль наружной ее границы. В других случаях свободного места могло и не оказаться (могильную яму рыли без точного расчета), и тогда лошадей пришлось бы укладывать поверх нижнего ряда.

Схематически расположение коней в курганах №№ 1 и 3 представляется следующим образом (рис. 1).

Укладывать лошадей в могилу начинали, вероятно, с восточной части ямы. На конях первого ряда мы находим более богатые уборы. Osteологическое исследование говорит о том, что в первом ряду помещались лучшие лошади.

¹ На подобное положение лошади обратил внимание впервые А. Е. Люценко при раскопке Александропольского кургана в 1855 г.

Можно даже добавить, что любимый, собственного седла, конь вождя (он же и самый крупный из коней погребения и нередко уже старый, достигший возраста 18—20 лет и более) занимал, как правило, крайнее место или слева, или справа в переднем ряду. Его узда, седло и «погребальная маска» достойны особого внимания археологов. Похоже, что его опустили в могилу первым.

В восточной части захоронения каждая лошадь без помехи занимала предназначенное ей место. В западной части последним лошадям места уже не хватало, приходилось нарушать порядок их захоронения. Поэтому при вскрытии западная часть конского захоронения дает более путаную картину по сравнению с восточной и более трудную для расшифровки.

Выше были даны схемы типичного, так сказать, расположения лошадей в конской могиле; однако строго определенное расположение их вовсе не требовалось ритуалом погребения. Это доказывает курган № 4, в котором мы увидели совсем иное, отличающееся от обычного, размещение лошадей в каждой могиле.

В этом кургане после сооружения погребальной камеры оставшееся свободным для конского захоронения пространство было значительно меньше обычного. В частности, яма была очень узкой (1.20 м в самой широкой части), и класть лошадей поперек было нельзя. Нельзя было и уместить 4 лошади в ряд. От традиционного расположения пришлось отказаться. Была применена другая система размещения, другой способ укладки, который обеспечивал наилучшее, наиболее экономное использование площади. Он виден на прилагаемой схеме (рис. 2).

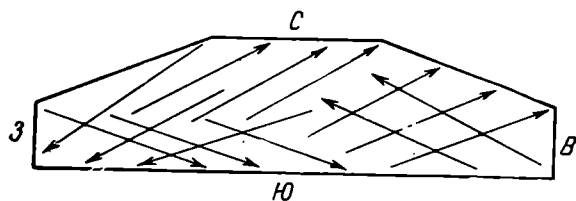

Рис. 2. Схема расположения лошадей в кургане № 4.

Девять лошадей были уложены вкось, — шесть из них головами к наружному краю ямы (в направлении к СВ) и три головами к стене камеры (в направлении к ЮВ). При подобном косом расположении трупов, в длину для каждого находилось достаточно места, а в ширину для каждого довольно было всего 30—35 см, так как наиболее широкие части, например тазы, одной лошади не совпадали с такими же другой.

И все же для 5 лошадей площади не хватало, и их пришлось положить поверх первого слоя, при этом также вкось, но уже головами не к востоку, а к западу, т. е. в обратном направлении и поперек прежде уложенных трупов. Получилась очень плотная укладка, «упаковка» трупов в тесной яме.

При вскрытии конского могильника он неминуемо должен был произвести впечатление беспорядочной смеси лежащих друг на друге черепов и тазов, позвонков и конечностей.

Все без исключения лошади Пазырыкских курганов — мужского пола; такими же были и лошади вообще всех алтайских курганных захоронений, включая и рядовые погребения Арагола, Бийска, Катанды. Были ли они жеребцами или кастрированными особями, меринами, мы разберем ниже. Почти в каждом кургане, помимо полновозрастных лошадей, встречались и молодые экземпляры — 3—3½ и даже 2—2½ лет, притом молодые лошади принадлежали к числу лучших, более крупных и породных лошадей погребения. Рассмотрению и посильному объяснению этого обстоятельства будет также уделено особое место.

Сохранность остатков лошадей была неодинаковой. Наилучшей она была в курганах №№ 1 и 5. Видеть в них группы *in situ* нам не пришлось. Но и во всех других курганах остатки шерстного покрова, гривы и хвосты дают возможность определить масти лошади. Бросается в глаза совершенное отсутствие таких распространенных ныне в этой зоне мастей, как серая, мышастая, чалая, пегая и др. Гнедые и близкие к ним по окраске лошади встречаются как исключение. В подавляющем большинстве своем лошади Пазырыкских курганов были рыжей масти, различных оттенков, от темнорыжей, почти бурой, до светлой, золотистой.

Ни в одном случае не пришлось констатировать каких-либо белых отметин на голове и на ногах, отметин, столь обычных в настоящее время именно у рыжих лошадей. Легко объяснимо, почему конники древности избегали лошадей с белыми отметинами. Пока человек не овладел искусствомковки, качество и крепость копытного рога лошади имели совершенно исключительное значение. А у лошадей с белыми отметинами на конечностях копытный рог — светло окрашенный и ломкий.

Рис. 3. Конь № 10 из кургана № 1.

Обращает на себя внимание «туалет» лошадей. У большинства из них, но не у всех, как мы в этом могли убедиться лично при раскопках 1948 г., челка и гривы торчащие, коротко подстриженные, длиной всего до 10—12 см. Такими видим мы их на многих статуях и барельефах работы греческих мастеров, начиная с последних десятилетий VI в. до н. э. Ранее лошади изображались в Греции всегда с длинной волнистой гривой. «Долгогривые» или «пышногривые» кони — обычный эпитет у Гомера:

Первое по времени дошедшее до нас изображение персидского всадника в архаической скульптуре Акрополя (фрагмент, датируемый 510—500 г. до н. э.) представляет нам такую лошадь с торчащей подстриженной гривой.¹

Однако акропольский мрамор не дает нам изображения того нагривника из войлока, который сохранился в неприкосновенности, например, на гриве рыжего коня из кургана № 1 (рис. 3).

Нагривник угадывается на некоторых изображениях коней Ассирии и явственно виден — притом такой же формы, как пазырыкский нагривник, — на передней лошади погребального кортежа в Ксанфе (рис. 4).

А. Смит датирует фриз гробницы в Ксанфе 545 г. до н. э., т. е. временем непосредственно после завоевания Ксанфа персами,² и мне эта

¹ См.: Н. Schraeder. Auswahl archaischer Marmor Sculpturen im Akropolis Museum. 1913, стр. 49, рис. 53.

² А. Н. Smith. A catalogue of sculpture in the Department of Greek and Roman antiquities. British Museum. т. I, Лондон, 1892, стр. 49—51 (86, 2—4).

датировка представляется более обоснованной, чем датировка Г. Рихтер — около 470 г.¹

В произведениях классического и эллинистического периодов мы не находим более изображений нагривников; повидимому, они уже вышли из употребления. Наоборот, художник старается сеткой линий подчеркнуть волосы гривы, приходящие иногда в беспорядок от быстрой скачки (например амазонка на фризе Мавзолея) или в пылу боя (например лошади на так называемом «саркофаге Александра»).

Выше, говоря о находках «погребальных масок», я взял эти слова в кавычки, ибо возможно, как мне кажется, что эти «маски» были своеобразными пышными начельниками, употребительными не только при погребениях, но и в других торжественных случаях. Начельники, иногда весьма причудливые, известны с незапамятных времен по многим египетским и ассирийским изображениям. Усматриваю я начельник, а не просто волосы челки, собранные в пучок, и у коня Ксанфского фриза.

Хвосты пазырыкских лошадей сохранили во многих случаях их прижизненный убор. Они были либо перехвачены узлом посередине, либо даже заплетены в косы, иногда очень искусно.

Схваченные узлом хвосты мы видим часто на ассирийских изображениях поздней эпохи, на урартских (например на шлеме Сардура), а впоследствии на персидских, среднеазиатских (например у лошадей на умбоне Амударьинского клада) и, можно сказать, на всех без исключения сасанидских.

В противоположность этому восточному убранству коней, на всех изображениях лошадей — из Парфенона, Олимпии, на Чертомлыцкой вазе, у греческих мастеров метрополии и Причерноморья мы видим свободно распущенные хвосты. В вещах из курганов Таврии и Приднепровья

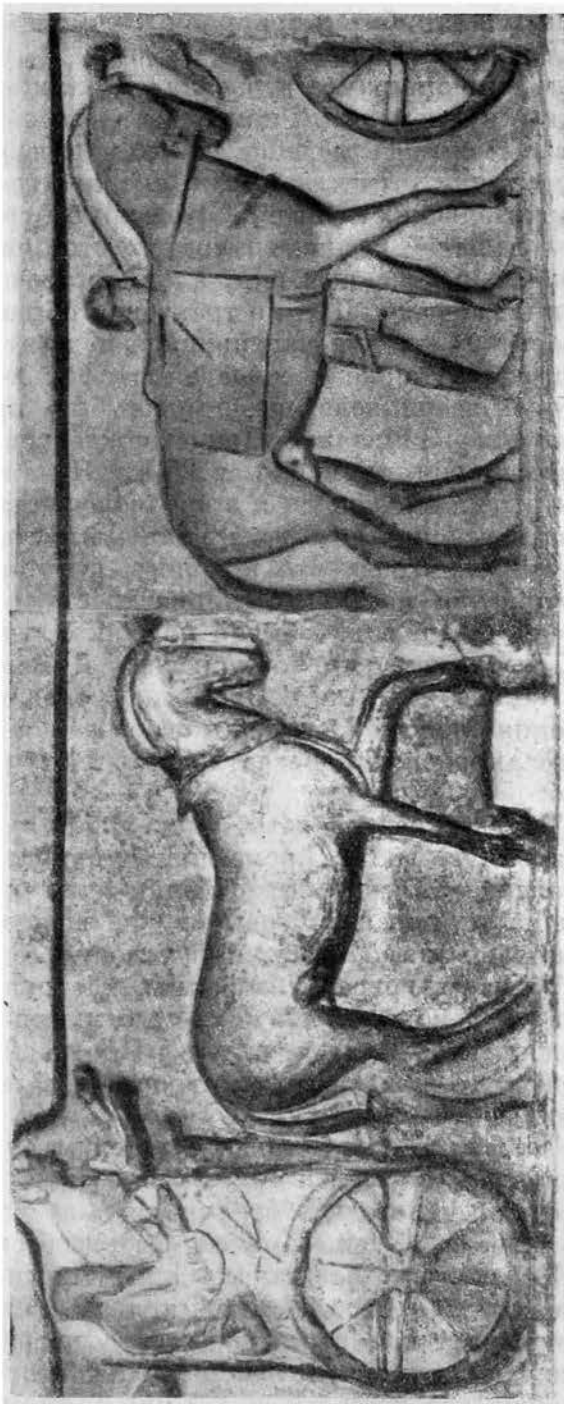

Рис. 4. Лошади на фризе гробницы в Ксанфе.

¹ Gisela M. Richter. *Animals in Greek sculpture*. Лондон, 1930.

изображения лошадей с узлом на хвосте очень редки. Таково, например, налучье Чертомлыцкого кургана, но оно восточной работы, «беспримесного ахеменидского стиля V или IV века», по выражению авторов «Русских древностей».¹

Заплетание хвоста в косу вряд ли имело место в быту и скорее является атрибутом траурной церемонии.

Возникает вопрос, может быть и остриженные волосы гривы тоже лишь символ траура и печали? У эллинов этот прием — стричь лошадям гривы в знак горя или беды — засвидетельствован рядом указаний. После смерти Гефестнона Александр остриг гривы его лошадям и мулам. Сиракузяне, отмечая поражение врага, остригли гривы у захваченных неприятельских лошадей.² Но если бы гривы были острижены у пазырыкских лошадей в знак траура, то этот ритуал был бы соблюден для всех лошадей без исключения, а нам встречались в погребениях и неостриженные лошади. Против трактовки обычая стричь гривы как траурного говорит и наличие нагривников и десятки изображений коней древнего Востока, а также и лошадей скифов юга России, и еще одна деталь, которая всеми желающими может быть проверена на коне, выставленном в витрине Эрмитажа. При стрижке гривы у холки оставлялась прядь волос длиной, примерно, в 25 см. Ясно, что лошадь была острижена еще при жизни владельца, и прядь волос оставлена для того, чтобы за нее мог хватиться всадник, вскакивая на лошадь.

Отмечаем еще, что и волосы репицы хвоста тоже подстригались на протяжении до 25 см от корня хвоста, что должно было придавать коню своеобразный вид. Обычай подобной стрижки хвоста бытовал вплоть до XX в. среди туркмен-коневодов.³

Каковы же были в Пазырыке условия содержания, кормления и разведения лошадей, часть которых во всяком случае по своей внешности производит впечатление животных, окруженных вниманием и заботой человека?

Трудно предполагать какую-либо иную форму конеразведения в столь отдаленную эпоху, кроме примитивного степного коневодства. Все же алтайские конские захоронения дают нам некоторые косвенные указания на то, что для боевых коней вождя и знати могли быть созданы и несколько иные, необычные условия содержания и кормления.

Та часть погребальной ямы, которую отводили в Пазырыкских курганах под конскую могилу, по большей части имеет сверху перекрытие, как бы «навес» над лошадьми. При раскопках кургана № 3 обнаружено также, что лошади лежали не на голой земле, а на подстилке из стеблей курильского чая.

Естественно поэтому предположить, что и при жизни, если и не все, то лучшая часть из них, боевые кони, пользовались какими-то укрытиями от непогоды, стояли не под открытым небом, а под навесами во дворах и даже, может быть, обеспечивались подстилкой.

На роговых башмаках копыт многих лошадей мы видим неровные складки, так называемые «кольца», свидетельствующие о пережитых голодовках, как известно, весьма нередких в условиях зимнего содержания под открытым небом, на тебеневочном подножном корму. Значит, большинство лошадей зимой или совсем не подкармливалось, или получало очень скудную подкормку.

¹ Н. П. Кондаков и И. И. Толстой. Русские древности в памятниках искусства, т. II. 1889, стр. 146.

² Плутарх. Никиас.

³ В. П. Колосовский. Лошади Туркестана. Ташкент, 1910.

В то же время копыта, точнее, роговые башмаки копыт у лучших, «собственного седла» коней этой картины не дают. Значит, на зиму для них создавались особые, отличные от обычных условия.

Наконец, последний аргумент в пользу нашего мнения был получен С. И. Руденко при раскопке в 1949 г. кургана № 5. Это погребение, в отличие от большинства других, осенних по времени захоронения, совпало с периодом раннего алтайского лета. Большинство сохранившихся в условиях вечной мерзлоты трупов лошадей принадлежало лошадям истощенным, и только один конь выделялся среди всех своей хорошей упитанностью. Это был конь № 9 по журналу. При нем была найдена «маска», украшенная головой оленя, и узда, украшенная головками львов.

После проведенного нами исследования черепа и скелета коня № 9 оказалось, что он выделяется по своей крупности и типу среди всех лошадей кургана № 5.

Несомненно, он был «собственного седла», конем вождя, и также несомненно, что предыдущей зимой (перед захоронением) его иначе содержали, чем других лошадей.

И еще раз следует подчеркнуть, что своих заслуженных боевых коней скифы Алтая ценили и по возможности сберегали до старости (иногда до возраста свыше 20 лет), что было достижимо лишь при индивидуальном отношении к лошади и заботливом уходе за ней. В древности владельцы хороших коней не расставались с ними до самой их смерти, ибо добыть такую лошадь было нелегко, нелегко было и заменить ее. Общеизвестно, что и Буцефал сопутствовал своему хозяину в походах до 30-летнего возраста, пока не пал в далекой Индии.

2. Обзор остеологического и краниологического материала

Начинать приходится с истории вопроса.

Уже 20 лет тому назад, после раскопок Пазырыкского кургана № 1, мы были поражены, увидав в числе захороненных лошадей таких коней, какие ныне более не попадаются среди местных лошадей Алтая, значительно более крупных и породных по сравнению с последними.

Обработывая остеологический материал кургана № 1, нам нетрудно было наметить наличие лошадей, по меньшей мере, двух типов: один представлял собой обычную для районов северных степей и предгорий мелкую лошадку, иной раз не превышавшую 130 см высоты в холке, т. е. примерно того же роста, как и современная алтайская лошадь, второй — лошадь, достигавшую крупности современной арабской породы, 146—150 см в холке. Притом более крупные кони Пазырыкского кургана № 1 отличались более верховым складом, имели более длинные шеи, более породные головы, более стройные конечности, более компактное, не столь растянутое, как у мелких лошадок, туловище и, в отличие от мелких лошадей, все были яркорыжей масти.

При жизни эти кони скифов Алтая должны были резко отличаться по всему своему облику от известного изображения подседланной лошади скифа на Чертомлыцкой вазе.

В связи с тем, что курган № 1 явно обнаруживал следы культурных связей алтайских скифов со Средней и Передней Азией, нами было высказано предположение, что эти кони попали к скифскому вождю скорее всего при торговых сношениях или как военная добыча из районов Средней Азии, издавна славившихся своим коневодством.

В дальнейшем эта концепция была воспринята многими исследователями прошлого нашей Родины.

В первой своей части, которая говорит о неоднородности, разнотипности лошадей алтайских курганных погребений, наше первоначальное впечатление осталось несколько не поколебленным, наоборот, даже укрепленным, я бы сказал, утвержденным всеми последующими находками.

Предположение же о среднеазиатском происхождении верховых коней Пазырыка или даже о выводе этих коней из пределов Средней Азии, подобно тому как выводились из Средней Азии «небесные кони» в Китай в конце II в. до н. э., пришло уже время подвергнуть серьезному пересмотру в связи с накопившимся по алтайским погребениям остеологическим материалом и большим количеством появившихся за последнее десятилетие работ советских археологов и историков, в первую очередь В. В. Струве, С. П. Толстова, С. В. Киселева, С. И. Руденко, М. П. Грязнова, А. Ю. Якубовского, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама и многих других.

В 30-х годах основным методом моей работы по необходимости был индивидуальный анализ скелетов и черепов из кургана № 1. Сосредоточив внимание на отдельных выдающихся экземплярах коней, которые близко подходили по облику своему к описанной в классической литературе и увековеченной в произведениях мастеров изобразительного искусства лошади древнего Востока, я естественно должен был выдвинуть наиболее простую версию появления их на Алтае. Я и написал (в 1937 г.), что «наиболее вероятное объяснение проникновения этих лошадей на далекий север — это путь войн и добыч», хотя все же оговаривал и возможность «хотя бы в качестве исключения» выращивания молодняка этой породы и на месте.¹ Возможность появления коней подобного типа среди лошадей местной породы представлялась почти невероятной.

Однако, по мере того как накапливался материал, как собирались остеологические и краниологические серпы, как заполнялись разрывы между отдельными особями остеологических коллекций, прежде невероятное становилось возможным и вероятным.

И нашей первой обязанностью являются разбор и анализ заново всего имеющегося материала, самокритический пересмотр, к которому исследователь должен приступить, не чувствуя себя связанным предшествующими своими высказываниями, хотя бы они и не вызвали в свое время критики и возражений.

Исследуя лошадей алтайских курганов в 1950 г., мы находились в лучших условиях, чем в 1940 г.

В нашем распоряжении была более или менее полная серия костных остатков 56 полновозрастных лошадей из шести Пазырыкских курганов и из кургана Шибэ и 13 экземпляров молодых лошадей из тех же погребений. Кроме того, мы могли использовать отдельные кости (не полные скелеты) не менее чем от 8 взрослых и 10 малолетних лошадей из рядовых погребений (Арагол, Катанда, Бийск-Сростки, Куюм).

Первая трудность, которая встречается на пути исследователя, — чрезвычайная неоднородность, неоднотипность исследуемого материала.

Абсолютные величины основных промеров, взятых на черепах и костях скелетов взрослых лошадей, колеблются в очень широких пределах.

¹ В. О. Витт. Лошадь древнего Востока. Сб. «Конские породы Средней Азии», 1937, стр. 26.

Основная длина черепа	451—520	мм
Теменная » »	500—581.5	»
Наибольшая ширина лба	189—220	»
Длина верхнего зубного ряда	153—180	»
Длина диастемы	67—112.5	»
Длина нижней челюсти	392—439.5	»
Длина (суммарная):		
шейных позвонков	497—568	»
спишных »	713—782	»
поясничных »	226—301	»
крестцовых »	174—204	»

	Наибольшая длина	Ширина диафиза
Пястная кость (Mc III) ¹	205—236 мм	30—36 мм
Лучевая » (R)	312.5—353 »	35—42 »
Плечевая » (H)	275—321 »	31—39 »
Лопатка (Sc)	322—368 »	—
Плюсневая кость (Mt III)	250—285 »	28—33 »
Большая берцовая (T)	336—381 »	35—44 »
Бедренная (F)	370—422 »	36—50 »
Длина половины таза (P) по прямой	394—470 »	—

Далеко не все промеры обнаруживают одинаковую изменчивость. Так, например, длина верхних и нижних отделов конечностей колеблется в больших границах, промеры длины R и T — в меньших. Их меньшая изменчивость засвидетельствована и всей палеонтологической историей рода *Equus*. В истории рода *Equus* мы неоднократно имеем случаи либо удлинения Mc и Mt при одновременном укорочении H и F, либо, наоборот, удлинения H и F при одновременном укорочении Mc и Mt.² Величина же R и T в процентах от всей длины конечности остается значительно более постоянной. Поэтому при восстановлении крупности (высоты в холке) ископаемых лошадей, если это восстановление приходится производить по отдельным разрозненным костям, наиболее надежные результаты дает вычисление именно по длине R или F.

В нашем случае восстановление прижизненного роста лошадей может быть произведено с большей точностью, так как в нашем распоряжении имеются полные скелеты.

3. Рост лошадей алтайских курганов

При вычислении роста мы руководствовались таблицей, разработанной нами на основе многолетнего изучения как ископаемых, так и современных лошадей, причем в последнем случае предпочтительно таких, рост которых при их жизни был точно измерен, от мелких пони до крупных рысаков и тяжеловесов.

При делении лошадей на группы или категории по их величине — мелкие, средние и т. д. — мы не считаем возможным придерживаться ни деления Черского,³ ни деления Дюрста.⁴ Считаем, что первое устарело и нуждается в уточнениях,⁵ а второе может относиться лишь к со-

¹ В дальнейших таблицах и графиках кости конечностей будут обозначаться сокращенно одними первыми буквами их латинских названий (Mc, R, H, Sc и т. д.).

² В. И. Громова. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете, ч. I и II. Тр. Палеонтолог. инст., т. XVII, вып. 1—2, АН СССР, 1949.

³ И. Черский. Описание коллекции послетретичных млекопитающих, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885—1886 гг. Прил. к т. 66 Зап. Акад. Наук, 1891.

⁴ J. U. Duerst. Die Beurtheilung des Pferdes. Stuttgart, 1922.

⁵ Всех лошадей по их росту Черский делит на 4 группы; в основу деления он кладет длину черепа: лошади с основной длиной черепа свыше 530 мм — высоко-рослые, с длиной 495—530 мм — рослые, с длиной 460—494 мм — средние и до 459 мм — малорослые.

Опыт деления ископаемых форм Equus

	Гиганты	Очень крупные	Крупные
Calvarium (C) (основная длина)	> 575	575—550	550—525
H (наибольшая длина)	> 370	370—350	350—330
R » »	> 410	410—390	390—370
Mc III » »	> 280	280—265	265—250
F » »	> 470	470—450	450—430
T » »	> 425	425—405	405—385
Mt III » »	> 320	320—305	305—290
Соответствует высоте в холке	> 168 см	168—160 см	160—152 см

временным хозяйственным типам лошади и грешит отсутствием исторического — палеонтологического и археологического — подхода.

Предлагаемая ныне вниманию читателей таблица (табл. 1), являясь первым подходом к более точному определению крупности ископаемых форм *Equus caballus*, как нам кажется, может оказать известную помощь палеозоологам, археологам и историкам материальной культуры в их работе, ибо до настоящего времени нередко, особенно в иностранной литературе, случаи резко ошибочного или очень неточного определения роста ископаемых лошадей.

Минуя многие неверные определения, мы приведем только один-два примера. Осторожный исследователь, крупный знаток истории домашних животных Хильцхеймер,¹ обрабатывая материалы раскопок из Лоссов, принужден был определять рост ископаемых лошадей очень неточно, лишь приблизительно. Рост «большой» лошади Хильцхеймер вычислил от 144 до 156 см. Основные промеры ее: длина черепа — 495, R — 337, Mc — 224, M — 268 мм — при сопоставлении с таблицей указывают на рост около 140 см. «Маленькая» лошадь из Лоссов, по мнению того же автора, должна была быть 123—145 см высоты: «определение» очень неопределенное и мало помогающее историческому изучению. На самом деле легко убедиться, что рост этой лошади мог колебаться лишь в пределах 130—135 см, так как промеры ее: длина черепа — 470, Mc — 210—211, Mt — 241—242 мм.

Другой пример еще более разительный. Дело идет о лошадях известных швейцарских раскопок эпохи Латен.² Рост этих «гельветско-галльских» лошадей западноевропейскими учеными никогда не определялся ниже 139—141 см, а иногда и значительно выше.

Промеры найденных костей конечностей колебались в пределах: H — 240—269, F — 361 (1 экз.), R — 303—314, T — 300—311. Mc — 195—211, Mt — 214—218 мм. Достаточно сравнить эти промеры с контрольными цифрами нашей таблицы, чтобы убедиться, что лошади из Латен относятся к числу мелких и очень мелких по классификации нашей таблицы. Лучшие экземпляры их достигали максимально 130 см высоты в холке, а были лошадки и ниже 120 см.

¹ M. H i l z h e i m e r. Die Tierknochen aus den Gruben des Lossower Ringwalls. Abhandl. d. Preuss. Akad., phil.-hist. Klasse, № 5, Берлин, 1922.

² J. M a r e k. Das gelwetsch-gallische Pferd. Abhandl. d. Schweiz. Paläontol. Gesellschaft, т. 25, 1898. — J. D u e r s t. Animal remains from the excavations in Anau (R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan. Carnegie Institution publications, 73, Вашингтон, 1908). — О н ж е. Kulturhistorische Studien zur schweizerischen Pferdezucht. Берн (год не обозначен).

ЛИЦА 1

caballus по их величине (в мм)

Выше средних (рослые)	Средние по росту	Ниже средних (малорослые)	Мелкие	Очень мелкие	Карлики
525—500	500—475	475—450	450—425	425—400	< 400
330—310	310—290	290—270	270—250	250—230	< 230
370—350	350—330	330—310	310—290	290—270	< 270
250—235	235—220	220—205	205—190	190—175	< 175
430—410	410—390	390—370	370—350	350—330	< 330
385—365	365—345	345—325	325—305	305—285	< 285
290—275	275—260	260—245	245—230	230—215	< 215
152—144 см	144—136 см	136—128 см	128—120 см	120—112 см	< 112 см

В отношении лошадей Алтайских курганов проведенное возможно точно определение роста крайних вариантов дает следующие результаты:

а) высота в холке самых маленьких экземпляров — 128—130 см;

б) высота в холке наиболее крупных — 148—150 см, но не более, однако и это очень много для столь отдаленной эпохи. И в наше время, в XX в., высота в холке 146—150 см — это обычный рост такой всемирноизвестной верховой породы, как арабская лошадь.

Всех лошадей шести пазырыкских курганов и кургана Шибе мы разделили на 4 группы:

- Группа I — с основной длиной черепа более 505 мм (n — 8),
- » II » » » » равной 505—490 » (n — 20),
- » III » » » » » 490—475 » (n — 14),
- » IV » » » » » менее 475 » (n — 14).

По всем остальным промерам черепа и скелета были подсчитаны средние величины отдельно по каждой группе. Они представлены в табл. 2 и 3.

ТАБЛИЦА 2

Абсолютные промеры черепа и нижней челюсти (в мм)
(Средние по группам)

Группы	Основная длина	Теменная длина	Наибольшая ширина лба	Длина верхнего зубного ряда	Длина нижней челюсти
I	512	562	212.3	169.1	428.4
II	498	545.5	207.2	166.6	418
III	483	533.2	204.5	166.3	407.7
IV	463.7	517.8	200.8	164.3	400.1

ТАБЛИЦА 3

Абсолютные промеры длины костей конечностей (в мм)
(Средние по группам)

Группы	Sc	P	H	F	R	T	Mc III	Mt III
I	359.5	458.0	312.5	416	351.8	372.8	235	280.2
II	348.6	441.6	298.8	401.2	337.2	360.8	227.0	270.2
III	338.1	430.2	290.2	391.5	330.0	351.1	223.2	266.5
IV	330.1	418.0	282.8	382.1	321.1	343.2	216.4	260.3

Вычисленный на основании этих средних величин промеров конских скелетов средний рост лошадей каждой из групп должен был составлять: по группе I — 145, по группе II — 140, по группе III — 136, по группе IV — 132 см.

У лошадей группы II и в особенности группы I, в которую вошли по одной, много по две лошади из каждого кургана, лучшие из коней «собственного седла», кости всех отделов конечностей определенно выделяются своей длиной. Одновременно они обнаруживают и другую особенность строения: толщина их не увеличена пропорционально их длине, поэтому кости конечностей у лошадей группы I и II относительно тоньше при сравнении с костями лошадей группы III и IV.

Для доказательства приводим таблицу (табл. 4) средних и крайних величин одного из наиболее показательных промеров — ширины диафиза трубчатых костей, а также таблицу (табл. 5) средних значений индекса «тонкокости» $\frac{\text{ширина диафиза} \times 100}{\text{длина кости}}$ по каждой из четырех групп

ТАБЛИЦА 4
Абсолютные промеры ширины диафиза (в мм)

Группы	II	F	R	T	Mc III	Mt III
I { средние крайние	37.0 (36—38)	43.2 (41—50)	40.6 (39—42)	42.1 (40—45)	33.8 (33—35)	32 (31—33)
II { средние крайние	35.2 (33—37.5)	41.3 (37—45)	39.0 (35—41.5)	40.9 (38—43.5)	33.0 (30—36)	30.4 (28—32)
III { средние крайние	35.8 (33.5—39)	41 (38—44)	39.2 (37—41)	41.3 (38—44)	33.5 (32—34.5)	30.75 (28—33)
IV { средние крайние	33.9 (31—37.5)	39.5 (36—42)	37.3 (35—39)	39.3 (35—44)	32.3 (30.5—34)	30.1 (28—33)

ТАБЛИЦА 5
Индексы тонкокости
(Средние величины по группам)

Группы	II	F	R	T	Mc	Mt
I	11.7	10.4	11.6	11.3	14.1	11.4
II	11.8	10.3	11.6	11.3	14.5	11.1
III	12.3	10.5	11.9	11.8	15.0	11.5
IV	12.0	10.3	11.7	11.5	14.9	11.55

Отличия в длине и тонкости трубчатых костей настолько велики, что они легко улавливаются даже на глаз. Приводим в качестве иллюстрации несколько попарных фотографий костей конечностей, выбранных из одного и того же кургана (рис. 5—8).

Из помещаемой дополнительно диаграммы видно, что по тонкости, стройности своих конечностей группы I и II курганных лошадей отличаются от групп III и IV — я говорю о целых группах, а не об отдельных экземплярах, крайних вариантах, — лишь немногим менее, чем современная арабская лошадь отличается от курганных лошадей группы I и II (рис. 9).

Рис. 5. Scapulae №№ 254 и 257.

Рис. 6. Humeri №№ 254 и 257.

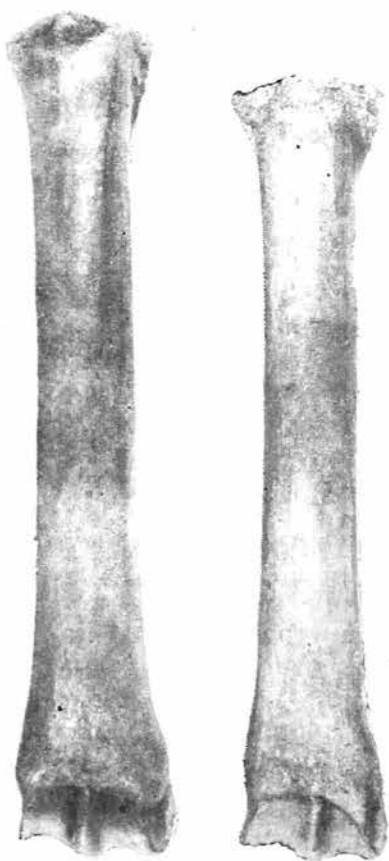

Рис. 7. Мс III №№ 15440 и 15441 из кургана № 1.

Исследователю, которому попались бы в руки всего только два скелета лошадей, столь резко отличающихся один от другого, как отдельные экземпляры из группы I от экземпляров из группы IV, ничего другого не оставалось бы, как признать таких двух лошадей принадлежащими к двум разным породам, тем более, что дальнейшее краниологическое и остеологическое изучение обязательно констатирует еще ряд

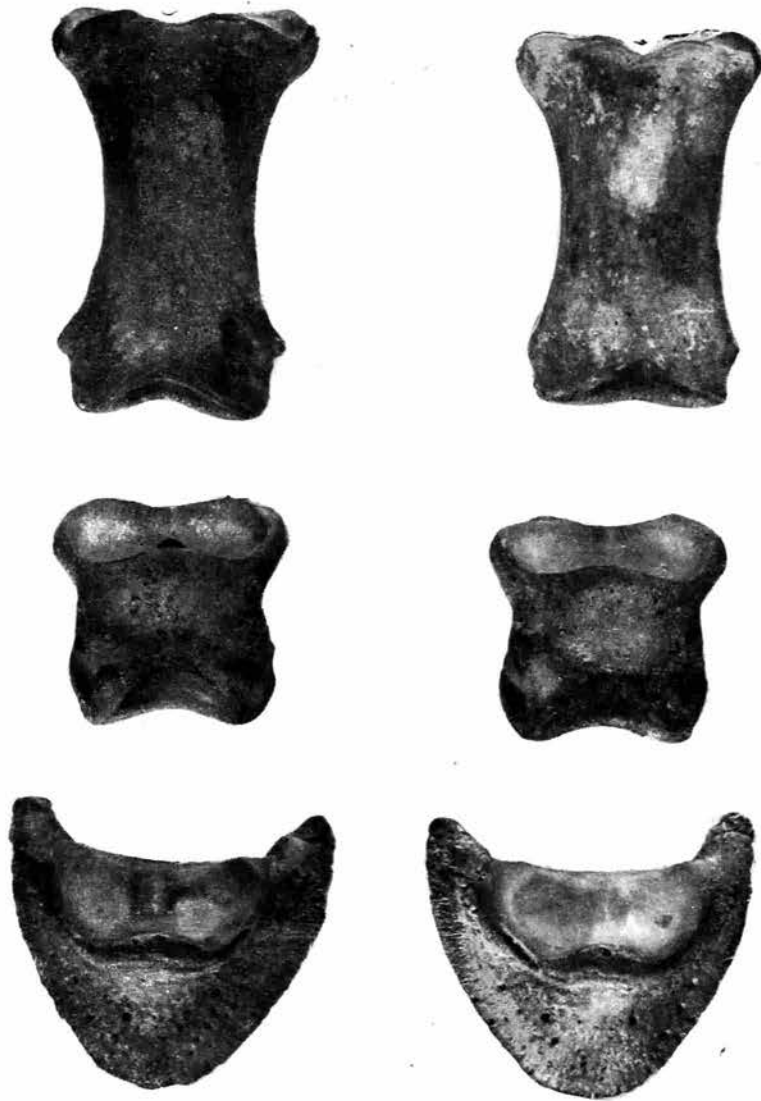

Рис. 8. Phalanges posteriores (I II, III) №№ 15440 и 15441.

отличий в строении головы, в складе и экстерьере лучших верховых коней из групп I и II по сравнению с лошадьми группы III и IV. Головы у них относительно более легкие, относительно более узкие и длинные, профиль другой формы — не прямой или вогнутый, а волнисто-выпуклый, зубной ряд относительно короче, а диастема значительно длиннее (рис. 10—12).

Шея у коней группы I определенно более длинная, а туловище по сравнению с конечностями более короткое, компактное; передние ноги несколько удлинены по сравнению с задними. Все это — черты и особенности склада, которыми и ныне отличаются лошади и породы лошадей специального верхового назначения.

И все же ряд соображений препятствует нам объявить мелкую приземистую лошадь алтайских курганов в 130—135 см роста местной породой, а крупную лошадь в 145—150 см, тонкокоственную и более верхового склада, — породой чужеземной, ввозимой на Алтай, и в связи с этим, по неизбежности, лошадь среднего роста, 136—144 см в холке и менее дифференцированного типа, — продуктом смешения, или скрещивания двух пород. Попытки подобного объяснения делались, и гипотеза разведения на Пазырыке помесей различных пород лошадей предлагалась С. В. Афанасьевым как выход из затруднений, встретившихся на его пути при краниологическом изучении черепов из кургана № 1.¹

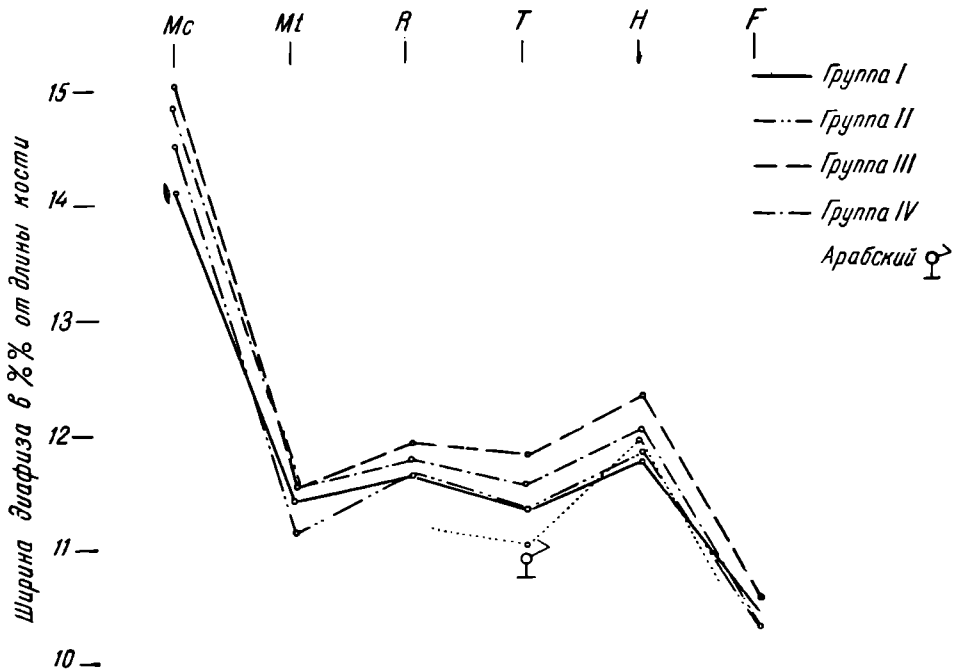

Рис. 9. Индексы тонкости костей конечностей.

Наоборот, мы считаем возможным выдвинуть и обосновать диаметрально противоположную гипотезу как единственно отвечающую уровню наших знаний.

«Средний» тип и, вероятно, в его менее крупном варианте (136—140 см высоты в холке), примерно соответствующий группе III лошадей курганных захоронений, был в ту эпоху типом основным для породы лошадей, не только и не столько Пазырыка и Шибе, но и вообще приалтайских степей и предгорий.

Из него-то и выделились, в силу присущей виду изменчивости и в силу различных условий существования, типы крайние (группы I и IV), поражающие нас своим контрастом.

В частности, особенности склада верховых коней алтайских курганов выработались главным образом под влиянием: 1) лучших условий кормления и содержания лошадей, принадлежащих знати; 2) отбора самых крупных и лучших экземпляров из молодняка под седло вождя; 3) кастрации их уже в молодом возрасте.

Рамки статьи не дают возможности подробных разъяснений выдвинутых положений, которые базируются на изучении закономерностей

¹ С. В. Афанасьев. К вопросу о происхождении типов лошадей. Зал. Детскосельск. зоотехн. лаборатории, вып. 15, 1936.

индивидуального развития животного организма и на учете изменений в этом развитии, происходящих при разных условиях окружающей среды.

Мы ограничиваемся поэтому самым сжатым, тезисным изложением наших взглядов.

1) Крупные, верхового типа, кони встретились нам во всех курганах Пазырыка (исключая курган № 4) и в Шибе, что уже говорит про-

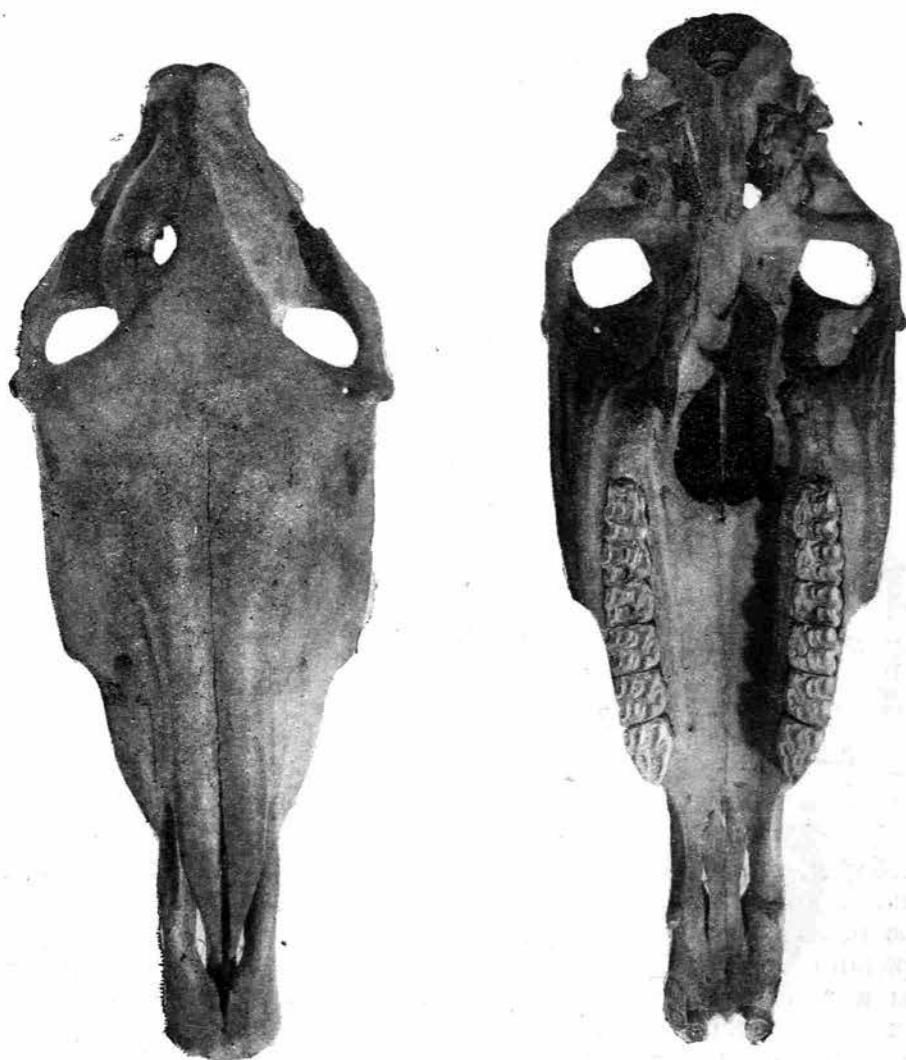

Рис. 10—11. Calvarium № 264 из Шибе (дорзальная и базальная поверхность).

тив версии привода таких лошадей издалека. Не мог же каждый вождь обязательно раздобывать себе коня из Средней Азии?

2) Отсутствие разрывов в крупности и типе между лошадьми групп I и II, II и III, III и IV. Между крайними вариантами наблюдаются разнообразные незаметные переходы, лежат средние типы. Если варианты и не распределяются по правильным вариационным кривым, то этому причиной отбор под седло вождя более желательных и крупных экземпляров.

3) Краниологические различия между крайними типами не имеют таксономического значения. В основе своей они являются функциями

общей величины черепа. В зависимости от лучшего развития, в особенности в постэмбриональный период, и от достигнутых предельных размеров находятся и профиль, и более удлиненная форма головы, и сравнительная узколобость, и сравнительная микродонтность, и большая длина диастемы, и многие другие особенности, которыми отличаются черепа лошадей группы I при сравнении их с группой III и IV

Рис. 12. Calvarium № 264 из Шибге.

Прилагаемые фотографии двух черепов дикой лошади (*Equus Przewalskii*) различного возраста (1 год 3 мес. и 3 года 8 мес.) хорошо иллюстрируют некоторые возрастные изменения формы и структуры черепа

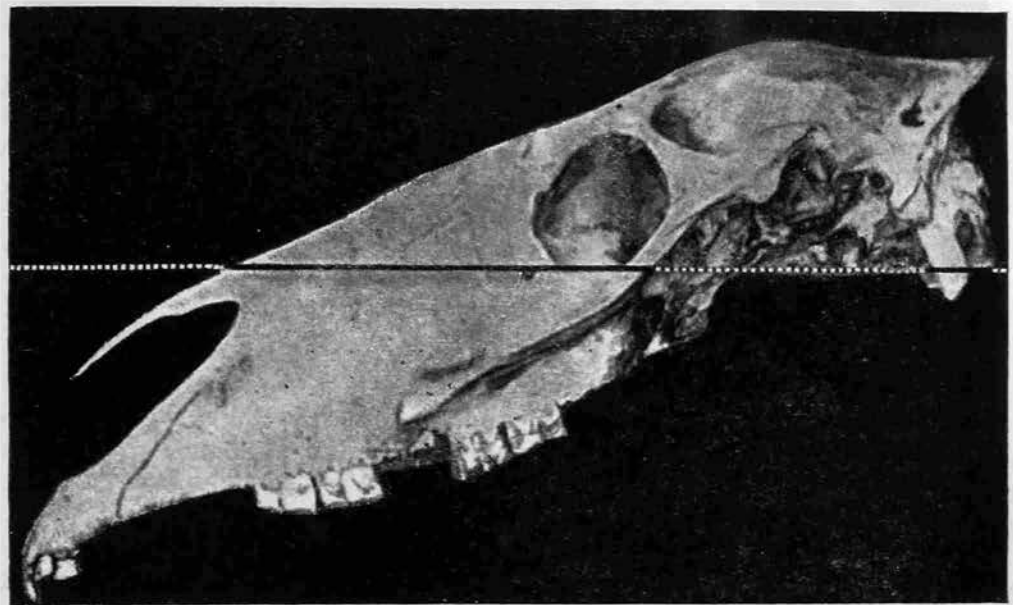

Рис. 13. Череп *Equi Przewalskii* (3 г 8 м)

лошади. Они же, только в меньшей степени, будут определять различия между черепами взрослых особей одной породы в зависимости от лучших или худших условий, в которых протекало индивидуальное развитие животных, как их самих, так и ряда предшествующих поколений (рис. 13, 14).

Мы внимательно изучали черепа, взяли по 38 промеров на каждом черепе и по 19 на каждой нижней челюсти, вычислили несколько десятков краниологических индексов. И все же попытки наши найти какие-либо отличия в черепах, которые свидетельствовали бы о принадлеж-

ности отдельных лошадей к бесспорно разным породам, не увенчались успехом (рис. 15).

4) Аналогичную картину по сути своей представляют и различия в длине и форме костей конечностей, столь импонирующие на первый взгляд исследователю.

Если мы примем за 100% средние величины промеров каждой отдельной кости передней и задней конечностей у лошадей группы III (с основной длиной черепа от 475 до 490 мм), — а эту группу мы рассматриваем как типичную, основную для породы, из которой могли образоваться как группы II и I, так и IV, — и вычислим в процентах по отношению к ним средние величины соответствующих промеров других групп, то мы получим скелетные профили изучаемых групп, изображенные на диаграмме (рис. 16).

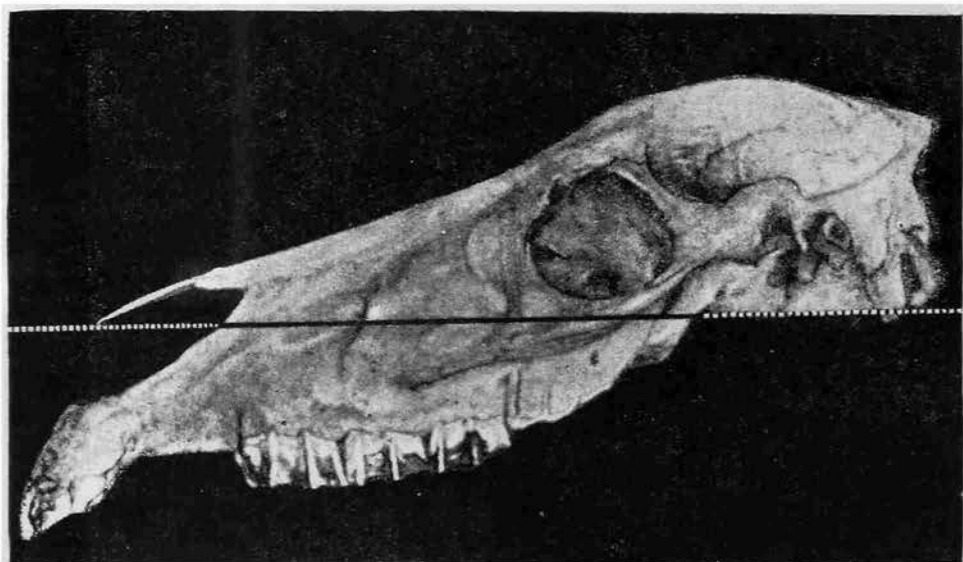

Рис. 14. Череп Equi Przewalskii (1 г. 3 м.).

Из сопоставления их мы делаем заключение, что лошади группы IV по существу, кроме меньших размеров, не обнаруживают никаких особенностей в пропорциях и соотношениях отделов конечностей: профиль этой группы располагается как линия, почти параллельная профилю группы III.

Несколько иначе дело обстоит с профилем группы II и особенно группы I. Это — лошади не просто укрупненные, но сохраняющие все пропорции и индексы сложения группы III. В данном случае укрупнение, удлинение конечностей — в особенности у группы I — происходит в большей мере за счет удлинения проксимальных отделов конечностей и в значительно меньшей степени — за счет дистальных (Mc III и Mt III). Поэтому линии профилей групп II и I представляются — при определенном размещении промеров на чертеже в направлении от нижних к верхним отделам конечностей — как бы восходящими, но довольно плавно, чего не было бы, если бы сравнивались между собой профили двух разных пород.

Такие формы профилей, в свете классических трудов Н. П. Чирвинского и русской школы зоологов-зоотехников (С. Н. Боголюбского, В. Я. Бровара и др.), находят себе простое объяснение: они свидетель-

ствуют в первую очередь о лучшем и более интенсивно (или более долго) протекавшем процессе роста животного в послеэмбриональный период.

Соотношение отделов конечностей у молодого, только что родившегося животного совсем не то, что у половозрелого. У жеребенка относительно очень длинны метаподии; в дальнейшем метаподии способны

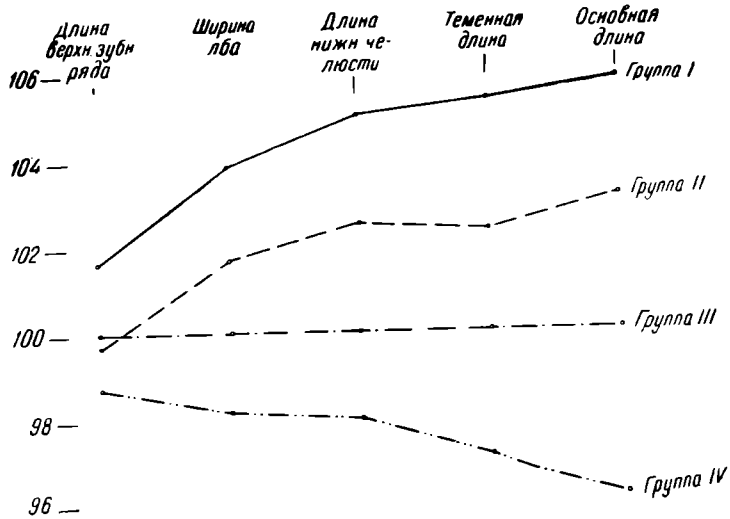

Рис. 15. Изменчивость промеров черепов (группа III принята за 100).

прирасти очень немного, а проксимальные отделы конечностей обладают совсем иными, много большими возможностями роста, которые и реализуются при соответствующих условиях.

На диаграмме (рис. 17) представлен скелетный профиль молодых трехлетних лошадей из кургана № 5 по сравнению с промерами половозрелых лошадей из того же кургана, принятыми за 100.

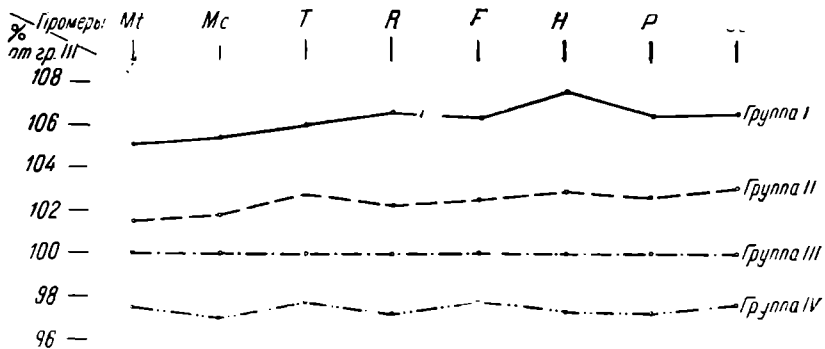

Рис. 16. Скелетные профили групп.

Мы видим, что, в противоположность диаграмме (рис. 16), линия профиля молодых, недоразвившихся лошадей представляет собой не восходящую, а нисходящую, падающую кривую.

На глазах у всех коневодов мира на протяжении последних двух столетий из лошадей арабской и других близких к ней пород в 144—148 см роста выведена была человеком чистокровная порода скакунов в 160—164 см высоты в холке. Скелетный профиль современного англий-

ского жеребца ¹ при сравнении его с профилем современного арабского жеребца ² дает в основе своей ту же картину, что и профиль группы I по сравнению с группой III, только очень резко выраженную (рис. 18).

Удлинение трубчатых костей у более высоких экземпляров лошадей любой породы, как правило, не сопровождается соответственным их утолщением. Наоборот, в обобщающей работе В. И. Громовой по палеонтологической истории лошадей в Старом свете мы можем найти очень много подтверждений того правила, что если конечности у сменявших друг друга форм рода *Equus* становились относительно длиннее, то они становились одновременно и тоньше, но если конечности укорачивались, то они становились относительно более толстыми.³

Наибольшие трудности на первый взгляд представляет объяснение другого явления. Почему более крупные лошади в курганах оказались в то же время обладающими относительно более коротким туловищем?

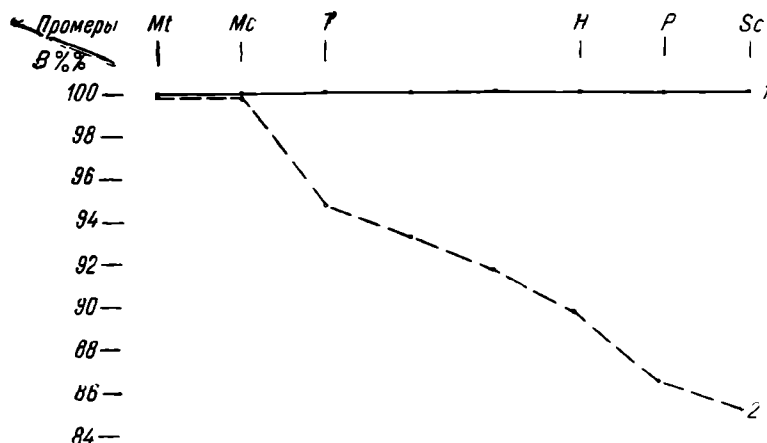

Рис. 17. Скелетные профили полновозрастных (1) и трехлетних (2) лошадей.

Принято считать, что лучше кормленная в молодости лошадь вырастает относительно более длинной, что туловище ее развивается в большей мере, чем конечности. Мы на практике знаем, что плохо кормленная в молодые годы, захудалая лошадь отличается некоторой высоконогостью и укороченностью корпуса, а не наоборот. Это бесспорно верное наблюдение. Приложимо оно, однако, лишь к случаям резко угнетенного развития, но не может быть распространяемо на случаи, когда весь ход индивидуального развития оказывается смещенным и протекает иначе. А в группе I коней алтайских курганов, в известной части и в группе II, он мог быть смещен и, по-моему, был смещен резким вмешательством человека — кастрацией в молодом возрасте, не старше двух лет.

Мы обязаны считаться с категорическим утверждением Страбона о распространенном среди всех скифских и сарматских племен обычае употреблять в езду не жеребцов, а меринов. Внимательный анализ остеологического материала Пазырыкских курганов подтверждает, что прежде

¹ A. Schotterer. Ueber grundsätzliche Eigentümlichkeiten im Skelettbau der Zwergpferde. Zeitschr. für Säugetierkunde, 1931, т. VI, вып. 3.

² H. F. Osborn. Points of the skeleton of the Arab horse. 1907.

³ В. И. Громова. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. 1949. См., в частности, т. II, стр. 47, где в отношении современных диких эквид В. И. Громова отмечает «замечательный параллелизм»: «чем длиннее кость относительно длины тела, тем тоньше она в пропорциях».

всего именно верховые кони вождей и могли быть, судя по особенностям их склада, кастрированными уже в молодом возрасте.

Дело, вероятно, обстояло так, что вождь заблаговременно готовил своим верховым коням смену и среди жеребчиков-полуторников, самое позднее среди жеребцов двухлетнего возраста, выбирал наиболее крупных и обещающих наилучшее развитие, а затем их кастрировал. Поэтому-то обязательно и попадают нам в курганах молодые, неполновозрастные лошади, по большей части принадлежащие к высшим категориям (группам I и II); этим объясняется и то обстоятельство, что Mc III и Mt III двухлетних и трехлетних лошадей по своей абсолютной длине чаще бывают превосходящими средние величины Mc III и Mt III полновозрастных лошадей из тех же курганов.

Ксенофонт, долгое время проживший среди персов, хорошо знал, что по длине пясти жеребенка можно предсказать, предугадать будущую высоту взрослой лошади.

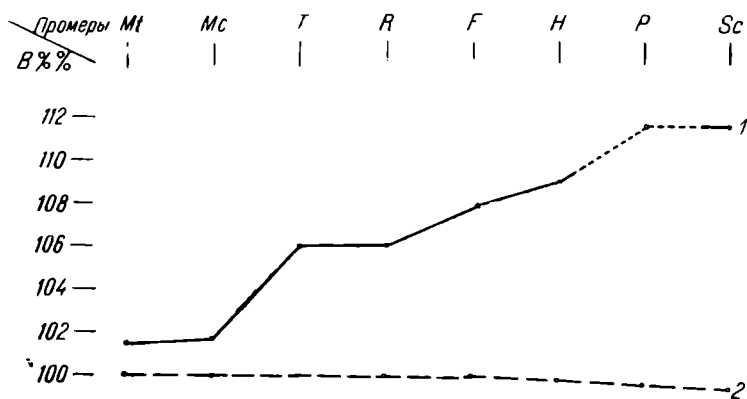

Рис. 18. Скелетные профили чистокровного английского жеребца по сравнению с арабским конем.

В настоящее время мы точно знаем, что кастрация в молодом возрасте прибавляет 4—6 см роста за счет удлинения конечностей, вместе с тем длина туловища не увеличивается. Как раз примерно такой просвет в 4—6 см и отделяет группу I курганных лошадей от следующей группы II.

Классические опыты Н. П. Чирвинского,¹ проведенные на овцах, уже 40 лет тому назад объяснили нам сущность этого явления и дали точные сведения об изменениях скелета под влиянием кастрации самцов в молодости.

Кастрация задерживает окостенение и вызывает более продолжительный период роста трубчатых костей в длину. Она не оказывает влияния на рост спинных, поясничных и крестцовых позвонков, но в шейной части позвоночника удлинения происходят. Поскольку нормально последними окостеневают нижний эпифиз лучевой и верхний эпифиз плечевой кости и несколько ранее их соответственные эпифизы бедренной и большой берцовой кости, то все это создает своеобразную картину особого удлинения проксимальных отделов конечностей (и притом передней конечности в большей мере, чем задней) по сравнению с метаподиями.

Именно эту картину мы и наблюдаем у лучших верховых лошадей алтайских курганов (рис. 16).

¹ Н. П. Ч и р в и н с к и й. Развитие костяка у овец при нормальных условиях при недостаточном питании и после кастрации самцов в раннем возрасте, 1909; в сб. «Избранные сочинения», т. I, 1949, стр. 143—376.

Трубчатые кости, вытягиваясь в длину, становятся несколько более тонкими (табл. 4—5), передние конечности — относительно более длинными (рис. 16), лошадь становится высокопередой.

Шея у меринов более тонкая («тощая») и длинная: шейный отдел позвоночника у кастратов прирастает в длину параллельно тому, как прирастает длина конечностей, — обстоятельство, подмеченное также еще Н. П. Чирвинским. Общая же длина других отделов позвоночника оказывается у меринов скорее меньшей или равной, но не большей, чем у жеребцов. Лошадь приобретает более укороченный «формат», приближающийся к желательному для верхового коня квадратному.

Наконец, возможны под влиянием кастрации и некоторые изменения формы и особенностей черепа, которые прослежены Н. П. Чирвинским на овцах (удлинение и сужение черепа), но не изучены сколько-нибудь достаточно у лошадей.

Все эти изменения под влиянием кастрации настолько совпадают с картиной, наблюдаемой на скелетах многих лошадей алтайских курганов, что устраняют, на наш взгляд, все сомнения в том, что лучшие кони «собственного седла» древних алтайцев были меринами.

Интересно отметить, что обычай скифов ездить на мерилах и обычай стричь гривы своим коням в представлении греков и римлян каким-то образом связывались один с другим. Отсюда суеверие, что достаточно остричь гриву, чтобы лишить лошадь половой потенции — «*Equagum libido exstinguitur iuba tonsa*».¹

Можно предположить, что древние алтайцы стригли гривы только ездовым лошадям. Тогда экземпляры мужского пола с длинными гривами, которые встречались в Пазырыкских курганах, могли быть и жеребцами (допустим, из производящего состава степных косяков). Нам попадались скелеты с более короткими средними сегментами конечностей, в частности — с особо короткой лучевой костью. А она-то, по указаниям Н. П. Чирвинского, более всего удлиняется под влиянием кастрации.

Вспомним, что и на Чертомлыцкой вазе изображены как лошади с длинной гривой, так и с подстриженной.

Таким образом, все высказанные нами соображения в своей совокупности приводят нас к заключению о возможности появления внутри местной породы, из недр ее самой, и наиболее крупных, измененного типа, коней алтайских курганов. Тем самым отпадает необходимость в гипотезе привода, импорта их из дальних стран.

4. Как выглядели в жизни верховые кони Алтая

Восстанавливая прижизненный облик лошадей алтайских курганов, хотя бы и самых лучших верховых, нам следует ранее всего избежать опасности модернизировать их.

Если лучшие кони Пазырыка были примерно такого же роста, как современные арабские лошади, если они и по тонкости костей конечностей не очень резко отличались от современных (с тою лишь разницей, что у лошадей на каменистом грунте Аравии с течением веков удлинились метаподии), то, с другой стороны, никак не следует забывать, что преобразующее воздействие человека не могло еще в Пазырыкскую эпоху выработать у лошади те черты породности, нежности, условного «благородства», которыми отмечены некоторые из культурных пород наших дней: та же арабская лошадь, ахалтекинская, английская чистокровная и др. Из современных верховых пород ближе всего могли бы по своей

¹ С. Plinius, Nat. Hist., VIII, 164.

внешности напоминать верховых пазырыкских коней некоторые внутрипородные типы нашей отечественной степной донской породы. И общий мощный склад и блестящая рыжая масть сохранены у нашей донской лошади в большей мере, чем у других верховых пород современности.

При раскопках конских могил в Алтайских курганах бросается в глаза яркая рыжая масть громадного большинства лошадей. Такую же картину явного предпочтения верховых коней рыжей, огненной, солнечной масти мы наблюдаем у древних народов Средней Азии: в «золотисто-конной» Бактрии, у блещущих золотом массагетов и мидян, а впоследствии у парфян («*Nusa omnes equos flavos habet*») и в сасанидском Иране.¹ Повидимому, это пристрастие к лошадям рыжей масти находилось непосредственно в связи с культом солнца. В жертву солнцу приносили лошадей и персы² и массагеты: «смысл этой жертвы тот, что быстрейшему из всех богов подобает и быстрейшее животное».³

По индусским мифологическим представлениям, колесницу солнца везут рыжие кобылицы, лучи солнца — это золотистые волосы их развешивающихся грив. Утренняя и вечерняя заря — это близнецы, всадники-Ашвины, которых родила солнцу божественная кобылица (*va-davā*).

Можно привести десятки мест из Вед (а также из Авесты), где говорится о рыжих, красных или желтых, конях: «разъезжающий на светложелтых конях» (*Harivāhana* или *Harīhaya*) — один из эпитетов Индры в Махабхарате, «совершивший жертвоприношение светложелтого коня» (*Harimedhas*) — эпитет Вишну-Кришны.

В Элладе и Риме, ближе к началу н. э., мы такого предпочтения рыжей масти не обнаруживаем. Вергилий в поэтической форме высказывает то же мнение, что и Палладий (*Martius*, XIII, 4) в прозаической: лучшими мастями лошади признаются гнедая и серая в яблоках.

« .honesti
Spadices, glaucique; color deterrimus albis
Et gilvo».⁴

Полное отсутствие пристрастия к определенным мастям лошадей мы наблюдаем у племен и народов, живших в древности к северу и к востоку от Алтая. Так, например, когда шаньюй гуннов Модэ в 200 г. до н. э. окружил при Байдыне китайское войско, то «конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной серых, на северной вороных, на южной рыжих лошадей».⁵

При росте до 148—150 см верховые алтайские кони имели хорошо выраженную холку, сравнительно недлинную спину, сухие, прочные конечности с хорошо развитыми суставами.

Если сравнивать их с современной арабской лошастью того же примерно роста, то кони алтайских курганов были значительно грубее, тяжелее, более костисты и с более пышным волосяным покровом. Голова их была больше, пясть и плюсна значительно короче, копыта более широки.

При сравнении же их с позднейшими тюркскими (из погребений в Кудергэ),⁶ кыргызскими—хакасскими IX—X вв. (из Минусинской

¹ Подробнее об этом: В. О. В и т т. Лошадь древнего Востока. 1937, стр. 15—23.

² К с е н о ф о т. Киропедия, VIII, 3.

³ Геродот, I, 216.

⁴ G e o r g i c a §, III, 81—83.

⁵ Н. Я. Б и ч у р и н. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Азии в древние времена, ч. I. СПб., 1851, стр. 12.

⁶ В нашем распоряжении были кости от двух скелетов лошади из погребения в Кудергэ, двух теленгитских и, благодаря любезности С. В. Киселева и В. Ф. Чирвинского, промеры одного скелета из Уйбата.

степи), теленгитскими XIX в. и современными местными алтайскими они резко выделяются ростом и верховым своим складом.

При сопоставлении с ними лошадей групп III и IV мы делаем вывод, что маленькие лошади алтайских курганов имели удлиненное туловище, короткую шею, были низкопереды и приземисты, прямолобы и короткоморды (за счет укорочения лицевой части черепа). По своему экстерьеру они ближе подходили к известному изображению подседланной с путами на ногах лошади скифа на Чертомлыцкой вазе, с ее прямой, короткой, низко поставленной шеей.

Крупные же верховые кони алтайских курганов несли на длинной, высоко поставленной шее сухую, выразительную, хотя и далеко не маленькую голову своеобразной формы, сравнительно узкую по лбу, с удлиненной и суживающейся книзу лицевой частью, с профилем не прямым, а определенно выпуклым или выпукло-волнистым.

Просматривая вновь и вновь сотни изображений коней древнего мира, я вижу лошадь, наиболее близкую по типу к верховым коням Пазырыка, не среди коней ассирийских рельефов, и не среди лошадей персидских всадников на «саркофаге Александра», и не на греческих изображениях скифских лошадей юга России, но в коне погребального кортежа на фризе гробницы в Ксанфе.

От изображения этого коня веет суровым реализмом, еще какою-то архаической грубостью, присущей не стилю художника, но самому коню. Вместе с тем, формы этого коня чисто верховые, и шея поставлена высоко, и свою горбоносую голову он держит в сборе так, что губы лошади почти касаются груди.

Не была ли эта постановка головы лошади преувеличением или фантазией художника? На этот вопрос мы ответим выдержкой из описания персидских лошадей, которое нам оставил Вегециус: «*Incurvata in arcum cervix, ut mentum resumere videatur in pectore*» — «шея согнута в дугу так, что подбородок кажется опирающимся на грудь».¹

На Ксанфском фризе изображена лошадь большого роста. Высота ее в холке достигала уровня плеч ведущего ее человека. О том, насколько мельче были лошади Эллады сравнительно с азиатскими тех веков, красноречиво свидетельствует одна деталь: Ксенофонт рекомендует греческому всаднику, вскакивая на лошадь, ухватываться левой рукой за волосы самой верхней части гривы, «близ ушей коня».²

По своей величине, по своему росту наши верховые кони алтайских курганов (группа I) оставляют далеко позади всех лошадей древнего мира, известных нам по раскопкам. Пока археологи не нападут на след коней Хорезма, Согдианы, Мидо-Персии («несейских»), Парфии, — такими они, повидимому, и останутся.

Во всех странах Западной Европы на протяжении всех столетий до начала н. э. местная лошадь была сплошь мелкая. Выше мы показали, что гельвето-галльская лошадь Латен не достигала 130 см. Костные остатки лошадей Германии и Британии доримской эпохи указывают на рост их в пределах до 120—125 см. Нам известны многочисленные описания в классической литературе мелких лошадок сопредельных с Элладой и Римом стран и племен. Сравним рассказы Геродота (V, 9) о лошадях придунайского племени сигиннов, Арриана (*Kyuegeticon*, 23, 2) о лошадях гетов и иллириков, Страбона (211—215) о лошадях венетов, Диона Кассия (76, 12) о лошадях британцев, Цезаря (IV, 2) о лошадях германцев.

¹ Vegetius. *Ars veterinaria sive mulomedicina*, VI, 6, 8.

² Ксенофонт. *О коннице*, VII, 1. СПб., 1874.

Из этих мелких и невзрачных, но в то же время крепких и выносливых лошадок не должны быть исключены, повидимому, и лошади Причерноморья и южнорусских степей, облик которых правдиво передает известное изображение подседланной лошади на Чертомлыцкой вазе. По археологическим материалам в пределах южнорусской равнины, лошадь небольших размеров отмечается уже начиная с середины III тысячелетия до н. э., со среднего этапа (В II) развития трипольской культуры.¹

Лошадь из скифского кургана (Никополь, 1935, № 2752) имела, по опубликованному сообщению, Мt III длиной всего в 244 мм, т. е. была меньше самой маленькой из пазырыкских лошадей группы IV. Найденные в скифских курганах Киевщины 17 целых лошадиных остовов² остаются, повидимому, еще необработанными. С нетерпением надо ожидать раскопок новых «царских» курганов — «Орлова могила» и «Нечаева могила» близ Никополя,³ Би-тубе, Уч-тубе, Кара-тубе и других на Северном Кавказе.⁴ Они могут внести значительные коррективы в наши представления о лошадях южнорусских скифов. На той же Чертомлыцкой вазе, наряду с мелкой первобытной степной лошадкой, мы видим и более крупную, более верхового склада, с лучшей шеей и головой. На это обстоятельство уже обращали внимание А. Ф. Миддендорф, Д. Н. Анучин и Е. А. Богданов,⁵ к их мнению присоединяюсь и я.

Очень мелкорослой была около начала н.э. лошадь средней и северной полосы нынешней европейской территории СССР. Так, например, у лошадей из нижнего слоя приокского Кондраковского городища и у лошадей верхневолжского Пекуновского городища длина Мс III варьировала от 183 до 208 мм, а длина Мt III от 229.8 до 251.9 мм.⁶ Таким образом, среди них были экземпляры, не превышавшие и 115—118 см, лишь самые крупные особи могли достигать 130 см высоты в холке.

В Западной Европе только раскопки римских военных лагерей и амфитеатров начала н. э., т. е. периода наивысшего могущества Рима, дают нам указания на более крупных лошадей. Самыми крупными были лошади, предназначенные для цирковых ристаний. Как показывают раскопки амфитеатра в Виндонисса, лучшие экземпляры среди них (Т — 383 мм, Мс III — 231—235 мм) могли равняться с алтайскими, т. е. достигать 148—150 см высоты в холке.

Этого нельзя сказать про рядовую лошадь римской кавалерии, которая, судя по раскопкам римского лагеря в Витцвиле, в среднем была 136—140 см высоты в холке и в лучших своих экземплярах достигала 142—144 см.

Что лошадь на востоке, в Мидии, странах Средней Азии и сопредельных с ними степях была крупнее и лучше, чем в странах Европы, не исключая Эллады и Рима, это хорошо знали писатели, географы, историки, натуралисты, философы, поэты и художники всех веков — от глубокой древности и до III—IV вв. н. э. Можно было бы написать много десятков страниц на эту тему.

Однако до самого последнего времени, до раскопок алтайских курганов, мы не могли думать, что ареал распространения (и я бы теперь

¹ Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований. КСИИМК, вып. XXI.

² П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. XXX.

³ Б. Н. Граков. Никопольская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII.

⁵ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных. М., 1913 стр. 317.

⁶ В. И. Библикова. Фауна Пекуновского городища. МИА СССР, № 13.

прибавил: не только распространения, но и разведения, выращивания) этой крупной лошади древнего мира простирался так далеко на северо-восток.

А это обстоятельство неизбежно ставит перед исследователем истории животноводства ряд новых вопросов.

5. Особенности лошадей из отдельных погребений и сравнительная хронология Пазырыкских курганов, с точки зрения гипполога

Анализируя особенности конских скелетов из отдельных курганов, мы можем сделать несколько любопытных наблюдений.

Прежде всего, по качеству лошадей большие курганы Алтая не одинаковы. Средние величины промеров, вычисленные для каждого отдельного кургана, дают наибольшие цифры для Шибинского кургана и для Пазырыкского кургана № 2. Уже в Пазырыкском кургане № 1 в среднем лошади мельче, в Пазырыкских курганах № 3 и, в особенности, № 4 снижение качества лошадей становится резко заметным.

Все больше и больше становится процент лошадей низших групп III и IV и все меньше процент лошадей групп II и, в особенности, I. По полновозрастным лошадям можно составить следующую таблицу (табл. 6)

ТАБЛИЦА 6
Распределение лошадей по группам¹

Название кургана	I	II	III	IV
Шибс	2	6	3	—
Пазырыкские:				
№ 2	2	3	2	—
№ 1	1	2	3	2
№ 3	2	2	4	4
№ 4	—	4	2	6
№ 5	1	3	1	2

Молодняк, который бесспорно может быть отнесен к высшей категории (I группа), мы находим только в Шибс и в Пазырыкском кургане № 5.

Правильное истолкование отмеченных фактов, по нашему мнению, будет следующее.

Долина Пазырыка, расположенная высоко в горах (на уровне свыше 1600 м), с ее суровым климатом, и в древности, как и теперь, представлялась малоблагоприятной для процветания коневодства.

Лошадь в условиях гор неизменно обнаруживает тенденцию к измельчанию и к огрубению. Так, например, на Северном Кавказе многолетние изыскания доцента нашей кафедры А. С. Красникова точно установили, что по мере продвижения из предгорья все выше в горы местная лошадь одной и той же кабардинской породы становится все мельче,

¹ Маленький курган № 6 Пазырыка мы пока не включаем в рассмотрение. В число коней группы I как бесспорно к ней принадлежащего включаем и рыжего коня № 10 из кургана № 1, труп которого сохранен полностью и потому был недоступен для остеометрических наблюдений.

изменяет пропорции (становится относительно длиннее и более низко-ногой) и делается все более грубокостной.

Заемствуем из доклада А. С. Красникова на научной конференции 1949 г. в Московской Тимирязевской сельскохозяйственной академии¹ одну весьма показательную таблицу (табл. 7).

ТАБЛИЦА 7

Районы	Высота над ур. м. (в м)	Продолжительность летнего пастбищного периода (в месяцах)	Промеры и индексы кобыл кабардинской породы 6 лет и старше		
			высота в холке (в см)	обхват в груди × 100 × 100 высота в холке	обхват пясти × 100 × 100 высота в холке
Нагорный . .	700—1200	6 ¹ / ₂ —7 ¹ / ₂	144.9	119.8	12.4
Кисловодский	900—1500	6—7	144.2	120.9	12.4
Эльбрусский	1100—1800	5—6	142.9	122.8	12.6
Клухорский	1300—2100	4 ¹ / ₂ —5	140.9	124.7	13.0

В высокогорную область обитатели Пазырыка привели лошадей, а вероятно, и сами пришли с ними, из степей и предгорий, и не по своей доброй воле, а по необходимости. Н. П. Кондаков и И. И. Толстой еще в 1890 г. отмечали:² «Курганы, составляющие характерный тип могил для жителей степей, среди гор не имеют смысла и поэтому у горцев или вовсе не существуют, или служат прямым доказательством, что племена, их населявшие, были некогда загнаны в горы из степей».

Этой же сменой ареала обитания, новыми, необычными и малоподходящими для лошадей условиями среды объясним и огромный диапазон колебаний в крупности и типе, наблюдаемый среди лошадей Пазырыкских погребений.

С одной стороны, зная, родоплеменные вожди, вероятно, еще многие годы продолжали пополнять свои «конюшни», поголовье своих боевых коней степными лошадьми из-за гор, из долины р. Катунь, где обстановка для конеразведения была более благоприятной и кони удавались крупнее и лучше. Поэтому один-два коня в каждом Пазырыкском кургане могут не уступать по величине тем коням, которых советские археологи уже нашли в Шибе и будут находить в курганах Катуньской долины.

С другой стороны, уже начиная с кургана № 1 нам попадаются в каждом кургане лошади более мелкие и хуже любых лошадей не только Шибинского кургана, но и рядовых захоронений предгорной и степной полосы (Катанда, Бийск-Сростки). Среди последних нами не было отмечено черепов с основной длиной меньше 469 мм, Н — менее 281 мм, R — менее 321 мм и т. д., в то время как в Пазырыке мы фиксировали такие минимумы, как 451 мм для основной длины черепа, 275 мм для Н, 312.5 мм для R, 205 мм для Mc III и т. д.

Метаподиальные индексы $\left(\frac{Mc}{H}, \frac{Mc}{R}, \frac{Mt}{F}, \frac{Mt}{T}\right)$ обнаруживают у отдельных маленьких лошадей тенденцию к понижению, и мы полностью присоединяемся к выводу В. И. Громовой, основанному на обработке обширного палеонтологического материала: «большие метаподиальные индексы будут свидетельствовать о большей аридности климата и о степной или

¹ А. С. Красников. Типы горских лошадей Северного Кавказа. Докл. ТСХА, вып. XI, стр. 134—138.

² Русские древности, т. III, стр. 102.

даже пустынной обстановке; меньшие индексы — о большей влажности и лесостепном или даже лесном ландшафте».¹

«Загнанные в горы» лошади стали мельчать и качественно ухудшаться, хотя численность конского поголовья, может быть, даже и увеличивалась. На это косвенно указывает большое число погребенных в одной могиле лошадей: вместо 7 в кургане № 2 уже 10 в кургане № 1 и по 14 в курганах №№ 3 и 4.

С точки зрения гипполога, иное расположение пазырыкских курганов во времени, т. е. чтобы курганы №№ 3 и 4 были более ранними, чем курганы №№ 1 и 2, невероятно.

В условиях Пазырыка лошади не могли укрупняться и улучшаться, а могли лишь ухудшаться.

Ухудшались лошади в необычной для них обстановке, беднели и роды, затиснутые в горные щели. По богатству погребального инвентаря курганы №№ 1 и 2 намного превосходят курганы №№ 3 и 4. Следов культурной связи со странами юга и запада в курганах №№ 1 и 2 гораздо больше, чем в курганах №№ 3 и 4, хотя и курганы №№ 1 и 2 не отличались (это наше личное мнение) каким-либо особым, исключительным богатством. Они должны были сильно уступать в этом отношении большому необследованному еще курганам Катуньской долины близ Туяхты, как те в свою очередь, вероятно, уступали курганам прииртышских степей, до конца разграбленным бугровщиками еще в XVIII в.²

Пазырык — это лишь эпизод в жизни древнеалтайских племен, эпизод, продолжавшийся всего несколько десятилетий, которые протекли между сооружением первого и последнего курганов в Пазырыкской долине.

Почему местная горно-алтайская лошадь к XIX в. оказалась много мельче лошадей древних алтайцев? Потому, что она испытывала на себе воздействие местных природных условий на протяжении многих столетий, а лошадь Пазырыка — в течение всего нескольких десятилетий.

Могли ли люди привести на Алтай породу лошадей, которую мы видим в Алтайских курганах, не с запада, а с востока, из пределов современной Монголии и Китая? Нет, не могли, потому что природные условия на востоке — от Монголии и до Кореи, от Забайкалья и до Тибета — везде были еще более суровыми и должны были еще более сказываться на росте и типе лошади.

Древние китайские летописцы отмечали, что самые мелкие лошади встречаются на Востоке: ближе к Печилийскому заливу начинают попадаться даже так называемые «Го-хя-ма» или «лошади под плодами». Объясняя это название, историк в своем примечании пишет: «Вышиною в 3 фута [т. е. менее 100 см высоты в холке, — В. В.]. Сидя на ней, можно проехать под деревом с плодами».³

И в наши дни примитивные туземные породы лошадей оказываются самыми мелкими на востоке Азии — в отдельных районах Монгольской Народной республики и сегодня средний рост лошади не достигает 125 см, а в Корее лошади еще мельче. И в наши дни в степях Азии рост лошадей все время повышается в направлении от СВ к ЮЗ.

Но ведь та же природа и 2000 лет тому назад оказывала не менее мощное и в том же направлении идущее влияние на формообразователь-

¹ В. И. Громова, ук. соч., т. II, стр. 39.

² Сопоставим п. 89 инструкции Миллера, составленной, пока еще свежа была в памяти практика кладоискательства. «Замечалось ли постоянно [разрядка наша, — В. В.], что могилы, лежащие ближе других к лесам, самые бедные, а те, которые находились далеко в степи, содержат наибольшее количество драгоценностей» (В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, 3, стр. 113).

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), ук. соч., ч. II, стр. 31, 59, 124.

ный процесс, как и сегодня, а человек, наоборот, 2000 лет тому назад много меньше был способен воздействовать на изменение форм домашних животных.

Две тысячи лет тому назад лошади китайцев уступали лошадям гуннов, но когда китайцы ознакомились с лошадьми усуней, то те оказались еще лучше, так что некоторое время их называли «t'ien sha» — «сверхестественными лошадьми». Позднее же, когда китайцы узнали лошадей Давани, то эпитет «t'ien sha» перешел уже к среднеазиатским лошадям.¹

В частности, что касается лошадей гуннов, то из тех же китайских летописей мы узнаем, что за 200 лет до н. э. «тысячелый конь» был у них редкостью.² Лишь впоследствии, в ходе своей экспансии на запад гунны обзавелись, по всей вероятности, лучшими лошадьми.

6. Что дает курган № 5 для понимания типа упряжных лошадей древнего мира

Выводы наши о хронологической последовательности курганов в основной цепочке Пазырыка: №№ 2—1—3 и самый поздний № 4, с точки зрения гипполога-зоолога, вряд ли могут подлежать сомнению.

Теперь перейдем к лошадям кургана № 5 и маленького при нем кургана № 6. Напомним читателям, что в кургане № 5 была найдена, в отличие от других курганов, погребальная колесница. И лошади этого кургана явно распадаются на 2 группы: а) верховые кони и б) колесничные. При первых — седла и весь, какой полагается, убор верхового коня; при вторых — нет ни седел, ни другого убора. Журнал раскопок С. И. Руденко дал мне полную возможность установить, какие именно из исследованных мною скелетов принадлежали верховым, а какие колесничным лошадям. Тем самым впервые, как мне думается, исследователям представилась возможность документально выяснить, отличались ли уже в древности по своему экстерьеру и в каком именно отношении лошади, используемые в упряжи (точнее говоря, в повозках),³ от лошадей, используемых под седлом. И вот, что оказалось.

Сравнивая трех полновозрастных упряжных коней погребальной колесницы (четвертый — был молодой, трехлетний экземпляр) с полновозрастными же верховыми, подседланными конями из того же кургана № 5, прежде всего мы обнаруживаем, что упряжные лошади были много меньше верховых (табл. 8).

ТАБЛИЦА 8

	Средние величины промеров (в мм)							
	длина		R	T	H	F	Sc	P
	базальная	теменная						
По группе верховых подседельных из кургана № 5	504	554.5	338	362	304.25	406	351.5	438.25
По группе упряжных из кургана № 5	475.5	518	322.7	341.3	282	381.7	307	379.3

¹ См.: W. Perceval Y e t t s. The horse. A factor in early Chinese history. ESA, IX, 1934, стр. 231—255. В переводе Н. Я. Бичурина (Иакинфа), на стр. 16, части III первого издания этот текст был случайно пропущен.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 12.

³ Я сознательно оставляю пока в стороне вопрос о лошадях древнего спорта, конских колесничных ристаний.

Если из четырех полновозрастных верховых лошадей одна может быть отнесена к группе I, а остальные три — к группе II, то из трех упряжных всего одна — и то только формально (по основной длине черепа) — попадает в группу III, а остальные две относятся к группе IV. Средний рост лошадей в погребальной повозке должен быть определен, исходя из табл. 1, не выше как в 133—134 см высоты в холке.

При этом обращает на себя внимание, что этим лошадям были присущи известные черты недоразвития. В частности, бросается в глаза укороченность Sc и P. При жизни лошади имели спущенный, свислый зад и короткую отвесно поставленную лопатку. Выход шеи был очень низкий, и сама шея была короткой. Все это черты экстерьера, мало подходящие для хорошей верховой лошади. На наш современный взгляд они нежелательны и для хорошей упряжной лошади. В настоящее время упряжная и рабочая лошадь, как правило, является значительно более крупной, а главное — более массивной по сравнению с верховой лошадью. Но в глубокой древности дело обстоит иначе.

Просматривая изображения лошадей в повозках на памятниках как восточного, так и эллинского искусства, мы убеждаемся, что, за редчайшими исключениями, лошади в повозках — меньшего роста и иных форм.

Чтобы не приводить дополнительных иллюстраций из ассирийских рельефов и из Персеполя, я прошу читателя возвратиться к изображению погребального кортежа на Ксанфском фризе (рис. 4).

Верховой конь, которого ведут в поводу, много крупнее двух лошадок, впряженных в двухколесную повозку. И эти лошадки — низкопередые, с совсем другим постановом шеи, чем гордый высокий постанов ее у верхового коня, с туловищем, у которого средняя часть является несоразмерно длинной по сравнению с передом и задом.

Как увязать древние изображения упряжных лошадей с нашими современными представлениями о типе упряжной лошади?

В древнем мире верховая лошадь, предназначавшаяся для войны и охоты, была во все времена и у всех древних народов *materies generosa*, а лошадь, назначением которой являлась работа в повозках, была *materies vulgaris*, по терминологии Колумеллы и других римских авторов.

Затем, для тяжелых работ и для перевозки тяжелых грузов лошади не употреблялись (для этого использовали быков). О предельных грузах, которые накладывались на конские повозки, даже в более позднее время римской империи, когда повсюду были проложены хорошие дороги, мы можем судить на основании соответствующих статей кодекса Феодосия, устанавливающих предельный вес груза: ¹

1) для почтовых повозок — <i>birota</i>	200 римск. фунт. = 66 кг
» » » <i>vereda</i>	300 » » = 99 »
2) для пассажирских повозок — <i>currus</i>	600 » » = 198 »
» » » <i>rheda</i>	. 1000 » » = 300 »

Следовательно, максимальный груз на пару лошадей в случае передвижения с умеренной быстротой был всего 300 кг, не считая веса повозки, который, однако, никогда не превышал 100 кг. С такими нагрузками, конечно, могли справиться и мелкие лошади.

Крутая постановка лопатки и спущенный зад и сегодня не являются серьезным минусом для рабочей лошади. В соединении с низким выходом шеи (угол шеи с горизонтом менее 45°, ближе к 30°) эти особенности экстерьера могли явиться даже плюсом для упряжной лошади в древности. При несовершенстве дышловой запряжки в древности, когда

¹ См.: Lefebvre des Noëttes. L'attelage. Le cheval de selle à travers les âges, т. I. Париж, 1931.

неизвестны были хомут и шлея, когда лошади должны были тянуть повозку с помощью своеобразных ошейников, привязанных к дышлу, крутая лопатка и низко поставленная шея (с углом к горизонту, как у пазырыкских упряжных лошадей, менее 45° , ближе к 30°) представляли меньшую опасность смещения ошейника к верхней тонкой части шеи и превращения ее в своего рода удавку.

Сказанным не ограничиваются все те выводы, к которым приводит исследование лошадей погребальной повозки из кургана № 5.

Когда мы наталкиваемся в числе 14 захороненных лошадей на одну-две молодых лошади, $2\frac{1}{2}$ или 3 лет, мы еще не в состоянии сказать, были ли эти лошади уже взяты в езду, или представляли собой ремонтный молодняк; но когда в числе 4 лошадей, привезших к кургану погребальную повозку, мы видим лошадку, едва достигшую трехлетнего возраста, то мы в состоянии, как мне кажется, утверждать, что лошади на Пазырыке брались в работу уже с этого раннего возраста, в котором они далеко еще не закончили своего развития. Пазырыкские лошади отнюдь не отличались скороспелостью и даже в 4 года еще не достигали крупности лошадей старшего возраста.

В боях пазырыкские вожди, конечно, не сидели верхом на жеребятках, но во время парадных выездов, при торжественных церемониях весьма возможно, что и сидели. В недавнем прошлом богачи-баи в Казахстане, желая показать, что у них много лошадей и им не жалко их, разъезжали верхом на двухлетках и даже на годовиках, конечно не тогда, когда надо было скакать или далеко ехать.

Были ли лошади погребальной повозки тоже меринами, как и верховые кони, или они оставались жеребцами? Материал, имеющийся в нашем распоряжении, недостаточен для окончательного решения вопроса. Гипотеза, что это могли быть и жеребцы, подлежит дальнейшей проверке. В Ассирии, Египте, Хеттии, Элладе и Риме в колесницах и в повозках ездили не на меринах, а по большей части на жеребцах, изредка на кобылах.

Остается последний вопрос, связанный с лошадьми кургана № 5, а также кургана № 6, который самостоятельного значения не имеет: в нем захоронен один конь, «хорошей» группы II, и 2 мелких (старшего возраста и 3 лет), принадлежащих к группе IV и уступающих несколько даже лошадям погребальной повозки кургана № 5. Это вопрос о «типологической» датировке курганов №№ 5 и 6. Здесь мы должны считаться с двумя обстоятельствами.

1) Лучшие, верховые, кони кургана № 5 значительно выше среднего уровня лучших, верховых, коней кургана № 3 и, в особенности, кургана № 4. На них не заметно влияние неблагоприятных высокогорных условий.

2) В то же время упряжные лошади из кургана № 5, а также 2 маленьких лошади из кургана № 6, не только относятся к той же группе IV, к которой принадлежат 4 из 12 полновозрастных лошадей кургана № 3 и 6 из 12 в кургане № 4, но и обнаруживают еще более яркие следы угнетения и захудания: недоразвитие проксимальных отделов конечностей, в отдельных случаях утончение трубчатых костей и другие признаки неотени.

Выйти из этих противоречий можно, на мой взгляд, только признав, что группа маленьких лошадок кургана № 5 — уже не первое, а, может быть, третье-четвертое поколение лошадей, выращенных здесь на Пазырыке и плативших дань его суровой природе. Их назначение, по всей вероятности, было — давать человеку мясо и молоко. Пазырыкская знать использовала их в упряжи.

А чтобы обеспечить себя хорошими верховыми конями, к которым они привыкли и ценность которых знали, пазырыкские вожди принуждены были приводить их из-за гор, из Катуньской долины, и скорее всего с р. Урсул, так как многие более мелкие, но все же характерные особенности, обнаруживаемые при краниологическом и остеологическом изучении верховых лошадей из кургана № 5, говорят об очень большой их близости к верховым лошадям из кургана Шибе.

Тем самым я склоняюсь к тому, чтобы принять более позднюю, даже по сравнению с курганами №№ 3 и 4, датировку курганов №№ 5 и 6.

7. Несколько слов об истории верховой лошади в древности¹

За последние 10—15 лет почти каждый год дарит нас замечательными палеонтологическими и археологическими находками.

И все же на современном уровне изученности эволюции лошади в Азии мы все еще лишены возможности восстановить все звенья непрерывной во времени и пространстве цепи, которая протянулась бы от ископаемых форм через весь плейстоцен до дикой лошади палеолита и неолита, а через нее — до древнейших пород домашней лошади туранских степей, иранских плоскогорий, оазисов Хорезма, Согдианы и Бактрианы. Но одно мы знаем твердо: на арену великих исторических событий конь выступил все же из стран Центральной Азии.

Древние цивилизации Двуречья, Малой Азии, Египта, Индии лошади вообще не знали. Массовое появление в этих странах лошадей из глубин Средней Азии (к востоку от них, в Эламе, домашняя лошадь несомненно была известна уже в III тысячелетии до н. э.)² должно быть отнесено не ранее, как к XVIII в. до н. э., в соответствии с исправленной, по В. В. Струве, хронологией первой вавилонской династии.³

Боевые кони с момента своего появления возбуждали восторг и сеяли ужас.

«Как горный поток, он стремителен, и все его воспевают и почитают. Своими ногами он пожирал пространство, — герой, легко скользящий, как облако, и быстрый, как ветер. Увидев его на поле битвы, враги испускают крик, как при виде коршуна, бросающегося из поднебесья на стадо овец. При нападении он блистает в первом ряду колесниц. Украшенный цветами, друг народов, он стремится вперед. Скакун гордый и справедливый, стройный и гибкий на поле битвы, гордый в атаке на горделивых, легконогий, он вздымает вихрь пыли, которая вьется над его головой.

«Страшные враги уже не страшны и сами трепещут от страха перед ним. Он же без боязни атакует тысячи врагов, непобедимый, ужасный и прекрасный».⁴

В продолжение почти тысячи лет лошадей применяют только в боевых колесницах. Еще на статуе Русы I (730—714 гг. до н. э.) надпись гласила: «С двумя конями и возницей мои руки покорили царство Урарту».

¹ В этом разделе я принужден ограничиться кратким и по неизбежности сухим, отрывочным перечислением некоторых основных фактов и дат, вообще же история лошади в древнем мире заслуживает особой монографии.

² R. Mesquien et V. Scheil. Textes de comptabilité protoélamites. Mémoires de la Mission archéologique de Perse, т. XVII, 1930.

³ В. В. Струве. Датировка I вавилонской династии. ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35.

⁴ Из Wâmadéva, 22, 179—181, по переводу: С. А. Pietrement. Les chevaux dans les temps préhistoriques et historiques. 1883.

Переход к использованию в бою лошади под верхом могли задерживать многие обстоятельства:

1) маленький рост лошадей — мумия и скелет лошади в Египте из погребения XVI в. до н. э. указывают на рост, не достигавший 130 см; иностранные исследователи, склонные обычно к завышению, все же определили его всего в 12½ гэндов, т. е. 127 см в холке;¹

2) большой страх, внушаемый врагам и, казалось бы, бóльшая неуязвимость воина на колеснице;

3) полная, при наличии возницы, свобода рук воина для стрельбы из лука или для маневрирования копьем;

4) употребительная в эту эпоху форма щита, большого и продолговатого.

Основным препятствием все же являлось, по нашему мнению, несовершенство аппарата управления лошадью. Не были еще изобретены удила; тщетно ищем мы их на изображениях лошадей в колесницах, нет их и при находках колесничной упряжи II тысячелетия до н. э.²

Лошади были «подъяремные» или «приученные к ярму», по выражению ассирийских текстов. На голове у них были не уздечки, а недоуздки, и вожжи прикреплялись к лицевому ремню (наморднику, по техническому выражению). Возницы должны были быть «укротителями» и «гонителями коней», и порою, несомненно, было «трудно их укротить и править для каждого смертного мужа» (Илиада, X, 402).

Несовершенство аппарата управления могло искупаться лишь совершенством выездки и подготовки лошади, а о них мы можем создать себе ясное представление по трактату митаннийца Киккули, найденному в архиве хеттских царей в Богазкеой.³

Зарождение конницы, повидимому, происходит на рубеже II и I тысячелетия до н. э. Появляются многочисленные изображения воинов-всадников (в Зендширли, Мараш, Телл Ахмар, Телл Халаф, Кархемыш и др.). В еврейском тексте библии возникает новый термин для обозначения лошадей верховых в отличие от лошадей колесниц. В конюшнях царя Соломона стояли уже и те и другие.⁴

В позднюю пору Ассирийского государства конница как мощный род войсковых соединений играет уже первенствующую роль, хотя и не вытесняет вполне колесниц. Колесницы, снабженные серпами, обязательно налицо во всех больших армиях персидских царей, вплоть до Дария Кодомана. Встречаются они и в армии Митридата во время его борьбы с Римом и украшают собою триумф Лукулла. В странах Передней Азии они доживают даже до III в. н. э., если верить Лампридию.⁵

Среди ассирийских изображений, наряду с маленькими лошадами, встречаются и более крупные. К ним обычно принадлежат как раз верховые лошади. Возможно, что человек применяет уже кастрацию лошади, которая Гомеру еще не известна, так как в Илиаде идет речь только о жеребцах и о кобылах.

¹ Tornton S h a r d. An early horse skeleton. Journal of Heredity, т. XXVII, 9, 1937. — Очень интересно было бы знать, какими окажутся лошади из склепа азербайджанского кургана в Ханларе, который А. Н. Гуммель датировал концом II тысячелетия до н. э. (КСИИМК, XXIV, стр. 55—58).

² См.: W. R i d g e w a y. The origin and influence of the thoroughbred horse. Кэمبرидж, 1905, стр. 223—228.

³ В. Н г о з н у. Archiv orientální, 1931, т. III, № 3. — E. V o g e l e r. Des Stallmeisters Kikkuli 3300 Jahre altes. Lehrbuch des Pferdetrainings.

⁴ A. Z e l l e r. Das Pferd, der Esel und der Hund in der heiligen Schrift. Плауен, 1890.

⁵ Элий Л а м п р и д и й. Жизнь Александра Севера, 54, 55.

Применять кастрацию мелких животных скотоводы Востока начали во всяком случае до 1000 г. до н. э., так как законы Моисеевы содержат запрещение приносить кастрированных животных в жертву.

Появляется и примитивное седло. Сначала всадники сидят не то на попонках, не то на подушках, которые придерживаются нагрудным ремнем.

На Куюнджикском изображении двух женщин, едущих верхом на муле, мы видим если не высокое седло, то очень мягкие подушки.¹ На подушках, и притом толстых и мягких, ездили верхом и знатные персы, чего Ксенофонт не одобрял. Чепраки коней персов украшались

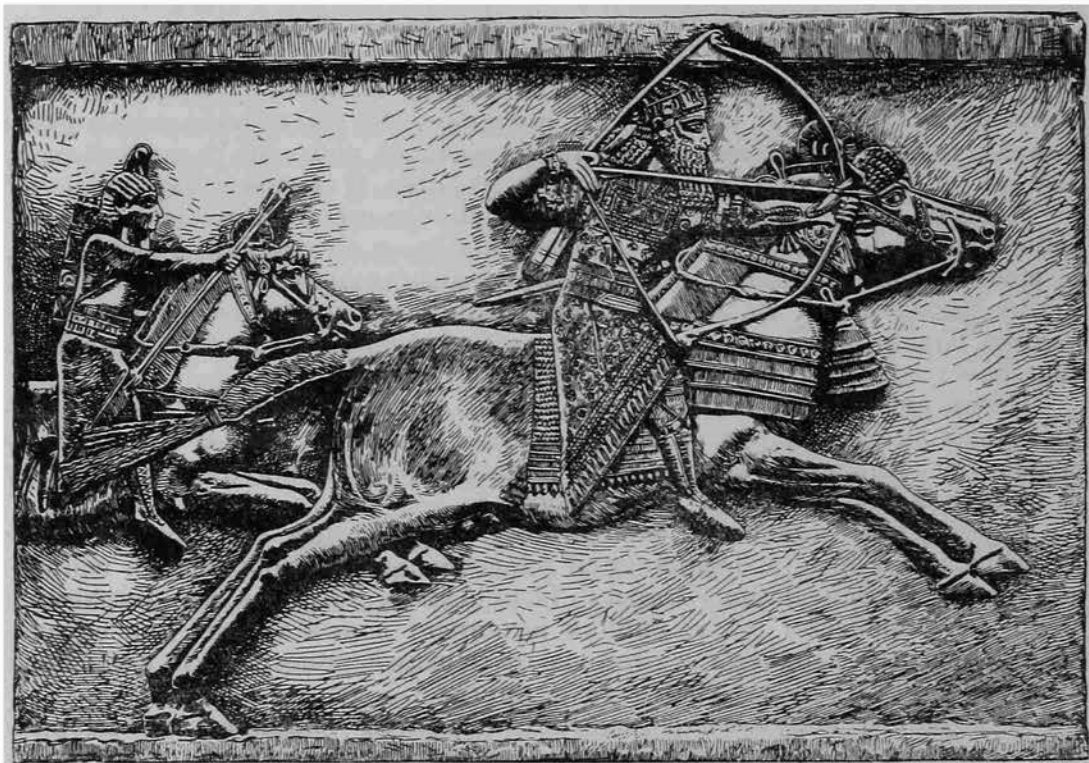

Рис 19. Ассурбанипал на охоте.

изображениями «звериного стиля», мимо чего не мог пройти даже греческий художник, создавая так называемый «саркофаг Александра».

На всех изображениях верховых лошадей мы уже ясно видим удила и можем даже определить форму псалий (рис. 19). Само собой разумеется, что удила после их изобретения нашли себе применение не только в коннице. Начиная во всяком случае с IX в. до н. э. удила уже в употреблении и при колесничной запряжке, хотя в других отношениях она остается попрежнему архаичной.

Укореняется обычай стричь лошадям гривы.

Где именно были изобретены удила и седла, где первоначально был введен обычай стрижки, в Ассирии ли, Хеттии и других странах Передней Азии, или в пределах Средней Азии, или еще далее к северо-востоку, в степях, — об этом мы можем пока что только гадать.

Мне лично хочется связать самую организацию отрядов конницы в Ассирии с появлением или накоплением вблизи северо-восточных ее границ племен степных кочевников-всадников, вечно угрожающих, подвижных и активных в своих военных действиях. Ведь был же вынужден

¹ А. Н. Layard. The Monuments of Nineveh, ser. I. Лондон, 1853, лист 82.

Китай, тревожимый гуннами, приступить к организации своей кавалерии в конце IV в. до н. э.¹

Во всяком случае, степь — не преграда: обычаи и приемы, полезные и удобные для всадников, должны были перениматься и распространяться очень быстро. Это я говорю к тому, что если Ассирия IX—VIII вв. уже имела «седла», хотя и без ленчиков и без луков, то находка седел простейшей конструкции с луками, но все еще без деревянных частей, в курганах №№ 1 и 2 Пазырыка и с примитивными деревянными распорками между луками, первыми зачатками ленчика, в кургане № 5 еще никак не может свидетельствовать о поздней (III—II вв. до н. э.) датировке этих курганов (рис. 20).

Рис. 20. Седло из Пазырыкского кургана.

В южнорусских курганах, датируемых во всяком случае более ранним временем, чем III—II в. до н. э., попадались, насколько можно судить по отчетам раскопок, и седла уже с деревянными ленчиками. Так, например, в Александропольском кургане на верховой лошади, «стоявшей на коленях» в положении «раненого оленя», было обнаружено седло «шириной до $\frac{3}{4}$ аршина»; «на сгнивших кусках его дерева заметны были следы красной краски»,² на передней и задней луках были золотые накладки — в Пазырыке мы находили костяные.

С другой стороны, статуэтка коня из Базар-Калы, которую С. П. Толстов датирует III в. до н. э.,³ свидетельствует о несомненном появлении в Средней Азии к этому времени уже высокого тяжелого седла.

Азиатский, или варварский, по терминологии эллинов, обычай стричь лошадям гривы, в противоположность греческому — оставлять гривы

¹ «Князь из дома Чжао в 307 году ввел в своих владениях одеяние кочевых хун и начал обучать своих подданных конному стрелянию из лука» [см.: Н. Я. Бичурин (Иакинф), ук. соч., ч. I, стр. 9].

² Древности Геродотовой Скифии, вып. 1, 1866, стр. 10.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 219.

нетронутыми, находит возможно более простое объяснение в том, что азиатские всадники были конными лучниками, а эллинские (дорифоры, контофоры, лонгофоры) и впоследствии македонские (сариссофоры) были копейщиками. Длинные гривы лошадей не мешали употреблению копий, но они же могли представлять помеху при натягивании лука и пускании стрел.

На некоторых ассирийских рельефах мы могли заметить определенную разницу в изображениях: когда всадник был вооружен луком, грива лошади была подстрижена; когда вооружение его составляло копье, грива лошади представлена длинной, волнистой.¹ Но в таком случае этот обычай стричь гривы лошадей скорее всего мог возникнуть и свить себе прочное гнездо среди сакских и скифских племен, исконных воинов-лучников.

В войске ассирийян были отряды и конных лучников и конных копейщиков, впоследствии в мидо-персидском войске конные лучники являлись основным видом кавалерии. Знатный перс должен был быть прежде всего хорошим всадником и хорошим стрелком из лука. Вспомним Геродота: «начиная с пятилетнего возраста и кончая двадцатилетним, они [персы] обучают детей только трем предметам — верховой езде, стрельбе из лука и правдивости» (I, 136). Если ход наших рассуждений правилен, то естественно, что лошадей персов в изображениях художников древности мы всегда видим с подстриженной гривой. В греческих же войсках конные лучники появились только после греко-персидских войн. Так именно следует толковать фразу Андокида (около 400 г.): «и в первый раз тогда [после победы над персами] мы организовали отряд всадников и купили 300 скифов-лучников».² Иначе она остается непонятной.

Древняя мидо-персидская держава славилась своим коневодством и своими конями. Надо отметить и особо подчеркнуть, что основным конепроизводящим районом являлись северо-восточные окраины государства. Они-то давали и больше всего лошадей, и лучших «несейских», названных так, по объяснению Геродота, по имени равнины, на которой «водились величественные лошади».

Относительно точного местонахождения Несейской равнины мнения отдельных, даже наиболее осведомленных авторов расходились: Геродот (VII, 40) указывает на Мидию, Птолемей (VI, 10) помещает Несею в Маргиане.

Лошади Персии были несравненно лучше греческих. «Во время своего похода на Грецию, — пишет Геродот (VII, 196), — Ксеркс в Фессалии устроил состязания между своими лошадьми и фессалийской конницей, которую он хотел испытать, так как слышал, что у эллинов это самая лучшая конница. Однако эллинские лошади далеко уступали его коням», — констатирует греческий историк.

Во многих строфах трагедии Эсхила «Персы», написанной через 7—8 лет после Фермопил, Саламина и Платей, живо чувствуется впечатление, оставленное могучей конницей персов:

«От богов, перс, от судьбы дан тебе жребий,
И на то, перс, ты рожден в мир.
Чтоб коней гнать
Там, где пыль битв, там, где ляг сеч».³

¹ В этом отношении типичными являются изображения ассирийского лучника и копейщика, которые даны в «Истории древнего мира» В. В. Струве и С. П. Ковалева (т. I, Изд. ИИМК, М., 1937, стр. 372).

² Даем в переводе В. В. Латышева (ВДИ, 1947, № 2, стр. 321), но думаем, что перевод требует уточнения.

³ Э с х и л. Трагедии. «Персы», 89—92. Изд. Academia, 1937.

После окончания персидских войн в Греции наступил период увлечения персидскими лошадьми; за них платили большие деньги, ими стали улучшать своих эллинских лошадей. У писателей и поэтов Греции и впоследствии Рима на многие столетия установилась своего рода традиция воздавать хвалу коням Персии; художники и скульпторы стали все чаще воспроизводить в своих произведениях азиатский тип лошади. Знание этого положения, выдвинутого нами еще в 30-х годах, совершенно необходимо для правильной трактовки многих произведений античного искусства.

В частности, с того времени одним из признаков высокопородной верховой лошади эллины стали считать и особую форму головы азиатских лошадей, длинномордых и горбоносых, резко отличавшихся в этом отношении от короткомордых с вогнутым профилем лошадок Эллады.

Насколько широкое признание получил новый тип лошади, можно видеть из того, что даже у Платона (Федр, 253) мы читаем, что голову «курносую» — *κυρρόδωπος* — имеет простая лошадь, в то время как благородная лошадь отличается головой горбоносой, «загнутой» — *ἐπιγυρόπος*. В гиппологических сочинениях это требование будет повторяться неоднократно в течение многих столетий. Уцелеет даже в «Геороника» (16, 2) Кассиана Басса (950 г. н. э.).

Голова божественного коня Селены — это идеализированная голова азиатского, восточного коня¹ (рис. 21).

Лошади превосходного типа, сочетающие гармоничность склада с мощью, изображены на некоторых памятниках позднеахеменидского времени. В особенности хороши лошади на гробнице Пайава (IV в. до н. э.), — сужу по слепку с гробницы, находящемуся в Музее изящных искусств им. А. С. Пушкина.

Великолесен также конь на гемме, изображающий охоту персидского (или азиатского? — В. В.) всадника на вепря² (рис. 22).

Поэтическое описание экстерьера несейских, а также и парфянских коней, оставили многие авторы. Приведем одно из них — из «Кинегетикона» Оппиана.

«Кони Несеи превосходят всех своею красотой. Это кони, достойные могущественных царей, прекрасные с виду, мягко выступающие под всадником, легко повинующиеся удилам, высоко несут они свою гордую горбоносую голову, и со славой реют в воздухе золотые их гривы» (стр. 311—315). О парфянских конях Оппиан пишет: «Эти благородные кони, радостно отливающей светлым масти (*χρυσώϊ*), неустрашимые,

Рис. 21 Голова коня Селены с восточного фронтона Парфенона.

¹ Создание коней Селены и Гелноса относят к 438—432 гг. до н. э. См.: G. Richter, ук. соч., стр. 59.

² A. Furtwängler. Antike Gemmen. 1900, табл. XI, 2. — Г Рихтер датирует эту гемму началом IV в. (G. Richter, ук. соч., стр. 67).

не отступающие ни перед какими опасностями». И далее (стр. 303—310) он дает описание охоты на львов в Парфии. Другие «Кинегетиконы» сообщают нам и подробности подобной охоты: загонщики, подняв шум, выгоняют выслеженных зверей на ожидающих всадников-охотников, и те в конном строю несутся навстречу львам. А ведь тогда мундштуков не было, на простом трензеле вели лошадь навстречу страшному зверю, будь то лев или вепрь.

Лошади эти вполне отвечали идеалу боевого коня древности, *Αρειος ἵππος*, верного товарища в походах и смелого соратника в боях. Но разве эти описания и эти эпитеты приложимы только к золотисторыжим несейским и парфянским коням?

Еще в 1937 г. я настойчиво оттенял: «во времена Геродота своим коневодством славились не только Несея, но и ряд других местностей к северу и к востоку, по большей части подвластных Персии или граничащих с нею».¹

Рис. 22. Персидский всадник на охоте.
Гемма.

Вряд ли несейские кони и по верховым качествам своим и по своему экстерьеру заметно отличались от лошадей соседних с ними стран Азии. Сопоставим утверждение Вегециуса: «персидские лошади ростом и складом не очень много отличаются от других пород лошадей».²

Вряд ли, в частности, эти прославленные кони были значительно лучше лошадей кочевников — массагетов или саков. В силу персидской экспансии они стали только более известными народам Передней Азии и Эллады, подобно тому как в XVII—XVIII вв. н. э. туркменские лошади не были знакомы странам Западной Европы, а попадая туда изредка и случайно через Иран и Турцию, считались и назывались турецкими или персидскими лошадьми.

Лошади саков и массагетов, несомненно, постоянно пополняли конский состав конюшен и заводов персидских царей и ахеменидской знати. Ксенофонт сохранил нам рассказ о том, как на конских состязаниях, устроенных Киром, конь одного сака далеко опередил всех своих соперников и как усиленно добивался Кир приобретения этого коня.³

Самые формы конеразведения у мидян и персов были те же, что и у их степных соседей. На несейской равнине паслись и плодились несметные табуны, будто бы до 120 000 голов.⁴ Александр Македонский захватил здесь после победы над Дарием более 50 000 кобыл.⁵

Ни о каких конюшнях для такого множества лошадей, разумеется, не могло быть и речи. Вряд ли осуществлялась и какая-либо подкормка зерном, для чего потребовались бы огромные площади специальных посевов, а об этом источники молчат.

В связи с благоприятными природными условиями — отсутствие суровых зим, хорошие естественные пастбища, люцерна (*herba medica*) и т. п. — лошади могли здесь, в степях Средней Азии, стать с течением

¹ Конские породы Средней Азии. 1937, стр. 19, 20.

² *Ars veterinaria*, VI, 16, 6. — Но от коней Эллады, повторяем, они отличались очень сильно. Различия в экстерьере особо подчеркивал Страбон (XI, 13). — См. еще: H. L. Jones. *The Geography of Strabo*, 1928.

³ Киропедия, VIII, 3.

⁴ E. Feige. *Die Haustierzonen der alten Welt*. Peterm. Mitt., вып. 198, Гота, 1928.

⁵ П. Г. Дройзер. *История эллинизма*, т. I, кн. 4, гл. 3, 1890, стр. 383.

времени несколько крупнее и стройнее, чем в северных степях, но и только.

Нам представляется правильным рассматривать Несейскую равнину как предел распространения коневодства степного типа на юго-запад, а Пазырыкскую горную долину — как предел распространения его на северо-восток.

8. Скифские кони в Египте

Исследователи скифо-сакской проблемы должны были бы, как мне кажется, заинтересоваться одним, если не таинственным, то во всяком случае недостаточно разъясненным конским захоронением, обнаруженным в северном Египте.

Недалеко от пирамиды Уна, в maṣṭaba Древнего Царства были обнаружены позднейшие впускные погребения. Одно из них, точно датированное временем XX династии, было затем вновь потревожено еще вторичным впускным погребением, в свою очередь впоследствии разграбленным. Это последнее интересующее нас захоронение датируется крайне неопределенно — «между XX династией и эпохой Лагидов», но все же и такая предварительная датировка дает, как мы увидим, некоторые отправные точки для последующей, более точной.

Погребение выходило из ряда обычных для Египта. Ранее всего здесь были обнаружены 4 рядом лежащих человеческих гроба «своеобразного, довольно странного вида», с «бочкообразными крышками», сделанными «из одной доски». Особенное внимание обратил на себя один гроб (может быть, как лучше сохранившийся? — В. В.). Это был «a dug out, made from a single beam» — «челнок, выдолбленный из дерева, сделанный из одного ствола». Иными словами, покойник был похоронен в колоде.

Никакого описания вещей, найденных при покойнике, та статья, которую я пользуюсь,¹ не содержит. Может быть, это молчание означает, что погребение было начисто ограблено?

Грабители, однако, оставили на месте погребения кости трех частей туши теленка: лопатку, ребра и ногу.

Картину погребения дополняют три лошади, положенные головами к востоку, по направлению к хозяину. Две из них оказались сильно потревоженными (в том числе одна, видимо, была почти целиком вытащена из могилы), сохранился полный скелет только третьей лошади. Этот конь — № 1 по описи — лежал в особом ящике или гробу.² Ноги его были сложены вдвое, подогнуты и даже закреплены в этом положении веревкой. При укладывании лошади в гроб-ящик «поза раненого оленя» особо властно диктовалась требованиями экономии места.

Конь № 1 мужского пола, старый, уже 18-летний, крупный, достигавший при жизни около 148 см роста.

Не будучи в состоянии обнаружить желательного сходства с современной верховой арабской лошастью, исследователи считают коня № 1 представителем древнеегипетской породы легко-упряжного типа, что, как мы сейчас увидим, совершенно неверно: он не был упряжного типа, равно как и не был египетской породы.

¹ J. E. Quibell and A. Oliver. An ancient Egyptian horse. Annales du Service des antiquités de l'Égypte, т. XXVI, Каир, 1926, стр. 172—176.

² В Александропольском кургане была обнаружена одна, отдельно захороненная, лошадь, которую «вначале покрывала деревянная настилка». ДГС, вып. 1, гл. 1

В приведенной статье дано достаточно детальное описание экстерьера этого коня, не оставляющее у нас сомнений в правильности нашего утверждения.

При умеренной глубине груди конь № 1 отличается более мощным, чем легким, складом, хорошим развитием костяка, безупречным строением конечностей, превосходными, хотя и крупными, копытами, никогда не знавшими ковки. В целом лошадь, несмотря на свои 18 лет, видимо, хорошо сохранилась.

При измерении костей скелета лошади Д. Киббел и А. Олвер использовали изрядно устаревшую методику Виаль де Ст. Бэлл, которую тот применил в 1791 г., исследуя скелет чистокровного скакуна «Эклипса», а именно, за единицу измерения принимают длину (теменную, — В. В.) головы лошади. Все же приведем некоторые цифры из составленной авторами таблицы (табл. 9). Они довольно любопытны.

ТАБЛИЦА 9

Промеры (отношение к длине головы)	Eclipse	Конь № 1
Высота в холке	3	$2^{12}/_{22}$
Высота в крестце	$3 \frac{1}{22}$	$2^{10}/_{22}$
Длина туловища	$3 \frac{3}{22}$	$2^{13}/_{22}$
Высота в локте	$1^{19}/_{22}$	$1^{11}/_{22}$
Длина шеи	$1^{11}/_{22}$	$1^{10}/_{22}$
Ширина во лбу	$1^2/_22$	$8/_22$

Анализируя указанные промеры, мы убеждаемся не только в большеголовости (по сравнению со скакунами нового времени) исследованной древней лошади (высота в холке всего в $2^{12}/_{22}$ раза превышает длину головы), но и в том, что конь этот был верхового склада, с высокой, хорошо развитой холкой (в холке он был выше, чем в крестце — $2^{12}/_{22}$ $2^{10}/_{22}$), с достаточно длинной шеей,

не растянутой в туловище, а почти квадратного формата (высота в холке относится к длине туловища, как $2^{12}/_{22}$ $2^{13}/_{22}$). Голова коня № 1 была своеобразного, чисто азиатского типа: длинная и узкая во лбу (наибольшая ширина во лбу по сравнению с длиной головы составляет всего $8/_22$, в то время как у чистокровного скакуна «Эклипса» — $1^2/_22$).

Всеми отмеченными особенностями склада, равно как и своим ростом — 148 см, конь № 1 не только напоминает, но, можно сказать, повторяет верховых коней группы I Алтайских курганов.

Используя первую строчку приведенной выше таблицы (высота в холке коня № 1 = длине головы $\times 2^{12}/_{22}$), мы сделали попытку вычислить в миллиметрах теменную длину черепа коня № 1. Она оказалась равной приблизительно 581 мм $\frac{(148 \times 22 \times 10)}{56}$. Отсюда, далее, наибольшая ширина лба коня № 1 определяется в $\frac{581 \times 8}{22} = 211$ мм. Все это, конечно, с ошибкой, вероятно в пределах 5—10 мм для длины и 2—5 мм для ширины. Вычисленные цифры, сколь мы ни были подготовлены, но все же достаточно неожиданно, полностью совпали с промерами черепа верхового коня «собственного седла» Пазырыкского вождя из кургана № 5.

	Теменная длина черепа	Ширина во лбу
Конь № 9 из кургана № 5 Пазырыка	581,5 мм	211 мм
Конь № 1 египетского погребения	около 581 »	около 211 »

Голова коня № 1 по своей форме должна была сильно напоминать головы лошадей с восточного фронтона храма Зевса в Олимпии (около

465—460 гг. до н. э.). И эта выразительная древне-алтайского типа голова была предельно далека от головок древнеегипетских маленьких колесничных лошадок, в доказательство чего приводим прекрасное реалистическое, можно даже сказать, портретное изображение головы лошади на рельефе Телл-Амарнского периода (рис. 23).

Трудно, на наш взгляд даже невозможно сомневаться, что мы имеем дело в данном случае с погребением скифского типа. Вопрос в том, к какой именно народности и к какому времени следует отнести это погребение.

По нашему мнению, *terminus a quo* — египетские походы Ассархаддона (671 г. до н. э.) и Ассурбанипала (644 г. до н. э.), в которых принимали участие и киммерийцы, и скифы-асгусаи, и мидяне, и парсуа. К этому периоду, повидимому, относятся находки в северном Египте медных наконечников стрел архаического скифского типа.

Terminus ad quem — завоевание Египта Камбизом (525 г. до н. э.) и вторичное завоевание его Ксерксом, перед самым походом последнего на Элладу, в 484 г. до н. э. В «стоплеменной», как ее называл Эсхил, армии Ксеркса были конные отряды не только персов и мидян, но и саков и других кочевых народов Средней Азии.

Маловероятно, чтобы описываемое захоронение относилось ко времени последующей оккупации Египта персами в IV в., так как оно сопровождалось разграблением гробницы, что можно делать в период завоевания, но не после утверждения устойчивой власти.¹

Если мы обратимся теперь к чрезвычайно трудному вопросу о датировке Пазырыка, то, как мне представляется, *terminus a quo* для Пазырыка — царствование Дария I, который в результате напряженной борьбы положил предел набегам саков и обезопасил северные границы Ахеменидской державы. Этот энергичный отпор, встреченный на юге, должен был дать другое направление — к северу и северо-востоку — той тенденции к расширению территории, к расселению, которая всегда характерна для кочевых скотоводческих племен. *Terminus ad quem* — падение Ахеменидской Персии и образование на ее территории эллинистических государств, ибо при множестве предметов, обнаруживающих связь Пазырыка с Передней и Средней Азией, нет ни одной вещицы с бесспорной печатью эллинистического искусства.

При отсутствии монет и прямых датированных документов всякие соображения должны быть принимаемы во внимание, в том числе и соображения гиппологического характера, а как гипполог я считал бы возможным датировать Пазырык конном VI в. или первой половиной V в. до н. э.

Рис 23. Голова древнеегипетской лошади на рельефе Телл-Амарнского периода.

¹ Геродот (III, 37) оставил определенное указание, что во время похода Камбиза персы вскрывали древние египетские гробницы близ Мемфиса.

З а к л ю ч е н и е

В 1868 г. в своем известном труде «The variation of animals and plants under domestication», в главе о лошади, Дарвин писал: «Вероятно, все существующие породы образовались медленно, либо под прямым влиянием условий существования, либо посредством отбора индивидуальных различий».¹ Это положение Дарвина полностью применимо для объяснения происхождения древнейших пород лошади, создававшихся в те времена, когда человек еще не умел изменять по своей воле самую природу домашних животных путем упражнения органов, направленного воспитания и кормления.

Ход изменений организма в процессе его взаимоотношений со средой, закономерности формообразовательного процесса, протекавшего под прямым влиянием окружающей среды, вели с неизбежностью к тому, что по мере проникновения в более южные — но до известных пределов — районы Азии и по мере некоторого возрастания культурно воздействующего влияния человека домашние лошади должны были изменяться — и притом в определенную сторону — в своих формах и в своих свойствах.

Нет ничего принципиально неприемлемого в том, что древнейшие породы верховых лошадей Центральной Азии (несейская и др.), а через них и позднейшие, так называемые «южные» породы (туркменская, арабская и др.), произошли от дикой лошади, одомашненной в глубинах степной Азии и оттуда быстро распространившейся.

Возможность исключительно быстрого продвижения лошади в новые районы и даже зоны исторически засвидетельствована ходом расселения ее по территории Северной Америки, среди индейских племен, заведомо ранее лошади не знавших. Понадобилось менее двух столетий для того, чтобы от испанских поселений в Мексике лошадь распространилась до Канады и до страны Великих Озер.

Нам надо припомнить, что все попытки отыскать в пределах Средней или Передней Азии какие-либо костные остатки предполагаемого дикого предка «южных» пород лошадей остались безуспешными.

Пресловутый *Equus Pimpellii* из Анау оказался при ближайшем рассмотрении куланом.² Кости онагров, а не лошадей, находят археологи и в древней Месопотамии.³ И нам необходимо, видимо, возвратиться от различных теорий полифилетического происхождения пород домашней лошади к монофилетической, к которой склонялся, как известно, еще Дарвин, т. е. к признанию происхождения всех существую-

¹ «Probably all the existing breeds had been slowly formed either by the direct action of the conditions of life or through the selection» (гл. II, стр. 56, по переизданию 1899 г., Лондон).

² Ошибку Дюрста (1908), считавшего, что кости эквид из Анау принадлежат лошади, первым вскрыл русский исследователь А. А. Браунер (1916). Ошибка Дюрста повела к ряду недоразумений, не прекращающихся в иностранной археологической литературе и сегодня, спустя 40 лет. Позднейшие исследователи, находя при раскопках в Передней Азии кости эквид, сравнивали их с костями *Eq. Pimpellii* и, опираясь на авторитет Дюрста, «открывали» диких лошадей в фауне различных местностей Ирана. Именно таким способом Вoffрей (1939) «обнаружил» лошадей в Тепе-Сялк, в юго-западном Иране; ему вторит Чайльд (1941). Советских археологов следует предостеречь от этих неверных утверждений зарубежных исследователей (J. U. D u e r s t. Animal remains from the excavation at Anau. Вашингтон, 1908. — А. А. Б р а у н е р. Материалы к познанию домашних животных России, I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда. Одесса, 1916. — R. V a u f r e y. Faune de Sialk. Mus. Louvre, Dép. Ant. Orient. S., Arch., вып. 5, 1939. — V G. C h i l d e. Horses and battle axes. Antiquity, вып. 15, 1941).

³ M. H i l z h e i m e r. Animal remains from Tell Asmar, transl. by A. Bruh (Чикаго, 1941).

щих чрезвычайно многочисленных и разнообразных пород домашней лошади от одной дикой первоначальной формы *Equus caballus*, которая водилась в северной степной полосе и которая в момент ее одомашнения могла иметь лишь небольшие локальные различия.

Тем самым в 1950 г., как мне кажется, у меня созревает ответ на вопрос, который вставал передо мной еще в 1937—1940 гг.: были ли кони, появление которых с севера отмечено в истории Индии и Передней Азии, исконными обитателями степей, долин и плоскогорий Средней Азии, или, может быть, они нашли себе здесь вторую родпну, а их первой родиной, в соответствии с древними преданиями Авесты, была «страна, где самый длинный летний день равен двум самым коротким зимним», т. е. находящаяся примерно под 50° с. ш., на параллели припиртышских степей.

Однако осторожный исследователь не должен игнорировать и другой возможный путь проникновения с севера одомашненной лошади в страны Передней Азии — с Северного Кавказа через Закавказье. Вспомним Майкопскую чашу, вспомним найденные в Сузах изображения не только дикой степной лошади, но и зубра, заведомого автохтона Кавказа, причем это последнее изображение особо поражает художественной выразительностью, изумительным реализмом.

С нетерпением ожидаю публикации и археологического анализа загадочного пока для меня изображения охоты на лошадей (не онагров), которое, как я был извещен в 1949 г., имеется в коллекциях Музея Грузии им. С. Н. Джанашиа.

Я глубоко убежден, что история лошади, равно как и других домашних животных, дает богатые, еще далеко не исследованные возможности — в некоторых случаях если не ключ, то нить Арпады — для понимания многих спорных вопросов истории древнего общества, полное разъяснение которых может быть достигнуто лишь длительной систематической работой советских ученых, восстанавливающих прошлое Родины во всех волнующих и дорогих нам очертаниях.

А. А. ИЕССЕН

РАННИЕ СВЯЗИ ПРИУРАЛЬЯ С ИРАНОМ

1

Вопрос о культурных связях между областями Урала и Приуралья, с одной стороны, и странами Юга, в частности — Ираном, с другой, неоднократно ставился в археологической литературе.

Исходными данными при рассмотрении этого вопроса послужили многочисленные находки раннесредневековых изделий из серебра, главным образом сасанидских сосудов, поступавшие в музеи и частные собрания с конца XVIII в. и зарегистрированные первоначально в Строгановских поместьях Пермского Прикамья, а затем, уже в XIX в., и на значительно более широкой территории Южного и Среднего Урала и прилегающих к нему с запада и востока областей.

Находки эти в значительной степени послужили аргументом в пользу фантастической гипотезы о чрезвычайно высокой древней культуре Пермского края; их сопоставляли со сведениями скандинавских саг о Биармии, которую и хотели видеть в Прикамье.

Дальнейшее накопление археологического материала в течение XIX в., а затем и постепенно развернувшееся научное исследование края в археологическом отношении показали необоснованность этих построений.

На широкой научной основе изучение проблемы проникновения на Урал многочисленных изделий южного происхождения было поставлено в начале текущего столетия Я. И. Смирновым, который, однако, не успел закончить исследование этого интереснейшего вопроса, ограничившись изданием только первой его части — известного свода находок «Восточного серебра» на территории России.¹

В последующие годы продолжалось накопление и публикация импортных в Приуралье предметов южного происхождения, параллельно с чем развернулось систематическое изучение археологических памятников края и исследование процесса исторического развития местного населения в древности.

В результате планомерных работ советских археологов на Урале и в соседних районах мы теперь этот процесс местного культурного и исторического развития знаем значительно лучше и полнее, чем 25—30 лет тому назад; следовательно, и к интересующему нас вопросу мы можем подойти с иных позиций и с иным знанием фактов, чем это было раньше.

¹ Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1909.

Прежде чем решать вопрос о причинах появления в Приуралье в эпоху раннего средневековья огромного количества импортных изделий, представляется совершенно необходимым выяснить, каковы были сношения древнего населения края с югом в более ранние исторические эпохи, и тем самым получить известную перспективу для разработки данной проблемы.

По этому пути в свое время пошел А. В. Шмидт, показавший в своих исследованиях, что отдельные предметы южного происхождения проникли в Приуралье значительно раньше, чем IV—VII вв. н. э., к которым относится подавляющее большинство находок сасанидского и византийского серебра.

В частности, А. В. Шмидт отметил наличие в Приуралье, начиная с I в. н. э., ряда монет и предметов среднеазиатского происхождения,¹ в том числе четырех монет с Гляденовского костыща, теперь определенных как хорезмийские, а затем в другой работе обратил внимание на находку египетской статуэтки Амона, датированной 750 г. до н. э.—400 г. н. э. (скорее всего 750—300 до н. э.), у с. Конецгор в устье р. Чусовой и на находки египетских пастовых бус в погребениях ананьинского времени.²

Несколько предметов, происходящих из ахеменидской Персии, отмечает в своих исследованиях скифских памятников Приуралья М. И. Ростовцев.³

В том же направлении шло исследование К. В. Тревер, выделившей в составе так называемого «восточного серебра» более раннюю группу изделий, относимых ею к среднеазиатским производственным центрам III—II вв. до н. э., т. е. к эпохе греко-бактрийского государства.⁴

Наконец, необходимо упомянуть статью А. М. Волкович, посвященную находкам эллинистическо-римских сосудов из бронзы в Прикамье.⁵

Таким образом, в итоге мы сейчас имеем возможность оперировать довольно большим материалом, характеризующим проникновение на Урал и в прилегающие районы изделий южного, — как средиземноморского, так и переднеазиатского, — происхождения в досасанидское время, примерно вплоть до I—II вв. н. э.

Для последующего времени большое значение имеют исследования С. П. Толстова, установившего чрезвычайно большую роль Хорезма в экономических связях Приуралья, начиная с первых веков новой эры, — связях, возможно сопровождавшихся и политическим подчинением Хорезму некоторых племен Приуралья.⁶ Результаты этих исследований необходимо иметь в виду и при рассмотрении сношений Приуралья с югом в более раннее время, до начала н. э.

Задачей настоящей статьи является сообщение некоторых дальнейших наблюдений по вопросу о наиболее ранних сношениях Приуралья с Ираном.

¹ А. В. Ш м и д т. Туйский всадник (к вопросу о ранне-исторических связях между Уралом и Средней Азией). ЗКВ, т. I, Л., 1925, стр. 410—434; в частности, 429—431.

² А. В. Ш м и д т. Древний Восток и русский Север. НВ, кн. 13—14, 1926, стр. 343—350.

³ М. И. Р о с т о в ц е в. Курганные находки Оренбургской области. МАР, № 37, Пгр., 1918, табл. I и стр. 82, 83 (справка акад. П. К. Коковцова). — О н ж е. Скифия и Восток. Л., 1925, особенно стр. 611. — R o s t o v t z e f f. Iranians and Greeks in South Russia. Оксфорд, 1922, стр. 122, 123.

⁴ К. В. Т р е в е р. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940.

⁵ А. М. В о л к о в и ч. К южным связям Прикамья в последние века до н. э. и в первые века н. э. Тр. Отд. истории первобытной культуры, I, Эрмитаж, Л., 1941, стр. 219—236.

⁶ С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 173—195.

При настоящем уровне наших знаний древнейшие предметы иранского или, говоря несколько шире, переднеазиатского происхождения в прилегающих к Уралу областях известны в сочетаниях, позволяющих время их проникновения на север относить к эпохе объединения Передней Азии в ахеменидском государстве, — эпохе, соответствующей на севере периоду расцвета скифской культуры, в том числе и ее восточного — волжского и южноуральского — варианта, а еще далее на север, в лесных областях Приуралья, — времени Ананьинской культуры.

В истории развития местного населения это время знаменует собой завершившийся или завершающийся переход на высшую ступень варварства: в степных районах складываются кочевые формы хозяйства, выделяется племенная знать, происходит постепенное освоение железа. В несколько замедленном темпе те же процессы наблюдаются и у оседлых племен лесных областей.

Эти глубокие изменения в развитии местного населения создали новые условия, способствовавшие значительному росту межплеменных сношений. Отражение этого роста мы видим в археологическом материале, позволяющем проследить в рассматриваемое время значительно большее количество и более разнообразный состав импортных предметов, попадавших путем межплеменного обмена в Уральский край, чем это имело место в предшествующую эпоху медно-бронзового века.

Объяснение этому явлению следует искать в том, что молодая племенная знать, с одной стороны, сосредоточивала в своих руках относительно значительные богатства (скот, меха, металл и т. п.), которые не находили применения в собственном хозяйстве и могли быть использованы для обмена; с другой же стороны, эта знать стремилась к получению таких предметов, не производившихся на месте, которые удовлетворили бы ее возросшим потребностям и в то же время подчеркивали бы ее превосходство над соплеменниками. Поэтому в импорте в Приуралье впервые основное место начинают занимать предметы, которые можно отнести в условиях того времени к предметам роскоши, как, например, драгоценные украшения и посуда.

Естественно, что в этих условиях особенно интенсивными становятся сношения с южными странами, находившимися на более высокой ступени культурного развития, так как только оттуда можно было получать необходимые «драгоценности», каковыми в глазах приуральских племен могли являться вообще всякие произведения относительно высокой культуры, далеко не обязательно относившиеся к предметам роскоши на своей родине.

На этой общей основе представляется весьма интересным выяснить время и характер первоначального установления и развития культурных сношений Приуралья с Ираном и вообще с Передней Азией. В этих целях необходимо прежде всего получить представление о фактическом материале, говорящем о наличии этих сношений, а затем разобрать возникающие в связи с ним вопросы.

Попытки установить прямые следы культурных сношений стран Передней Азии с внутренними областями Восточной Европы в III и II тысячелетиях до н. э. пока не дали положительных результатов. Нисколько не отрицая огромного влияния древнего культурного очага в области Египта и Передней Азии на все окружающие страны Старого Света, следует все же учитывать, что влияние это непосредственным могло быть только в пределах ближайшей периферии древневосточного мира. Во все же страны, расположенные вне этого ближайшего окру-

жения, влияние передовой высокой культуры могло проникать лишь косвенным путем, через множество промежуточных звеньев, путем постепенного распространения новых культурных приобретений, технических усовершенствований и навыков. Местные общества развивались самостоятельно, по своим внутренним закономерностям, но наличие передовых культурных очагов все же могло оказывать известное ускоряющее влияние на это развитие. Сила этого влияния, несомненно, была тем более значительной, чем ближе к передовому центру данное общество обитало и чем выше была достигнутая им самим ступень культурного развития.

Можно поэтому допустить, что первоначальным знакомством с металлом население Приуралья было обязано южным культурным влияниям,¹ однако такое влияние на приуральские племена могло непосредственно исходить только от ближайших южных соседей, обитавших в нижнем Поволжье, Предкавказье и северных районах Средней Азии; с другой стороны, такое влияние могло быть воспринято только при условии достижения местным населением соответствующего уровня культурного развития, при котором возникла уже потребность в новом материале и возможность освоения новых технических приемов. Во всяком случае, нет никаких оснований постулировать прямые связи между странами Передней Азии и внутренними областями Восточной Европы, как это пытался неудачно утверждать, например, С. Пшеворский.²

Фактический материал, относящийся ко II тысячелетию до н. э., позволяет нам установить сношения древнего населения Урала только с различными областями Европейской части СССР, с Казахстаном и Западной Сибирью, но не дает никаких указаний на обмен, хотя бы и через промежуточные этапы, с более далекими южными странами.³

Только в I тысячелетии до н. э. положение меняется, и ко времени развития скифской и Ананьинской культуры относятся первые следы сношений населения Уральского края с Передней Азией.

Обратимся к краткому обзору соответствующих археологических памятников.

Одна из относящихся сюда находок была сделана в 1897 г. в Башкирии, на горе Песчаной, близ левого берега речки Нила, левого притока Юрюзани. Из состава этой находки Н. И. Булычов приобрел и в 1902 г. издал⁴ следующие предметы, поступившие затем через Археологическую комиссию в Исторический музей в Москве:

1) Большая бронзовая чаша — фиала, чеканенная из толстого листа, с вогнутым внутрь выступом (омфалом) в середине ее. Чаша украшена ниже гладкого отогнутого наружу края пояском из тринадцати ложковидных выступов, помещенных между верхними концами поднимающихся от омфала гладких листьев. Контуры выступов и края листьев обозначены желобчатыми линиями, вдавленными внутрь чаши. Диаметр по верхнему краю 16.7 см, высота 4.2—4.5 см (рис. 1).⁵

2) Вторая бронзовая фиала, чеканенная, тонкостенная, с небольшим омфалом и гладкой поверхностью. Край чаши, слегка отогнутый наружу,

¹ Такую мысль высказал А. В. Шмидт (Стоянка у станции Левшино. СА, V, 1940, стр. 25, 26).

² St. Przeworski. Zagadnienie wpływów Bliskiego Wschodu w kulturze Fatjanowskiej Rosji Srodkowej. Swiatowit, XV, Варшава, 1933, стр. 55—62.

³ Вряд ли прав А. В. Шмидт, сопоставляя, например, некоторые медные наконечники копий из Татарской АССР с шумерскими и ставя вопрос о необходимости соответствующего пересмотра хронологии (НВ, кн. 13—14, 1926, стр. 349, 350).

⁴ Н. И. Булычов. Древности из Восточной России, вып. I. М., 1902, табл. XIII, 1—4.

⁵ Гос. Исторический музей, № 40296.

отделяется от донной части кольцевым уступом. Диаметр чаши 15.2 см, высота 5.0—5.2 см (рис. 5, 2).¹

3) Такая же малая фиала. диаметр 12.3 см, высота 4.5 см (рис. 5, 3).²

4) Бронзовая ажурная бляха с ушком на оборотной стороне и с изображением животного, исполненным в «скифском» зверином стиле. Высота 6 см (рис. 14, 1).

Остановимся прежде всего на первой фиале. На основании целого ряда аналогий мы сейчас вполне уверенно можем отнести ее к изделиям

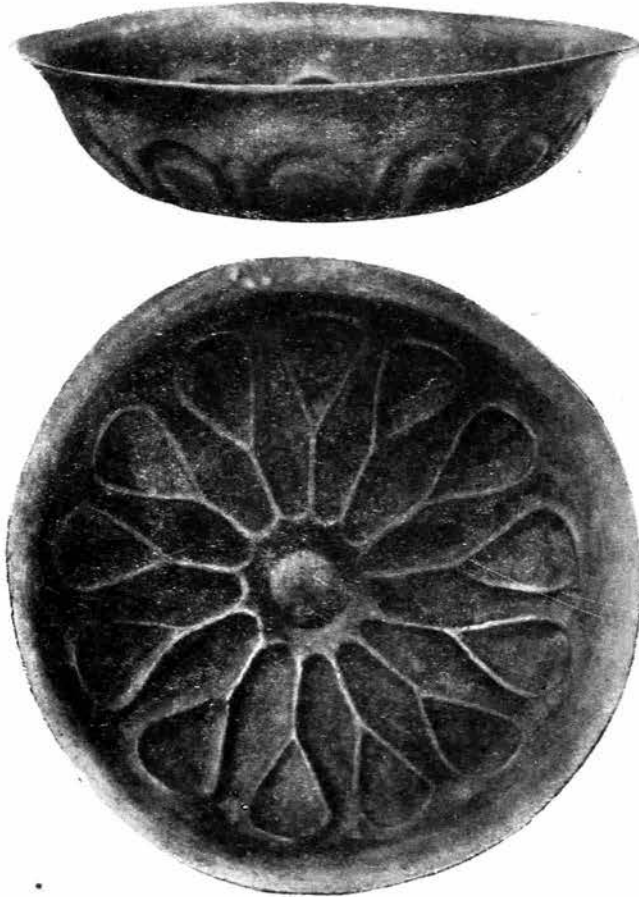

Рис. 1. Бронзовая ориентированная фиала с Юрюзани.

переднеазиатских производственных центров ахеменидского времени. В недавней монографии Г. Лусшей, специально посвященной фиалам,³ чаши этого типа отнесены к группе фиал «с противостоящими выступами», т. е. рядом крупных выступов ниже края и с навстречу им направленными, обычно так же рельефно выступающими листьями, часто в верхнем конце завершающимися цветком. Ранние формы чаш этой группы представлены серией ассирийских фиал VII в., тогда как более близкие к нашему экземпляру относятся к ахеменидскому времени.

Из числа аналогичных сосудов, кроме обломка чаши из Зуевского могильника, о котором речь будет ниже, следует упомянуть серебряную фиалу Ахалгорийского клада, найденного в 1908 г. в Ксанском ущелье

¹ Там же, № 40295.

² Там же, № 40294.

³ Н. L u s c h e y. Die Phiale. Блейхероде у Гарна, 1939.

в Грузии. Эта фиала от юрюзанской отличается резкой профилировкой, высоким рельефом выступов и прямым, не отогнутым наружу, краем. Между большими выступами, которых здесь только девять, листья завершаются трехлепестковыми пальметками или цветами. Диаметр чаши 15.5—16.5 см.¹ По общему облику эта чаша типологически должна считаться более ранней, чем юрюзанская.

Близка по форме к рассмотренным фиалам также и стеклянная чаша из обнаруженного в 1940 г. богатого погребения на р. Алгети в Триалети (Грузия). Эта чаша, диаметром 16 см, не имеющая омфала, отличается от рассмотренных сосудов более широким гладким краем и числом ложковидных выступов, достигающим 14 (рис. 2).²

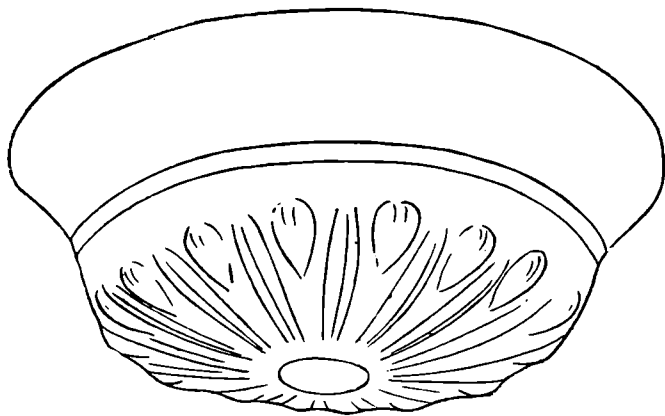

Рис. 2. Стеклянная фиала из Алгетского погребения. Музей Грузии. (По Б. А. Куфтин).

Обе последние находки, и ахалгорийская и алгетская, на основании всего составляющего их вещественного инвентаря, относятся к ахеменидскому времени, однако ни Я. И. Смирнов, ни Б. А. Куфтин в своих публикациях не уточняют их даты. По целому ряду элементов они являются синхронными, абсолютная же датировка составляющих эти комплексы предметов, повидимому, охватывает конец VI и часть V в. до н. э.³

Иной вариант того же типа представлен группой ахеменидских чаш или блюд несколько больших размеров и относительно более низких. Таково, например, серебряное блюдо из собрания Т. Л. Джекса, найденное в Мазандеране, имеющее диаметр в 28 см при наличии четырнадцати ложковидных выступов (рис. 3, 1).⁴ Лusher датирует его концом VI в.⁵

Более поздним представителем этого же варианта является серебряное блюдо бывшего собрания Ханенко, происходящее с южного побережья Черного моря и имеющее двадцать ложковидных выступов

¹ Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, стр. 45—46, № 63 и табл. XI. При описании этой фиалы Я. И. Смирнов упоминает юрюзанскую чашу. Воспроизведена также: *A Survey of Persian Art*, IV, Лондон—Нью-Йорк, 1938, табл. 119, А.

² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 37 и табл. VIII.

³ Н. Luschey (ук. соч., стр. 50) относит ахалгорийскую фиалу № 63 к концу VI в. до н. э.

⁴ *A Survey of Persian Art*, I, стр. 371; IV, табл. 120, А.

⁵ Н. Luschey, ук. соч., стр. 51.

(рис. 3, 2).¹ Лушей датирует его, может быть несколько слишком поздно, примерно рубежом IV—III вв. до н. э.² По схеме орнамента это блюдо связывается с рассмотренным ниже блюдом из Прохоровских курганов.

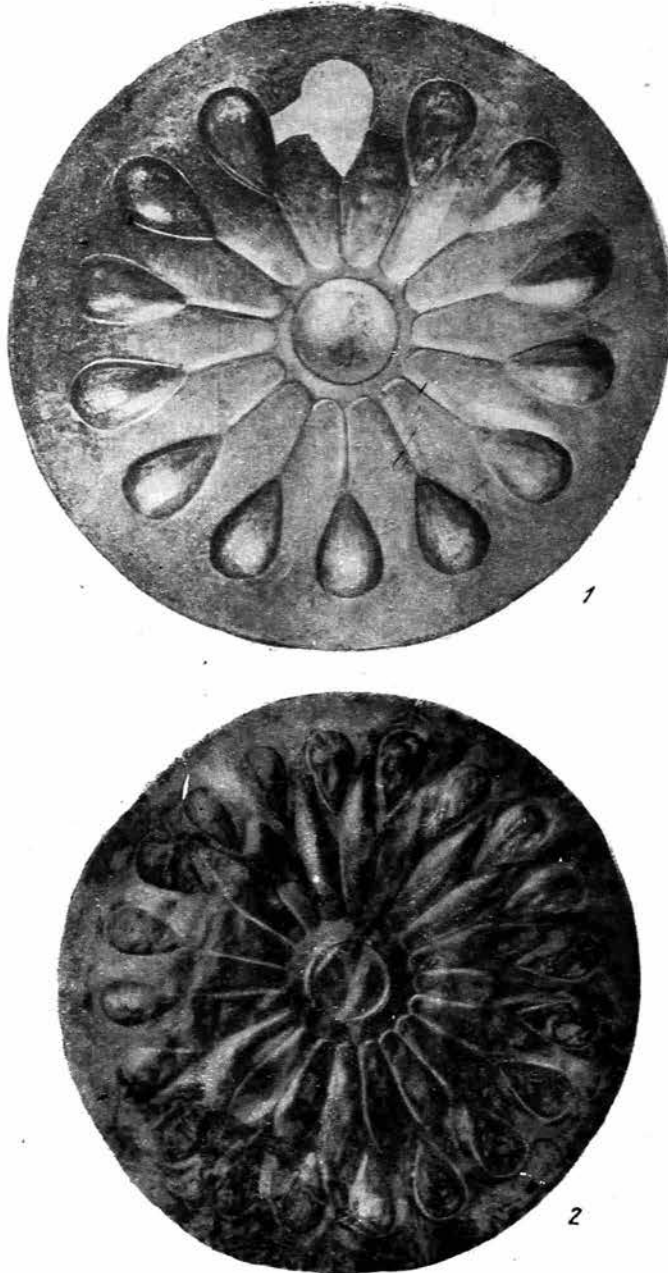

Рис. 3.

1 — Серебряное блюдо из Мазандерана. Собрание Т. Д. Джекса; 2 — серебряное блюдо с южного побережья Черного моря. Собрание Ханенко.

На основании этих сопоставлений дата юрюзанской фиалы может быть определена как V в. до н. э. К неорнаментированным фиалам этой находки мы вернемся несколько позже.

¹ Древности Приднепровья, вып. VI. Киев, 1907, табл. XXVII, № 406 (масштаб не указан).

² Н. L u s c h e y, ук. соч., стр. 51.

левом притоке Белой, впадающем в нее километрах в 45 северо-восточнее Стерлитамака, при неизвестных обстоятельствах найдена группа вещей, изданных Н. И. Булычевым¹ и находящихся в Центральном краеведческом музее Башкирии в Уфе. Среди этих вещей, несомненно разнообразных по месту своего изготовления, имеется бронзовая фиала (рис. 5, 1), такого же профиля, с омфалом и такого же почти размера (диаметр около 15 см), как и две меньшие фиалы юрюзанской находки.

От рассмотренных выше чаш все эти три экземпляра резко отличаются наличием четкого уступа между донной и краевой частями сосуда. Однако,

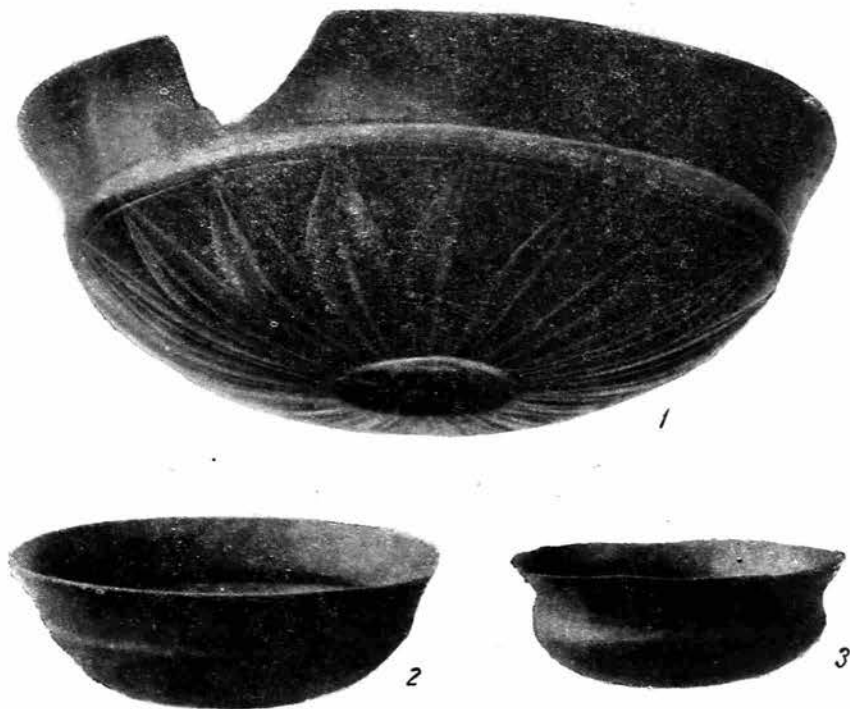

Рис.

1 — Бронзовая фиала с речки Куганак. Центральный музей Башкирии. $\frac{2}{3}$ н. в.; 2 3 — бронзовые фиалы с Юрюзани. Исторический музей, Москва. $\frac{1}{3}$ н. в.

тогда как обе фиалы с Юрюзани (рис. 5. 2 и 3) не имеют орнаментальной декорации, куганакская фиала в нижней своей части орнаментирована большой розеткой из восемнадцати (?) длинных остроконечных лепестков, достигающих своими остриями перегиба чаши и имеющих продольную жилку²

Куганакская фиала несомненно может быть отнесена к изделиям иранского происхождения. Она входит в группу фиал, названных в монографии Г. Лушея «Blattphialen» — фиалами с листьями — и охарактеризованных им как специфически персидская группа.³

Автору монографии не было известно ни одного экземпляра подобных фиал с территории СССР. Из приведенных Лушеем чаш этой группы чрезвычайно близки к нашей фиале бронзовая фиала в Мюнхене⁴ и две стек-

¹ Н. И. Булычев. Древности из Восточной России, вып. II. СПб., 1904, табл. I и II.

² Там же, табл. I, 3.

³ H. L u s c h e u, ук. соч., стр. 125 сл.

⁴ Собрание Лоев, № 58, диаметр 14 см, высота 5.4 см. — L u s c h e u, ук. соч., рис. 37.

лянных Берлинского собрания,¹ все три неизвестного происхождения. Можно с уверенностью считать их одновременными с куганакским экземпляром.

Лучшей на основании ранней техники стеклянных чаш считает возможным датировать их «еще эллинистическим» временем.

Между тем сейчас есть возможность уточнить возраст всех этих чаш при помощи новой находки в СССР, в уже упоминавшемся Алгетском погребении в Грузии. Здесь вместе со стеклянной фиалой, рассмотренной выше, найдено серебряное «блюдо», без омфала, диаметром 22.5 см (рис. 6). Блюдо это имеет более уплощенную и широкую верхнюю часть, чем наша фиала, а в нижней своей части орнаментировано совершенно такой же розеткой из двадцати восьми длинных листьев с продольными жилками, как и куганакская фиала. Остриями своими листья в обоих случаях упираются в уступ сосуда или почти достигают его.²

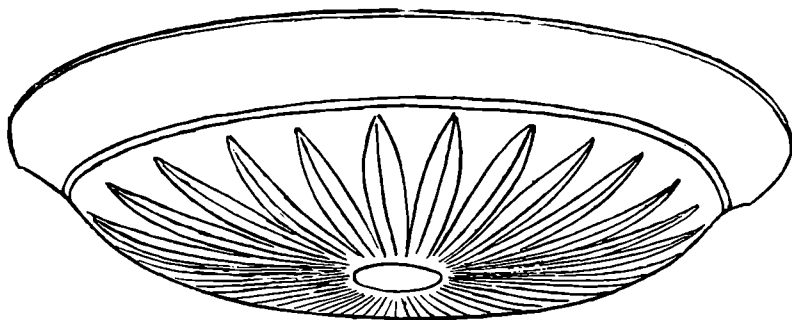

Рис. 6. Серебряное блюдо из Алгетского погребения. Музей Грузии. (По Б. А. Куфтину).

Этого сопоставления достаточно для того, чтобы считать совершенно необоснованным ограничение возраста берлинских стеклянных фиал эллинистическим временем. Очевидно, что и орнаментация и техника берлинских чаш, а тем самым и куганакская фиала, могут быть датированы временем, близким ко времени Алгетского погребения, т. е. скорее всего еще V или даже концом VI в. до н. э.

Более далекую аналогию куганакской чаше представляет серебряная фиала, найденная Ж. де Морганом в позднеахеменидском погребении в Сузах, датированном четырьмя монетами и сооруженном, по видимому, непосредственно перед македонским завоеванием (331 г. до н. э.). Эта фиала (рис. 7) имеет диаметр 14.8 см и с наружной стороны украшена центральной розеткой из шестнадцати лепестков и окружающей ее наружной розеткой из сорока остроконечных лепестков.³ Вполне закономерен вывод, что куганакский экземпляр не только типологически, но и хронологически старше фиалы из Суз.

Сопоставляя все эти наблюдения, следует куганакскую фиалу и две меньших фиалы с Юриозани, по своему профилю весьма близкие ей, считать одновременными. Датировка всех их V веком будет достаточно широкой и осторожной, соответствующей современному уровню наших знаний.

¹ Берлин, Антиквариум, собр. Бартольди, №№ 2125 и 2126; диаметр 17.1 и 18.8 см. Вторая из них изображена у Luschev (ук. соч.) на рис. 40.

² Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 36 и табл. VII внизу.

³ J. de Morgan. Découverte d'une sépulture achéménide a Suse. Délégation en Perse. Mémoires, т. VIII. Париж, 1905, стр. 41 и табл. III.

Близки по времени к рассмотренным выше чашам находки из курганов около с. Покровки на Илесе, в 50 км к западу от Илецкой Защиты.

Рис. 7 Серебряная фиала из Суа. Лувр.

Здесь в 1911 г. было разграблено несколько курганов, после чего два из них были исследованы И. А. Кастанье. Курганы эти датируются примерно V—IV вв. до н. э.¹

¹ И. А. Кастанье. Отчет о раскопке двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. Тр. Оренбургск. уч. архивн. ком., вып. XXIX, 1913, стр. 73—83. — К датировке см.: М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области.

Во втором из исследованных курганов обнаружены, между прочим, черепки сосудов так называемого финикийского стекла, синего с белыми и красными прослойками, а также ахеменидская халцедоновая печать, оправленная в золотой колпачок (рис. 8).¹

Покровский курган пока является самым южным в Приуралье памятником, давшим находку ахеменидской вещи.

К более позднему времени относится другой памятник южного Приуралья. В 1911 г. у с. Прохоровки, к северу от Чкалова, в верховьях р. Демы местными жителями было раскопано четыре кургана, причем в первом из них найдены были два серебряных блюда с надписями арамейским письмом. Оба эти блюда находились в бывшем Оренбургском музее, и исследованию их предполагал посвятить особую работу Я. И. Смирнов. Исследование Я. И. Смирнова, к сожалению, не было закончено. Поэтому опубликованные сведения об этих блюдах ограничиваются воспроизведением снимков, помещенных в монографии М. И. Ростовцева,² и опубликованной там же краткой заметкой акад. П. К. Коковцова, посвященной надписям на них.

Оба прохоровские блюда по своей форме и декорировке могут быть отнесены к более поздним дериватам фиал ахеменидского времени, к каковым принадлежат рассмотренные выше экземпляры.

Одно из блюд (рис. 9)³ относится, как и юрюзанская фиала и обломок из Зуевского могильника, к группе фиал «с противостоящими выступами». Лучшей по второстепенному признаку — наличию продольного ребра на поднимающихся от омфала листьях — выделяет это блюдо и ряд других в особую подгруппу.⁴ Однако, с точки зрения общей орнаментальной композиции, прохоровское блюдо близко к зуевскому обломку, не имеющему продольных ребер на листьях. Общим у них является смыкание ложковидных выступов в сплошной пояс. В зуевском экземпляре это достигается соприкосновением желобчатых обрамлений смежных выступов, благодаря чему листья нижней розетки отрезаны от завершавших их цветов, сохранившихся лишь в виде выпуклых точек. На прохоровском блюде все двадцать ложковидных выступов соединены между собой еще поперечными перемычками, пересекающими рельефные обрамления смежных выступов. Здесь нижние листья также отрезаны от своих цветков, но цветки сохранены путем рассечения обрамлений выступов в верхней их части и превращения их, вместе с заключенной между ними выпуклой точкой, в лотосовидный цветок.

Второе блюдо (рис. 10)⁵ также имеет омфал и шестнадцать ложковидных выступов, но традиционная орнаментальная схема здесь совершенно распалась. Весь орнамент разделен на три пояса: в центре омфал орнаментирован розеткой, далее внутренняя розетка из листьев заменена исходящими из центра криволинейными лучами, а наружный пояс

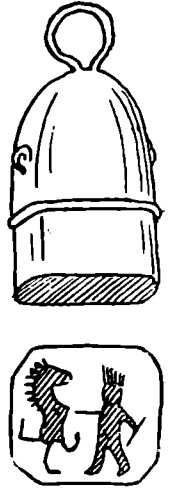

Рис. 8. Халцедоновая печать из 2-го кургана в с. Покровка. (По рисунку М. П. Грязнова).

МАР, № 37, стр. 23: не позже VI—V вв.; там же, стр. 76: не позже V—IV вв. — О н ж е. Скифия и Боспор, стр. 612: III в. до н. э. — О н ж е. *Iranians and Greeks*, стр. 124: V в. до н. э.

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки. стр. 21; печать издана там же, табл. VI, 10—12.

² Там же, табл. I, 1—2; на стр. 82—83 помещена заметка П. К. Коковцова.

³ Там же, табл. I, 2.

⁴ Н. Luschev, ук. соч., стр. 41 сл. (подгруппа D, № 25).

⁵ М. И. Ростовцев. Курганные находки. , табл. I, 1.

из выступов и цветов разделан дробными орнаментальными мотивами. Это блюдо Лусшей относит к своей группе «фиал с одним рядом выступов», в которой искусственно объединены совершенно разновременные памятники.¹

Сопоставляя первое блюдо с другими приведенными фиалами, можно считать, что оно примерно одновременно с блюдом собрания Ханенко

Рис. 9. Серебряное блюдо из первого Прохоровского кургана.

Рис. 10. Серебряное блюдо из первого Прохоровского кургана.

(рис. 3, 2), а также с известным блюдом Британского музея из района Эрзинджана, на котором выступы также сомкнуты своими обрамлениями и где над их соединениями имеются выпуклые, сходные с прохоровскими, цветки.² Очевидно, что оба прохоровские блюда примерно одновременны. Дату их изготовления Лусшей определяет около рубежа IV и III вв. до н. э.³

¹ Н. Lushey, ук. соч., стр. 61 сл. (№ 7).

² O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. 2-е изд., Лондон, 1926, табл. XXIII, № 180.

³ Н. Lushey, ук. соч., стр. 54.

Время сооружения первого Прохоровского кургана можно относить к III в. до н. э.¹

Кроме рассмотренных блюд, в том же первом Прохоровском кургане были найдены части железного меча и золотой обкладки его ножен, украшенной накладной филигранной проволокой и эмалью.

Меч этот детально разобран М. И. Ростовцевым, установившим принадлежность его к особой группе, вместе с мечом из Буеровой могилы на Таманском полуострове и некоторыми другими.² Происхождение этих мечей от архаического акинака, типа акинаков из Острой могилы у Томаковки, из Золотого кургана у Симферополя и из Феттерсфельде, можно считать бесспорным. Из уральских находок к этой группе принадлежит еще короткий меч с золотой обкладкой ножен из кургана у посада Красногорского б. Орского уезда, в 80 км от Чкалова.³ Вопрос о месте изготовления богатых мечей типа обнаруженных в Прохоровке и Буеровой могиле пока остается открытым. Вполне возможно, что эти мечи и ножны, примерно III в. до н. э., изготовлены не в Причерноморье, а где-то в периферийных районах Ирана, от Средней Азии на востоке до Закавказья на западе. Впредь до более полного изучения археологических памятников этих областей, относящихся к VI—II вв. до н. э., вопрос вряд ли может быть разрешен окончательно. Во всяком случае, однако, можно считать, что в южное Приуралье меч из Прохоровки попал как импортная вещь с юга и поэтому должен быть условно включен в наш обзор.

Б. Н. Граков упоминает еще обнаруженный им в 1930 г. в урочище Ак-джар Актюбинской обл. край бронзового блюда того же типа, что и серебряные из Прохоровки.⁴

К числу ранних переднеазиатских изделий, найденных на Урале, следует также отнести недавно изданный в посмертной статье Н. А. Про-

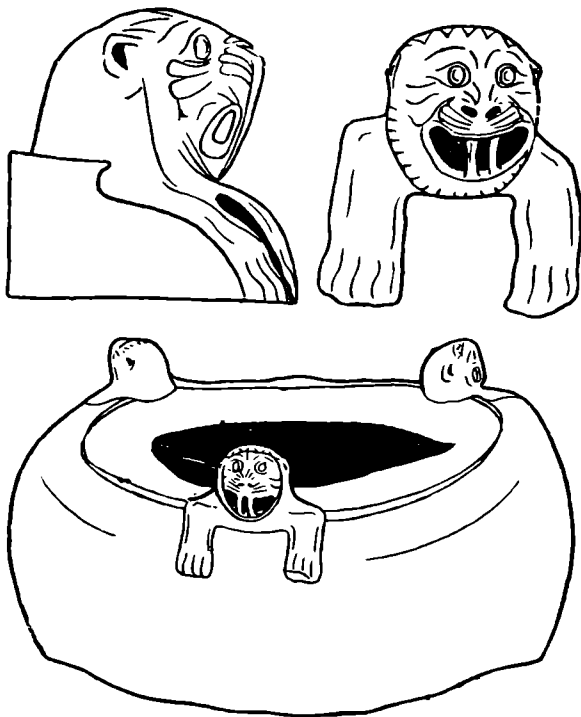

Рис. 11. Бронзовый котел из с. Бондюг. Чердынский музей. (По Н. А. Прокошеву).

¹ См. датировки: М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, стр. 79: III—II вв. до н. э. — О и ж е. Скифия и Боспор, стр. 611: II—I вв. до н. э. — О и ж е. Iranians and Greeks, стр. 124: IV—III вв. до н. э. Надписи на блюдах П. К. Коковцов предварительно датировал временем от IV в. (по общему характеру письма) до III и даже II века до н. э. (по одной букве первого блюда, по нашему описанию — второго), см.: Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл., стр. 82, 83.

² М. И. Ростовцев. Курганные находки. стр. 36—61, табл. III, 1.

³ Там же, табл. III, 3.

⁴ Не издан; упомянут: Б. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? Археологія, т. I, Киев, 1947, стр. 37.

кошева бронзовый котел Чердынского музея (рис. 11), выпавший в 1933 г. близ с. Бондюг,¹ расположенного в 25 км западнее Чердыни на левом берегу Камы. Наибольший интерес в этом предмете представляют три литые изображения львов (вернее, их протом), приклепанные к верхнему краю кованого котла. Насколько можно судить по изданному воспроизведению, в этих фигурах мы должны видеть довольно грубые реплики того же ассирийского или переднеазиатского типа львиной головы, который представлен в памятниках VII—VI вв. до н. э., как, например, в головке слоновой кости из Шполы,² в золотых изображениях львиных голов из Келермеса,³ в каменном экземпляре из Ассирии.⁴

Говорить уверенно о районе производства этого предмета без специального его изучения невозможно; что же касается хронологического его определения, то детали в трактовке усов, глаз, пасти, шеи, ушей, гривы говорят о невозможности значительно удалять бондюгские изображения львов от прототипов VII—VI вв. до н. э.; следовательно, наиболее вероятной датировкой нашего сосуда является ахеменидское время, а местом изготовления его правильнее всего пока считать Переднюю Азию без дальнейших уточнений.

Открытым остается вопрос о времени бытования этого котла в районе находки, значительно севернее всех остальных уральских находок импортных предметов ахеменидского времени, связанных с более или менее отчетливыми археологическими комплексами. Не исключено, что он первоначально был привезен в область Ананьинской культуры на нижней Каме и лишь в более позднее время попал на север.

Наконец, следует упомянуть некоторые находки, попавшие в Приуралье если не из ахеменидского Ирана непосредственно, то возможно через его территорию как промежуточный этап. Таковы прежде всего раковины каури (*Surgaea moneta*), которые в рассматриваемый нами исторический период и в несколько более раннее время начинают проникать из областей, прилегающих к Персидскому заливу, на север и получают довольно широкое распространение на Кавказе,⁵ на Киевщине,⁶ в нижнем Поволжье.⁷ Найдены они и в Приуралье — в кургане у с. Покровки на Илеке⁸ и в погребениях Ананьинского могильника.⁹

К предметам, проникшим в Приуралье возможно через Иран, следует отнести и египетскую бронзовую фигурку Амона (рис. 12), найденную

¹ Н. А. Прокошев. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев. КСИИМК, XII, 1946, стр. 84—85, рис. 42.

² А. А. Бобринской. Курганы и случайные находки близ Смелы, II. СПб., 1894, тит. лист и стр. 181. — Сб. «25 Jahre römisch-germanische Kommission», Берлин, 1930, табл. VI, 2—3.

³ Там же, табл. VI, 1.

⁴ British Museum. A guide to the Babylonian and Assyrian antiquities. Лондон, 1923, стр. 188.

⁵ Некоторые из находок на Кавказе упоминают Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 1, Л., 1940, стр. 48. — J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, I. Париж, 1889, стр. 50, 52, 67, 106, 128, 130. Новые находки в с. Каменноостском на Малке см.: Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., Уч. зап. Кабард. н.-и. инст., V, Нальчик, 1950, стр. 246, рис. 40.

⁶ А. А. Бобринской, ук. соч., т. II, табл. V, 1.

⁷ Изв. Саратов.-Волжск. инст. краевед., V, 1932, стр. 10.

⁸ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, стр. 22. — Его же. Скифия и Боспор, стр. 604.

⁹ А. М. Таллген. L'époque dite d'Ananino, стр. 28, 29.

у с. Конецгор близ устья р. Чусовой, несколько севернее г. Молотова,¹ а также «египетские» голубые и зеленые пастовые бусы, в большом количестве обнаруженные в погребениях Ананьинского могильника.² Следует при этом иметь в виду, что позднейшие раскопки Конецгорского селища (у которого или на котором была найдена статуэтка Амона), осуществленные А. В. Збруевой в 1935—1937 гг., подтвердили, что селище это относится именно к ананьинскому времени.³

3

Рассмотренные выше памятники, свидетельствующие о наличии культурных связей Уральского края с далеким югом, заставляют поставить вопрос о тех путях, которыми изделия ахеменидского времени могли проникать на север.

Учитывая географическую и историческую обстановку, можно было бы говорить о трех возможностях. Во-первых, об использовании путей через греческие колонии северного Причерноморья, во-вторых, — через Кавказ и, наконец, через Среднюю Азию, в частности — через Хорезм и Приаральские степи.

К сожалению, в нашем распоряжении нет еще достаточного археологического материала, который позволил бы бесспорным образом разрешить этот вопрос. Поэтому сейчас приходится ограничиваться лишь некоторыми соображениями, подлежащими учету при дальнейшем накоплении фактов.

Остановимся прежде всего на возможности проникновения рассмотренных нами изделий с юго-запада через причерноморские города и Скифию.

Мы совершенно уверенно можем говорить о том, что путь из Скифии на восток, описанный еще в V в. Геродотом (IV, 16—27), проходил через Приуралье в Казахстан. В нашем распоряжении есть также пока небольшой ряд наблюдений, свидетельствующих о меновых отношениях по этому направлению и в более раннее время, в эпоху бронзы, чему необходимо было бы посвятить особую статью. Мы имеем также и несколько археологических находок, подтверждающих сообщение Геродота об использовании путей этого направления в скифское время, соответствующее ахеменидской эпохе Ирана.⁴

Из числа подобных находок необходимо упомянуть прекрасной сохранности бронзовое зеркало, так называемого «ольвийского» типа, круглое, с выступающим на оборотной стороне бортом, отлитое вместе с массивной ручкой, на конце которой помещено скульптурное изображение барса (рис. 13). Зеркало найдено П. С. Назаровым при раскопках кур-

¹ А. В. Шмидт. Древний Восток и русский Север. НВ, 13—14, 1926, стр. 343—346. Воспроизведение статуэтки переиздано А. А. Захаровым, см.: А. А. Захаров. Две египетские статуэтки, найденные в Западной Сибири. ТСАРАНИОН, IV, М., 1929, стр. 227. Сведения этой статьи следует дополнить золотой фигуркой Беса (?) из собрания Кунсткамеры в Эрмитаже (№ 1027).

² А. В. Шмидт. Древний Восток и русский Север, стр. 346. — А. М. Таллигер и П. ук. соч., стр. 13, 24, 29, 30, 33 (Ананьино), 45 (Котловский могильник), 137, 138. В отношении бус следует сказать, что отсутствие специального монографического исследования этого материала для I тысячелетия до н. э. не позволяет пока использовать скрытые в нем богатейшие возможности для выяснения межплеменных связей и их путей.

³ В Отделе Востока Эрмитажа хранятся поступившие в 1935 г. с коллекцией Е. Е. Тевяшова бронзовая фигурка Нофртума (?) и фигурка крылатого божества эллинистического (?) времени, найденные, будто бы, в Печорском крае на р. Ухте.

⁴ Б. Н. Граков, ук. соч., Археология, т. I, стр. 23—37.

гана в урочище Биш-уба в б. Орском уезде Оренбургской губернии.¹ Оно относится к широко известной группе зеркал второй половины VI в. и начала V в. до н. э., распространенных главным образом в западных районах северного Причерноморья и далее на запад вплоть до Венгрии. В нескольких экземплярах (мне сейчас известно четыре) они представлены в Предкавказье.²

Фигура барса, несомненно украшавшая конец ручки такого же зеркала, была найдена Ф. Д. Нефедовым в кургане у с. Преображенского в б. Бузулукском уезде Самарской губернии в 1888 г.³

Рис. 12. Бронзовая фигурка Амона из с. Концгор. Молотовский музей

Близкое по типу зеркало с бортом, диаметром около 13.5 см, входит в состав упомянутых выше вещей, найденных на р. Куганак в Башкирии.⁴ У этого экземпляра ручка утрачена, так как она была изготовлена отдельно и укреплена при помощи сохранившихся четырех отверстий.

Наличие трех указанных находок в районе Южного Урала является несомненным показателем использования Геродотовского пути из Скифии в Азию.

Причерноморскими по происхождению окажутся при детальном исследовании, вероятно, и некоторые другие находки в Приуралье, как, например, еще некоторые зеркала, может быть отдельные, очень немногие, изображения в зверином стиле, в том числе и некоторые (но далеко не все) «свернувшиеся» звери, единичные стеклянные бусы и, может быть, некоторые железные изделия.

Известная крестовидная бляха из Зуевского могильника, повидимому, должна быть отнесена к местным изделиям, но своей формой во всяком случае повторяет причерноморские прототипы.⁵

Наконец, упомянутые выше изделия египетского происхождения (статуэтка Амона и пастовые бусы), по мнению А. В. Шмидта, в Приуралье скорее всего проникли через причерноморские города.⁶ Можно такое предположение считать допустимым, но все же более вероятно, что произведения египетских мастерских на север проникали через Переднюю Азию и направлялись далее, уже вместе с иранскими и переднеазиатскими изделиями, через Кавказ⁷ или через Среднюю Азию.

¹ А. Х [а р у з и в]. Изв. Общ. любителей естеств. антрополог. и этногр., т. LXVIII, М., 1890, стр. 299, рис. 1. — Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 31, рис. 3. Зеркало хранится в Гос. Историческом музее в Москве.

² Ср., например: Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, СПб., 1914, стр. 27.

³ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических раскопках в южном Приуралье. Материалы по археологии восточных губерний, вып. III, М., 1899, стр. 37, рис. 9. — Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 30, рис. 1.

⁴ Н. И. Булычев. Древности из Восточной России, вып. II. СПб., 1904 (без рисунка). Зеркало хранится в Центральном музее Башкирии в Уфе.

⁵ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., табл. IV, 11. — А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino, 1919, стр. 136, рис. 104, 15; стр. 170, рис. 119, 1. — Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 34, рис. 8.

⁶ А. В. Шмидт. Древний Восток и русский Север, стр. 346—348.

⁷ В статье Б. Б. Пиотровского «Египетские предметы в Северо-Кавказском крае» (Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6, стр. 28—30) и в его же статье «Aegyptische Altertümer im Nordkaukasischen Gebiet» [Сборник кружка по изучению Древнего Востока при Гос. Эрмитаже, 2 (9), Л., 1935, стр. 35—49, особенно стр. 48] высказано предположение о проникновении египетских изделий в эллинистическое и римское время через Боспорское царство в ущелья Северного Кавказа и в Закавказье. Новые находки, сделанные главным образом в Грузии (например Г. Ф. Гобеджишвили в Геби), показывают, что в Закавказье египетские предметы проникали еще в середине I тысяче-

Однако, с другой стороны, следует весьма критически отнестись к попыткам приписать причерноморское происхождение целым категориям других предметов ананьинского времени. Так, например, считали, что бронзовые трехгранные наконечники стрел, многие изображения животных в стиле, близком скифскому, и другие предметы свидетельствуют о существовании в эпоху Ананьинской культуры развитой торговли между приуральскими племенами и регулярно их посещавшими скифскими купеческими караванами. Допускалось даже наличие специальных заготовительных пунктов пушнины на городищах и т. д. Подобная точка зрения, особенно отчетливо сформулированная М. Г. Худяковым,¹ чрезвычайно модернизирует состояние межплеменного обмена среди только еще переходивших на высшую ступень варварства племен Приуралья. Нарисованная им картина может соответствовать значительно более позднему времени, например эпохе болгарской торговли с уральскими племенами, но не середине I тысячелетия до н. э. Эта точка зрения была подвергнута справедливой критике А. П. Смирновым.²

В несколько смягченной форме переоценка роли обмена с Причерноморьем у племен Ананьинской культуры характерна и для А. М. Тальгрена, который в своем исследовании противопоставляет оживленный обмен этой эпохи перерыву сношений с Причерноморьем в эллинистическое время и крайней их слабости в римский период.³ Между тем, при более объективной оценке импорта в период Ананьинской культуры это впечатление последующего ослабления сношений значительно сглаживается. В действительности мы видим в ананьинское время установление нового типа сношений с Югом, имеющих целью получение предметов роскоши для племенной знати, но сношений, еще относительно не развитых, каковыми они остаются и в последующее время. Только в эпоху раннего средневековья в их развитии происходит новый решительный сдвиг, происходит вытеснение соседского межплеменного обмена и нерегулярной торговли постоянными торговыми связями, хотя и сохраняющими меновой характер.

В областях Южного Урала и Приуралья, археологически изученных значительно слабее, чем Прикамье, процесс развития меновых и торговых сношений мог происходить несколько раньше и быстрее, чем в области Ананьинской культуры.

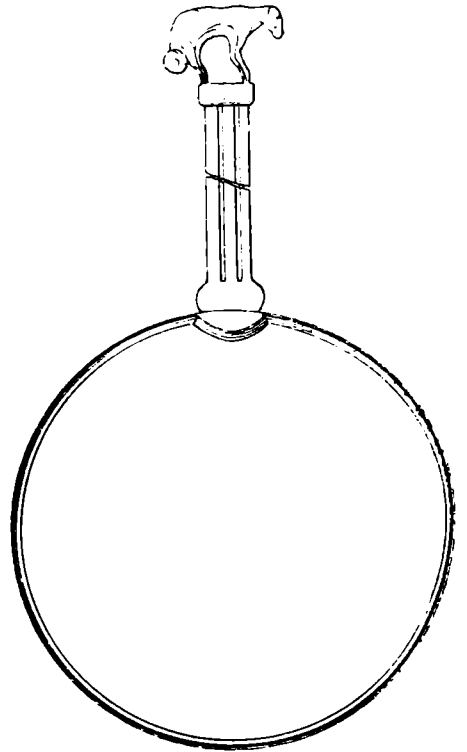

Рис. 13. Бронзовое зеркало из кургана в урочище Биш-уба. Исторический музей, Москва.

летия до н. э. и отсюда распространялись на Северный Кавказ перевальными путями.

¹ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., стр. 8.

² А. П. Смирнов. Прикамье в первом тысячелетии нашей эры. Сборник статей по археологии. Тр. Гос. Истор. музея, VIII, М., 1938, стр. 132, 133.

³ А. М. Тальгрэн. L'époque dite d'Ananino, стр. 182.

Учитывая все сказанное, а также полное отсутствие и в Приуралье и в Поволжье собственно греческих вещей доэллинистического и раннеэллинистического времени, мы неизбежно приходим к заключению, что проникновение ахемендских изделий на Урал через Причерноморье и греческие колонии является весьма маловероятным.

Если мы обратимся к путям, ведущим на север через Кавказ, то мы столкнемся для интересующего нас времени с отсутствием прямых указаний на такие пути в литературной традиции, но сможем привести некоторые археологические находки, говорящие в пользу сношений по этому направлению. Мне хотелось бы в этой связи обратить внимание прежде всего на бронзовую бляху или пряжку, найденную на Юрюзани вместе с рассмотренными выше фиалами (рис. 14, 1). Изображенное на ней в ажурной технике животное (по определению Н. И. Булычева: «фантастический зверь, род крокодила с ушами, вылезаящего из морских волн») ¹ должно быть определено как хищник, скорее всего волк. Относится оно несомненно к восточной группе памятников «скифского» звериного стиля. Эта группа, представленная находками в среднем и восточном Предкавказье, степном Поволжье и южном Приуралье, пока еще мало исследована, но во всяком случае отличается рядом черт от собственно скифской, причерноморской группы изображений. Однако юрюзанская бляха имеет ряд особенностей, которые позволяют, хотя бы предположительно, уточнить ее происхождение и отнести ее к Предкавказью, откуда происходит, например, весьма близкая по общей композиции обкладка конца ножен акинака, найденная в кургане № 1 в Урус-мартане, ² датируемом скорее всего V в. до н. э. (рис. 14, 2). Здесь мы видим изображение оленя, у которого задняя половина туловища частично сливается с рамкой и со стилизованной птичьей головой, как и у хищника на юрюзанском экземпляре. Крайне близок и фриз в верхней части обеих блях, представленный рядом кругов со срединной точкой в Урус-мартане и таким же рядом овалов с диагональю на Юрюзани.

Таким образом, наша бляха позволяет говорить о наличии сношений между Башкирией и Предкавказьем, причем более вероятным является предкавказское, а не южноуральское происхождение обоих экземпляров.

О наличии пути, связывавшего Приуралье с Кавказом, свидетельствует и ряд других находок. Назовем здесь такие предметы, как массивные бронзовые браслеты с головками животных на несомкнутых концах, широко распространенные среди северокавказских памятников VI—V вв. до н. э. и представленные также в Ананьинском (1 экз.) ³ и Зуевском (3 экз.) ⁴ могильниках. Еще Тальгрэн обратил внимание на наличие в Ананьинском, Зуевском и Котловском могильниках бронзовых пуговиц с выемчатым полем, вероятно, заполнявшимся эмалью, ⁵ имеющих точные аналоги в Кобани ⁶ и, следовательно, происходящих с Кавказа.

¹ Н. И. Булычев. Древности из Восточной России, I. М., 1902, стр. 33.

² А. А. Спицын. Медная оправа кинжала из Терской области. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 132—135. — Б. Б. Piotrovskij и А. А. Пессен. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. I. Л., 1940, стр. 47, 48 и табл. XVI, 4.

³ А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino, стр. 172, рис. 120, 10 (равный тип).

⁴ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына, табл. VI, 36 (более поздний тип).

⁵ А. М. Tallgren, ук. соч., стр. 144 и рис. 23 и 24; 103, 4 и 119, 3.

⁶ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XXXVI, 2. — E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, II. Париж—Лион, 1886, табл. XXX, 1—2.

Далее упомянем тяжелые литые бронзовые шлемы, известные нам пока только по находкам в ранних скифских погребениях VI в. в Прикубанье и, возможно, там же и изготовлявшиеся.¹ Только два таких шлема найдены вне Кубанского края, из которых один обнаружен в с. Старый Печеур б. Хвалынского уезда Саратовской губернии,² а второй далеко на востоке, на Иртыше,³ куда он, очевидно, мог попасть только через Южный Урал. Условно можно указать еще на находку бронзового топора кобанского типа, с поврежденной (обрубленной, очевидно, в древности) молоточной частью, поступившего в Эрмитаж

Рис. 14.

1 — Бронзовая бляха с Юрюзани. (По Н. И. Булычеву); 2 — бронзовый наконечник ножен из Урус-маргана. Эрмитаж.

со Строгановским собранием, где он числится происходящим из Пермской губернии (рис. 15).⁴

Также условно следует упомянуть и о единственной пока вещи приуральского происхождения, найденной на Северном Кавказе. Имею в виду типичный ананьинский бронзовый кельт, приобретенный в 1907 г. в Майкопе у местного жителя для Археологической комиссии.⁵

Давно известна находка железного ножа сибирского происхождения в могильнике Корца в горах северной Осетии,⁶ несомненно также про-

¹ Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. Отд. истории первобытн. культуры, I, Эрмитаж, Л., 1941, стр. 105 сл.

² ОАК за 1895 г., стр. 75, рис. 192. — Б. З. Рабинович, ук. соч., стр. 142, 113, табл. VII.

³ Н. М. Ядринцев. Древности. Тр. Моск. археолог. общ., IX, вып. 2—3, 1883, стр. 205. — Б. З. Рабинович, ук. соч., стр. 113, 114.

⁴ J. R. Aspelin. Antiquités du nord Finno-Ougrien, I. Хельсинки, 1877, стр. 60, рис. 237. Нужно, однако, сказать, что абсолютной уверенности в правильности этого указания нет. В том же собрании имеется, например, фрагментированная бронзовая фибула италийского типа, изданная Аспелином (ук. соч., II, Хельсинки, 1877, стр. 149, рис. 629) как происходящая из Зародят в Пермском Прикамье, хотя с уверенностью можно утверждать, что она приобретена в Италии, где долгое время хранилась часть Строгановских коллекций.

⁵ Гос. Исторический музей. Упомянут в деле архива Археологической комиссии за 1907 г., № 2, л. 51.

⁶ МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 180 и табл. LXXVI, 4.

викшего на Кавказ через южное Приуралье.¹ Совсем недавно сибирский бронзовый нож найден и в Грозненской области в Божигане.²

Таким образом, пока очень небольшой фактический материал все же позволяет утверждать, что в VII—III вв. до н. э. между Уральским краем и Северным Кавказом, несомненно, существовали пути обмена, по которым на север могли проникать и рассмотренные нами ранее изделия иранского происхождения. Это тем более вероятно, что на Кавказе найдено большое количество вещественных памятников, происходящих из ахеменидского Ирана, начиная с сосудов из золота и серебра и кончая встреченными в погребениях этого же исторического периода раковинами каури.

В этой связи следует указать и на значительную культурную общность в послeahеменидское время III—I вв. до н. э. между Предкавказьем, включая и Прикубанье, и Южным Уралом и Заволжьем. Общность эта так велика, что она, несомненно, свидетельствует не только об этнической близости различных племен сарматской группы, но и об оживленных прямых сношениях между Северным Кавказом и Южным Уралом.

К тому же периоду относится сообщение Страбона (XI, V, 8) о том, что обитавшие в районе Предкавказья и нижнего Дона аорсы, переселившиеся с севера, вели прямую караванную торговлю с Арменией и Мидией.

В свете приведенных выше археологических данных это сообщение позволяет считать, что сношения Северного Кавказа с Приуральем развивались постепенно еще в ахеменидское время и не прервались в эллинистическую эпоху.

Обратимся теперь к третьему варианту пути — через Среднюю Азию.

Вопросу о ранних культурных связях Приуралья со Средней Азией недавно посвятила специальную работу А. В. Збруева.³ Ограничившись периодами энеолита и эпохи бронзы, она показала наличие целого ряда черт культурной общности населения этих двух территорий, не ставя себе, однако, задачей выявление конкретных путей обменных сношений. Сейчас, при все еще недостаточной археологической изученности Средней Азии, Западного Казахстана и южного Приуралья, этот вопрос и не может быть поставлен на основе достаточного фактического материала. Не многим лучше обстоит дело и для более позднего, интересующего нас, времени ахеменидского господства в Передней Азии.

Тем не менее, некоторые указания для решения поставленного вопроса мы можем использовать. В этом направлении необходимо упомянуть о наличии ряда ахеменидских изделий из золота и серебра в составе Петровской коллекции Кунсткамеры. Предметы эти найдены скорее всего в районе Приалтайских степей и в числе их имеются как ряд изделий, ближайшим образом аналогичных местным, среднеазиатским, изделиям Амударьинского клада, так и целая серия вещей собственно переднеазиатских и иранских.⁴ Как показало исследование М. П. Грязновым и С. И. Руденко находок из Пазырыкских курганов на Алтае, и в них культурные связи с южными районами Средней Азии и с Ираном ска-

¹ Сибирского типа железный кинжал, найденный в могильнике Мусиери в Закавказье, мог попасть туда как через Приуралье, так и через Среднюю Азию и Иран (J. de Morga n. Mission scientifique au Caucase, I. Париж, 1889, стр. 94, рис. 39).

² Е. И. Кру п н о в. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 93, рис. 25, 2.

³ А. В. З б р у е в а. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 182—190.

⁴ Например, серебряный ритон (Восточное серебро, 1909, табл. V, № 17); фигурка скачущего оленя (там же, № 18), золотая чаша (там же, табл. VI, № 19) и ряд мелких неизданных предметов.

зались очень сильно.¹ Таким образом, можно уверенно говорить о наличии у населения Алтая связей со Средней Азией и Ираном во всяком случае уже в — IV вв. до н. э.

Тем самым вполне возможными становятся подобные же связи через Среднюю Азию и для населения Урала. Среди рассмотренных выше находок иранского, в широком понимании слова, происхождения особенно следует подчеркнуть находку в Золотом кургане на Илеке Ф. Д. Нефедовым двух подвесок из ляпис-лазури.² Так как материал этот в древности добывался, насколько известно, только в Бадахшане,³ мы в появлении его на Южном Урале должны видеть результат меновых сношений, шедших скорее всего через Среднюю Азию, а не далеким круглым путем через Кавказ и Предкавказье, где, кстати, в памятниках рассматриваемого времени находки ляпис-лазури не известны.

Далее обращает на себя внимание еще одно обстоятельство — наличие в составе инвентаря южноуральских курганных погребений V—III вв.

Рис. 15. Бронзовый топор. Эрмитаж.

до н. э. ряда золотых и бронзовых бляшек, по своим сюжетам и трактовке резко отличных от синхронных памятников Причерноморья и от известных нам, хотя и с недостаточной полнотой, волжско-уральских и восточнопредкавказских изображений звериного стиля. Для таких бляшек скорее всего можно предположить среднеазиатское происхождение. Таковы, например, бляшки с изображениями льва, грифона, горного козла, найденные в курганах около с. Покровка на Илеке.⁴ И эти бляшки, возможно, подтверждают наличие сношений между южными районами Средней Азии и Уралом.

Нет надобности распространяться о том, что оживленные сношения по этому направлению известны в позднейшее время, вплоть до эпохи болгаро-арабской торговли, и о той крупной роли, которую в этих сношениях в I тысячелетии н. э. играл Хорезм.⁵

¹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 65—67. — С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, стр. 59, 60. — О н ж е. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 109.

² Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в южном Приуралье. Материалы по археологии восточных губерний, III, М., 1899, стр. 6, 18.

³ А. Е. Ферсман. Самоцветы России. Пгр., 1920, стр. 57 сл. — О н ж е. Драгоценные и цветные камни России, т. I. Пгр., 1922, стр. 167—172.

⁴ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, табл. VI, рис. 2—5, 32; может быть, также 13, 14, 30 и некоторые другие.

⁵ Ср.: С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4, стр. 120—145. — О н ж е. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 194, 195.

Таким образом, все приведенные соображения заставляют нас считать, что в ахеменидское время изделия иранского происхождения могли проникать на Южный Урал и в Приуралье по двум основным путям — одному, направляющемуся через Кавказ и Предкавказье на Волгу, и другому, ведущему через Среднюю Азию на Южный Урал (карта, рис. 16). Пока, при том очень небольшом фактическом материале, каким мы располагаем для нашей темы, еще преждевременно ставить вопрос о хронологическом приоритете и об относительном удельном весе того или иного из этих путей.

4

Перечисленные выше находки приводят нас к выводу, что связи Приуральского края с ближайшими южными странами существовали в течение длительного времени еще в медно-бронзовом веке, а связи с Передней Азией, в частности — с Ираном, установились около середины I тысячелетия до н. э., т. е. задолго до времени проникновения на Урал сасанидских и византийских сосудов из драгоценного металла. При всей отрывочности наших сведений, которые, несомненно, будут пополняться по мере дальнейшего накопления археологических источников для ранней истории края, мы все же этот общий вывод можем считать бесспорным.¹

Все сказанное выше позволяет считать, что обнаруженные на Урале и в прилегающих районах импортные изделия южного происхождения, относящиеся к эпохе медно-бронзового и раннежелезного века, проникли на север путями межплеменного обмена и первоначальной торговли.

Несомненное качественное отличие позднейшего импорта, раннесредневекового времени, когда в составе его господствующее положение занимает драгоценная посуда иранского, среднеазиатского и византийского производства, в сопровождении сасанидских и хорезмийских монет, также не вполне новое явление, выступающее перед взором историка как бы внезапно. Мы выше видели, что весьма ценные по тому времени предметы роскоши в виде серебряных и бронзовых сосудов, а также и некоторых других изделий, впервые появляются на Южном Урале и в Прикамье еще в ахеменидскую эпоху. В последующее время, около начала новой эры, этих изделий становится значительно больше, и они проникают дальше на север, вплоть до районов Чердыни и Тобольска. В числе их имеются предметы как средиземноморского происхождения (римская бронза), так и изготовленные в Средней Азии (бактрийское серебро). Нет никакого сомнения, что и здесь, в Приуралье, это качественное и количественное изменение в составе импорта в сторону усиления роли высокоценных предметов, как и в других районах того же культурного уровня, явилось следствием укрепления в среде местного населения значения племенной знати, явления, весьма характерного для высшей ступени варварства.

Таким образом, массовое появление драгоценной посуды в раннем средневековье явилось, с этой точки зрения, показателем лишь дальнейшего количественного роста тех сношений уральского населения с югом,

¹ Мы не касаемся в данной связи вопроса о происхождении украшений из серебра, впервые появляющихся в восточных районах Европейской части СССР еще во второй половине II тысячелетия до н. э. (Турбино, Абашево и т. д.) и известных также и в ананьинское время (А. М. Таллгепп. L'époque dite d'Ananino, стр. 133). Есть основания полагать, что эти предметы также были привозными, но пока нет данных для решения вопроса об их происхождении (Кавказ, Алтай, Средняя Азия?). Допускать среднеазиатское происхождение этих изделий оснований нет.

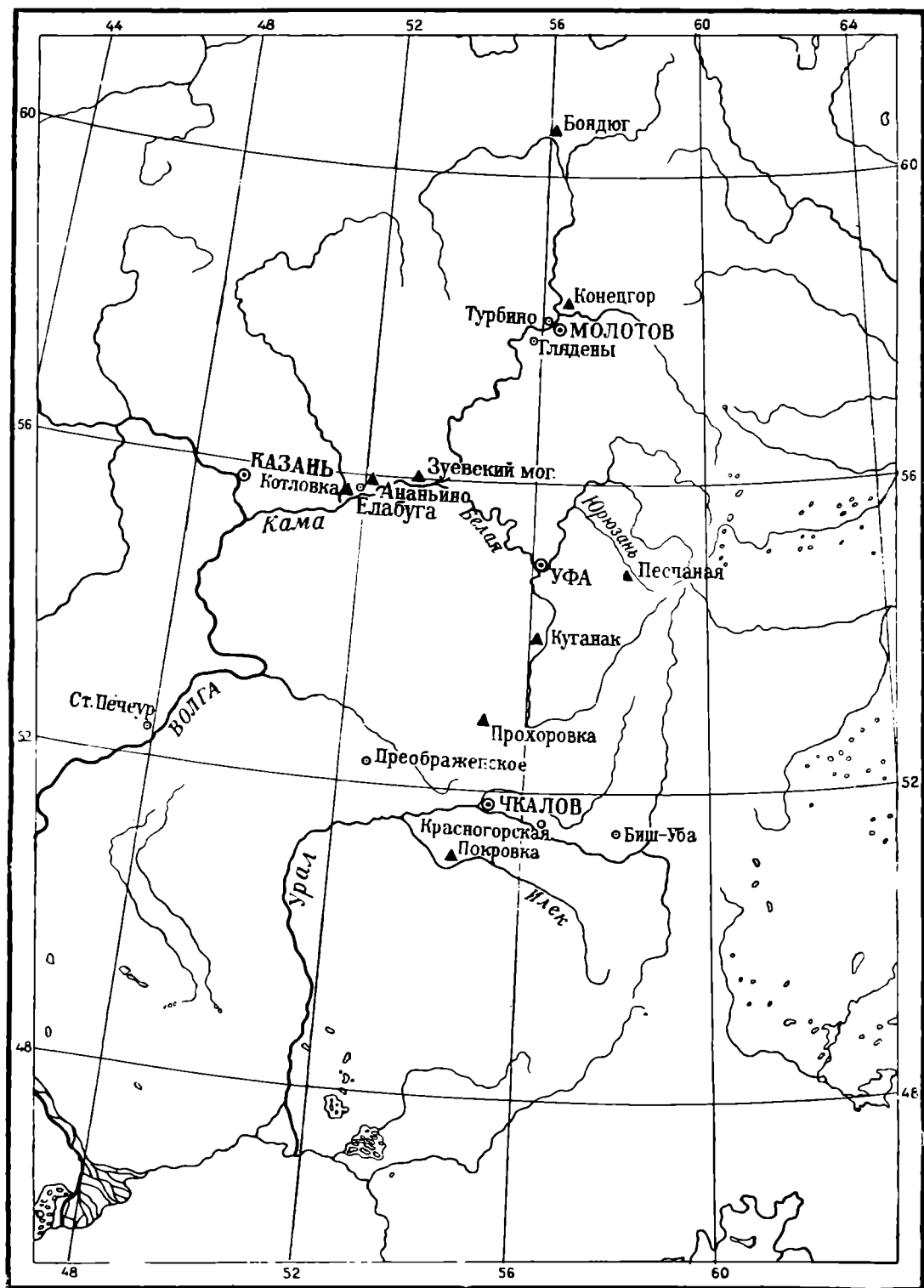

Рис. 16. Находки VI—III вв. до н. э. в Приуралье.

Знак в виде треугольника обозначает импортные вещи франкского и переднеазиатского происхождения.

которые и в смысле географических направлений и со стороны качественного состава импортируемых изделий уже были полностью подготовлены предшествующим историческим развитием.

С этой точки зрения, нет никаких оснований для недавно высказанного предположения о одновременном заносе многочисленных восточных изделий из серебра на Урал в результате миграции племен, проникновения в VII—начале VIII в. на Южный и Средний Урал предков угорской группы народностей, ранее якобы захвативших эти ценные предметы на юге, в Средней Азии и Иране, в качестве военной добычи.¹

Вопрос, несомненно, разрешается одновременно и проще и сложнее. Проще в том смысле, что и в раннем средневековье использовались в основном те же пути, по которым в более древние времена постепенно развивались межплеменной обмен и торговля, с тем лишь различием, что теперь эта торговля стала более регулярной, организованной и интенсивной. Сложнее в том отношении, что происходивший в течение ряда столетий оживленный торговый обмен Приуралья с югом, с Причерноморьем и Кавказом, с одной стороны, Средней Азией и Ираном, — с другой, никак не может быть объяснен появлением новых пришельцев, принесших с собой награбленное ими «восточное серебро». Здесь необходимо еще приложение больших исследовательских усилий с целью выяснения характера этой торговли и тех эквивалентов, которые население Уральского края могло отдавать в обмен на доставлявшиеся ему предметы роскоши. Традиционная гипотеза об обмене уральской пушнины на иранское и византийское серебро дает, вероятно, только частичное объяснение вопросу и требует по меньшей мере известных дополнений и коррективов.

Эти коррективы должны были бы объяснить нам, почему именно Урал по преимуществу, а не столь же богатые пушшиной области Европейского севера на западе, западносибирской тайги и Алтая на востоке, явился центром притяжения, к которому тянулись нити раннесредневековой торговли южных стран с лесным севером.

Возможные объяснения этого явления не дают полного решения. Так, например, можно было бы думать, что Урал для импорта иранских изделий как через Кавказ, так и через Среднюю Азию и, в частности, через Хорезм был легче достижим и ближе расположен, чем Алтай, не говоря уже о северной России. Следует также учитывать, что в горной стране Урала богатые пушшиной лесные районы распространялись много дальше на юг, чем в смежных областях на западе и востоке. Не исключено также, что в преимущественном положении Урала в известной степени сказалась идущая от далекого прошлого историческая преемственность, так как богатый металлом (медью) Урал, несомненно, еще в бронзовом веке снабжал им ряд соседних областей, хотя как раз в направлении на Северный Кавказ и Среднюю Азию такое влияние вряд ли могло быть значительным. Наконец, всегда необходимо считаться с конкретной исторической обстановкой каждого периода, обусловившей, например, наличие иранского влияния в ахеменидскую эпоху как на Урале, так и на Алтае, тогда как в сасанидское время на Урале сношения с Ираном резко усилились, а на Алтае, повидимому, совершенно прервались.

¹ Тезисы доклада Н. Н. Бортвина на заседании работников Государственного Исторического музея и Московского отделения ИИМК АН СССР 16 ноября 1939 г. (Доклад не издан).

Очевидно, все эти обстоятельства сыграли определенную роль в развитии южных связей Урала, особенно в эпоху раннего средневековья, и только комплексный учет всех их даст искомый ответ.

Тем не менее, и до исследования этого сложного вопроса сделанный нами экскурс в область более раннего развития южных связей приуральских племен может до некоторой степени помочь освещению всей проблемы в целом.

М. М. ХУДЯК

РАСКОПКИ СВАТИЛИЩА НИМФЕЯ

Греческие поселения в северном Причерноморье не только возникали и развивались в окружении скифской среды, но, несомненно, во многих случаях основывались на местах, обжитых скифами.

Широкие слои местного населения с самого возникновения греческих рабовладельческих городов были втянуты в их жизнь и сыграли огромную роль в развитии этих городов, придав им известное своеобразие.

Греческие города, основанные на берегах Боспора Киммерийского, повидимому, уже в V в. до н. э. являлись частями одного государства Боспора, центром которого стал Пантикапей с правителем — архонтом — во главе. Входил ли уже тогда г. Нимфей в состав Боспорского государства, в точности не известно, но с начала IV в. до н. э. он, несомненно, принадлежал Боспору.

О Нимфее древние авторы говорят уже в IV в. до н. э.,¹ упоминая его обычно под именем Νυμφῶν. В перипле Скилака город называется Νυμφίσις.² В перипле безыменного автора местоположение Нимфея определяется на расстоянии 85 стадий от Пантикапея.³ У Страбона о Нимфее говорится: «От Феодосии до Пантикапея около 530 стадий, вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфеей».⁴

Как известно, после сицилийской катастрофы Афины половину потребляемого хлеба получали с Боспора. Основными гаванями, где грузился хлеб, направляемый в Афины, были гавани Пантикапея и Феодосии. Вполне вероятно, что и через удобную гавань Нимфея также вывозилось значительное количество зерна, собираемого с окружающих плодороднейших земель.

В науке широко распространено положение о принадлежности Нимфея в V в. до н. э. Афинам. Это положение обычно аргументируется: 1) свидетельством Кратера («Нимфей платил Афинянам талант»); 2) известием о пребывании у берегов Черного моря афинского флота, руководимого Периклом; 3) речью греческого оратора Эсхина против Ктесифонта, произнесенной в 330 г. до н. э. В речи имеется указание на передачу Нимфея правителям Боспора Гилоном, дедом Демосфена, за что Гилон был якобы приговорен афинянами к смертной казни. Схолии к Эсхину подтверждают «измену» Гилона: «Нимфей, храм Нимф».

¹ См. ниже.² Перипл Скилака, 68.³ Перипл Анонима, 76.⁴ Страбон, VII, 4 (перев. С. В. Мирошникова).

местность города при Понте, ею владели афиняне, но афинянин Гилон передал тиранам Боспора. Он удалился в изгнание и получил от тиранов местечко, которое называлось Садами».¹

Для многих историков непреложным является зависимость Нимфея от Афин.² Противоположное мнение высказано акад. С. А. Жебелевым. Он считал, что Нимфей не входил в состав афинского морского союза и не являлся колонией Афин. В отношении уплаты Нимфеем дани Афинам С. А. Жебелев указал, что неизвестно, о каком собственно Нимфее у Кратера идет речь: о боспорском или о каком-либо другом одноименном городе.³

Речь Эсхина, в которой последний старался опорочить своего политического противника Демосфена, по мнению С. А. Жебелева, не заслуживает того доверия, с каким обычно к ней относятся ученые.

С. А. Жебелев вопрос о самостоятельном или подчиненном положении Нимфея рассматривал, исходя из всей совокупности доступных ему письменных и вещественных памятников (раскопки в Нимфее тогда еще не велись).

После критического разбора источников С. А. Жебелев пришел к следующему выводу: «В общем на Нимфей приходится смотреть как бы на филиал Пантикапея, достигший, однако, самостоятельного значения и ставший полисом уже при Археанактидах или, в крайнем случае, при одном из двух первых Спартокидов».⁴

Произведенные раскопки на городище Нимфея показали, что Нимфей был основан в первую половину VI в. до н. э., возможно, выходцами с о. Самоса; материалов, которые доказывали бы принадлежность Нимфея Афинам, до сих пор не найдено.

Местонахождение древнего Нимфея, несмотря на ясные указания древних авторов, все же вызвало споры среди исследователей древних городищ на Керченском п-ове. В первую половину XIX в. П. Дюбрюкс определял местоположение Нимфея неподалеку от Павловской батареи,⁵ а действительное место Нимфея — плато у Карабуруна⁶ — он считал лишь древним военным наблюдательным постом.

¹ Подробнее об этом см.: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК вып. 104, стр. 24—37.

² Сводку литературы по этому вопросу см. у С. А. Жебелева (ук. соч., стр. 28).

³ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 27, 28.

⁴ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 29. Необходимо отметить, что правильная критика С. А. Жебелевым положения о Нимфее как колонии Афин, а также результаты раскопок Нимфея за 1939—1941 и 1946 гг. вовсе оставлены без внимания В. Д. Блаватским в его работе «Искусство северного Причерноморья античной эпохи» (М., 1947), где на стр. 12 и 29 о Нимфее сказано: «...Нимфея, афинской колонии, расположенной в Керченском проливе. .», «Нимфей, ранее принадлежавший Афинам». Положение о том, что «Нимфей сильно зависел от Афин» и что «афиняне могли поселить и в Нимфее некоторое количество своих резидентов (клерухов)», высказывает В. Ф. Гайдукевич в работе «Боспорское царство» (М.—Л., 1949, стр. 177). Это положение, однако, не подкрепляется ни письменными, ни вещественными памятниками. Д. П. Калистов [см. его «Очерки по истории северного Причерноморья античной эпохи» (Л., 1949, стр. 206—208)] продолжает считать Нимфей колонией Афин, основываясь на обломке надписи со спорным содержанием, опубликованном Мерритом, и на свидетельстве Кратера, сообщаемом Гарпократионом. С. А. Жебелев знал свидетельство Гарпократиона, а спорная надпись не может, как нам кажется, служить основанием для «пересмотра соображения» С. А. Жебелева о том, что Нимфей не был колонией Афин.

⁵ П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского Маяка до горы Олук включительно при Черном море. ЗОО, т. IV, 1858.

⁶ Карабурун — «Черный мыс», это вдающийся в пролив мыс плато Нимфея, названный так татарами по цвету поверхности скал.

И. А. Стемповский не соглашался с мнением Дюбрюкса о местоположении Нимфея у Павловской батареи и указывал его место на плато у мыса Карабурун.¹

К концу XIX в. уже все исследователи сходились на том, что остатки древнего Нимфея находятся у сел. Эльтиген (ныне — Героевка) на плато мыса Карабурун. Так считали В. В. Шкорпил,² В. В. Латышев³ и др.

Городище Нимфея расположено в 17 км на юго-запад от Керчи. В этом направлении за возвышенностью Юз-Оба, в расстоянии около 5 км от Керчи, начинается плато, которое ограничивалось с юга древним заливом.⁴ На краю плато, являвшемся берегом залива, был расположен г. Тиритака, на противоположном берегу находился Нимфей. Прилегающие к Нимфею земли, в отличие от земель, окружающих Тиритаку, являются плодороднейшей частью степного Крыма. Уже в древности она давала большие урожаи хлеба, что отмечалось и древними авторами.

Городище Нимфея занимает плоскогорье, которое, начинаясь от берега Керченского пролива, постепенно понижается, переходя в степную равнину. На ней группами и в одиночку расположены курганы и некрополь Нимфея. Площадь городища в плане представляет собой треугольник с вершиной, обращенной на восток к морю. Его размеры 9 га. Городище расположено рядом с с. Героевка (б. Эльтиген) (рис. 1).

Широкая проезжая дорога ведет на городище Нимфея с северо-запада, обходя плавни; справа остаются курганы, уходящие в степь. Западной границей городища является неглубокая балка, идущая с северо-запада на юго-восток, в древности, вероятно, имевшая значительно большую глубину. Естественную западную границу городища нарушили постройки нового времени.

Со стороны плавней, сразу у въезда на городище, идут выходы громадных глыб известняка. Ряд карьеров-разработок нарушил очертание северного склона, который, несколько понижаясь, переходит к плавням и узкой балке, проходящей по верхнему плато. Балка не древнего происхождения. За балкой на восток городище повышается, образуя волнообразную линию с тремя выступами. Третий выступ сильно выдается на северо-восток, плавно переходя в нижнюю террасу, которая, расширяясь, подходит к берегу пролива.

На берегу, где заканчивалась нижняя терраса, был расположен громадный грот, часть которого уходила под поверхность моря. Другой грот находился в северной части нижней террасы среди выходов скал.

Южный пологий склон городища с выходом глыб известняка образует вогнутую линию. Поверхность верхнего плато неровная, с характерными выступами-буграми — следами затаенных земель древних строительных остатков. Везде на поверхности видны обломки античной керамики. Южный склон городища переходит в низину, на которой расположено с. Героевка. Эта низина, покрытая мощным слоем морского песка, как представляется нам, является следом древней бухты — гавани Нимфея. Очевидно, именно здесь была древняя гавань Нимфея, а не в открытом древнем заливе, с северной стороны, как считали исследователи второй половины XIX в.: пологий песчаный берег был удобен для причала и для просушки греческих парусников. Греческие приморские

¹ Ср.: В. Ф. Гайдукевич. О местоположении древней Тиритаки. МИА, № 4, стр. 87.

² В. В. Шкорпил. Нимфей и первый список нимфейских граждан. ЗОО, т. XX.

³ В. В. Латышев. *Почты*. СПб., 1909, стр. 398.

⁴ В настоящее время плавни являются остатками древнего залива.

города, как, например, Пантикапей, Ольвия, Феодосия и Херсонес, основывались в местностях с удобной бухтой для стоянки судов. И в настоящее время рыбаки Героевки используют для причала этот удобный и защищенный от ветра южный берег.

Главная часть города — акрополь — находилась, повидимому, в юго-восточном углу его. Отсюда, вероятно, шло заселение города к западной

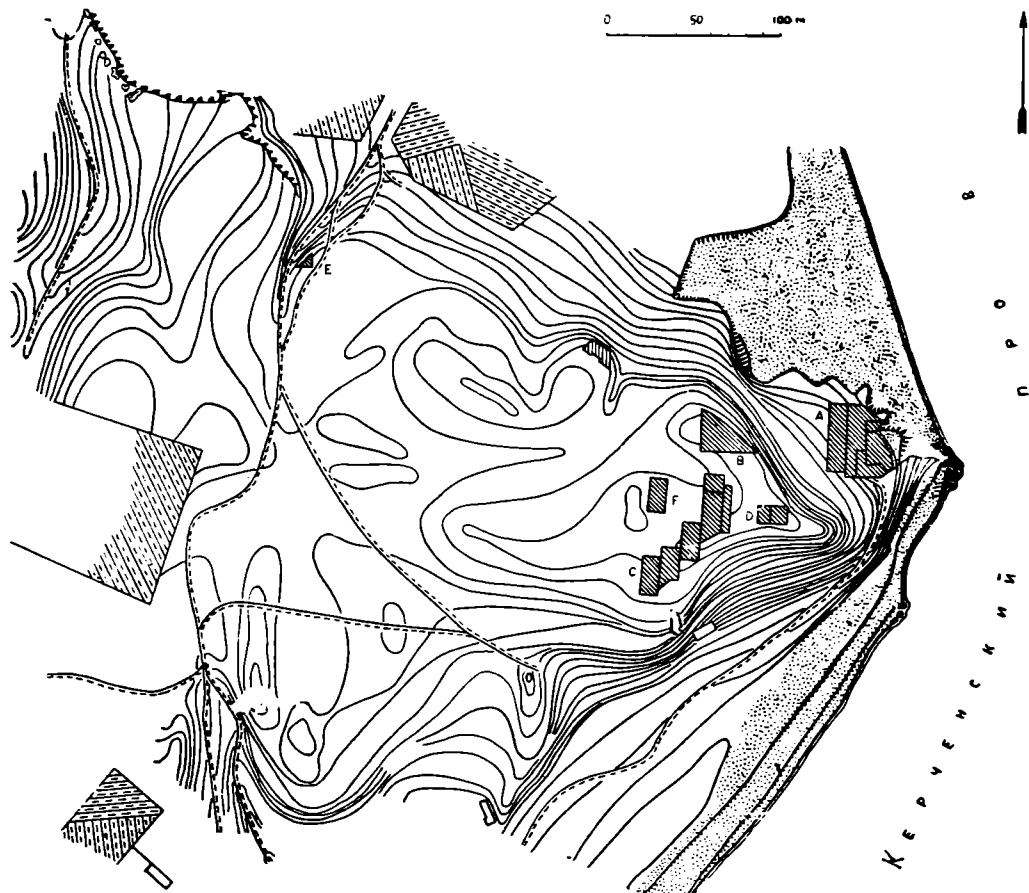

Рис. 1. План городища Нимфея.

А, В, С, D, E, F — раскопанные участки.

балке. Эта юго-восточная часть городища, прилегающая к гавани, должна была существовать во все время жизни древнего Нимфея.

Раскопки городища

Планомерные систематические раскопки городища Нимфея были начаты Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа в 1939 г.,¹ велись в 1940 и 1941 гг., были возобновлены после войны в 1946 г. и продолжались в следующие годы.

На верхнем плато городища, в юго-восточной части, в месте предполагаемого акрополя были заложены три раскопа: В у северного склона, площадью в 300 м², С против раскопа В у южного склона, площадью

¹ В 1938 г. на городище Нимфея были произведены разведочные работы Боспорской экспедицией ИИМК АН СССР. Этими работами в Нимфее руководила П. Ф. Силантьева (ВДИ, № 3/4, 1940, стр. 316).

в 225 м^2 , и *Д* на оконечности верхнего плато — на мысу, площадью в 150 м^2 (рис. 1).

Участки были выбраны с таким расчетом, чтобы расширенные последующими археологическими работами площади их впоследствии соединились, после чего раскопки будут проводиться в направлении к западной балке. В западной части верхнего плато у обреза склона узкой балки был заложен раскоп *Е*, площадью в 50 м^2 .

В 1941 г. был заложен еще один раскоп *Г*, площадью в 200 м^2 , в расстоянии 20 м к северу от раскопа *С*. Работами последующих лет раскоп *С* был значительно увеличен и занял площадь в 850 м^2 .

Рис. Общий вид ям.
Слева — стены здания VI в. до н. э.

Раскопками на верхнем плато городища выявлена стратиграфия культурных наслоений Нимфея со второй половины VI в. до н. э. по III в. н. э.

В конце работ 1948 г. на участке *С₄* раскопа *С* у южного склона городища было сделано очень важное открытие из истории возникновения г. Нимфея. В материке под архаическим культурным слоем обнаружено двенадцать ям. Пол в ямах был расположен на глубине 3—3.5 м от уровня почвы.

Все двенадцать ям круглой формы, десять из них с вертикальными стенками и только две имеют грушевидную форму. Наиболее интересной по устройству и найденному в ней материалу оказалась самая большая яма, расположенная как бы в центре и окруженная ямами меньшего размера.

В южной стороне этой большой ямы (диаметр основания 2.9 м, сверху — 3.3 м, высота сохранившихся стенок — 1.1 м) (рис. 2 и 3) вырезаны в материке две выемки полукруглой формы. Длина обеих выемок одинаковая — 1.15 м, ширина одной — 0.62 м, другой — 0.82 м. К северу от выемок сохранился под очага, покрытый слоем золы,

угля и раковинок. Около очага находился узкий выход из ямы, вырезанный в материке по кривой линии. Выход как бы огибал очаг. Против очага

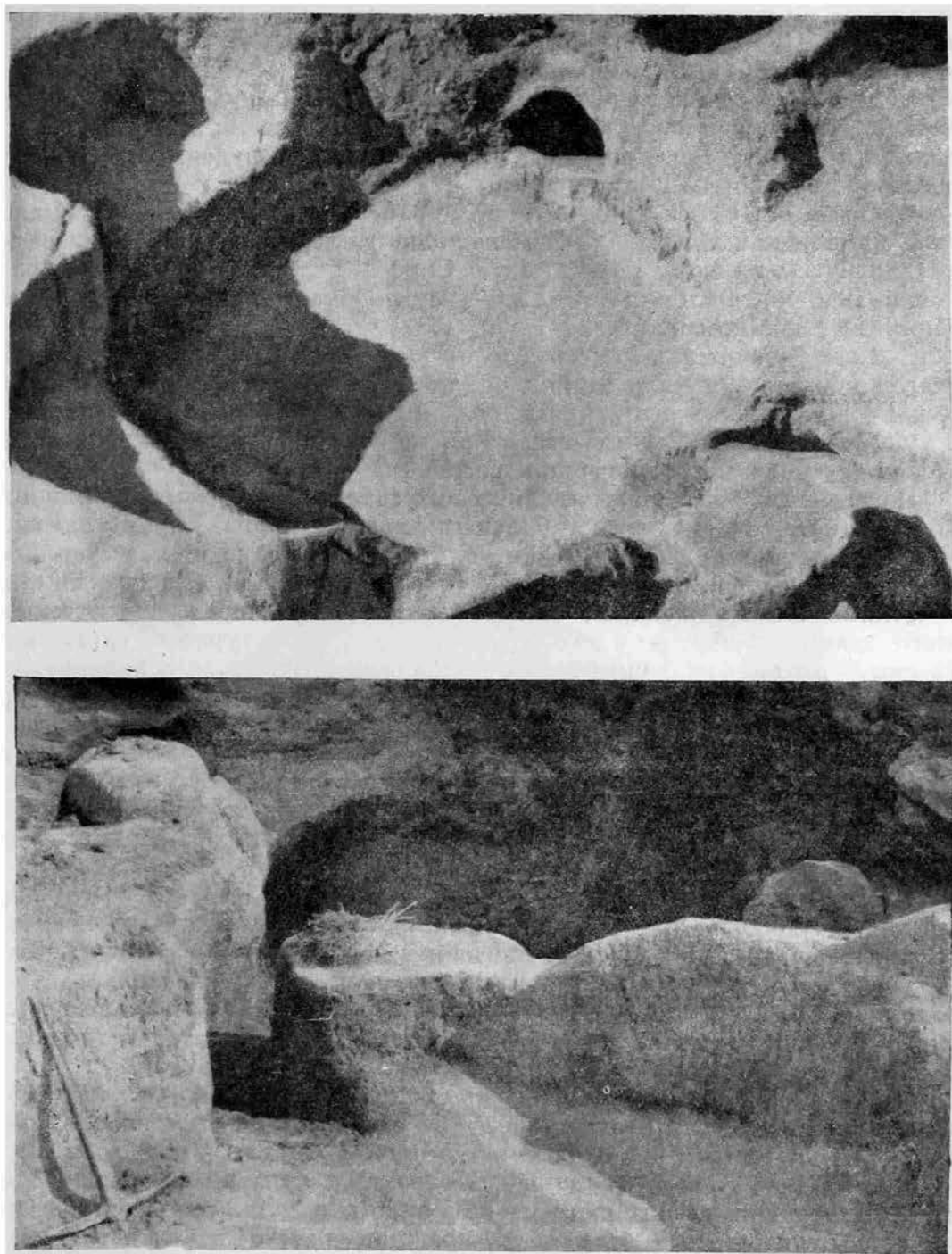

Рис. 3.

Вверху — общий вид ямы-землянки. Первая половина VI в. до н. э. внизу — очаг и проход из этой ямы-землянки.

в стене была вырезана ниша на высоте 30 см от пола. В яме были найдены обломки скифских лепных сосудов с черным лощением, украшенные резным орнаментом в виде острых углов, обращенных основанием вверх

(рис. 4), обломки лепных сосудов без лощения, кремни и обломки стенок чернофигурных сосудов.

Ход из круглой ямы вел в яму грушевидной формы, пол которой был на 25 см ниже. Еще у двух ям оказались выемки, но очагов и ниш у них нет. Остальные ямы круглой формы (диаметр их 1.5 м). Все ямы в верхней части были заполнены культурным слоем второй половины VI в. до н. э. В нижних частях заполнения и на полах была найдена лепная скифская посуда с лощением и без лощения, кремни, кости животных и обломки привозных чернофигурных сосудов, светильников и амфор середины VI в. до н. э.

Впервые в Нимфее найдена скифская посуда. Очень близкой аналогией нимфейской скифской керамике является лепная керамика из стоянок по Феодосийскому шоссе, около Симферополя и в Инкермане (раскопки 1948 г.). Обломки таких же сосудов были найдены в раскопках Тиритаки¹ и Мирмекия.²

Считаем возможным высказать предположение, что яма с нишей, очагом и выемками была землянкой, которая служила жильем. Окончательное выяснение этого вопроса, связанного в свою очередь с вопросом о существовании скифского поселения на месте Нимфея как греческой колонии, зависит от дальнейших раскопок.

Поверх ям прошли стены архаического здания Нимфея, причем нижний ряд кладки стен покоился на больших дикарных плитах, выступающих за края фундамента (рис. 2), а сами плиты лежали на громадных камнях, засыпанных землей. Этими камнями были завалены ямы. Строгие оси стен с четкими рядами плоских, тесаных камней характерны для остатков этого здания. находка у его стены части архитектурного украшения крыши — антефикса, украшенного цветами лотоса, исполненными росписью, — указывает на общественный характер этого здания. Культурный слой, в котором залежали стены архаического здания, был насыщен обломками стенок амфор с росписью в виде широких красных поясов, обломками аттических чернофигурных, самосских и родосских сосудов. Значительное место занимали обломки лепных толстостенных горшков с гладкой поверхностью, а также фрагменты скифской посуды. Весь этот материал может быть отнесен ко второй половине VI в. до н. э.

На других раскопах *Д* и *Е* (рис. 1), примерно на той же глубине 2.4 м от уровня почвы, строительных остатков архаического времени не оказалось, но был найден аналогичный керамический материал: обломок дна самосского кувшина с «клеймом», нанесенным красной краской, обломок родосской тарелочки с поясами бурого лака и звездой посредине, обломки амфор с росписью зигзагами, обломки стенок кувшина с росписью «фикеллура», а также обломки лепных сосудов.

Таким образом, раскопками верхнего плато вскрыт культурный слой архаического времени, толщиной до 50 см, который определенно указывает на существование города во второй половине VI в. до н. э.

Культурный слой V в. до н. э. перекрыл культурный слой VI в. до н. э. Толщина культурного слоя V в. до н. э. достигала 95 см. Строительные остатки этого слоя дают представление о небольших домах с мощеными двориками. Стены этих домов сохраняют строгую ориентировку по странам света. В культурном слое V в. до н. э. найдено большое количество обломков местной, тонкостенной «кухонной» посуды.

¹ Т. Н. Клипович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 40, рис. 53.

² В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекия. МИА, № 4, стр. 130, рис. 29, а, б.

Привозной посуды значительно меньше; наряду с поздней чернофигурной, имелись обломки аттической краснофигурной и чернолаковой посуды с резным и штампованным орнаментом.

Другие дома, расположенные дальше к северу, возможно, служили жителям Нимфея еще и в IV в до. н. э.; в верхнем горизонте культурного слоя найдена чернолаковая керамика этого времени.

У южного склона, за большими глыбами скал, открыта оборонительная стена Нимфея IV в. до н. э. Ее фундамент расположен на глубине

Рис Скифская лепная посуда из ям. Первая половина VI в. до н. э.

1.85 м от уровня почвы. Оборонительная стена открыта на протяжении 50 м (ширина 2.36 м, высота до 1 м). Стена имеет внешнюю и внутреннюю облицовку, состоящую из пяти рядов крупных камней. Внутреннее пространство между облицовками заполнено мелкими камнями на глине. Направление оборонительной стены строго соответствовало очертанию южного склона; в месте поворота его к мысу оборонительная стена имела башню, от которой сохранились остатки трех стен — двух боковых и третьей, их замыкающей.

Культурный слой, в котором залегают остатки оборонительной стены, имеет толщину около 1.05 м. Культурный слой насыщен обломками чернолаковых сосудов IV—III вв. до н. э. и обломками нерасписной

посуды местного производства. Верхний ряд кладки оборонительной стены Нимфея IV в. до н. э. был перекрыт остатками строений II—III вв. н. э., а строительные остатки III—I вв. до н. э. на всех раскопах верхнего плато городища пока еще не вскрыты; вероятно, они окажутся несколько западнее. Здесь на юго-восточной оконечности верхнего плато найдены лишь немногочисленные обломки посуды и монеты боспорского чекана III—I вв. до н. э.

На всех раскопах верхнего плато городища открыты остатки домов I—III вв. н. э., с характерными для этого времени большими дворами и зерновыми ямами. Культурный слой I—III вв. н. э. имеет толщину 50—75 см. По характеру находок этот слой может быть разделен на два периода: ранний (I—II вв. н. э.) и поздний (III в. н. э.). В характере строений обоих периодов разницы не наблюдалось. Стены домов не имеют строгих осей и состоят из камней разной величины.

Находки разграничивают периоды. Для конца I и II вв. н. э. характерно большое количество местной посуды, изготовленной на гончарном круге, и лепной. Посуда, изготовленная на круге, покрыта тусклой красной краской и, как и лепная, представлена обломками горшков, плоскодонных чашек с вертикальным краем, светильников и большим количеством грузил, конусовидной и округлой форм, некоторые из них со знаками.

Характерным для I—II вв. н. э. является сравнительно небольшое количество малоазийской посуды с неполным покрытием красной краской — чашки, миски, тарелочки с четкой профилировкой и клеймом в виде ступни. Очень мало было найдено обломков стеклянной посуды, изделий из кости и обломков посуды серой глины с покрытием черной краской, встречающейся в городах северного Причерноморья только в I—II вв. н. э. Совершенно отсутствует итальянская краснолаковая посуда.

Для позднего периода (III в. н. э.) характерно огромное количество местной посуды — больших желобчатых и гладких амфор, обломки больших чаш и мисок и обилие красноглиняных сосудов обычных форм (кувшинов, чашек, мисок). Привозная и стеклянная посуда почти отсутствует.

Как показали проведенные раскопки, хозяйство Нимфея в I—III вв. н. э. строилось главным образом на земледелии, в то время как виноделие и обработка рыбы, столь широко развитые в соседней Тиритаке, повидимому, в Нимфее распространения не имели.

Итак, проведенными работами на верхнем плато Нимфея установлено, что Нимфей существовал уже во второй половине VI в. до н. э. Наличие двух общественных зданий VI и V вв. до н. э.¹ в юго-восточной части города, наиболее высокой по своему рельефу, позволяет предполагать здесь его акрополь.

Открытые у южного склона дома V в. до н. э. были разрушены, вероятно, в начале IV в. до н. э. В первой половине IV в. до н. э. на засыпанных остатках развалин домов была сооружена оборонительная стена Нимфея.

Строительные остатки III—I вв. до н. э. пока на верхнем плато не обнаружены. Культурный слой I—III вв. н. э., открытый на городище Нимфея, свидетельствует о последнем периоде жизни города.

Таковы в кратких чертах итоги раскопок верхнего плато городища.

¹ От здания V в. до н. э. на раскопе Д уцелел лишь остаток стены и богатые архитектурные украшения.

Раскопки святилища

В 1939 г. на нижней террасе городища, у берега Керченского пролива был заложен раскоп А, площадь которого за годы раскопок достигла до 1400 м² (рис. 1). Этот раскоп явился важнейшим участком работ экспедиции, так как здесь было открыто древнегреческое святилище Деметры (рис. 5 и 6). Возникло святилище около середины VI в. до н. э. и существовало еще в III в. до н. э. За время своего существования святилище подвергалось трем перестройкам. По сохранившимся от него строительным остаткам и найденному богатому и разнообразному материалу возможно разграничить четыре периода его жизни.

В древности это место с трех сторон было окружено скалами и только с четвертой — западной — пологий склон соединял уединенную часть нижней террасы с городом. Два больших грота находились вблизи участка святилища: один на самом берегу пролива, другой — с родником пресной воды — несколько поодаль, среди выходов скал на берегу древнего залива.

Древние авторы отмечали обособленность места, выбираемого для святилищ.

«Мне кажется, — писал Павсаний, — что из всех эллинов жители Танагры лучше других организовали свое почитание богов: их дома стоят отдельно от храмов; храмы построены отдельно, выше их, на чистом месте, вдали от человеческого жилья».¹ Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» также подчеркивает эту особенность: «Для храмов и жертвенников самое подходящее место то, которое видно отовсюду, но где мало ходят, потому что приятно, увидев храм, помолиться, приятно подойти к нему, находясь в чистоте».² Витрувий так обуславливает выбор местности за городом для отправления культа римской богини земледелия Цереры: «Равно и Церере должно быть отведено за городом такое место, куда народу никогда не приходилось бы заходить без надобности, а лишь для жертвоприношений, это место должно блюсти священным и в строгой чистоте нравов. Также и остальным богам надо определять участки для священных округов сообразно с обрядами их культа».³ Расположение храма Цереры за городом отмечает и Плиний Младший в своих письмах: «По указанию гаруспиков, мне надлежит перестроить храм Цереры за городом, улучшив его и сделав более обширным. Старый храм, конечно, тесен, потому что в установленные дни его посещает очень большое количество людей».⁴

В выборе места для святилища земледельческого культа важным обстоятельством, вероятно, было и наличие гротов вблизи скал, особенно грота с родником пресной воды. В Афинах святилище Деметры, по словам Павсания, было расположено вблизи источника. «Водоемы есть по всему городу, — говорит Павсаний, — а родник этот один. Выше этого источника сооружен храм Деметры и Коры и храм Триптолема».⁵

Засеянные вокруг Нимфея поля, надо полагать, занимали большие пространства. Плодородие тучной земли поражало древних поселенцев.

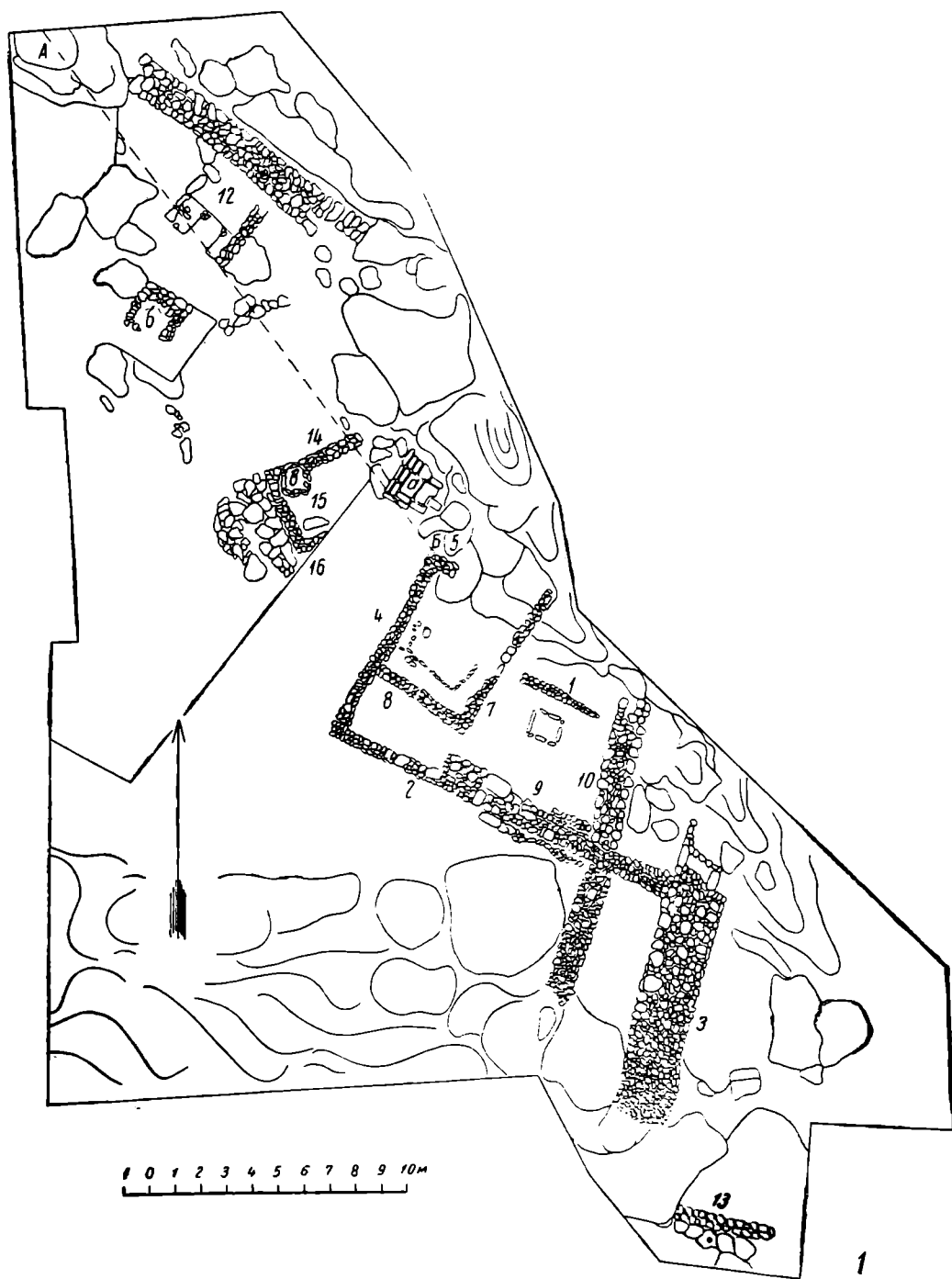
¹ Павсаний. Описание Эллады, IX, 22, 2. Перев. С. П. Кондратьева. М., 1940.

² Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, III, 8, 10. Перев. С. И. Соболевского. М., 1935.

³ Витрувий. Об архитектуре, I, XII, 15. Перев. Ф. А. Петровского. М., 1936.

⁴ Плиний Младший. Письма, IX, 39. Перев. С. А. Аннинского. Архитектура Античного мира, М., 1940.

⁵ Павсаний. Описание Эллады, I, 14, 1. Перев. С. П. Кондратьева. М., 1940.

Разрез по А-Б

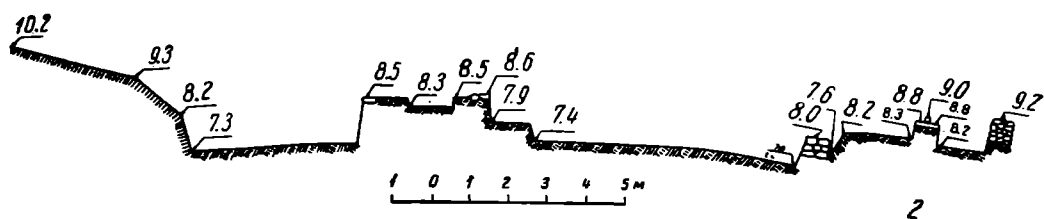

Рис. 5. План раскопа А — святилище VI — III вв. до н. э. (1) и разрез по А-Б (2).
 Стены №№ 14—16 относятся к VI в. до н. э.; стены №№ 4, 7, 8 — к началу V в. до н. э.; стены №№ 1, 4, 9, 10, 12, 13 — ко второй половине V в. до н. э.; стены №№ 2—5 — к IV—III вв. до н. э.

Оно могло быть истолковано ими как воздействие самой богини Деметры, и данное обстоятельство также, возможно, сыграло роль в выборе места для святилища. Известно, что Деметра, в представлении древних, связывалась с подземными богами, которые также «воздействовали» на землю, давая обильные урожаи, а гроты и скалы, по их мнению, слу-

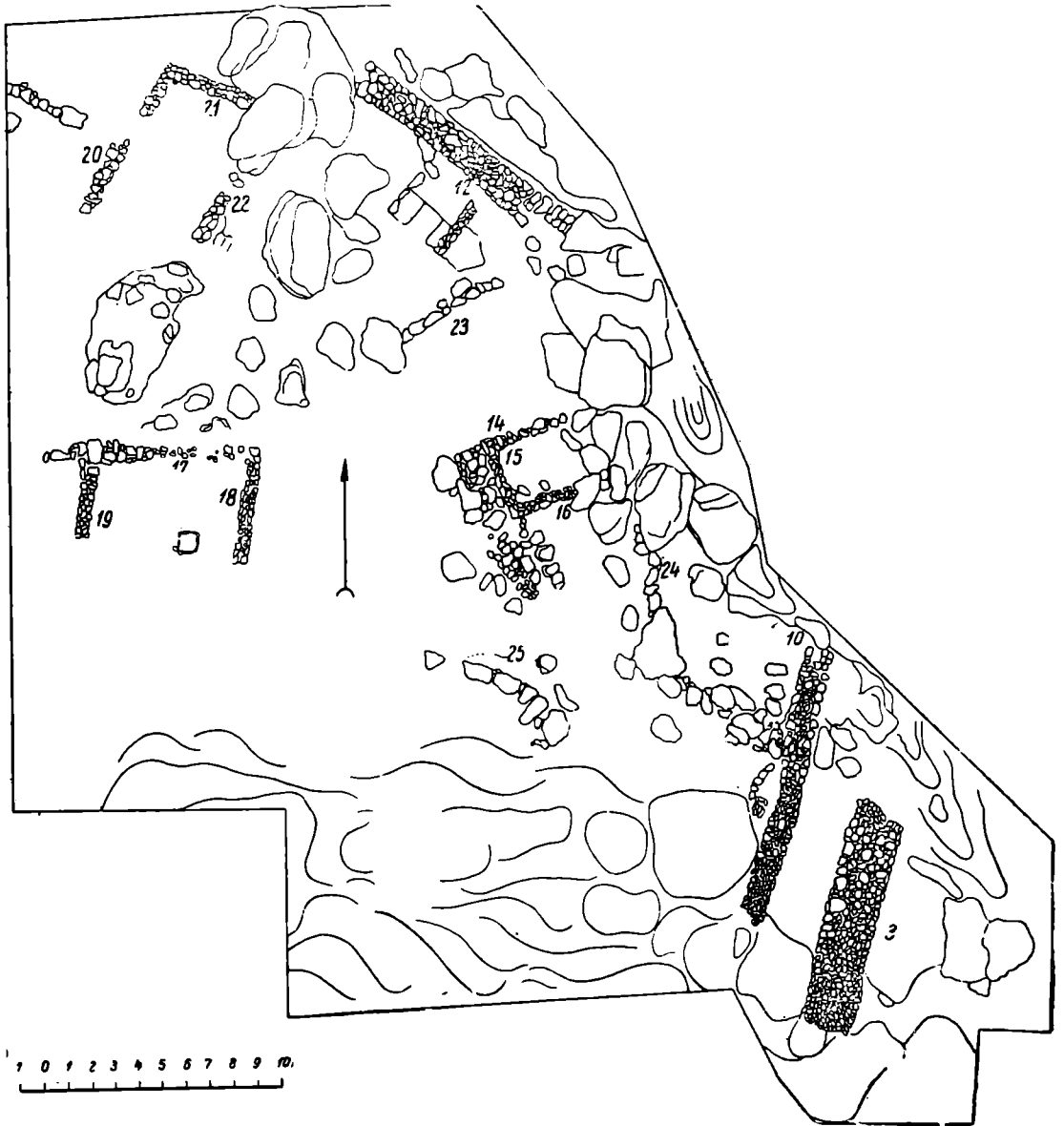

Рис. 6. План раскопа А — святилище VI—V вв. до н. э.

Стены №№ 14—16, 23—25 относятся к VI в. до н. э.; стены №№ 10, 12, 17—22 — ко второй половине V в. до н. э.; стена № 3 — к IV—III вв. до н. э.

жили обиталищем для подземных богов. Вот почему часть нижней террасы со скалами и гротами и была избрана для построения святилища.

В древнегреческой религии характер местности занимал очень большое место. Это раскрыто Ф. Энгельсом в его работе «Ландшафты»: «Эллада имела счастье видеть, как характер ее ландшафта был осознан в религии ее жителей», и дальше: «Другие местности не были так счастливы; они ни у одного народа не стали основой его веры».¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 55.

Святилище VI в. до н. э.

За тремя громадными скалами прибрежной гряды приютилось самое древнее здание святилища, состоявшее из небольшого помещения неправильной четырехугольной формы, площадью в 10 м^2 (рис. 6). Здание было пристроено к скалам так, что одна скала служила короткой, поперечной стеной (рис. 8). Часть этой скалы сильно выступала вперед, и к ней была пристроена продольная стена № 16, которая оказалась

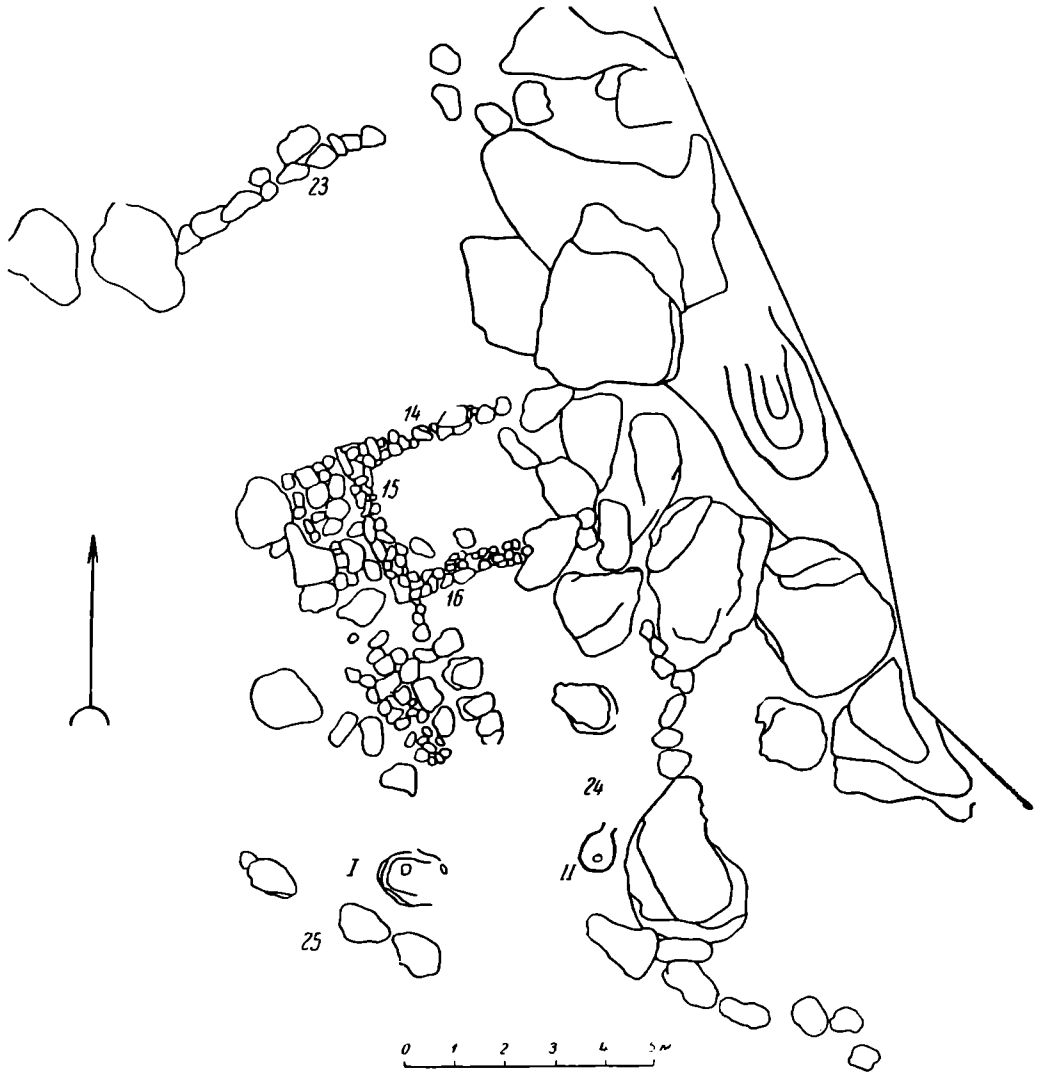

Рис. 7. План святилища. VI в. до н. э.

короче противоположной стены № 14 (рис. 6 и 7). Вход в здание находился с юго-запада в поперечной стене № 15 на глубине 4.9 м от уровня почвы. Стены здания были сложены из сырцовых кирпичей, покоившихся на небольшой высоте цоколе из мелких камней. Здание имело деревянное перекрытие, поверх которого лежала черепица; вход был украшен карнизом, состоявшим из раскрашенных терракотовых плиток.

Вся прибрежная часть была загромождена скалами, и только небольшое пространство на юго-восток от здания, вблизи грота, было относительно свободным от скал. Оно могло служить «священным участком», вся площадь его, вероятно, была вымощена. От здания в направлении

к берегу вымостку «священного участка» окаймляли большие обломки скал (№№ 24 и 25), положенные в один ряд. Вероятно, они должны были обозначать оградительные стены (рис. 6), за которыми возвышались мощные гряды скал. С северо-запада «священный участок» замыкался еще одной оградительной стеной № 23 (рис. 6), от которой сохранился только один нижний ряд ее края. В западном конце стена эта упиралась в глыбу скалы, от которой пространство до южной гряды скал, повидимому, было свободным и служило проходом на территорию архаического

Рис. 8. Общий вид святилища. VI в. до н. э.

святилища. На «священном участке», на юг от здания, на уровне вымостки, почти у южной оградительной стены были найдены остатки гончарной обжигательной печи I, имевшей неправильную эллипсоидную форму¹ (рис. 7). Стенки ее были сложены из сырцовых кирпичей, а под печи состоял из пережженной глины.

Святилище это погибло от пожара: следы его имеются с восточной стороны здания на камнях вымостки. В пожарище были найдены куски сырцовых кирпичей от стен святилища, обломки оплавленной от огня черепицы, а также терракотовые плитки карниза без украшения и с украшением в виде нанесенной пурпуром росписи, изображающей треугольнички, обращенные друг к другу вершинами.² Эта находка является,

¹ Длина печи 1—1.4 м, ширина 1.3 м.

² Ближайшей аналогией к росписи нашей плитки может служить роспись карнизов, найденных в Ларисе (L. Kjelberg. Larisa am Hermos, II. Die architektonischen Terrakotten. Стокгольм, 1940, стр. 136, рис. 41).

насколько нам известно, самым ранним примером архитектурного украшения зданий в северном Причерноморье.

Внутри архаического здания найдено большое количество обломков серой керамики, из которых удалось склеить три больших сосуда. Первый, двуручный, имеет форму широкогорлого кувшина (рис. 9, слева), его шаровидное тулово с коротким горлом и прямым краем без венчика характерно для VI в. до н. э. Второй сосуд — котел (динос) с широким, слегка сплюснутым туловом, валикообразным краем и двумя ручками (рис. 9, справа). Дно этого сосуда, отделенное от тулова кольцеобразной подставкой с концентрическими ребрами, имеет в центре небольшое сквозное отверстие. Очень близкой аналогией нимфейскому котлу служит известняковый посвященный котел на колонке первой половины VI в. до н. э., найденный в самосском Герейоне.¹ Подобный же котел был найден в здании святилища Врулии на Родосе.² Третий сосуд имеет форму простого кувшина.

Рис. 9. Культовые сероглиняные сосуды. VI в. до н. э.

Вокруг архаического здания святилища найдено громадное количество обломков сосудов: амфор, киликов, блюд, лутернев (блюд со сливами), одноручных кувшинчиков, светильников. Большинство сосудов является изделиями Самоса, Родоса и других восточнотрипольских центров. В меньшем количестве найдена аттическая керамика, а изделия Коринфа и Накратиса представлены единичными экземплярами. Подавляющее количество находок составляют сосуды из серой глины; многие из них имеют лощение поверхности; некоторые сосуды украшены пурпурным поясом. Эта так называемая «серая керамика» имеет формы, характерные для VI в. до н. э. (рис. 10).

«Серые» открытые светильники почти все одной формы — круглые, с одним, двумя и тремя рожками и конусовидным выступом в центре доньшка (рис. 10). Интересно большое фрагментированное блюдо серой глины с широким отогнутым краем и группой рельефных рубчиков на дне у подставки. Такие же концентрические рубчики украшают наружную поверхность дна тарелочек с хорошим серым лощением (рис. 10). Аналогичные украшения имеются на доньшках некоторых сосудов, найденных в раскопках храма Геры на о. Самосе.³

¹ E. Buschor. Heraion von Samos. AM, 55, 1930, стр. 46, табл. XI, 1.

² K. F. Kinch. Fouilles de Vroulia (Rhodos). Берлин, 1914, табл. 15, 1.

³ R. Eilmann. Frühe griechische Keramik im Samischen Heraion. AM, 58, 1933, табл. XXXVI, 13 и XXXVII, 2, 3.

Цвет глины «серой» керамики очень разнообразен.

Уже сейчас можно выделить две группы серых сосудов по составу глины: группу привозную и группу, изготовленную в Нимфее из местной глины.

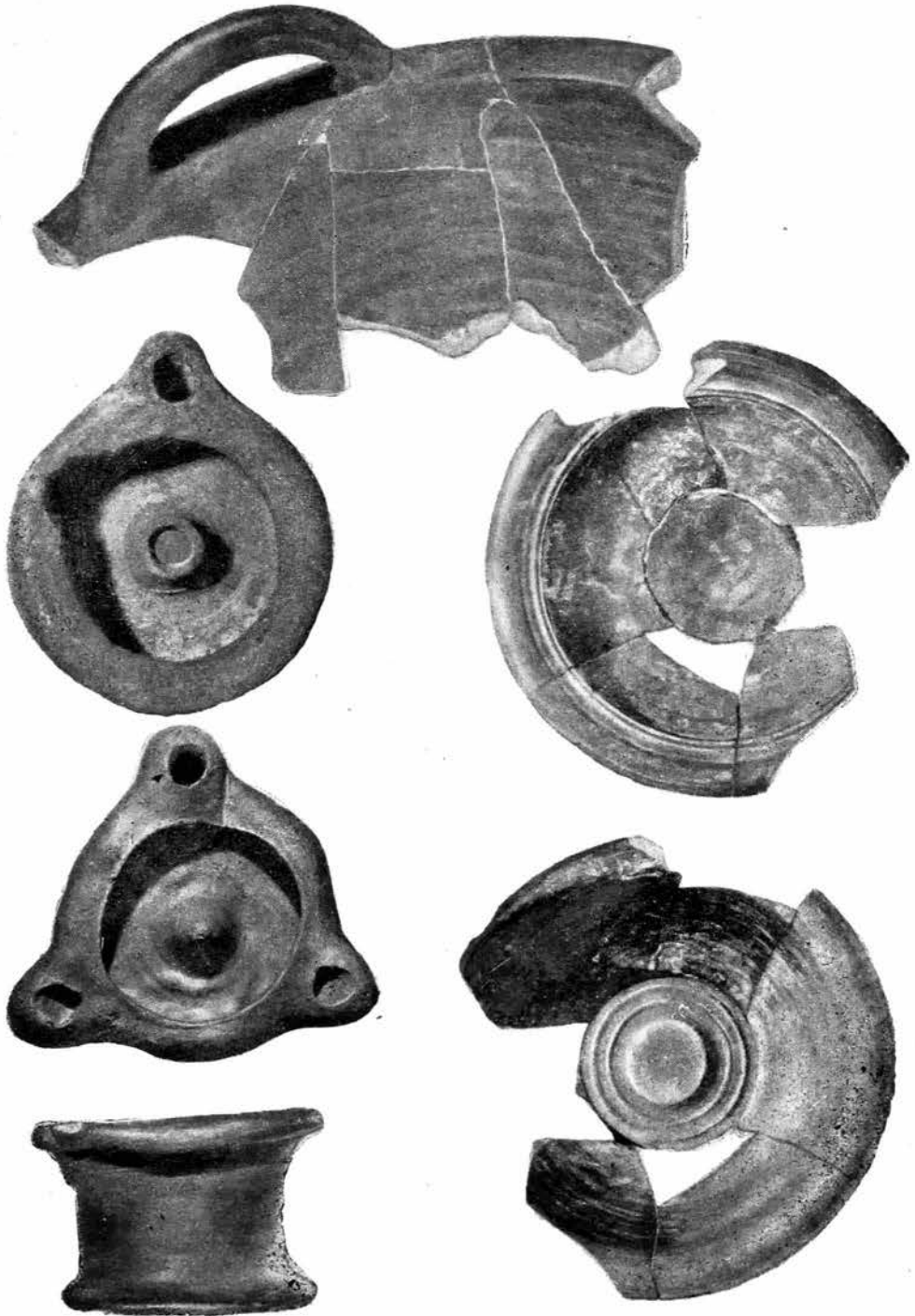

Рис. 10. Приношения — сосуды из серой глины. VI в. до н. э.

Остродонные амфоры архаического святилища делятся на две группы: первая — большие амфоры с высоким горлом и длинным вытянутым туловом, покрытые белой или желтоватой обмазкой с горизонтальными поясками и завитками на тулове и горле, нанесенными краской то чер-

ного, то красноватого и даже желтовато-коричневого цвета.¹ Вторая группа остродонных амфор характеризуется широким яйцеобразным туловом, плавно переходящим в плечики сосуда, и хорошо профилированной устойчивой ножкой днища. Горло с массивным венчиком отделено от тулова рельефным ребром. На амфоре, найденной у устья печи I, на плечиках сохранилось «клеймо», нанесенное красной краской, по рисунку близкое самосскому клейму.² Глина этой группы амфор темно-желтого цвета с обилием золотистых блесков слюды. На обломках остродонных амфор, найденных в святилище, сохранились следы вина в виде сухих сгустков на дне или тонкого коричневатого налета на стенках и горле.

Расписные сосуды, найденные в архаическом святилище, имели формы амфор с шарообразным туловом на кольцеобразной подставке, киликов, чаш и блюд. Роспись исполнена красной или коричневатой тусклой краской с незначительным добавлением пурпура. Рисунок на сосудах прост и не сложен — пояски, волны, зигзаги и группы палочного орнамента; иногда встречаются двойные волюты с пучком лепестков посредине. Эта группа ионийских сосудов, среди которой можно выделить самосские и родосские изделия, богато представлена в городищах и некрополях Ольвии и на о. Березани. Особенно много повторений и близких аналогий ионийским расписным амфорам имеется в ямах архаической Ольвии и Березани. Так, близкими аналогиями нимфейским амфорам с зигзагами между прямыми поясками на плечиках и на горле могут служить амфоры из архаического некрополя Ольвии³ и из некрополя на о. Родосе.⁴ Среди ионийской керамики большое место занимают обломки киликов, орнаментированных поясками лака и пурпура. Тонкостенные родосские килики, украшенные палочным орнаментом и розеткой из кружков снаружи между ручками,⁵ и толстостенные самосские килики,⁶ край у которых четко выделен снаружи, имеют ближайшие повторения и аналогии в материалах из раскопок некрополей Ольвии и Таманского п-ова, но особенно много их было найдено в материковых ямах архаической Ольвии и Березани.

Как уже было отмечено, в архаическом святилище Нимфея коринфской и аттической керамики найдено очень мало. К коринфской керамике принадлежат обломки миниатюрных чашечек с поясками и палочным орнаментом по краю. Эти типы миниатюрных чашечек находятся в большом количестве в раскопках Березани, Ольвии и Пантикапея.

Среди аттических чернофигурных сосудов килики составляют большинство. К ранним экземплярам киликов первой половины VI в. до н. э. относятся обломки с изображениями воина в шлеме на коне, части мужской бородатой фигуры, птицы. Другая группа киликов с мелкофигурным рисунком, исполненным под широким чернолаковым поясом, датируется серединой VI в. до н. э.; на них изображены: олень и пантера, стоящие друг против друга, петух с большим пышным хвостом, сирены,

¹ Ближайшими аналогиями являются амфоры из раскопок на о. Березани (Историко-археологический музей г. Херсона, инв. № 14438) и из некрополей на о. Родосе (Clara Rhodos, т. III, табл. III, XV и CXXXVI).

² Такое же «клеймо» имеется на чашке с высокой ножкой из раскопок некрополя на Таманском п-ове (ОАК, 1911, стр. 39, рис. 69, а).

³ Т. Н. К и п о в и ч. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (по раскопкам 1937 г.). СА, VI, 1940, стр. 94, рис. 3.

⁴ Clara Rhodos, т. IV, стр. 44, рис. 13; стр. 128, рис. 121; стр. 158, рис. 156; стр. 193, рис. 201.

⁵ Ср.: К. Ф. К и п с h, ук. соч., табл. 25, 1, 2, 3, 7, 8.

⁶ Ср.: J. В о e h l a u. Aus ionischen und italischen Nekropolen. Лейпциг, 1898, табл. VIII, 21, 22, 24.

баран. Следует отметить обломок раннего аттического кратера — часть венчика с плоской четырехугольной надставкой на ручке с изображением на ней бородатой головы вправо (рис. 11). Пурпуром исполнены борода и повязка. В круглом глазу кружком выделена радужная оболочка.¹

Значительный интерес представляет расписная посуда, изготовленная здесь же на территории архаического святилища. Глина этих сосудов красная и светложелтая с светлыми блестками слюды. На одних сосудах глина хорошо отмучена, на других изобилует вкраплениями и имеет пористую шероховатую поверхность. Роспись исполнена большей частью тусклой краской красного, бурого и грязножелтого цвета. Повто-

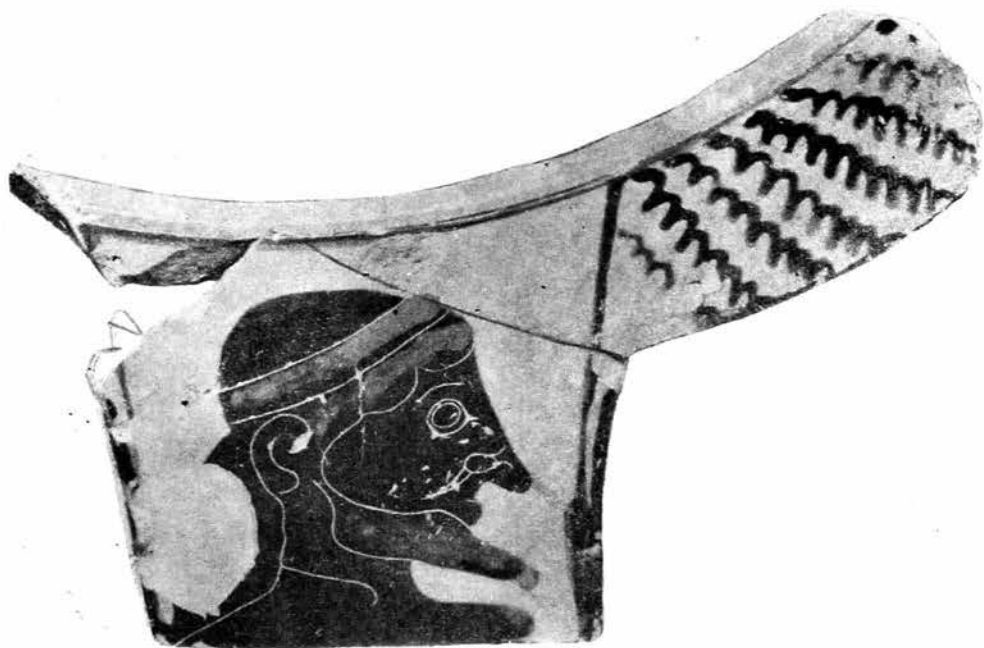

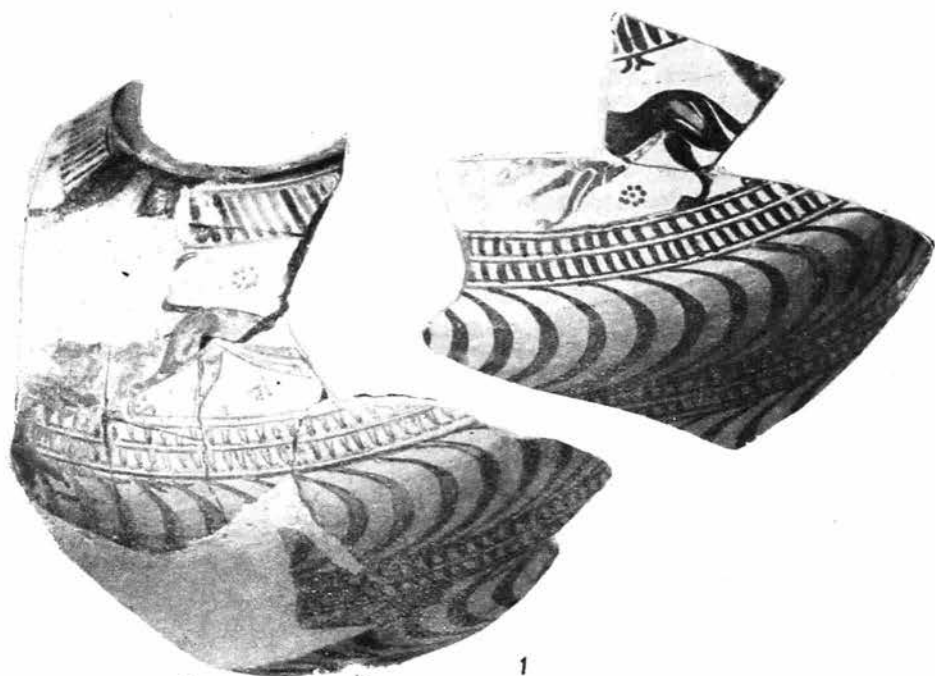
Рис. 11. Обломок сосуда с чернофигурной росписью — мужская голова.
VI в. до н. э.

ря формы привозной понийской керамики, нимфейские гончары использовали и своеобразно развивали мотивы понийской росписи. Так, излюбленный орнамент росписи самосских амфор — волоты с пальметкой посредине² — получил в Нимфее своеобразное переоформление. На обломке толстостенной амфоры мы видим, как волоты превратились в большие спирали с неровными промежутками между витками, а пальметка приняла вид пучка вертикальных толстых лепестков (рис. 12, 2). Такие же спирали, но меньших размеров, с чередующимися пучками имеются и на горле другой амфоры (рис. 13, 3). На многих сосудах обычный растительный орнамент изображается свободно и широко, в чисто живописной манере, как, например, стебель с расходящимися от него в стороны, вверх и вниз завитками (рис. 13, 2 и рис. 14). Мотив розеток из точек, встречаемый в росписи самосских сосудов,³ чередуется на плечиках нимфейских амфор с вытянутыми треугольниками, нанесенными черной и красной краской (рис. 13, 5, 6). Часто эти треугольники заменяются только

¹ Аналогией служит обломок из собрания Государственного Эрмитажа, инв. № Б. 6450.

² J. Voehlau, ук. соч., стр. 54, рис. 22, 23, 25.

³ J. Voehlau, ук. соч., табл. VI, 4. — R. Eilmann, ук. соч., табл. XXXVIII.

1

2

Рис. 12.

1 — обломок сосуда с росписью стиля «фикеллур». Первая половина VI в. до н. э. 2 — обломок сосуда местного производства с росписью волютами. VI в. до н. э.

острыми углами¹ (рис. 13, 4). Группы косых лепестков на горле и плечиках составляют роспись одной из амфор, в то время как на другой волнистые вертикальные линии на плечиках отделены от горла широким красным поясом. На ручках большинства нимфейских амфор изображены

Рис. 13. Сосуды местного производства с росписью (полюты, треугольники, углы и точки). VI в. до н. э.

две пересекающиеся линии или лепестки, расположенные рядами друг над другом.

Роспись нимфейских киликов сохраняет обычную ионийскую схему: пояски красного цвета снаружи и внутри. Форма их повторяет форму родосских и самосских киликов. Нимфейские килики отличаются от них грубостью работы и толщиной стенок.

¹ К. Ф. Кипсх, ук. соч., табл. 3, 2.—Р. Еилманп, ук. соч., табл. XXXII, 2.

У входа в здание архаического святилища найдена терракота, изображающая стоящую женскую фигуру (рис. 15, 1). Голова и ступни ног

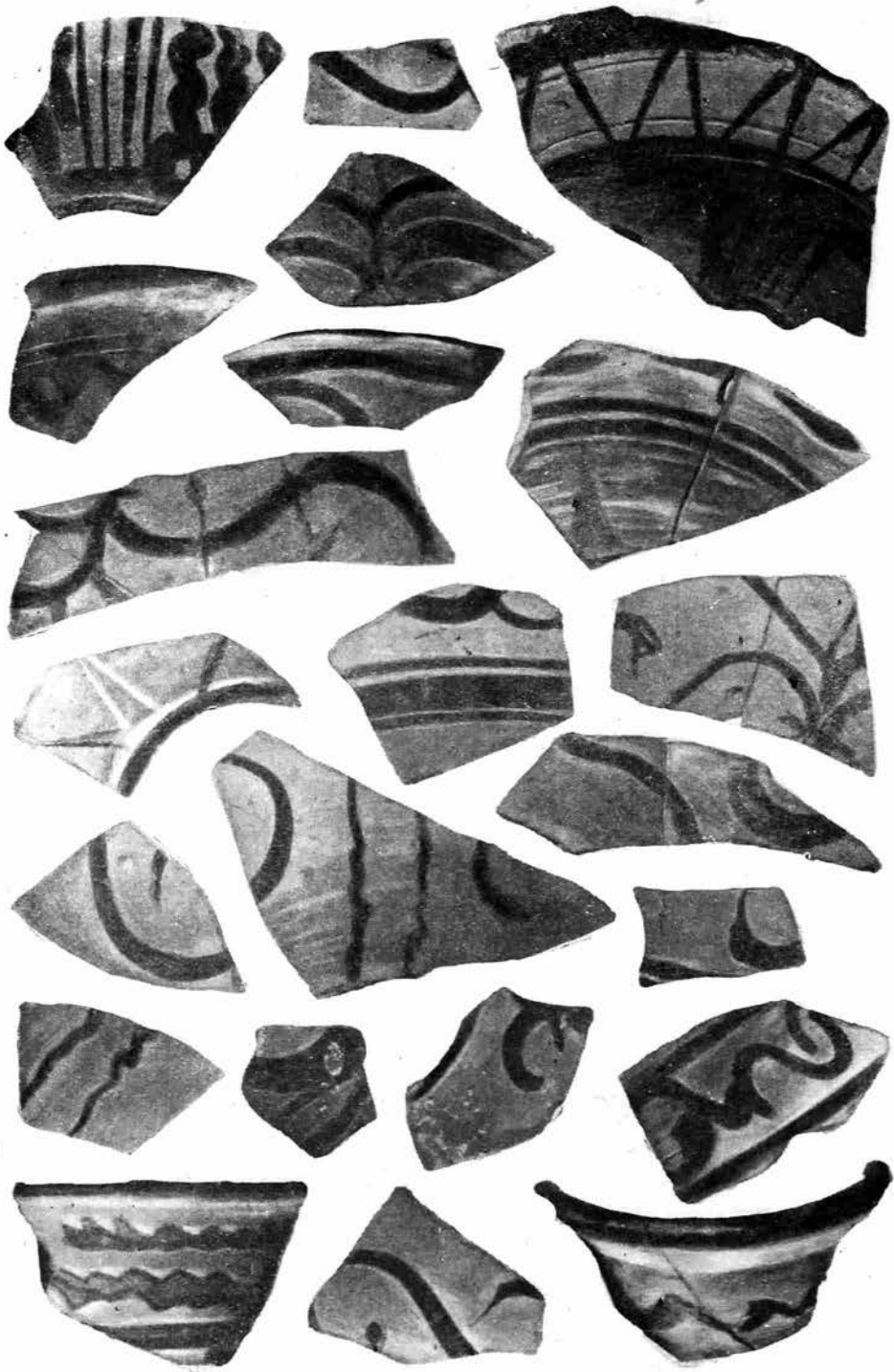

Рис. 14. Обломки сосудов местного производства с росписью растительным орнаментом. VI в. до н. э.

не сохранились. Фигура развернута строго фронтально, руки плотно прижаты к туловищу, пальцы рук сомкнуты, выделен большой палец. Волосы прямыми толстыми прядями спускаются на грудь и плечи. Край

1

2

3

4

Рис. 15.

1 — терракота — стоящая женская фигура. VI в. до н. э.; 2 — форма для фигурного сосуда в виде обнаженного юноши, стоящего на коленях. VI в. до н. э.; 3 — форма для терракоты — женского божества. Первая половина VI в. до н. э.; 4 — форма для терракоты — полуфигуры женского божества. Вторая половина VI в. до н. э.

плаща заложен в форме уступов. Терракота эта является ранним изображением женской богини и относится ко второй половине VI в. до н. э.

У стены № 14 святилища были найдены две очень редкие самосские формы. Одна из них от передней стенки сосуда в виде обнаженной юношеской фигуры (рис. 15, 2). На голове юноши сохранился венчик горла сосуда. Фигура изображает так называемый тип Аполлона. Руки слегка согнуты в локтях, и кисти покоятся на бедрах. Живот и грудь трактованы мягко. Голова наклонена вперед. Высокий лоб, миндалевидные глаза, короткий, широкий на конце нос, слегка вытянутые губы дают живой образ юноши. Волосы тонкими прядями спускаются на грудь и плечи.

Возможно, что мастеру, изготовившему эту форму, принадлежала и другая форма, найденная неподалеку и изображающая полуфигуру богини с рукой, положенной на живот (рис. 15, 4). Плащ покрывает ее голову. На фоне его выделяются уши богини. Волосы разделены пробором, по три локона спускаются на грудь и плечи. На груди рельефно обозначен отворот пеплоса. Правая рука покоится на животе, пальцы ее сомкнуты. Лицо имеет черты, близкие к типу лица юноши предыдущей формы. Те же миндалевидные глаза, той же формы нос и того же рисунка губы, более вытянутые. Обе формы относятся ко второй половине VI в. до н. э.

Третья форма была найдена у архаического святилища со стороны берега. Она изображает женскую очень полную фигурку, присевшую на корточки, со скрещенными на животе руками (рис. 15, 3) — тип, известный в литературе как изображение толстого демона.¹ Определение это является необоснованным. Верное толкование этому типу дает А. А. Передольская, считающая, что изображения силенов и сатиров олицетворяли собой мужское оплодотворяющее начало природы, а тучная нагая женская фигура — изображение более древнего женского плодоносящего начала. Четвертая форма от терракоты бородатого силенна найдена невдалеке от формы терракоты женской тучной фигурки.

Особенно интересными и важными для истории нимфейского святилища оказались находки у расселины в скале, с восточной стороны здания архаического святилища (рис. 8).

Там были найдены чрезвычайно интересные обломки глиняных культовых масок.² На одной из них сохранилась роспись красного и черного цвета. Эта маска имела три глаза, один из них в центре лба над рельефно показанной красной бровью. Ресницы сохранившейся части другого глаза нарисованы черной краской (рис. 16, 2). Вероятно, этой маске принадлежит и раскрашенное ухо животного.³ У другой маски по краю лба идут

¹ Ср. экземпляр в Эрмитаже, найденный на о. Березани, инв. № Б. 374 (ОАК, 1908, стр. 93, рис. 81; М. И. Максимова. Фигурные вазы. 1914, табл. IX, № 71). Э. Р. Штерн в отчете о раскопках на Березани (ОАК, 1908, стр. 92) терракоту этого типа называет «маленькой пузатой фигуркой»; он пишет, что «реплики этой пузатой фигурки найдены в каждой яме, где возможно было установить присутствие обугленных костей». Штерн считает, что эти фигурки имели обрядовое, религиозное значение.

Фуртвенглер и Белау считают этот тип терракот изображением демонов. Первый относит эти терракоты к ионийской группе, указывая на распространенность этого, вероятно самосского типа (См.: А. F u r t w ä n g l e r. Aigina. Das Heiligtum der Archaia. Мюнхен, 1906, табл. 110, 14; В о e h l a u, ук. соч., табл. XIII, 4).

² В настоящей работе маски только упоминаются: они будут темой специального исследования.

³ Аналогиями могут служить — маска из раскопок некрополя на Самосе (В о e h l a u, ук. соч., табл. XIII, 1, 1^a), а также маски с тремя глазами в росписи на блюдах (К i p s h, ук. соч., стр. 256, рис. 128; Clara Rhodos, т. VI—VII, стр. 67, рис. 70 и 71).

отверстия, с помощью которых маска прикреплялась к голове (рис. 16, 1). От третьей маски сохранился только верхний край.

Здесь были найдены и обломки больших блюд, так называемых «жертвенных», из красной глины с вкраплением значительного количества мелких золотистых блесток. Блюда имеют плоское дно и невысокий отогнутый край. Роспись на них, нанесенная пурпуром, состоит из концентрических кругов с поясами палочного орнамента. На одном, склеенном в Эрмитаже блюде, между концентрическими кругами помещен пояс из треугольников с вертикальной линией посередине. На наружной стороне дна — глубокие концентрические врезы. Были найдены и обломки глиняных блюд той же формы без росписи. Повидимому, тем же культовым целям, что и блюда, служили большие чаши — лутерии. Обломков лутериев найдено много; по форме они близки друг другу и представляют собой глубокие чаши с ручками в виде катушек, украшенных поперечными ребрами, с широким сливом, у которого по бокам имеются округлые выступы в подражание металлическим заклепкам. Кроме названных предметов, здесь найдены редко встречающиеся в раскопках северного Причерноморья обломки глиняных сосудов в форме «ритона» с боковой прорезью. Один такой «ритон» удалось склеить (рис. 17, 2). Были найдены «ритоны», которые служили приношениями, так как прорезь у них не сквозная; один конец «ритона» плоско заделан. Некоторые обломки оказались принадлежащими привозным «ритонам» (рис. 17, 1—3); другие — местного изготовления (рис. 17, 4). Привозные сделаны из желтой глины с большим количеством золотистых блесток, местные — из грубой серой и красной глины с белыми вкраплениями. Очень близкой аналогией нашим «ритонам» является «ритон», найденный Б. В. Фармаковским при раскопках в Ольвии в 1908 г. Ольвийский «ритон»¹ был обнаружен в материковой яме на городище вместе с обломками ионийских сосудов VI в. до н. э.

Рис. 16. Обломки культовых масок. Первая половина VI в. до н. э.

Найденные на территории участка архангелского святилища формочки терракот, изображающие женское и мужское плодоносящее на-

¹ Собрание Государственного Эрмитажа, инв. № О.М. 9223.

чало, могут быть увязаны с «ритонами», которые, повидимому, следует понимать как символ единства оплодотворяющих начал.

Все эти культовые предметы — маски, блюда, лутерии и «ритоны», найденные главным образом в одном месте — у расщелины скалы, свидетельствуют, что здесь совершались обряды земледельческого культа, в которых, повидимому, видную роль играли маски и «ритоны». В расщелину бросали посвященные земледельческому божееству кувшины.

Рис 17. Культовые сосуды — «ритоны». VI в. до н. э.
1—3 — «ритоны» привозные; 4 — «ритон» местного производства.

Возможно, что еще до постройки здания архаического святилища место у расщелины в скале было выбрано первыми поселенцами для совершения обрядов и приношения даров земледельческому божееству.

На расстоянии 3 м юго-востоку от расщелины открыта вторая гончарная печь II (рис. 7). Следы третьей печи на том же уровне найдены у южной оградительной стены № 25.

Печь II на 40 см ниже уровня остатка вымостки у здания архаического святилища (следовательно, ниже уровня пода печи I, которая находилась на одном уровне с вымосткой). Печь II расположена у скалы, являвшейся средним звеном восточной оградительной стены архаического святилища. Пришлось удалить два больших камня этой стены, примы-

кавших к ее среднему звену, чтобы открыть печь II¹ (рис. 7 и 18). В устье печи, на ее поду найден комок красной минеральной краски, а вокруг печи находилось значительное скопление золы, шлака и брака производства.

Неподалеку от печи был найден обломок стенки закрытого сосуда с силуэтным изображением всадника на лошади. Небольшого размера нагая фигура всадника исполнена еще очень схематично: туловище почти прямое, нога выделена резьбой только по бедру до колена, голень не отмечена вовсе, кисти рук спрятаны в пышной гриве лошади. Туловище коня длинное, узкое, с несоразмерно большой головой (сохранилась часть

Рис. 18. Обжигательная гончарная печь. Первая половина VI в. до н. э.

шей с гривой). Грива передана резьбой в виде волнистых линий, также резьбой намечен и край попоны. По цвету черного лака с тусклым блеском и по обилию резьбы с пурпуром можно было бы высказать предположение о клазоменском происхождении этого обломка, но глина светло-желтого цвета не подтверждает это предположение. Во всяком случае, по условной схематичности рисунка обломок этот может быть отнесен к началу VI в. до н. э. и, несомненно, принадлежит одной из мастерских понийских центров.

Обломки раннесамосской амфоры стиля «фикелтура» (рис. 12, 1), найденные здесь же, подтверждают эту датировку. Шаровидное тулово амфоры в средней части украшено поясами полулунок с двойными поясами палочного орнамента. У ножки — пояс длинных лучей. На плечиках между ручками на каждой стороне изображено по паре животных,

¹ Печь II неправильной эллипсоидной формы. Ее длинная ось 1.06 м, короткая — 0.76 м. Стенки сложены из обожженного яркооранжевого сырца, толщиной в 8 см, и сохранились на высоту 35 см. Внутренняя поверхность стенок печи имеет характерный зеленоватый цвет. На поду печи, на расстоянии 28 см от ее западной стенки, сохранилось основание столба, поддерживавшего верхнюю обжигательную камеру. Ближайшей аналогией нашей печи может служить гончарная печь, найденная в архаическом слое Олимпии (см.: ВДИ, 1947, № 1, стр. 204, рис. 9). О древних гончарных печах (правда, более позднего времени, но по устройству своему близких нашей печи) см.: В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934.

друг против друга. Фигуры животных исполнены силуэтом без резьбы. Глина амфоры, красная в изломе, с громадным количеством золотистых вкраплений слюды, имеет от обжига серый оттенок. Снаружи сосуд покрыт плотной белой обмазкой. Значительная часть обломков амфоры найдена была у устья печи II, но некоторые из них были найдены по всему участку, прилегающему к расселине в скале. Эта находка обломков от одного сосуда в разных местах, как и ряд других подобных фактов, установленных во время раскопок святилища, указывает на своеобразный обряд разбрасывания разбитых сосудов.

Прошло некоторое время, прежде чем рядом с расселиной в скале около середины VI в. до н. э. было выстроено небольшое здание святилища. Тогда участок земли, на котором оказались здание и скала с расселиной, стал «священным участком». Он должен был, согласно обычаям древних греков, иметь замкнутую ограду. Скалы и оградительные стены №№ 23, 24 и 25 замкнули «священный участок». Старая обжигательная печь (II) к этому времени пришла уже в негодность, она была засыпана, а поверх нее прошла оградительная стена. Новая печь (I) была выстроена на территории «священного участка» у южной стены ограды.

Святилище первой половины V в. до н. э.

Архаическое святилище в конце VI в. до н. э. сгорело. Новое здание святилища было построено несколько отступая от сгоревшего старого в сторону берега; оно получило более строгую форму — в виде вытянутого четырехугольника (рис. 5) со стенами №№ 4, 7 и 8. Здание попрежнему примыкало к скалам (рис. 5 и 19, I). Одна из скал также служила ему короткой стороной.¹ Святилище было ориентировано, как и архаическое здание, с юго-запада на северо-восток. Но вход в новое здание помещался не в короткой юго-западной стене, а в длинной юго-восточной № 7; плита порога входа лежала на глубине 3.6 м от уровня почвы. «Священный участок» вновь отстроенного святилища был, как и прежде, огражден скалами, а со стороны берега стеной № 10, в которой оказался проход к берегу (рис. 6), где находился грот. От мощеной площади «священного участка», перекрывавшей более древнюю вымостку, сохранились лишь небольшие группы камней по обе стороны здания святилища. В северо-западной части у скал найден алтарь ε , имевший форму неправильного четырехугольника. Он ориентирован, как и здание, с юго-запада на северо-восток.² На восток от здания, на расстоянии 1.5 м, открыта загородка, неправильной четырехугольной формы, из поставленных на ребро плоских камней, так называемая фависса.³ В ней оказались как целые, так и разбитые еще в древности посвященные предметы.

В самом верху были найдены четыре красноглиняных кувшинчика. Под ними находились обломки терракот: фигурка сидящей на троне богини, обломок другой такой же фигурки и обломок края женской протомы, голова которой лежала еще ниже. На две загородки стояла небольших размеров чернофигурная ваза-гидрия с изображением женщины, стоящей у источника, бьющего из скалы (рис. 20). Из расселины скалы по направлению к женщине выползает змея. По стилю рисунка гидрия

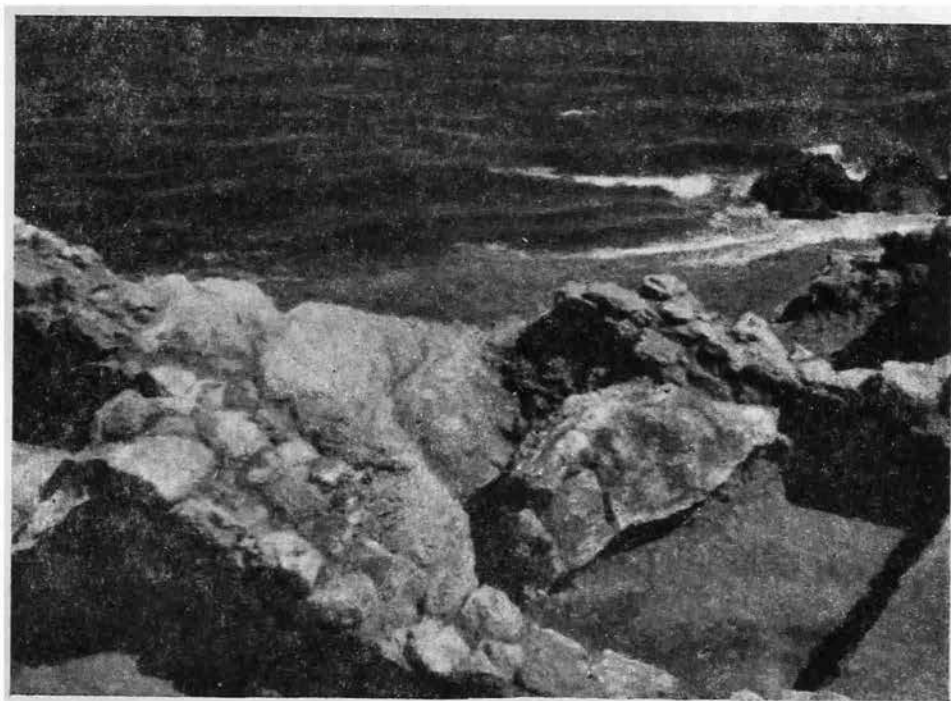
¹ Основания трех других стен оказались почти на одной глубине (4.2 м) от уровня почвы.

² Алтарь ε расположен на глубине 4.3 м от уровня почвы; от него сохранился только один ряд плоских камней, поставленных на ребро.

³ Фависсами назывались загородки, в которых хранились сосуды, терракоты и другие посвященные предметы, как целые, так и разбитые, вышедшие из употребления (D a r c h b e r g et S a g l i o. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. II, s. v. Favissa).

1

2

Рис. 19.

1 — общий вид святилища. Первая половина V в. до н. э.; 2 — обломок скалы, разрушившей святилище.

относится ко второй половине VI в. до н. э.; она является изделием атической мастерской. Чернофигурная гидрия находилась как бы в центре фависсы, окруженная четырьмя кувшинчиками разной формы.

Другая фависса была расположена у скалы в северной части «священного участка»; в ней оказались замечательный терракотовый рельеф с изображением танцующей женской фигуры и большая протома богини.¹

На территории всего «священного участка» найдено большое количество приношений, главным образом обломков небольших сосудов. Обломки чернофигурных киликов так называемого беглого стиля указывают на время — первую половину V в. до н. э. Наиболее типичными

Рис. 20. Сосуд-гидрия с чернофигурной росписью — женщина с гидрией у источника. VI в. до н. э.

среди находок являются: обломок стенки килика с изображением сатира и пальметки; обломок такого же сосуда с изображением Диониса среди виноградных лоз и женщины, сидящей на муле.

Из других групп привозной керамики найдены обломки чернолаковых киликов и чашечек на низкой кольцеобразной подставке первой половины V в. до н. э. Найдены и обломки ранней краснофигурной керамики — открытых больших сосудов; среди них выделяется большой обломок стенки с изображением фигуры бородатого мужчины в коротком хитоне и панцире, с вытянутой рукой (рис. 21, 1).

К ранней группе краснофигурной керамики относится и дно большого краснофигурного килика на высокой подставке с изображением фигуры бегущего обнаженного юноши со щитом в руке (рис. 21, 4). Характерным для данной группы краснофигурной керамики начала V в. до н. э.

¹ Эти терракоты были найдены П. Ф. Сплантьевой во время разведочных работ 1938 г. См.: ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 315, рис. 13; стр. 316, рис. 15.

является также другой обломок киллика с изображением фигуры обнаженного юноши с диском: мускулы живота исполнены разбавленным лаком, а край волос на голове отделен от фона светлой полоской¹ (рис. 21, 2).

Наряду с керамикой здесь найдены терракоты, целые и в обломках (рис. 22). Первое место среди них занимают протомы богини с покры-

Рис. 21 Обломки сосудов.

1, 2, 4 — с краснофигурной росписью; 3, 5 — с резным орнаментом. Первая половина V в. до н. э.

валом на голове и серьгами в ушах. Волосы их исполнены рядами насечек. Глаза узкие, плоско лежащие, лицо вытянутое с резко очерченным подбородком;² интересен обломок нижней части лица — губы и подбородок большой архаической протомы конца VI в. до н. э.

¹ Ср., например: С. Watzinger Griechische Vasen in Tübingen. 1924, табл. 14, D, 44.

² Подобный тип см.: F. Winter. Terrakottentypen, I, стр. 236, рис. 6 и 8; стр. 237, рис. 8. Близкими аналогиями являются: протома из раскопок в Феодосии (Музей Одесского общества истории и древностей, вып. 1 Терракоты. Одесса, 1897, табл. X, рис. 6), протома из раскопок в Олиффе (David M. Robinson. Excavations at Olynthus, IV. Лондон, 1931, табл. 4, 16).

(рис. 22).¹ По характеру глины и стилю протома относится к родосской коропластике. Не менее характерны полуфигуры богини, вероятно Деметры, в высоком головном уборе, с плащом на плечах: руки покоятся на груди.² На одном из обломков Деметра одета в пеплос, края отворота которого образуют выступы.³ В большом количестве найдены обломки нерасписных светильничков из серой и красной глины с одним и двумя рожками.

Следует отметить, что в святилище, которое относится к первой половине V в. до н. э., ионийской керамики оказалось значительно меньше, чем в святилище архаического периода. Она уступила место аттической керамике. Это обстоятельство указывает на ослабление торговых связей с Ионией и на установившиеся к этому времени торговые связи с Афинами.

Святилище второй половины V в. до н. э.

Около середины V в. до н. э. на территории святилища со стороны берега произошел обвал скал, и возможно, что громадный обломок, оторвавшись от гряды скал, разрушил здание святилища, завалив северную часть его⁴ (рис. 19, 2). Другой, гораздо больший обвал произошел в северной части «священного участка», где образовался разрыв гряды скал. Этот разрыв позже, при восстановлении разрушенного святилища, был, вероятно, заполнен стеной № 12 (рис. 5 и 6), которая служила оградой.

Таким образом, около середины V в. до н. э. возникло третье здание святилища. Оно заняло всю площадь разрушенного святилища и вышло за его пределы (рис. 5), но в новое сооружение вошли и две старые стены. Поперечная стена № 4, сохранившаяся от прежнего здания, была надстроена и удлинена. Другой поперечной стеной оказалась часть стены № 10, также надстроенной. В стене № 10, в том месте, где был проход к гроту святилища начала V в. до н. э., находился и проход святилища второй половины V в., но основание последнего было теперь на 70 см выше. Новыми стенами являлись продольные стены №№ 1 и 9. Здание, имевшее форму неправильного вытянутого четырехугольника, оказалось повернутым в сторону грота. Оно получило иную ориентировку — с северо-запада на юго-восток, вход же остался в длинной продольной стене № 9, обращенной в сторону грота.

От порога входа сохранилась одна плита.⁵ Плиты дверного проема были закрыты позже новой возведенной стеной № 2.

Сохранились плиты пола здания. Обломки черепиц крыши найдены на полу и у стен. Здесь же обнаружены и обломки терракотового карниза

¹ Наиболее близки: 1) большая протома из раскопок в Ольвии 1902 г. (ИАК, вып. 13, стр. 178, рис. 128); 2) большая протома из раскопок в Линде (B l i n k e n - b e r g. Lindos, т. I. Берлин, 1931, табл. 116, 2463); 3) большая протома из раскопок в Олиффе (David M. R o b i n s o n. Excavations at Olynthus, IV. 1931, табл. I, 1). Все эти протомы изготовлены при помощи сходных форм.

² Ср., например: F. W i n t e r. Terrakottentypen, III, стр. 249, рис. 2.

³ Очень близка по трактовке плаща и прямого края отворота пеплоса, оканчивающегося двумя выступами, полуфигура Деметры из раскопок могильника в окрестности Евпатории (ИАК, вып. 25, стр. 177, рис. 7); ср. также полуфигуру Деметры из раскопок в Олиффе (David M. R o b i n s o n, ук. соч., т. VII, 1933, табл. 8, 32 и 33; табл. 7, 31).

⁴ См. А. С. Б а ш к и р о в. Антисейсизм древней архитектуры, IV. Юг СССР. Калинин, 1948, стр. 276.

⁵ Плита была расположена на глубине 2.8 м от уровня почвы.

с овами (рис. 23, 1, 2), обломки глиняного водостока в виде головы льва (рис. 23, 4) и обломки терракотовых антефиксов (рис. 23, 3, 5).

Внутри здания святилища, под полом, на расстоянии 0.5 м от стены № 1, находилась фависса, представлявшая собой неправильную выемку в грунте, ограниченную камнями, поставленными на ребро. В ней лежали большое круглое бронзовое зеркало (рис. 24, сверху) и

Рис. 22. Головки терракот Деметры. Первая половина V в. до н. э.

терракоты: обломки трех статуэток, изображающих девушек (гидрофоры), несущих на голове гидрии, протомы богини и женская фигурка в плаще. Эта фависса находилась над фависсой святилища первой половины V в. до н. э.: их отделял слой всего лишь в 1 м.

Другая разрушенная фависса, огражденная камнями и оказавшаяся под полом, являлась как бы частью стены № 9. В фависсе найдены миниатюрные красноглиняные сосуды (рис. 24, внизу).

Третья фависса находилась вне здания, на северо-восток от стены № 1, у скал. Загородка ее имела вытянутую четырехугольную форму. В ней оказались: краснофигурная миниатюрная гидрия, терракотовая фигурка птички, обломки полого кольца от так называемого керноса.

И эта фависса перекрывала расположенную под ней загородку святилища первой половины V в. до н. э., в которой были найдены упомянутые выше терракотовый рельеф с танцовщицей и большая протомаженской богини.

Таким образом, фависсы в виде загоронок перекрывали друг друга и были расположены как внутри здания, так и вне его.

Подобные фависсы в виде загоронок, но с гораздо большим количеством разбитых и целых терракот и сосудов разного времени, обычно находили в святилищах и храмах древней Греции, Малой Азии и Италии. Так, например, в Италии, в местности, расположенной в нескольких километрах к северо-западу от Пестума, в 1934—1936 гг. были открыты

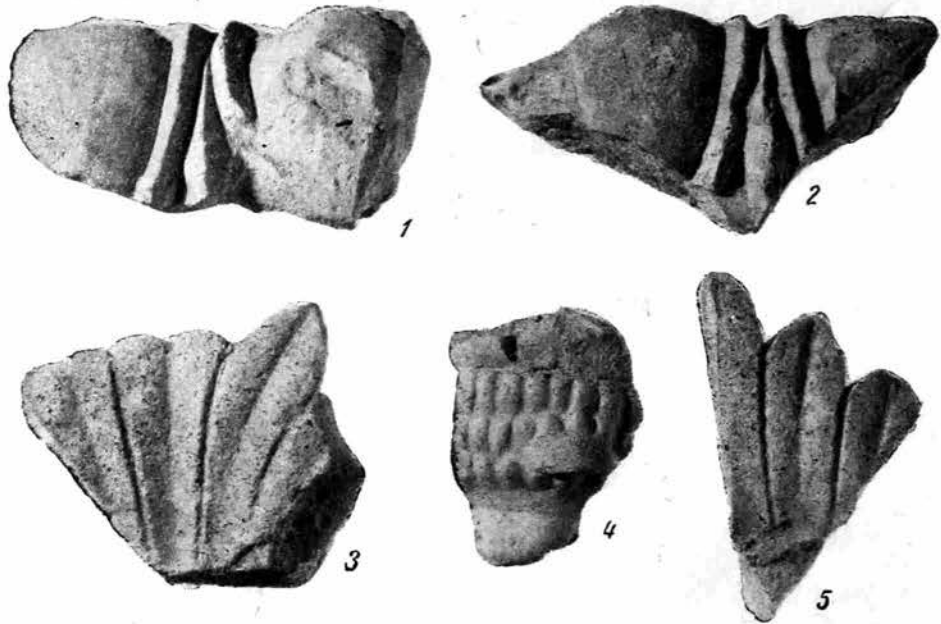

Рис. 23. Архитектурные украшения святилища. Вторая половина V в. до н. э.

две эллинистические фависсы с громадным количеством разбитых терракот, сосудов и бронзовых изделий от конца VI до конца III в. до н. э. В одной из фависс вещи лежали в специальных загородках, выложенных из каменных плит, поставленных на ребро.¹ По характеру их устройства они близки загородкам святилища Нимфея. На территории Малой Азии, в Приене,² у храма Деметры и Керы также была найдена груда обломков терракот и сосудов — вероятно, фависса. Фависсу представляет собой и яма, открытая на острове Кос,³ она была наполнена большим количеством обломков терракот VI—III—II вв. до н. э. Аналогичную картину дает и святилище Астарты на о. Кипре.⁴ Наконец, на территории материковой Греции, в Беотии, раскопками в Эвтресисе⁵ у продольной стены открытого святилища, снаружи, найдено большое количество сосудов и терракот, подтверждающих наличие фависсы и в данном святилище.

¹ JHS, т. LVI, 1936, ч. II, стр. 217; т. LVII, 1937, ч. II, стр. 238.

² Th. Wiegand und H. Schrader. Priene. Берлин, 1904, стр. 147.

³ Jahrbuch der Deutschen Archäologischen Instituts, 1901, AA, стр. 134, 135.

⁴ Ohnefalsch — Richter. Kypros. Die Bibel und Homer. Берлин, 1899, стр. 482, S, рис. 263.

⁵ H. Goldmann. Excavations at Eutresis in Beotia. Кембридж, 1931, стр. 246, рис. 306.

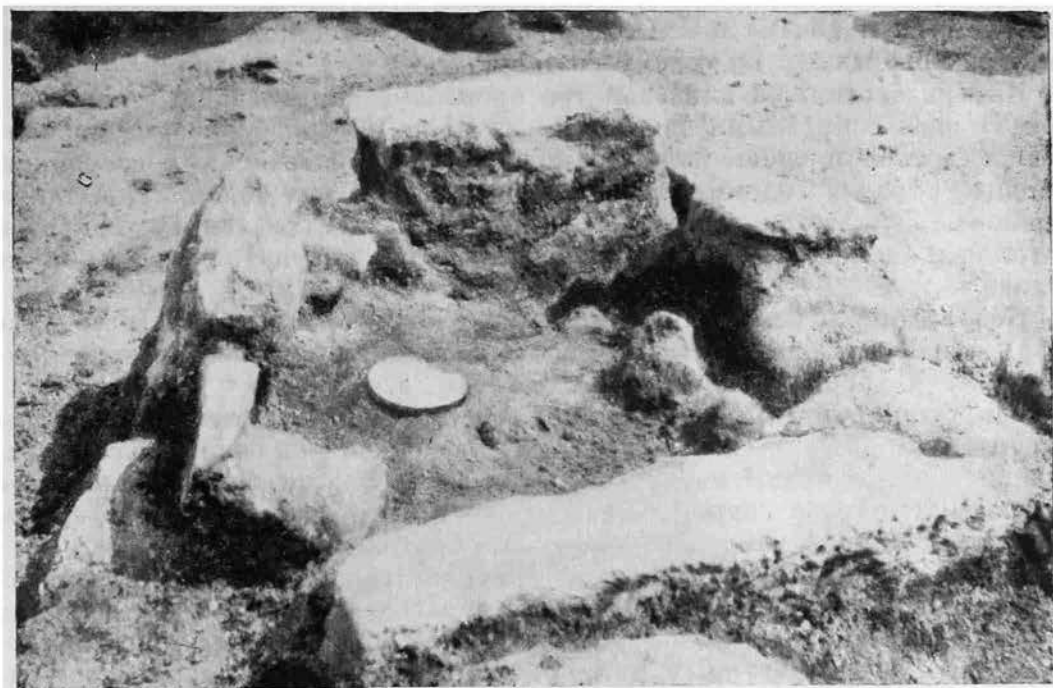

Рис. 24.

Вверху — фависса с зеркалом. V в. до н. э.; внизу — фависса с обломками сосудов.
V. в. до н. э.

Третье здание нимфейского святилища существовало продолжительное время: вот почему в нем оказалось наибольшее количество приношений, разнообразных по своему составу.

Внутри святилища найдены: три бронзовые спиралевидные подвески, из них одна с круглыми чашечками на концах;¹ три бронзовых зеркала в виде дисков и очень большое количество посвященных сосудов, главным образом гидрий и кувшинчиков, целых и в обломках, а также большое количество терракот, целых и фрагментированных — протом и головок Деметры, стоящих женских фигур, девушек с гидриями на голове и т. п.

Необходимо отметить, что среди находок второй половины V в. до н. э., которые составляют огромное большинство, найдены и предметы начала V в. до н. э., а также IV в. до н. э.

Так были найдены две небольшие тонкостенные аттические краснофигурные гидрии с изображениями на одной — женщины со шкатулкой и полотенцем,² на другой — летящего Эрота, тоже со шкатулкой и полотенцем.³ Обе гидрии относятся ко второй половине V в. до н. э. От третьей гидрии найден обломок с изображением, вероятно, летящего Эрота. Четвертая небольшая краснофигурная гидрия и обломок от пятой гидрии — обе с изображением сфинкса вправо — относятся уже к концу V в. до н. э. Второй половиной V в. до н. э. датируются и обломки тонкостенных краснофигурных киликов со штампованным орнаментом из ов на донышке, с плющевой гирляндой, исполненной белой краской и разбавленной глиной на отогнутом крае внутри, с пальметкой у ручки и с частью сидящей женской фигуры.⁴ Эту же небрежную манеру рисунка надо отметить на килике с изображением сатира и пальметки, а также на краснофигурной гидрии с изображением стоящей фигуры в плаще с круглым предметом в руке. В разных местах найдены обломки крышки краснофигурной вазы с изображением туалетной сены — женские фигуры с сосудом и ящиком. Крышка же другой краснофигурной леканы с той же сценой туалета датируется уже началом IV в. до н. э. К этому же времени может быть отнесен обломок краснофигурного килика на низкой профилированной ножке, украшенный внутри фигурой обнаженного юноши, сидящего на плаще с протянутой к висающему на стене сосуду рукой, и обломок краснофигурного открытого сосуда с изображением двух юношеских голов в венках.

Этой краснофигурной керамике сопутствуют сосуды из местной светлой глины, повторяющие формы аттической керамики.

Подавляющей по количеству находок в этом святилище явилась аттическая чернолаковая керамика, главным образом обломки киликов и чашечек. Особенно характерны тонкостенные килики на низкой кольцеобразной профилированной подставке с выделенным краем внутри и с резным орнаментом в виде сложной розетки с четкими крупными лепестками, суживающимися к центру (рис. 21, 3, 5).⁵ Они датируются первой половиной V в. до н. э. На киликах конца V в. до н. э. этот же резной рисунок исполнен более небрежно: линии прорезаны криво, утрачен рисунок лепестка, к резному орнаменту прибавляются штампованные пальметки, соединяющиеся полукруглыми дугами (рис. 25, 2—5). Встре-

¹ Ср., например: Clara Rhodos, т. III, табл. V и VII, 3.

² Аналогией по форме сосуда и изображению является гидрия из раскопок в Олинфе (David Robinson, ук. соч., ч. V, 1933, табл. 84, 139).

³ Ср. изображение Эрота на краснофигурном лекифе № 2055 в Бонне (CVA. Deutschland, Bonn, табл. 25, 5), который датируется около 430 г.

⁴ Подобный тип см.: Е. И. Леви. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, табл. XV, 4.

⁵ По типу близки находки в Ольвии, изданные Е. И. Леви (ук. соч., табл. XV, 1).

чены в изобилии и чернолаковые чашечки с округлыми стенками со штампованным орнаментом на плоском дне и чашечки типа солонок.¹ Найдены также и обломки чернолаковых желобчатых кувшинчиков.

Среди чернолаковой керамики выделяется килик с процарапанной посвяжительной надписью Деметре — $\text{NNA } \Delta\text{NMHTPI}$. Этот килик благодаря надписи на нем очень важен, так как он подтверждает культ Деметры в данном святилище. По форме, характеру лака и типу штампованных пальметок, украшающих его донышко, килик относится уже к IV в. до н. э. (рис. 25, 1). Составленная из двух обломков статуэтка изображает стоящую женщину (рис. 26, 1). Дугообразные, параллельные складки хитона этой фигуры являются характерным признаком трактовки одежды в греческом искусстве середины V в. до н. э. Кроме

Рис. 25.

1 — килик чернолаковый с посвяжительной надписью. IV в. до н. э.; 2—5 — обломки донышек киликов с резным орнаментом. Вторая половина V в. до н. э.

этой терракоты, найдены еще четыре фрагмента от подобных же статуэток, изготовленных, вероятно, одной формой. Из двух обломков восстановлена статуэтка, изображающая стоящую женщину в хитоне с широкими, вертикально падающими складками (рис. 26, 2); хитон плотно прилегает к груди, широкие прямые складки падают от талии вниз. Яркая красная глина статуэтки говорит о ее местном, боспорском, происхождении.

Важным памятником, с точки зрения определения характера культа, является найденный внутри здания святилища фрагмент женской фигуры, вероятно, Деметры, с мальчиком на руках. Древние греки, как известно, богатство зернового урожая воплощали в образе ребенка² (см. стр. 280).

К раннеклассическому периоду относятся: обломок верхней части фигуры женщины, положившей руку на грудь (рис. 27, 2), и женские протомы с большими круглыми серьгами в ушах (рис. 27, 1, 3). Все терракоты являются, вероятно, изображениями богини Деметры.

Внутри святилища найдены золотая штампованная круглая бляшка с изображением маски Горгоны и золотая же миниатюрная пластинка, представляющая собой повязку на оба глаза.

¹ Ср., например: Clara Rhodos, т. II, стр. 123, рис. 5.

² В. Л. Богатевский. Земледельческая религия Афин, т. I, Пгр., 1916, стр. 138.

Совсем близко от загородки, у стены № 1, найден светильник из глины, больших размеров и сложной формы в виде усеченного конуса.¹ Рожки на его стенках были расположены ярусами. Сохранился только один рожок. Большое количество рожков от таких же светильников найдены разбросанными в разных местах здания, среди них и верхушка другого светильника. Аналогичные большие светильники с рожками в несколько ярусов известны по находкам в Херсонесе.²

В здании святилища оказались три маленькие красноглиняные гидрии со сквозными отверстиями в донышках. Они относятся к полному кольцу с отверстиями, которое было найдено вне здания. Такое полсе кольцо с отверстиями встречено и в святилище Линда.³ Это так назы-

Рис. 26. Терракоты святилища. Вторая половина V в. до н. э.

ваемый кернос — votивный сосуд, служивший для посвящения земледельческому божеству.

В нимфейском святилище второй половины V в. до н. э. оказались и медные монеты; найдены они главным образом вне здания. Все монеты — пантикапейские. Самые ранние типы их, по определению покойного А. Н. Зографа, относятся к первой половине IV в. до н. э.

Приношения, обнаруженные на «священном участке», по своему характеру ничем не отличались от предметов, найденных внутри здания святилища. Следует и здесь отметить особое обилие светильников с одним и многими рожками, являвшихся важнейшей частью земледельческого культа богини плодородия Деметры.⁴

В западной части «священного участка» были сооружены алтарь б и жертвенник в (рис. 5). Алтарь б был сооружен на месте старого разрушенного алтаря г святилища первой половины V в. до н. э. Он

¹ М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. Тр. Отд. античного мира Гос. Эрмитажа, т. I, стр. 162, табл. XX.

² Эрмитаж, инв. №№ 17900 и 17991. (Не изданы).

³ С. Blinkenberg. Lindos, I. Берлин, 1931, стр. 331, рис. 48.

⁴ Н. И. Новосадский. Элевсинские мистерии. СПб., 1887, стр. 178.

находился на глубине 3.45 м от уровня почвы, имел четырехугольную форму и был ориентирован с юго-востока на северо-запад (рис. 5). Сложен он был из необработанных камней известняка.¹ Вокруг алтаря открыто громадное скопление обломков стенок остродонных амфор. Все выбоины и трещины скал вокруг алтаря были забиты ими, а грунт в этом месте благодаря обилию этих обломков представлял собой чрезвычайно плот-

3

Рис. 27.

1 — протома Деметры; 2, 3 — терракоты Деметры. Вторая половина V в. до н. э.

ную массу. Несомненно, скопление обломков амфор у алтаря получилось потому, что здесь производились культовые возлияния, во время которых посуда разбивалась.

В северо-западной части площади «священного участка» сразу за алтарем, на расстоянии 2.0 м от него, оказалось небольшое помещение, пристроенное к северной оградительной стене № 12 (рис. 5). Оно расположено на той же глубине от уровня почвы, на которой находился и верх-

¹ Близкими аналогиями к алтарю в Нимфее являются алтарь в Герейоне на Самосе (AM, 43, 1933, стр. 146, табл. 1) и алтарь в Неандрии (R. K o l d e w e y. Neandria. Берлин, 1891, стр. 28, рис. 58).

ний ряд камней основания алтаря б. Короткой поперечной стеной помещению служила часть оградительной стены № 12. У противоположных концов длинных продольных стен помещения сохранились мелкие камни. Отсутствие находок в этом помещении и плохая сохранность его строительных остатков не дают возможности точно определить его назначение. Вероятно, оно могло служить культовым целям.

Громадная скала отделяла это небольшое культовое помещение от другого, значительно большего, также пристроенного к скале и имевшего, повидимому, тоже культовое назначение (рис. 6). Это здание было расположено на краю дороги, которая шла с запада на территорию святилища. Дорога в святилище имела ширину около 10 м, и сразу за южным концом стены (№ 22) этого помещения находился проход на территорию «священного участка». Между обломками скал, расположенными в один ряд и преграждающими этот проход, имеются промежутки (ширина их 0.80—1.25 м), являющиеся входом в святилище (рис. 6). На расстоянии 5 м от прохода стоял алтарь б. Вся площадь, прилегавшая ко входу, на глубину до 0.5 м также была забита обломками амфор.

На восток от алтаря б и небольшого культового помещения открыто еще одно культовое сооружение — жертвенник в (рис. 5), неправильно округлой формы (диаметр 1.35—1.45 м). Снаружи сохранился только один ряд камней, поставленных на ребро. Внутри жертвенника камни положены наклонно. Жертвенник был заполнен на глубину в 45 см пережженными костями мелкого животного и золой.

Площадь «священного участка» в направлении к берегу была сужена зданием святилища и громадной скалой, нависавшей над входом в здание. От порога входа к проходу в оградительной стене № 10 вела узкая дорожка из камней. За проходом стены № 10, на берегу пролива, сохранились две ступени от лестницы, ведущей ко входу в грот. От этого входа-коридора сохранилась только небольшая часть стены № 13 (рис. 5). Стена была возведена у выступа скалы, которой заканчивалась гряда скал, ограждавшая территорию святилища с юго-востока.

Таким образом, комплекс святилища второй половины V в. до н. э. состоял из здания, алтаря б, двух культовых помещений и жертвенника в. Все это было сооружено на площади «священного участка», огражденного скалами и двумя стенами: с севера стеной № 12, с юго-востока — стеной № 10. К святилищу относился и грот, расположенный за стеной № 10 на берегу пролива.

С в я т и л и щ е IV и III вв. до н. э.

Святилище второй половины V в. до н. э. существовало, повидимому, и в начале IV в. до н. э., но вскоре затем оно было разрушено. Площадь разрушенного здания святилища была выравнена щебнем со значительным включением морских ракушек, песка и обломков керамики. На этот раз новое здание превосходило по площади оба святилища V в. до н. э. и было выдвинуто на самый берег. Так как уровень поверхности земли после восстановления святилища повысился, то старая стена № 10 оказалась засыпанной, как и две другие длинные продольные стены №№ 1 и 9; только одна прежняя поперечная стена № 4 была надстроена и снова ограничивала святилище с запада.

Новое здание святилища получило ту же форму неправильного четырехугольника (рис. 5 и 28) и также было ориентировано с северо-запада на юго-восток, как и святилище второй половины V в. до н. э. Так как новое здание расширилось в сторону берега, то была выстроена новая оградительная стена № 3, концами своими упирившаяся в скалы. Средняя часть

этой стены служила короткой, поперечной стеной святилища. Новая длинная, продольная стена № 2 сохранилась целиком по всей своей длине на протяжении 14 м. Она была сооружена с внешней стороны засыпанной стены № 9, впритык и параллельно ей. Другая продольная стена № 5 сохранилась только в очень небольшой своей части, в месте соединения со стеной № 4.

Вход в новое здание оказался с той же юго-восточной стороны святилища, в стене № 2, на глубине 2.30 м от уровня почвы. Плиты порога нового входа находились выше порога старого разрушенного здания

Рис. 28. Общий вид святилищ второй половины V в. до н. э. и IV—III вв. до н. э.

на 50 см. Новые стены здания были выстроены параллельно старым стенам.

Аналогичную картину мы встречаем в Греции, например, в расширенном здании святилища Кабиров в Фивах, в Беотии, где стены позднего здания конца V в. были возведены параллельно ранним стенам с внешней стороны святилища.¹

Новое здание святилища в Нимфее имело, повидимому, одно большое помещение, под каменным полом которого найдена фависса. Она находилась над более ранними фависсами. Другая фависса была расположена вне здания, у западного конца стены № 2.

На расстоянии 1 м на запад от стены (№ 4) святилища сохранилось основание алтаря *a* (рис. 5 и 28). Оно состоит из двух рядов больших тесаных плит известняка, уложенных у самой скалы. Нижний ряд выступавших плит был поставлен на ребро на подсыпке из глинистого грунта, ракушек и мелкого щебня. На них лежали плоские плиты алтаря.

Алтарь в греческих храмах и святилищах обычно устраивался вне здания. Самой распространенной формой алтаря был прямоугольник.

¹ Paul Wolters. Das Kabirenheiligtum bei Theben, I. Берлин, 1940.

Ближайшей аналогией к нимфейскому алтарю с таким же выступающим основанием является алтарь, открытый в Трое в 1937 г.¹ По типу близки также алтари храма Геры на Самосе² и сложенный из больших прямоугольных плит фундамент мраморного алтаря в храме Артемиды на Керкире.³

Весьма интересным в этой связи является сообщение Тизенгаузена,⁴ нашедшего основание подобного алтаря на городище близ станицы Варениковской, неподалеку от курганов «Семь братьев». Возможно, там в древности было святилище, подобное нимфейскому.

«Священный участок» святилища IV—III вв. до н. э. был окружен скалами и, вероятно, двумя оградительными стенами. С севера стена не сохранилась, с юго-востока тянется стена № 3.

Дорога в святилище находилась на том же месте, но выше дороги V в. до н. э.

Культовое помещение со стенами №№ 20, 21 и 22, которое было открыто на территории святилища V в., повидимому, уже не существовало. С южной стороны дороги было расположено помещение, от которого открыты остатки стен (№№ 17, 18 и 19; рис. 6).

Находки, обнаруженные в здании святилища IV—III вв. до н. э. и на территории «священного участка», носят тот же посвятельный характер: маленькие сосудики позднекраснофигурного стиля, чернолаковые и нерасписные вазочки (рис. 30, 1), статуэтки и их обломки и бронзовые перстни.

Из позднекраснофигурной керамики, найденной в сравнительно небольшом количестве, упомянем сосудик с пальметкой,⁵ миниатюрную гидрию с изображением юноши в плаще (рис. 29), обломки чаш с крышками.⁶

Все краснофигурные сосуды относятся к IV в. до н. э. К этому же времени относятся обломки чернолаковых чашек⁷ и желобчатых чернолаковых же кубков.⁸ Найдено также большое количество обломков керамики с тусклым лаком, характерным для III в. до н. э., прежде всего кубки с гладкими стенками на высокой кольцевой ножке⁹ и кубки с плоским дном.¹⁰

Найден и обломок стенки алтарика с изображением женской фигуры, стоящей у трофея. Подобные алтарики уже встречались в Ольвии и Херсонесе.¹¹

Важной находкой является плоская чернолаковая тарелка со штампованными пальметками и процарапанной надписью IEPOY ANMHTPOY , указывающей на посвящение Деметре.

Привозная чернолаковая керамика с росписью белой краской, разбавленной глиной, и с резьбой, а также красноглиняная без росписи, типичная для городов северного Причерноморья III в. до н. э., найдена

¹ AJA, 41, 1937, № 1, стр. 43, рис. 23; там же, 1939, № 2, стр. 218, рис. 16.

² H. Schleich und E. B us ch o g. Der Altarplatz der Frühzeit. AM, 43, 1933, стр. 146, табл. L, 1.

³ H. Schleich. Die Architektur. В изд. «Korkyra», т. I. Der Artemistempel (под ред. G. Rodenwaldt). Берлин, 1940, стр. 62, табл. 16 и 17.

⁴ ОАК, 1878, стр. IX.

⁵ Ср.: ИАК, вып. 40, стр. 68, рис. 7.

⁶ Ср.: ОАК, 1913—1915, стр. 146, рис. 228.

⁷ Близкую по форме чашку см.: P u g e. Black glaze pottery from Beotia, табл. X, рис. 6.

⁸ По типу близки кубки, найденные в Ольвии (см.: ИАК, вып. 8, стр. 36, рис. 23).

⁹ Ср.: ИАК, вып. 8, стр. 37, рис. 27.

¹⁰ Там же, стр. 38, рис. 31.

¹¹ ОАК, 1908, стр. 76, рис. 49 и 52.

в небольшом количестве. Это — обломки тонкостенных плоских тарелок, горл сосудов с характерной росписью в виде ожерелья с лентами и зиг-

2

Рис. 29. Посвятительные сосуды IV—III вв.
до н. э.

1 — гидрия; 2 — крышка леканы.

загами, нанесенными белой краской, разбавленной глиной, и резьбой (рис. 30, 2, 3).¹

Как внутри здания, так и на площади «священного участка» обнаружены терракоты.

¹ Близкая аналогия: ОАК, 1909—1910, стр. 121, рис. 173.

К IV в. до н. э. могут быть отнесены четыре протомы богини в калафе с венком из колосьев. Все они сделаны одной формой. Пятая протома имеет широкое полное лицо и волосы, мягкими прядями зачесанные назад.¹

Женские головки с разнообразными прическами и тонкими чертами лица датируются уже ранним эллинистическим временем.² Большая часть терракот изготовлена из характерной красной глины, указывающей на их боспорское происхождение. Таковы: стоящие женские фигуры,³ танцующие фигуры в развевающейся одежде,⁴ группа из двух женщин, одна из которых несет другую на спине (рис. 31, 1).⁵ По трактовке фигур и маленьких головок их можно отнести к III в. до н. э. К этому времени относится и сидящая женская фигура на скале (рис. 31, 2). Такие терракоты характерны для боспорской коропластики III—II вв. до н. э.

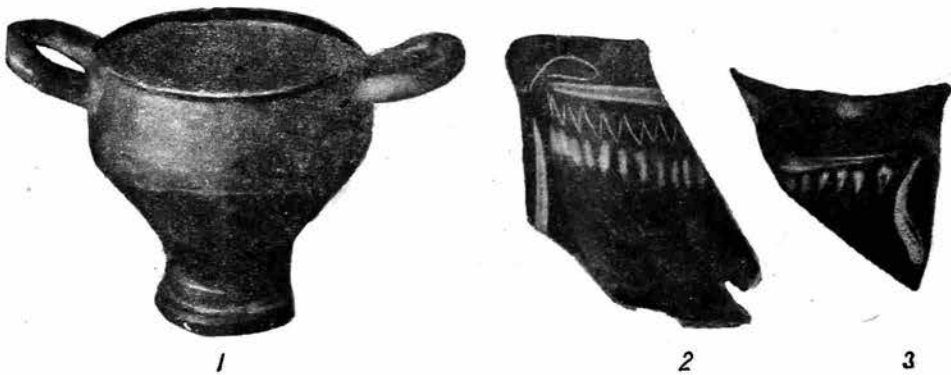

Рис. 30. Посвятительные сосуды из святилища. III в. до н. э.

Следует еще отметить находку девяти бронзовых перстней с плоскими щитками.⁶

По количеству посвященных приношений святилище IV—III вв. до н. э. значительно уступало обоим святилищам V в. до н. э. Это, как нам кажется, может быть объяснено следующим образом: на верхнем плато городища на сравнительно еще очень небольшой, по отношению ко всему городищу, исследованной площади строения IV в. до н. э. были перекрыты непосредственно строениями II в. н. э. Здания III—II вв. до н. э. отсутствовали, найдены только отдельные обломки керамики III в. до н. э.

Факт отсутствия на верхнем плато городища каких-либо строительных остатков III—II вв. до н. э. требует дальнейшего его выяснения. Нам представляется возможным предположение: не пострадал ли Нимфей в конце IV в. до н. э. в связи с бурными событиями, вызванными династическими распрями?

В I—III вв. н. э. святилище уже не существовало. В этот поздний период территория Нимфея, как и других городов Боспорского царства,

¹ По стилю близок глиняный акротерий — голова Артемиды из раскопок в Феодосии (Музей Одесского общества истории и древностей, вып. 1. Терракоты. Одесса, 1897, стр. 21, табл. VI).

² М. М. Худяк, ук. соч., табл. XIX, 1—5.

³ Ср.: F. Winter, ук. соч., II, стр. 40, рис. 2 и 5.

⁴ Там же, стр. 143, рис. 3 и 4.

⁵ Там же, стр. 136.

⁶ Близкой аналогией одному из них служит бронзовый перстень из раскопок курганов Анапы (Альбом рисунков к Отчетам Археологической комиссии за 1888—1898 гг., стр. 226, 1398).

значительно сократилась. На месте старого святилища, в заброшенной и пустынной части Нимфея, отделенной от гавани скалами и гротом, были выстроены гончарные печи.¹

К печам примыкали небольшие жилые помещения, выстроенные на остатках стен ранее существовавшего святилища. Верхние плиты основания алтаря святилища служили вымосткой одному помещению, а крайняя плита алтаря, поставленная на ребро, являлась порогом входа в это помещение.²

Неподалеку от гончарных печей, в сторону плато городища, среди скал были открыты два погребения — взрослого и ребенка, датированные

Рис. 31. Терракоты из святилища III в. до н. э.

III в. н. э. Инвентарь погребения взрослого: бронзовая и железная пряжки и серьга из тонкой бронзовой проволоки. Кости ребенка лежали в типичной для местной обиходной посуды II—III вв. н. э. амфоре с реберчатыми ручками.

В античных городах северного Причерноморья в позднее время их существования некрополь, как известно, часто занимал оставленную жителями часть города.

З а к л ю ч е н и е

Весь комплекс открытого в Нимфее святилища относится к VI—III вв. до н. э. Святилище это не было похоже на обычную греческую храмовую постройку. Здесь не найдено барабанов от колонн, не обнаружено никаких следов не только периптера здания, но и стилобата его.

¹ Одну такую печь исследовала П. Ф. Силантьева; см.: В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Мирмекия и Тиритаки и археологические разведки на Керченском полуострове 1937—1938 гг. ВДИ, № 3—4 (12—13), М., 1940, стр. 314, рис. 12.

² М. М. Х у д я к, ук. соч., табл. XIV.

Остатки стен дают представление лишь о неправильном в плане вытянутом строении, приближающемся к прямоугольнику.

Святилище Нимфея по характеру своему было, вероятно, близко храму Деметры города Лепрей в Элиде, о котором Павсаний говорит следующее: «Но в мое время не было уже ни памятников на могиле, ни храма кому бы то ни было из богов, кроме Деметры. Но и он сделан из необожженного сырого кирпича и не имеет никакой статуи».¹

Как показали наши раскопки, самое древнее архаическое здание в святилище Нимфея состояло из одного помещения, стены которого были сложены из сырцового кирпича, и все последующие здания первой половины V в., второй половины V в. и IV—III вв. до н. э. также состояли из одного помещения. Они были выстроены из камней и оштукатурены внутри. Ни в одном из этих зданий не обнаружено никаких обломков культовой статуи.

Святилище Нимфея росло и развивалось вместе с городом. Вот почему на площади «священного участка» одно здание святилища сменялось другим: в конце VI в. до н. э. пожар уничтожил здание архаического святилища; в начале V в. произошел обвал скал, разрушивший отстроенное после пожара здание; вновь восстановленное и расширенное здание второй половины V в. подверглось разрушению в первую половину IV в., после чего около середины IV в. было отстроено самое большое здание святилища, просуществовавшее до конца III в. до н. э. Эти неоднократные перестройки нимфейского святилища создали трудности в попытках разграничения его строительных периодов.

О двух самых древних зданиях святилища — VI в. и первой половины V в. до н. э. — трудно судить, вследствие плохой сохранности их остатков. Можно только установить, что здания эти были очень небольшие, неправильной четырехугольной формы. От архаического здания сохранилось несколько фрагментов глиняного карниза со следами росписи, обломки сырцового кирпича и черепиц; от здания первой половины V в. — только небольшие фрагменты черепиц.

Несколько лучше обстоит дело со строительными остатками зданий святилища второй половины V в. и IV—III вв. до н. э., хотя и от них сохранилось не много. Все же ясно, что архитектура здания второй половины V в. была гораздо богаче. К тому же здесь яснее вырисовывается общая картина всего комплекса святилища: постройки святилища стояли изолированно; на площади «священного участка» открыты еще два небольших культовых помещения, алтарь и жертвенник. Вся площадь «священного участка» была замкнута оградой — скалами и стенами.

Что касается неправильной формы строений, то следует отметить любопытную особенность античного строительства: при возведении жилищ и других зданий древними строителями не преследовалась строгая планировка сооружений. Нередко дома получали неправильную четырехугольную форму. Это наблюдалось, как известно, в позднеархаическое время даже в Афинах, где углы строений выступали косо.²

В последующее время в античных городах продолжалась такая же практика возведения строений. Планировку домов с остро выступающими углами можно наблюдать, например, в городских кварталах, открытых

¹ Павсаний, V, 5, 4.

² С. И. Ковалев. Греция. 1937, стр. 132: «Источники передают, что они (Пизистратиды) обложили налогом в Афинах все, что было можно: вторые этажи домов, выступающие косо углы строений и т. д.».

в северо-восточной части верхнего города Ольвии.¹ Такую же картину дали и раскопки ближайшего к Нимфею боспорского поселения Тиритаки,² где стены домов IV—III вв. до н. э. не образуют прямых углов, а жилые помещения отступают от строгой четырехугольной формы. Аналогичную картину мы имеем и в открытых раскопками помещениях Мирмекия.³ Каменное основание сырцовых стен архаического здания святилища и стены святилища первой половины V в. представляют собой ряды из плоских камней желтого известняка, подобные стенам, открытым в Нимфее на верхнем плато городища,⁴ в Тиритаке⁵ и в Мирмекии.⁶

Стены святилища второй половины V в. до н. э. и святилища IV—III вв. до н. э. также аналогичны стенам домов этого времени. Для них характерно несоблюдение рядов кладки и наличие в них больших щелей, заполненных землей.

Такой же характер имеет стена святилища в Эвтресисе.⁷ Эти особенности наблюдаются, как показали раскопки в Олинфе,⁸ даже в богатых домах, дворы которых замощены мозаиками со сложными рисунками. Но существенным отличием нимфейского святилища от обычных домов является отсутствие двора и расположение здания на площади «священной округи».

Здания нимфейского святилища были построены таким образом, что если путник шел из города по дороге в святилище, он видел здание со стороны его угла. На планировку общественных зданий с расчетом на главный вид с угла обратил уже внимание О. Шуази⁹ при описании им общественных зданий и храмов на Акрополе в Афинах: «Виды с угла вообще всегда предпочитались древними: они более живописны, тогда как вид en face более величествен. Каждому из них отводится определенная роль: вид с угла является общим правилом, вид en face — всегда обоснованным исключением».

Довольно богато в условиях небольшого города, каким являлся Нимфей, было архитектурное оформление здания святилища его третьего периода (вторая половина V в. до н. э.): найдены обломки карниза с четко трактованными овами и жемчужной нитью, львиная голова от водостока из известняка, небольшие обломки мраморного и терракотовых антефиксов в виде листа аканфа; пол был каменный, а не обычный глинобитный, под ним находилась фависса. Все это свидетельствует о характере здания — оно было культовым сооружением, а не обычным домом.

Святилище Нимфея не одиноко. Многие факты, на которые сравнительно мало обращали внимания, говорят о существовании сходных святилищ в греческих городах северного Причерноморья. Этому вопросу

¹ Л. М. Славин. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части верхнего города. СА, VII, 1941, стр. 298: «Форма помещений и дворов как в южном, так и в других зданиях участка И очень редко прямоугольная. Очевидно, строители не стремились к достижению правильных углов и линий в воздвигаемых ими постройках».

² Т. Н. Княпович и Л. М. Славин. Раскопки в юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 45 и 46.

³ В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1937 г. МИА, № 4, стр. 133.

⁴ М. М. Худяк, ук. соч., табл. IV.

⁵ Т. Н. Княпович и Л. М. Славин, ук. соч., стр. 41, рис. 55.

⁶ В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская, ук. соч., стр. 132.

⁷ Н. Goldman, ук. соч., стр. 247, рис. 306.

⁸ D. Robinson, ук. соч., ч. VIII, 1938, табл. 51, 2.

⁹ О. Шуази. История архитектуры, I, гл. VI, Архитектура древней Греции М., 1935, стр. 314.

посвящена интересная статья А. Н. Зографа,¹ связывающего некоторые комплексы находок монет в Причерноморье с местами предполагаемых им святилищ.

Указывая на огромное количество монет, найденных на о. Левке (Фидониси) и на Тендровой косе, А. Н. Зограф подчеркивает, что остатки зданий святилищ здесь не были открыты. Вотивными приношениями в этих местах служили главным образом монеты, а затем — кольца, пряжки, бусы.

Таким образом, первый тип святилищ в северном Причерноморье — это святилище на открытом небольшом участке без каких бы то ни было зданий культового характера.

Открытое в Нимфее святилище представляет другой тип древнегреческих святилищ. Оно имело на территории «священного участка» алтари, жертвенник, здания. Посвятительные вещи этого святилища резко отличаются от приношений, найденных в святилищах на открытых участках.

Найденные в нимфейском святилище приношения по своему составу в разные периоды его жизни были неодинаковы. Для архаического святилища типичными являлись большие сосуды серой глины — котлы, кувшины, небольшие амфоры, лутерии, большие сероглиняные глубокие чаши с двумя или четырьмя ручками, светильники, плоские жертвенные блюда и, наконец, своеобразные, редко встречающиеся культовые маски и «ритоны».

По сравнению с керамическим материалом терракотовых статуэток было найдено очень небольшое число, среди них — фрагменты статуэток сидящей на троне богини, верхняя часть фигуры стоящей богини, типа Геры самосской, формы от статуэток, вероятно, женского и мужского плодоносящих божеств, и форма от полуфигуры богини с рукой, лежащей на животе.

В следующий период — в святилище первой половины V в. — преобладающим материалом среди приношений становятся терракотовые статуэтки. Наиболее характерными среди них являются широко известные по находкам в других местах протомы богини в калафе и плаще и полуфигуры богини с покоящимися на груди руками. Появляются и обломки статуэток, изображающих девушек с гидриями на головах — гидрофоры. Бесследно исчезли большие сероглиняные сосуды, формы котла и кувшина, лутерии, «жертвенные блюда» и «ритоны». Их место заняли тонкостенные сероглиняные кувшины, амфоры с припухлым горлом и большое количество мелкой посвятительной посуды, среди которой большую роль, повидимому, начинают играть гидрии и кувшиачики. Светильников и здесь было найдено много.

Святилище второй половины V в. и начала IV в. до н. э., относящееся ко времени наибольшего расцвета Нимфея, после того как были завязаны интенсивные торговые отношения с Афинами, получило определенный характер культа Деметры. В это время святилище значительно расширяется: на его территории оказываются выстроенными еще два небольших, несомненно культовых помещения, помимо алтаря появляется и жертвенник, позади оградительной стены, на самом берегу, сооружается узкий коридор со ступенями ко входу в грот.

Посвятительные приношения в святилище этого времени делаются разнообразными и богатыми. Из терракот наиболее характерными становятся полуфигуры Деметры с руками, покоящимися на груди или

¹ Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. СА, VII, 1941, стр. 152.

держащими иногда гранатовое яблоко и цветок, статуэтки гидрофор, фигурки свиней, изображения хлебцев и плодов.

В изобилии найдена керамика. Привозная керамика представлена исключительно аттическими образцами краснофигурной и чернолаковой техники. Преобладают небольших размеров гидрии, килики, «солонки» и чашечки. Местные изделия повторяют все тот же тип небольшого кувшинчика, встречавшегося в святилище предыдущих периодов начиная с архаики. В этом святилище было найдено и самое большое число обломков светильников, а из больших сосудов — в огромном количестве обломки амфор.

Находки последнего периода IV—III вв. до н. э. существенно отличаются по характеру от более ранних приношений.

Так, наряду с немногочисленными экземплярами протом и полуфигур Деметры было найдено большое число женских статуэток скорее жанрового, чем культового характера. Формы посвячительных сосудов остаются теми же.

Эти изменения в характере и качестве посвячительных приношений, найденных на территории нимфейского святилища в разные периоды его существования, т. е. от середины VI до конца III в. до н. э., свидетельствуют, что культ, которому святилище было посвящено, повидимому, претерпел в своем развитии некоторые изменения. Архаическое святилище носило черты какого-то, несомненно земледельческого, культа, связанного с женским божеством.

В V—IV вв. до н. э. культ женского божества в нимфейском святилище приобретает все более определенный характер земледельческого культа Деметры.

Одним из решающих факторов в определении божества, которому служило святилище, является находка двух чернолаковых сосудов с процарапанными надписями (см. выше стр. 267 и 272), являющимися посвящением богине Деметре.

В последнем святилище IV—III вв. до н. э. количество посвячительных предметов, относящихся к культу Деметры, значительно уменьшилось. Можно полагать, что в связи с общим хозяйственно-политическим положением на Боспоре, с сужением хлебного рынка, Нимфей естественно начал хиреть, и святилище его, посвященное божеству плодородия, в какой-то мере перестало отвечать потребностям времени.

Свое наибольшее распространение культ Деметры получил в Боспорском царстве в V—III вв. до н. э. Об этом прежде всего свидетельствуют знаменитые женские погребения — Павловский курган, курган Большая Близнаца, Артюховский курган и женское погребение в кургане Анапы. Характерно, что наиболее богатые по инвентарю погребения были найдены в курганах, в каменных склепах. В кургане Большая Близнаца один из склепов был расписан и имел в своде плиту, на которой в красках была изображена голова Деметры, увенчанная цветами полей и лугов.¹ Тщательное устройство склепов, нередко расписных, выдающееся богатство погребального инвентаря свидетельствуют о том, что некоторые из этих погребений могли принадлежать представителям семей, близко стоявших к правителям Боспора.

Сюжеты на вазах, найденных в этих погребениях, и характер происходящих оттуда же золотых изделий помогают раскрыть некоторые обрядовые стороны земледельческого культа богини Деметры, связанного, как известно, с празднованием мистерий.

¹ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. VIII.

Обломок статуэтки женщины с мальчиком на руках, найденный внутри здания нимфейского святилища, мог изображать Деметру с Иакхом.

Конечно, в святилище Нимфея не было и не могло быть мистерий. Мистерии проходили в освященном народными преданиями и утвержденном греческой религией месте: наиболее знаменитые мистерии неизменно совершались в Елевсине. Однако некоторые находки в святилище Нимфея указывают на то, что здесь были приношения Деметре, напоминающие отдельные важные элементы елевсинских культов. Так, например, в одной из фависс святилища была найдена статуэтка танцовщицы, а на площади «священного участка» — обломки терракотовых женских фигурок, показанных в резком движении, — вероятно, также изображение танцовщиц. Танцы, как известно, играли очень важную роль в мистериях, в том числе и в Елевсине. В знаменитом погребении жрицы Деметры, в кургане Большая Близница, были найдены золотые бляшки с изображением танцовщиц.

Ряд отдельных находок в святилище мог напоминать жителям Нимфея и о других сторонах культа Деметры, связанных с определенными местностями в самой Греции. Так, на территории «священного участка» VI в. до н. э. найдены обломки культовых масок, а в здании святилища V в. до н. э. найдена миниатюрная золотая пластинка, изображающая повязку на оба глаза. С этими находками может быть связано предание о маске Деметры Кидарии, хранившейся, по рассказу Павсания,¹ в г. Феней около святилища Деметры Елевсинской в так называемой Петроме — «творении из камня». «На ней, — рассказывает Павсаний, — находится круглая крышка, а в ней хранится маска Деметры Кидарии (со священной повязкой). Надев на себя эту маску во время так называемых больших мистерий, жрец поражает подземных демонов, ударяя в землю жезлом».

Бронзовые круглые зеркала, найденные в одной из фависс внутри здания святилища и у стен, могут быть связаны также с культом Деметры, как об этом повествует Павсаний. Описывая святилище Деметры в Патрах, Павсаний указывает на источник, отделенный от святилища «стеной из наваленных камней»,² подобной, как нам кажется, тем скалам, которые окружали святилище в Нимфее. Спуск к источнику шел вне здания святилища, что также напоминает Нимфей. В источник, по словам Павсания, опускали зеркало, в целях гадания: «Привязав его на тонкую веревку и опуская его прямо, стараются не погружать его глубоко в источник, но так, чтобы вода только касалась ободка зеркала. Затем, помолвившись богине и совершив возкурение фимиамом, смотрят в зеркало. И оно показывает им болящего живым или мертвым, — настолько правдива эта вода». Как мы отмечали выше, за «священным участком» святилища был расположен грот с источником.

Нимфейское святилище остается пока единственным святилищем такого рода в северном Причерноморье. Раскопки, произведенные в 1932 г. на территории древней Тиритаки, позволяют предполагать наличие и там, на противоположном Нимфею берегу залива, «священного участка», связанного с культом Деметры. Дело в том, что здесь, в местности за городскими стенами «под горой, близко к которой в древности подходил залив»,³ найдено скопление терракот, являющихся ближайшими анало-

¹ Павсаний, VIII, 15, 1.

² Павсаний, VII, 21, 5.

³ Ю. Ю. Мартин. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 26.

гиями протомам и полуфигурам, найденным в нимфейском святилище. Их было свыше двухсот.

Другой интересной в этой связи находкой являются обнаруженные в 1933 г. терракоты (свыше тридцати) в юго-западной части самой Тиритаки.

Производившие здесь раскопки Т. Н. Книпович и Л. М. Славин пишут в своем отчете: «заслуживает особого внимания обнаруженное в 4-м полуквадрате участка V скопление свыше 30 терракот, в целых экземплярах и обломках. Большая часть терракот представляет протомы Деметры, обеими руками поддерживающей груди; этот тип представлен 18 экземплярами. Мотив этот, хорошо известный в греческой коропластике, получил особенно широкое распространение в северном Причерноморье, где он имеет в виду подчеркнуть культовые черты Деметры как богини плодородия. Из остальных терракот отметим изображения танцующей женщины, стоящей женской фигуры, Кибелы, сидящей на троне, женщины с Эротом и др.»¹

Важным для нас является тот факт, что в Тиритаке протомы Деметры оказались вместе с изображением танцовщицы, с фигурой сидящей на троне богини и пр., т. е. статуэтки Деметры там найдены в окружении таких же по своему сюжету терракот, как и в нимфейском святилище Деметры.

Таким образом, культ женского земледельческого божества святилища Нимфея получил в своем развитии определенно выраженный характер культа Деметры. Вполне вероятно, что при возникновении святилища в Нимфее культ этот наслوился на какой-то культ местного женского земледельческого божества, хотя конкретных указаний на это пока не найдено.

Можно предположить, что обряд возлияний, производившийся древними поселенцами у расселины в скале, был связан с представлениями местного населения о воздействии женского божества на плодоносящие силы земли.

В дальнейшем обряд возлияний, производившийся у алтарей на «священном участке», был уже связан с культом Деметры.

Рост богатства Нимфея как следствие его торговли с Афинами отразился и на развитии святилища, которое достигло расцвета во второй половине V в. до н. э.

Начиная с III в. до н. э. святилище Нимфея постепенно начало хиреть, а во II в. до н. э. оно перестало существовать.

К. В. ТРЕВЕР

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ САСАНИДСКИХ
ПАМЯТНИКАХ

Термин «сасанидский», который мы до последнего времени применяли к различным видам памятников материальной культуры и искусства, находимых не только на территории собственно Ирана (т. е. Персии), но и в Средней Азии и на Кавказе, а также и в Приуралье, с каждым годом все настойчивее требовал внесения большей ясности в то содержание, которое мы вкладываем в это понятие.

Результаты раскопок последних лет в Средней Азии и на Кавказе, а также изучение отдельных находок привели нас к постановке вопроса о необходимости замены этого династического термина другими наименованиями. Речь идет о тех случаях, когда техника, сюжет и стиль, а также надписи и место нахождения тех или иных сосудов, тканей, росписей, рельефов, печатей и т. д., свидетельствуют о принадлежности этих предметов либо народам Кавказа, либо народам Средней Азии.

О сложности этого вопроса можно судить хотя бы по тому, что ни один из известных нам сасанидских сосудов не был найден во время раскопок; все они были обнаружены в составе случайно находимых кладов, притом главным образом в Приуралье, в Поволжье и на Украине, повидимому, на путях прохождения основных торговых магистралей. Сложен этот вопрос и потому, что в сознании многих исследователей самый термин «сасанидский» вызывал и продолжает вызывать представление о едином и неделимом явлении культуры. Я. И. Смирнов, в свое время лучший знаток «сасанидского» искусства, предостерегал от злоупотребления этим термином еще в 1909 г.¹

В процессе накопления и изучения в Эрмитаже «сасанидских» памятников после Великой Октябрьской социалистической революции все настойчивее стала выявляться несостоятельность этого термина, все отчетливее стала вырисовываться порочность и антинаучность построений некоторых представителей буржуазной науки, полагающих, что в с е так называемые сасанидские предметы должны быть рассматриваемы и изучаемы как творения мастеров Ирана и только Ирана. Изучение «сасанидских» памятников с этих позиций неизбежно должно было привести исследователей к невозможности уложить все «сасанидские» памятники в полагающиеся им хронологические рамки, и тогда стали появляться не выдерживающие никакой критики термины вроде «поздне-сасанидский», «раннемусульманский», хронологические рамки которых охватывали около трех веков (VII—IX вв.). В то же время изучение

¹ Я. И. С м и р н о в. Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 8.

памятников «сасанидского» искусства, связанного, как известно, с династией и двором, зачастую приводило к заключению, что тот или иной, казалось бы, сасанидский предмет является носителем ряда черт, не свойственных ни Персии, ни искусству периода сасанидской династии.

Все это, вместе взятое, определенно и четко ставило вопрос о географическом, хронологическом и социальном содержании термина «сасанидский», тем более, что углубленное изучение этого круга памятников приводило к установлению их зависимости или в технике, или в стиле, а иногда и в сюжете, от корней, залегающих за пределами Ирана — на Кавказе и в Средней Азии.

В 1935 г. мною была сделана попытка из общей массы «сасанидского серебра» выделить группу предметов, относимых мною к греко-бактрийскому кругу памятников, созданных народами Средней Азии,¹ а также попытка обосновать их связь не только с территорией Афганистана, как этого, может быть, хотелось бы некоторым представителям зарубежной буржуазной науки, а главным образом с древними народами, обитавшими на территории Таджикистана, Узбекистана и Туркмении.²

В 1938 г. уже не вызывало сомнения, что «стилистические сходства», которые, казалось бы, можно было объяснять воздействием сасанидского искусства на культуру соседних стран, в действительности являются во многих случаях результатом воздействия именно этих народов на искусство сасанидское.³ Становилось все более очевидным, что народы, в тот или иной исторический период входившие в круг политического влияния Ирана, несомненно вносили свой вклад в сложение культуры сасанидского Ирана,⁴ а дальнейшее изучение этой группы памятников привело уже от предположения к утверждению, что местом изготовления известной части «сасанидских» памятников искусства, несомненно, являются страны Кавказа — Армения, Грузия и Дагестан.⁵ При этом особенно «одиозным», колебавшим основные устои зарубежной правоправной иранистики, являлось утверждение, что если вообще применять условно термин «сасанидский», то его нельзя относить только к тем произведениям искусства, которые фактически изготовлены на территории сасанидского государства, потому что характерные черты того же самого стиля наблюдаются и на предметах, созданных за географическими и хронологическими пределами сасанидского Ирана.⁶

Порочность термина «сасанидский» становилась все более очевидной.

Раскопки в Хорезме дали С. П. Толстову возможность значительно расширить и углубить вопрос о среднеазиатском вкладе в то, что принято называть сасанидским искусством, выделив из массы «восточного серебра» группу предметов хорезмийского происхождения и установив, что имеющиеся на некоторых из них надписи, до этого расшифровке не поддававшиеся, начертаны хорезмийским письмом.⁷

К группе памятников среднеазиатского происхождения относят и серебряное блюдо с изображением осады крепости⁸ (в собрании Эрмитажа), причем одни исследователи относят его к Хорезму (А. И. Тер-

¹ Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1938. (Моя статья «Проблема греко-бактрийского искусства»).

² К. В. Тр е в е р. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940.

³ И. А. О р б е л и. Survey of Persian Art, т. I, 1938, стр. 754.

⁴ И. А. О р б е л и и К. В. Тр е в е р. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, стр. XXI.

⁵ И. А. О р б е л и, Survey of Persian Art, т. I, стр. 716.

⁶ То же.

⁷ С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 187—195, табл. 86, 87.

⁸ И. А. О р б е л и и К. В. Тр е в е р. Сасанидский металл, табл. 20.

ножкин и С. П. Толстов), а другие — к Согду (Г. А. Пугаченкова и М. Е. Массон).

Не исключена возможность, что с древним Маргом (Маргиана, Мерв) можно было бы приводить в связь (если не по происхождению, то по бытованию) серебряное блюдо с изображением Варахрана I (Эрмитаж):¹ на обороте этого блюда имеется согдийская надпись, заключающая в себе термин «марг-хватав» — «владыка Мерва».

С культурой одного из народов Средней Азии (с территорией древней Бактрии) следует, повидимому, сближать три серебряных кувшинчика (в собрании Эрмитажа) с изображением богини Анаит под аркадами храма.² На венчике одного из этих кувшинчиков вырезана согдийская надпись, еще не прочитанная.³

Выделению небольшой группы памятников кавказского происхождения на первых порах содействовало то обстоятельство, вернее — та деталь, что на ряде памятников, найденных на территории Закавказья [серебряное блюдо, обнаруженное около Нор-Баязета (Армения),⁴ рельеф в Звартноце (Армения)⁵ и серебряное блюдо, изображение которого Я. И. Смирнов видел в Тбилиси],⁶ имеется изображение фигуры медведя, тогда как на сасанидских блюдах, бесспорно персидских, изображены всевозможные звери и животные, кроме медведя. Это-то наблюдение и явилось первым по времени в ряду других, которые привели к заключению, что определенная группа предметов, найденных на Кавказе, должна являться творением мастеров и художников местных, кавказских, а не импортом из Ирана, так как в персидском фольклоре и эпосе медведи, насколько мне известно, не упоминаются.⁷

Большим событием явилась находка во время раскопок усыпальницы эрпставов в Армази (около Мцхеты) в Грузии серебряного блюда II—III вв. (судя по комплексу находок в саркофаге) с погрудным изображением мужской фигуры «сасанидского» типа в кулохе и с цветком в руках.⁸ Изображение это является портретом местного князя или вельможи и, несомненно, местной работы, судя по некоторым деталям изображения.

Столь же большим событием явилось нахождение в 1942 г. в Краснодарском крае, на территории Красной поляны, серебряного блюда тоже «сасанидского» типа, с изображением охоты на медведей какого-то правителя или вельможи в высокой шапке с округлым верхом (кулоха). Это блюдо исследовано А. Н. Мелиховым, которому удалось отыскать его у одного из находчиков и передать его в музей в Сухуми; в своей работе А. Н. Мелихов приводит это блюдо в связь с целым рядом предметов, найденных в Закавказье и на Северном Кавказе (которые до сих пор принято было считать импортом из сасанидского Ирана), и датирует блюдо началом III в.⁹

¹ Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. XXV, № 53. — И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 4.

² Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. XLVI, XLVII, №№ 80, 81. — И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 44—47.

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 46, 47.

⁴ Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. CXXXIII, № 309.

⁵ Б. Н. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв. Ереван, 1949, табл. 47 (штриховой рисунок не точен).

⁶ В архиве Я. И. Смирнова имелась акварель этого блюда.

⁷ Мое сообщение, прочитанное в разряде археологии Кавказа РАИМК в 1929 г.

⁸ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашпа. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1950 (рис. на стр. 83).

⁹ Статья А. Н. Мелихова, посвященная этой находке, печатается в КСИИМК.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что оба блюда датируются временем не позже начала III в., т. е. тем временем, когда сасанидский стиль (первый Сасанид воцарился в 226 г.) выработаться еще не мог, и, тем не менее, по первому впечатлению оба предмета могли бы быть определены как «сасанидские». В обоих случаях изображенный носит «кулох», в обоих случаях на блюдах имеются надписи (еще не прочитанные), арамейское письмо которых близко к пехлевийскому (пахлавик) и к начертаниям букв армазского письма.

Все вышесказанное дает основание говорить о кавказской группе «сасанидских» предметов, по времени предшествующих настоящему сасанидским произведениям искусства и тем самым подтверждающих положение о вкладе народов Кавказа и Средней Азии в выработку «сасанидского» стиля.

Таким образом, в последнее время термин «сасанидский» условно определял сюжетно и стилистически связанную между собой группу памятников, созданных не только на территории Персии, но и в соседних странах, некогда с нею политически связанных, и не только в период правления Сасанидской династии, но и до и после этого периода. Этот термин определял группу памятников, созданных сходными социально-экономическими условиями и имеющих в зависимости от той или иной народной среды те или иные отличающие их друг от друга особенности в сюжетах, технике и стиле.

Тем не менее и при наличии элемента условности этот термин продолжал оставаться порочным, применение его требовало оговорок, назревала необходимость в коренном пересмотре этого вопроса, и начались поиски нового термина для этой группы памятников. Но мне думается, что нет надобности в поисках и в введении в научный обиход какого-то нового, е д и н о г о термина, который мог бы заменить собой определение «сасанидский» и который был бы одинаково применим как к памятникам, созданным на Кавказе и в Средней Азии, так и к тем, которые выполнены персидскими мастерами сасанидского Ирана.

Мне представляется, что наиболее правильным было бы применять безоговорочно термин «сасанидский» только к тем памятникам искусства, которые созданы самими персами и которые найдены как на территории Ирана (в смысле современной Персии), так и вне его пределов, если они по характеру сюжета, стилю и технике совпадают с памятниками заведомо персидскими-сасанидскими. Я имею в виду официальные рельефы на скалах, где изображены церемониальные сцены из обихода сасанидских царей, как триумф Шапура II над римским императором Валерианом, инвеститурные и придворные сцены и др. К группе подлинно сасанидских памятников должны быть отнесены также изображения царей на монетах и исторически известных официальных лиц — вельмож и жрецов — на печатях.

Что касается памятников «сасанидского» типа, отличающихся от собственно сасанидских предметов той или иной особенностью (в сюжете, технике или стиле), характерной для памятников искусства народов Средней Азии или Кавказа, то эти предметы следовало бы называть памятниками среднеазиатскими или памятниками кавказскими, притом и в тех даже случаях, когда они найдены вне территории Кавказа или Средней Азии. Хронологическое определение такого среднеазиатского или кавказского предмета можно было бы в некоторых случаях, но только если в этом встретится надобность, дополнять обозначением «сасанидского типа», определяя этим только стилистические особенности и хронологические рамки, но не этническую среду, в которой создано произведение искусства.

Все более расширяющиеся археологические работы, проводимые как в Средней Азии, так и на Кавказе, несомненно углубят, расширят и пополнят наши знания новыми материалами и позволят нам вскоре давать и ряд более дифференцированных определений, как это в настоящее время уже делается для предметов хорезмийских, согдийских, армянских и грузинских, а в ближайшее время, надо надеяться, будет сделано и для соответственных памятников, связанных с территорией и культурой Азербайджана, Дагестана и Северного Кавказа.

Но при достигнутой пока степени изученности этих предметов нам порою все же придется ограничиваться более широкими и обобщающими определениями, указывающими на те группы народов, в среде которых создавались или могли быть созданы те или иные памятники искусства.

МАТЕРИАЛЫ

Л. Н. ИВАНЬЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ
ВЛАДИВОСТОКА

Вдоль побережья Уссурийского и Амурского заливов, омывающих полуостров Муравьева-Амурского, часто встречаются под слоем современных отложений раковинные кучи, величина которых колеблется от 1 до 6 м в диаметре при высоте в 1—1.5 м. Эти «раковинные поля» содержат в себе кости животных и рыб, глиняную посуду, каменные и костяные орудия.

Впервые такими кучами, обнаруженными на побережье Амурского залива, заинтересовались В. П. Маргаритов¹ и М. И. Янковский,² которые произвели здесь раскопочные работы, вскрывшие большое количество керамики, костяные и каменные орудия. Среди раковин были также найдены две черепные коробки человека со следами явной трепанации.

В начале 1900-х годов и затем позже дальнейшее обследование на побережье Амурского залива провел В. К. Арсеньев, который раскопал раковинные кучи на полуострове Сидеми. Им было обнаружено также большое количество керамики, кости рыб и животных.

Раковинные же кучи Уссурийского залива оставались совершенно неизученными вплоть до 1924 г.

Впервые обследование побережья Уссурийского залива с целью выявления раковинных куч было проведено по поручению Приморского филиала Государственного Географического общества А. И. Разиным³ в 1924—1926 гг. А. И. Разин обнаружил ряд неолитических поселений и две пещеры с остатками деятельности первобытного человека. Кроме того, им было высказано предположение о возможном нахождении в районе мыса Басаргин, около Владивостока, раковинных куч.

В 1931 г. автор, проводивший по поручению Приморского областного музея археологические разведки в окрестностях Владивостока, на

¹ В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Сидемп. Владивосток, 1887 (см. также газ. «Владивосток», 1887, № 17).

² М. И. Янковский. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем реки Сидеми. Изв. ВСОРГО, т. XII, вып. 2—3, Иркутск, 1881, стр. 92, 93.

³ А. И. Разин. Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива. Советское Приморье, Владивосток, 1926, № 3—4, стр. 55—69. — О н ж е. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. Советское Приморье, Владивосток, 1925, № 8, стр. 59—72.

перешейке, соединяющем мыс Басаргин с материком и омываемом водами бухт Патрокол и Соболев, обнаружил скопление раковинных куч в местности, где до этого сотрудниками Дальгосрыбтреста были найдены древние черепки. Эти находки подтвердили вышеуказанное предположение А. И. Разина.

Поскольку географическое и геологическое описание этой местности дано в отчете экспедиции Общества изучения Амурского края,¹ мы по этим вопросам отсылаем интересующихся к указанной работе.

Проведенная археологическая работа носила чисто разведочный характер и ограничивалась только сбором подъемного материала, и поэтому настоящее сообщение следует считать лишь предварительным.

Автор произвел обследование на перешейке, между бухтами Патрокол и Соболев, и на окрестных материковых склонах. В результате обследования выявлено, что середина перешейки содержит раковинные кучи (кьеккенмёддинги), состоящие из остатков моллюсков, среди которых находятся кости животных и рыб, а также обломки глиняной посуды, каменные и костяные орудия. Раковинные кучи залегают плотной, иногда цементированной массой, толщиной до 1.5 м, прикрытые сверху современными отложениями. Местами слой раковин под действием волн Японского моря обнажен, и очень большое количество археологического материала оказалось таким образом на поверхности, благодаря чему и удалось собрать многочисленные предметы быта древних насельников. Всего было собрано 1677 предметов, к описанию которых и переходим. Кроме того на окружающих перешеек склонах гор также найдены остатки керамики (рис. 1).

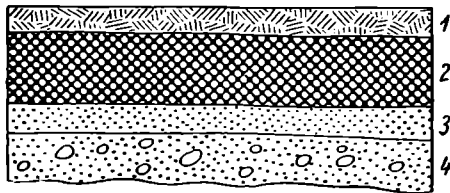
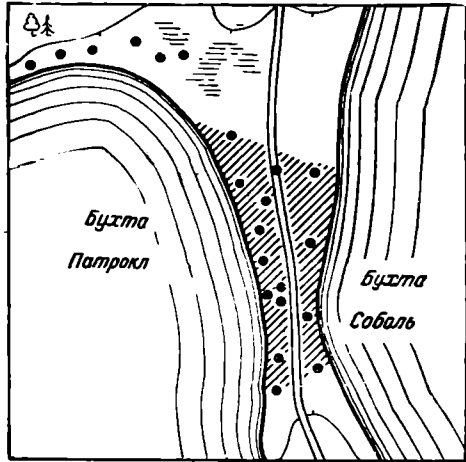

Рис. 1. Схематический план неолитической стоянки у мыса Басаргин.

Заштриховано — раковинные кучи; черные кружки — находки отдельных предметов. Внизу вертикальный разрез стоянки: 1 — современные отложения — 10 см; 2 — культурный слой — 20—25 см; 3 — глина с песком — 10 см; 4 — галька с песком.

животным. Из костей представителей наземной фауны обнаружено:

- 1) челюсть мелкого хищника;
- 2) верхняя черепная крышка млекопитающего, предположительно волка или же собаки (*Canis sp.*);
- 3) лопатка оленя (?) (*Cervus sp.*);
- 4) три зуба, две челюсти, копыто и бабка кабана (*Sus scrofa sp.*);
- 6) две кости крупной птицы.

Дать полное определение остатков не представляется возможным, так как в момент работ автора во Владивостоке не имелось специалиста-палеонтолога.

Ф а у н а

Обнаруженные костные остатки принадлежат наземным и морским

¹ П. В. Виттенберг. Научные результаты геологической экспедиции Общества изучения Амурского края. Зап. ОИАК, т. XV, Владивосток, 1916.

Кроме того, было собрано 175 экземпляров трубчатых костей млекопитающих, носящих на себе следы явного искусственного раскола для добычи мозга.

Морская фауна представлена следующими экземплярами беспозвоночных:

- 1) японский гребешок (*Pecten* sp.);
- 2) пателла (*Patella* sp.);
- 3) устрица (*Ostrea edulis*);
- 4) рапана (*Rapana* sp.);
- 5) морской жолудь.

14 экземпляров брюхоногих, 5 экземпляров мелких моллюсков и 52 обломка раковин, носящих явные признаки искусственного раскола, были обнаружены непосредственно в культурном слое.

Из остатков ихтиофауны обнаружено:

- 1) позвонок трески (*Gadus morrhua* subsp.);
- 2) позвонок и первая *interhaemale* камбалы (*Limanda* sp. sp.);
- 3) предкрышечная кость (*praepreculum*) неизвестного вида камбалы (*Limanda* sp. sp.);
- 4) позвонок минтая (*Theragra chalcogramma*);
- 5) верхнечелюстная кость крупного бычка (*Muohoscephalus* sp.);
- 6) сочленовая кость и шипы спинного плавника морского ерша (*Sebastes* sp.);
- 7) позвонок тунца (*Thunnus* sp.) от экземпляра длиной 1—1.5 м и обломок позвонка от еще более крупного экземпляра, повидимому, не менее 3 м длиной;
- 8) верхнечелюстная кость, очевидно, какой-то сельдевой рыбы (*Clupeidae* gen. sp.).

Общее количество ихтиологических остатков, собранных на стоянке, составляет 95 экземпляров.

Как видно из приведенных данных, предварительное исследование остатков фауны свидетельствует о принадлежности их к современным видам животных, населяющих и сейчас Японское море и прибрежные районы Приморского края. Некоторое исключение составляют неизвестные виды тунца (*Scombridae* gen. sp.), сельди (*Clupeidae* gen. sp.) и один из видов лососевой рыбы, вымерших к нашему времени.

Остатки тех же представителей морской фауны встречены А. И. Разиным и на других неолитических стоянках Уссурийского залива.

Каменный и костяной инвентарь

Из предметов каменного и костяного инвентаря обнаружены следующие охотничье-рыболовные орудия, а именно:

- 1) наконечник копья из песчанисто-глинистого сланца, плоский, листовидной формы, серо-зеленого цвета, размером 3×8 см (рис. 2, 1);
- 2) наконечник стрелы из шиферного сланца, ланцетовидной формы, темносерого цвета;
- 3) ножевидная пластинка (*lame*) из обсидиана, темного, почти черного цвета;
- 4) часть шлифованного долота-тесла из песчанисто-глинистого сланца серо-зеленого цвета, клиновидной формы (рис. 2, 2);
- 5) топорик из камня серо-зеленого цвета, шлифованный, клиновидной формы, с оббивкой по краям;
- 6) грузила для сетей из гальки овальной формы, по середине пробит широкий желобок (рис. 2, 4);

- 7) шило-проколка (perçoir);
 8) скребок с высоким рабочим краем (grattoirs div.) с ретушью (рис. 2, 3);
 9) молоток для разбивания раковин (?), из порфира розового цвета, с оставленной с одного конца валунной коркой;
 10) точильный брусок из красновато-сероватого песчаника с ярко выраженными следами сработанности (рис. 2, 5);

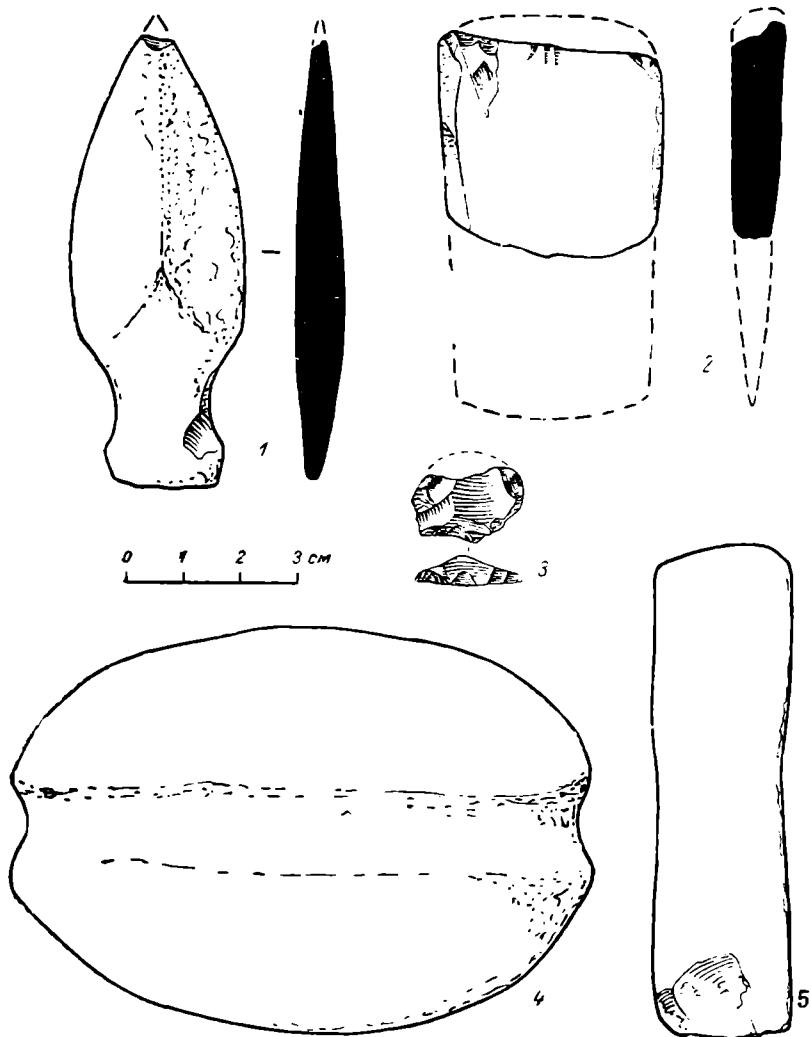

Рис. 2. Мыс Басаргин. Каменный инвентарь стоянки (1—5).

- 11) части костяных шлифованных рыболовных крючков, аналогичных находимым в Прибайкалье (рис. 3, 6);
 12) наконечник стрелы (сломанный), листовидной формы, сделанный из трубчатой кости, длина 37 мм (рис. 3, 7);
 13) нож с насадом, из трубчатой кости крупного животного, грубой шлифовки (рис. 3, 8);
 14) шилья из трубчатых костей и заготовки к ним (рис. 3, 1—4);
 15) гладильник шлифованный (рис. 3, 9);
 16) проколка костяная (рис. 3, 5);
 17) фаланга поросенка (?), просверленная вдоль и частично шлифованная (рис. 3, 15);

18) скребок полулунной формы из лопатки животного (рис. 3, 10). Кроме того, собрана часть костей со следами искусственной обработки; частично шлифованные, распиленные и резанные (рис. 3, 11—14).

Наиболее интересной находкой является просверленная фаланга. Нам кажется, что она представляет собой свисток-приманку для охоты на птиц.

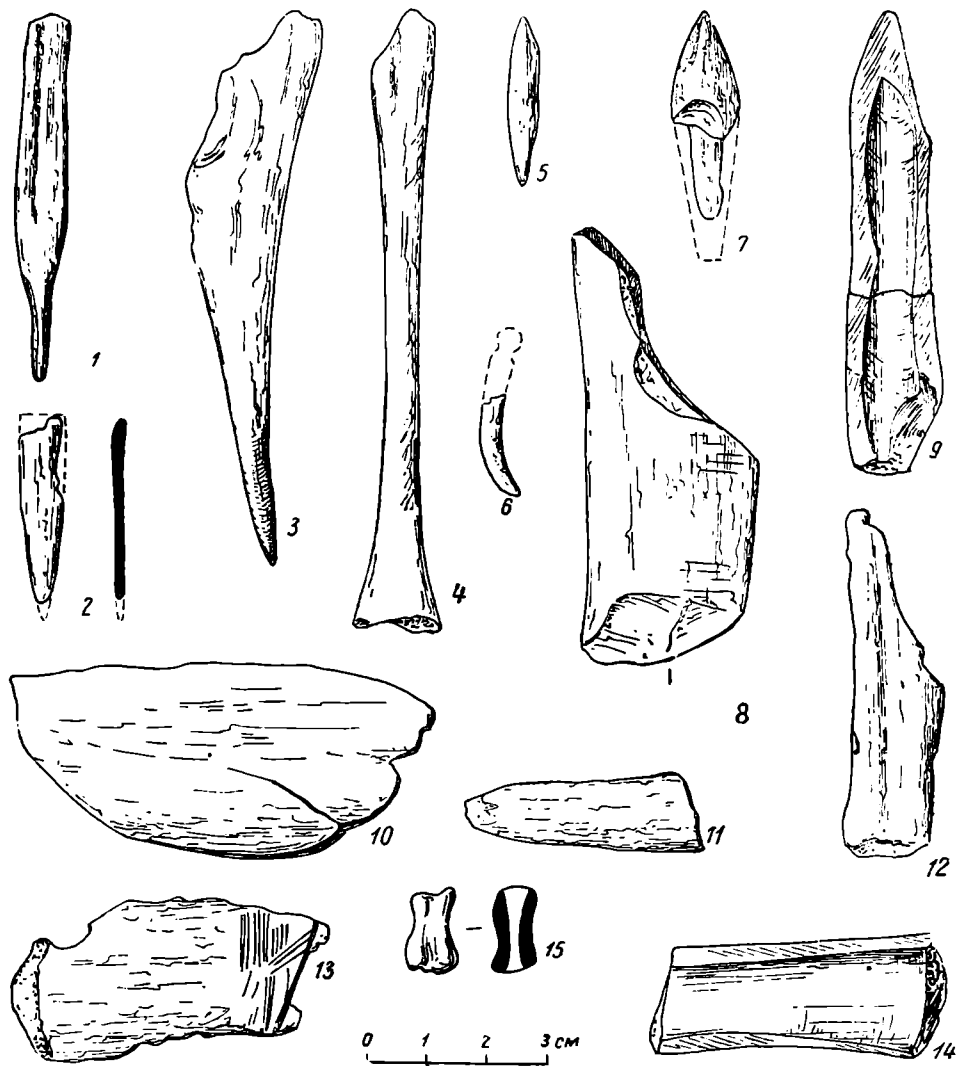

Рис. 3. Мыс Басаргин. Костяной инвентарь стоянки (1—15).

К е р а м и к а

Найденные на стоянке черепки относятся главным образом к гладкостенной, красно-бурого цвета, лощеной посуде различного размера. Черепки данного типа составляют до 80% всего остального керамического материала, обнаруженного на стоянке. Они в большинстве случаев толстостенные — от 4 до 5—6 мм. В меньшем количестве встречена тонкостенная керамика, украшенная различными узорами.

Предварительное исследование черепков показало, что при изготовлении массы для лепки сосудов для большей крепости к глине применялись песок и дробленые раковины.

Из наиболее интересных видов керамических изделий следует остановиться на следующих.

1) Плоское днище сосуда и 4 экземпляра обломков от таких же днщ с отпечатками листа дерева.¹ Два из них сохранили очень рельефные отпечатки. Они нанесены на дно сосуда, до его обжига. Пржилки листа

Рис. 4. Мыс Басаргин. Фрагменты керамики (1—15).

дополнительно процарапаны каким-то острым орудием. Подобного типа днища горшков в Приморье обнаружены впервые и несомненно представляют определенный научный интерес (рис. 4, 1—3).

¹ Клена, по предварительному определению ботаника И. К. Шишкина.

2) Гладкие толстостенные черепки из хорошо обожженной глины, лощеные, красновато-буро-желтого цвета.

3) Венчики и черепки с накладными валиками, бугорками и шнуровым и ленточным орнаментом (рис. 4, 4—15; 5, 3—5; 6, 1).

4) Черепки, украшенные бугорками, вдавленными точками, лентой в виде двух параллельно расположенных линий, в различных комбинациях (рис. 6, 2—4).

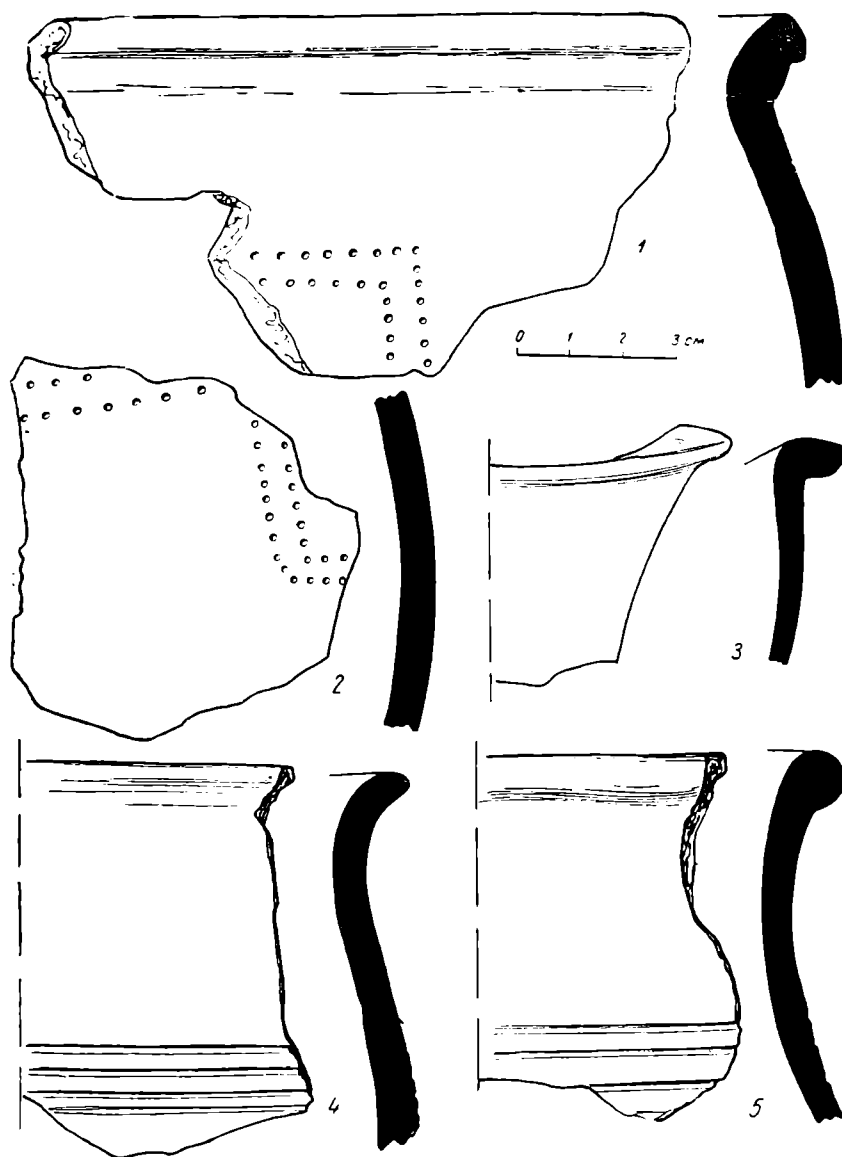

Рис. 5. Мыс Басаргин. Фрагменты керамики (1—5).

Наибольшее же распространение в керамике раковинных куч, как отмечают в своих работах и другие исследователи Приморья и, в частности, А. И. Разин, имеют гладкостенные сосуды или украшенные шнуровым орнаментом в виде параллельных линий, расположенных рядами (от двух до семи рядов). Орнамент обычно сосредоточен в верхней части сосудов.

В отношении форм сосудов среди керамики как данной стоянки, так и других раковинных куч Уссурийского залива, обследованных Рази-

ным, предположительно можно установить следующие наиболее характерные типы: сосуды шаровидные с плоским дном, с отогнутыми наружу или же, наоборот, вогнутыми краями, кувшиновидные, блюдообразные и напоминающие по форме черпак (рис. 7).

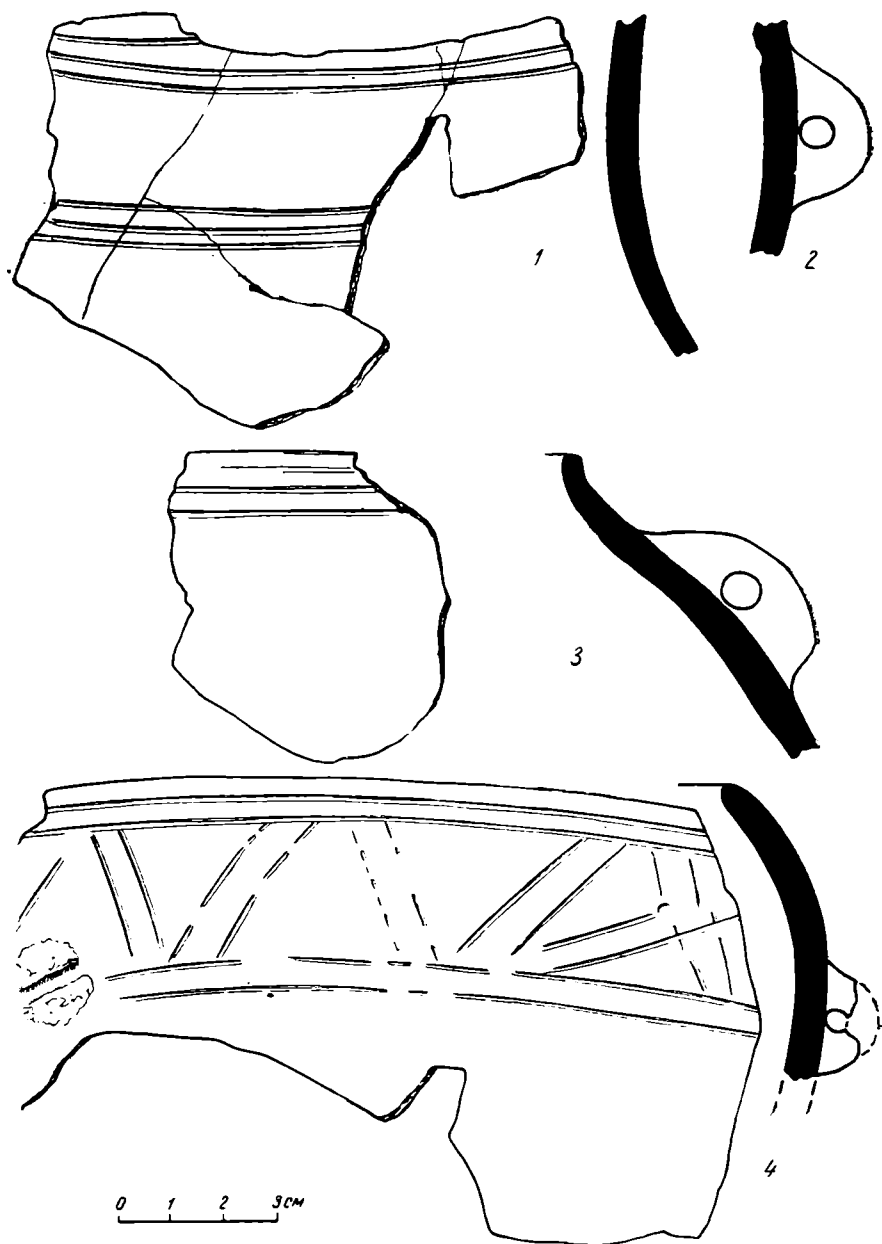

Рис. 6. Мыс Басаргин. Фрагменты керамики (1—4).

Из других керамических изделий обнаружена часть глиняного пряслица, украшенного типичным орнаментом.

Несмотря на то, что описанный нами материал является подъемным, однако, при учете коллекций из других раковинных куч Приморского края, собранных ранее, мы имеем возможность сделать следующие предварительные выводы.

1. Стоянка была продолжительное время обитаема древним человеком, занимавшимся летом рыбной ловлей и добычей моллюсков, а зимой — охотой в окрестных лесах.

Это подтверждается наличием плоскодонных сосудов большого размера, довольно мощным слоем отложений и характером фаунистических остатков.

Способы лова рыбы и добычи моллюсков, как и охоты на зверя, были несложны. Лов рыбы производился при помощи сети и челна, вероятно, имелись и удочки. Орудиями охоты служили лук и копье.

2. Жилища примитивного типа, в виде шатров, были расположены по берегу, а на самом перешейке производилась лишь разделка рыб и

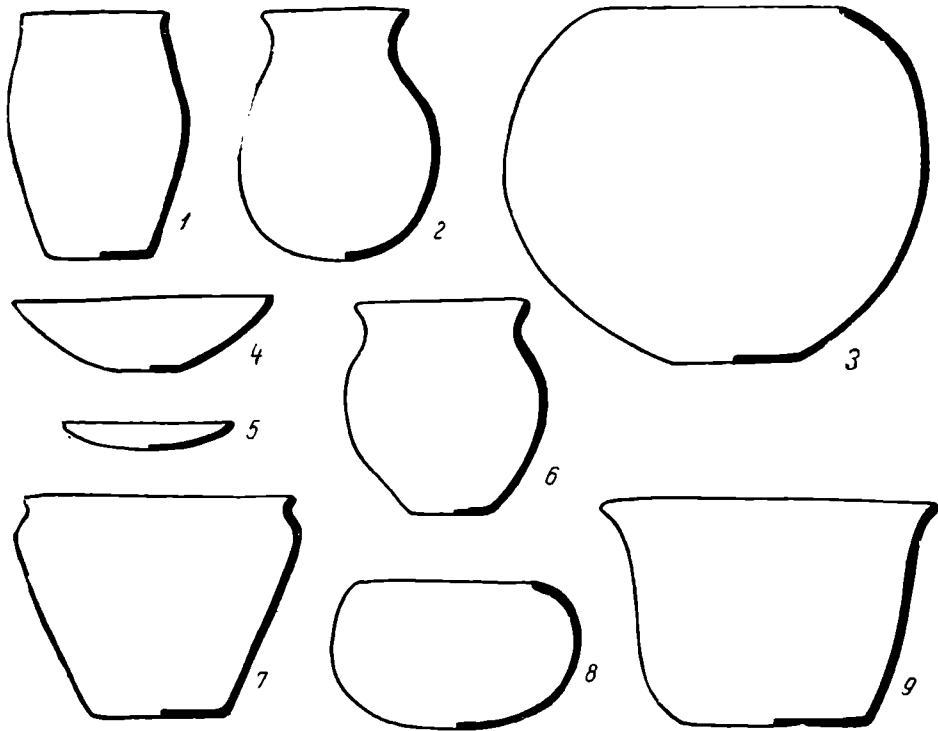

Рис. 7. Профили сосудов (1—9) из неолитической стоянки на мысе Басаргин. (Реконструкция).

животных, что подтверждается нахождением остатков очага в слое раковин.

Место для приготовления пищи на перешейке было выбрано человеком не случайно — постоянные ветры относили от стойбища запах разлагающихся кухонных отбросов.

Этнографическую параллель мы можем найти у минкопи (населяющих Андаманские острова), которые вынуждены временно покидать свои поселения из-за запаха от гниющих створок раковин, остающихся после употребления в пищу моллюсков.

3. Кости таких глубоководных рыб, как камбала, треска и тунец, говорят о том, что в распоряжении древних жителей были челны или лодки. Морских животных и моллюсков вылавливали в прибрежных водах, где и сейчас сохранились устричные банки.

4. Материал для выделки орудий и посуды древний насельник добывал в окрестностях, где встречаются выходы диоритов и порфиритов, а также сланцев и глин. Для выделки орудий служили также кости

животных, из которых делали иглы, шилья и другой мелкий домашний инвентарь.

5. Глиняные пряслица подтверждали умение жителей стойбищ прясть нитки, веревку, необходимые для выделки сети, а возможно, и ткать полотно из волокна крапивы, как это лет 40—50 тому назад делали сахалинские айны.

Таковы краткие выводы из собранного на Басаргине материала.

Следовало бы в ближайшее время провести на данной стоянке более широкие разведочные работы с раскопкой для уточнения границ стойбища, а также для выяснения ряда вопросов, например о форме жилищ, о назначении рисунков на днищах сосудов.

Н. А. КОЗЫРЕВ

НОВАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА, ОБНАРУЖЕННАЯ
В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Летом 1950 г. в Лужском районе Ленинградской области, на северном побережье Меревского озера,¹ против д. Мерехово, мною были обнаружены следы неолитической стоянки.

Меревское озеро вытянуто с востока на запад, длина его около 5 км,

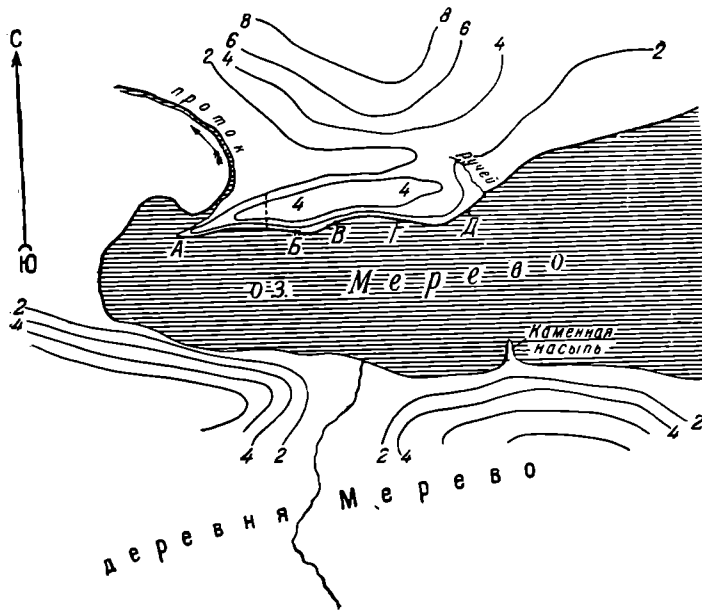

Рис. 1. Коса северного берега Меревского озера.

Между пунктами А и Д обнаружены признаки стоянки каменного века.

максимальная ширина 700—800 м. Западным протоком озеро соединяется с р. Лугой, с востока в него впадает ручей из Троицкого озера (рис. 1).

Находки были сделаны на песчаной косе, отграниченной с одной стороны водами Меревского озера, а с другой — заболоченным лугом, в прошлом являвшимся дном протока. Длина косы около 700 м, ширина 100—150 м, высота над современным уровнем озера не более 5 м. В настоящее время коса поросла смешанным лесом и задернована. Лишь определенные участки дернового покрова нарушены весенними водами.

¹ Меревское озеро находится в 14 км к востоку от г. Луги, между Варшавской и Витебской ж. д.

Насколько удалось выяснить при обследовании берегового обреза косы со стороны озера, находки прослеживались на протяжении около

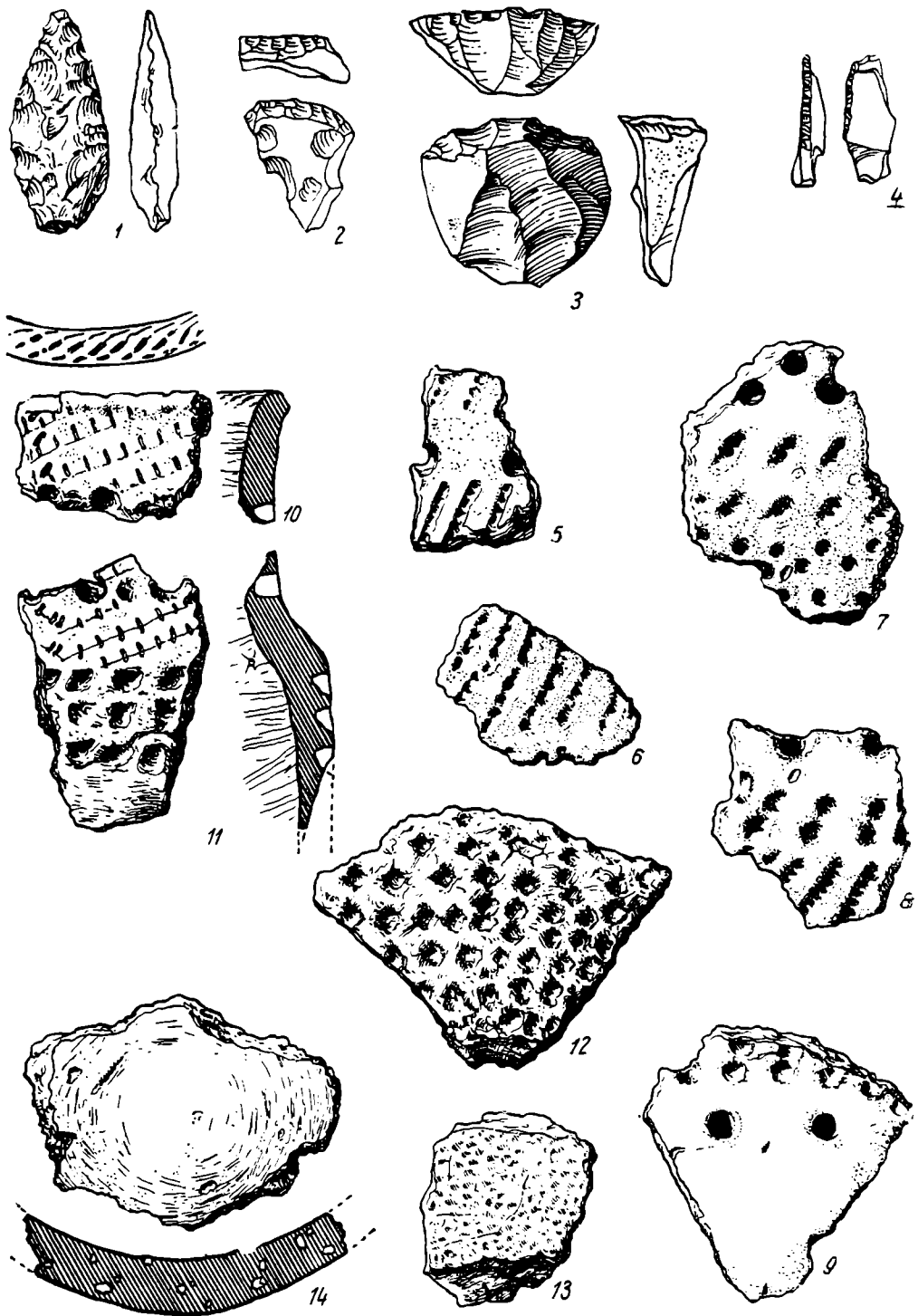

Рис. 2. Инвентарь неолитической стоянки на Меревском озере.

1—4 — кремневые орудия; 5—14 — обломки глиняных сосудов.

700 м и залегали под слоем мелкозернистого серого песка, в желтом, местами оцементированном песке, на глубине около 40 см.

Собранная коллекция состояла из кремневых орудий, отщепов кремня и керамики. К числу первых следует отнести наконечник стрелы листовидной формы, обработанный отжимной ретушью (рис. 2, 1), скребок (рис. 2, 3) и несколько кремневых отщепов с частичной обработкой (рис. 2, 2, 4).

Керамика довольно разнообразна. Наряду с типичными ямочно-гребенчатыми фрагментами сосудов, украшенными округлой формы ямками и четкой гребенкой (рис. 2, 5—9, 14), встречены обломки сосуда с орнаментом из мелких поверхностных углублений подчетыреугольных очертаний (рис. 2, 10—12). В верхней части его орнамент состоит из косо поставленных нарезок, перпендикулярно которым располагаются более мелкие насечки. Край этого сосуда довольно отчетливо профилирован. Количество примеси в виде крупных зерен кварца значительно.

Определенный интерес представляет фрагмент сосуда с отпечатками мелкой сетки (рис. 2, 13). Стенки его сравнительно толсты, примесь не прослеживается. На внутренней стороне заметны штрихи от заглаживания.

Судя по небрежности техники изготовления орудий и, в особенности, характеру глиняного теста и орнаментации керамики, можно сделать предварительное заключение, что стоянка характеризует поздненеолитическую эпоху.

Площадь стоянки, сохранившаяся, как уже было сказано, нетронутой, повидимому, представит определенный интерес для будущих стационарных работ археологов.

Г. И. ГОРЕЦКИЙ

СЛЕДЫ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ

Геологические исследования в районе Волго-Донстроя позволили обнаружить несколько пунктов находок палеолитических и мезолитических орудий, представляющих интерес как для поисков стоянок в этом районе, так и для датировки некоторых четвертичных отложений.

Первые следы палеолита на территории нижнего Подонья были обнаружены в 1950 г. в трех пунктах: у хуторов Хрящи и Михайловский в низовье Северного Донца и у станицы Константиновской на Дону.

I. Палеолитические местонахождения Хрящи и Михайловский приурочены к III надпойменной (Мариинской, по Г. И. Попову¹) террасе. Хорошие обнажения этой террасы расположены у большой нижней излучины Северного Донца, по левому берегу реки.

На нижнем отрезке излучины, в 0.5 км выше хутора Хрящи, в урочище Ореховая россыпь, обнажение, не замаскированное значительными осыпями, прослеживается по длине на 450 м.

В нескольких местах на бечевнике у нижней части обнажения и на поверхности осыпи были найдены кремневые отщепы весьма архаичного облика.

С целью выяснения слоев, из которых происходят собранные отщепы, в разных частях обнажения, у места находок, были произведены три зачистки.

Ознакомление с геологическими условиями палеолитического местонахождения Хрящи и характером залегания подъемного материала позволило правильно поставить поиски слоев, содержавших предметы палеолитической культуры.

Сводный геологический разрез обнажения Хрящи можно представить в виде следующей схемы (рис. 1).

		Мощность (м)
1. Q ₄ ^{pd}	Современный почвенно-растительный слой	0.5—0.7
2. Q ₃ ¹ , Q ₂ ^{1d(1s)}	Лёссовидные суглинки, палево-желтые, макропористые, с ходами грызунов, червей и насекомых, со столбчатой отдельностью	10—17
3. Q ₁ ^{2pd(s)}	Погребенная почва — верхний горизонт; суглинок буро-каштановый, макропористый	0.4—0.5

¹ Г. И. Попов. Четвертичные и континентальные плиоценовые отложения нижнего Дона и северо-восточного Приазовья. АЧГУ, Сб. XXII, М.—Л., 1947.

4. Q_1^{2d}	Суглинок лёссовидный, палево-желтый, макропористый, делювиальный	0.8—1.0
5. $Q_1^{2pd(m)}$	Погребенная почва — средний горизонт; суглинок грубый, бурый и грязносерый, с многочисленными известковистыми потеками (иллювиальный горизонт), сильно макропористый, пронизанный ходами животных и растений, с трещинами усыхания	Мощность (м) 0.9—1.2
6. Q_1^{2d}	Суглинок желтовато-бурый, с белесоватыми пятнами и потеками карбонатов, макропористый	0.7—0.9
7. $Q_1^{2pd(i)}$	Погребенная почва — нижний горизонт; суглинок грубый, темнобурый с коричневатым оттенком, с большим количеством пятен карбонатов, макропористый, с мелкими осколочками сланца, с гравием кварца, кварцита и других пород	0.4—0.6
8. Q_1^{2d}	Суглинок грубый, переходящий в супесь, буро-коричневый и серо-желтый, с ржаво-бурыми пятнами, с гнездами ожелезнения, с единичным гравием и мелкой галькой кварца, роговика, кварцита	0.2—0.6
9. $Q_1^{2al^{pl+pr}}$	Песок мелкозернистый, голубовато-серый, постепенно переходящий кверху в супесь, грубую, голубовато-серого цвета, с горизонтальной ленточноподобной слоистостью. Отложения пляжевой и пойменной фации аллювия Пра-Донца	0.5
10. $Q_1^{2al^{pl}}$	Песок мелкозернистый, светлосерый, горизонтально-слоистый — отложения пляжевой фации	0.5
11. $Q_1^{2al^{pt}}$	Песок разнозернистый с преобладанием средней и мелкой фракции, промытый, горизонтально- и косослоистый, с падением слоев на ЮВ 145° под углом 15° (против современного течения реки), с прослоями и линзами гравия и гальки, с редкими гнездами палюдиновой древнеэвксинской фауны — отложения русловой фации аллювия Пра-Донца	4.5
12. $Q_1^{2al^{rf}}$	Песок разнозернистый с преобладанием крупной и средней фракции, серо-желтый, с большим количеством гравия и гальки, количество и размер которых увеличиваются книзу. Отложения фации размыва — базальный горизонт аллювия Пра-Донца	0.5
13. $Q-N^{el}$	Глина грубая, вязкая, голубовато-серая с желтыми пятнами и примазками — химический элювий карбона	0.1—0.3
14. C_2	Сланцы, аргиллитовые и алевролитовые, среднего карбона, сильно дислоцированные, с преобладающими углами падения около 60° , часто разрушенные до состояния щебня	2.5

Слои 9, 10 и в значительной части 11 размыты в большей половине обнажения Хрящи, вниз по течению от расчистки III. В связи с этим мощность аллювиальных отложений Пра-Донца в расчистках I и II равняется лишь 1.0—1.6 м, а в расчистке III она достигает 6 м.

Размыв аллювиальной террасы Пра-Донца произошел до накопления серии горизонтов погребенной почвы. Возможно, что размыв был произведен при формировании широкой с пологими склонами балки, заполнившейся впоследствии делювиальными суглинками и делювием бурокаштановых почв.

Возраст аллювиальных отложений Пра-Донца обоснованно определяется Г. И. Поповым по содержащейся в них фауне беспозвоночных как древнеэвксинский (не «миндельский», а «миндель-рисский»).¹

Редкие кости млекопитающих, собранные в базальном горизонте аллювия и в погребенной почве, не дают, к сожалению, основания для датировки.

¹ Г. И. Горещки и й. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах нижнего Дона и Маныча, как геологические документы. Изв. Всесоюз. Геогр. общ., 1948, № 8.

Разрез III надпойменной террасы у хутора Хрящи чрезвычайно близок к разрезам древнеэвксинской террасы на Таганрогском побережье Азовского моря.

На палюдиновых песках там залегают маломощные суглинки с нижней погребенной почвой («миндель-рисской»), сменяемые исключительно маломощными (чаще 1—2 м) «рисскими» суглинками и «рисс-вюрмской» погребенной почвой (средний горизонт); разрез венчается довольно мощной толщей (до 10—12 м) «вюрмских» суглинков с верхним горизонтом погребенной почвы «вюрмского интерстадиала».¹

По аналогии с Азовским побережьем пришлось бы считать нижнюю погребенную почву у Хрящей «миндель-рисской», среднюю — «рисс-вюрмской» и верхнюю — «вюрмской интерстадиальной», а содержащие их суглинки — «рисскими» (слой 6 сводного разреза) и «вюрмскими» (слой 4 п 2).

Но такому истолкованию возрастных соотношений погребенных почв и лёссовидных суглинков в районе хутора Хрящи противоречит наблюдающееся в верхней части этого населенного пункта приклонение песков II надпойменной террасы, датируемых второй половиной среднечетвертичной эпохи («рисс-вюрм»), к лёссовидным суглинкам III надпойменной террасы.

Лёссовидные суглинки обнажения у Хрящей (в их нижней части) следует отнести поэтому к первой половине среднечетвертичной эпохи («рисс»), а подстилающие их погребенные почвы и суглинки — к самому концу древнечетвертичной эпохи («миндель-рисс»).

Из каких же слоев могли происходить отщепы нижнепалеолитического типа, собранные на бечевнике? Наблюдая распределение каменного обломочного материала на узкой (8—12 м) и пологой наклоненной в сторону реки площадке бечевника, можно было заметить, что обломочный материал скопляется только на тех участках, где базальный горизонт аллювия обнажен размывом. На участках, где базальный горизонт закрыт, обломочный материал на бечевнике почти полностью отсутствует.

Петрографический состав галек и прочего обломочного материала, находящегося на бечевнике, целиком совпадает с составом каменного материала, вскрываемого в базальном горизонте аллювия. В основном это — разнообразные по окраске, размеру, форме и степени окатанности обломки кремней, песчаников, алевролитов, аргиллитов, глин и кварцитов карбона.

Чаще встречались в виде желваков и обломков кремни желтовато-табачного и буровато-коричневого цвета, а также глыбки серого и красноватого кварцита.

Кремневые отщепы были изготовлены из того же местного материала.

Из сопоставления приведенных фактов было сделано предположение, что исходным слоем, из которого были вымыты предметы культуры древнего палеолита, является базальный горизонт аллювия Пра-Донца.

Двухдневные раскопки, проведенные А. Д. Столяром, привели к открытию в расчистках двух отщепов, залежавших непосредственно в базальном горизонте.

Кратковременные поиски культурных остатков в хорошо обнаженных, но трудно поддающихся разработке горизонтах погребенной почвы не привели к положительным результатам.

¹ В. И. Г р о м о в. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. Инст. геолог. наук, вып. 64, сер. геолог., № 17, М.—Л., 1948, стр. 38, 39.

Собранные у хутора Хрящи каменные изделия первобытного человека хотя и немногочисленны, но достаточно выразительны и имеют весьма древний облик. Только одно из них представляет собой законченное орудие, имеющее вторичную обработку, остальные представляют собой отщепы, намеренно отколотые, но не подвергавшиеся дальнейшей подправке. Всего отсюда имеется шесть следующих каменных изделий:

1. Скребло неправильно-прямоугольной формы с прямым, слегка выпуклым рабочим краем, подправленным приостряющей ретушью. Ударный бугорок на нижней плоскости занимает большую часть поверх-

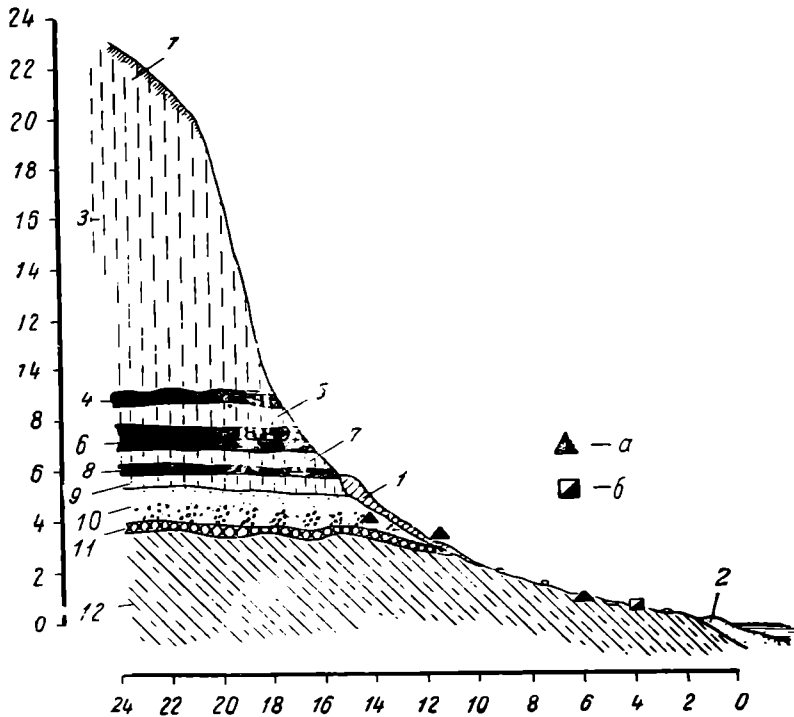

Рис. 1. Хутор Хрящи. Разрез III надпойменной террасы у расчистки II.

1 — делювиальные суглинки; 2 — пляжевые пески; 3 — покровные лёссовидные суглинки; 4, 6, 8 — верхний, средний и нижний горизонты погребенной почвы; 5, 7, 9 — лёссовидные делювиальные суглинки; 10 — аллювий Пра-Доцца; 11 — аллювиальные глины; 12 — сланцы среднего карбона.
а — ашельский отщеп; б — макролиты из кварцита.

ности отщепа. Ударная площадка покрыта валунной корочкой. Орудие изготовлено из светлосерого, слегка желтоватого, просвечивающего кварцита и покрыто довольно неравномерной (с нижней стороны более интенсивной) голубоватой патиной. Орудие сильно окатано. Размеры его: 5×4 см (рис. 2, 1).

2. Отщеп неправильно-овальной формы из темного кремня, покрытого блестящей коричневатой патиной. Вторичной подправки нет, и выбоины по краям носят случайный характер. Очень выпуклый ударный бугорок на нижней плоскости и характерная изогнутая ударная площадка, свидетельствующая о силе ударов, которыми отделен отщеп. На спинке сохранился значительный участок заглаженной поверхности кремневого желвака. Размеры: 6×4 см (рис. 2, 2).

3. Отщеп темносерого, коричневатого кремня, удлинённых очертаний. На спинке ряд граней — негативы от предшествующих скалываний — и небольшой участок корки валуна. Широкая площадка распо-

ложена под тупым углом к нижней плоскости. Размеры 8×3.5 см (рис. 2, 3).

4. Широкий отщеп листовидной формы из темного мелового просвечивающего кремня, покрытого блестящей желтой патиной. Большой ударный бугорок с крупным изъёмом на нем. На спинке следы предварительного скалывания еще одного небольшого отщепа. Ударная площадка не оформлена предварительно, а покрыта коркой, как и значительная часть спинки отщепа. Размеры: 6×4 см (рис. 2, 4).

5. Обломок отщепа (верхняя часть), совершенно сходного с предыдущим как по характеру оббивки, так и по исходному материалу.

Кроме этих пяти каменных изделий, отличающихся не только интенсивной патиной, но и сильной окатанностью, заполировкой поверхности и сглаживанием ребер между гранями, имеется один отщеп неправильно-треугольной формы, со следами предыдущих скалываний в виде негативов на спинке, но без вторичной подправки. Кремень этот резко выделяется по фактуре. Хотя он и покрыт голубоватой патиной, но никаких следов окатывания на нем не заметно. Напротив, на нем сохранилась тонкая корочка известкового натека. Размеры: 5.5×3.5 см (рис. 2, 5).

Отщеп этот был найден на уровне нижнего горизонта погребенной почвы, прикрытого делювием, но выше аллювиальных отложений Пра-Донца. Лёссовидные суглинки на участке находки, а также верхняя погребенная почва были полностью задернованы. Следовательно, мустьерский отщеп мог выпасть только из среднего горизонта погребенной почвы или из разделяющих погребенные почвы суглинков.

Древнепалеолитическое местонахождение Хрящи связано, как можно видеть из приведенной выше характеристики его, с древнеаллювиальными и делювиальными отложениями. По С. Н. Замятнину, открывшему в таких же отложениях древнепалеолитические местонахождения Абхазии (впервые в СССР), «это — обычные условия нахождения остатков древнепалеолитического времени и в других местах, например в северной Франции, Бельгии, южной Англии, Палестине и т. д.»¹

«Культурные остатки, обнаруживаемые в этих условиях, уже в глубокой древности испытали более или менее значительные перемещения и рассеяны в виде единичных находок на весьма значительной площади.

«Единичное залегание отдельных каменных орудий, на десятки метров одно от другого, в обнажениях, иногда тянущихся на километры, делает невозможным постановку раскопок.

«Таким образом, — пишет С. Н. Замятнин, — круг вопросов, которые могут быть поставлены при изучении аллювиальных местонахождений палеолита, много уже, чем при раскопках культурного слоя, и в основном сводится к изучению техники первобытной обработки камня и вопросам четвертичной хронологии, изучению временных соотношений между этапами развития первобытной техники и геологическими явлениями ледникового периода».²

Следовательно, совместное сотрудничество археологов и геологов, сочетание их усилий на всех этапах и полевой и камеральной работы особенно необходимо при изучении древнепалеолитических аллювиальных местонахождений; оно оказалось эффективным и при обследовании Хрящей.

Сейчас накопилось уже много ярких фактов из истории первобытного заселения южной, причерноморской части СССР. Очаги первобытного

¹ С. Н. З а м я т н и н. Палеолит Абхазии. Тр. Инст. абхазск. культуры, вып. X, Сухуми, 1937, стр. 5.

² Там же, стр. 6.

заселения были открыты на Кавказском побережье, Кубани, в южной Украине, Крыму и Молдавии. Белым пятном оставался в причерноморской цепи этих территорий только район нижнего Подонья. Находки.

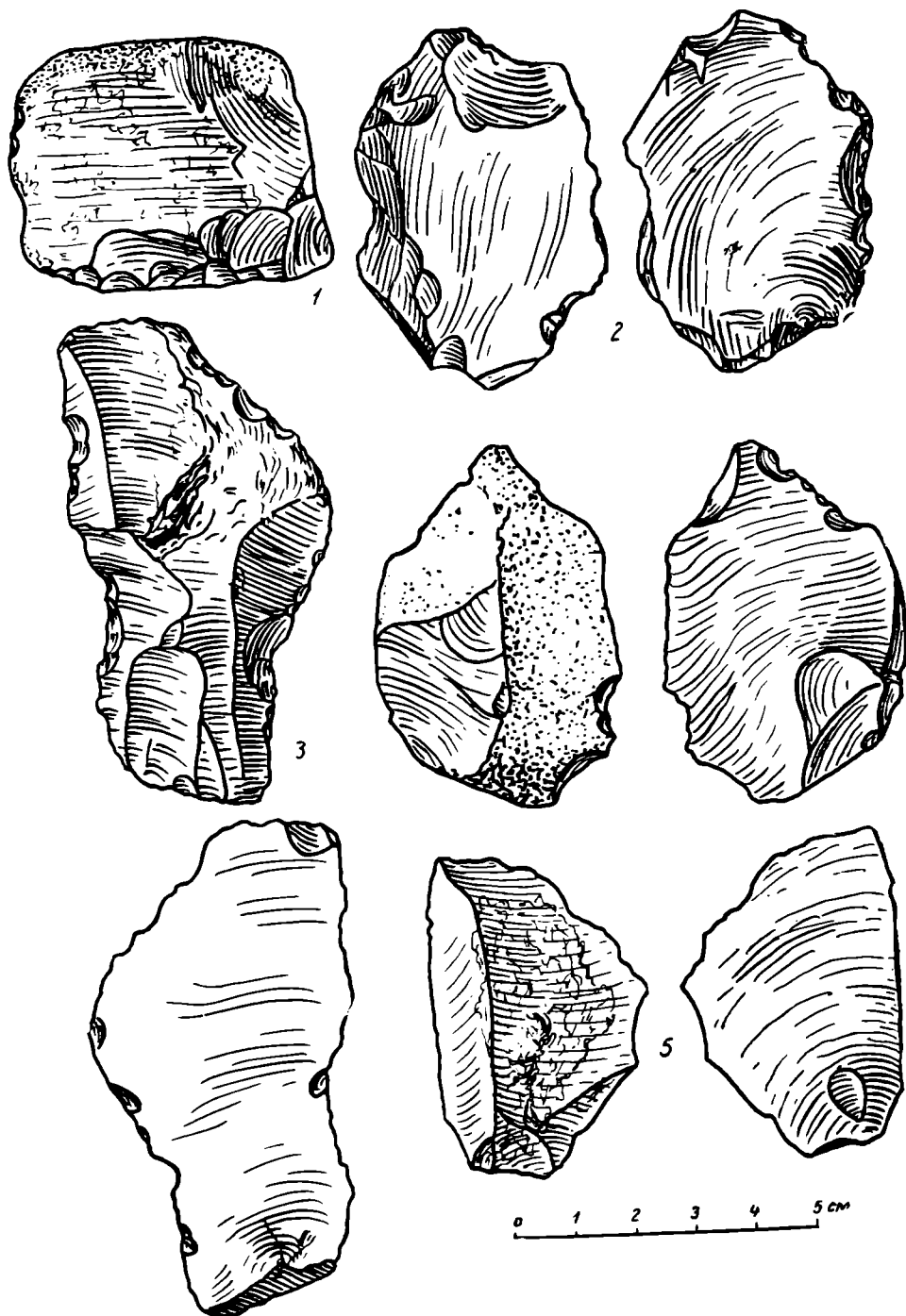

Рис. 2. Находки у хутора Хрящи.

описанные выше, являются первым шагом к заполнению этого существенного пробела.

II. Находка палеолитического дисковидного орудия у станицы Константиновской была сделана в условиях, затрудняющих увязку ее с тем или иным геологическим горизонтом.

В противоположность хрящевским отщепам, орудие из Константиновской было довольно сильно окатано, что говорит о значительном перемещении его и делает увязку находки с геологическим разрезом условной.

Орудие найдено в 0.4 км выше станицы, у основания III надпойменной, Мариинской террасы, с правой стороны одного из многих глубоких оврагов, прорезающих террасу.

У подножия III надпойменной террасы лежат суглинистые осадки поймы, перекрытые пляжевыми мелкими песками и отложениями овражного конуса выноса.

Поскольку следы окатывания на дисковидном орудии были свежие (обтертость патины с образованием рваных краев ее), можно допустить недавнее сильное перекатывание диска или в зоне весеннего приобоя или в тальвеге оврага.

Наблюдения за переносом кремневых поделок из стоянок мезолита и бронзового века при разрушении их подмывом водами Маныча и Дона показывают, что перенос не бывает особенно большим и не превышает за годовой сезон 50 м. Даже мелкие и тонкие кремневые пластинки далеко водой не перемещаются.

Не мог, следовательно, далеко перенестись и константиновский диск, средний по размеру ($5.2 \times 4.7 \times 1.5$ см). Максимальное перемещение его не превышало, вероятно, 200—300 м. А так как обнажение III надпойменной террасы прослеживается выше Константиновской на протяжении около 1.5 км, а других более древних четвертичных отложений, чем осадки этой террасы, овраги не прорезают, то единственным источником, откуда происходит диск, можно считать III надпойменную террасу.

Геологическое строение этой террасы у места находки следующее. На сильно дислоцированных песчаниках и сланцах среднего карбона залегают мелкозернистые пески, серые, преимущественно горизонтально-слоистые, с редкими гравием и галькой, мощностью до 1 м (русловой аллювий Пра-Дона). Пески перекрываются отложениями фации стариц Пра-Дона: черными и темносерыми, реже, желтовато- и зеленовато-серыми глинами, неясно слоистыми, содержащими порядочно известковых желваков и дробинок пиролюзита, мощностью до 7—10 м.

В глинах нередко встречаются раковины крупных *Unio* (до 15 см), *Paludina*, *Valvata*, *Planorbis* и др.

По аналогии с глинами фации стариц Пра-Дона у станицы Мариинской, подробно изученными с применением спорово-пыльцевого, палеокарпоботанического и фаунистического (моллюски, млекопитающие) анализов, черные глины у Константиновской датируются концом предпоследнего межледникового (лихвинско-днепровского, «миндель-рисского»).

На глинах кое-где сохранились небольшие пятна погребенной почвы, мощностью 0.2—0.3 м.

Выше черных глин залегают лёссовидные макропористые суглинки, мощностью 3—5 м у бровки террасы и до 12—15 м у тылового шва ее.

Палеолитическое местонахождение могло располагаться или на погребенной почве, или в нижней части лёссовидных суглинков; безусловно исключается приуроченность его к отложениям староречья. Вряд ли могло кремневое орудие быть вымытым из песков основания террасы, так как они обычно закрыты делювием и почти не обнажаются.

Константиновское орудие (рис. 3, 1) изготовлено из желтовато-серого, слегка просвечивающего по краям кремня, покрывшегося неглубокой голубовато-серой патиной. Местами имеются позднейшие повреждения, позволяющие видеть натуральную окраску кремня.

Обработка орудия двусторонняя: по одной, более плоской стороне — широкими сколами, по другой, несколько выпуклой стороне размеры

фасеток немного меньше. Изделие это имеет характер сильно сработанного мустьерского дисковидного нуклеуса, в дальнейшем, путем легкой подправки, использованного как орудие. На суженном конце диска имеется небольшая подправка мелкой односторонней ретушью, повидимому, более поздняя. Очертания орудия имеют вид очень слабо вытянутого овала. Размеры: длина 5 см, ширина 4.5 см и толщина 1.3 см.

У хутора Михайловского на левом берегу р. Северного Донца, в 4.5 км ниже местонахождения Хрящи, на бечевнике была поднята крупная ножевидная пластина, сплошь покрытая густой глубокой патиной голубовато-серого цвета, напоминающей патину костенковских кремней. Пластина происходит, повидимому, из обнажения III надпойменной террасы, достигающей у хутора Михайловского высоты 20—30 м. Геологическое строение ее очень близко к описанному для района Хрящей.

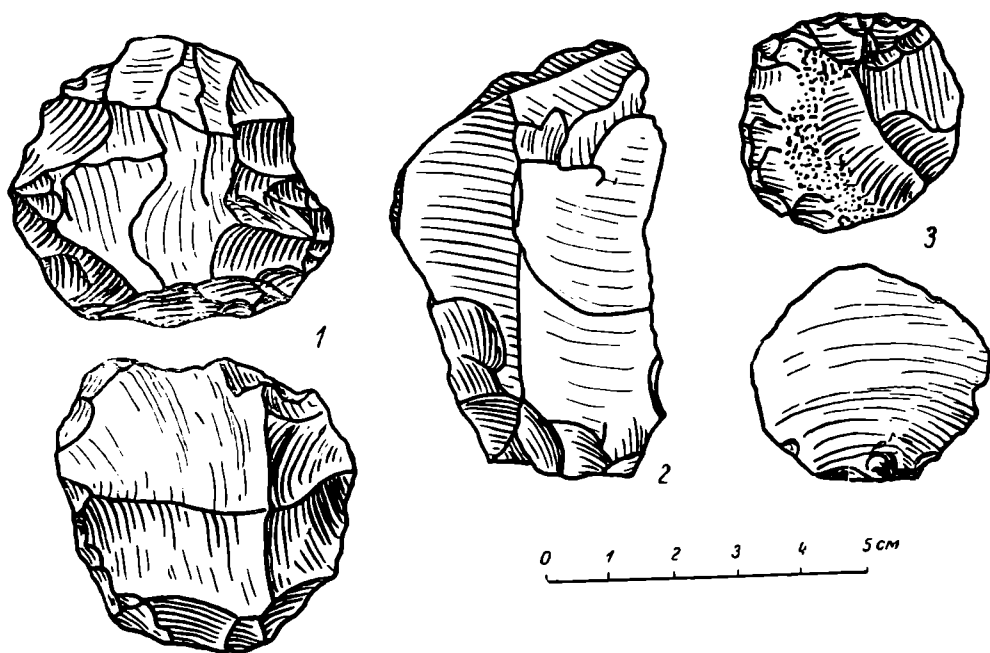

Рис. 3.

1 — находки у станицы Константиновской; 2 — у хутора Михайлова; 3 — у станицы Цимлянской.

Пластина имеет удлиненную, но довольно неправильную форму (рис. 3, 2). Края ее неровны и несколько выщерблены. Конец обломан в древности, так как излом патинизирован. В современном состоянии пластина имеет длину 7 см, ширину 3.5—4 см. Площадка удара небольшая, гладкая. На спинке заметна местами тонкая известковая корочка — результат пребывания в слое, в горизонте отложения известковых солей.

На одном из углов верхнего края орудия, со стороны брюшка, имеется фасетка, весьма напоминающая резцовый скол, хотя с полной уверенностью об этом говорить нельзя. Но даже если это и не «угловой резец», то все же наиболее вероятной датировкой этого кремня будет верхний палеолит.

Остатки, которые относятся к верхнему палеолиту, до настоящего времени на территории нижнего Подонья исключительно редки. Поэтому может быть стоит упомянуть о нескольких находках последних лет, которые могут быть предположительно отнесены к этому времени.

У оз. Сусорово, на левом берегу Дона, в 8 км выше станицы Романовской, в базальном горизонте аллювия поймы, на глубине 15 м

был найден череп человека, без лицевых костей и нижней челюсти, имеющий, по определению В. И. Громова, неандерталоидные признаки и принадлежащий, вероятно, *Homo sapiens*.

Совместное нахождение черепа человека и зубов мамонта указывает, по мнению В. И. Громова, на его вероятный верхнепалеолитический возраст. Череп изучается специалистами-антропологами.¹

В среднем течении речки Курмоярский Аксай, в 10 км от пересечения ее железнодорожной линией Сталинград—Сальск, в погребенном почвенном горизонте II надпойменной террасы геолог А. Д. Колбутов в 1949 г. нашел кремневый патиновый отщеп, приблизительно отнесенный им к верхнему палеолиту.

В 1934 г. геологами С. С. Прониным и З. Н. Барановской в 9 км от г. Калача, на левом берегу речки Карповки, левого притока Дона, в местности Колпачки было найдено 3 удлиненных кремневых отщепов с неглубокой патиной, предположительно отнесенные к верхнему палеолиту.

Отщепы были встречены *in situ* в лёссовидных суглинках и супесях II надпойменной террасы, на глубине около 9 м, несколько выше луговой погребенной почвы, имевшей мощность до 2 м.

Погребенная почва представлена тонким суглинком темнубурого цвета, в свежем состоянии почти черным, с многочисленными трещинами усыхания, с редкими раковинами моллюсков и костями грызуна — суслика рыжеватого — *Citellus rufescens* Keys et Blas, типичного представителя верхнепалеолитического комплекса фауны млекопитающих.

* *
*

Первая мезолитическая стоянка в нижнем Подонье была открыта у хутора Добровольского в 1949 г. Во второй половине 1950 г. были обнаружены местонахождения мезолитического времени в следующих пунктах: 1) в станице Цимлянской; 2) у совхозов Красный Овцевод и Красный Маныч; 3) у хутора Крепянки; 4) у хутора Усть-Быстрый; 5) у станицы Усть-Кундрючьей; 6) у ж.-д. станции Большой Лог.

Единичные и групповые находки орудий были обнаружены в 1948 и 1949 гг.: 1) у хутора Мало-Лучки; 2) у станицы Нагавской; 3) у лимана Шахаевского; 4) у кургана Острый на Маныче; 5) у хутора Ставрополь; 6) в урочище Попов Лог на оз. Маныч-Гудило; 7) у артезианского колодца на Маныч-Гудило; 8) в 9 км выше оз. Грузского на Маныче.

Стоянка у хутора Добровольского расположена на правом, коренном берегу балки Соленой, в 12 км по прямой от р. Дона. Стоянка лежит в небольшой, ориентированной с востока на запад лощинке, между двумя останцами третичных пород, представленных сарматскими песками, известняками и глинами, пантическими известняками и конгломератами, скифскими глинами.

Лощина в верхней суженной части имеет ширину до 40 м и протяженность около 100 м. Расширяясь, лощинка протягивается строго на запад, до обрыва в балку Соленую, еще на расстоянии до 300 м.

Стоянка приурочена к верхней, суженной части лощинки, слабо покатой на запад. По относительной высоте над Доном (35—38 м) площадка стоянки отвечает уровню IV надпойменной, нагибинской террасы.

¹ По свидетельству старожилов, в станице Потемкинской на Дону из обрыва II надпойменной террасы, из песков, подстилающих темносерые суглинки фации стариц, в паводок 1911 г. было вымыто много костей человека, имевших черную окраску. Кости были переданы в музей фельдшерской школы в г. Кирове областном. На пляже Дона кости человека с черной окраской встречаются редко.

Относительная высота стоянки над дном сухой балки Соленой равняется 20—23 м.

Геологическое строение площадки не сложно. Под темнокаштановой почвой, имеющей мощность 0.2—0.4 м, залегают делювиальные суглинки, палево-желтые, серовато-бурые и буровато-коричневые, с обильной белоглазкой и значительным содержанием щебня и галек известняков и песчаников, мощностью 0.7—1.0 м.

Ниже вскрываются скифские глины, красно-бурые и буровато-коричневые, с частыми включениями известковых желваков и гипса, мощностью 0.3—0.8 м. Под скифскими глинами залегают то конгломераты понта, то известняки среднего сармата.

Культурный горизонт не выражен, — осколки и поделки из кремня залегают *in situ* непосредственно в почве.

После сильных дождей и ветров кремневые изделия и осколки выступают на поверхность и становятся легко заметными.

Наибольшая насыщенность кремневым материалом была отмечена на удлиненной площадке размером 35×15 м, тянущейся с востока на запад вдоль верхнего конца лощинки; на этой площадке также выделялись отдельные пятна с максимальным скоплением подъемного материала.

За пределами стоянки кремневые поделки и осколки обнаруживались редко: переотложение материала было весьма ограниченным. Об этом свидетельствует и преобладание среди подъемного материала очень мелких осколков. Для изготовления орудий употреблялся кремень не местного происхождения, серого, темносерого, розовато-серого, желтого и красновато-желтого цвета. Желваки подобного кремня желтоватого и красновато-желтого цвета встречаются в 60 км от хутора Добровольского, в выходах среднесарматских известняков по р. Салу, возле станицы Батлаевской и хутора Крепянки. Серый кремень мог быть принесен на Добровольскую стоянку с берегов Северного Донца за 90—100 км.

Большая часть (свыше $\frac{2}{3}$) кремневых орудий и осколков патинизирована. Степень патинизации колеблется от очень слабой, когда на поверхности кремней заметны лишь отдельные голубовато-серые пятна, до весьма сильной, когда кремни сплошь покрыты густой голубовато-серой и белой патиной и становятся очень похожими на костенковские кремневые изделия.

Помимо кремней, для изготовления орудий применялся кварцит. Поверхность осколков и поделок из кварцита слегка покрыта неглубокой патиной серебристо-белой окраски.

На поверхности некоторых кремневых орудий имеются налеты и корочка карбонатов — показатель нахождения кремней в пллювиальном горизонте почвы.

Все орудия и осколки на стоянке не имели никаких признаков окатывания.

Сборы у хутора Добровольского доставили около 300 кремней, в числе которых имеется великолепный двойной резец темного кремня, покрытого голубоватой патиной (рис. 4, 2); один конец орудия представлял срединный резец, образованный двумя сколами, другой — угловой, с концевой поперечной ретушью. Два угловых резца, из них один также с концевой ретушью, другой без нее (рис. 4, 1); 3 небольших скребка на укороченных осколках, из них один почти округлой формы (рис. 4, 3, 5); 2 острия, обработанных притупляющей ретушью, по одному краю и на концах образующей нечто вроде двойной проколки; одна из них массивная, более крупная (рис. 4, 8), другая меньшая, по форме близкая к ромбу (рис. 4, 9) (геометрических микролитов в форме сегмента или трапеции в сборах у хутора Добровольского не имеется). Есть в сборах несколько

фрагментов узких пластиночек со стесанным краем (рис. 4, 10—13), несколько сколов от приготовления резцов, со следами предварительной подправки, ряд удлиненных пластинок или фрагментов их (наиболее крупная 6 см длины). Крупных осколков имеется около десятка, некоторые из них представляют собой отброс при подправке («оживлении») верхней площадки нуклеуса; большинство (около 250) осколков очень мелки (чешуйки — отброс вторичной подправки). Характер патины довольно различен в зависимости от свойств использованного для обработки кремня; имеются единичные осколки обработанного белого кварцита (меньше 10).

Следует отметить наличие на нескольких кремнях корочки известкового натека, указывающего на их первоначальное залегание.

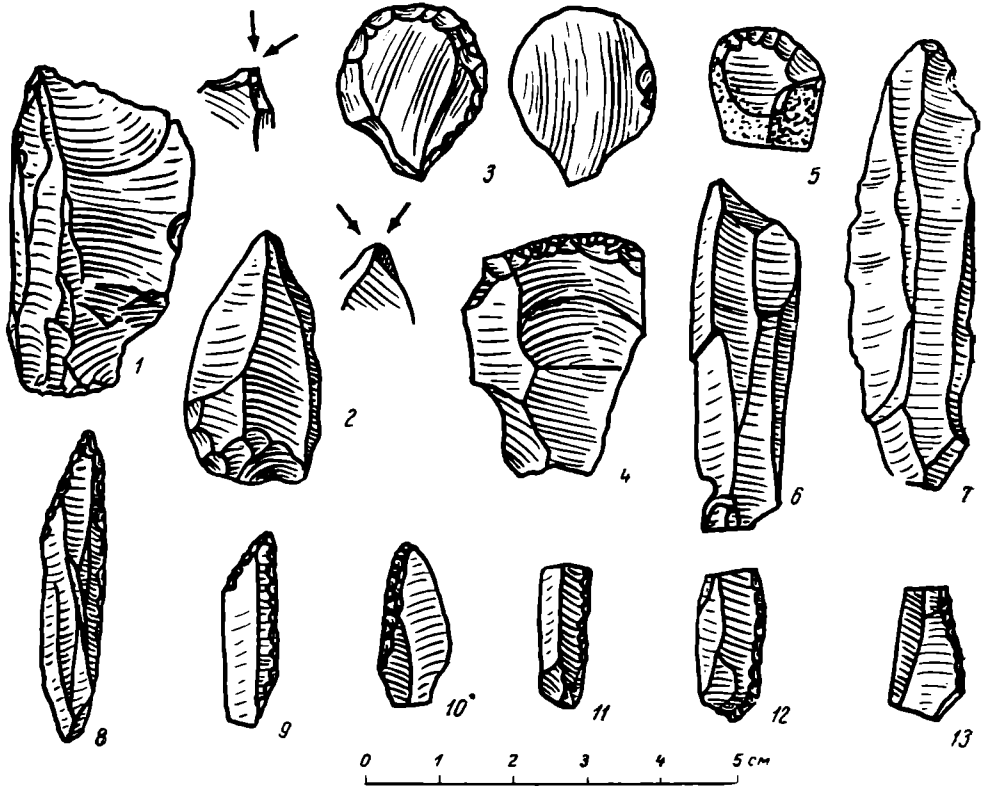

Рис. 4. Находки у хутора Добровольского.

В станице Цимлянской, на западной ее окраине, у подножья большого оползня, подмываемого водами высоких весенних разливов, среди галек был найден округлый скребок (рис. 3, 3).

Скребок изготовлен на коротком массивном отщепе (ударная площадка и бугорок сохранились; диаметр его 3.5 см, толщина 1.5 см); он довольно тщательно обработан мелкой ретушью по краю, захватывающей более половины окружности.

Скребок изготовлен из темного мелового кремня, цвет которого можно заметить только в небольшом изломе по краю, так как вся поверхность скребка покрыта сплошной, глубокой, голубовато-серой патиной, имеющей, как видно по излому, до 1 мм толщины. На спинке сохранился небольшой участок желвачной корочки.

Округлые скребки, изготовленные на укороченных отщепах или сеченных пластинок, описаны неоднократно как характерные для азильских

и тарденуазских стоянок, почему и цимлянский скребок можно с основанием отнести к этому времени, а принимая во внимание глубокую патину, — к самому началу его.

Коренное местонахождение цимлянского скребка установить не удалось. По всей вероятности, он залегал в теле оползня, в почвенном слое, находящемся сейчас на уровне 4 м над рекой. Оползшая масса лёссовидных суглинков располагалась ранее на бровке коренного берега, на высоте 25—30 м над урезом воды в Дону.

Возможно, что началом азилия — концом мадлена следует датировать костяной гарпун (рис. 5), найденный палеонтологом И. М. Громовым на пляжевой отмели левого берега Дона у хутора Мало-Лучки.

Гарпун изготовлен из крепкой кости крупного млекопитающего. Основываясь на степени сохранности, тяжелом весе, темном цвете и блестящем загаре, можно полагать, что кость принадлежала животному хозарского фаунистического комплекса и была вымыта из погребенных отложений Пра-Дона.

Гарпун имеет в длину 30,7 см; первоначальная ширина костяной пластинки была около 2,5 см, толщина 0,8—1,3 см. Гарпун имел 6 зубьев, увеличивающихся по размеру кверху — от 1,5 см у нижнего зуба до 3,5 см у четвертого; два верхних зуба сломаны: на них приходилось наибольшее усилие при вытаскивании добычи.

Конец гарпуна заострен, основание утолщено и несет зубчатый уступ для привязывания орудия. Вероятно, гарпун применялся для ловли крупной рыбы.

На пляже у Мало-Лучки была еще найдена просверленная бабка лошади, служившая, возможно, в качестве легкого грузила (рис. 6). Там же была обнаружена почерневшая кость нижней челюсти ребенка и несколько фрагментов неолитической керамики.

Последние находки говорят о том, что великолепно сработанный костяной гарпун Мало-Лучки мог относиться и к более позднему времени, а именно — к неолиту, но предположение о принадлежности этого гарпуна к инвентарю эпипалеолитического рыболова кажется более вероятным.

Недалеко от Мало-Лучки, у станицы Нагавской, геолог А. Д. Колбутов нашел патинизированный отщеп мезолитического облика на левом коренном берегу Дона, сложенном третичными породами (ергенинские пески, нагавские глины, кривские пески и скифские глины) и лёссовидными суглинками.

* *
*

Стоянка Овцевод находится на левом берегу западного Маныча, в 40 км к юго-востоку от хутора Веселого, недалеко от коневодческого совхоза имени Фрунзе, бывшего совхоза Красный Овцевод.

Стоянка расположена на I надпойменной, новоэвксинской террасе, принимавшейся ранее за хвальнскую. Относительная высота террасы 4—7 м.

В довольно выравненном рельефе новоэвксинской террасы замечаются широкие понижения — ложбины — и отдельные пологие повышения, похожие на гривы. На одном из таких гривоподобных повышений, уси-

Рис. 5. Гарпун, найденный у хутора Мало-Лучки.

ленно размываемом уже второй год водами Маныча, стоят 8 курганов, из которых один курган размыт наполовину.

У подножия разрушающегося кургана, на совершенно юном, на глазах формирующемся бечевнике-пляже, лежали кости человека, череп лошади и небольшой погребальный горшочек с характерным для Приманьчья и Северного Кавказа веревочным орнаментом.

У края размываемого кургана на бечевнике было обнаружено несколько обработанных патинизированных кремней. Выше по течению такие же кремни были найдены на протяжении до 70 м.

Кремни лежали отдельными скоплениями — пятнами — в мелком сильно глинистом песке, образовавшемся на молодом пляже от размыва обрушающихся глыб суглинка. В одной из крупных глыб столбчатого

Рис. 6. Бабка, найденная у хутора Мало-Тучки.

солонцевого суглинка находился непосредственно в породе хорошо обработанный патинизированный скребок.

В подстилающем курган почвенном горизонте, на глубине 0.47 м, был найден патинизированный кремневый отщеп.

Все кремневые поделки и осколки местонахождения Овцевод были совершенно не затронуты окатыванием, хотя подмыв берега и формирование пляжа продолжают уже два года. Перенос кремешков, даже самых тонких, оказался незначительным. Только один небольшой скребок был перемещен на 60 м от места стоянки.

Геологический разрез I надпойменной, новоэвксинской террасы на месте находки записан следующий.

		Мощность (м)
1.	Q_4^{pd} Суглинок грубый, мучнистый, белесоватого цвета — солодь	0.00—0.23
2.	Q_4^{pd} Суглинок грубый, коричневатобурый, сухой, плотный — столбчатый солонец: в этом слое залегают обработанные кремни in situ	0.60
3.	Q_4^{pd} Суглинок грубый, известковистый, палево-желтый, с белесоватыми пятнами от частых включений карбонатных псевдомипеллев — плевниальный горизонт почвы	1.07

4. Q ₃ ^{2neu(v)}	Суглинок средний, буровато-серый, с желтоватым оттенком, со столбчатой отдельностью, макропористый, с многочисленными кротовинами, — горизонт выветрелых и облессованных новоэвксинских отложений	2.27
5. Q ₃ ^{2neu}	Тонкослойные супеси и суглинки, серовато-бурые, с ржавыми пятнами, с редкой фауной: <i>Didaena</i> ах gr. <i>trigonoides</i> Pall., <i>Monodacna caspia</i> Eichw., <i>Lithoglyphus</i> off. <i>naticoidea</i> C. Pf., <i>Planorbis</i> (<i>Planorbarius</i>) <i>corneus</i> L., <i>Viviparus duboissianus</i> Mouss., <i>Succinea</i> sp. и др. (все определения фауны произведены Г. И. Поповым)	Мощность (м)
3.97
6. Q ₃ ^{2neu}	Те же супеси и суглинки, но с менее выраженной слоистостью; ниже — урез воды	4.50

Орудия изготовлены из темносерого, серого и желтовато-серого мелового кремня (не местного происхождения). Подавляющая часть орудий

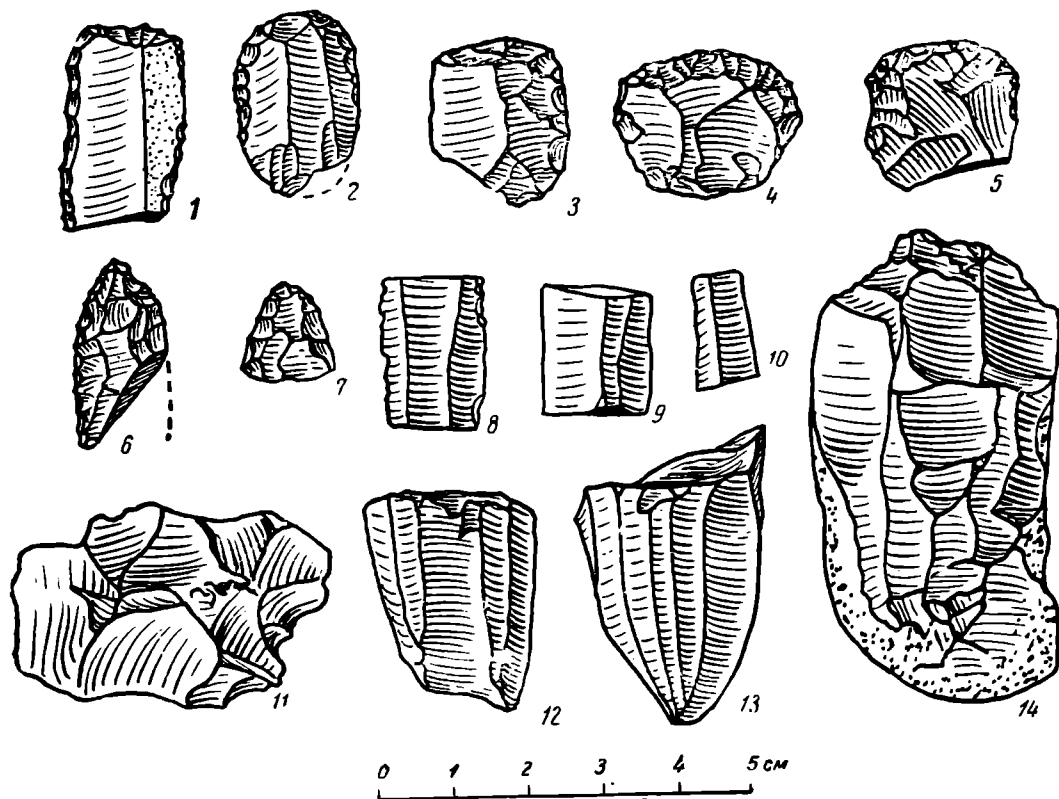

Рис. 7 Находки у хутора Красный Овцевод.

и осколков покрылась неглубокой серовато-голубой и серовато-белесой патиной.

Наиболее хорошо представлены в сборах на стоянке Овцевод мелкие скребочки на коротких отщепах или частях пластинки, имеющие преимущественно округлые очертания (рис. 7, 2—5). Размеры их очень однородны и не превышают 2—2.5 см (т. е. мельче цымлянского скребка, и если считать размеры последнего характерными для эпохи, то в этом различии можно видеть хронологический показатель и указание на более поздний возраст находки у Овцевода).

Любопытен один скребочек на конце удлиненной пластинки, несущей по одному краю притупляющую ретушь (рис. 7, 1).

В двух экземплярах, к сожалению, только в небольших обломках имеются массивные острия, обработанные ретушью, близкой по характеру ко вторичной обработке скребков (рис. 7, 6 и 7).

По всей вероятности, заготовку орудия, не законченную обработкой, представляет кремьнь, изображенный на рис. 7, 11; об этом говорят неправильные очертания краев кремня, с которого по всей окружности ударами по направлению к центру отделены мелкие чешуйки, что придает заготовке некоторое подобие дисковидного нуклеуса в миниатюре. Возможно, что кремьнь и не является заготовкой, для работы использовались его массивные режущие края. Размеры его 4.5×2.5 см.

Три небольших призматических нуклеуса, собранных здесь, имеют характерный микролитический облик, отличаясь узкими и правильными гранями (рис. 7, 12—14). Сколотые с подобных нуклеусов ножевидные пластинки также отличаются правильностью граней. Собранные здесь только обломки их, иногда по форме чрезвычайно близкие к геометрическим микролитам, но не имеющие вторичной подправки (рис. 7, 8—10).

* *

*

Очень близко по геологическим условиям и типу каменного инвентаря к стоянке Овцевод другое сходное местонахождение — Красный Маныч, расположенное в 6 км выше Овцевода, на левом берегу западного Маныча.

Отложения I надпойменной, новоэвксинской террасы, имеющей здесь относительную высоту 3.5—5.0 м, представлены также супесями и грубыми суглинками, желтовато-серыми, слабо слоистыми, вверху облессованными, макропористыми, пораженными кротовинами, а внизу — заглипсованными.

В осадках I надпойменной террасы у места находки патинизированных кремней содержится много фауны типичного новоэвксинского комплекса, в котором смешаны и каспийские и характерные черноморские формы: *Venus gallina* L., *Cardium edule* L., *Tapes* sp., *Ostrea taurica* Kr., *Pecten* sp., *Nassa reticulata* L., *Bitium reticulatum* Da Costa, *Monodacna caspia* Eichw., *Didacna* ex gr. *trigonoides* Pall., *Tellina* sp., *Dreissensia caspia* Eichw., *Dr. polymorpha* Pall., *Turricaspia spica* Eichw., *Lethoglyphus naticoides* C. Pf., *Viviparus duboissianus* Mouss., *Unio pictictorum* L. и др.

Кремневые поделки и осколки на Красном Маныче были собраны у подножия I надпойменной террасы, на молодом пляже; они малочисленны, изготовлены из серого мелового кремня, слабо патинизированы. Характерны тонкие, треугольные в сечении, режущие пластинки, размером 1—2 см, тщательно подретушированные по краям. Микролитический характер кремневого инвентаря отражается и формой поверхности нуклеуса, наличием на ней неглубоких удлиненно-параллельных фасеток. Нуклеус имеет следы подработки, — вероятно, он использовался в качестве режущего орудия.

* *

*

Кроме местонахождений Овцевод и Красный Маныч, расположенных на левом берегу западного Маныча, на его правом берегу обнаружены следующие мезолитические местонахождения: 1) Лиман Шахаевский; 2) Курган Острый; 3) Ставрополь; 4) Попов Лог на Маныч-Гудило; 5) Артезианский колодец на Маныч-Гудило; 6) 9-й километр выше оз. Грузского.

Все эти местонахождения могут быть охарактеризованы, к сожалению, только подъемным материалом, собранным на пляже у основания I и II надпойменных террас. Хотя и немногочисленные, находки на этих местонахождениях доставили ряд весьма характерных образцов.

В составе кремневого инвентаря манычских местонахождений можно различить:

1. Характерный мезолитический наконечник стрелы из темносерого кремня, изготовленный из тонкой ножевидной пластинки (рис. 8, 2). Наконечник имеет форму удлиненного треугольника и обработан двусторонней ретушью по всей окружности, не заходящей на брюшко и спинку. На спинке сохранились ребра от негативов скалывания.

2. Не менее характерные геометрические микролиты, имеющие форму сегмента (рис. 8, 3) или трапеции (рис. 8, 1 и 4).

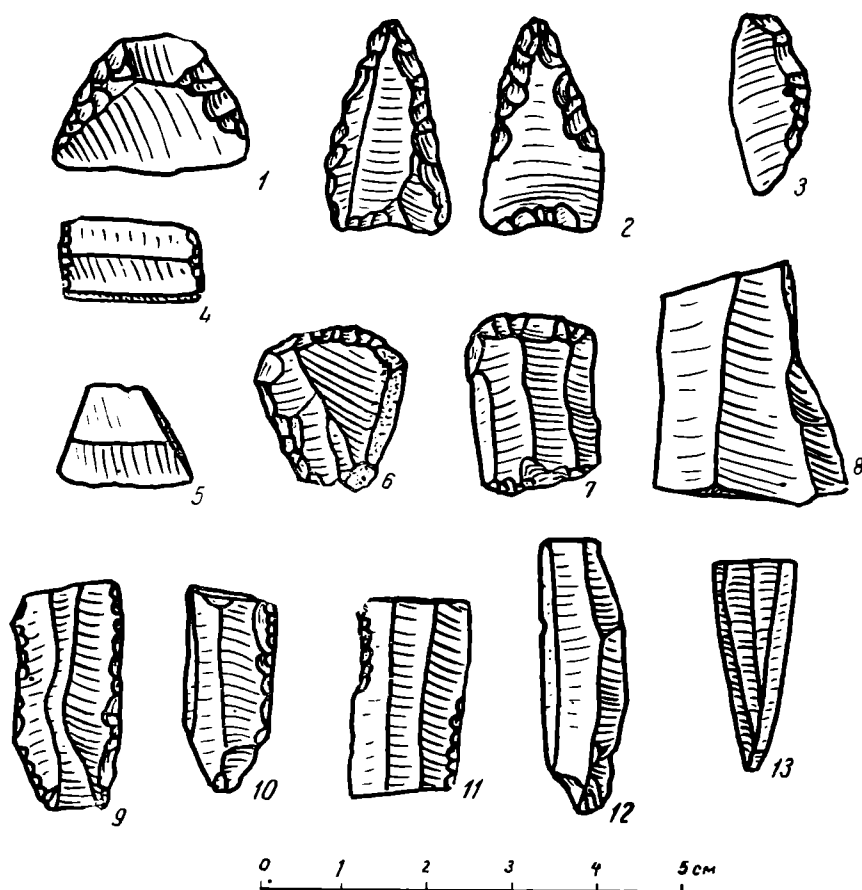

Рис. 8. Находки на правом берегу Западного Маныча.

3. Мелкие скребочки (рис. 8, 6, 7), свойственные этого рода местонахождениям (один из них двойной).

4. Резец на углу сломанной пластинки (рис. 8, 8).

5. Ряд узких ножевидных пластиночек с легкой подправкой по одному или обоим краям (рис. 8, 9—13).

Большинство из этих находок происходит с оз. Грузского и местонахождения у артезианского колодца.

Мезолитическое местонахождение Крепянка расположено в 0,8 км к югу от хутора Крепянка, по левому берегу р. Сала, между четырьмя курганами, из которых наибольший называется Лысым.

Стоянка находится на останце третичных пород, представленных среднесарматскими известняками, на высоте 28—32 м над уровнем реки. Известняки перекрываются лёссовидными суглинками, буровато-желтыми внизу и палево-желтыми вверху, мощностью от 3 до 20 м.

К останцу прислонены II и I надпойменные террасы р. Сала, превышающие ее уровень на 10—12 и 6—7 м.

Кремни со следами обработки чаще встречались на участке, вытянувшимся вдоль дороги на 150 м при ширине около 50 м. Наиболее часто попадались кремни возле среднего кургана на глубоко распаханном поле, очевидно они залежали на глубине 25—35 см в буро-каштановой почве.

На изготовление орудий шел не местный (преимущественно цветной кремль, желваков которого много в сарматских отложениях и в базальном горизонте аллювия II надпойменной террасы), а принесенный извне меловой кремль светлосерого, серого, темносерого и розовато-желтого цвета.

Большая часть кремневых орудий и осколков покрыта сероватоголубой и серовато-белесой патиной, что делает крепяньские кремни весьма похожими на маньчжские.

На поверхности некоторых кремневых орудий образовалась карбонатная корочка, — этим подтверждается залегание их в иллювиальном почвенном горизонте.

Из кремней, собранных на Крепяньском местонахождении (рис. 9), следует отметить 2 нуклеуса микролитического характера, из которых один (рис. 9, 7) с многочисленными негативами сколотых с него правильных узких пластиночек, другой — с одним единственным сколом, нанесенным после подживления площадки, он мог, повидимому, служить как массивный угловой резец (рис. 9, 8).

На то, что резцы в инвентаре Крепянки были, указывает и находка резцового скола (отброс при изготовлении резца) с нанесенной на нем перед скальванием ретушью. Ножевидные пластинки полностью отвечают нуклеусам.

Наиболее характерными орудиями, найденными в Крепянке, являются небольшой геометрический микролит в форме сегмента, из светлосерого кремня, оформленный тонкой ретушью (рис. 9, 1), и наконечник стрелы или небольшого дротика, изготовленный из удлиненой ножевидной пластинки путем двусторонней ретуши плоскими фасетками, нанесенной только по краям и не затрагивающей средней части орудия (рис. 9, 6). Совершенно сходный по характеру обработки и форме наконечник известен из тарденуазского слоя крымской пещеры Замаль-Коба № 1.¹

Острие крепяньского наконечника обломано в древности, и он был вторично использован для изготовления скребка. Помимо этого, имеется еще один небольшой скребок укороченной формы.

Наличный, хотя и небольшой, материал каменных орудий совершенно достаточно документирует тарденуазский возраст Крепяньского местонахождения.

* *
*

Местонахождения, открытые в долине Северного Донца у станицы Усть-Кундрючьей А. Д. Столяром, у хуторов Усть-Быстрого и Серебровского М. И. Артамоновым, А. Д. Столяром, В. А. Петровым и мною, располагаются на II и I надпойменных террасах Донца.

Между стоянками, размещающимися на той или иной террасе, нет существенных различий ни в составе кремневого инвентаря, ни в технике обработки камня, ни в степени патинизации кремня.

¹ Тр. Гос. Истор. музея, вып. VIII, М., 1938, стр. 27, рис. 10. На эту аналогию указал автору А. А. Формозов.

Показательны в этом отношении стоянки, обнаруженные в районе устья р. Быстрой, левого притока Дона.

Стоянка выше хутора Усть-Быстрый расположена на I надпойменной террасе, с относительной высотой 4—7 м. Многочисленные, микролитического типа изделия из серого слабо патинизированного кремня, отщепы и нуклеусы залежали на поверхности и непосредственно в песчаной почве, на глубине 10—20 см.

Площадь стоянки, если о контурах ее судить по наибольшей частоте находимых кремневых орудий, не особенно велика, примерно 50×15 м. Вне этой площади единичные находки обработанных кремней были редки и на II надпойменной террасе полностью отсутствовали.

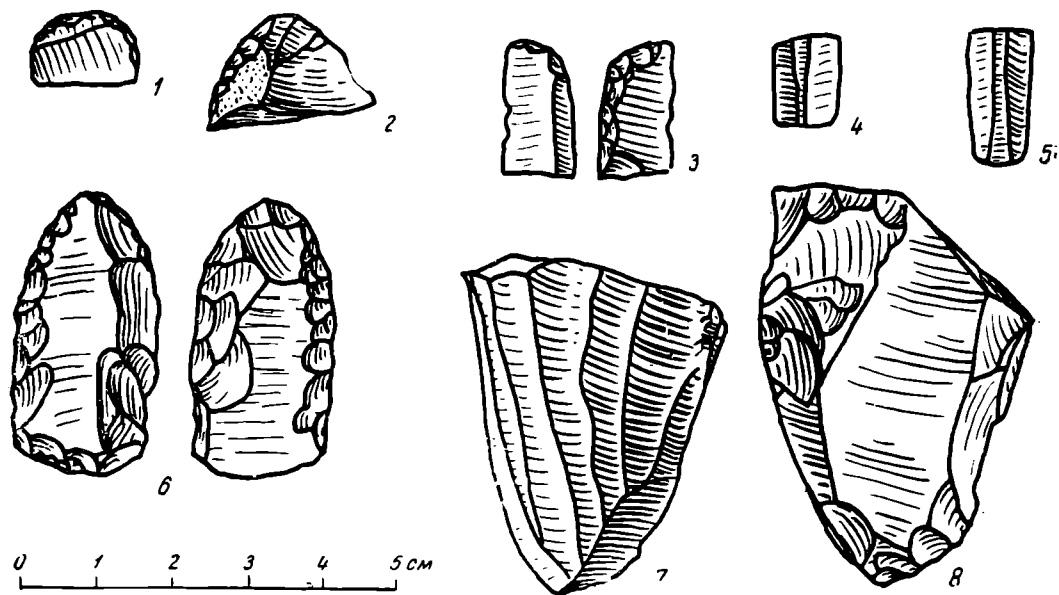

Рис. 9. Находки у хутора Крешляка.

Стоянка на хуторе Усть-Быстрый характеризуется тем же кремневым инвентарем, что и на стоянке выше хутора, располагаясь также только на I надпойменной террасе и занимая еще меньшую площадь, порядка 15×10 м. Стоянка, обнаруженная в 1 км ниже по течению Дона, ниже устья р. Быстрой, вблизи хутора Серебровского, располагалась не только на I, но и на II надпойменной террасе и даже выше, по водораздельному склону, поднимаясь над Доном от 5—8 до 20—25 м.

Многочисленные поделки из серого, слабо патинизированного кремня залежали прямо на поверхности и в почве, в гумусированном мелкозернистом песке, на глубине 15—30 см.

Никаких различий в составе кремневых изделий, технике изготовления их и патинизации кремней, в зависимости от нахождения их на I или II надпойменных террасах или на водораздельном склоне, отмечено не было.

Следовательно, все мезолитические стоянки этой части Северного Дона, расположенные на I и II надпойменных террасах и на склонах водоразделов, одновозрастны и не древнее конца формирования I надпойменной террасы: они относятся, вероятно, к концу тарденуаза.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА АНГАРЕ, В РАЙОНЕ
дер. КЕЖМЫ

Долина р. Ангары давно уже известна в археологической литературе своими первоклассными археологическими памятниками, относящимися к байкальской неолитической культуре.

Можно без преувеличения сказать, что неолитические памятники таежного Приангарья представляют собой золотой фонд не только сибирского неолита, но и вообще лесного неолита СССР.

Новым подтверждением этому могут служить публикуемые ниже замечательные находки, сохраненные для науки сотрудниками Научно-исследовательского института географии Московского университета, работавшими в районе дер. Кежмы в 1949 г.¹

Как следует из краткого письменного сообщения Е. М. Щербаковой, вещи были обнаружены в трех пунктах.

П у н к т п е р в ы й.

В 1 км выше устья р. Кежмы были найдены на значительной глубине от поверхности каменное изображение рыбы, шлифованное тесло и изделие из нефрита.

Начнем описание этих находок с самой любопытной из них — каменного изображения рыбы (рис. 1).

Перед нами очень тщательно и умело выполненная фигура рыбы, материалом для которой послужила мраморовидная порода белого цвета, отличающаяся, однако, от настоящего мрамора тем, что она обнаруживает склонность ломаться пластинчатыми сколами. Порода эта кристаллическая, причем грани кристаллов поблескивают в ней стеклянным блеском.

Поверхность изделия тщательно сглажена, а местами отшлифована до блеска, и поэтому трудно судить о том, какие именно технические способы применялись при ее изготовлении. Однако обращают на себя внимание отчетливо заметные продольные борозды и штрихи, покрывающие всю фигуру рыбы. Особенно интересны такие штрихи на самом конце ее хвоста, где отчетливо видно, что древний мастер, выделывавший это изделие, тщательно скоблил и выглаживал неподатливый камень каким-то острым орудием с мелкозубчатым лезвием. Всего вероятнее, что он пользовался в данном случае кремневым скобелем или даже простым массивным отщепом с острым лезвием, которое и могло оставить подобные следы.

¹ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность В. П. Гричук и Е. М. Щербаковой, любезно обратившим мое внимание на эти находки и предоставившим мне возможность опубликовать их.

Очень интересно при этом, что на одной стороне рыбьей фигуры, перед самым началом расширения хвоста, заметен ряд поперечных коротких штрихов, расположенных тесно друг около друга. Совершенно такие же следы остаются на изделиях из плотной кости или, например, из бивня мамонта, когда их поверхность выравнивают или выглаживают при помощи острого ножа, лезвие которого располагается не наискось, а отвесно, не под острым, а под прямым углом по отношению к обрабатываемой поверхности. В таком случае лезвие ножа не режет твердый материал, а как бы зазубривает его, наносит на него насечки, то углубляясь, то снова ритмически подскакивая вверх.

Несмотря на то, что изображение выполнено из белого камня, оно только местами сохранило свой первоначальный белый цвет. Голова рыбы покрыта с одной стороны густым темным налетом; остальная поверхность ее тела имеет желтовато-бурый оттенок, причем ясно видно,

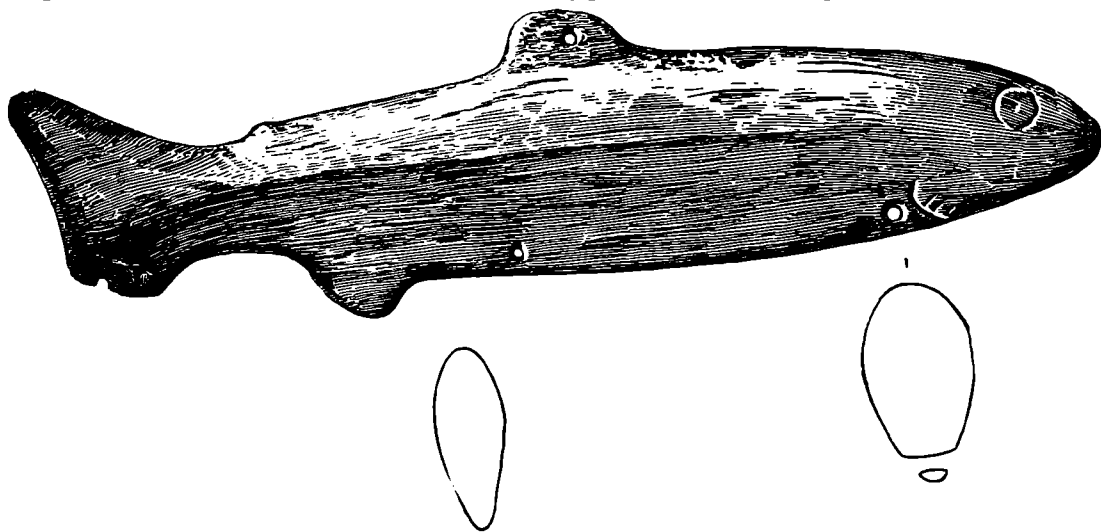

Рис. 1. Каменное изображение рыбы (1/2 п. в.).

что кое-где ее пытались очистить в позднейшее время, несомненно уже после того как изделие было выкопано из земли.

Общие очертания тела рыбы и наиболее существенные его детали переданы с обычной для неолитического искусства простотой, а вместе с тем жизненной правдой. Это, бесспорно, изображение рыбы из породы сиговых — с характерным для них изящным и остро очерченным контуром удлиненного тонкого туловища и заостренной узкой, но массивной на конце головой, с широким, симметрично раздвоенным хвостовым плавником. Помимо хвостового плавника, особо выделен спинной плавник и плавник около анального отверстия, переданный особо живо и точно.

Следует отметить и небольшой приостренный выступ на верхней половине тела рыбы около хвоста. Он как бы противопоставлен нижнему плавнику, расположенному около анального отверстия.

На голове рыбы с обеих сторон заботливо обозначены глаза, показанные в виде широких правильных кружков, образованных углубленной тонкой линией. В центре этих кружков находятся маленькие точечные ямки. Голова рыбы отделена от ее туловища жаберными дугами, переданными неглубокими линиями, от которых отходят прямые перпендикулярные насечки.

Реалистическую иллюзию живости, которой веет от этого изделия скульптуры каменного века, усиливает то обстоятельство, что спинка

рыбьей фигуры округлая, утолщенная, а туловище равномерно и плавно суживается книзу, где и заканчивается узким продольным срезом, в точности передающим характерную форму брюшка сига.

Как обычно, скульптурное изображение рыбы с р. Кежмы дополнено сверленными биконическими отверстиями. Одно из них находится в спинном поплавке. Два других симметрично располагаются у концов тела рыбы, на ее брюшке. Расположение этих трех отверстий обычное. В верхнее отверстие спинного плавника, несомненно, продевалась веревочка, на которую это изделие подвешивалось. Два нижних отверстия служили для закрепления в них искусственных «плавников» — приманок. Кроме отмеченных трех, здесь имеется, однако, и еще одно, четвертое отверстие. Оно сохранилось лишь частично и находится в нижней лопасти хвостового плавника рыбы. Такое отверстие нам встретилось впервые.

Изображение рыбы сохранилось очень хорошо. Отчасти поврежден только хвост, у которого одна лопасть обломана, а также спинной плавник и морда (с одной стороны). Все изломы древние, кроме излома на спинном плавнике, поверхность которого свежа.

Таким образом, перед нами новый превосходный образец каменных изображений рыб, столь характерных для прибайкальского неолита, впервые появляющихся в серовское время, т. е. около четвертого тысячелетия до н. э.¹

Если не считать ся со специфической манерой передачи глаз рыбы в виде кружка с точкой внутри, которая широко распространяется в китойское время, а здесь могла появиться впервые и спорадически, мы можем датировать новую находку тем же, серовским, временем.

В пользу высказанного предположения свидетельствует и тот факт, что описываемое изображение рыбы из камня оказалось вместе с другими вещами, серовский возраст которых не подлежит сомнению.

Таково, в первую очередь, отмеченное выше крупное тесло, изготовленное из характерного для серовского времени темносерого (внутри) роговикового кремнистого сланца. Как и все изделия этого рода, данное орудие покрыто с поверхности светлосерой, голубоватой патиной и тщательно, почти до зеркального блеска, отшлифовано (рис. 2).

Форма тесла в высшей степени характерная, классическая для памятников серовского типа. Оно представляет собой как бы квадратный в поперечном сечении, длинный прямоугольный брусок с прямо усеченным, слегка суженным обушком, со слегка выпуклой спинкой и дугообразно выгнутым у лезвия брюшком. Узкие продольные грани тесла, бока его, почти строго параллельны, тогда как плоскость брюшка и спинки слегка выгнуты. В целом это односторонне-выпуклое рубящее орудие типа долота или тесла с массивным прочным лезвием, закреплявшемся в рукояти наподобие мотыги, поперек, а не вдоль.

Характерной чертой его, обычной для серовских изделий данной категории, является наличие на гладких прямых плоскостях-гранях следов лишь частично зашлифованных раковистых фасеток-сколов предшествующей ретуши, которой выравнивалась плоскость исходной болванки кремнистого сланца. Сам по себе материал, из которого изготовлено это изделие, специфическая техника обработки и, наконец, его характерная форма не оставляют сомнения в том, что перед нами один из

¹ А. П. Окладников. Каменные рыбы. СА, I, 1936, стр. 215—244. — Он же. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб из Сибири. МИА СССР, № 2, 1941, стр. 193—202. — Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА СССР, № 18, 1950, стр. 244—252.

типологически выразительных и ярких в своем роде элементов инвентаря серовского этапа Прибайкальского неолита.¹

По-своему столь же выразителен следующий предмет, обнаруженный в том же месте: нефритовое орудие (рис. 3).

Орудие это, превосходно отшлифованное со всех сторон, изготовлено из первоклассного по качеству темнозеленого нефрита саянского происхождения: полупрозрачного, приятного и глубокого тона, с обычными темными крапинами и более светлыми полосами, оживляющими его поверхность разнообразным сочетанием оттенков.

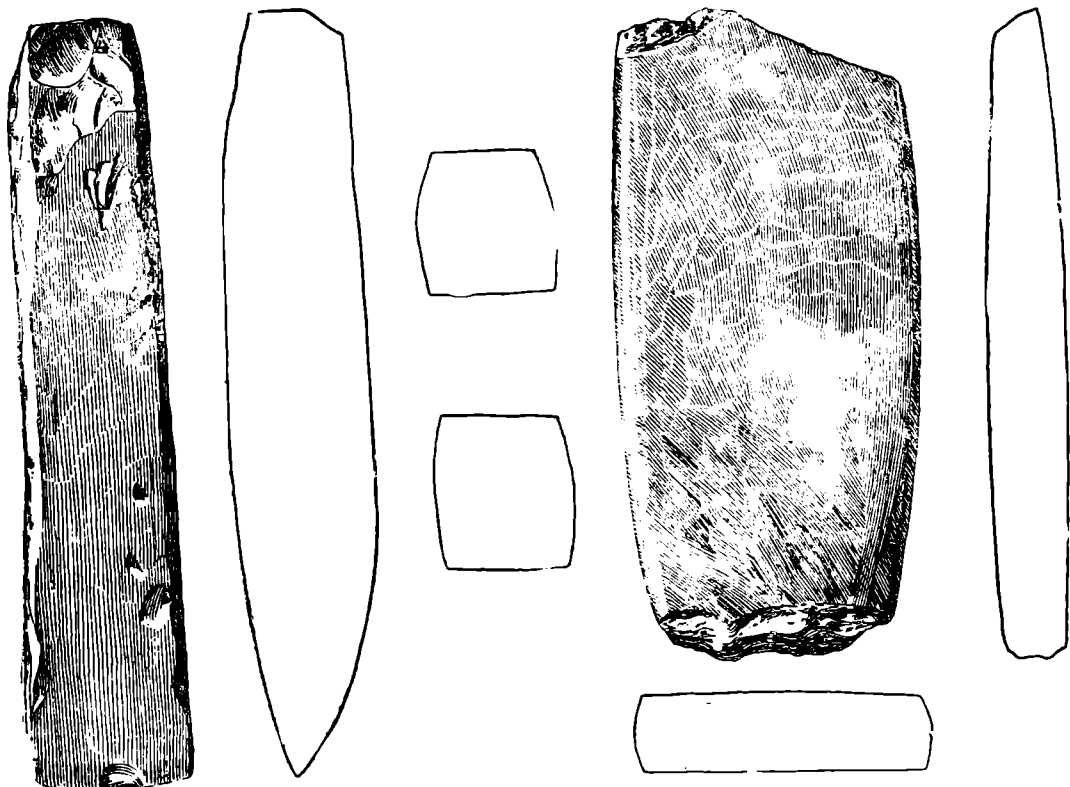

Рис. 2. Каменное тесло (1/2 н. в.).

Рис. 3. Нефритовое орудие (1/2 н. в.).

Форма орудия — классическая серовская. Правда, оба его конца отсутствуют; один конец сохраняет следы грубого поперечного излома, произведенного в древности; второй конец как бы подправлен несколькими резкими поперечными сколами и представляет своего рода массивное лезвие, лишь оббитое, но не зашлифованное.

Но и сохранившейся средней части вполне достаточно для того, чтобы определить возраст и тип орудия. Несмотря на особую трудность обработки нефрита, древний мастер сумел придать своему изделию те же геометрически правильные и симметричные очертания, которые имеет описанное выше тесло из кремнистого сланца. Он придал ему такое же прямоугольное сечение в поперечнике, такие же ровные плоские боковые грани и широкие плоскости. Это в принципе такой же брусок, только лишь более широкий и плоский.

В находках из типично серовских погребений Прибайкалья мы знаем такие же по форме и общему облику нефритовые тесла.²

¹ См., например: А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, № 1 (2), 1938, стр. 249, рис. 5, 6. — Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, рис. 43, 44, 45.

² Там же. стр. 202, 203.

Более чем вероятно, следовательно, что все три описанные выше превосходные изделия составляют часть одного погребального комплекса серовского времени, одного и того же набора вещей, сопровождавших не дошедший до нас костяк неолитического человека.

П у н к т в т о р о й.

Согласно указаниям Е. М. Щербаковой, в 0.5 км выше устья р. Кежмы найдены были «копье, кости человека, скребок» и другие, не уцелевшие предметы. Скребок, о котором здесь говорится, представляет собой массивный грубый скол с гальки какой-то крупнокристаллической породы. Что же касается наконечника копья, то он в полной мере заслуживает внимания. Это длинный, на редкость сохранившийся белый и блестящий стержень, изготовленный из продольно расколотой трубчатой кости крупного животного, повидимому, лося. На одной стороне стержня хорошо виден поэтому довольно глубокий продольный жолоб, соответствующий внутренней пустоте трубчатой кости, заполненной костным мозгом, а в основании заметны следы внутренней губчатой структуры кости (рис. 4). Вдоль обеих сторон стержня имеются глубокие (до 0.6 см) пазы, в которые должны были вставляться отсутствующие сейчас каменные вкладыши лезвия. Пазы начинаются от самого основания наконечника и доходят до его верхней трети; их длина 20 см, остальная часть наконечника равна 12.5 см.

Самой характерной чертой описываемого наконечника является его массивность, его поперечное сечение, приближающееся к овалу, а у острия — к линзе. Такие массивные наконечники свойственны костяному инвентарю предшествующего серовскому времени исаковского этапа и позже не встречаются. Характерны также и общие очертания наконечника — длинное острие, слегка напоминающее птичий (конкретно, утиный) клюв, своеобразные плечики-уступы, отделяющие его от массивного тела наконечника, а также крупные размеры этого предмета, несомненно служившего боевым оружием древнего воина и охотника начальной поры развитого неолита Прибайкалья исаковского времени.¹

П у н к т т р е т и й.

В третьем пункте, в 3 км выше устья р. Кежмы, по данным Е. М. Щербаковой, оказалось костяное шило (рис. 5) и обломки костей.

Шило, о котором здесь идет речь, обычно для неолита и ранних этапов бронзового века Прибайкалья. Оно изготовлено из грифельной кости ноги лося. Впрочем, лучше было бы сказать, что здесь не орудие из кости лося, а скорее кость в ее естественном виде, с суставной головкой, использована в качестве орудия. Искусственной обработке подверглось лишь острие кости, слегка заточенное.

* *

*

Описанные предметы замечательны не только как превосходные образцы искусства и технического мастерства древних племен Прибайкалья, но и тем, что они расширяют наши представления о том времени в истории Сибири, к которому они относятся, о неолите Прибайкалья, тем, что они подтверждают ранее высказанные положения о закономерном развитии культуры и имевшей здесь место последовательной смене частных историко-культурных этапов.

Так, до сих пор в погребениях серовского времени на Ангаре, в этих ее районах, не было известно сланцевых тесел столь четко выраженных форм, какие встречались далеко восточнее, в районе Балаганска и Ир-

¹ А. П. Окладников. Археологические данные. . . стр. 247, рис. 3, 9.—
Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, рис. 31.

кутска. Теперь же у нас есть такие находки и в районе Кежмы, на далеком западе Прибайкалья.

Рис. 4. Наконечник копья (1/2 н. в.).

Рис. 5. Костяное шило (1/2 н. в.).

Мы не знали здесь еще столь отчетливо выраженных наконечников копий исаковского типа, какие были обнаружены на Востоке, в Поно-

маревском могильнике против устья р. Белой. У нас есть теперь такой наконечник и из западных районов Прибайкалья. Кроме того, к числу очень немногих пока памятников исаковского типа прибавилась еще одна новая точка на археологической карте.

Самое же существенное заключается в том, что новые находки обнаружены, примерно, на расстоянии 500 км ниже Братска и Заярска, где были исследованы крайние на западе Прибайкалья могильники с типично серовскими погребениями, и на таком же почти расстоянии от Пономаревского могильника на Ангаре вблизи устья р. Белой. Тем самым они вновь подтверждают факт распространения памятников исаковского и серовского типов на всем этом огромном пространстве. Это свидетельствует о единстве культуры и путей исторического развития местных неолитических племен в указанное время.

Следует пожелать поэтому, чтобы здесь, в глубине таежного Приангарья, ниже с. Братска, были вновь развернуты систематические исследования местного неолита, которые безусловно принесут науке еще немало интересных и принципиально важных фактов.

М. Ф. РОЗЕН

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНИХ ГОРНЫХ РАБОТАХ НА ЗМЕИНОГОРСКОМ РУДНИКЕ НА АЛТАЕ

Змеиногорский рудник, как и многие другие рудники на Алтае, был открыт по следам древних разработок, названных русскими, пришедшими сюда в начале XVIII в., «чудскими» разработками.

Кроме старых шурфов, шахт и разрезов, оставленных древними рудокопателями, на Змеиногорском руднике, как отмечает в своем сочинении Паллас¹ и как следует и из других источников, были найдены медные кирки и каменные молоты, а в одной из старых выработок были обнаружены скелет человека, раздавленного обвалом, и рядом с ним кожаный мешок с золотосодержащей охристой рудой.

В настоящее время мы располагаем еще некоторыми сведениями о древних работах на Змеиногорском руднике, полученными за последние годы.

Осенью 1948 г. и зимой 1949 г. при производстве горных работ на р. Змеевке, протекающей под склоном горы, на которой находится Змеиногорское месторождение, был вскрыт разрез с напластованиями (рис. 1). Обнаруженные в разрезе два слоя отходов толчения руд (слои А и Б), разделенные глинистым гумусовым слоем из зеленовато-серой глины, поставили перед нами вопрос о происхождении того и другого слоя.

На основании исторических планов и документов было известно, что в середине XVIII в. на месте разреза находилась толчейная фабрика, и не вызывало особых сомнений, что верхний слой (А) представляет хвосты толчения руды и относится к периоду работы этой толчеи. Вторым слоем (Б), находящимся на глубине около 4 м от поверхности и состоящим из дробленого золотосодержащего барита и дробленых охристых золотосодержащих руд, является, таким образом, более древним.

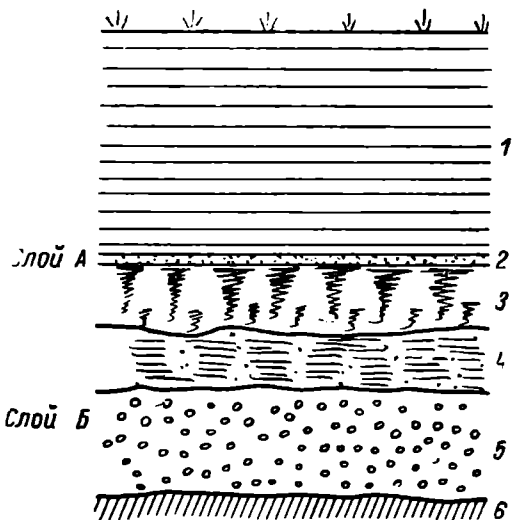

Рис. 1. Разрез с напластованиями у старой толчейной фабрики.

1 — 2.5 м, серый слоистый пл., отложенный р. Змеевкой; 2 — 0.1 м, хвосты от толчения руды старой толчейной фабрики; 3 — 0.7 м, черный гумусовый глинистый слой; 4 — 0.8 м, плотная зеленовато-серая глина; 5 — слой дробленой руды, мощностью 0.4—2.0 м; 6 — черный пл.

¹ Путешествия ч. II, кн. 2, 1786.

При дальнейших горных работах в этом нижнем слое дробленой руды было найдено 2 каменных молотка для дробления руды, 1 каменная плита, на которой дробилась и растиралась руда, и 2 круглых камня, с помощью которых растиралась руда на плите.

Размер первого найденного каменного молотка следующий: длина 130 мм, средний диаметр 55 мм, вес 930 г. Один конец молотка (боек) плоский, другой округлый. Поверхность камня хорошо обработана. Средняя часть молотка, с которой соприкасалось дерево ручки, отполи-

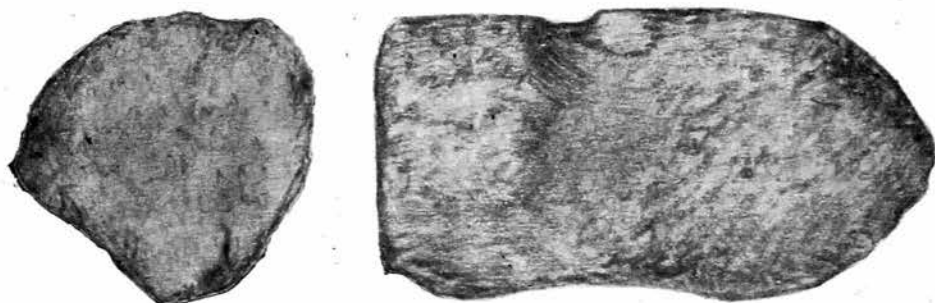

Рис. 2. Каменный молоток из слоя дробленой руды.

ровалась. Порода, из которой изготовлен молоток, очень твердая, цвет ее зеленовато-серый; похоже, что камень привозной (рис. 2).

Второй молоток сделан менее аккуратно. Форма его — неправильный параллелепипед. Поверхность обработана слабо. В верхней части камня

Рис. 3. Каменный молоток из слоя дробленой руды.

сделан небольшой желобок, шириной 20 мм и глубиной 5 мм, для закрепления деревянной ручки, которая, видимо, обхватывала камень.

Длина молотка 105 мм, высота 75 мм и ширина в среднем 50 мм, вес 892 г. Изготовлен молоток, как и первый, из очень прочного зеленовато-серого камня (рис. 3).

Интересна история этого молотка. Вместе с дробленой рудой, добытой из древнего слоя, он попал в чашу, в которой производилось измельчение руды с помощью вращающихся бегунов со стальными ободьями, весящими каждый около 2.5 т. Когда вместе с рудой молоток попал под бегуны, последние начали прыгать. Пришлось остановить чашу и произвести ее осмотр. Твердым предметом, который не могли раздавить бегуны, оказался каменный молоток. Порода, из которой сделан моло-

ток, настолько прочна, что полностью выдержала динамические удары набегающих бегунов.

Плита, на которой дробилась и истиралась руда, сделана из местного камня (порфирит). Размер плиты 30×40 см, толщина 8 см. На плите видно углубление, полученное в результате дробления руды. Похоже, что часть плиты была отломана, так как углубление на ней оказалось у края (рис. 4).

Первый круглый камень имеет форму шара. Этот камень из местного диабазы, как можно думать, служит для более тонкого растирания руды. Окружность шара 33 см. Вес 1575 г. У полюсов на шаровой поверхности заметна сглаженность, полученная от растирания руды; края средней части шара в трех местах несколько обтесаны, видимо, для удобства держания камня в руке.

Второй круглый камень также из диабазы и имеет форму неправильного эллипсоида. Нижняя поверхность его почти плоская, сглаженная.

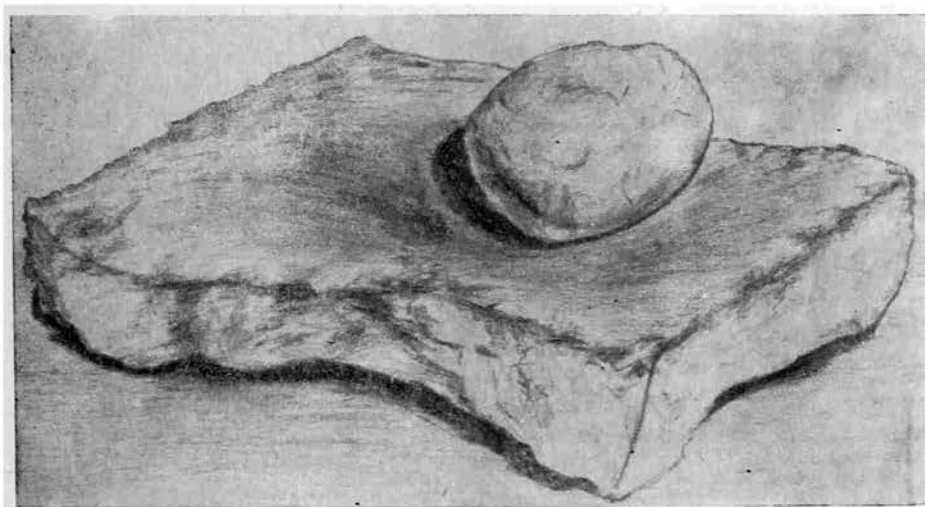

Рис. 4. Каменная плита и камень для истирания руды.

Видно, что она служила при растирании руды. Вес камня 2320 г (рис. 4).

Находки, обнаруженные в слое дробленой руды, и залегание этого слоя под наносами и отходами толчей XVIII в., без сомнения, указывают на то, что нижний слой относится ко времени древних («чудских») работ.

Процесс древней добычи представляется в следующем виде: руда добывалась преимущественно из верхних богатых участков месторождения и переносилась или перевозилась к речке Змеевке, где ее дробили каменными молотками. Крупное золото, вероятно, выбиралось вручную, а дробленая и истертая руда промывалась в ковшах или лотках, как это делают и теперь старатели; тут же в воде на речке и отмывалось свободное золото. Отходы дробленой руды складывались на берегу.

В упомянутом выше сочинении Палласа находим указание, что «между отверстием штольни Надежда и верхнею, ныне уже с сего места снятою молотильнею на Змеевке (т. е. толчей XVIII в., о которой была выше речь, — М. Р.), находится более нежели на сто сажен простирающаяся насыпь сих работ: из чего весьма ясно видно, что древние рудоискатели на сем месте вымывали, по возможности их, из охры и толченых мягких руд золотой шлик. А как сия насыпь нашлась ныне еще столько золота в себе содержащую, что можно опять снова ее переталкивать и вымы-

вать. , то большая уже оной часть перемыта, а остальная мало-помалу на сие же употребляется».¹

Но оказалось, что во времена Палласа перемыли еще не всю насыпь, и восточная ее часть, находившаяся под сооружением толчеи, построенной в середине XVIII в., тогда не была перемыта.

Сведения, приводимые Палласом, и наши наблюдения, указывающие что ширина древней насыпи толченых руд доходила до 15 м, позволяют судить о сравнительно крупных масштабах древней добычи золота.

Найденные каменные инструменты переданы на хранение Краевому музею в г. Барнауле.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

МОГИЛЬНИК БЛИЗ ШИРИН-САЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Когда в начале 1943 г. в Узбекской ССР, в районе г. Беговат, начались работы по созданию Фархадской гидроэлектростанции (ГЭС) — этого гиганта электрификации Средней Азии, перед соответствующими научными учреждениями Узбекистана встал вопрос об обеспечении археологическим надзором Фархадстроя. При большом объеме предстоящих земляных работ на достаточно обширной территории, особенно в связи с прорытием деривационного канала, допустимо было предвидеть возможность открытия памятников старины, значение которых нельзя недооценить, учитывая местоположение Фархадской ГЭС. Это район левобережья среднего течения Сыр-дарьи, расположенный на границе Ферганской долины и представляющий собой часть полосы предгорий Туркестанского хребта, которая в древности входила в состав земель области Усрушаны и никогда еще не являлась объектом археологического изучения.

Для предварительного ознакомления с местом строительства Фархадской ГЭС в марте 1943 г. Институтом языка, литературы и истории Узбекского филиала Академии Наук СССР (УзФАН) был командирован научный сотрудник В. Д. Жуков.

Обследовав в течение нескольких дней территорию строительных работ, В. Д. Жуков выяснил, что трасса деривационного канала прошла в одном пункте (недалеко от места строительства плотины) через древний могильник с погребениями, содержащими интересный вещественный инвентарь. Вместе с тем В. Д. Жуков установил, что у плотины, на левом берегу Сыр-дарьи, в полосу работ попадает обширное древнее поселение Мунчак-тепе.

УзФАН совместно с Ташкентской группой Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) решили немедленно направить специальную экспедицию для производства прежде всего раскопок могильника, зарегистрированного на деривационном канале. Попутно с этим экспедиции поручалось вести археологическое наблюдение на всей площади Фархадстроя. В состав названной Фархадской археологической экспедиции вошли следующие научные сотрудники ИИМК: В. Ф. Гайдукевич — руководитель экспедиции, М. М. Герасимов и М. З. Паничкина — сотрудники экспедиции.

По прибытии на Фархадстрой экспедиция произвела детальный осмотр всей зоны строительных работ к востоку и западу от Беговата. В дополнение к уже выявленным археологическим объектам было установлено, что в районе постройки ГЭС (западнее Беговата) находятся остатки

довольно обширного древнего поселения, расположенного на участке интенсивных земляных работ.

В результате наблюдения был собран археологический материал, характеризующий культуру указанного поселения.

Основное внимание экспедиция сосредоточила на древнем могильнике, где еще в феврале месяце было разрыто несколько могил. О раскопках могил на русле канала (глубина его достигала приблизительно $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ проектного профиля) свидетельствовали находки фрагментов древней керамики, а иногда и почти целых сосудов. Такие находки обнаруживали и в дамбах, насыпанных из земли, вынутой при рытье канала. Принадлежность этих предметов древним захоронениям убедительно подтверждалась обнаружившимися человеческими костями на значительной глубине от современной поверхности почвы в ряде мест как на боковых вертикальных стенках канала, так и на дне его.

К моменту прибытия экспедиции на месте древнего могильника земляные работы не велись. По указанию руководства Фархадстроя они были приостановлены до прибытия археологов. Учитывая научное значение могильника, строительство продолжало в дальнейшем работы на участке древнего могильника под наблюдением археологов и с учетом требований научной раскопной методики.

Могильник, обнаруженный на I участке строительства деривационного канала Фархадской ГЭС, расположен в 4,5 км восточнее Беговата, на левой стороне Сыр-дарьи, приблизительно в 400 м к югу от ее русла. Вблизи от могильника с западной стороны проходит Ширин-сай — пересыхающее русло одного из протоков р. Ак-су.¹ На расстоянии около 2 км к востоку от могильника, по другую сторону Сыр-дарьи, у излучины последней находятся легендарные скалы Фархад-тау² — отвесные прибрежные обрывы подходящих к Сыр-дарье отрогов Могол-тау, — у подножья которых велась постройка плотины Фархадской ГЭС.

Работа экспедиции по исследованию могильника производилась на 90-метровом отрезке канала, преимущественно в южной (точнее — юго-западной) его половине, где была выявлена главная сохранившаяся еще часть могильника (рис. 1). Некоторое количество погребений (10) было раскрыто путем лишь небольшого дополнительного снятия грунта на дне канала (последнее не являлось окончательным, поскольку канал подлежал в дальнейшем значительному углублению), при этом выяснилось, что кое-где предшествующими земляными работами, производившимися до прибытия экспедиции, уже достигнута глубина, совпадающая с уровнем залегания погребений, вследствие чего некоторые из них оказались в той или иной степени потревоженными.

Кроме исследования указанных могил, была произведена раскопка юго-западного борта канала. Тут была раскопана сплошная полоса, длиной 75 м, шириной 5 м. На этом пространстве обнаружено 17 погребений. Всего исследовано 28 погребений (одно из них оказалось у противоположного, северо-восточного борта канала).

¹ О характере ландшафта этого района дает хорошее представление снимок, опубликованный в книге З. Ф. Караваева «Голодная степь в ее прошлом и настоящем» [Пгр., 1914, таблица между стр. 32—33 (верхний рисунок)].

² Скалы Фархад-тау, известные также под названием Ширин-фархад, являются западной границей Ферганской долины. См.: А. А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде. ЗРГО, т. 4, СПб., 1871 (стр. 188—189: «Возвышенностью Ширин-фархад замыкается та часть плодородной и обильной водами, обработанной долины верхней Сыр-дарьи, которая еще в древности славилась своим плодородием и населенностью под именем счастливой Ферханы. Далее на запад от нее [т. е. от возвышенности, — В. Г.] идет возвышенная травянистая степь, на которой находятся зимовья узбеков»).

Большинство раскопанных Ширин-сая погребений представляет собой грунтовые ямные могилы. Наряду с этим, зарегистрировано несколько погребений, которые были совершены в могилах катакомбного типа. К сожалению, все они оказались уже разрушенными

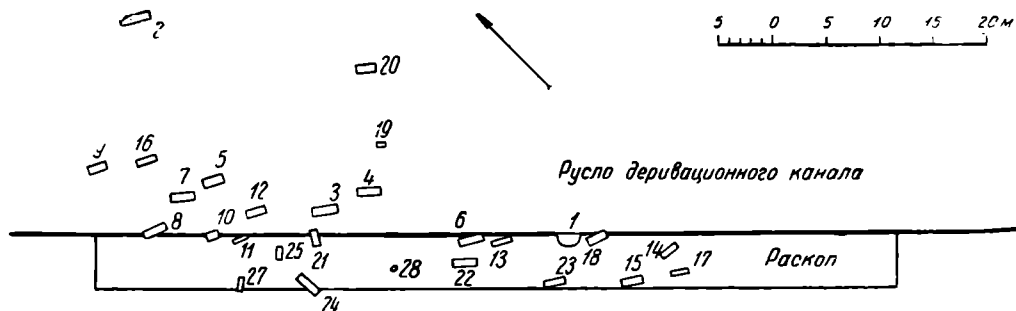

Рис. 1. План раскопанной части могильника близ Ширин-сая.

настолько, что нельзя было выяснить их устройство. Могилы были вырыты в мощном массиве лёсса. Во многих случаях выявить очертания могильных ям не представлялось возможным. Лишь в глубоких захоронениях, достигавших горизонта, где начинался переход лёссовых отложений

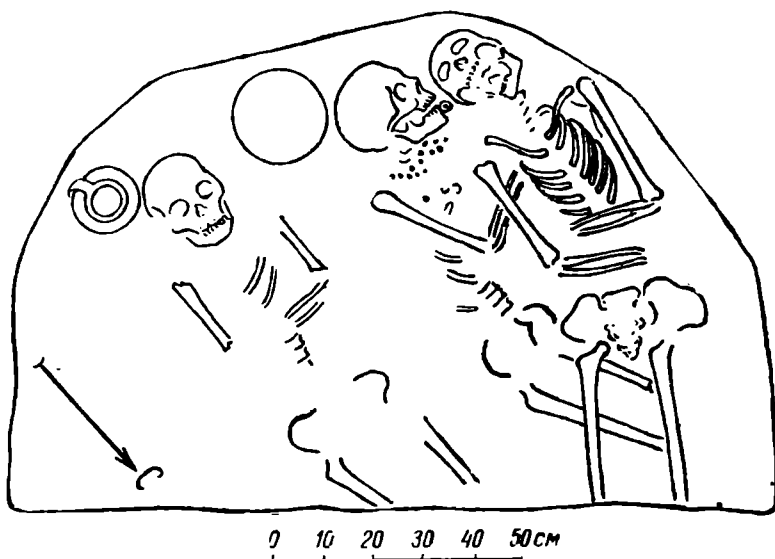

Рис. 2. Погребение № 1.

верхнего яруса в подстилающий их слой более интенсивно желтоватого цвета, контуры могильного пятна прослеживались отчетливо.

Как оказалось, некоторые могилы были разграблены в древности, при этом были похищены вещи, а попутно с этим разрушены и костяки погребенных.

Ниже мы даем краткое описание раскопанных погребений.

Погребение № 1 (рис. 2). Глубина 1.83 м.¹ Часть катакомбы

¹ При описании погребений приводятся те данные о размерах могил и их глубине, которые могли быть установлены в каждом отдельном случае. Не всегда удалось точно выяснить глубину, так как часть погребений обнаружена, как указывалось выше, на дне уже частично прорытого канала (был снят слой грунта в глубину до 3.50 м). Вместе с тем в ряде случаев отсутствие четких границ могильных ям делало невозможным определение их длины и ширины.

с тройным захоронением. Все костяки ¹ лежали головами на юг; нижние части ног срезаны при выемке грунта канала, борт которого пересек могилу. Значительная часть погребальной камеры (подбой) все же уцелела под незатронутой земляными работами насыпью.

Крайний (восточный) костяк (повидимому, женский) лежал на спине; возле черепа, по правую от него сторону стоял изящный глиняный одно-ручный кувшинчик, покрытый красным ангобом и украшенный четырьмя рельефными горизонтальными поясками, плечи орнаментированы тремя

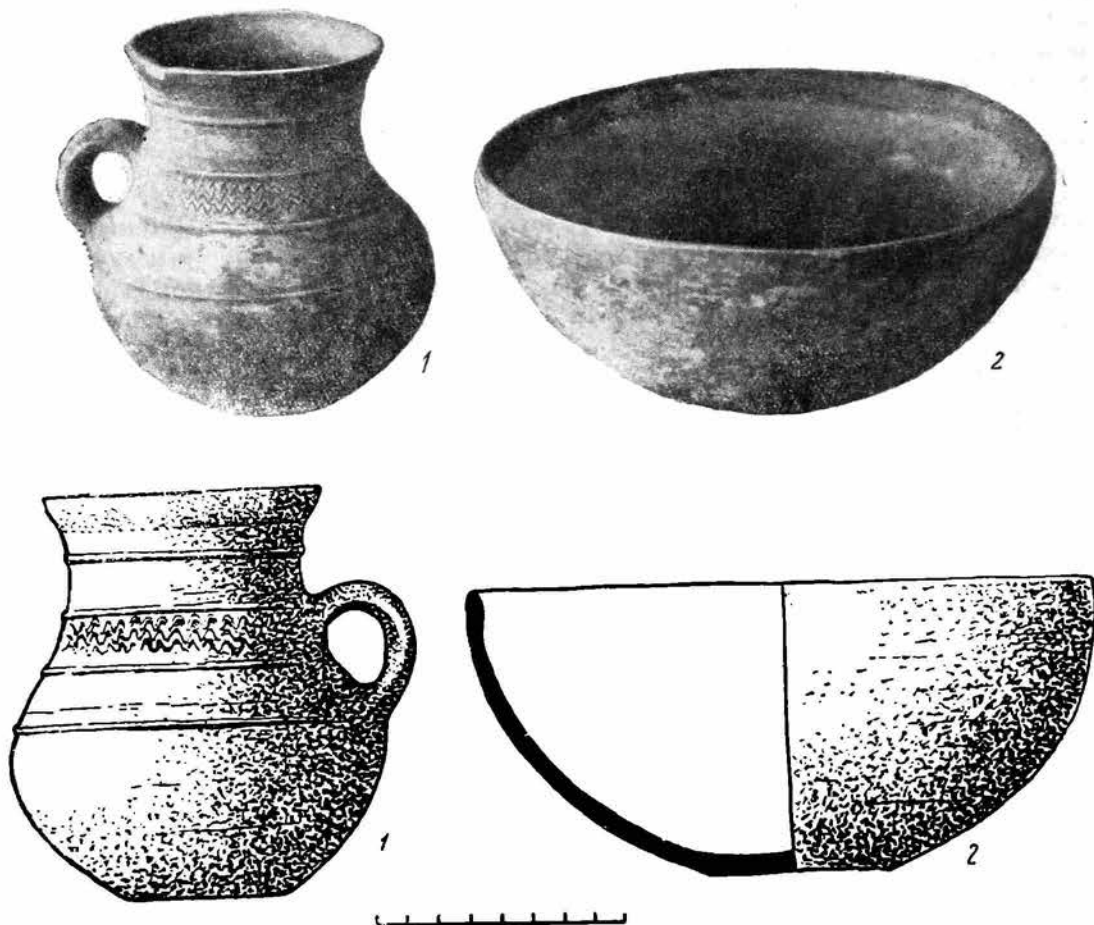

Рис. 3.

1, 2 — сосуды из погребения № 1 (вверху — фотографии, внизу — рисунки).

волнистыми углубленными линиями, исполненными еще по сырой глине, до обжига и до покрытия сосуда ангобом (рис. 3, 1). По левую сторону от черепа находилась глиняная, покрытая красным ангобом, чаша (рис. 3, 2).

Средний костяк (женский) лежал в скорченном положении. Под черепом его, возле рта, найдена китайская медная монета I в. н. э. (рис. 4).

¹ Принимавший участие в работах экспедиции М. М. Герасимов вел специальные наблюдения над костными остатками; в частности, им делались определения пола и возраста погребенных. В опубликованной недавно книге (М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949) даны описания черепов из некоторых погребений, раскопанных в 1943 г. у Ширин-сая (погребения №№ 1, 5, 7, 8, 23) и представлены реконструкции лиц (стр. 123-129).

На шее обнаружены бусы из белой стекловидной (пористой в изломе) массы в форме приплюснутых шариков, на которых сохранились следы позолоты; пастовые зеленого цвета — кубической (1) и биконической (2) формы; биконическая янтарная бусина (распалась); крупная шаровидная бусина из горного хрусталя; раковина «каури»; бронзовый бубенчик и пронизь в виде серебряной полый трубочки.

Третий костяк (мужской), при котором никаких вещей не оказалось, лежал на спине, частично перекрывая соседний костяк женщины, что особенно отчетливо было выражено в положении ног; бедренные кости крайнего костяка лежали сверху, поперек бедренных костей среднего костяка.

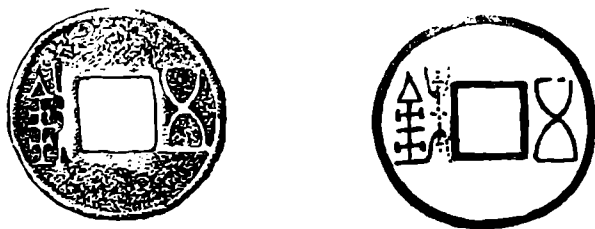

Рис. 4. Бронзовая китайская монета (лицевая сторона) из погребения № 1.

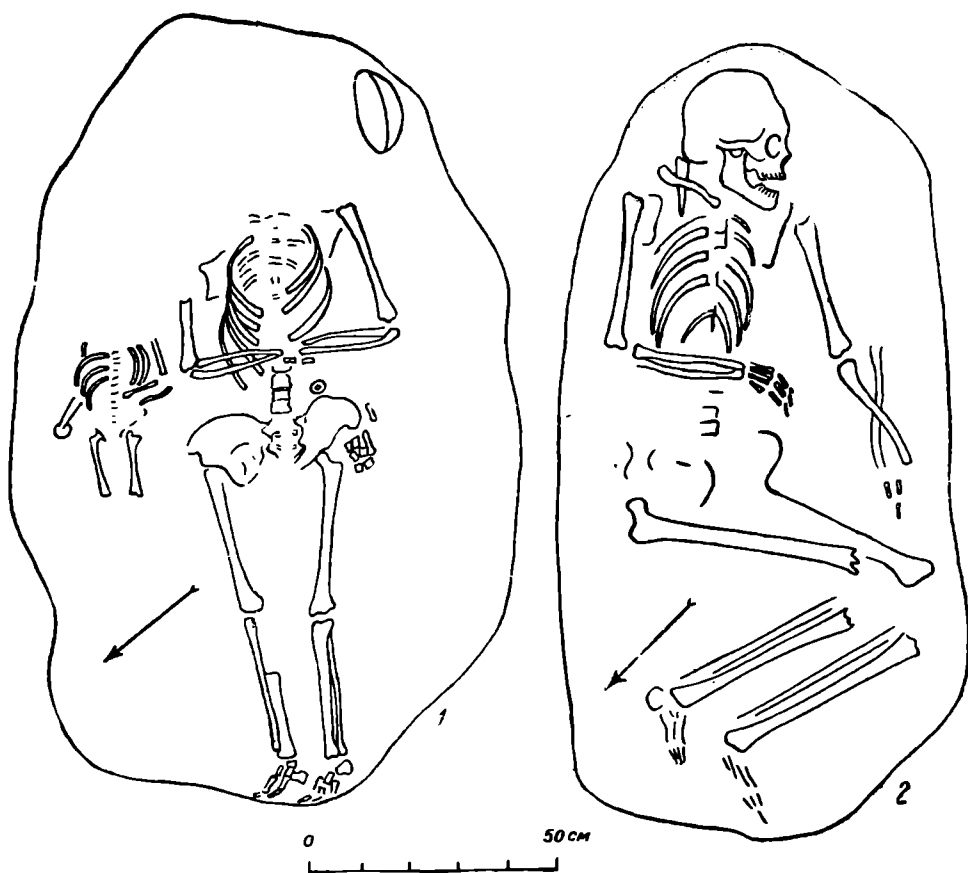

Рис. 5.

1 — погребение № 2; 2 — погребение № 5.

Погребение № 2 (рис. 5, 1). Длина 2.44 м, ширина 1.60 м, глубина 3.20 м. Двойное захоронение — взрослого (женщина) и ребенка. При земляных работах был задет костяк взрослого, вследствие чего последний оказался лишенным черепа.

Костяк взрослого лежал на спине, головой на ВЮВ; руки, согнутые в локтях, сложены на груди; правая нога согнута в коленном суставе и поставлена в приподнятом (коленом кверху) положении. Возле головы с южной стороны найдена глиняная чаша, покрытая красным ангобом, такого же типа, как и в погребении № 1. На уровне поясицы в левой части костяка, около таза лежало пряслице — глиняный диск (диаметр 3.7 см) со сквозным отверстием в центре (сделан из обломка сосуда, покрытого с одной стороны красным ангобом). В той же левой стороне возле таза найден распавшийся железный нож с короткой круглой костяной ручкой и оселок (длина 6.7 см), один конец которого заострен, а другой, утолщенный, имеет отверстие для подвешивания. Против левого тазобедренного сустава лежали бараньи кости: 6 астрагалов и 2 нижних эпифиза метоподии. Справа от костяка взрослого обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка, лежащий на спине. На правой его руке был надет бронзовый проволочный браслет (диаметр 4.4 см), у запястья на той же руке оказались бусы из стекловидной массы в виде параллелепипедов со срезанными углами. На дне могилы были заметны следы подстилки из травы.

Погребение № 3. Длина 2.20 м, ширина 0.80 м. Костяк (женский) лежал на спине, головой на ВЮВ, с вытянутыми вдоль туловища руками, часть черепа срезана кетменем при земляных работах. Рядом с плечевой костью левой руки в грунте сохранилось углубление — отпечаток дна стоявшего в могиле сосуда, извлеченного землекопами при выемке грунта (до работ экспедиции). Оказавшийся рядом с погребением № 3 на дне канала фрагментированный сосуд, будучи помещен в указанное углубление, точнейшим образом совпал с ним, подтверждая тем самым свою принадлежность погребению. Сосуд представляет собой плоскодонный горшок, покрытый белым ангобом и украшенный по тулову четырьмя врезанными горизонтальными линиями и одной волнистой, расположенной под ними.

Погребение № 4. Глубина 1.60 м. Костяк плохой сохранности, лежал на спине, головой на ВЮВ, руки вдоль туловища; некоторые кости сдвинуты, повидимому, грызунами. Возле черепа, по правую от него сторону, стояла глиняная чаша, покрытая красным ангобом (такого же типа, как в погребении № 1). Под нижней челюстью, на уровне шеи, найдены бусы: мелкие лигнитовые в форме цилиндриков и кружочков (94) и шаровидные сердоликовые (2). На безымянном пальце правой руки был железный перстень; такой же перстень, сильно коррозированный, оказался и на мизинце левой руки. У запястья левой руки обнаружено 8 бус из стекловидной массы, имеющих форму продолговатых параллелепипедов со срезанными углами (такие же, как в погребении № 2). Чуть выше коленного сустава правой ноги лежал плоскодонный глиняный горшок, поверхность которого покрыта светлой обмазкой, плечи украшены двумя волнистыми углубленными линиями.

Погребение № 5. Длина 1.28 м, ширина 1.32 м, глубина 1.70 м. Повидимому, остатки разрушенной катакомбы. Костяк лежал на левом боку в скорченном положении, головой на ВЮВ (рис. 5, 2). В могиле найден глиняный плоскодонный кувшин с ручкой (рис. 6, 1), плечи украшены горизонтальными линиями, прочерченными по сырой глине; верхняя часть кувшина была покрыта красно-бурым ангобом, нанесенным небрежно и расплывшимся потеками по нижней части тулова (сохранились лишь небольшие следы). Рядом с кувшином оказалась глиняная чаша со следами коричневатого ангоба, перекрывавшего слой ангоба белого, с желтовато-розоватым оттенком (рис. 6, 2). Оба сосуда расположены на расстоянии 40—50 см от костяка; они находились

на несколько более высоком уровне, чем костяк, поскольку к северу от него в могиле была образована небольшая приподнятая площадка («приступка»).

Погребение № 6. Глубина 2.40 м. Костяк (мужской) лежал на спине, головой на ВЮВ, руки вытянуты по обеим сторонам туловища. В южном углу могилы, т. е. по левую сторону головы, стоял плоскодонный горшок без украшений, лишь на плечах сделан небольшой уступ, как бы ограничивающий горло сосуда (рис. 7, 1).

В нижней части грудной клетки — и справа и слева — найдены бесформенные куски железных предметов, настолько разрушившихся, что назначение их определить невозможно.

Погребение № 7. Глубина 1.80 м. Северо-западный конец могилы скрыт при земляных работах, при этом были уничтожены нижние части ног костяка. Костяк лежал на спине головой на ВЮВ, левая рука вытянута вдоль туловища, правая — согнута в локте и положена на нижнюю часть грудной клетки. За черепом стоял глиняный плоскодонный горшок, покрытый снаружи светлой обмазкой, плечи его украшены углубленной волнистой линией между двумя горизонтальными прямыми линиями (рис. 8, 1). Рядом с горшком стояла глиняная чашка, покрытая темнокрасным, малиновым ангобом, нанесенным по белой обмазке (рис. 8, 2). В отличие от обычного типа глиняных чаш, встречающихся в погребениях данного могильника и имеющих гладкое, плоское дно, чаша из погребения № 7 снабжена кольцевидной подставкой.

Погребение № 8 (рис. 9, 1). Длина 2.50 м, ширина 1.02 м, глубина 1.90 м. Костяк (женский) лежал на спине, головой на ВЮВ, левая рука вытянута книзу, правая согнута в локте, кисть правой руки была положена на нижнюю часть грудной клетки; ноги в коленях сближены вплотную. На месте шеи найдено много бус: бисер из стекла светло-зеленого цвета (63), из лигнита (13), мелкие бусы из стекловидной массы (22), лигнитовые в виде цилиндриков и кружочков (104), темносиние стеклянные биконические (3), пастовые белые в виде миниатюрных трубочек (8), шаровидная сердоликовая бусина (1), пастовая кубической формы (1), продолговатая стеклянная, усеянная шпичечками (рис. 10, 1).

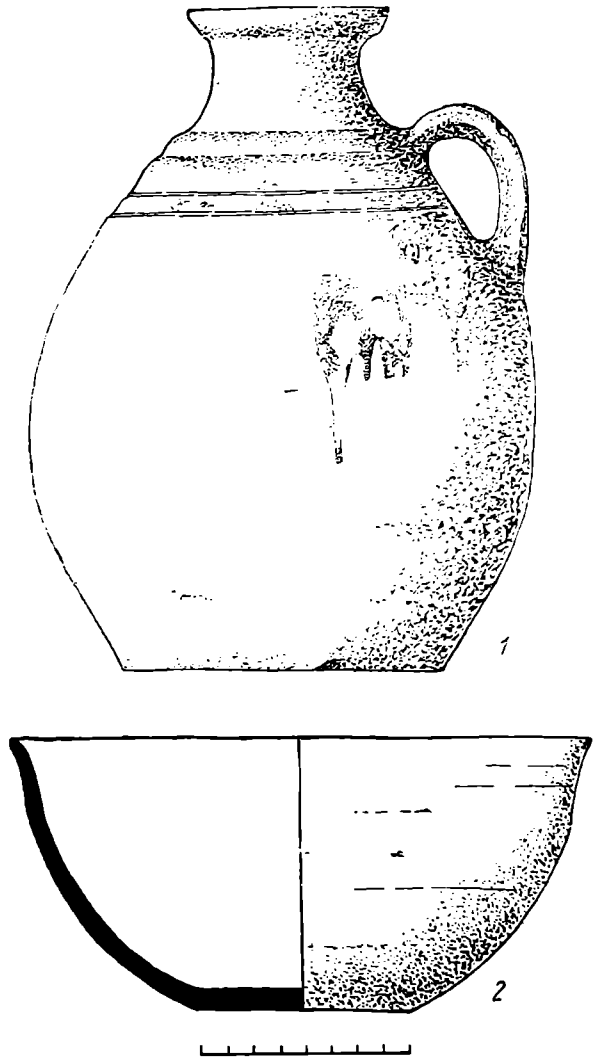

Рис. 6.

1, 2 — сосуды из погребения № 5.

У локтевого сустава левой руки лежал бронзовый перстень (рис. 10, 2), расширяющийся спереди и имеющий круглое углубление; повидимому, перстень находился на кисти правой руки. Под крестцом костька лежали пастовая бусина и бронзовый колокольчик (высота 3.2 см) в форме четырехгранной пирамидки с ушком для подвешивания (рис. 10, 3); каждая боковая плоскость колокольчика украшена 5 выгравированными

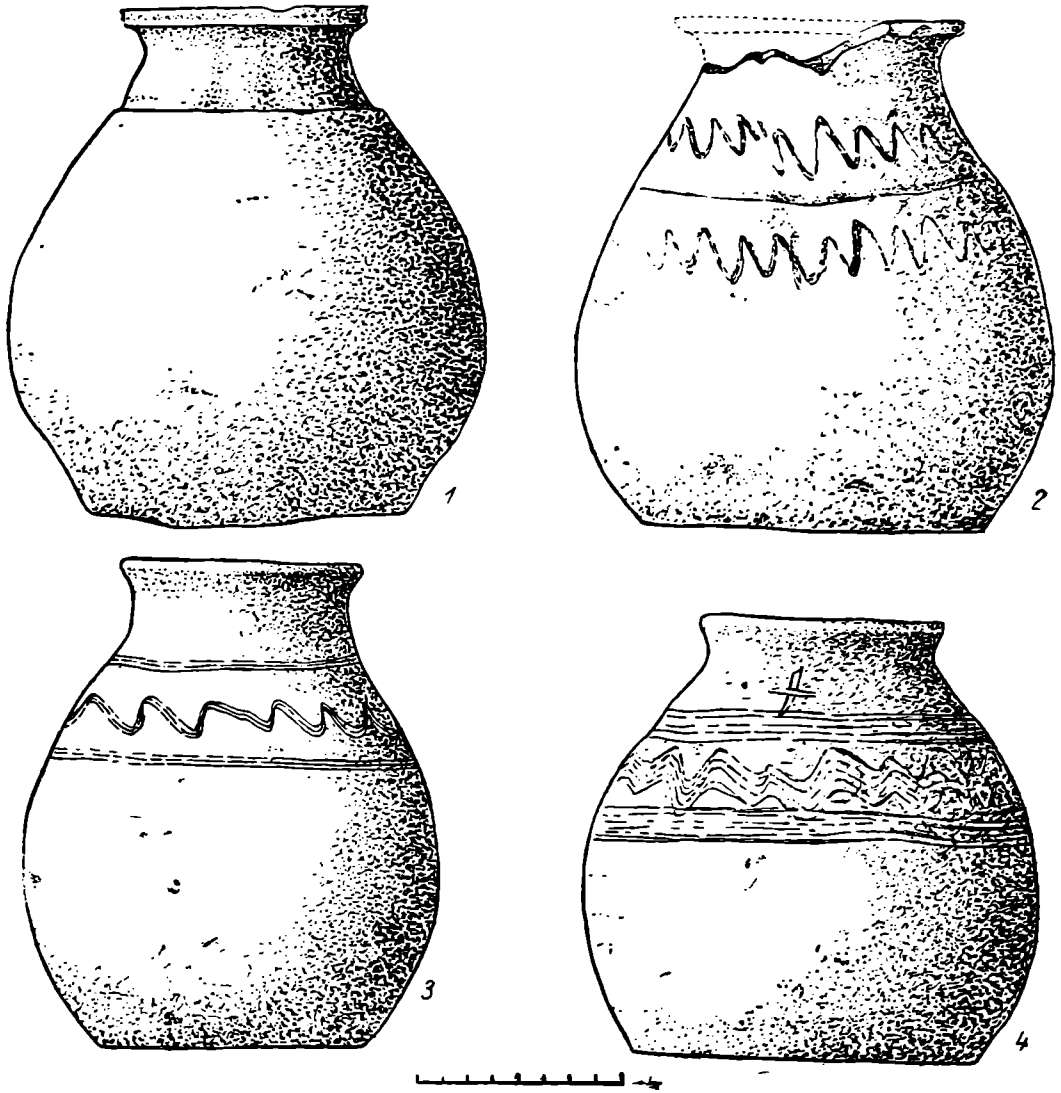

Рис. 7. Сосуды.

1 — из погребения № 6; 2 — из погребения № 10; 3 — из погребения № 11; 4 — из погребения № 12.

линейными кружочками с точкой в центре; нижний край орнаментирован зигзагами (место находки колокольчика позволяет считать, что он, возможно, был прикреплен к костьке).

На уровне нижней части грудной клетки в левой стороне костька найдены сгруппированными в одно место следующие предметы: крупная продолговатая (длина 4.5 см) утолщающаяся посередине пронизь из черного роговика (рис. 10, 4), подвеска в форме пирамидки (высота 2.4 см) из черного с зелеными вкраплениями змеевика (серпентин)

(рис. 10, 5), плоская округлая пронизь из черного змеевика (рис. 10, 6), пастовые бусы (3), круглая фаянсовая (?) бусина с вертикальными желобками снаружи, в которых сохранились следы яркоголубой краски; боченкообразная бусина из агата (рис. 10, 7), сердоликовая пронизь, имеющая форму кососрезанного цилиндрика (рис. 10, 8).

Под всеми перечисленными украшениями находилась бронзовая цилиндрическая трубочка (длина 4.8 см), внутри полая; одному ее концу (закрытому) придана шаровидная форма; другой конец открытый; внутри трубки и у ее открытого конца — следы железа; на трубке снаружи заметны следы ткани. Поверх же поименованной группы мелких вещей лежали бесформенные куски какого-то железного предмета, совершенно испорченного коррозией, повидимому, это был нож; не исключено, что вышеописанная бронзовая трубочка являлась рукояткой ножа (рис. 10, 9).

Погребение № 9 (рис. 9, 2). Длина 1.80 м, ширина 0.54—0.90 м, глубина 1.95 м. Костяк лежал на спине, головой на ВЮВ, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и направлена кистью к верхней части грудной клетки. Возле правой плечевой кости стоял плоскодонный глиняный горшок без украшений, покрытый белым ангобом.

Погребение № 10, разрушенное и разграбленное в древности. Глубина 1.60 м. На дне могильной ямы сохранились беспорядочно разбросанные отдельные кости. Поверх фрагмента нижней челюсти лежал на боку фрагментированный плоскодонный глиняный горшок (отбита часть горла), покрытый снаружи светлой обмазкой; горшок украшен двумя слабо заметными, небрежно сделанными углубленными волнистыми линиями — одна на плечиках, другая на тулове, в промежутке же между ними — горизонтальная линия (рис. 7, 2).

Погребение № 11. Глубина 1.85 м. Костяк, очень сильно истлевший, лежал на спине, головой на ВЮВ; возле головы стоял глиняный плоскодонный горшок, покрытый белым ангобом и украшенный волнистым орнаментом («волна» состоит из трех вдавленных линий), занимающим среднюю часть поля, органического сверху и снизу горизонтальными линиями (рис. 7, 3).

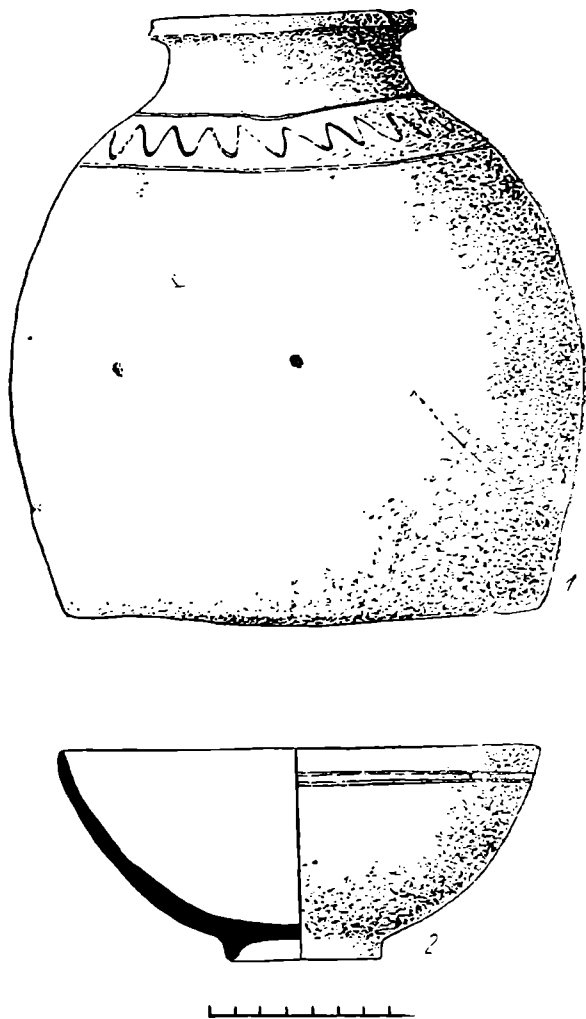

Рис. 8.

1, 2 — сосуды из погребения № 7.

Погребение № 12, разграбленное в древности. Глубина 1.90 м. В грунте, заполнявшем могилу на 25 см выше костяка, над правым его плечом, был найден лежащий на боку глиняный горшок со следами белого ангоба, плечи украшены врезанным гребенчатым орнаментом, заключенным между двумя поясами горизонтальных линий, под горлом с одной стороны врезанный крестообразный знак (рис. 7, 4). Указанное местонахождение сосуда (кстати отметим, что в заполнявшей сосуд земле обнаружены фаланги пальцев руки!) объясняется разграбленностью погребения. Костяк лежал на спине, головой на ВЮВ, верхняя часть черепа обнаружена в вертикальном положении, нижняя челюсть была

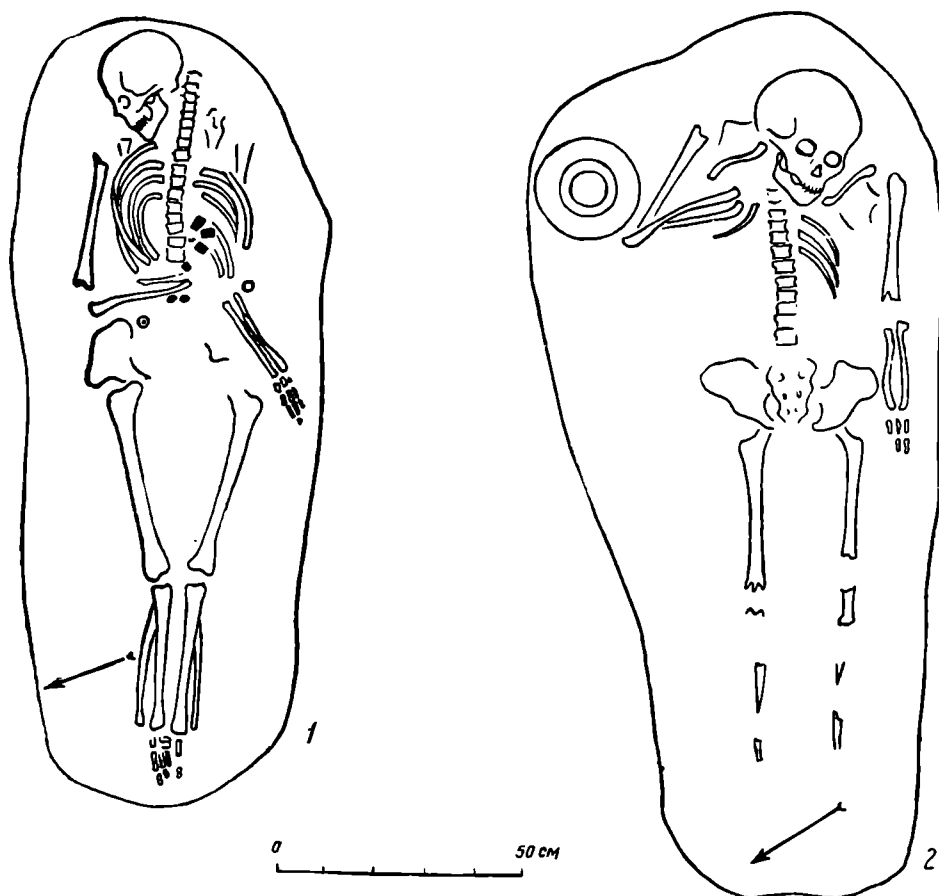

Рис. 9.

1 — погребение № 8; 2 — погребение № 9.

in situ; уцелело несколько шейных и спинных позвонков, тазовые кости не сохранились, кости ног оказались на месте. Под нижней челюстью найдена маленькая бусина из синего стекла и стеклянная же бусина в виде пары соединенных шариков. На уровне груди найдены: 2 крупные продолговатые стеклянные бусины (стекло темное коричнево-зеленоватое) с инкрустированными полосками из стекла молочного цвета, 1 шаровидная бусина из стекловидной пасты голубого цвета с инкрустированными темносиними кусочками стекла, обрамленными желтой каймой. В области поясицы оказалось 9 крупных шаровидных лигнитовых бус и 1 бронзовый бубенчик с проволочным петлеобразным ушком для подвешивания.

Погребение № 13. Глубина 1.80 м. Костяк плохой сохранности, лежал на спине, головой на ВЮВ; правая рука согнута в локте

и нижней своей частью лежала, очевидно, на грудной клетке; левая рука, тоже согнутая в локте, была обращена к голове так, что кисть находилась непосредственно около черепа. Таз смещен, левая его половина обнаружена у коленного сустава левой ноги. Повидимому, при погребении ноги покойника были согнуты в коленях и поставлены в приподнятом (коленями кверху) положении. При последующем распаде трупа кости ног, вследствие их вышеуказанного положения, оказались

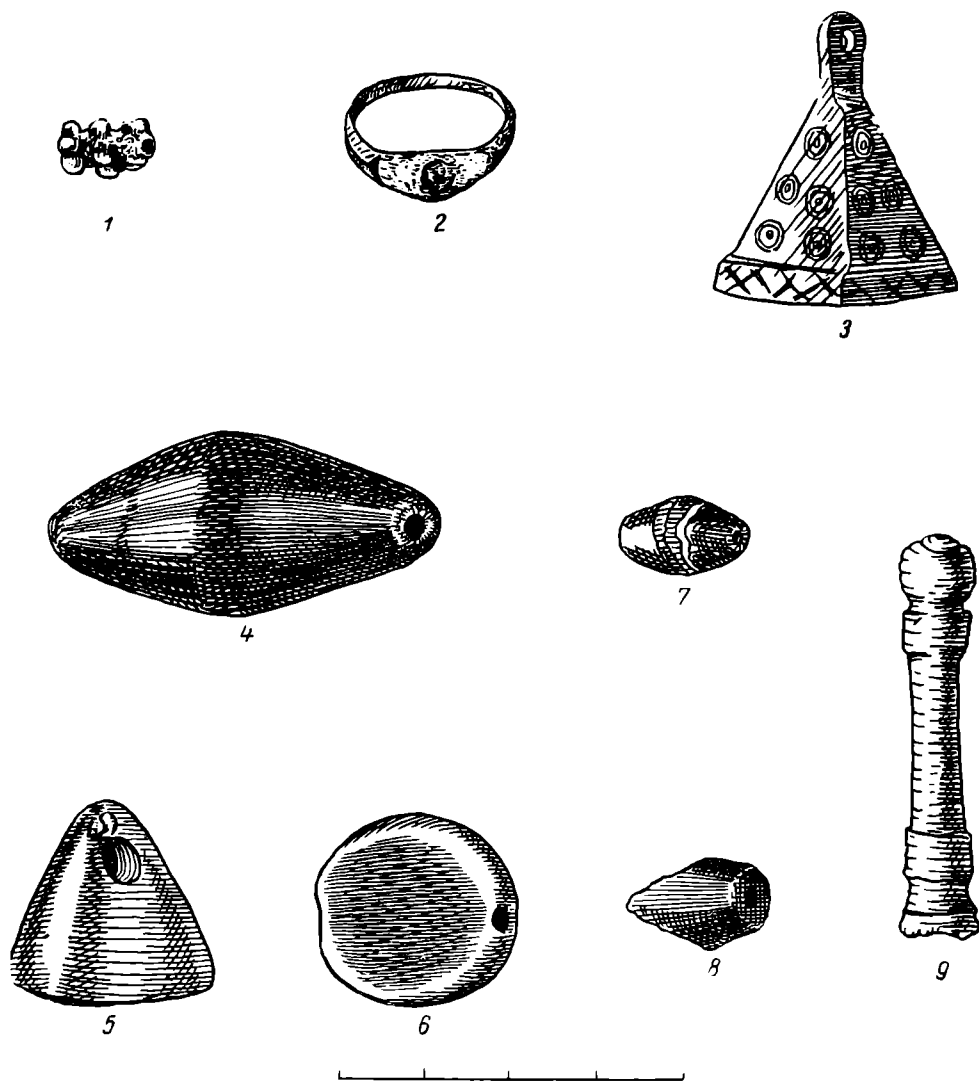

Рис 10. Вещи из погребения № 8.

1 — стеклянная бусина; 2 — бронзовый перстень; 3 — бронзовый колокольчик; 4 — пронызь из роговика; 5 — подвеска из змеевика; 6 — пронызь из змеевика; 7 — бусина из агата; 8 — бусина из сердолика; 9 — бронзовая рукоятка ножа (?).

лежащими так, что левая голень перекрывается сверху левым же бедром. Тем же обстоятельством объясняется и косое направление обеих бедренных костей. Между коленями лежал плоскодонный глиняный горшок; возле правого бедра справа от костяка найдена глиняная чаша.

Погребение № 14. Длина 2.20 м, ширина 0.90—1.25 м, глубина 1.75 м. Костяк представлен едва заметными признаками истлевших костей, из которых все же можно было выяснить, что погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на ВЮВ. Возле левой голени стояло большое глиняное блюдо (диаметр 31 см) на трех ножках, покрытое

темнокрасным ангобом (рис. 11, 2); близ верхнего края блюда с одной стороны имеется 2 маленьких сквозных отверстия; на блюде лежали кости нижней челюсти собаки.

Рядом с блюдом, на расстоянии 20 см от костяка, против левого колена, найден другой глиняный сосуд в форме фляги (рис. 11, 1); одна из сторон ее выпуклая, другая — плоская; выпуклая сторона украшена спиралевидной линией, прочерченной по мягкой глине; поверхность фляги покрыта белым (желтоватым) ангобом, по которому был нанесен красный ангоб, сохранившийся лишь небольшими пятнами.

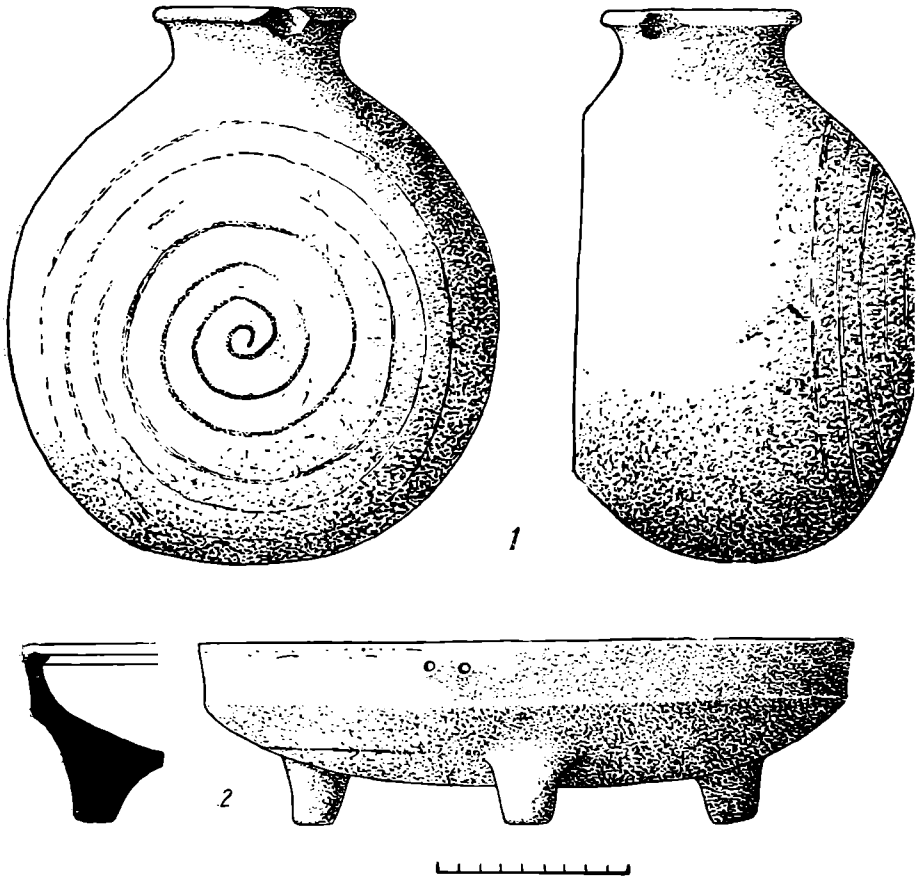

Рис. 11.

1, 2 — сосуды из погребения № 14.

Погребение № 15 (рис. 12, 1). Длина 1.66 м, ширина 0.85 м, глубина 1.60 м. Костяк с деформированным черепом лежал в скорченном положении на левом боку, головой на ВЮВ; левая рука вытянута книзу по направлению к коленям, правая согнута в локте и нижней своей частью положена поперек туловища; близ черепа у правой ключицы найден оселок (?) из серого песчаника с заостренным одним концом и утолщенным другим, причем последний снабжен сквозным отверстием. Под черепом оказались 2 стеклянные бусы — одна круглая шаровидная, другая удлинённой формы. Около кисти правой руки найдена продолговатая пастовая бусина (рассыпалась).

Погребение № 16, разрушенное; костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на ВЮВ.

Погребение № 17, разрушенное; костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на ВЮВ. Уцелел череп, часть груд-

ной клетки и левая плечевая кость. За спиной костяка, прикасаясь к ребрам, стоял глиняный плоскодонный горшок грубой лепной работы, со следами белого ангоба.

Погребение № 18, совершенно разрушенное.

Погребение № 19, разрушенное. Уцелели только кости ног; по ним можно заключить, что костяк, повидимому, лежал в скорченном положении, головой на ВЮВ (?).

Погребение № 20, разрушенное. По слабо сохранившимся остаткам можно заключить, что костяк лежал в скорченном положении головой на ВЮВ (?).

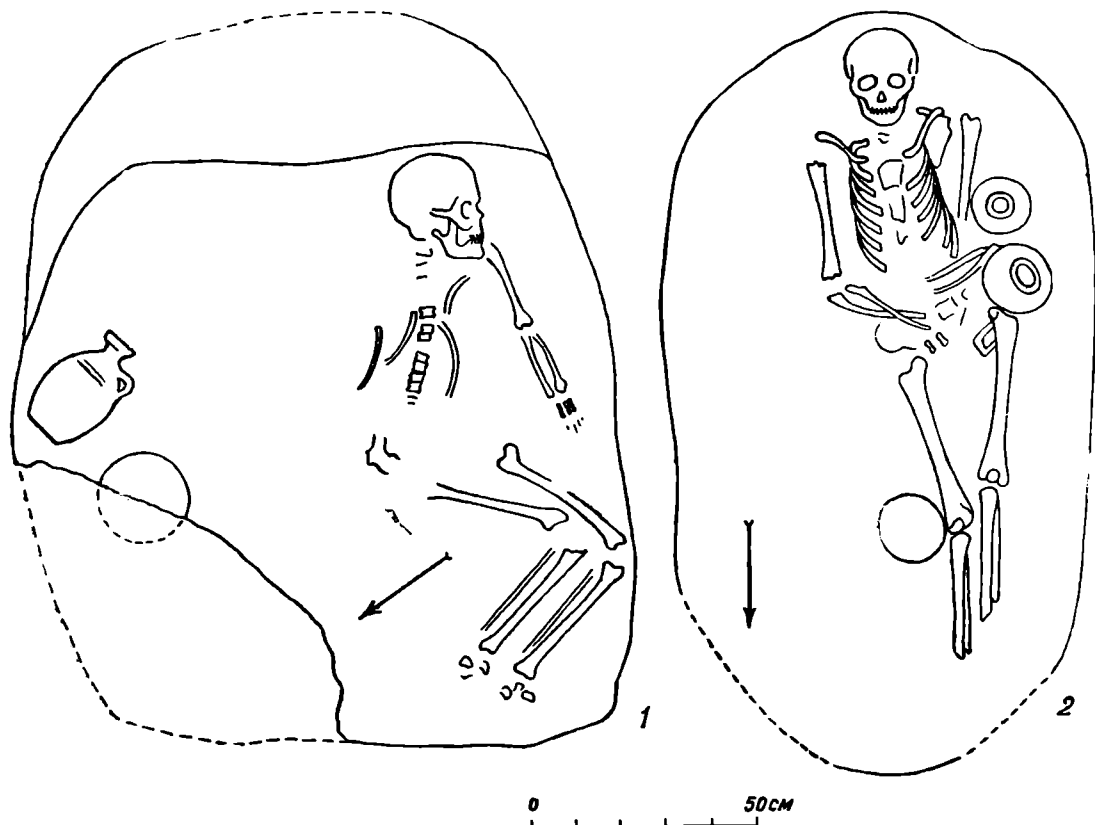

Рис. 12.

1 — погребение № 15; 2 — погребение № 24.

Погребение № 21 (частично повреждено земляными работами). Длина 1.18 м, ширина 0.68—0.84 м. Детский костяк, очень плохой сохранности лежал в скорченном положении на левом боку, головой на ССВ; сохранился череп, несколько позвонков, локтевая и лучевая кости правой руки, кости правой голени. За черепом в северо-западном углу могилы лежал фрагментированный глиняный плоскодонный кувшин, покрытый снаружи светлой обмазкой; ручка, снабженная двумя круглыми просветами, скульптурно оформлена — она изображает кабана (рис. 13, 1).

Погребение № 22. Длина 2.10 м, ширина 0.78 м, глубина 3.30 м. Костяк (потревоженный) лежал на спине в вытянутом положении, головой на ВЮВ. Череп обнаружен на правой бедренной кости близ таза, большая берцовая кость лежала поперек правой бедренной, нижняя челюсть найдена лежащей на левой лопатке. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая — согнута в локте, кисть ее находилась на нижней части грудной клетки. В юго-восточном конце могилы

найден опрокинутый набор глиняный плоскодонный горшок, очевидно стоявший у головы погребенного.

Погребение № 23. Глубина 3 м. Костяк лежал на спине, головой на ЗСЗ; обе руки согнуты в локтях, и кисти рук находились на животе. По левую сторону костяка, возле коленного сустава, найден в лежачем положении глиняный плоскодонный горшок без украшений (рис. 13, 2).

Погребение № 24 (рис. 12, 2). Длина 2.50 м, ширина 1.40 м, глубина 2.40 м. Костяк лежал на спине, головой на Ю с незначительным отклонением к В; конечности рук покоились на животе; ноги в коленях сближены вплотную; ступени ног не сохранились. У локтя левой руки стоял глиняный плоскодонный толстостенный лепной горшок (рис. 13, 3); чуть ниже, с той же стороны, примыкая к тазу, стоял другой горшок несколько больших размеров. Возле колена правой ноги находилась глиняная чаша (рис. 13, 4), покрытая коричневато-красным ангобом (сохранились следы).

Погребение № 25. Длина 1.25 м, ширина 0.86 м, глубина 2 м. Детский костяк, очень плохой сохранности, лежал на правом боку в скорченном положении, головой на В с незначительным лишь отклонением к СВ. Перед лицевой частью черепа стоял глиняный плоскодонный, покрытый белым ангобом горшок, украшенный двумя углубленными волнистыми линиями, разделенными горизонтальным очень неровно прочерченным пояском (рис. 13, 5), а несколько ниже была обнаружена глиняная чашка со следами красного ангоба.

Погребение № 26 (обнаружено на противоположной стороне у северного борта канала на расстоянии около 60 м от южного борта). Длина 1.50 м, ширина 1.02 м, глубина 2.25 м. Костяк лежал на спине, головой на В; сильно согнутые ноги выступают коленями влево от костяка, т. е. в южную сторону; кисти рук найдены в области таза; следовательно, они покоились на нижней части живота. По правую сторону черепа обнаружен глиняный горшок, покрытый белым ангобом (рис. 13, 6).

Погребение № 27. Глубина 2.60 м. Костяк скорченный, лежал на левом боку, головой на СВ. Сверху на костяке, приблизительно над тазом, стоял глиняный горшок (рис. 14), плечи которого украшены двумя врезанными волнистыми линиями, разделенными одной прямой горизонтальной. Рядом с горшком, над коленом левой ноги, найдена глиняная лепная чаша, покрытая красным ангобом, небрежно, асимметрично сформованная, дно со вздутием (рис. 15, 1).

Погребение (?) № 28. На глубине 2.50 м найдена глиняная чаша, покрытая красным ангобом (рис. 15, 3); в чаше лежал глиняный кувшинчик (рис. 15, 2), ручка которого имеет направленный кверху выступ, оформленный в виде головы животного; при всей схематичности изображения в нем все же можно распознать черты овцы. Плечи кувшинчика украшены небрежно исполненной врезанной волнистой линией, горизонтально обтекающей сосуд.

Никаких признаков захоронения около поименованных предметов не обнаружено; весьма возможно, что плохо сохранившиеся следы костяка были не замечены и срыты землекопами.

Во время продолжавшейся после отъезда экспедиции разработки канала на северной его стороне (недалеко от места, где найдено было погребение № 26) землекопы наткнулись еще на два погребения, содержавшие по одному костяку и по два сосуда, которые в фрагментированном виде поступили в нашу коллекцию находок. Ввиду их характерности для керамики данного могильника, мы даем ниже описание этих сосудов.

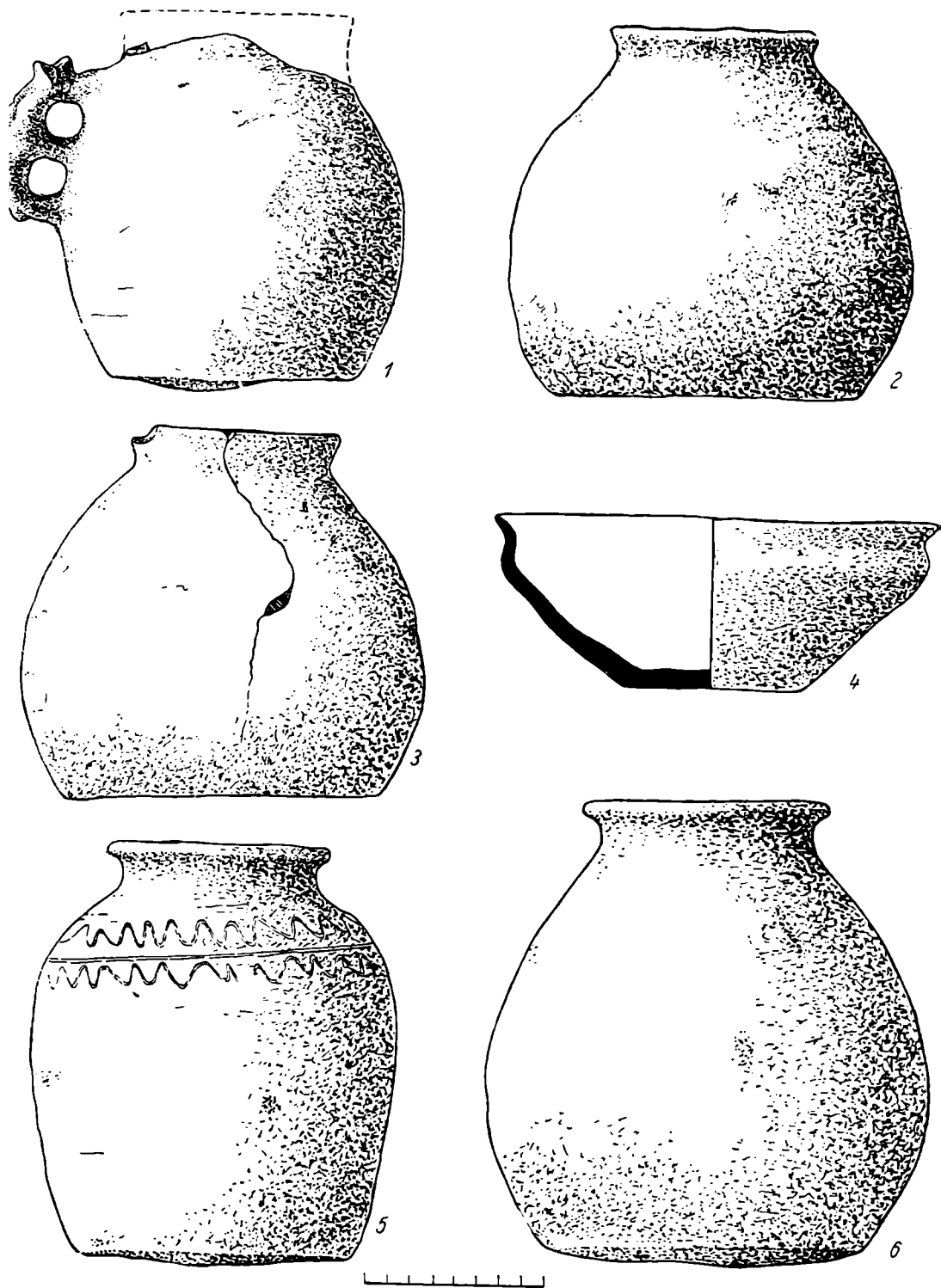

Рис. 13. Сосуды.

1 — из погребения № 21; 2 — из погребения № 23; 3, 4 — из погребения № 24; 5 — из погребения № 25; 6 — из погребения № 26.

Рис. 14. Сосуд из погребения № 27.

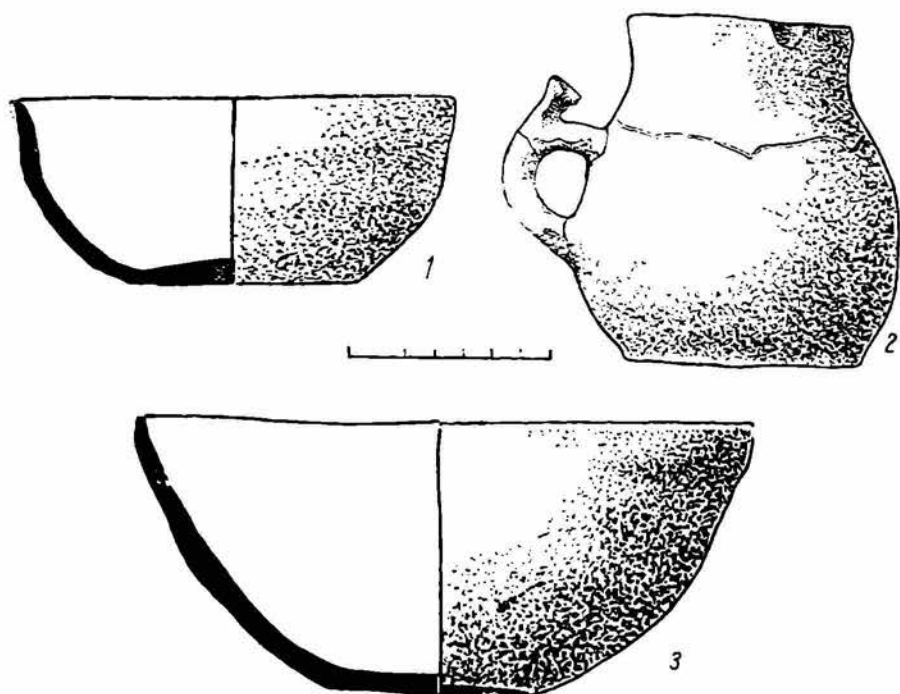

Рис. 15. Сосуды.

1—из погребения № 27; 2—3 из погребения № 28.

1. Горшок лепной, плоскодонный (рис. 16, 1), из бледной красно-бурой глины, содержащей много мелких частиц известняка; формовка отличается тщательностью, толщина стенок сосуда 0.7—0.4 см; снаружи покрыт белым ангобом, имеющим легкий оливковый оттенок. Высота 18 см, диаметр горла 9.8 см, диаметр дна 13.8 см.

2. Горшок лепной (рис. 16, 2), плоскодонный, из коричневатато-красной глины, содержащей много мелких крупинок известняка и большое коли-

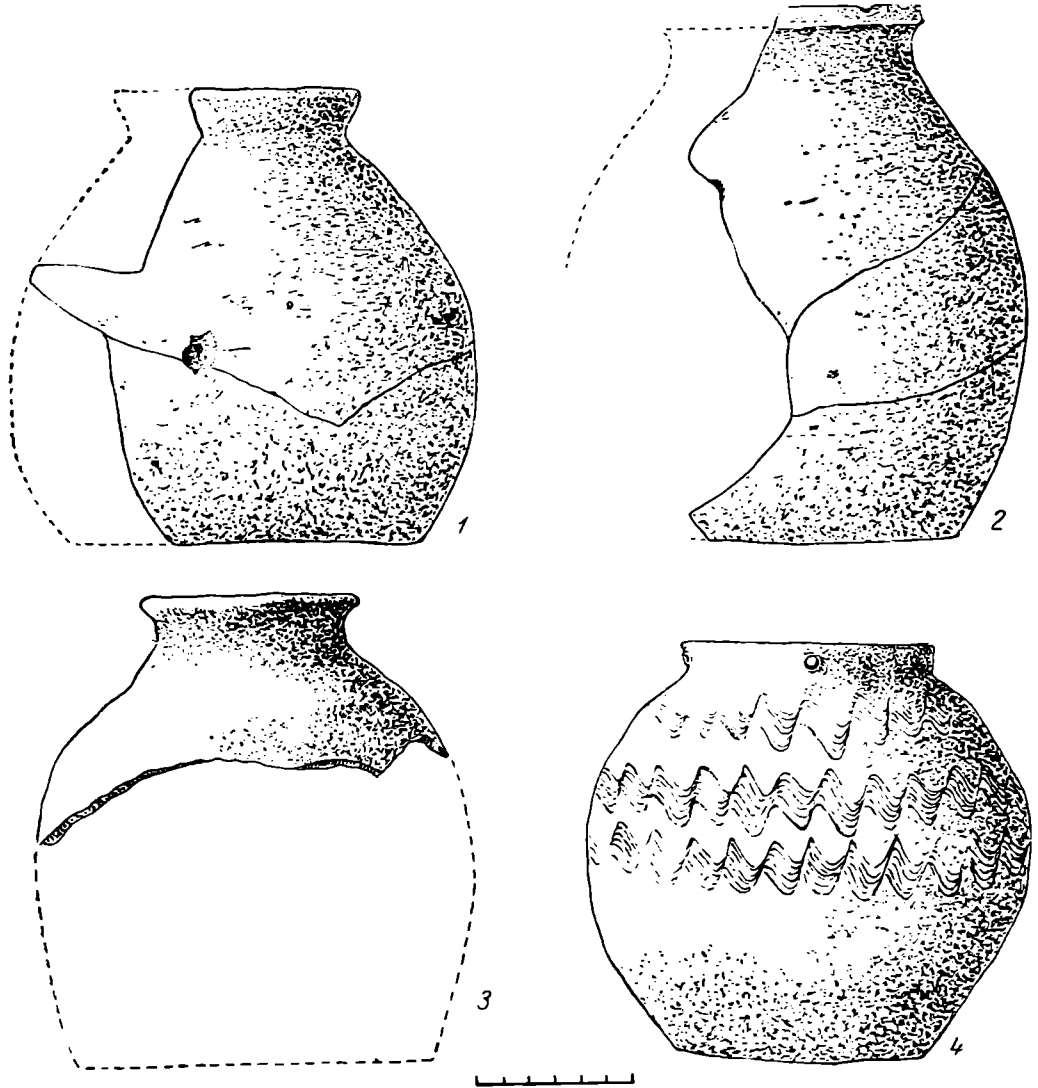

Рис. 16.

1—4 — сосуды из разрушенных погребений.

чество блесток слюды (толщина стенок 7—8 см); плоское дно, неровное, несколько выпучено в центре, вследствие чего сосуд не вполне устойчив; венчик имеет заостренный край и слегка наклоненный срез снаружи. Высота 21 см, диаметр горла 10 см, диаметр дна 10 см.

3. Горшок лепной (рис. 16, 3), плоскодонный (уцелело несколько обломков), значительно более грубой выделки, чем предыдущие сосуды; небрежность формовки выражается как в значительных неровностях стенок, многочисленности вмятин, так и в неправильности окружности горла; глина бледнобурая (близка по цвету и качеству сосуду № 1); снаружи горшок покрыт белым, со слегка зеленоватым оттенком, ангобом.

Как видно из приведенного выше описания погребений, у древнего населения, которому принадлежал могильник, расположенный близ Ширин-сая, существовали одновременно два основных погребальных обряда: одни хоронили покойников, кладя их на спину в вытянутом положении; другие клали погребаемый труп в скорченном положении на боку (преимущественно на левом), с поджатыми ногами. Погребения в скорченном положении количественно составляют довольно большой процент: примерно 25% раскопанных могил содержали скорченные костяки.

Своеобразным погребальным обрядом, занимающим как бы промежуточное положение между двумя вышеуказанными, являлся такой способ погребения, при котором покойника клали на спину, но с согнутыми ногами (погребение № 26).

Отметим еще одну особенность погребального ритуала, которую удалось подметить по крайней мере в двух раскопанных могилах (№№ 2 и 13): в них покойники лежали на спине, но ноги их были поставлены коленями вверх; применение этого обычая особенно отчетливо выступает в погребении № 2, в котором у костяка взрослого одна нога оказалась сохранившейся именно такое приподнятое кверху положение.¹

Как можно судить по раскопанным погребениям, преобладающей была ориентировка на ВЮВ, затем на ЗСЗ; такое направление характерно для погребений как в вытянутом, так и в скорченном положении, хотя следует отметить, что количество отклонений от этого правила для первых гораздо меньше (строго говоря, только одно погребение, № 23, с костяком, лежащим на спине, было ориентировано на ЗСЗ), тогда как почти половина скорченных захоронений имела ориентировку на СВ (№№ 21, 25, 27).

Чем могли быть обусловлены отмеченные различия погребальных обычаев, существовавших в одно и то же время, поскольку, как мы увидим ниже, изучаемый могильник охватывает хронологически относительно ограниченный период?

Наиболее вероятно, что основную причину различия ритуала захоронений следует видеть в разнородности этнических слагаемых, из которых исторически формировалось население на данной территории. Для выяснения этих вопросов имеет важное значение изучение костных остатков, произведенное М. М. Герасимовым.

На основании исследования черепов, удовлетворительно сохранившихся в некоторых могилах, М. М. Герасимов установил наличие в могильнике Ширин-сая трех основных антропологических типов: хорасанского, урало-алтайского, европеоидно-дравидоидного, свидетельствующих о значительной пестроте антропологического состава данного района в период, к которому относится могильник Ширин-сая.²

Что касается вещественного инвентаря, найденного в погребениях, то он в общем однороден в захоронениях, совершенных по различному погребальному ритуалу. Наиболее обычными предметами, которые клали в могилу, является глиняная посуда, встречающаяся почти во всех могилах. Чаще всего в погребениях оказываются 1 или 2 сосуда (чаша и горшок или кувшин); только в одном погребении обнаружено было 3 сосуда (погребение № 24); столь же редки погребения, совсем не имеющие керамики.

¹ Аналогичный обряд захоронения был установлен при раскопках одного из курганов близ Каунчи в Янгйюльском районе Ташкентской области. См.: М. В о р о н е ц. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, № 3/4, 1940, стр. 334.

² М. М. Герасимов, ук. соч., стр. 125—129.

Значительное большинство найденных сосудов выполнено ручной лепкой. Преобладают сосуды, сделанные из простой гончарной глины, не отмученной, содержащей много примесей, особенно много включений мельчайших частиц известняка. Чаши, как правило, изготовлены из более чистой и лучше обработанной глины, чем горшки. Обжиг сосудов, несомненно, производился в специальных горнах, керамическая масса обычно всегда хорошо прокалена.

Почти у всех сосудов, за очень небольшим исключением, поверхность покрыта ангобом — белым и красным. Все чаши — как найденные в раскопанных погребениях, так и обнаруженные в виде обломков среди керамики из разрушенных могил — окрашены красным ангобом. На кувшинах и горшках красный ангоб встречается редко. Среди довольно многочисленной серии сосудов, найденных при раскопках могильника, только кувшины из погребений №№ 1 и 5, а также фляга из погребения № 14, имеют следы красного ангоба, остальные кувшины и горшки покрыты снаружи белым ангобом, имеющим часто оливковый тон. Красный ангоб разнообразен по оттенкам цвета, он варьирует от яркого оранжевато-красного и темномалинового до темнубурого и коричневатого. Наносился красный ангоб или непосредственно на поверхность сосуда (в виде примера можно указать на кувшин из погребения № 5), или предварительно сосуд окрашивали белым ангобом, а затем уже покрывали красным. Красный ангоб не прочен: почти на всех сосудах он в той или иной степени утратился, стерся, а на некоторых сохранились лишь очень слабо заметные его следы. Ангоб этот тусклый, он не имеет блеска, присущего глазури античной terra sigillata; равным образом он значительно уступает в прочности той же античной красной глазури, условно именуемой обычно красным лаком.

В качестве дополнительного приема отделки красной ангобированной керамики применялось лощение. По обломкам одной чаши, найденным среди подъемного материала (по форме она идентична чаше из погребения № 28), видно, что ее внутренняя поверхность подвергалась лощению после того как чаша была покрыта красным ангобом; лощение не сплошное, в виде перекрещивающихся косых штрихов, расположенных на некотором расстоянии один от другого и отчетливо выделяющихся на матовом фоне ангобированной поверхности. Керамика из могильника у Ширин-сая не отличается большим разнообразием типов. Значительную группу составляют чаши. Характерными образцами наиболее распространенных форм могут служить чаши из погребений №№ 1, 5, 28. Это крупные чаши, более или менее близкие к полусферической форме; снизу дно у них обычно имеет плоский срез, придающий устойчивость сосуду. Сопоставление всей серии чаш этого типа показывает, что, помимо некоторых различий, выражающихся в степени тщательности выделки, цвета ангоба, наблюдаются различия и в деталях профиля. Чаша из погребения № 5, хорошо сформованная, покрыта двуслойным ангобом — белым и поверх него коричневатым; край венчика слегка отклонен наружу. Чаша из погребения № 1 окрашена оранжевато-красным ангобом; венчик прямой, но чуть утолщенный с внутренней стороны. Чаша из погребения № 28, также ангобированная (ангоб темнокрасный), отличается не только грубоватой выделкой, выдающей ручной способ изготовления, но имеет и менее выпуклые очертания бокового профиля, чем у предыдущих двух образцов.

Одним лишь экземпляром представлена чаша, покрытая темномалиновым ангобом, с кольцевидной подставкой (погребение № 7).

Более усложненный профиль мы видим у чаши из погребения № 24, покрытой коричневатым ангобом: круто отогнутый венчик, сочетаю-

щийся с глубоким перехватом шейки, и изящный изгиб плеч придают этому типу чаши более изысканный вид, в сравнении с чашами, ранее рассмотренными.

Наиболее многочисленную группу керамических находок составляют горшки и кувшины. Бесспорно сделанными на гончарном круге являются только кувшины из погребений №№ 1 и 5. Наиболее совершенен в техническом отношении орнаментированный кувшинчик из погребения № 1: он изготовлен на гончарном круге, из хорошей чистой глины и весь снаружи покрыт ярким оранжево-красным ангобом. Остальные горшки — лепные, но у большинства из них поверхность очень старательно сглажена, выровнена; повидимому, завершающая стадия формовки сосуда производилась на каком-то примитивном вращающемся приспособлении, позволявшем тщательно отделать сосуд, сгладить следы лепки и придать венчающей части сосуда (горло, венчик) правильную круглую форму. Только небольшой процент сосудов изготовлен так, что при первом же взгляде бросается в глаза ручной способ работы. Такой небрежно сработанный лепной горшок найден, например, в погребении № 17; аналогичен ему лепной горшок из числа находок, принадлежащих разрушенным погребениям (№ 3).

Характерным внешним признаком, свойственным значительной части горшков, является их приземистость, обусловленная тем, что при наличии плоского широкого дна соотношение высоты сосудов и наибольшего диаметра их туловища в большинстве случаев составляет почти 1 к 1. Украшения горшков и кувшинов, кроме покрытия поверхности цветным ангобом, состоят из двух орнаментальных мотивов — волнистая и прямая линии, опоясывающие в горизонтально-круговом направлении плечи или тулово сосуда. Нередко тот и другой мотив украшения дан в виде различных комбинаций прямых и волнистых линий.

Указанный линейный орнамент выполнялся при помощи заостренного инструмента, которым прочерчивался узор по мягкой глине до обжига сосуда. Другой, реже встречающийся вид орнаментации, представлен на сосуде из погребения № 12: волнистый орнамент, состоящий из ряда линий, здесь сделан при помощи гребенчатого шаблона. Подобный же гребенчатый орнамент (менее четко прочерченный) украшает в виде трех горизонтальных полос лепной горшок (на нем сохранились следы красного ангоба, наложенного по белой обмазке), найденный случайно в отвалах земли, вынесенной из канала, и несомненно извлеченный из разрытого при земляных работах погребения (рис. 16, 4).¹ К числу более редких типов керамики раскопанного могильника относятся сосуды, найденные в погребении № 14. Здесь оказалась глиняная вьючная фляга (рис. 11, 1), имеющая один бок выпуклый, другой плоский; выпуклая сторона украшена врезанной спиралевидной линией. Среди керамики из разрушенных при земляных работах погребений обнаружено еще несколько подобного типа фляг (без украшений), что свидетельствует о распространенности таких сосудов. Более редкой находкой является обнаруженное в том же погребении № 14 глиняное блюдо с тремя ножками (рис. 11, 2). Ни в каком другом погребении, как равным образом и среди керамических находок из могил, разрытых до работ экспедиции, подобных блюд или фрагментов таковых не встречено.

Значительный интерес представляют лежавшие на блюде кости челюсти собаки. Это обстоятельство позволяет думать, что блюдо являлось

¹ Сосуд этот и по своей форме и по характеру орнаментации очень близко напоминает глиняный горшок, найденный в кургане № 10 Кенкольского могильника (только волнистый орнамент там не гребенчатый, а однолинейный). См.: А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 12 и 16, табл. XIII.

жертвенным и что оно было связано с выполнением какого-то обряда, в котором роль культового животного принадлежала собаке. В этой связи напомним, что при раскопках 1935 г. городища Каунчи (в Янгиюльском районе Ташкентской области) было обращено внимание на найденные там фигурные ручки глиняных кувшинов, представляющих собой, повидимому, изображение собаки.¹ Несколько позже на этом же городище была найдена кость волка или очень большой собаки, с отверстием для подвешивания; кость эта, очевидно, служила амулетом.²

Указанные археологические находки позволили сделать вывод о наличии культа собаки у древнего населения, памятником которого является городище Каунчи-тепа.

Находка блюда с челюстью собаки в погребении № 14 могильника близ Ширин-сая увязывается с данными Каунчи и свидетельствует об аналогичной культовой роли собаки у жителей предферганского района в древности.³

К области культово-магических представлений, генетически связанных с тотемическими культами, относятся также изображения животных на ручках глиняных кувшинов. Один из них найден в погребении № 28. Это лепной кувшин (рис. 16, 2) из глины оранжевого цвета (высота 12,8 см, диаметр дна 8 см).

Наружная поверхность кувшинчика покрыта очень жидким светло-кремовым ангобом, неравномерно наложенным; со стороны ручки на сосуде обмазка почти совершенно отсутствует. Плечи украшены горизонтальной углубленной линией, небрежно прочерченной. Вертикальная ручка в виде дужки с круглым сквозным отверстием имеет направленный кверху небольшой выступ (длина 1,5 см), которому придана форма головки животного: слабо намечены уши, морда имеет отчетливо обозначенный разрез рта. Таким образом, ручка в целом должна была восприниматься как схематизированное изображение животного; голова его напоминает (при всей условности передачи реальных черт) более всего ягненка, овцу.

¹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1935, стр. 16.

² Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 11. О датировке культурных наслоений Каунчи-тепа см. рецензии: А. И. Тереножкина (Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—87) и С. П. Толстова «К вопросу о датировке культуры каунчи» (ВДИ, № 1, 1946, стр. 173—177).

³ Известно, что у ираноязычных народов, исповедовавших зороастрийскую религию, собака почиталась священным животным (см.: К. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП, 1909, март, стр. 97, 99, 101). Но собака являлась культовым животным и у тех народов Средней Азии, которые не были зороастрийцами, причём, что особенно интересно отметить, собака играла определенную роль в погребальном ритуале. Так, у эфталтов (связавший господствующее положение в Средней Азии в V в. н. э. и вплоть до 60-х годов VI в.) практиковался обычай «сагдид», состоявший в том, что к покойнику подводили собаку, взгляд которой отгонял злых духов (эти данные без ссылки на источник см.: J u s t i. Die älteste iranische Religion und ihr Stifter Zoroaster. Preussische Jahrbücher, т. 88, 1897, стр. 66; ср.: К. Иностранцев, ук. соч., стр. 103, прим. 6). Не менее интересно, что у народа, именуемого китайцами Ухуань, существовал такой обычай (I в. до н. э.—III в. н. э.) — на похоронах за покойником вели собаку, которой поручалось охранять душу покойного (И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, I. 1851, стр. 153, 154; ср.: К. Иностранцев, ук. соч., стр. 103; по мнению Н. Ф. Катанова, Ухуань или Дун-ху, родственные маньчжурскому племени Сянь-би, обитали в первые века н. э. в восточной Монголии; см.: Н. Ф. Катанов. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XII, вып. 2, Казань, 1894, стр. 111). О распространении тотема собаки и его роли в культах азиатских народов см.: С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИМК, 1935. № 9—10. стр. 12—15.

Другой кувшин (рис. 13, 1), найденный в детском погребении № 21, фрагментированный, тоже изготовлен лепным способом из коричневато-оранжевой глины, содержащей в себе множество очень мелких белых частиц известняка; сосуд толстостенный (в среднем толщина стенок сосуда равна 0.8 см); плоское дно имеет снизу не совсем ровную поверхность, что делает сосуд не вполне устойчивым. Высота кувшина (сохранившаяся) 16 см, диаметр дна 11 см. Наружная поверхность кувшина покрыта бело-желтоватым ангобом; там, где ангоб наложен очень тонким слоем, просвечивающая сквозь него глина сосуда придает ангобу сравнительно темный тон.

Интересно, что дно кувшина покрыто слоем мелкого песка, крепко прилипшего к глиняному тесту; песок, очевидно, подсыпался под сосуд при его формовке и сушке во избежание прилипания сырой глины. Ручка, снабженная двумя отверстиями, имеет форму зверя, его голова обращена кверху, т. е. в сторону устья сосуда. Наибольшая длина ручки 8.2 см, наибольшая высота 4 см; диаметр каждого отверстия 1.8 см. Фигура животного трактована в высшей степени суммарно и условно, причем условность эта усугублена еще и конструктивной особенностью ручки — устройством в ней двух круглых отверстий, в связи с чем возникла необходимость в третьей опоре, соединяющей голову зверя с корпусом сосуда. Тем не менее ряд характерных черт — острый хребет, морда в виде усеченного конуса, выступающие вперед уши (кончики их отбиты) — позволяют распознать изображение вепря.

Надо особо отметить наличие на спине фигурки животного впадины. Если мы обратимся к изображениям вепрей на сасанидских металлических изделиях, то увидим, что при профильной передаче этих животных особенно подчеркивался резкий прогиб спины.¹ Полагаем, что указанное обстоятельство еще более подкрепляет высказанное предположение о возможности видеть в данной фигурной ручке схематизированное изображение вепря.

Изображение овцы или барана на ручках древних кувшинов в Средней Азии — хорошо известно по многочисленным находкам в Каунчи и на Ташкентском канале; находки эти свидетельствуют, что такого рода «зверинные ручки», выполнявшие, по видимому, функции магических оберегов (т. е. защищавших содержание сосуда от «злых духов»),² были особенно популярны в алано-сарматской керамике в начале нашей эры.³ Ручки в форме кабана, кажется, до сих пор не встречались (во всяком случае в опубликованных археологических материалах их нет), и находка кувшина с такой ручкой в погребении № 21 могильника у Ширин-сая дает дополнительный штрих, указывающий на культовую роль вепря у древнего населения Средней Азии.

¹ См., например, сасанидское серебряное блюдо с изображением царя Шапура III, охотящегося на вепрей (Эрмитажное собрание); [И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, 1935, табл. 9; ср. также изображение бегущих кабанов в картине охоты на рельефе Большого грота в Так-и-бустан (около 620 г.). — Сагге. Die Kunst des alten Persien. Берлин, 1922, табл. 89].

² Ср.: А. А. Миллер. Древние формы в материнской культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии России, IV, стр. 73.

³ Представляется наиболее правильным отнесение сосудов с ручками в виде животных, известных по многочисленным находкам в Ташкентском районе (в слоях Каунчи II и др.), к первым векам нашей эры (см.: Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVIII, стр. 73); несколько более раннюю дату (II—I вв. до н. э.) для этих сосудов предлагает А. И. Тереножкин (КСИИМК, XXXIII, стр. 158, 159).

В двух погребениях (№№ 2 и 15) были найдены каменные поделки, которые нами определены при описании погребений как точильные оселки. Это небольшие бруски серого песчаника, один конец которых заострен, а другой утолщен и снабжен сквозным отверстием, предназначенным для того, чтобы можно было оселок подвесить. На такого рода изделия из камня было обращено внимание в связи с частыми находками их на городище Каунчи. По мнению Г. В. Григорьева, не все они являлись «точилками», какковыми они кажутся с первого взгляда; часть их, вероятно, служила подвесками-амулетами.¹ Некоторые обстоятельства, связанные с условиями находок «точилок» в погребениях могильника у Ширин-сая, в известной мере могут служить подтверждением приведенной гипотезы.

В погребении № 2 каменная «точилка» найдена в области пояса наряду с железным ножом [кстати отметим, что ножи встречены и в мужских (№ 7) и в женских (№№ 2 и 8) погребениях], чем определяется с наибольшей вероятностью утилитарное значение каменного предмета в качестве «точилки».

Иначе обстоит дело с аналогичной находкой в погребении № 15. Здесь подобная же «точилка» оказалась лежащей у правой ключицы скорченного костяка на уровне шеи, где найдено, кроме того, еще и несколько бусин. Условия находки позволяют считать, что в данном случае так называемая точилка служила, скорее всего, подвеской-амулетом.²

Весьма важное значение имеет находка (в погребении № 1) бронзовой китайской монеты (рис. 4). Монета имеет форму правильного кружка (диаметр 2 см) с квадратным отверстием в центре (9×9 мм), вес 2.55 г. На обеих сторонах край монеты окаймлен выпуклым ободком (ширина 1 мм), так же ограничено и четырехугольное отверстие, занимающее центр монеты. На лицевой ее стороне, справа от центрального отверстия, изображен иероглиф («у»), имеющий цифровое значение «5», слева расположен иероглиф, обозначающий наименование монетной единицы («чжу»)³.

Находка древней китайской монеты на территории Средней Азии представляется явлением легко объяснимым, если принять во внимание, что начиная с последних десятилетий II в. до н. э. среднеазиатские государства, и прежде всего Давань—Фергана, находились в постоянных торговых и культурно-политических сношениях с Китаем.

Особенность монетной находки в могильнике у Ширин-сая определяется тем, что, будучи связана с погребальным комплексом, она может служить для него датировочным показателем. Однако дело осложняется тем, что определение даты самой монеты связано с некоторыми трудностями.

Монеты типа у-чжу, как указывает В. М. Алексеев, «отливались в Китае с перерывом от 118 до Р. Х. до 618 по Р. Х.». При таком условии вряд ли монетная находка может ощутимо помочь в решении вопроса о датировке погребального комплекса. Приблизительно в таком же положении оказались исследователи археологических памятников Индокитая, когда в одной из гробниц, открытых в Dong-son, было обнаружено

¹ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгикульской археологической экспедиции 1937 г., стр. 5.

² Этнографические данные о применении различного рода каменных орудий в роли магических амулетов-оберегов см.: Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. ИАН ООИ, 1931, стр. 724 сл.

³ В. М. Алексеев. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в Нумизматическом отделении Эрмитажа. СПб., 1907, стр. 20 сл.

значительное число китайских монет у-чжу, совершенно тождественных нашему экземпляру, происходящему из могильника Ширин-сая. Но, к счастью, среди многочисленных монет у-чжу, найденных в Dongson, оказалось еще и несколько монет правителя-«узурпатора» Ван Мана, время правления которого относится к 9—23 гг. Совместная находка указанных монет позволила прийти к заключению о синхронности монет у-чжу данного типа с монетами Ван Мана.¹

Конечно, не следует упускать из вида возможность попадания монеты в комплекс погребального инвентаря спустя достаточно много времени после ее выхода в свет. Наиболее вероятной датой погребения № 1 следует признать II—III вв. н. э. Интересно отметить, что еще до выяснения датировочных возможностей китайской монеты, на основании сопоставления найденных в погребении № 1 глиняных сосудов с греко-сарматской керамикой северного Причерноморья, казалось возможным отнести погребение № 1 ко II—III вв. Монета, как мы видим, этому не противоречит.

Не входя здесь в детальный анализ всех находок из раскопанных погребений, отметим, что в целом они производят впечатление хронологической «компактности», на основании чего можно заключить об относительно ограниченном периоде времени, на протяжении которого существовал могильник близ Ширин-сая.

Принимая это во внимание и исходя из даты погребения № 1, можно отнести расследованный могильник в основном ко II—IV вв. н. э.²

Хотя вещественный инвентарь могильника не дает непосредственных данных для суждения о характере общественно-хозяйственной организации быта древнего населения, жившего в районе Ширин-сая в первые века н. э., тем не менее, следует считать, что это было земледельческое оседлое население.

Следы какого-то небольшого селища, в значительной своей части уже уничтоженного при прорытии канала, были обнаружены в непосредственной близости от могильника, несколько восточнее его.³ В отвалах грунта здесь встретились обломки керамики, родственной некоторым типам сосудов из могильника у Ширин-сая. При осмотре этого места было также отмечено обилие зернотерок, представлявших собой чаще всего продолговатые камни с несколько вогнутой верхней рабочей поверхностью, сработанной в результате производившегося на ней растирания зерна. Тут же в числе древних культурных остатков находились обломки больших глиняных хумов.

К этому надо добавить, что последующие археологические работы 1943—1944 гг., производившиеся Фархадской экспедицией на месте остатков древнего поселения Мунчак-тепе, расположенного непосредственно против Фархад-тау и возникшего, как выяснилось, в кушанский

¹ V. Goloubew. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. Bulletin de l'École française d'Extrême Orient, т. XXIX. Ханой, 1930, стр. 11, а также табл. VI, рис. E.

² Следует отметить, что один из самых любимых приемов орнаментации глиняных сосудов из могильника Ширин-сая — врезанными волнистыми линиями — был распространен в Хорезме в кушано-афридский период (С. П. Толстов. Древний Хорезм. 1949, таблица «Опыт хронологической классификации памятников древнего Хорезма»), что также подкрепляет указанную датировку расследованной части могильника у Ширин-сая.

³ Отчет о раскопках Мунчак-тепе подготавливается в настоящее время к изданию; предварительное сообщение о результатах исследования Мунчак-тепе см. в упоминавшейся уже моей статье «Работы Фархадской археологической экспедиции Узбекистане в 1943—1944 гг.» (КСИИМК, XIV, стр. 97 сл.).

период, на рубеже нашей эры,¹ показали, что могильник у Ширин-сая и нижние слои городища Мунчак-тепе синхронны и являются единым культурно-историческим комплексом данного района.² Это же подтверждается и наблюдениями, сделанными Фархадской экспедицией в 1944 г. в период раскопок Мунчак-тепе. Неоднократное обследование трассы деривационного канала в промежутке между Мунчак-тепе и Ширин-саем показало, что могильник, расследованный в 1943 г., представляет собой часть обширного кладбища, которое располагалось к востоку, северу и западу от поселения, бывшего на месте Мунчак-тепе. Особенно далеко это кладбище растянулось на запад, вдоль левого берега Сыр-дарьи, где оно и доходило почти до Ширин-сая. Следы древних захоронений, разрушенных при строительстве канала, наблюдались в 1944 г. почти на всем вышеуказанном протяжении канала, подтверждая тесную связь могильника у Ширин-сая с Мунчак-тепе. Показательно, что позже (в 1947 г.) при строительных работах у плотины, в непосредственном соседстве с Мунчак-тепе были найдены различные древние вещи, несомненно, происходящие из разрушенных могил, в том числе сосуды, идентичные керамике погребений Ширин-сая.³

Как сложилась культура, отраженная в могильнике Ширин-сая, какой был этнический состав населения и каковы были его культурные связи?

Эти вопросы в полном их объеме должны стать предметом специального рассмотрения при окончательной публикации материалов Фархадской экспедиции, включая раскопки Мунчак-тепе. Поэтому мы здесь ограничимся лишь некоторыми выводами, вытекающими из культурно-исторического сопоставления вещевых находок могильника с аналогичными памятниками других областей Средней Азии.

Вспомним хотя бы сосуды с фигурными ручками в виде животных. При наличии местного оттенка в их оформлении, стилистически «звериные ручки» кувшинов и самые формы этих сосудов, найденных в погребениях у Ширин-сая, ближе всего подходят к кругу подобного же рода памятников, открытых Г. В. Григорьевым в Каунчи, а А. И. Тереножкиным на Ташкентском канале. Таким образом намечается одна вероятная линия связи с культурой поселений Чирчикского оазиса кушанского времени.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на тот интересный факт, что некоторые типы сосудов из могильника у Ширин-сая имеют очень

¹ При раскопках городища Мунчак-тепе в 1944 г. на участке VII, охватившем северо-восточную часть тепе, в открытых там остатках сырцовоглинобитных зданий, полы которых лежали на глубине 6—7 м от современной поверхности городища, найдена керамика в виде точно таких же ангобированных горшков, украшенных резанным волнистым орнаментом, какие встречены во многих погребениях могильника у Ширин-сая (ср.: КСИИМК, вып. XIV, стр. 105, 106). Ниже горизонта залегания указанной керамики в Мунчак-тепе шел слой II—I в. н. э. [Характерные для наиболее древних культурных отложений Мунчак-тепе образцы керамики см. в моей статье «Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе» (КСИИМК, вып. XXVIII, стр. 81)].

² Поселения первых веков н. э., возникшие на левом берегу Сыр-дарьи и районе Фархад-гау, несомненно, базировались в развитии своего земледельческого хозяйства на использовании тех же источников, которые продолжали питать ирригационную систему района Беговат к моменту занятия края русскими. Тогда там действовали сохранившиеся поныне два магистральных арыка — Буз и Булак, которые «... по словам туземцев, были проведены с незапамятных времен и брали начало: первый из р. Ак-су, а второй — из родников кишлака Кош-тегермень, лежащего выше по течению Сыр-дарьи»; см.: З. Ф. Караваев. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Пгр., 1914, стр. 89.

³ См.: С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. Изв. АН УзССР, 1948, № 5, стр. 78.

близкие параллели в керамике Ферганы первых веков н. э. Можно указать, например, на серию сосудов, найденных на строительных участках 24—25 (район ст. Ванновская) Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина, которые чрезвычайно сходны по своей форме, профилю, пропорциям (характерен большой диаметр плоского дна)¹ с наиболее распространенными типами сосудов (плоскодонные горшки) из погребений могильника у Ширин-сая. Еще больше таких же очень сходных типов керамики (приземистые, с широким основанием горшки, иногда с волнистым резным орнаментом) дали могильники Гурмирона (сев. Фергана) и Джангала (южн. Фергана), исследование которых в последние годы производил А. Н. Бернштам (материалы этих раскопок еще не изданы). Интересно, что и по времени указанная ферганская керамика (она датируется III—IV вв.) вполне совпадает с аналогичными находками из могильника у Ширин-сая. Вряд ли это совпадение форм керамики случайное. Очевидно, само местоположение данного района, представляющего как бы преддверие, ведущее из степной предгорной полосы, прилегающей к Туркестанскому хребту, в Ферганскую долину, определяло отмеченный выше характер культурных взаимосвязей, нашедших свое отражение в вещевых памятниках могильника у Ширин-сая.²

Район, где находится расследованный могильник — окрестности г. Беговата — входил в древности в состав области Усрушаны,³ охватывавшей полосу культурных земель, расположенных между Самаркандом и Ходжентом.⁴ Область эта начиналась на северо-западе у отрогов Нур-атинских гор, включая г. Дизак (теперь Джизак). На юго-западе она граничила с областью Самарканда, достигая здесь р. Зеравшан. В восточном направлении владения Усрушаны простирались почти до г. Ходжента, гранича на севере с Голодной степью и захватывая береговую часть полосы вдоль Сыр-дарьи. На севере Усрушана соприкасалась с владениями Чаджа, т. е. с Чирчикским культурным оазисом. На юге ее владения распространялись до Гиссарского хребта восточнее Пенджикента, включая, таким образом, долину верхнего течения Зеравшана. Усрушане принадлежали обширные горные местности (Буттем), достигавшие на востоке верховьев р. Соха.⁵ Поэтому с полным основанием арабский географ Ибн-Хаукаль писал об Усрушане, что «это, главным образом, горная страна». Однако основные центры страны лежали в предгорьях и на равнине к северу от Туркестанского хребта. Там находилась столица области, наиболее крупные города и главные земледель-

¹ В. Д. Жуков. Отчет о работах II отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, стр. 13, рис. 19 и 20 (Архив Академии наук УзССР).

² Наличие катакомбного типа гробниц в могильнике у Ширин-сая ставится А. Н. Бернштамом в связь с распространением в Средней Азии элементов гуннской культуры; см.: А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951, стр. 102, 105, 192). — Он же. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 20, 21.

³ Наиболее древнее, изначальное наименование области — Сутрушана, как об этом можно судить по транскрипции названия области в китайских династических летописях, где она впервые упоминается в VI в. н. э. под именем Суйдушана. Арабские географы X в. передают название области различно, но чаще всего, как Осрушана; в персидских источниках она фигурирует под именем Сурушана или Шурусана; см. статью: J. H. Kramers, Encyclopédie de l'Islam s. v. Osrushana, стр. 1072.

⁴ О границах Усрушаны, ее городах и проходивших через эту страну дорогах см.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1890, стр. 165 сл.; в лондонском издании 1928 г. — стр. 165—169. — Он же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 136.

⁵ М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. Ташкент, 1934, стр. 47.

ческие районы. Левый берег Сыр-дарьи напротив Фархад-тау являлся, следовательно, северо-восточной окраиной Усрушаны. Именно здесь, несколько южнее теперешнего Беговата, проходила дорога, соединявшая Фергану через г. Ходжент с Самаркандом и являвшаяся одним из важнейших торговых трактов Средней Азии. Значение его было особенно велико, так как он соединял Китай со Средней Азией. Из Кашгара через Фергану и Усрушану путь шел на Самарканд и Бухару, далее на юго-запад через Мерв и Персию.¹

Наши сведения об Усрушане, ее границах, дорогах, городах основаны почти исключительно на тех сведениях, которые дают арабские географы X в. Судя по этим данным, Усрушана — «растянувшаяся и важная страна» — была достаточно густо заселенной; в ней, по словам аль-Якуби, было 400 укрепленных пунктов.

Область Усрушаны, правда, не называемая этим именем, впервые выступает в исторических событиях Средней Азии в связи с военными действиями Александра Македонского. Осенью 329 г. Александр Македонский вторгся со своими войсками в эту область со стороны Самарканда, имея намерение построить город — опорный пункт на правом берегу Сыр-дарьи для защиты правобережья от набегов саков, которые кочевали в степях по другую сторону реки. Однако гарнизоны македонских солдат, размещенные в ряде городов области, известной позже под названием Усрушаны, были перебиты восставшим населением, и Александру Македонскому, прежде чем приступить к осуществлению задуманного строительства своей Александрии Эсхаты, пришлось заняться подавлением мятежа.²

В числе восставших городов, которые пришлось брать Александру Македонскому, был и самый большой город данной области Кирополь (Кирэсхата), обычно локализуемый, хотя без достаточно веских к тому оснований, на месте теперешнего Ура-тубе. Где-то поблизости от Фархад-тау, вероятно северо-западнее от этого места, был расположен лагерь Александра, и там, через Сыр-дарью, произошла переправа его войск, преследовавших саков.³

Таким образом, Усрушана обрисовывается античными писателями как область со многими поселениями и укрепленными городами, жители которых упорно сопротивлялись вторжению иноземных завоевателей. О жителях области античные писатели Арриан и Курций Руф ничего определенного не сообщают, называя их общим термином «варвары» или «приречные варвары». Неизвестно, была ли в то время Усрушана политически самостоятельной областью, равно как мы ничего не знаем и о дальнейших ее судьбах вплоть до VI в. н. э.

В китайской династической хронике Суй-шу (518—618) впервые упоминается Суйдушана как некая самостоятельная область, соседняя с Ферганой.⁴

¹ В. А. Жукowski. Развалины старого Мерва. МАР, вып. 15, стр. 7. Лишь в VII в., в связи с политическими смутами в Фергане, сношения Западной Азии с Китаем стали поддерживаться в обход Ферганы, что содействовало передвижению на север главного торгового пути (Самарканд—Ташкент—Семиречье—оз. Иссык-куль и т. д.); см.: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 10.

² События эти известны по описаниям Арриана (Анабасис Александра, IV, 1—4) и Курция Руфа, VII, 6—27.

³ В. В. Бартольд. Лекции, стр. 50. Архив ЛОИИМК. По мнению В. В. Бартольда, «лагерь и город Александрия находились, вероятно, не выше селения Нау; переправа произошла, вероятно, несколько ниже по течению». Это ведет нас в район г. Беговат, а не в Ленинабад (Ходжент), где обычно принято помещать Александрию Крайнюю.

⁴ И. Бичурин, ук. соч., III, стр. 202.

Усрушана довольно обстоятельно охарактеризована в сочинении китайского путешественника-пилигрима Сюань-цзана, проехавшего в 630 г. через Среднюю Азию. Сюань-цзан пишет: «Царство Судулисына [Усрушана] имеет в окружности от 1400 до 1500 ли. На восток оно смежно с рекой Же [Сыр-дарья]. Река Же вытекает из северного плоскогорья Цзун-ли и течет на северо-запад. Она то медленно катит свои илстые воды, то шумно и буйно. В отношении продуктов, почвы и нравов это царство сходно с царством Чжэ-ши [Чадж]. С того времени, когда оно [не] имело царя, подпало под власть Ду-цзюе [тюрок]. Уезжая из этого царства по направлению на северо-запад, попадают в песчаную большую пустыню, где нет ни воды, ни трав».

Под последней, очевидно, подразумевается пустыня Кызыл-кумы. Сопоставление Усрушаны с царством Чже-ши (Чадж), т. е. Чирчикским оазисом, весьма показательно. Как известно, и в области материальной культуры, поскольку она отражена могильником у Ширин-сая, также заметны черты сходства с культурой Ташкентского района, что уже и было нами выше отмечено.

В китайской хронике династии Тан (618—907 гг.) об Усрушане читаем: «Восточное владение Цао еще называется Шайдушана, Суйдушана, Кобугюйна и Судучжини, всего четыремя именами. Владелец имеет пребывание на северной стороне гор Боси. Это место при старшей династии Хань принадлежало городу Эршы [Ура-тюбе]. На северо-восток до Гюйчжаньти [Ходжент] 200, на север до Ши [Ташкент], на запад до Кана [Самарканд], на северо-восток до Нинюань по 400 ли, на юг до Тухоло [Тохаристан] 500 ли. В продолжение правления Ву-дэ [618—626] это владение вместе с Каном отправило посланника к двору».¹ Усрушана здесь является самостоятельным государством, которое, наряду с Согдом, поддерживает дипломатические сношения с Китаем.

Управляемая своими царями, носившими титул афшина, Усрушана настойчиво отстаивала свою независимость, когда Средняя Азия подверглась нашествию арабов. Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки, лишь в 822 г., т. е. свыше ста лет спустя после появления арабов в Средней Азии, им удалось окончательно подчинить себе Усрушану, используя при этом внутренние династические распри.²

Но и после этого Усрушана была известна, как страна, в которой арабы не рисковали селиться, ввиду исключительно неприязненного к ним отношения со стороны местного населения.³

До 893 г. Усрушаной продолжали управлять афшины, находившиеся теперь в вассальной зависимости от арабов. С указанного времени страна превращается в составную часть государства Саманидов и прекращает свое автономное существование.

Столицей Усрушаны, резиденцией ее правителей, арабские писатели называют Бунджикет.⁴ По мнению В. В. Бартольда, основанному на толковании некоторых показаний арабских географов, Бунджикет находился около сел. Шахристан; такую локализацию столичного центра

¹ Ш. Бичурин, ук. соч., III, стр. 242, 243; в скобках нами приведены отождествления, которые принадлежат Шаванну.

² J. H. Kramers, ук. соч., стр. 1073; J. Marquart. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903, стр. 476.

³ В. В. Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. *Среднеаз. вестн.*, 1896, июнь, стр. 32.

⁴ Крамерс (ук. соч.) полагает, что в действительности этот город носил название Нумаджикет, которое подверглось в арабской литературе искажению.

В. В. Бартольд считал наиболее вероятной и с точки зрения археологической, ввиду наличия в окрестностях современного Шахристана развалины крупного города.¹ Вследствие отсутствия каких-либо археологических исследований на территории Усрушаны, ничего определенного о ее материальной культуре до последнего времени не было известно.

Исходя из вышесказанного, надлежит признать, что археологические материалы добытые в районе Беговата при раскопках могильника у Ширин-сая на территории Фархадстроя весной 1943 г., представляют собой первые данные, которые проливают свет на культуру древней Усрушаны.

¹ Беглое внешнее описание их дал П. С. Скварский в заметке «Несколько слов о древностях Шахристана» (Среднеаз. вестн., 1896, октябрь, стр. 47—51). Другие исследователи находят более вероятной локализацию столицы Усрушаны на месте теперешнего города Ура-тюбе, приблизительно в 25 км северо-восточнее Шахристана. см.: И. А. К а с т а н ь е. Древности Ура-тюбе и Шахристана. Протоколы Туркест. кружка любит. археологии, XXI, I, 1915, стр. 50, 51.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор Издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *Р. С. Певнер*
Корректоры *В. К. Загорская*
и *Л. А. Ратнер*

*

РИСО АН СССР № 4935. М 15898. Подписа-
но к печати 9/IV 1952 г. Бумага 70×108/16.
Бум. л. 11¹/₄. Печ. л. 30.8. Уч.-изд. л.
29.75+2 вклейки (0.32 уч. л.). Тираж 1500.
Зак. № 230. Цена по прейскуранту
1952 г. 19 р. 65 к.

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В. О., 9-я линия, дом 12.

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
172	25 снизу	М — 268 мм	Мт — 268 мм
227.	3 сверху	в — IV вв. до н. э.	в V — IV вв. н. э.
356	10 »	Джангиала	Джангаила

На стр. 12 рисунок 1а напечатан в зеркальном изображении.

На стр. 126 левая часть рисунка 4 перевернута.

Советская археология, XVI.